

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННИК

Том XXVII

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

З. В. Удальцова (ответственный редактор),
действительный член Академии художеств *М. В. Алпатов*, *А. П. Каждан*,
член-корреспондент АН Грузинской ССР *С. Г. Каухчишвили*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
Е. Э. Липшиц, *Г. Г. Литаврин* (зам. ответственного редактора), *Р. А. Наследова*
(ответственный секретарь), член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюзюмов*

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ЮСТИНИАНА¹

б) РЕФОРМЫ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ НАСЕЛЕНИЯ ИМПЕРИИ

В законодательстве Юстиниана были введены весьма существенные изменения, касавшиеся гражданских прав населения империи. Завершается и получает свое окончательное юридическое оформление длительный процесс нивелировки гражданских прав всех свободных. Сглаживаются правовые различия между римским народом и покоренными племенами и народами, населявшими римское государство. Этого настоятельно требовало развитие экономических и политических связей между различными областями империи и народами, ее населявшими. Гражданская неполноправность, связанная с местом жительства в провинциях и с положением некогда завоеванного народа (*latini, dedititii*), теперь полностью себя изжила². После эдикта Каракаллы 212 г., предоставившего права римского гражданства подавляющему большинству населения империи, для окончательной нивелировки всех свободных подданных императора осталось только уничтожить ограничения в гражданских правах некоторых категорий вольноотпущенников. Этот последний шаг был сделан Юстинианом, который полностью отменил устаревшие ограничения гражданской правоспособности.

Лейтмотивом всей законодательной деятельности Юстиниана была идея подчинения всех жителей единой империи, власти одного императора. Отныне все подданные империи с юридической точки зрения делились на полноправных римских граждан (*cives romani*) и рабов (*servi*).

С целью устранения гражданской неполноправности различных категорий вольноотпущенников Юстиниан особым предписанием 530 г. отменил ограничения правоспособности отпущенных на волю рабов, предусмотренные ранее законом Элия Сенция (*lex Aelia Sentia*). Согласно закону Элия Сенция рабы, совершившие какие-либо преступления, при отпуске на свободу не получали прав римского гражданства, а становились неполноправными *peregrini dediticii*.

Закон Юстиниана от 530 г. полностью отменил состояние *dediticii Aeliani* для этой категории вольноотпущенников и уравнил их в гражданских правах с другими либертинами³.

¹ Продолжение. Начало см. ВВ, XXVI, 1965.

² E. Schönbauer. Studien zur Personalitätsprinzip im antiken Recht. — ZSSR, RA, t. 49, 1929; E. М. Штаерман. К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы. — ВДИ, 1946, № 2, стр. 81—88.

³ CJ, VII, 5.1: *Dedititia conditio nullo modo in posterum nostram reipublicam molestare concedatur.*

В следующем 531 г. Юстиниан издал еще более важный закон, уничтоживший гражданскую неполноправность тех категорий вольноотпущенников, которые после отпуска на свободу получали статус латинов. По ранее существовавшим законам Элия Сенция и Юния Норбана к этой категории либертинов причислялись рабы, отпущенные на волю без соблюдения установленных формальностей (*inter amicos, per epistolam*).

Отныне, по предписанию Юстиниана, все рабы, отпущенные на свободу любым законным способом, даже при несоблюдении старинных формальностей, получали вместе со свободой и права римского гражданства. Для отпуска раба на свободу и приобретения им прав римского гражданина теперь было достаточно «неформального» заявления господина или его отпускного письма и присутствия пяти свидетелей при освобождении раба.

Ранее существовавшее неполноправное гражданское состояние *latini Iupiani* полностью отменялось⁴. Тем самым были окончательно упразднены остатки юридической неполноправности, связанные со статусом латинского гражданства, и самое это понятие потеряло какое-либо реальное значение.

При Юстиниане произошло дальнейшее упрощение и облегчение процедуры отпуска рабов на свободу. Этот император отменил тягостные ограничения отпуска рабов на волю, введенные ранее законами Элия Сенция и Фуфия Каниния⁵.

Юстиниан целиком упразднил закон Фуфия Каниния, а из закона Элия Сенция оставил в силе лишь два предписания: 1) господин, не достигший 20-летнего возраста, для отпуска на свободу раба, как и ранее, должен был получить особое разрешение властей; 2) по-прежнему запрещалось освобождать рабов в ущерб интересам кредиторов⁶.

Юстиниан придал законную силу многим неторжественным и неформальным способам отпуска рабов на волю⁷. За определенные заслуги перед государством и раскрытие особо тяжких преступлений рабы, по закону, получали свободу и без согласия господина. Раб, обнаруживший фальшивомонетчика, выдавший властям дезертира, предотвративший похищение девушки, отпускался на волю даже вопреки желанию своего хозяина⁸.

⁴ CJ, VII, 6.1 (*De latina libertate tollenda et per certos modos in civitatem romanam transfusa*). О гражданской правоспособности и ее составных элементах см. «Римское частное право». Учебник для юридических вузов под ред. И. С. Перетерского, В. А. Краснокутского, Е. А. Флейшица и др. М., 1948, стр. 94 и сл.

⁵ Закон Элия Сенция предписывал соблюдать при отпуске рабов на свободу следующие условия: 1) если раба моложе 30 лет отпускает на волю господин, сам еще не достигший 20-летнего возраста, то необходима предварительная проверка уважительности оснований освобождения (*de causis liberalibus*), которая производится особой комиссией знающих юристов; 2) рабы, присужденные к наказанию за преступления и подвергшиеся клеймению, после освобождения получают ограниченную правоспособность — они становятся *peregrini dedititii*; 3) не признается законность освобождения раба, если оно сделано во вред кредиторам (*in fraudem creditorum*). Закон Фуфия Каниния ограничивал число рабов, которых разрешалось отпустить на свободу по завещанию: господин, имевший до трех рабов, имел право освободить не более двух, имевший до десяти — не более пяти, до тридцати — не более трети общего числа рабов, до ста — не более четверти, до пяти сот — не свыше пятой части. Одному господину дозволялось отпускать не более ста рабов.

⁶ CJ, VII, 6.1—3; VII, 15.2 (anno 530); См. Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах ранневизантийского феодализма. — ВИ, 1961, № 6, стр. 96—110; Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1960, № 2, стр. 91—103.

⁷ CJ, VII, 6.1—9.

⁸ CJ, VII, 13.2—4.

Особенно большое значение для облегчения отпуска рабов на свободу имел закон, изданный Юстинианом в 531 г., согласно которому господин, завещавший свое имущество рабу, тем самым уже отпускал раба на волю⁹.

Разрешалось освобождать раба, послав его на военную службу¹⁰ или дав согласие рабу вступить в монастырь. Если раб тайно скрывался в монастыре, то через три года господин терял на него свои права¹¹. Раб получал свободу, достигнув сана епископа¹². В судебных процессах по делам о свободе (*de causa liberalis*) теперь сам раб мог выступать в качестве юридического лица, не выставляя вместо себя особого защитника свободы (*assertor in libertatem*)¹³.

Все эти изменения в правовом статусе рабов в VI в., естественно, явились результатом длительной эволюции их экономического положения и обострения социальной борьбы в эпоху перехода от рабовладельческого строя к феодальному¹⁴.

Коренные изменения в экономическом и правовом положении рабов вместе с тем послужили важной предпосылкой для отмены гражданской неправоподобности либертинов, окончательно оформленной в законодательстве Юстиниана.

В VI в. ограничения прав гражданства уже не связываются с этнической принадлежностью данного лица к некогда покоренному римлянами народу. Внутри государства утратило также всякое реальное значение и понятие «перегрины», ибо прежнее деление на *cives romani* и *peregrini* фактически исчезает, а перегринами продолжают называться теперь только народы, живущие вне Римской империи.

Все реже и реже в законодательстве Юстиниана применяется лишение прав римского гражданства как мера наказания за совершение каких-либо преступлений. Однако было бы ошибкой думать, что тенденцией к нивелировке населения, нашедшей свое явственное завершение в VI в., ограничиваются изменения в гражданских правах населения, внесенные в законодательство Юстиниана.

Наряду с сильной нивелирующей струей в законах VI в. мы наблюдаем параллельный процесс юридического оформления гражданско-правового статуса новых сословно-классовых группировок, сложившихся в Римской империи в IV—VI вв. В Кодексе и Новеллах Юстиниана оформляется правовой статус такой многочисленной прослойки сельского населения, как колоны. В XI книге Кодекса Юстиниана как бы подведен итог многолетнему развитию и изменению хозяйственного и правового положения различных категорий колонов. Формально оставаясь свободными, колоны, однако, терпели существенные

⁹ CJ, VI, 27.5. См. R. Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri 332 B. C. — 640 A. D. New York, 1944; idem. Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri. — ZSSR, RA, t. 50, 1930.

¹⁰ CJ, XII, 34. 6, 7.

¹¹ Nov. Just., 5, c. 2; 1—3; 123, c. 7.

¹² Nov. Just., 123, c. 4.

¹³ CJ, VII, 17.1.2.

¹⁴ W. W. Buckland. The Roman Law of Slavery. Cambridge, 1908; W. L. Westermann. The Slaves Systems of Greek and Roman Antiquity. Philad., 1955, p. 120—162; там же — литература вопроса (p. 165—173); A. H. M. Jones. Slavery in the Ancient World. — EHR, ser. II, vol. IX, N 2, 1956, p. 185—199; E. M. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957; З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана). — ВВ, XXIV, 1964, стр. 3—34; ее же. Некоторые изменения в экономическом положении рабов в Византии VI в. — ЗРВИ, кн. VIII, 1. Белград, 1963.

ограничения правоспособности как в сфере публичного, так и гражданского права.

В области публично-правовых отношений эти ограничения выражались в прикреплении колонов к земле и стеснении права передвижения¹⁵. Оставление колоном возделываемого им участка давало землевладельцу основание осуществить виндикацию (*vindicatio*) колона по образцу виндикации раба, т. е. хозяин мог вытребовать колона судебным порядком с земли другого собственника¹⁶. Тем самым сильно уменьшалась реальная личная свобода колона. Колонам запрещалось без разрешения господина поступать на гражданскую или военную службу¹⁷. Низшие категории колонов приравнялись к рабам¹⁸.

В сфере гражданско-правовых отношений некоторые категории колонов по существу были крайне стеснены и в осуществлении *jus conubii* (право на брак и семью) и *jus commercii* (право быть субъектом всех имущественных правоотношений и сделок). Браки колонов были ограничены пределами одного имения¹⁹. В случае отсутствия законных наследников колоны могли завещать свое имущество лишь другим колонам своего же господина, чтобы это имущество оставалось также в пределах одного и того же имения²⁰.

Была крайне сужена активная юрисдикция колонов. Они могли возбуждать судебные иски против владельца земли только в исключительных случаях, связанных с незаконным повышением поземельного канона²¹. Колоны не имели права каким-либо способом пустить в оборот свое имущество за пределами имения господина.

В Кодексе Юстиниана суммируются правовые основания как возникновения, так и прекращения статуса колона. Свободный человек считался колоном при следующих обстоятельствах: 1) если он был рожден от родителей, из которых хотя бы один являлся колоном²²; 2) в случае заключения им соглашения с землевладельцем, в силу которого он поселялся на чужой земле в качестве колона²³; 3) по истечении тридцатилетней давности проживания в имении господина на положении колона²⁴.

Насильственным образом превращались в колонов трудоспособные свободные граждане, занимающиеся нищенством.

Прекращение статуса колона было крайне затруднено. Для этого требовалось выполнение одного из весьма нелегких условий: приобретение колоном собственности, достаточной для содержания его самого и его семьи²⁵, служба в курии или корпорации более тридцати лет²⁶, пребывание в монастыре свыше трех лет или получение колоном сана епископа²⁷. Практически для огромного большинства колонов эти условия были невыполнимы, и сами они, и их потомки навсегда оставались бесправными людьми.

¹⁵ CJ, XI, 48.22.23; Ср. CTh, V, 9.1.

¹⁶ CJ, XI, 48.23. Вместе с тем и землевладелец не имел права согнать колона с участка, продать землю без колонов или колонов без земли (CJ, XI, 48.7.13.21; XI, 50.2; XI, 63.3).

¹⁷ CJ, XI, 48.11.18; XI, 61.1.

¹⁸ CJ, XI, 48.21; XI, 50.2.52. Nov. Just., 54, praef.

¹⁹ Nov. Just., 157; ср. 162, с. 1—2.

²⁰ Nov. Just., 144, с. 2.

²¹ CJ, XI, 48.20; XI, 50.1.

²² CJ, XI, 48.21.

²³ CJ, XI, 48.22.23.

²⁴ CJ, XI, 48.6.23.

²⁵ Nov. Just., 167.

²⁶ CJ, XI, 66.6.

²⁷ Nov. Just., 123, 35.

В законодательстве Юстиниана в отличие от классического римского права вводились ограничения гражданской правоспособности отдельных лиц в зависимости от их вероисповедания: под влиянием христианской церкви жестоко ущемлялись права язычников, евреев, отступников, еретиков²⁸. Одновременно возникали новые правовые ограничения, находившиеся фактически в прямой зависимости от этнической принадлежности того или иного лица. Все варвары, вселившиеся на территорию империи и жившие в ее пределах на положении *gentiles, laeti, foederati*, считаясь подданными римского государства, не получали, однако, полного права римского гражданства. В сфере гражданско-правовых отношений они сохраняли свой особый юридический статус, свои законы и обычаи, хотя и подчинялись римскому публичному праву²⁹.

Законодательство Юстиниана окончательно оформляло юридический статус еще одной многочисленной категории населения — воинов (*milites*).

Отныне воины подлежали суду своих военачальников и были несколько стеснены в своей юрисдикции. В случае совершения воином уголовного преступления военачальник решает, выдать ли его судье или наказать самому; чаще всего солдаты наказывались непосредственно своими командирами. Военная профессия фактически сделалась к этому времени наследственной, и сыновья ветеранов по достижении определенного возраста должны были вступать в армию.

Вместе с тем принадлежность к военному сословию связывается теперь и с особыми привилегиями воинов, в частности, в сфере семейного права. В случае длительного пребывания воинов вне дома не по их вине, а в связи с требованиями их военной профессии они получают разрешение на развод с женой, сохраняя при этом все имущественные выгоды брака³⁰. В законодательстве VI в. интересы воинов были ограждены и в отношении прав наследования: имущество воина, умершего без завещания, переходит по закону непосредственно к его детям.

Итак, в законодательстве Юстиниана прослеживается двуединый процесс перестройки системы гражданских прав населения империи: с одной стороны происходит уничтожение уже устаревших ограничений в правах гражданства для давно ассимилированных широких слоев населения империи, с другой стороны идет оформление новых гражданско-правовых различий в зависимости от сословно-классовой, этнической и религиозной принадлежности того или иного лица.

в) РЕФОРМЫ ЮСТИНИАНА В ОБЛАСТИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА И ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ

В законодательстве Юстиниана нашла свое завершение длительная эволюция семейных отношений, происшедшая за предшествующие столетия в римском обществе.

Реформы семейного и наследственного права, проведенные Юстинианом, во многом завершили процесс разложения древнеримской семьи (*familia*) и формирования новых семейных отношений. В основе эволюции римской семьи, естественно, лежали изменения социально-экономических отношений в римском и затем византийском государстве. Это было связано с кризисом

²⁸ CJ, I, 5.1—22; Nov. Just., praef.; Nov. Just., 115, с. 3, § 14; с. 4, § 8.

²⁹ CTh, VII, 13.16; 45.1; XIII, 11.9.

³⁰ Nov. Just., 22, с. 14; P. Mondain. Réflexions sur l'armée byzantin. — «Revue de défense nationale», 19, 1963.

рабовладельческого строя, модификацией собственности, превращением Рима из замкнутого небольшого государства в мировую империю. Немалую роль сыграли и перемены в политическом устройстве, исчезновение разделения населения на римских граждан и peregrinos, победное шествие *jus gentium*, вытеснившего древнеримское *jus civile*, крах родовой замкнутости и древнеримской исключительности. Римская семья испытала влияние семейных отношений покоренных Римом народов, воздействие новой идеологии христианства, повлекшее за собой изменение этических и моральных воззрений общества³¹.

В законодательстве Юстиниана разложение древнеримской семьи нашло свое выражение прежде всего в ослаблении власти домовладыки над подчиненными ему лицами. Первыми стали освобождаться жена и дети. К VI в. практически исчезает брак *cum manu mariti*; сильно ограничивается власть мужа над женой, супруги принципиально (но не всегда реально) признаются равноправными, хотя главой семьи остается по-прежнему муж.

Ослабевает власть отца (*patria potestas*) над детьми, жена и дети получают имущественные права³².

Еще император Константин отнял у домовладыки право жизни и смерти (*jus vitae ac necis*) над женой и детьми, однако разрешил продавать новорожденных детей в кабалу³³. Юстиниан уничтожил отдачу в кабалу (*noxae datio*) в возмещение иска за какое-либо правонарушение сыновей и дочерей, оставив эту меру наказания только для рабов³⁴. На публичные права подвластного наличие *patria potestas* влияния не оказывало³⁵.

К VI в. возросли имущественные права законных детей. Ранее юридически считалось, что сын не мог иметь своего имущества: все, что он приобретал, переходило в собственность отца, за исключением военного пекулия (*peculium castrense* — имущества, приобретенного сыном на военной службе). Военный пекулий и весь доход с него поступал в полное распоряжение сына. При Константине был установлен новый вид пекулия — *peculium quasi castrense*, включавший все имущество, приобретенное сыном сначала на придворной и гражданской, позднее и на церковной службе³⁶.

Юстиниан пошел еще дальше по пути юридического оформления прав подвластных отцу детей на приобретенное или полученное ими по наследству имущество.

Отныне в случае смерти сына, не оставившего завещания, его *peculium castrense*, а также и *peculium quasi castrense* переходило к прямым наследникам умершего «по праву наследования» против завещания (*ab intestato*). Ранее же это имущество становилось собственностью домовладыки³⁷.

³¹ О семейном праве римлян см.: Ю. Барон. Система римского гражданского права, вып. IV, кн. 5. Семейственное право. СПб., 1908; Е. В. Пассек. История римского права, ч. IV. Семейное право. Юрьев, 1910; Г. Дернбург. Пандекты, т. III, кв. 4—5. Семейственное и наследственное право. СПб., 1911; Г. Ф. Дормидонтов. Система римского права. Семейное право. Казань, 1915; F. M. de Robertis. La condizione e gli impedimenti al matrimonio nel Basso impero. — «Annali della Facoltà Giuridica Università di Bari», № 32, 1939; R. Orestano. La struttura giuridica del matrimonio romano dal diritto classico al diritto giustiniano, I. Milano, 1951; J. Gaudemet. Les transformations de la vie familiale au Bas-Empire et l'influence du christianisme. — «Romanitas», 4, 1962.

³² В. М. Хвостов. Система римского права, IV. Семейное право. М., 1907; Ф. Шенвигц. Власть римского домовладыки. Варшава, 1914.

³³ CTh, V, 8.1; CJ, IV, 43.2 (anno 329).

³⁴ Inst. Just., 4.8, § 7.

³⁵ Dig., I, 6.9.

³⁶ CJ, I, 3.33; VI, 61.7; XII, 30.31; Nov. Just., 123, c. 19.

³⁷ Nov. Just., 118, c. 1; Inst. Just., 2.12, praef.

Дети теперь получали законные права на все имущество, приобретенное с материнской стороны (*bona adventitia*). Отец же семейства сохранял на него лишь право временного пользования (*узурфрукта*) и возможность управления имуществом³⁸.

Позднее к детям по закону стали переходить все подарки, сделанные матерью и ее родственниками, а также и предбрачный дар жениха (*donatio ante nuptias*).

В законодательстве Юстиниана была завершена эмансипация имущества детей от деспотической власти отца. Было покончено со старым принципом классического римского права, даровавшего отцу по существу неограниченные возможности распоряжения всей собственностью членом семьи.

Согласно предписанию Юстиниана, подвластный сын мог теперь приобретать все имущество в свою личную собственность, за исключением лишь тех вещей, которые он купил на средства отца³⁹. Более того, все накопленное подвластным сыном имущество отныне переходило к его законным наследникам, глава же семьи сохранял на него лишь право *узурфрукта* и управления.

Постепенно облегчается освобождение детей от власти отца: сын становится свободным от нее при занятии высоких государственных должностей, связанных с получением звания патриция, по достижении сана епископа⁴⁰.

Законом предусматриваются случаи освобождения подвластных детей как мера наказания отца за преступления против своего потомства. Если отец выбросит из дома малых детей и оставит их без помощи⁴¹ или если он займется сводничеством своих дочерей⁴², он теряет над ними отцовскую власть. Подобное же наказание отец несет и за вступление в кровосмесительный брак⁴³.

В свою очередь и сын за проявление неблагодарности в отношении своего отца мог по закону вновь потерять свободу и быть возвращенным под власть домовладыки⁴⁴.

При Юстиниане изменяются также и формы эмансипации подвластных детей. Наиболее распространенным способом освобождения в VI в. становится издание особого рескрипта императора⁴⁵ или утверждение отпуска на свободу в суде, после рассмотрения формального заявления домовладыки⁴⁶.

Итак, к VI в. в результате длительной эволюции разрушаются устои древнеримской фамилии, ослабевает власть домовладыки. Семья из патриархального объединения превращается в союз, члены которого несут взаимные обязанности и имеют взаимные права.

Были окончательно сломаны замкнутые рамки фамилии, мешавшие развитию экономических связей, передвижению собственности, деловой предприимчивости подвластных сыновей, стеснявшие свободу производительной деятельности в римском обществе.

В семейноправовой сфере, как и в отношениях собственности, происходит во многом аналогичный процесс освобождения хозяйственной ин-

³⁸ CJ, VI, 61.6.8; Inst. Just., 2.9, § 1.

³⁹ CJ, VI, 61.6.8; Inst. Just., 2.9, § 1.

⁴⁰ CJ, X, 31.66; XII, 3.5; Inst. Just., 1.12, § 4.

⁴¹ CJ, VIII, 51.2.

⁴² CJ, I, 4.12; XI, 41.6.

⁴³ Nov. Just., 12, c. 2.

⁴⁴ CJ, VIII, 49.1.

⁴⁵ CJ, VIII, 48.5.

⁴⁶ CJ, VIII, 48.6.

циативы членов семьи от пут сложных и уже устаревших ограничений, существовавших в древнеримской фамилии.

К VI в. была, наконец, упразднена и исключительная власть домовладыки над юридически свободными, но фактически зависимыми от него людьми (*mancipatio*). Она была заменена иными формами зависимости, выходящими за узкие рамки фамилии⁴⁷.

Менее всего была ограничена при Юстиниане власть домовладыки по отношению к рабам, входившим в фамилию. Но и в этой сфере по мере разложения рабства власть господина над рабом все более становится властью над лицом, а не над вещью⁴⁸. Распирялась сфера хозяйственной деятельности рабов, им давалась возможность заключать деловые контракты, которые получали правовую защиту в виде натуральных обязательств⁴⁹. Деятельность раба отныне также выходит за рамки старой рабской фамилии и отношений внутри нее.

Исчезновение родовой собственности и родовых связей, разложение древнеримской фамилии, основанной на агнатском родстве, имело реальным следствием вытеснение агнатского родства когнатским. К VI в. когнатское родство получает явное и неоспоримое преобладание в семейноправовой сфере.

Наиболее ярко это проявилось в проведенной Юстинианом реформе права наследования. Этой реформой была окончательно подорвана старая система наследования, основанная на агнатском родстве. Среди наследников на первое место были выдвинуты когнаты. Юстинианом был установлен новый порядок наследования «против завещания» (*ab intestato*). Родство по мужской и женской линии теперь давало равные права на наследство, агнаты не имели никаких преимуществ перед когнатами, мужчины перед женщинами. Права матери на наследство считались бесспорными и не зависели от *jus liberorum*; дочери или сестры признавались наследниками ранее агнатов. Наследники разделялись соответственно на четыре класса, исключаящие друг друга. В первый класс входили все родственники обоого пола по нисходящей линии, во второй — все родственники по восходящей линии, а также полнородные братья и сестры и их дети; в третий — неполнородные братья и сестры и их потомство; в четвертый — остальные родственники по боковым линиям⁵⁰. После всех указанных наследников наследство передавалось пережившему другому супругу⁵¹, бедная вдова всегда имела право на 1/4 часть наследства⁵².

Ослабление значения агнатского родства в VI в. проявилось и при установлении опеки над малолетними, умалишенными, больными, модами. Согласно Новелле Юстиниана от 543 г. теперь к законной опеке над указанными лицами допускались наряду с агнатами и когнаты⁵³.

Нововведения в законодательстве Юстиниана, касающиеся прав наследования, были направлены в первую очередь на обеспечение интере-

⁴⁷ См. В. М. Хвостов. Система римского права, IV, стр. 1; Л. Таль. Наем труда свободных лиц в римском праве. — ЖМНП, 1912, февраль, отд. II, стр. 209—257.

⁴⁸ Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 118—151.

⁴⁹ В. М. Хвостов. Натуральные обязательства по римскому праву. М., 1898, стр. 63—169 (натуральные обязательства раба); Б. Бауффа. *Obligatio naturalis* в римском праве. Варшава, 1898.

⁵⁰ Nov. Just., 118 (anno 543); 127 (anno 548).

⁵¹ CJ, VI, 18.1; Dig., XXXVIII, 11.1.

⁵² Nov. Just., 53, c. 6; 117, c. 5.

⁵³ Nov. Just., 118, c. 5.

сов законных детей, а отнюдь не на сохранение имущества в агнатской семье, как было ранее.

С этой целью в юридической науке VI в. была разработана целая система ограничений произвола главы семьи при составлении завещаний. Отец семейства не мог уже по своей злой воле, без законных оснований лишить наследства прямых наследников. Он имел возможность отказать детям или внукам в наследстве только в том случае, если они были виновны в одном из следующих преступлений: 1) подняли руку на родителей или нанесли им тяжкое оскорбление; 2) обвинили родителей без основания в уголовных или государственных преступлениях; 3) злоумышляли против жизни родителей и пытались их убить; 4) отказались выкупить отца из долговой тюрьмы или из плена; 5) впали в ересь; 6) вели безнравственный образ жизни и вступили без разрешения родителей в брак, не достигнув еще 25-летнего возраста. Отец мог лишить сына наследства, если тот вступит в связь с конкубиной отца⁵⁴.

Лишение наследников наследства без достаточных оснований приводило к отмене законности завещания. В подобных обстоятельствах объявлялось наследование *ab intestato*⁵⁵.

Все родственники по восходящей и нисходящей линии теперь были обязаны не только оставлять друг другу строго установленную законом долю наследства, но и назначать друг друга в завещании формальными наследниками, что было связано с передачей им всех вытекающих из наследования прав и обязанностей.

С той же целью ограждения интересов законных детей от произвола завещателя в законодательстве Юстиниана был увеличен размер обязательной доли наследства, которая должна быть выделена в завещании главой семьи в пользу его прямых наследников.

Новеллой Юстиниана от 543 г. предписывалось, что эта обязательная доля должна отныне составлять не менее одной трети имущества, которую дети получили бы *ab intestato* (а она обычно была не меньше четвертой части всего наследства)⁵⁶.

Вместе с тем Юстиниан отменил освобождение обязательной доли наследства от легатов и предоставил завещателю самому решать вопрос о легатах и фидеикомиссах⁵⁷.

К VI в. изменяется сущность и цель установления опеки; если в классическом римском праве опека назначалась с целью сохранения имущества в роде или древнеримской фамилии, то ныне основной задачей опеки стала охрана интересов слабой стороны, не имеющей возможности себя защитить. В первую очередь имелась в виду защита прав и имущества осиротевших детей^{57а}.

Поэтому начиная с IV в. в законодательство империи вводятся ограничения произвола опекунов. Видное место в гражданском праве теперь занимают меры, принимаемые к охране имущества опекаемых от возможных злоупотреблений опекунов и попечителей (кураторов).

Важнейшей из этих мер было запрещение опекуном отчуждать имущество опекаемого. Опекуну разрешалось только обращать деньги подо-

⁵⁴ Nov. Just., 115, c. 3, § 1—14 (anno 542).

⁵⁵ Nov. Just., 115, c. 3—4. Легаты, назначенные завещанием, остаются в силе. См. И. А. Кистяковский. Долговая ответственность наследника в римском праве. — КВИ, 1900, май-июнь, стр. 1104.

⁵⁶ Nov. Just., 118, c. 5.

⁵⁷ Nov. Just., 1, c. 2, § 2. Легаты были объединены с фидеикомиссами. См. Г. Блюменфельд. К истории фамильного фидеикомисса в римском и византийском праве. СПб., 1912 («Журнал Министерства юстиции», 1912, март-апрель).

^{57а} Nov. Just., 118, c. 5. См. F. Bossowski. Die Novelle 118 Justinians und deren Vorgeschichte. Weimar, 1939.

печного на покупку недвижимости, а при невозможности приобретения на них земли — отдавать их в рост под выгодные проценты. Вся хозяйственная деятельность опекуна или куратора должна быть направлена на преумножение имущества беззащитных сирот⁵⁸.

Таким образом, семейное и наследственное право в VI в. все больше и больше ставит своей целью защиту интересов кровных родственников — когнатов, в первую очередь имущества законных детей.

Постепенно меняются и этические взгляды общества, семья все чаще рассматривается как ячейка, объединяющая тесными узами кровных родственников по прямой линии, а не как фамилия, подчиненная власти домовладыки.

Огромное влияние на семью оказала также эволюция политических отношений в империи. Серьезные изменения в учении о гражданском правососостоянии населения римского и византийского государства повлекли за собой и перемены в системе заключения браков. Пока существовало резкое деление населения на *cives Romani* и *non cives*, браки между полноправными гражданами и неполноправными лицами были запрещены⁵⁹.

В законодательстве Юстиниана с упразднением деления подданных империи на *cives* и *non cives* исчезает и запрещение заключать браки в зависимости от прав гражданства.

Правда, под влиянием новых общественных условий появляются и новые запреты при вступлении в брак. Например, в VI в. были запрещены законные браки между римлянами и варварами. Христианская церковь распространяет свою религиозную нетерпимость и на семейные отношения. Под ее влиянием при Юстиниане под запретом оказались браки между христианами и иудеями, а также приверженцами гонимых сект⁶⁰. Иными словами, на смену римской гражданской исключительности пришла христианская исключительность и религиозная нетерпимость, но со старыми ограничениями, обусловленными гражданским полноправием или неполноправием, было покончено.

Крупные перемены в сословно-классовом делении римского общества в VI в., естественно, должны были коснуться и семейно-правовых отношений.

В соответствии с основным делением обществ только на свободных или рабов, провозглашенным Юстинианом, этот император во многих своих новеллах проводит принцип допустимости браков между всеми свободными гражданами независимо от их сословного и общественного положения.

Первым шагом в сглаживании сословных различий в семейном праве явилось изменение в VI в. способов определения в спорных случаях законного брака или конкубината.

Со времен императоров Феодосия II и Валентиниана III существовала юридическая презумпция: если в сожительство вступают лица равного общественного положения, то в сомнительном случае предполагается брак между ними, а если люди различных сословий, — конкубинат⁶¹.

В Юстиниановом праве была проведена существенная реформа: презумпция о наличии законного брака отныне была распространена на

сожительство двух свободных лиц (*ingenuae personae*) без различия сословий⁶².

Другим важным нововведением Юстиниана, пробившим первую брешь в сословных перегородках того времени, было разрешение законного брака между сенаторами и женщинами низкого общественного положения (вольнотруженницами, актрисами, дочерьми актеров и актрис). Ранее подобные браки категорически запрещались.

Новеллой Юстиниана от 542 г. устанавливалось, что для признания *de jure* брака сенатора или иллистрия с женщиной низкого звания было достаточно согласия жениха и составления формального письменного контракта (*instrumentum nuptiale*), содержавшего назначение приданого (*dos*) и предбрачного дара (*donatio ante nuptias*)⁶³. Характерно, что подобные «неравные» браки были возможны лишь в том случае, если знатный человек сам желал «поднять до себя» женщину низкого звания; без желания вельможи никаких претензий на брак, естественно, такая женщина предъявлять не могла.

Таким образом, этот закон отнюдь не покушался на сословные привилегии высших классов современного Юстиниану общества и во главу угла ставил личную волю сенатора на заключение брака с женщиной низкого звания. Обычно в научной литературе этот законодательный акт Юстиниана объясняется его браком с Феодорой⁶⁴ и влиянием императрицы на законодателя. Однако такое объяснение явно недостаточно. Думается, что основную роль здесь сыграла политическая борьба правительства Юстиниана, опиравшегося на новых землевладельцев, торгово-ремесленные круги и ортодоксальное духовенство, против старой сенаторской аристократии, а также автократические и деспотические стремления Юстиниана уравнивать все сословия перед лицом единого владыки — императора.

В законодательстве Юстиниана, однако, сохранились некоторые ограничения вступления в брак чисто политического характера. Наместникам провинций запрещалось жениться на девушках в той области, которой они управляли (исключение делалось лишь тогда, когда сам наместник был родом из этой же провинции или он был уже помолвлен до вступления в должность)⁶⁵. Целью издания этих запретов была борьба правительства против сепаратистских тенденций наместников провинций, ибо их женитьба на девушках из знатных и влиятельных провинциальных семей могла увеличить их влияние в провинции. С другой стороны, этим пресекалась возможность для наместника использовать свою власть для принуждения девушки к вступлению с ним в брак.

За политические преступления, особенно за оскорбление величества (*crimina laesae majestatis*), полагались самые суровые наказания, распространявшиеся и на сферу семейного права. «Бесчестие» отца всегда переходило на его детей. Имущество государственного преступника конфисковалось, а дети лишались гражданских прав. Жена могла немедленно расторгнуть с ним свои брачные узы⁶⁶.

⁶² CJ, V, 4.23, § 7.

⁶³ Nov. Just., 117, c. 6.

⁶⁴ Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908, стр. 267; F. Matteis. La condizione giuridica della donna nella legislazione di Giustiniano; il femminismo Giustiniano e l'influenza dell'imperatrice Theodora. Torino, 1912; Pinterová. Theodora, Kaiserin von Byzanz. Osijek, 1934.

⁶⁵ Dig., XXIII, 2.63.

⁶⁶ Однако пожизненное изгнание, связанное с древним обычаем — «запрещением воды и огня» (*interdictio aqua et igni*), теперь по предписанию Юстиниана не влекло за собой расторжения брака (Nov. Just., 22, c. 13).

⁵⁸ СTh, III, 30.6; CJ, V, 37.22.24; Nov. Just., 72, c. 6—8.

⁵⁹ В. М. Хвостов. История римского права, стр. 398.

⁶⁰ CJ, I, 9.6. Такой брак считался *adulterium*.

⁶¹ CJ, V, 4.22; Dig., XXIII, 2.24; XXXIX, 5.31.

Отнюдь не следует думать, что законодательство Юстиниана вообще ликвидировало сословные ограничения в семейном праве. Так, например, Юстиниан признает особое положение военного сословия и специфические трудности поддержания нормальных брачных отношений для воинов. Он изменяет закон, согласно которому жена, чей муж в течение четырех лет военной службы не прислал ей ни одного письма «или другого какого-либо знака любви», имела право на развод и вступление во второй брак. Законодатель встает на защиту воинов: «Ведь мужа, — пишет он, — занятого военными делами, лишать еще и жены является не меньшим наказанием, чем быть взятым в плен врагами». Поэтому условия развода для жен воинов усложняются: срок продлевается до пяти лет, кроме того, жена обязана настойчиво добиваться ответа от мужа, обращаться по своему делу к высшему военному начальству, и только в случае официального отказа мужа от брака или его упорного молчания развод допускается. Но вторичный брак для разведенной женщины при этом возможен только с личного разрешения императора⁶⁷.

Уничтожая одни сословные перегородки, законодательство Юстиниана в то же время создавало новые сословные ограничения в семейноправовых отношениях.

Под влиянием христианской доктрины создавались ограничения для вступления в брак клириков. Клирики более высокого сана, чем чтец или певчий, за заключение брака лишались священнического звания. Для клириков низших рангов брак разрешался, но второй брак или брак при порочащих обстоятельствах закрывал им доступ к более высоким духовным должностям⁶⁸.

Особенно суровы были сословные запреты в отношении групп населения, стоявших на низшей ступени социальной лестницы.

Приписные колонны (адскрипции — энапографы) были существенно ограничены в брачных правах: они могли жениться только на женщинах своего сословия⁶⁹. Более того, Юстиниан потребовал, чтобы землевладельцы запретили на будущее время всем зависимым от них рустикам заключать браки даже с женщинами их звания, но живущими в имениях других господ. Постановление было вызвано частыми раздорами хозяев из-за потомства, рожденного от таких браков⁷⁰.

Жестoko преследовались браки между адскрипциями и свободными людьми. Новелла Юстиниана гласила: «Чужому приписному колону не разрешается жениться на свободной (женщине) ни при неведении господина, ни с его ведома, ни с его согласия»⁷¹. Такой брак считался незаконным. Приписной колон, нарушивший закон, подвергался наказанию палками и штрафу, а свободная женщина должна быть с ним разлучена⁷².

Относительно семейноправового статуса рабов законодательство Юстиниана несколько противоречиво.

С одной стороны, намечаются тенденции к некоторому смягчению прежних крайне суровых запретов, налагаемых на рабов в семейноправовой сфере. Так, Юстиниан отменил жестокое предписание классического

права, согласно которому свободная женщина за связь с рабом сама обращалась в рабство⁷³. Были приняты законодательные меры против отдачи господами рабынь для проституции⁷⁴. Несколько улучшен был статус потомства, рожденного от смешанных браков рабов и различных категорий зависимых людей, а также свободных лиц⁷⁵.

С другой стороны, браки между свободными и рабами по-прежнему запрещались. Обращение одного из супругов в рабство рассматривалось как абсолютно бесспорная причина расторжения брака. Подобно смерти, неравенство положений разрывало брачные узы.

Если вольноотпущенник или вольноотпущенница по решению суда были вновь возвращены в рабство, то их брак со свободным лицом, даже заключенный ранее, считался расторгнутым, словно одного из них постигла смерть⁷⁶. Коль скоро какой-либо свободный человек ошибочно полагал, что женился на свободной женщине, а она оказалась рабыней, то закон считал их брак несостоявшимся со всеми вытекающими для родившихся детей тягостными последствиями⁷⁷.

В этих рескриптах императора явно проявляется общая тенденция законодательства VI в. оградить прежде всего права свободных граждан. С этим согласуются и другие нововведения Юстиниана.

Отменив обращение в рабство преступников, осужденных на временные каторжные работы в рудниках, он тем самым сохранил в силе законность их браков со свободными людьми⁷⁸.

В случае, когда муж или жена были захвачены в плен врагами и обращены в рабство, «неравенство положения не позволяло сохраняться равенству брака». Если супруг, оставшийся в империи, не имел никаких известий о пленном и в течение пяти лет не было подтверждено, что пленный еще жив, то супруг, сохранивший свободу, мог вступить во второй брак⁷⁹.

Одновременно законодательство пресекало возможные злоупотребления рабовладельцев, которые пытались использовать в корыстных целях семейные отношения своих рабов. Так, например, если господин для извлечения выгоды дал согласие на брак своего раба или рабыни со свободным человеком, скрыв их рабское состояние, то подобный брак признавался действительным, а раб или рабыня получали свободу⁸⁰.

Законодательством ныне проводится принцип: если господин не заботится о своем рабе, то он фактически теряет на него свои права. Так, в случае, когда господин бросит на произвол судьбы больного раба или рабыню, а они будут жить на свободе и заключат браки со свободными лицами, то хозяин не может вновь обратиться в рабство и их браки признаются законными⁸¹.

Вместе с тем преследуются и проступки рабов, злоупотреблявших своим влиянием на господ.

Если господин, безумно любя свою рабыню, отпустил ее на свободу и даже женился на ней, то всякие проявления неблагодарности с ее стороны сурово наказываются. В случае, если после смерти господина она

⁷³ CJ, VII, 24.1.1.

⁷⁴ CJ, IV, 56.1—3.

⁷⁵ О семейно-правовом статусе рабов в VI в. см. З. В. Удадьцова. Положение рабов в Византии в VI в., стр. 25—27.

⁷⁶ Nov. Just., 22, c. 9.

⁷⁷ Nov. Just., 22, c. 10.

⁷⁸ Nov. Just., 22, c. 8.

⁷⁹ Nov. Just., 22, c. 7.

⁸⁰ Nov. Just., 22, c. 11.

⁸¹ Nov. Just., 22, c. 12.

⁶⁷ Nov. Just., 22, c. 14.

⁶⁸ Nov. Just., 22, c. 42.

⁶⁹ Nov. Just., 157, c. 1.

⁷⁰ Nov. Just., 157, praef.

⁷¹ Nov. Just., 22, c. 17 Cp. «Adscriptio vero alieno liberam ducere non licet nec ignorante, nec sciente, nec consentiente domino» (CJ, XI, 48.24).

⁷² Nov. Just., 22, c. 17. В кодексе Юстиниана говорится о возврате оригинари (со всем потомством), вышедшей замуж за свободного (CJ, XI, 48.16), в имение господина.

вела развратный образ жизни и вступила во второй брак, то этот новый союз считается адюльтером⁸².

Все эти предписания относительно семейного положения рабов лиш- ний раз свидетельствуют об острой борьбе старых и новых тенденций в законодательстве Юстиниана.

Под влиянием изменившихся этических норм и под воздействием христианской морали к VI в. начинают меняться взгляды общества на брак и безбрачие. Если в римском классическом праве безбрачие осу- ждалось, брак же рассматривался в первую очередь как союз для рожде- ния и воспитания детей, а на бездетных налагались высокие штрафы⁸³, то христианская церковь всячески восхваляла безбрачие как проявление высшего целомудрия и приверженности религиозной морали.

Эти новые для римского общества воззрения стали проникать и в за- конодательство Юстиниана. Хотя брак признавался союзом, освященным христианской религией, но меры, препятствующие вступлению в брак, поощрялись. Среди них на первый план выдвигалось пострижение в мо- нахи, различие веры⁸⁴. Расширялся круг родственников и свойственни- ков, которым запрещалось заключать между собою браки⁸⁵. Объявлялся недействительным брак между похитителем и похищенной девушкой, вдовой или монахиней даже при наличии ее согласия вступить в брак с похитителем⁸⁶. Был запрещен брак между опекуном и опекаемой до достижения ею совершеннолетия⁸⁷; исключался брачный союз между сообщниками в прелюбодейнии⁸⁸. За нарушение этих запретов устанавливались суровые наказания.

Христианская религия строго осуждала развод и вторичные браки. Если по воззрениям классического римского права развод был совер- шенно свободен, то в законодательстве Юстиниана он допускался лишь в чрезвычайных случаях. Законными основаниями для одностороннего расторжения брака считались смерть одного из супругов⁸⁹, потеря сво- боды⁹⁰, плен⁹¹, неспособность супруга к выполнению супружеских обя- занностей⁹², поступление в монастырь. При этом принятие монашеского сана и избрание вместо брака «чистой, аскетической жизни» восхва- лялось⁹³.

Все эти «достойные» (*bona gratia*) причины расторжения брака не приводили к признанию вины одного из супругов и их бесчестию. Одно- временно Юстиниан категорически запретил существовавший ранее развод по взаимному соглашению супругов (*divortium communi consensu*); исключение делалось лишь в случае поступления в монастырь мужа или жены⁹⁴. Этот закон, видимо, вызвал недовольство и был отме- нен уже Юстином II в 566 г.⁹⁵

⁸² Nov. Just., 22, с. 37.

⁸³ М. М. Покровский. Очерки по римской истории и литературе, гл. II. К истории брачного законодательства Августа (*Leges Juliae de adulteris*). СПб., 1907.

⁸⁴ CJ, I, 9.6.

⁸⁵ Inst. Just., 1.10, § 10.

⁸⁶ CJ, IX, 13.1, § 2.

⁸⁷ Dig., XXIII, 2.59.60 (25 или 26 лет).

⁸⁸ Dig., XLVIII, 5.41, praef.

⁸⁹ Nov. Just., 22, с. 4.

⁹⁰ Nov. Just., 22, с. 9, 10.

⁹¹ Nov. Just., 22, с. 7.

⁹² Nov. Just., 22, с. 6.

⁹³ Nov. Just., 22, с. 5.

⁹⁴ Nov. Just., 117, с. 10.

⁹⁵ Nov. Just., 140.

Односторонний развод (*repudium*) по вине одного из супругов хотя и разрешался, но влек за собой для виновной стороны тяжелые послед- ствия. Жена могла возбудить дело о разводе, если муж был виновен в каком-либо из следующих преступлений: прелюбодейние, человеко- убийство, отравительство, колдовство, государственная измена, осквер- нение могил и храмов, грабеж, укрытие разбойников и угонщиков скота, похищение людей, оскорбление целомудрия нравственных женщин, поку- шение на жизнь жены, избивание жены бичом⁹⁶.

Точно так же муж мог дать жене развод и изгнать ее из своего дома, если она обвинялась в прелюбодейнии, отравительстве, человекоубийстве, святотатстве, соучастии в грабежах разбойников, отказе без причины от выполнения супружеских обязанностей, участии в пирах с чужими людьми без разрешения мужа и без присутствия родственников, в не- обузданном увлечении без согласия мужа конными ристаниями, цирко- выми и театральными зрелищами, в покушении на жизнь мужа или только угрозе убить его, злоумышлении насильственного захвата власти и соучастии в государственной измене, в поднятии руки на мужа⁹⁷. Кроме того, Юстинианом были добавлены еще такие проступки жены, влекущие за собой развод, как аборт без ведома мужа, лишивший его надежды на детей, разврат и сговор при жизни мужа о браке с другим лицом⁹⁸.

Было значительно затруднено вступление во второй брак и усилены невыгодные его последствия. Согласно Новелле Юстиниана родитель, вступивший во второй брак (*parens binubus*), теряет в пользу детей от первого брака права на имущество, полученное от покойного супруга (*dos u donatio ante nuptias*).

Запрещалось завещать новому супругу большую часть наследства, чем детям от расторгнутого брака⁹⁹.

После развода мужу разрешалось тотчас вступить во второй брак, жена же для выполнения нравственных норм и предотвращения возмож- ного кровосмешения должна была соблюсти траурный год¹⁰⁰. Если же при разводе была установлена вина жены, то ей предписывалось не всту- пать в новый брак в течение пяти лет¹⁰¹.

За прелюбодейние как уголовное преступление при Константине была установлена смертная казнь. При Юстиниане закон был смягчен: жена наказывалась ссылкой в монастырь, а ее сообщник — смертной казнью; имущество обоих преступников конфисковалось в пользу государства, монастыря или родственников¹⁰².

Двоеженство (*sturpum*) наказывалось смертной казнью, если только виновные знали о своей вине.

Принятие суровых мер против развода, второго брака и для укрепле- ния законной семьи имели целью, по словам законодателя, прежде всего защиту интересов детей, рожденных в законном браке.

Христианская мораль решительно осуждала конкубинат как позорную, незаконную связь. Но сама жизнь заставляла церковь считаться с этим неизбежным злом. Подобные этические нормы проникали и в законода- тельство VI в.

⁹⁶ Nov. Just., 22, с. 15, § 1.

⁹⁷ Nov. Just., 22, с. 15, § 2.

⁹⁸ Nov. Just., 22, с. 16, § 1.

⁹⁹ Nov. Just., 22, с. 21. О последствиях второго брака и нарушения женщиной траурного года см. В. М. Хвостов. Система римского права, IV, стр. 29.

¹⁰⁰ Nov. Just., 22, с. 16, praef.

¹⁰¹ Nov. Just., 22, с. 15, § 3.

¹⁰² Nov. Just., 117, с. 8; 134, с. 10.

Наиболее важной проблемой для законодателя была судьба незаконных детей (*liberi naturales*), рожденных от конкубины. Юстиниан разрешил производить узаконение (*legitimatio*) незаконных детей тремя способами: 1) путем вступления их отца в законный брак с их матерью (*per subsequens matrimonium*)¹⁰³; 2) путем издания рескрипта императора (*per rescriptum principis*) при отсутствии законных детей у отца¹⁰⁴; путем зачисления детей от конкубины в сословие декурионов родного города и предоставления им достаточного количества земли (*per curiae oblationem*)¹⁰⁵. Детям от конкубины было дано право требовать алименты от обоих родителей, в то время как дети, рожденные от случайных связей, могли претендовать только на алименты от матери и ее родственников по восходящей линии¹⁰⁶.

При отсутствии законных жены и детей дети от конкубины могли получить от своего отца шестую часть имущества «против завещания» (*ab intestato*), но должны были при этом отдать равную долю наследства своей матери¹⁰⁷. При наличии законных детей разрешается оставлять по завещанию детям от конкубины и ей самой не более $\frac{1}{12}$ части наследства всем вместе и не более $\frac{1}{24}$ части — одной конкубине¹⁰⁸.

В Юстиниановом законодательстве были обобщены те длительные изменения в семейноправовом положении женщины, которые привели к существенному расширению ее прав в гражданскоправовой сфере и улучшению положения в семье и обществе. Это сказалось прежде всего в исчезновении при Юстиниане старинного римского брака *cum manu mariti*, когда женщина после брака оказывалась полностью под властью мужа¹⁰⁹. Смягчением брачного права в пользу женщины было запрещено мужу прогонять свою жену только за то, что она была бесприданница¹¹⁰. Теперь жена была *persona sui juris* и имела юридические права.

Был торжественно провозглашен принцип равноправия мужа и жены¹¹¹. Муж должен был охранять жену, жена же была обязана почитать мужа и оказывать ему услуги¹¹². Муж, как покровитель жены, мог вести за нее процессы в суде¹¹³, и обида, нанесенная жене, являлась оскорблением мужа¹¹⁴. Супруги не могли вчинять друг против друга позорящие иски¹¹⁵; их нельзя было заставлять свидетельствовать друг против друга¹¹⁶.

Если в классическом праве женщина не допускалась к опеке, то при Юстиниане ей впервые было дозволено сделаться опекуной малолетних (*impubes*). К опеке допускалась мать или бабушка, если в завещании отца не был назначен другой опекун. При этом женщина-опекуша должна

¹⁰³ Nov. Just., 74, praef. 89; CJ, V, 27.10.11.

¹⁰⁴ Nov. Just., 74, praef., с. 1—2; 89, с. 9—11; В. В. Карпека. Пассивная легитимация и *rei vindicatio* классического римского права. Киев, 1915.

¹⁰⁵ Nov. Just., 89, с. 2—4; Inst. Just., I, 10, § 13; CJ, V, 27.3.4.9.

¹⁰⁶ Nov. Just., 89, с. 12, 13; 89, с. 15.

¹⁰⁷ Nov. Just., 18, с. 5; 89, с. 12.

¹⁰⁸ Nov. Just., 89, с. 12.

¹⁰⁹ При заключении брака *cum manu mariti* муж мог истребовать жену, покинувшую дом, при помощи иска, подобного виндикации, продать ее в кабалу (*in mancipium*), наложить наказание вплоть до смертной казни; все имущество жены, приобретенное до и после брака, являлось достоянием мужа.

¹¹⁰ Nov. Just., 22, с. 18.

¹¹¹ Dig., XLVII, 10.2.

¹¹² Dig., XXXVIII, 1.48.

¹¹³ CJ, II, 12.21.

¹¹⁴ Dig., XLVII, 10.18, § 2.

¹¹⁵ Dig., XXV, 2.2; CJ, V, 21.2.

¹¹⁶ Dig., XXII, 5.4.

была навсегда отказаться от вступления во второй брак¹¹⁷. Не исключена возможность, что в редактировании этого закона принимали участие юристы, прошедшие юридическую школу на Востоке: во всяком случае здесь сказались влияние восточных правовых норм.

В VI в. улучшается правовой статус женщины в отношении наследования имущества. При наследовании *ab intestato* уравниваются права лиц обоего пола¹¹⁸. Устанавливаются одинаковые юридические нормы при лишении наследства (*exheredatio*) прямых наследников — как женщин, так и мужчин¹¹⁹. Делаются более прочными имущественные гарантии независимости положения женщины и ее детей в семье.

Отныне приданое жены может быть использовано преимущественно как обеспечение средств существования для детей, рожденных в законном браке. Согласно предписанию Юстиниана, изданному в 530 г., при разводе иск жены о возврате приданого переходил к ее детям и тем самым приобретал наследственный характер. В случае смерти жены или расторжения брака супруг был обязан возвратить приданое детям. Он мог удержать в свою пользу приданое только лишь тогда, когда при разводе была признана виновность жены¹²⁰.

Мужу запрещалось отчуждать земли, входившие в приданое жены, даже при наличии согласия с ее стороны¹²¹. Для того чтобы оградить имущество детей от растраты, была введена ипотека жены на все имущество мужа¹²².

Важным обеспечением имущественных интересов жены и детей являлся институт предбрачного дара (*donatio ante nuptias*). Муж, его отец или дед были обязаны перед свадьбой дать невесте имущество, равноценное ее приданому¹²³. Предбрачный дар шел в фонд, гарантирующий обеспечение жены и детей на случай развода. Во время брака муж мог распоряжаться предбрачным даром, однако он был лишен права отчуждать земли, входящие в состав этого имущества¹²⁴. В случае расторжения брака по вине мужа *donatio ante nuptias* переходит к жене и ее детям¹²⁵; при прекращении брака иным способом только жена, имеющая детей, может требовать передачи ей предбрачного дара, причем собственности на него делится между женой и ее детьми¹²⁶. При разводе по вине жены предбрачный дар остается у мужа¹²⁷.

Юстиниан несколько видоизменил этот институт, разрешив мужу и его родным дарить жене имущество не только перед свадьбой, но и во

¹¹⁷ CJ, V, 35.2.3; Nov. Just., 22, с. 40; 94; 155; 118, с. 5.

¹¹⁸ CJ, VI, 4, § 20.

¹¹⁹ CJ, VI, 28.4; Inst. Just., 2.13, § 5. О приданом и распоряжении им во время брака и по его расторжении см. В. М. Хвостов. Система римского права. IV, стр. 10—24.

¹²⁰ Nov. Just., 97, с. 5; CJ, V, 13.1.

¹²¹ CJ, V, 13.1, § 15; Inst. Just., 2.8, praef.

¹²² CJ, V, 13.1, § 15. См. Л. М. Петражицкий. Деление дotalных плодов по римскому праву. — КВИ, 1896, стр. 1—65.

¹²³ Nov. Just., 61, с. 4; CJ, V, 3.20; Nov. Just., 97, с. 1, 2. Дарение имущества супругами друг другу по римскому праву было запрещено. См. В. В. Никольский. Дарения между супругами. СПб., 1903; его же. К истории дарений между супругами. — «Уз Юрьевского университета», 1915, № 7—11, стр. I—XXXIII, 1—521; П. Миנד. Об общности имущества между супругами (*lex rei sitae*). — «Журнал Министерства юстиции», 1912, № 9, стр. 223—224. О *donatio ante nuptias* см. В. М. Хвостов. Система римского права, IV, стр. 24—25; Г. Ф. Церетели. По поводу *donatio ante nuptias* в греческих папирусах. — ЖМНП, 1901, май, отд. V, стр. 63—75.

¹²⁴ Nov. Just., 61, с. 1.

¹²⁵ CJ, V, 17.8, § 5; Nov. Just., 117, с. 9, 13.

¹²⁶ Nov. Just., 97, с. 1; 127, с. 3.

¹²⁷ Nov. Just., 117, с. 8.

время брака. В связи с этим изменилось и наименование института: он стал называться не *donatio ante nuptias*, а *donatio propter nuptias*¹²⁸.

Итак, при Юстиниане законодательным путем были оформлены те разумные меры, которые выработали юридическая наука и практика в течение длительного времени для гарантии гражданских и имущественных прав женщины и ее детей.

Однако если значительно улучшалось положение женщины в сфере семейных отношений и прав наследования, то в области публичного права женщина по-прежнему остается абсолютно неспособной: она не допускается к занятию каких-либо государственных или гражданских должностей (*officia civilia vel publica*)¹²⁹, не может участвовать в общественной жизни.

Заканчивая обзор реформ Юстиниана в сфере семейного права, мы можем прийти к заключению, что в VI в. наблюдается бесспорный прогресс в семейноправовых отношениях римско-византийского общества. Рушатся устои старой *familia*, ее место занимает когнатская семья, окрепшая и получившая ныне сильную юридическую защиту. Охраняются законом имущественные права жены и детей, смягчается законодательство о незаконных детях, ломаются некоторые сословные перегородки. Вместе с тем не только сохраняются родимые пятна рабовладельческого общества в семейноправовых отношениях, но и создаются новые ограничения юрисдикции лиц из низших классов, показывающие социальную направленность законодательства Юстиниана.

III. ОТРАЖЕНИЕ КЛАССОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЮСТИНИАНА

(по данным уголовного права)

Классовая и политическая борьба, особенно обострившаяся в обстановке кризиса рабовладельческого общества, постоянных войн и жестоких политических столкновений, нашла свое отражение и в законодательстве VI в. Наиболее ярко это проявилось в сфере уголовного права.

Подобно гражданскому праву, уголовное законодательство прошло к VI в. длительный путь развития, хотя и не достигло такой степени совершенства, как гражданское. К этому времени юриспруденция в сфере уголовного права уже сделала значительные успехи, например, в разработке понятия и состава уголовного преступления. Было устранено смешение понятий преступления и греха, кровной мести, жреческого, сакрального суда и государственного наказания. Уголовное право теперь зиждется на идее государственного возмездия за зло, причиненное обществу. Развитие деспотической императорской власти и бюрократического государства приводит к тому, что интересы личности подчиняются всецело интересам государства — по принципу *salus rei publicae suprema lex est*.

К VI в. наблюдается развитие научной юридической мысли и в установлении составных элементов преступления. В уголовное право вводятся не известные древнеримской юрисдикции понятия об умысле, неосторожности, случайности, покушении, приготовлении к совершению преступления. Признается субъективный элемент в определении состава и тяжести преступления, сформулированы оттенки в понятии вины (*culpa*) — такие, как *culpa lata*, *culpa levissima*, *culpa dolo proxima*.

Создается учение о так называемом вменении преступления в зависимости от возраста, душевных болезней, состояния аффекта¹.

Выясняется участие в преступлении в различных ролях: установление главных виновников (*auctores*), пособников (*consortes*) или попустителей. В своем стремлении разработать основные уголовноправовые понятия римские юристы, однако, остановились на полпути и сделали значительно меньше, чем в сфере гражданского права. Но и эти важные для своего времени выводы римских юристов в дальнейшем легли в основу разработки уголовного законодательства в странах романо-германского мира в эпоху средневековья и в новое время.

В нормах уголовного права, вошедших в состав *Corpus Juris Civilis* Юстиниана, с необычайной рельефностью и в большей степени, чем в сфере частноправовых отношений, сказались классовые и политические тенденции римского императорского законодательства, его социальная сущность.

В уголовном процессе² — как при определении состава преступления, так и при установлении меры наказания — проводилась резкая грань не только между свободными и рабами, но и между высшими классами общества (*honestiores*) и низшими сословиями (*humiliores*)³. В привилегированном положении находились также солдаты. Знатные граждане (*honestiores*) и воины за равные преступления подлежали меньшим наказаниям, чем лица из низших классов, а также люди, не принадлежащие к военному сословию⁴.

В отношении угнетенных классов римская карательная система в законодательстве Юстиниана отличалась необычайной жестокостью. Для человека низшего сословия в большинстве случаев за уголовное преступление наказанием служила смертная казнь. Основным фактором, определившим беспощадность карательной системы Юстинианова законодательства, был социальный: наличие рабства и резких сословных отличий между общественными группировками населения империи.

При этом для рабов и *humiliores* всегда устанавливались изощренно жестокие, унижительные кары. Так, наиболее распространенными видами смертной казни для рабов и *humiliores* были: распятие на кресте, иногда головою вниз, отдача для участия в гладиаторских боях (*damnationes ad ludum gladiatorum*), повешение, сожжение, отдача на съедение диким зверям (*damnatio ad bestias*), засечение до смерти розгами, заливие горла свинцом (по обычаю, пришедшему из Индии), четвертование и разрывание тела преступника на клочки⁵.

Для лиц из привилегированных классов применялась более «благородная» смертная казнь — через отсечение головы мечом. Но чаще всего за одинаковые преступления *honestiores* наказывались ссылкой на различные сроки или изгнанием, а рабы и *humiliores* — смертной казнью. Так, например, раб за изнасилование свободной девушки или вдовы

¹ А. П. Стоянов. Уголовное право Рима от древнейших времен до Юстиниана включительно. — ЗИХУ, № 3, 1895, стр. 99—130.

² Ф. Ф. Зелинский. Римский уголовный процесс. — В кн.: Цицерон. Полное собрание речей. Перев. В. А. Алексеева и Ф. Ф. Зелинского, т. I. СПб., 1901, стр. 755—764.

³ А. Р. Корсунский. *Honestiores* и *humiliores* в законодательных памятниках Римской империи. — ВДИ, 1950, № 1, стр. 81—90.

⁴ Dig., XLVIII, 19 (*De poenis*).

⁵ А. П. Стоянов. Указ. соч., стр. 113. Правда, господам запрещалось отдавать по своему произволу собственных рабов на съедение диким зверям. По приговору же суда такая казнь для рабов практиковалась весьма часто (Dig., XLVIII, 8.11, § 2).

¹²⁸ CJ, V, 3.26; Inst. Just., 2.7, § 3; Nov. Just., 61, c. 1.

¹²⁹ Inst. Just., I, 17.2; Dig., XXVI, 1.18; XLVII, 23.6; XXVIII, 1.20, § 6.

приговаривался к смертной казни, а свободный за совершение насилия над чужой рабыней-девушкой лишь уплачивал (если он был богат) вознаграждение хозяину потерпевшей. Если же виновным был свободный бедняк, то за подобное преступление он предавался телесному наказанию — битью палками.

Рабы всегда сами (а не их господа) отвечали за уголовные преступления⁶. Как рабы, так и *humiliores* особенно жестоко наказывались за поджог и вооруженный мятеж; за это им грозило сожжение или распятие на кресте⁷. Разбойники (*latrones*), нападавшие на дома и виллы богачей, предавались смерти⁸. Рабы, не только покусившиеся на жизнь своего господина, но лишь замыслившие его убийство, сжигались⁹. Сожжение живым грозило и тому рабу, который слышал призывы своего господина о помощи, но не спас его¹⁰.

За похищение свободной женщины или девушки и за прелюбодеяние со свободной женщиной раб всегда подвергался смертной казни¹¹.

За другие, менее тяжкие преступления суд мог заменить смертную казнь рабам и *humiliores* каторжными работами в рудниках (*condemnatio in metallum, condemnatio in opus metalli, condemnatio in ministerium metalli*). Присуждение к каторге на вечные времена для свободного бедняка обычно было связано с потерей свободы. Преступники, приговоренные к пожизненной каторге, получали название *servi poenae* (рабы вследствие наказания)¹².

По предписанию Юстиниана, присуждение к каторге на определенный срок для свободных лиц не влекло за собой обращение в рабство¹³. Продажа в рабство за пределы империи как вид наказания за уголовные преступления в VI в. уже вышла из употребления. Ссылка на каторжные работы применялась исключительно к рабам и низшим слоям свободных (*humiliores*); лица из высших классов этому наказанию не подвергались.

Сохранялось в силе жестокое правило римского времени, что все свидетельские показания рабов давались только под пыткой. Судья не нес ответственности, если раб умирал во время пытки¹⁴. Из «Тайной истории» Прокопия мы видим, что при Юстиниане пытки рабов в судебных процессах оставались распространенным явлением¹⁵.

Таким образом, жестокость римской системы наказаний за уголовные преступления в VI в. объясняется уже не влиянием древних традиций кровной мести и сакральных наказаний, связанных с искупительными жертвами, а все более обостряющимися социальными противоречиями той эпохи.

Огромное влияние на уголовное законодательство оказала острейшая социально-политическая борьба в империи и рост императорского деспотизма. Недаром в *Corpus Juris civilis* Юстиниана, обобщившем императорские конституции по уголовному праву, самые суровые наказания пола-

⁶ Dig., XLIV, 7.14.

⁷ CJ, III, 41.4; Dig., XLVIII, 19.28, praef. Capitalium poenarum fere isti gradus sunt: summum supplicium esse videtur ad furcam damnatio, item vivi crematio. Igni cremantur plerumque servi, qui salutem dominorum suorum insidiaverint, nonnumquam etiam liberi plebei, et humiles personae (Dig., XLVIII, 19.28, § 11).

⁸ Dig., XLVIII, 19.27.2.

⁹ Dig., XLVIII, 19.28.11.

¹⁰ Dig., XXIX, 5.14.

¹¹ Dig., 1.12.1, § 5; CJ, III, 51.5. См. З. В. Удадьцова, Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 84—85.

¹² Dig., XLVIII, 19.17.

¹³ Nov. Just., 22, c. 9.

¹⁴ Dig., XLVIII, 18.17.

¹⁵ Прокоп., Н. а., VIII, 25. См. И. Е. Тимошенко. К истории судебной пытки. I. Взгляды древних на пытку. II. Пытка по римскому праву. Полтава, 1899.

гались за преступления политического характера. Страшным бичом для населения империи были законы об оскорблении величества. Они не только сохраняли свое значение при Юстиниане, но, судя по «Тайной истории» Прокопия, получили широчайшее применение. *Crimina laesae majestatis*, трактовавшиеся как государственная измена, занимали важнейшее место среди других уголовных преступлений в 48-й книге Дигест.

На основании высказываний римских юристов Ульпиана, Маркиана, Гермогениана, Папиниана, Сцеволы, Сатурнина и конституций императоров компиляторами VI в. был создан печально знаменитый IV титул 28-й книги Дигест (*Ad legem Juliam majestatis*). Этот закон представлял чрезвычайную опасность для всех граждан римского, а затем византийского государства особенно потому, что он был сформулирован в столь общих, а порою и туманных выражениях, что давал широчайший простор произволу властей. В нем суммировались все преступления, которые рассматривались как государственная измена. К таковым принадлежали: вооруженное восстание в столице или в провинциях против императора, покушение на его жизнь, убийство магистров, подготовка захвата власти¹⁶, тайные сношения с врагами государства, помощь им во время войны¹⁷. Государственным преступником считался и тот, кто своими советами убедил правителя иностранной державы быть менее покорным римлянам, либо из-за чьих действий римская империя получила меньшее число заложников или добычи, нежели другое государство¹⁸. Смертная казнь грозила и за оскорбление статуй императора, причем нередко трудно было установить, нанесено ли повреждение статуям случайно или по злему умыслу¹⁹.

Закон об оскорблении величества был опасен для всех без исключения подданных императора, от самых знатных до бедняков. Обвинителями по политическим делам могли выступать даже лица, лишённые этого права (*qui jus accusandi non habent*): рабы, *famosi* — лица, опороченные каким-либо преступлением, женщины, по закону не обладавшие правом предъявлять публичные иски (*actiones populares*)²⁰.

Величайшая несправедливость закона об оскорблении величества состояла также и в том, что он допускал перенесение на детей ответственности за преступление родителей. Дети государственных преступников считались виновными в преступлении их родителей. Смерть лица, обвиненного в государственном преступлении, не погашала карательных последствий обвинения, даже если оно не было доказано. Наказанием за государственную измену всегда была смертная казнь и конфискация всего имущества²¹.

«Тайная история» Прокопия как нельзя лучше дает представление о применении на практике в правление Юстиниана грозного закона об оскорблении величества²².

Не менее ярко, чем в законодательстве о политических преступлениях, социальная сущность Юстинианова права сказалась и в законах, направленных против насилия. Их жестокость показывает необычайную напряженность социально-политической борьбы в империи, заставлявшую законодателей применять самые беспощадные меры для охраны

¹⁶ Dig., XLVIII, 4.1.

¹⁷ Dig., XLVIII, 4.2.

¹⁸ Dig., XLVIII, 4.3.4.

¹⁹ Dig., XLVIII, 4.5.6.

²⁰ Dig., XLVIII, 4.7.8.

²¹ Dig., XLVIII, 4.9—11.

²² Прокоп., Н. а., XI, 35.

жизни и собственности представителей господствующих классов от «насилия» со стороны народных масс.

Особенно большое политическое значение имели предписания Дигест против преступлений, связанных с публичным насилием²³ (*Lex de vi publica*) в отличие от частного (*Lex de vi privata*)²⁴. Публичным насилием считалось преступление, совершенное с применением оружия и наносившее вред жизни и имущественным интересам граждан. Всякое вооруженное восстание, а также вооруженное нападение на дома или виллы знати приравнивалось к публичному насилию и каралось смертной казнью²⁵. Виновен в *crimen vis publica* каждый, кто собрал в своем доме, на своем поле, на своей вилле больше оружия, чем следует иметь для охоты, путешествия, мореплавания. Обвинение в этом преступлении грозило и тому, кто соберет вооруженную толпу рабов или свободных лиц и поднимет восстание или даже будет только подстрекать к беспорядкам, кто устроит пожар, кто при помощи огня или меча силой захватит чье-либо имущество, изгонит хозяина из его дома, с поля, корабля. Под этот же закон подпадали преступления, связанные с похищением и насилием над женщинами или мальчиками. Виновным в публичном насилие считался тот, кто явится в общественное место вооруженным. В менее важных случаях за совершение публичного насилия смертная казнь могла быть заменена изгнанием (*damnatao de vi publica aqua et igni interdictur*)²⁶.

Всякие виды саморасправы, связанные с насилием, но без применения оружия и без угрозы для жизни потерпевшего, приравнивались к *crimen de vi privata* и наказывались конфискацией имущества, различными штрафами и лишением гражданской чести²⁷.

Социальный характер носили постановления Юстиниана, защищавшие от всякого насилия права собственников и владельцев²⁸. Законодатель требовал сурово наказывать всякое насильственное отнятие вещи у ее реального владельца. Так, если вещь отнята насильно у владельца даже ее собственником, то за самоуправство хозяин вещи должен вернуть ее владельцу и лишиться в его пользу своего права собственности. Если же насилие совершено не собственником вещи, то виновный обязан уплатить пострадавшему ее стоимость в деньгах и, кроме того, вернуть самую вещь²⁹.

Жестокости были наказания за посягательство на жизнь свободного человека. За его убийство (*homicidium*) карой была смертная казнь через отсечение головы или повешение с закрытием головы казненного³⁰. За убийство родителей и вообще лиц, близких по крови (*parenticidium*), полагалась особо страшная казнь: виновного зашивали в мешок вместе с гадами и отвратительными животными и топили в реке или в море³¹.

Начиная с IV в. произошли некоторые изменения и в законодательстве относительно убийства раба. Уже по закону императора Константина господин, убивший своего раба, наказывается как за совершение убийства (*homicidium*). В Кодекс Юстиниана был включен закон, категорически запрещающий убивать раба с преднамеренной целью. Допуска-

лись, правда, и некоторые исключения. Так, если раб умирал во время наказания плетями или пребывания в темнице, то господин не нес никакой ответственности³². За убийство чужого раба свободный подвергался уголовному наказанию³³.

Большую опасность для общества в рабовладельческом мире представляли преступления, связанные с продажей или покупкой заведомо свободного человека с целью обращения его в рабство (*plagium*)³⁴. Продажа свободного наказывалась смертью³⁵. Закон предписывал в каждом сомнительном случае проводить тщательное расследование того, был ли продан в рабство беглый раб, выдававший себя за свободного человека, или свободнорожденный гражданин³⁶.

Тяжким преступлением в римском уголовном праве считалось нарушение супружеской верности — прелюбодеяние. В предписании Дигест по этому вопросу ярко проявляются сословные предрассудки того времени. Особенно сурово пресекались «позорные» связи между свободными людьми и рабами. За связь со знатной женщиной раб предавался сожжению. Отталкивающее впечатление производит продажа мужем жены для проституции (*lenocinium mariti*), показывающая всю глубину падения нравов той эпохи³⁷.

Рост коррупции привел к чрезвычайному распространению преступлений, связанных с различными подделками (*falsum*), вымогательствами (*repetundae*), хищением казенных денег (*peculatus*)³⁸. Соккрытие истинных доходов от государственных сборщиков налогов с целью уменьшения размера взноса рассматривалось в римском праве как важное государственное преступление, караемое высоким штрафом³⁹. При дознании по этому делу разрешалось выслушивать показания рабов.

Итак, уголовное право по законодательству Юстиниана отличалось значительно большей реакционностью, чем гражданское. В нем с предельной ясностью сказались классовые и социальные предрассудки рабовладельческого общества: ненависть к рабам и свободным беднякам, императорский деспотизм и отсутствие какой-либо политической свободы. Большое влияние на уголовный суд оказывали социальные и политические условия жизни.

Уголовное судопроизводство особенно поражало своей классовой предвзятостью и несправедливостью; неправильное построение органов уголовного суда при смешении однородных функций законодательной, административной и судебной власти исключало какое-либо равенство граждан перед судом. По произволу императоров были фактически упразднены не только равенство сторон, но и судебная защита и строгая оценка судебных доказательств.

³² CJ, IX, 14.1. В законе сказано: «Если господин будет бить раба плетями... или заключит его в оковы и бросит в темницу... то пусть не опасается быть обвиненным в смерти раба. Однако своим правом пусть пользуется умеренно, в противном случае он стал бы убийцей человека, если преднамеренно убил его ударом палки или камня, или, пользуясь другим смертоносным оружием, нанеся ему рану или предписав его повесить, или ужасным приказанием привел его к гибели, или отравив сильно действующим ядом, а также если будет терзать тело жестокими пытками, резать железом ногти, жечь тело поднесенным огнем... или же будет подвергать мучительным истязаниям, вследствие которых человек умирает».

³³ CJ, III, 35.3. Если раб был изувечен или убит посторонним лицом, то виновный не только возмещал ущерб господину раба, но и привлекался к уголовной ответственности за убийство.

³⁴ Dig., XLVIII, 15.1—7.

³⁵ Dig., XLVIII, 15.1.

³⁶ Dig., XLVIII, 15.2.3.6.

³⁷ Dig., XLVIII, 5.29.

³⁸ Dig., XLVIII, 10.1—33; 11.1—9; 13.1—14.

³⁹ Dig., XLVIII, 12.2—3.

²³ Dig., XLVIII, 6.

²⁴ Dig., XLVIII, 7.

²⁵ Dig., XLVIII, 6.1.

²⁶ Dig., XLVIII, 6.2—10.

²⁷ Dig., XLVIII, 7.1—8.

²⁸ CJ, VIII, 4.7; Nov. Just., 52, c. 1; 60, c. 1; 134, c. 7; Dig., XLVIII, 7.7.

²⁹ CJ, VIII, 4.7. См. М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства «Василик». — ВВ, VI, 1953, стр. 72—87.

³⁰ Dig., XLVIII, 8.1—17.

³¹ Dig., XLVIII, 9.1—10.

Неограниченный деспотизм и социальное неравенство исключали существование начал законности, справедливости и гуманности в уголовном процессе. Лицо, стоящее на низшей ступени социальной лестницы, не имело никаких гарантий в его отношениях к обвинительной власти и государству. Тираническое господство государства, попиравшего права и интересы отдельной человеческой личности, вторжение светской и духовной власти в дела совести и нравственности граждан, в интимную жизнь членов общества, необычайно жестокая карательная система, узаконение социального неравенства при установлении виновности и мер наказания — вот характерные отрицательные черты римского уголовного права, увековеченного в законодательстве Юстиниана.

IV. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЮСТИНИАНА И ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

С победой христианства, естественно, должно было все сильнее сказываться воздействие христианской церкви на различные сферы социально-политической жизни, в том числе и на законодательство Римской империи.

Влияние христианской идеологии и церковной организации в праве VI в. прослеживается по двум основным направлениям. С одной стороны, господствующая церковь в союзе с государственной властью стремится юридически закрепить свое экономическое и политическое благосостояние путем создания привилегированной земельной собственности церковью и монастырей¹. Ведя постоянную борьбу против своих политических и религиозных противников, церковь пытается оформить через законодательство подчиненное положение своих побежденных соперников, добиться признания их юридического неполноправия.

С другой стороны, в законодательстве VI в. отразились попытки церкви, чаще всего робкие и непоследовательные, внести в право некоторые меры, облегчающие положение свободной бедноты и зависимого населения, с целью найти поддержку среди широких народных масс империи².

В законодательстве Юстиниана местные церковные общины впервые признавались корпорациями. Они наделялись правами юридического лица и могли обладать собственным церковным имуществом (*bona ecclesiastica*). Духовенство добилось предоставления церковным организациям серьезных привилегий. Важнейшей среди них оказалась привилегия церкви быть наследником по завещанию любого лица (*testamenti factio passiva*)^{2a}. Именно это право обеспечило в дальнейшем быстрый рост церковных имуществ за счет пожертвований верующих. До того времени подобной привилегией пользовались лишь государство, а из корпораций — городские общины. Право приобретать имущество по завещанию имело особенно существенные последствия для монастырей.

Законодательство Юстиниана признавало за учреждениями, основанными с благотворительной целью (*piae causae*), статус юридического лица³. Больницы, богадельни, сиротские и странноприимные дома получали право на владение имуществом под надзором местного епископа. Любимой верующий как при жизни (*inter vivos*), так и на «случай смерти»

¹ П. П. Соколов. Церковно-имущественное право в Греко-Римской империи. Новгород, 1895; Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908, стр. 322—375.

² З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии VI в. — ВВ, XXIV, 1964, стр. 3—34.

^{2a} CJ, I, 2.15—25.

³ Н. С. Суворов. Об юридических лицах по римскому праву. М., 1900.

(*mortis causa*) мог отдать свое имущество на создание подобного благотворительного учреждения. С юридической точки зрения, возник новый субъект права (отличный от корпорации), цель которого и порядок управления им устанавливались учредителем. Как правило, внутренний распорядок вновь созданного учреждения и условия его дальнейшего существования предписывались учредителем или епископом местной церковной общины⁴.

Важным фактором укрепления экономической мощи христианской церкви было запрещение Новеллами Юстиниана отсуждать церковные имущества⁵. Духовенство в дальнейшем использовало это предписание для создания замкнутого церковного землевладения.

Особенно показательна в этом отношении знаменитая VII Новелла Юстиниана от 535 г. Запрет отчуждать церковное имущество, введенный ранее императорами Львом и Анастасием лишь для константинопольской церкви, теперь был распространен на все церкви, монастыри и богоугодные заведения империи. Ареал действия закона был очень велик: он включал как столицу и соседние города, так и провинции — Восток, Иллирик, Египет, Ликаонию, Ликию, Африку, а также западные области — «от древнего Рима до пределов океана». Действию закона подлежали церкви, находящиеся под властью патриарха Константинополя и под властью епископов и других патриархов.

Всеобъемлющий характер закона заставил Юстиниана издать его не на «отечественном» (т. е. латинском), а на понятном для большинства населения греческом языке. Закон запрещал отчуждать принадлежащее церковным организациям недвижимое имущество, как-то: дома, поля, сады, а также земельные участки и государственную хлебную аннону. Отменялись все виды отчуждения: продажа, дарение, обмен, «вечная» аренда (*эмфитевсис*), отдача имущества в залог кредиторам⁶.

Старые сделки оставались в силе, ибо законодатель понимал затруднительность разбора огромного количества подобных судебных дел и документов. Но впредь всякое отчуждение церковного имущества сурово преследовалось.

Исключение было сделано только в пользу самого императора. Закон разрешал ему в случае необходимости и для блага государства производить обмен государственного имущества на церковное, но обязательно — к выгоде церкви. Взамен император должен был предоставить церкви равноценную или более дорогую вещь. Подобный обмен признается законным, и управляющие церковными имениями освобождаются от наказания. В законе проводится политическая идея главенства императора над церковью.

Забота о преумножении богатств церкви — первейший долг императора, но церковь должна постоянно помнить о его благодеяниях — такова мысль законодателя, выраженная, как всегда, в длинных и витиеватых фразах: «Немного отличается между собой священство и императорская власть, имущество церкви от имущества общественного и государственного, так как источником всех богатств церквей является щедрость императора»⁷. Именно он, как верховный собственник всего в империи, может

⁴ CJ, I, 2.13.15.19.23; I, 3.24, 28, 45, 48; Nov. Just., 131, 10 и 11. См. В. М. Хвостов. История римского права, стр. 397; В. Б. Ельяшевич. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. СПб., 1910, стр. 436 и сл.

⁵ Nov. Just., 7; 120.10; CJ, I, 2.21. Лишь в особых случаях для выкупа пленных и уплаты церковных долгов разрешалось отчуждение движимых *res sacrae* (Inst. Just., 2.1.8; CJ, I, 2.21; Nov. Just., 120, с. 10).

⁶ Nov. Just., 7, с. 1.

⁷ Nov. Just., 7, с. 2, § 1.

одарить церковь разнообразными благами, а для него «давать церквам без меры является лучшей мерой»⁸.

VII Новелла Юстиниана вводила очень суровые наказания за отчуждение церковного имущества. За продажу и покупку церковных имений всю полноту ответственности несли как покупатель, так и управляющий церковным учреждением, допустивший подобную сделку. Покупатель терял уплаченные деньги и возвращал церкви имущество со всеми полученными с него доходами. Никакого иска против церкви он вчинить не мог. Ему предоставлялось право лишь потребовать через суд возмещения убытков из имущества эконома, совершившего продажу церковной земли⁹.

В VII Новелле приводились примеры незаконной продажи целых монастырей частным лицам в Александрии и в других областях Египта. Закон предписывал закрытые монастыри восстановить, а все проданное их имущество вернуть. Покупатели же монастырских земель теряли покупную цену, а совершившие незаконную продажу возмещали им убытки¹⁰.

В случае дарения церковной собственности лицо, принявшее этот незаконный дар, не только его теряло, но, кроме того, должно было в виде штрафа¹¹ передать церкви другое равноценное имущество. При обмене лицо, совершившее эту сделку, теряло и то имущество, которое оно передало церкви, и то, которое получило за него в обмен. Но пострадавший мог вчинить иск против имущества управляющего, заключившего с ним незаконный договор¹². Кредитор, принявший в качестве залога дом, пригородный участок, поле, сад, аннону или сельских рабов церкви, терял в пользу церковного учреждения данные им в кредит деньги и возвращал ему заложенное имущество. Он сохранял опять-таки лишь право начать судебное дело против эконома, взявшего у него в кредит деньги под залог церковной собственности¹³.

В случае крайней необходимости церковным экономам разрешалось брать денежный заем, но под обеспечение общей ипотеки церковного имущества, а не специального залога¹⁴. Закон запрещал отдавать в заклад священные сосуды и церковную утварь. Это разрешалось лишь в том случае, если эти деньги нужны были для выкупа пленных¹⁵.

VII Новелла преследовала всякие обходные пути, помогавшие нарушать запрет отчуждать церковное имущество. Так, не разрешалось добиваться особых прагматических санкций на приобретение того или иного церковного владения. За их издание квестору грозил штраф в 50 либр золота¹⁶. Особенно суровые наказания грозили всем экономам, начальникам богоугодных заведений, игуменам монастырей за нарушение закона 535 г. Если эконом или игумен приобретал в свою собственность что-либо из церковного имущества, он наказывался как за совершение святотатства¹⁷. Если эконом отчуждал церковное имущество, то лишался должности сана и должен был возместить из своих средств весь ущерб, причиненный церкви¹⁸.

⁸ Nov. Just., 7, c. 2, § 1.

⁹ Nov. Just., 7, c. 5, praef.

¹⁰ Nov. Just., 7, c. 11.

¹¹ Nov. Just., 7, c. 5, § 1.

¹² Nov. Just., 7, c. 5, § 2.

¹³ Nov. Just., 7, c. 6, praef.

¹⁴ Nov. Just., 7, c. 6, § 1.

¹⁵ Nov. Just., 7, c. 8.

¹⁶ Nov. Just., 7, c. 9.

¹⁷ Nov. Just., 7, c. 10.

¹⁸ Nov. Just., 7, praef.

Суровым наказанием подвергались и все клирики, знавшие об отчуждении церковного имущества, но не воспрепятствовавшие этому. Судебное преследование разрешалось возбуждать даже против самого епископа, потворствовавшего продаже церковных земель.

Тяжелые наказания ожидали и государственных магистратов, допустивших заключение сделок об отчуждении церковного имущества. Они лишались своей должности, сана, имущество подвергалось конфискации. Даже нотариусу, составившему акт об отчуждении земель церкви, грозило вечное изгнание¹⁹.

Экономам и игуменам не только запрещалось отчуждать имущества церкви, но и приобретать для нее такие владения, которые не приносили дохода. Лица, продавшие церкви заброшенные и убыточные имения, теряли уплаченную за них сумму²⁰.

Законодательство Юстиниана всячески подчеркивало, что первой обязанностью епископов, игуменов, смотрителей богоугодных заведений было преумножение богатств церкви, повышение доходности ее имений, охрана имущества, поднятие ценности церковных земель. Церковная администрация несла всю ответственность за упадок имений церкви.

Ряд предписаний закона направлен на обеспечение материальных интересов церкви. Закон весьма скрупулезно формулирует выгодные для церкви условия долгосрочной аренды земли (эмфитевсиса), зданий (суперфиция) и узурфрукта на церковных землях.

Долгосрочная аренда в поместьях церквей и богоугодных заведений разрешалась лишь на следующих условиях: 1) арендный договор заключался только на срок жизни самого эмфитевта и его двух прямых наследников обоего пола (сына, дочери, внука, внучки, жены или мужа). К каким-либо другим наследникам эмфитевсис на церковных землях не переходит, и если эмфитевт не имеет прямых наследников, то аренда действительна только на срок его жизни. После смерти трех поколений эмфитевтов земля, сданная в аренду, вновь возвращается церкви²¹. Категорически запрещалось возобновлять арендный договор четвертому поколению эмфитевтов, ибо это превратило бы аренду в «вечную», что, по мнению законодателя, было бы равнозначно краже церковной земли²².

Важной привилегией церкви было установление выгодного для нее канона эмфитевтов. По закону долгосрочные арендаторы на императорских и частных землях получали скидку с обычного годового канона, равную шестой части общей суммы. Хотя эта скидка для эмфитевтов сохранялась в силе и на землях церкви, предписывалось исчислять ее с обычного в данной местности канона и не допускать его снижения. Кроме того, для дорогих пригородных участков церкви, приносящих более высокий доход, арендная плата эмфитевтов должна была исчисляться, исходя из среднего дохода за 20 лет, а не за один год. Духовенству давалось право менять размер канона (видимо, в сторону повышения) при замене эмфитевтов после смерти трех поколений арендаторов²³.

Если эмфитевт не платит канон церкви в течение двух лет (а не трех, как на землях светских землевладельцев), то управляющие церковным имуществом могут прогнать арендатора и наложить руку на землю и дом без опасения возмещения расходов, которые эмфитевт понес на мелиорацию участка. Если эмфитевт по нерадению ухудшил агротехнику арендованного земельного участка, привел в упадок снятый им дом, то он дол-

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Nov. Just., 7, c. 12.

²¹ Nov. Just., 7, c. 3, praef.

²² Nov. Just., 7, c. 3, § 2.

²³ Nov. Just., 7, c. 3, § 1.

жен за свой счет исправить причиненный вред и восстановить имение в прежнем виде. Эмфитевт и его наследники отвечают своим имуществом за всякий ущерб, нанесенный полученному в аренду от церкви земельному участку²⁴.

В законодательстве Юстиниана были оформлены привилегии церкви и в отношении суперфиции (аренда зданий) на церковных землях. Категорически запрещался суперфиций сроком более чем на три поколения арендаторов. Предписывалось тщательно определять справедливую плату за аренду здания, даже разрушенного. Для установления канона суперфициара лучшие строители и архитекторы данной области вместе с управляющими церковными имуществами и в присутствии самого епископа должны были лично осмотреть постройки и назначить выгодную для церкви, но вместе с тем справедливую арендную плату. После этого суперфициар и его наследники могли сооружать различные здания, используя при этом материал прежних построек. По прошествии срока аренды трех поколений воздвигнутые здания вновь возвращались церкви или богоугодному заведению²⁵.

VII Новелла Юстиниана устанавливала чрезвычайно выгодные для церкви условия предоставления узуфрукта на ее землях. Если узуфруктуар богат и владел недвижимым имуществом, он был обязан из своего имения взамен полученного в узуфрукт земельного участка дать церкви свой участок земли, приносящий равноценный доход. Передавая церкви землю, узуфруктуар фактически терял на нее право собственности. После его смерти или окончания срока узуфрукта церковной корпорации возвращался не только переданный в пользование земельный участок, но к ней окончательно переходило право собственности и на ту землю, которая была получена от узуфруктуара взамен предоставления узуфрукта²⁶. Таким образом, узуфрукт на церковных землях превратился в один из способов получения духовенством земель в собственность от состоятельных землевладельцев. Это было своего рода земельные пожертвования церкви, но отсроченные на определенный срок. Императорская власть широко поощряла пожертвования земли в пользу церкви. Так, Юстиниан предписал всем лицам, принимающим монашеский сан, отдавать свои имения церкви или какому-либо богоугодному заведению²⁷. Значительно была упрощена процедура передачи имущества в дар церкви.

Для поддержания престижа церкви императорская власть всячески поощряла благотворительную деятельность церковных учреждений. Особенно высоко ценилась деятельность духовенства по выкупу пленных и прокормлению бедняков. Дарение имущества верующими на благотворительные цели считалось богоугодным делом. В 538 г. особой Новеллой Юстиниан разрешил духовенству провинции Мезии продавать те участки земли, виноградники, дома, которые не приносили верного дохода, а были пожертвованы церкви на благотворительные нужды. Вырученные от продажи деньги должны были обращаться только на выкуп пленных или прокормление бедных²⁸.

Все эти рескрипты императора издавались по просьбам церковных иерархов. Они показывают упорную борьбу церкви за расширение своих привилегий. Законодательство Юстиниана заложило фундамент экономического благосостояния церкви в последующие века.

²⁴ Nov. Just., 7, c. 3, § 1.

²⁵ Nov. Just., 7, c. 3, § 2.

²⁶ Nov. Just., 7, c. 4.

²⁷ CJ, I, 3.41.47; cp. Nov. Just., 5.1—8.

²⁸ Nov. Just., 65.

В VI в. церковь добилась не менее важных политических уступок со стороны центрального правительства. Важнейшей из них было признание для духовенства особой, церковной юрисдикции. Верховным судьей всех духовных лиц отныне являлся их епископ. Светские суды не могли рассматривать дела клириков²⁹. Церковным иерархам, особенно епископам, предоставлялось право контроля над гражданской администрацией. В своей епархии, в своем городе епископ получал широкие судебные и административные полномочия, он контролировал светских магистратов, должен был выступать защитником интересов всех жителей области³⁰. Император, однако, оставлял за собой право самому вмешиваться не только в догматические споры церкви, но и устанавливать внутренний распорядок жизни духовенства, особенно монашества. Законодатель регламентировал правила избрания нового епископа³¹ и посвящения в духовный сан клириков³², порядок избрания игуменов монастырей и управляющих богоугодными учреждениями³³. Юстиниан заботился о строгости нравов клириков и монахов³⁴, санкционировал постоянный надзор высших иерархов за подчиненными им духовными лицами³⁵.

Вместе с тем церковь добилась полной поддержки государства в борьбе со своими политическими и религиозными противниками. Христианская церковь внесла в VI в. в законодательство дух вероисповедной нетерпимости и правовых ограничений в зависимости от религиозной принадлежности. В период господства римской религии многие языческие культы подвластных Риму народов пользовались значительной свободой. Лишь борьба язычества с христианством породила гонения против христиан и нетерпимость к сторонникам новой религии. После победы христианства ортодоксальное духовенство хотя на словах и провозгласило веротерпимость основным принципом государственной политики³⁶, на деле очень скоро начало жестокие преследования всех еретиков, язычников, евреев, вероотступников. Законодательство Юстиниана дает нам представление о чрезвычайно ожесточенной идейной и религиозной борьбе в империи в 30—40-х годов VI в. Под покровом религиозной борьбы достаточно четко прослеживаются социально-политические столкновения.

В правление Юстиниана мечта императора о создании единой империи на основе единой православной веры была очень далека от осуществления. В огромном государстве буквально кипели религиозные споры, существовало множество враждовавших между собой и несогласных с догматами православия еретических течений.

На Западе империи прочные корни пустило арианство. Долгое время оно пользовалось в варварских королевствах остготов, вестготов и вандалов привилегиями господствующей церкви. Арианская церковь обладала огромными богатствами и множеством приверженцев. В северной Африке, несмотря на гонения, сохраняли влияние донатисты и другие более радикальные религиозные секты. Ожесточенная религиозно-политическая и социальная борьба развернулась на востоке империи.

В восточных провинциях особенно опасными для византийского правительства были демократические религиозные секты, учение которых носило открыто бунтарский характер и было направлено как против господствующей церкви, так и государства в целом.

²⁹ CJ, I, 4.29; Nov. Just., 79; 123, c. 1—2.

³⁰ CJ, I, 4.1—34.

³¹ CJ, I, 3.41.47; Nov. Just., 123.

³² Nov. Just., 123.

³³ CJ, I, 3.41.46.

³⁴ CJ, I, 4.34; Nov. Just., 5, c. 3; 133.

³⁵ Nov. Just., 123, c. 10.

³⁶ E u s e b., Hist. eccl., IX, 9; X, 5.

Наиболее революционно настроенными среди сектантов были манихеи, имевшие многочисленных сторонников в среде народных масс Малой Азии, а также монтанисты, учение которых находило прозелитов среди беднейшего крестьянства Фригии.

Несколько более умеренную социально-политическую позицию занимали несториане, учение которых имело последователей в Армении, Месопотамии, Осроене, а также монофиситы — самые сильные и самые многочисленные противники Халкидонского собора, создавшие влиятельные церковные организации в Египте, Сирии, Палестине, Месопотамии, Армении, в Сирийской пустыне и в самой столице. Как несториане, так и монофиситы объединяли отнюдь не только демократические слои населения: наряду с выходцами из народа в их среде большим влиянием пользовались богатые купцы и горожане крупных городов Востока, сепаратистски настроенные землевладельцы восточных провинций, многочисленное восточное монашество.

Под влиянием высшего ортодоксального духовенства Юстиниан возвел религиозную нетерпимость в государственную доктрину и провозгласил беспощадное искоренение ересей долгом совести всех православных подданных византийского государства³⁷. Между 527—528 гг. были изданы императорские законы против еретиков, язычников, евреев, вероотступников. Законодательство Римской империи еще никогда не знало таких суровых гонений на инакомыслящих и в таких масштабах.

Все еретические культы ставились вне закона, еретикам запрещалось иметь свою церковную организацию и церковную иерархию, совершать таинства крещения, брака, рукоположение в духовный сан³⁸. Был отдан приказ закрывать арианские храмы, еврейские и самаритянские синагоги, разрушать их или переделывать в православные церкви. Особенно беспощадно преследовались всякие «тайные сборища» еретиков. Император провозгласил, что «нелепо было бы позволять нечестивым совершение священных обрядов»³⁹.

Еретики ущемлялись в политических и имущественных правах. Доктрина Юстиниана, согласно которой «справедливо лишать земных благ тех, кто не поклоняется истинному богу»⁴⁰, нашла широкое применение в законодательстве и в жизненной практике. По приказу императора все еретики отстранялись от занятия общественных, государственных, военных и даже некоторых муниципальных должностей. Вводился строжайший контроль за государственными служащими: для поступления на государственную службу было необходимо, чтобы три уважаемых гражданина поклялись на евангелии и удостоверили, что претендент — не еретик, а исповедует ортодоксальную религию⁴¹. Все инакомыслящие, занимавшие какие-либо должности к моменту издания закона, немедленно увольнялись⁴². За ними сохранялись лишь наименее выгодные, связанные с повинностями и расходами должности куриалов и когорталов. Вероотступники хотя и могли нести должностные обязанности в куриях, но отнюдь не смели претендовать на какие-либо преимущества⁴³.

Еретикам запрещалось заниматься и свободными профессиями: они отстранялись от адвокатуры и от профессуры. Правительство особенно опасалось, «чтобы своим нечестивым преподаванием они не вовлекли бы

³⁷ Nov. Just., 109, epil; cp. Nov. Just., 115.3.14; CJ, I, 5.18.

³⁸ CJ, I, 5.14; 5.20.

³⁹ Nov. Just., 37.

⁴⁰ CJ, I, 5.12, § 5.

⁴¹ CJ, I, 4.20.

⁴² CJ, I, 5.12, § 9.

⁴³ CJ, I, 5.12, § 6.

простые души в подобные же заблуждения»⁴⁴. Эти предписания наглядно показывают страх правительства и господствующей церкви перед распространением среди молодежи яда свободомыслия и непокорности властям.

Правительство Юстиниана не удовлетворялось ущемлением политических прав еретиков. Были введены ограничения гражданской правоспособности всех лиц, не придерживающихся догматов господствующей церкви.

Император объявил: «Справедливо, чтобы православные пользовались в обществе большими преимуществами, чем еретики»⁴⁵. Последние были жестоко стеснены в сфере гражданского права, закон вмешивался в их частную жизнь и семейные отношения, сея раздоры между родственниками. Вероотступники были ограничены в правах наследования и получения легатов. Если в числе детей отца-еретика есть дети еретики и православные, то закон дает православным предпочтительные права наследования перед еретиками⁴⁶. Если сыновья заподозрены в ереси, то наследство переходит к более отдаленным родственникам, лишь бы они были православными. В случае же, когда никаких православных родственников нет, наследство еретика переходит в собственность государства⁴⁷. Последователи еретических сект могут совершать легаты и делать подарки только в пользу православных⁴⁸.

Мать-еретичка по закону была обязана выделить из своего имущества приданое дочери, придерживающейся догматов православной церкви⁴⁹. Если между родителями возникали разногласия по поводу воспитания детей, то закон всегда защищал тех, кто придерживался православия и хотел воспитывать детей в духе православной религии⁵⁰.

Еретики были лишены права давать на суде свидетельские показания против православных⁵¹.

Отступники, т. е. лица, отступившие от православной религии и перешедшие в язычество или иудейство, лишались права составлять завещания и наследовать. Кроме того, они не могли выступать на суде в качестве свидетелей⁵².

Принимая православие, еретики, однако, всю жизнь подлежали строгому надзору церкви. За вторичное впадение в ересь и вероотступничество их ожидала смертная казнь⁵³. Вероотступники, так же как язычники и иудеи, не могли владеть рабами-христианами. В случае нарушения этого закона раб получал свободу⁵⁴.

Выступая против всех, кто не исповедует «истинной» веры и не подчиняется догматам господствующей вселенской церкви, Юстиниан тем не менее проводил существенные градации в отношении различных сект и вероучений.

Еретические секты, носившие демократический характер и угрожавшие существующему строю, не только ограничивались в правах, но подвергались беспощадным гонениям. Наибольшую ненависть правительства Юстиниана вызывали демократические секты манихеев и монтанистов.

⁴⁴ CJ, I, 5.18.4.

⁴⁵ Nov. Just., 109, c. 1.

⁴⁶ CJ, I, 5.18, § 1; Nov. Just., 115, 3, § 14.

⁴⁷ CJ, I, 5.18, praef.; Nov. Just., 115, 3, § 14.

⁴⁸ CJ, I, 5.17.18.19.22; Nov. Just., 115.3, § 14; 4.8.

⁴⁹ CJ, I, 5.19, § 3.

⁵⁰ CJ, I, 5.12.18.

⁵¹ CJ, I, 5.21.

⁵² CJ, I, 7, 1—6.

⁵³ CJ, I, 5.16, § 4.

⁵⁴ CJ, I, 10, § 1.2; CJ, I, 5.10.

И именно по отношению к ним законодательство Юстиниана проявляет предельную жестокость.

За приверженность манихейской ереси каждому грозила смертная казнь; только смерть, по мнению законодателя, могла искупить преступления этих «проклятых богом безумцев». Всюду необходимо их гнать, стирать с лица земли их нечестивые «капища», искоренять самое их имя, предавать их позорной и мучительной казни⁵⁵. Смертной казнью карались все, кто предоставлял убежище манихеям, кто скрывал их от властей. Строжайшим образом преследовалось распространение идей манихейства; манихейские книги предписывалось сжигать⁵⁶. Манихеи не только отстранялись от всех должностей, но им не давалось права владения имуществом, чтобы «лишенные всего, они погибли бы в нищете»⁵⁷.

Не менее беспощадным гонениям подвергались фригийские монтанисты. Храмы, где они отправляли свой культ, разрушались⁵⁸, их тайные собрания разгонялись, духовенство отправлялось в ссылку или предавалось смерти⁵⁹. Всем христианам под страхом сурового наказания запрещалось общение с монтанистами. Последователям учения Монтана не разрешалось участвовать в судебных процессах, касающихся даже лишь еретиков, давать показания не только против православных, но и против инакомыслящих. Они лишались всех гражданских прав, не могли заключать какие-либо законные сделки⁶⁰.

Ответом на преследования манихеев и монтанистов было массовое бегство еретиков за пределы империи⁶¹. Нередки были восстания приверженцев этих сект в Малой Азии. Во время жестокого подавления мятежа монтанистов во Фригии известны случаи самосожжения еретиков. Предпочитая мучительную смерть в огне подчинению правительству, монтанисты самосжигались в своих храмах⁶². Борьба с манихеями и монтанистами явно приняла характер расправы правительства с опасным классовым врагом.

Несколько иную форму имели преследования язычников, еще довольно многочисленных в империи⁶³. В отличие от плебейских по своему социальному составу сект манихеев и монтанистов сторонники язычества в VI в. встречались главным образом в среде старой римской аристократии. Случаи тайного поклонения языческим богам встречались в самом окружении императора. Прокопий, осуждая Юстиниана за ограничение прав старой сенаторской аристократии, приписывает ему корыстные соображения, вызвавшие преследования язычников и некоторых других еретиков. «При полном отсутствии всякой вины, — пишет Прокопий, — он осуждал тех, кто считались богатыми в Византии и во всяком другом городе, одних обвиняя в многобожии, других в ересь и в неправом исповедании христианской веры»⁶⁴. Языческий культ был запрещен законом, язычники были лишены права занимать какие-либо должности на государственной и общественной службе⁶⁵. Исключение было сделано лишь для весьма тягостных муниципальных должностей, занятие которых

было скорее бременем, чем выгодой⁶⁶. Перешедшим в христианство язычникам, вновь отступившим от «правой» веры, грозила смертная казнь⁶⁷. Борьба правительства Юстиниана против язычников, однако, отражала скорее всего не социальные противоречия той эпохи, а столкновение между различными идеологическими течениями внутри господствующего класса.

Евреи, составляющие значительную часть населения Палестины и многочисленные на всем Востоке, пользовались некоторое время если не веротерпимостью, то хотя бы не подвергались открытым гонениям⁶⁸. Подобно язычникам, евреи, однако, не могли занимать государственные должности⁶⁹, им не разрешалось иметь рабов-христиан⁷⁰. Евреям (как и жившим в империи варварам) категорически запрещалось вступать в брак с христианами⁷¹.

Такое положение сохранялось до восстания самаритян, потрясшего в 529 г. Палестину⁷². Это восстание было задушено со столь страшной беспощадностью, что, по словам Прокопия, «усмирение самаритян и других так называемых еретиков наполнило Римскую империю кровью и убийствами»⁷³. После расправы с самаритянами начались гонения не только против них, но и против всех иудеев⁷⁴. Еврейские синагоги разрушались, и воспрещалось их вновь отстраивать⁷⁵. Против самаритян были изданы особо суровые законы⁷⁶.

Самаритяне отстранялись от занятия государственных должностей, они не только лишались права получать по завещаниям, но и передавать по наследству свои имения⁷⁷. Юстиниан вмешивается во внутренние дела еврейских религиозных общин⁷⁸. Эти преследования вызвали столь большое недовольство иудейского населения, что в 551 г. Юстиниан по просьбе епископа Кесарийского Сергия принужден был несколько смягчить законодательные меры против самаритян и иудеев⁷⁹.

Однако в 556 г. в Кесарии Палестинской вспыхнуло новое восстание самаритян, во время которого восставшие убили проконсула Палестины⁸⁰. Перешедшие было под страхом смерти в христианство самаритяне массами возвращались к исповеданию своей старой веры. Преемник Юстиниана император Юстин II в 572 г. вновь восстановил суровые законы против самаритян⁸¹.

По отношению к арианам политика византийского правительства была непоследовательной; она зависела от изменения политической и военной обстановки. Во время завоевания Северной Африки и Италии Юстиниан не раз пытался заключить компромисс с влиятельным ариенским духовенством. Однако после победы над вандалами и остготами византийское правительство под влиянием настойчивых требований местного католи-

⁵⁵ CJ, I, 5.12.3; Joh an. Eph es., 481.

⁵⁶ CJ, I, 5.16.

⁵⁷ CJ, I, 11.10, § 2.

⁵⁸ CJ, I, 5.18.3.

⁵⁹ CJ, I, 5.20.3.

⁶⁰ CJ, I, 5.21.

⁶¹ Procop., H. a., XI, § 23.

⁶² Ibidem., Joh an. Eph es., 489.

⁶³ CJ, I, 11.1—40.

⁶⁴ Procop., H. a., XIX, § 11.

⁶⁵ CJ, I, 11.10; 9.18.

⁶⁶ Nov. Just., 45, praef.

⁶⁷ CJ, I, 11.10.

⁶⁸ CJ, I, 5.18.3.

⁶⁹ CJ, I, 11.10; 9, 18. За исключением декурионата, который был связан с обязательными обязанностями (Nov. Just., 45, praef.).

⁷⁰ CJ, I, 10.12.

⁷¹ CJ, I, 9.6.

⁷² Malala. Chronogr., p. 445—447.

⁷³ Procop., H. a., XVIII, § 34; ср. XI, § 14.

⁷⁴ Nov. Just., 45; 131, c. 14.

⁷⁵ CJ, I, 5.17.

⁷⁶ Nov. Just., 45.

⁷⁷ Nov. Just., 45; 129, praef.

⁷⁸ Nov. Just., 131, c. 14; 146, c. 1.

⁷⁹ Nov. Just., 129.

⁸⁰ Malala. Chronogr., p. 487.

⁸¹ Nov. Just., 144, c. 1.

ческого духовенства должно было пойти на открытый разрыв с арианами. В 535 г. была издана особая новелла о восстановлении всех прав и привилегий католических церквей в Северной Африке. Победители возвратили ортодоксальному духовенству все захваченные арианами земли, церковные богатства, предметы культа. Арианские храмы были разрушены, имущество арианских церквей конфисковано и передано ортодоксам, арианские священники изгнаны, культ ариан строжайшим образом запрещен. По закону ариане, как и другие еретики, не только отстранялись от государственных должностей, но даже их переход в православие не открывал им доступа к государственной или общественной деятельности. По словам Юстиниана, ариане должны быть довольны и тем, что им была сохранена жизнь⁸².

Подобную же политику проводило византийское правительство в завоеванной Италии. Согласно Прагматической санкции 554 г. все имущество, отнятое при остготах у католической церкви, вновь ей возвращалось. Кроме того, была в широких масштабах проведена конфискация богатств арианских церквей и передача их земель, рабов, храмов и всего церковного имущества католическому духовенству⁸³. Конфискация земель ариан проводилась и в самой империи⁸⁴.

Византийское правительство в своей религиозной политике на Востоке всегда должно было считаться с богатым и могущественным несторианским и монофиситским духовенством. И если Юстиниан не хотел идти на уступки монофиситам в сфере догматики и осудил учение Нестория и Евтихия⁸⁵, то в сфере политики он был значительно более осторожен. Несториане и монофиситы были причислены к еретикам лишь законом 541 года⁸⁶. Позднее на них были распространены и все законы против еретиков. Монофиситам было запрещено отправление культа, их храмы были закрыты⁸⁷. Монофиситы подверглись ущемлению своих гражданских прав, им было запрещено приобретать земельную собственность и даже брать в аренду земельные участки⁸⁸. Жены монофиситов были лишены права на приданое⁸⁹.

Мы не будем останавливаться на всех перипетиях сложной политики Юстиниана в отношении монофиситов. Скажем лишь, что в отношении монофиситов, ариан и несториан Юстиниан проводил более умеренную политику, чем в отношении демократических еретических сект. Он переходил против них в наступление только под большим нажимом папского престола и ортодоксального духовенства. Постоянные поиски Юстинианом компромисса с верхушкой арианского и монофиситского духовенствашний раз показывают, что византийское правительство и эти секты разделяли не столько социальные, сколько политические и религиозные разногласия. Борьба ортодоксального духовенства против ариан и монофиситов была столкновением различных группировок внутри господствующего класса, внутри единой вселенской церкви за супрематию, власть, политическое влияние и богатство. Это, конечно, не может заслонить существование в среде самих ариан и монофиситов оппозиционных и даже демократических элементов, которые решительно выступали

против господствующей церкви и правительства и порою придавали религиозной борьбе социальную окраску.

Законодательство Юстиниана в конечном счете отразило крайне ожесточенную и изменчивую социально-политическую и идеологическую борьбу в империи, происходившую чаще всего в форме религиозных столкновений. Оно было совершенно беспощадно к тем еретическим движениям, которые выражали в той или иной мере социальный протест угнетенных народных масс. В то же время законодательство было значительно мягче и умереннее в отношении других религиозных течений, не имевших столь ярко выраженного социального характера.

⁸² Nov. Just., 37.

⁸³ Pragm. Sanct., § 1, 3, 8, 17. Agnelli Liber pontificalis ecclesiae Ravennatis. — MGH, Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX. Hannoverae, 1878, § 85; см. З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 439 и сл.

⁸⁴ P r o c o p., Н. а., 74; Nov. Just., 131, с. 14.

⁸⁵ CJ, I, 1.5.6.7.8.

⁸⁶ Nov. Just., 109, praef.

⁸⁷ Nov. Just., 115, с. 3, 14; 131, с. 14, § 1; 132.

⁸⁸ Nov. Just., 131, с. 14.

⁸⁹ Nov. Just., 109.

М. Я. СЮЗУМОВ
ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД
(середина VII—середина IX в.)

Проблема города в «темные века» византийской истории представляет особую значимость, так как вопрос о роли города за период VII—середины IX в. является в то же время проблемой континуитета позднеимперского общества и влияния античной традиции. Анализ затрудняется исключительной бедностью источников. В источниках того времени (акты соборов, исторические произведения, агиография) и в трактате о фемах Константина Багрянородного мы встречаем большое количество названий городов, существовавших и в предшествующие, и в последующие века, часто встречаемся с наименованием *καστρον* — крепость, но не получаем никакого представления относительно характера этих городов и укрепленных центров. Археологические материалы, безусловно, могут дать более яркие сведения, хотя и далеко не бесспорные и убедительные. То же самое можно сказать и относительно данных нумизматики. Эпиграфические памятники чрезвычайно скудны и содержат только косвенные сведения о положении города или укрепленного центра.

В основном сущность проблемы в том, возникли ли средневековые города Византии в результате внутреннего развития экономики переходного времени, выделения ремесла из сельского хозяйства или же эти города включились в процесс феодализации общественного строя уже в готовом виде, т. е. не переставая быть центрами окружающих районов в хозяйственном, социальном, политическом и идеологическом отношениях.

Для VII—середины IX в. вопрос о византийских городах разрешался в исторической литературе противоречиво: если в старинной литературе, начиная с Э. Гиббона, непрерывное существование византийских городов (изучавшихся главным образом на материалах Константинополя) представлялось несомненным, то, когда историки стали исследовать историю отдельных провинциальных городов, появилась противоположная теория — о полном упадке городов в этот период.

Так, Ф. Грегоровиус писал об Афинах: «Город (в византийскую эпоху) являлся как бы перегорелым шлаком идеальной жизни своего прошлого»... «Средние века для Афин — столетия мрака»¹.

Особенно распространенной эта теория стала с тех пор, как известный историк византийской литературы Карл Крумбахер назвал период с середины VII до середины IX столетия «темными веками».

Однако в то же время ни один из историков не мог отрицать, что в источниках всех периодов византийской истории говорится о множестве городов, что именно повествуя о времени, близком к периоду «темных веков», Константин Багрянородный (как бы ни толковали этот факт)

называл города, которые существовали и на рубеже V и VI вв., но только он перечислял их в ином порядке, в соответствии с новой феменной системой административного устройства империи. Нельзя отрицать также наличия определенной степени развития товарного производства в Византии интересующего нас времени; очевидно также ее превосходство в культурном отношении над западными странами того периода.

В советской литературе проблема города в VII—IX вв. вызвала особый интерес, поскольку она связана с вопросом о времени и характере перехода Византии от рабовладельческого строя к феодальному. Е. Э. Липшиц и М. Я. Сюзюмов отстаивают тезис о непрерывности существования городов в Византии, тогда как А. П. Каждан последовательно придерживается мнения о полном уничтожении византийских городов в VII—середины IX в. и о последующем возникновении их вновь в X—XII вв. в результате выделения ремесла из сельскохозяйственного производства деревни.

В современной зарубежной литературе по данной проблеме также существуют противоречивые точки зрения. Если западногерманский историк Э. Кирстен в своем докладе на XI Международном конгрессе византистов в Мюнхене проводил теорию полного отмирания античного города в «темные века»², то югославский византист Г. Острогорский и американец Р. Лопес, наоборот, настаивают на непрерывности существования византийского города.

В целом можно считать, что большинство современных историков признает процесс дезурбанизации Византии в середине VII в., а некоторые даже говорят о совершенном исчезновении в этот период византийских провинциальных городов как производственно-торговых центров³.

Проблема византийского города VII—середины IX в. осложняется различным содержанием, вкладываемым разными исследователями в само понятие «город» в переходный период. Дело в том, что в интересующую нас переходную эпоху некоторые экономические и политические институты, характерные для античного города, отмирают, тогда как новые институты, свойственные средневековому городу, еще не оформились, поэтому определение понятия «город» оказывается весьма сложным. Однако, если характерные для античного города черты уже исчезли, а основные качества средневекового города еще не сформировались, значит ли это, что в переходное время город как таковой перестал существовать? Люди переходного времени пользовались термином «город» — *πολις*, и историк обязан выяснить, каковы те хозяйственные, социальные и политические особенности, благодаря которым отдельные населенные пункты назывались «городами». В странах, где процессы феодализации развивались на базе разложившегося рабовладельческого строя, там, где не прерывался континуитет государственной власти и традиций управления страной, город в противоположность деревне не мог не иметь особого значения в выполнении хозяйственных, социальных и политических функций государства. О византийском городе нельзя судить по аналогии с западноевропейскими городами, где феодальное государство развивалось на базе разлагающегося родоплеменного общества и где прежний государственный аппарат был полностью разрушен. При наличии континуи-

² E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. — «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. 1958». München, 1960, S. 27.

³ D. A. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, II. Athènes, 1953, p. 142; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л., 1959, стр. 361; Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 61 и сл.; P. Charanis. The Significance of Coins. — «Historia», 4, 1955, № 2/3, p. 169.

тета государственной власти юридический статус города не может быть оставлен без внимания при определении понятия «город» для переходного времени. Юридический статус города не обязательно подразумевал некоторые права самоуправления по типу античного или средневекового города. Достаточно было признания со стороны центральной власти данного населенного пункта «городом», что, безусловно, было связано с выполнением в этом населенном пункте каких-либо управленческих — государственных либо церковных — функций.

Бесспорно, в классовом обществе, где наблюдается противоречие между городом и деревней, хозяйственная роль города как центра товарно-производственных отношений была доминирующей, тем не менее не следует сводить его общественное значение исключительно к выполнению им определенных экономических функций и отрывать экономическую роль города от административно-политической. Осуществление через посредство населенного пункта таких функций, как военно-оборонительные, церковно-управленческие, административные и финансовые, хотя и не является основным признаком города, однако в обществе, где существует более или менее централизованный церковный и государственный аппарат, нельзя представить себе выполнение этих функций вне связи с хозяйством данного поселения.

Осуществление через определенные населенные пункты централизованного управления со стороны государства или церкви, несомненно, стимулировало концентрацию здесь товарно-производственных отношений. Наоборот, наличие удобных для товарных отношений поселений приводило к перенесению в них государственного административного аппарата и созданию автокефального церковного управления.

Нет никаких оснований также отрывать понятие военного укрепления от хозяйственного значения населенного пункта. В обстановке постоянной военной опасности ни один город не мог существовать без солидных укреплений и, напротив, ни один крупный военный центр не мог обходиться без соответствующего развития экономики. Поэтому в терминологии источников VII — середины IX в. наименования «кастрон» и «полис» переплетаются⁴. Суть проблемы византийского города VII—IX вв. не в том, можно ли называть городами населенные пункты того времени, исходя из современного понятия города, а в том, какие функции выполняли тогда населенные пункты, называвшиеся городами.

* * *

Общий хозяйственный упадок городов в Византии начиная с первой четверти VII в. несомненен.

Если говорить о городе как производственно-товарном центре, то наиболее ярким показателем упадка является резкое уменьшение коли-

⁴ В буржуазной историографии нет общепринятого определения города. Определение Армака Кювийэ (A. Cuvillier. Manuel de Sociologie. Paris, 1950. p. 357 sq.) — «город, поселок, где земледелие перестает быть единственным видом производственной деятельности, — слишком широко. По Ф. Дэльгеру, епископский центр или местопребывание административного органа обозначались словом «полис», а местопребывание гарнизона и военного командования — «кастрон». Ф. Дэльгер приводит примеры массового смещения понятий «кастрон, полис, хорон, полисма» (F. Dölger. Die byzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt. — «Параспора». Ettal, 1961, S. 114). Дэльгер рассматривает сущность города только с внешней стороны: наличие стен (конечно, это важный признак города в то время), ипподром, партия цирка. Но мы не можем проследить на материале VII—VIII вв. в городах провинций такие ипподромы, хотя по материалам раскопок они продолжали существовать. К важным признакам города Дэльгер относит также наличие гавани и ремесленных кварталов (ibid., p. 115).

чества монет середины VII до середины IX в., находимых при раскопках на территории византийских городов.

Так, при раскопках в Коринфе было обнаружено монет

	Всего	На 1 год
От Анастасия до Фоки (492—610)	1149	Около 10
От Ираклия до Константина II (610—668) . . .	111	Около 2
От Константина IV до Никифора I (668—811)	19	Около 0,13
От Михаила I до Михаила III (811—867) . . .	194	Около 3,5
При Василии I (867—886)	315	Около 11,5
От Льва VI до Никифора II (886—969)	3450	Свыше 41 ⁵

Примерно таково же соотношение различных монет, хранящихся в коллекциях в музеях.

Чеканка монет в отдельных городах в VIII в. прекратилась. В частности, в Херсонесе перестали чеканить монету уже с начала VII в.⁶ Монет VIII в. там вообще почти не найдено, тогда как монеты VI, X, XI вв. встречаются в большом количестве. Так же обстоит дело и с находками монет за пределами Византии⁷. Создается впечатление, что связи Византии с западноевропейскими странами и Восточной Европой в этот период прервались и возобновились только в X в.⁸

Археологические раскопки ряда городов свидетельствуют почти о полном отсутствии следов культурных слоев периода середины VII—середины IX в. (особенно в Херсонесе)⁹. Каменное строительство, как показывают археологические изыскания, в этот период было незначительным (можно говорить только о строительстве в Фессалонике, Коринфе, Афинах, особенно в Константинополе при Феофиле). Письменные источники тоже говорят об упадке городов. Неоднократно встречаются сведения об их полном разрушении. Так, у Феофана сообщается, что город Тиана разрушен арабами, жители «покинули город, оставили его пустым, каким он остается и до настоящего времени».

Папа Мартин, сосланный в Херсонес, пишет в своих письмах в 655 г. о полной нищете в Херсонесе: «Хлеб известен только по имени», а Анастасий Библиотекарь про Херсонес 60-х годов IX в. писал, что «город совершенно обезлюдел, храм в развалинах...».

⁵ А. П. Каждан. Византийские города в VII—IX вв. — СА, т. 21, 1954, стр. 166, 171.

⁶ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 33. Находки монет в северо-восточной части Херсонеса:

V—VII вв.	421 шт.	IX в.	318 шт.
VIII в.	—	X в.	1082 шт.

Ту же картину рисуют находки монет в Пергаме, Сардах, в малоазиатских кладах (А. П. Каждан. Византийские города..., стр. 171).

⁷ Необходимо отметить, что решающим доводом для признания хозяйственного упадка является не количество монет, находимых в забытых кладах (см. И. В. Соколова. Клады византийских монет как исторический источник. — ВВ, XV, 1959), а количество монет, случайно найденных при раскопках городских районов.

⁸ А. П. Каждан. Византийские города..., стр. 169.

⁹ То же самое можно сказать и о других городах. См. о Пергаме: H. Gelzer. Pergamon unter Byzantinern und Osmanen. — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1903; о Смирне: R. Neuma n n. Selahattin—Kantar. Die Agora von Smyrna. Klein Asien und Byzanz. Berlin, 1950; об Афинах: M. Thompson. The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton, 1954; о Пелопоннесе: A. Bon. Le problème slave dans le Peloponnèse à la lumière de l'archéologie. — Byz., 20, 1950; о Сардах: H. W. Bell. Sardis. Publications of the American Society of the Excavation of Sardis, XI. Leiden, 1916.

Арабский географ IX—X вв. Ибн-Хордадбех упомянул только шесть городов в Малой Азии: Эфес, Никею, Анкару, Аморий, Самалу и Никомидию, которая, по его сообщениям, тогда находилась в развалинах¹⁰.

Значительно уменьшилось население городов. Даже в относительно крупных городах, в таких, например, как Смирна, городская территория значительно сократилась, большая часть площади оставалась незаселенной. Сильно убыло население и в Константинополе; особенно заметное уменьшение произошло в 715 г., когда перед осадой столицы арабами из Константинополя были выселены жители, которые не могли приобрести запасы продовольствия на 3 года. Население сократилось также в результате последующих эпидемий¹¹. Более 100 лет жители Константинополя оставались без водопровода, разрушенного аварами в 626 г. и восстановленного только в 766 г. Следы разрушенного водопровода имеются и в Афинах¹².

В источниках того времени вместо термина «полис» — город появляется название «кастрон» — укрепленное место, крепость. Все выше-названные факты в совокупности с данными о несомненном упадке цивилизации, оскудении историографии, упадке юриспруденции дают полное представление о «темных веках».

Византийская культура была в основном городской культурой, поэтому с упадком античных городов неотвратимым явился и упадок культуры в целом.

Относительно причин и обстоятельств упадка городов в историографии был выдвинут ряд различных теорий. Ростовцев и Рамзей считали, что упадок городов происходил еще до падения Западной Римской империи. По мнению Рамзея¹³, в связи с изменением торговых путей в IV—V вв. ряд городов потерял свое экономическое значение. Однако в отношении византийских городов это положение не подтвердилось дальнейшими исследованиями. Несмотря на страшные разрушения и опустошения, причиненные нашествием варварских племен, несмотря на налоговый гнет, заставлявший население, по словам оппозиционных авторов, бежать из пределов Византии, нет оснований констатировать в V—VI вв. процессы отмирания и вообще упадок городов. Надписи, археологические изыскания говорят скорее о процессе урбанизации в этот период, чем о дезурбанизации.

Город этого периода, по терминологии Д. Закифиноса — «протовизантийский город», существовал, согласно его периодизации, до середины VII в. (324—642 гг.). С падением «протовизантийского города» начинается рождение и медленное развитие средневизантийского города в «темные века». Этот период, по Закифиносу, продолжался до 961 г., т. е. до отвоевания византийцами острова Крита¹⁴.

Теория перерыва в истории византийского города в советской историографии разделяется А. П. Кажданом. Согласно этой теории, в VII в.

византийский город в основном перестал существовать и рождение нового города на месте старинного является после двухвекового перерыва делом последующего времени¹⁵.

Причины упадка византийских городов разные исследователи объясняли различными факторами экономического развития VI—VII вв. М. Ломбар связывает дезурбанизацию с сокращением денежного обращения в результате отлива золота на восток и в варварские страны¹⁶. Известна также попытка объяснить упадок городов постепенным уменьшением политического влияния горожан в связи с ростом крупного землевладения¹⁷.

В качестве общих причин приводятся последствия внешних нашествий, особенно арабов: депопуляция местностей, островов, перемещение населения, изменение образа жизни, опасности мореплавания вследствие появления на море арабских корсаров. В этих условиях городам трудно было сохранить свое значение экономических центров. Нашествия нарушали всю хозяйственную жизнь страны, население или уничтожалось или отводилось в плен.

Города вследствие военной опасности превращались в военные укрепления — кастра. Под влиянием передвижения славян население Балкан оставляет старинные города и бежит к Далматинскому побережью и к Фессалонике¹⁸. Город становится, за немногими исключениями, землевладельческим поселением, имеющим значение как военный, административный, церковный, но не торгово-ремесленный центр.

Э. Кирстен объясняет потерю городами своего экономического значения освобождением крестьян от зависимости в результате восстания Фоки, заселением земли славянскими поселенцами на западе и выходцами из халифата на востоке¹⁹. Безусловно, возникновение новых поселений, появление пришлого элемента — славянских племен и горцев из халифата — привело к усилению элементов натурального хозяйства.

¹⁵ Отмирание городов — явление, знакомое античному миру. В обстановке рабовладельческого общества постоянно происходило перемещение городских центров, процветание одних и упадок и даже отмирание других. Однако в истории Византии VII в. происходило не перемещение городских центров, а переход от одной формации к другой, поэтому упадок византийских городов имел совершенно иные причины. Основная причина упадка городов в Византии та же, что на Западе: переход от рабовладельческого к феодальному строю. Но нельзя считать, что полное исчезновение городов (дезурбанизация) есть закономерное и обязательное явление при переходе от рабовладельческого к феодальному обществу. Это характерно только для тех стран, где такой переход происходил в условиях полной ломки государственного аппарата при варварском завоевании. При известном континуитете государственного управления имущественные отношения продолжают охраняться властью там, где территория находится под контролем государства. Но нужно отметить, что при всяких изменениях в экономике страны отдельные центры могут захиреть, а другие — получить импульс к развитию. Это увидяние отдельных центров наблюдается и при переходе от феодализма к капитализму. Всеобщего явления дезурбанизации мы не можем отметить ни для Византии, ни для Италии, ни для арабских стран, ни для Китая.

¹⁶ M. Lombard. L'évolution urbaine pendant le haut moyen âge. — «Annales», t. XII, 1957, p. 7—28.

¹⁷ H. Hunger. — In: Diskussionsbeiträge zum XI. Internationalen Byzantinistenkongress. München, 1961 (далее — Diskussionsbeiträge), S. 99.

¹⁸ Diskussionsbeiträge, S. 83—84; P. Lemerle. Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIIIe siècle. — «Revue historique», II, 1954, p. 265—308. Подобное же положение наблюдается и в итальянских владениях Византии, в Сицилии, где города были объектами нападения сарацин. В житии Илья Молодого говорится, что население городов бежало, захватив с собою, что могло (Vita di sant'Elia il Giovane, publ. G. Rossi Taibbi. Palermo, 1962, p. 55).

¹⁹ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 26.

¹⁰ См. H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899, S. 82—84.

¹¹ J. L. Teall. The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330—1025. — DOP, 13, 1959, p. 100, 104—105, 108; R. S. Lopez. East and West in the Early Middle Ages: Economic Relations. — «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», vol. III. Firenze, 1955; Theophanis Chronographia, III, rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 384.7.

¹² Theoph., Chronog., p. 440.17.

¹³ W. M. Ramsay. The Cities and Bishoprics of Phrygia, 2 vols. Oxford, 1895—1897.

¹⁴ D. A. Zakythinos. Korreferat zu E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. — «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. 1958», S. 48 f.

Естественным следствием упадка городов, а во многих случаях и полного их разрушения явилось увеличение населения деревни и укрепление ее роли в стране²⁰.

Культурный упадок городов связывался в историографии и с политической грабежа провинциальных ценностей в пользу Константинополя. Например, при постройке храма св. Софии Юстиниан приказал перевезти в Константинополь большое количество памятников искусства из городов Европы и Азии (в том числе колонны и мраморные плиты из Афин).

Нужно думать, что некоторый удар самодеятельному населению провинциальных городов был нанесен переселением в Константинополь ремесленников — или в результате эпидемий, или для проведения общественных построек (для постройки водопровода в Константинополь было переведено 1000 каменщиков и 500 гончаров из провинции)²¹.

Особенно повлияла на упадок культуры в городах конфискация средств, принадлежавших им. Так, согласно Прокопию²², Юстиниан конфисковал средства, завещанные отдельными меценатами на поддержание философских школ.

К этому следует добавить теологизацию общественной мысли и вандалское уничтожение многих памятников искусства эллино-римской религии, что в свою очередь повлияло на упадок ремесел, связанных с производством художественных изделий.

Вместе с упадком античной образованности города теряли и внешний облик, характерный для античной цивилизации.

Этот несомненный общий упадок городской античной цивилизации являлся вполне закономерным явлением: падение рабовладельческого строя, безусловно, должно было сопровождаться некоторым снижением культуры в тех областях, которые наиболее были связаны с рабовладением²³. Тем не менее упадок городов еще не дает оснований говорить о процессе дезурбанизации Византии.

* * *

По мнению А. П. Каждана, в VII—VIII вв. настоящими городами — экономическими центрами — можно считать только Константинополь, Фессалонику, Эфес, Трапезунт, Никею и Атталию; все остальные старинные города в VII—VIII вв. превратились в деревни и только с IX в. начали снова возрождаться. Заново выделились из сельскохозяйственной округи такие центры, как Афины, Коринф, Фивы, Спарта, Олинф, Селимврия, Родосто, Адрианополь — на Балканах, а на Востоке — Авидос и Пергам. Вновь возникают в IX в. такие города, как Монемиасия, Навпакт, Никия-Кония, Амастрида, Филиппы. Сугубо административными центрами оставались Патры, Милет, Селевкия, Кесария, Феодосиуполь, Анкира и Аморий.

Однако справедливо ли говорить о такой сплошной дезурбанизации в VII—VIII вв.? Действительно ли такие центры, как Афины, Селевкия, Родосто, Авидос, в VII—VIII вв. были только огороженными, защищенными стенами деревнями?

Нумизматические данные, безусловно, свидетельствуют об упадке товарно-денежных отношений, однако и в VII—VIII вв. выпускалось большое количество всех типов монет. Находки золотой монеты значи-

тельны²⁴, уменьшение находок относится только к медной разменной монете. Это обстоятельство заставляет предполагать, что упадок товарно-денежных отношений в VII—VIII вв. был относительным²⁵.

Археологические раскопки тоже свидетельствуют об упадке городов. Однако данные археологии недостаточны для прямолинейного заключения о дезурбанизации²⁶.

Письменные источники не могут дать картины столь широкого исчезновения городов, к тому же сведения их довольно туманны и часто противоречивы. Как говорилось выше, географ Хордадбех писал о различии в Малой Азии только шести городов. Однако неясно: 1) что подразумевал Ибн-Хордадбех под городами (не понимал ли он город в значении *μεγαλόπολις*)?²⁷; 2) намеревался ли Хордадбех вообще дать исчерпывающий список городов, почему он умолчал о Трапезунте и Смирне?

Пленный араб Ибн-Яхья, по Острогорскому, в 913 г. писал, что он на пути в Константинополь встретил только один большой и один малый город. В то же время он сообщал о числе сел. Но что понимал он под «селом»?

Безусловно, ряд городов в результате вражеских нашествий, ужасающих опустошений и увода в плен ремесленного населения мог на некоторое время превратиться в деревни. Относительно города Тианы, например, засвидетельствовано, что в 709 г. после арабского налета город был пустым «до сего времени», но через 30 лет арабы вновь подступили в Тиане и пленили множество людей²⁸. Больше всего влияние вражеских нашествий ощущалось в районах Пелопоннеса, Фессалии и Македонии, где только к концу VIII в. византийцы смогли восстановить свою

²⁴ G. Ostrogorsky. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. — DOP, 13, 1959, p. 51 f. Отсутствие монет VIII в. не может свидетельствовать о полной дезурбанизации. Ведь в небольшом селении Лагбе (Памфилия) найдено много монет именно VIII и первой половины IX в. (А. П. Каждан. Византийские города..., стр. 172; G. Ostrogorsky. Byzantine Cities..., p. 12, 50). Не объясняется ли отсутствие монет тем, что раскопки производились не в тех районах города, которые в VIII в. были центрами хозяйственной жизни, а в тех местах, которые были временно оставлены населением?

²⁵ Высказываемые иногда мнения о том, что золотая монета не является показателем развития торговли, не могут быть приняты всерьез: раздел об аргироправах и трапезитах в «Книге Эларха» дает наглядное представление о золотой монете на рынке. Даже продовольственные товары покупались на золотую монету. См. Cedrenus. Historiarum compendium, II. Vonnae, 1839, p. 373. 15; 374.15.

²⁶ Наиболее прямолинейные выводы о дезурбанизации делает Э. Кирстен в докладе «Die byzantinische Stadt». Основная его цель — показать, что развитие византийских городов ничем не отличалось от западноевропейских. Хотя его доклад называется «Византийский город», однако Кирстен исключил все данные о наиболее важных византийских городах — Константинополе и Фессалонике, поэтому картина византийского города оказалась превратной. Выводы Кирстена покоятся на отсутствии данных и, как всякие доказательства ex silentio, не могут быть достаточно убедительными. Можно ли делать из отсутствия археологических находок в слоях VIII—IX вв. вывод о замирании жизни в городах того времени? Ведь сам Кирстен говорит о массовом перемещении городов в условиях военной опасности в более безопасные места. Например, город Колоссы исчез, и, если бы мы не знали, что жители переехали на новое место — за 4 км от Колосса, то поверили бы археологическим данным о полном исчезновении этого города в VII—VIII вв.

²⁷ Вопрос о терминологии Ибн-Хордадбега спорен (см. G. Ostrogorsky. Byzantine Cities..., p. 62). У Хордадбега имеется большое число упоминаний о «военных укреплениях» (в переводе de Goeje), но что представляли они, неясно. Если византийцы часто смешивали термины *πόλις* и *καστρον*, то нет никаких гарантий, что арабский путешественник употреблял слово «город» в том смысле, в каком его понимают историки-марксисты.

²⁸ Theoph., Chronog., p. 411—19.

²⁰ R. Lopez - P. Lemerle. — In: Diskussionsbeiträge, S. 93.

²¹ Theoph., Chronog., p. 440.

²² Procop., Anecdota, XXVI, 5.

²³ Однако при конкретном рассмотрении мы не можем игнорировать результатов военных событий и считать структурными сдвигами то, что являлось в сущности следствием войн.

власть²⁹. Но как только города вновь попадали под контроль византийского государства, они восстанавливались при содействии императорской власти. Так, Ирина восстановила Анхиал. Вновь была отстроена Верия (под именем Иринополя). Восстановление разрушенных стен квалифицируется в надписях как восстановление города (Селимврия, Никея).

В условиях почти перманентной войны как на Балканах, так и в Малой Азии только защищенные могучими стенами населенные пункты могли становиться центрами хозяйственной деятельности, ремесла и торговли.

В период республики и ранней Римской империи завоеватели — римляне, боявшиеся, чтобы города не стали центрами сопротивления, препятствовали созданию вокруг городов солидных укреплений и стремились, чтобы города развивались на равнинах. Позднее же, с IV в., а в Малой Азии с VII—IX вв., военная опасность стала, наоборот, требовать возведения городских укреплений на труднодоступных возвышенностях. Население вынуждено было уйти с равнины³⁰. Бывшие же места равнинных городов превращались в пустыни, степи или же заблачивались, как это происходило в Италии.

В некоторых случаях отдельные части городов оставались населением. Города замыкались на узких участках, защищенных укреплениями. Так было почти во всех городах того времени. Раскопки в Афинах, Коринфе, Милете, Пергаме, Эфесе, Никее подтверждают это. Анастасий Библиотекарь передал уже приводившееся сообщение Кирилла, что часть Херсонеса в середине IX в. совсем опустела, храм находился в развалинах³¹.

Разумеется, такие перемещения населения, опустение отдельных районов были связаны с упадком городской экономики, но это вовсе не является свидетельством превращения города в деревню³².

* * *

При разрешении вопроса о существовании города в Византии нельзя строить выводы, исходя из отсутствия прямых данных о производственном значении города. Необходимо учитывать все имеющиеся сведения о товарном обращении в Византии в то время. Весьма серьезный недостаток теории дезурбанизации заключается в том, что недостаточное значение придается существованию Константинополя и *μεγαλόπολεις*, которые оказывали большое влияние на периферию в распространении товарного производства и обращения.

Имеются косвенные данные о положении городов. Особенно интересны каноны пято-шестого церковного собора 691 г., т. е. периода уже после того разгрома, который претерпела Византия в VII в., в наиболее «темное время» своей истории — правление Юстиниана II. Каноны отно-

²⁹ A. Bon. Le Peloponnèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951, p. 39 sq., 103 sq.

³⁰ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 28.

³¹ П. Лавров. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. — Памятники христианского Херсонеса, вып. II. М., 1911, стр. 141. В письме дается объяснение упадка Херсонеса: город находился под страхом осады со стороны соседей, жители во главе с епископом фактически были как бы в тюрьме и не могли выходить за пределы города.

³² В связи с перемещением горожан в другие районы происходило переименование городов (Эпидавр — Рагуза, Колоссы — Хоны, Потидея — Вероя, Аргос Фессалийский — Ларисса, Кромна — Амастрида). Пригородные районы, заселенные славянами, становились центром города, и славянские названия заменяли старые: например, Сингидун — Белград, Эдесса — Водена, Никополь — Струмица, Додона — Вондица, Сардика — Триадица. О некоторых переименованиях свидетельствуют византийские авторы. См., например, Constantini Porphyrogeniti. De thematibus. Bonnæ, 1840, p. 280—281.

сятся главным образом к провинциальным церквям, которые требовали наладить дисциплину среди церковников. В канолах изображается бойкая городская жизнь. 65-й канон свидетельствует, что в городах были эргастерии: около них в дни новолуний возжигались по языческим обрядам костры; вряд ли эти обряды совершались в Константинополе, — по-видимому, имеются в виду провинциальные города. 76-м канонам запрещено устраивать лавки с различными товарами в ограде церквей; прецедентом упоминается об эргастериях миротворов, книгопродавцов; клирикам не разрешалось иметь *καπηλικόν ἐργαστήριον* — таверны (канон 9-й). Епископу или священнику строго запрещалось взимать проценты (канон 10-й). В канолах говорится о еврейском населении в городах, о том, что евреи принимают христианство, чтобы получить право продавать и иметь рабов. Правило 34 запрещает клирикам и монахам организовывать противозаконные сборища и устраивать заговоры — *φράτρια*: речь идет, очевидно, о городских движениях против господствующей церкви или правительственных властей в городах. Говорится о роскошных или шелковых платьях, которые одевали женщины перед вступлением в монастыри. Можно считать, что церковные иерархи, определяя нормы поведения клира и светских людей того времени, исходили из образа жизни в городах, а не в деревне.

Теория дезурбанизации Византии аргументируется не столько фактом исчезновения городов, сколько их аграризацией. Действительно, в источниках всякий раз, когда описывается богатство городов, упоминается только о виноградниках, оливковых рощах, обилии скота и прочих сельскохозяйственных благах. О ремесленном производстве обычно не говорится; исключением является описание Фессалоники у Камениаты³³. Однако наличие богатых пригородных хозяйств, виноградников, садов, огородов, оливковых рощ вовсе не говорит об аграризации города: такие сельскохозяйственные пригороды имели и крупнейшие производственные центры не только в средние века, но даже в новое время.

Горожане Константинополя и Фессалоник, несмотря на ярко выраженный характер городов как производственных центров, имели пригородные хозяйства. В VII в. площадь городских владений сокращается, города сосредотачиваются вокруг внутренних укреплений, как бы возвращаясь к типу городских поселений архаических времен. Вокруг таких укреплений и находились земли, которые использовались в качестве пастбищ, а также виноградники или пригородные сады.

Разумеется, в период VII—середины IX в. можно констатировать значительную степень аграризации товарного производства в городах. С разложением рабовладельческого строя, с сокращением размеров прибавочного продукта, сосредоточенного главным образом в руках господствующего класса, уменьшилась платежеспособность, а следовательно, сократился спрос на предметы роскоши (дорогие ткани, парфюмерия, ювелирные изделия, стекло), соответственно значительно сократилось и товарное производство, которое ограничилось в основном производством продовольственных, т. е. в основном сельскохозяйственных, товаров. Однако подобную аграризацию нельзя считать дезурбанизацией. И из факта, что историки того времени, описывая богатства города, упоминают только о виноградниках и скоте, не следует делать вывод, что речь идет о деревне и что «ремесло еще не отделилось от сельского хозяйства».

³³ Ioannes Cameniatas. De excidio Thessalonicensi. Bonnæ, 1838, cap. 9—10.

Нельзя при определении населенного пункта как города исходить только из наличия в городе развитого ремесленного производства, как это делает А. П. Каждан в своей статье о византийском городе. Мы не имеем права модернизировать понятие «город», сводя его исключительно к понятию экономического центра товарного производства (по аналогии с более поздней спецификой городов позднефеодального и капиталистического времени).

Основная масса предметов товарного производства в раннем средневековье, как и в античное время, состояла не из изделий ремесла, а из продовольственных товаров. Не обувь и ткани, не парфюмерия и предметы ювелирного искусства, а вино, мясо, оливковое масло, рыба, мед, хлеб были основными товарами в раннем средневековье. И потому совершенно понятно, что, когда современники говорят о богатстве какого-либо города, они молчат о сапожниках и ткачах, но говорят об обилии в пригородных районах виноградников, скота, оливковых рощ, садов, огородов и хозяйств, доставляющих вино, пшеницу, мясо, мед и воск. Можно сказать, что все известия о любом городе ранневизантийского и средневизантийского периода заключали сведения о том, что жители городов возделывали поля и виноградники, что реки и заливы изобиловали рыбой и что близ городов было множество садов и огородов. Товарное производство продовольственных и прочих сельскохозяйственных товаров в раннем средневековье делало город производственным центром в рамках простого товарного производства. Разумеется, виноградники вокруг городов, сады, огороды, оливковые рощи и пчельники не были натуральными хозяйствами: этим города и отличались от деревни, где торговали только «излишками» продуктов натурального хозяйства. Показательно в этой связи исключительно влиятельное положение, занимаемое в Константинополе в VI в. коллегией садоводов — *κηποπολιτῶν*³⁴.

Наличие пригородного сельскохозяйственного района, вовлеченного в товарное производство, является самой характерной чертой средневекового города как экономического центра. При этом необходимо иметь в виду, что земли в пригородном районе в основном принадлежали жившим в городе землевладельцам³⁵.

Не только городская знать, но и широкие массы городского населения имели в пригородах свои собственные или арендованные участки, виноградники, оливковые рощи, сады, ульи, огороды. Ни хозяева, ни арендаторы, как правило, не жили на своих пригородных участках, которые обрабатывались или рабами, или наемными работниками-мистиями.

Патриарх Никифор в «Бревиарии» сообщает, что, когда в 641 г. сторонники Константа стали опустошать пригородные виноградники жителей Константинополя, население столицы взбунтовалось против императрицы Мартины и ее сына и заставило признать императором Константа.

Пригородные земельные участки назывались «проастиями» («предградье»). Несколько позднее (с VIII в.) это название распространилось на всякое имение, в котором не жил сам землевладелец (предполагается,

³⁴ Nov. Just., 64.

³⁵ В письмах Феодора Студита, которые являются ярким документом эпохи, часто рассказывается о том, как Студит во время преследований скрывался в пригородных владениях — проастиях константинопольской знати; его дружелюбно принимали в проастиях Прусы (см. «Творения Федора Студита», ч. II. СПб., 1908, стр. 647, 654). Тарасий имел солидные проасти в районе близ монастыря св. Маманта (Theoph., Chronog., p. 500; Pseudo-Codinus, ed. Preger. Scriptores originum Constantinopolitanarum, vol. III. Lipsiae, 1907, p. 266).

что хозяин участка жил в городе). В инструкции по податному обложению говорится: «проастии ... отличаются тем, что в них не живут сами хозяева, но проживают рабы, мистии и подобные»³⁶.

Пригородные земельные участки, вовлеченные в товарное производство, имели наиболее высокую стоимость и, нужно думать, поэтому иконоборцы во время правления Константина V особенно охотно конфисковывали земли пригородных монастырей, например, Хора у Константинополя³⁷.

Пригородные участки составляли основное богатство константинопольской знати; приобретая пригородные имения, служилые люди тем самым включались в состав городской знати.

Пригородные районы во время междоусобных войн и нашествий врагов оказывались беззащитными³⁸. Жители городов оставляли свои участки, скрываясь за стенами города. Пригородные хозяйства жестоко опустошались, но затем сравнительно быстро восстанавливались³⁹.

Вдоль константинопольской Длинной стены пасли стада скота императора и вельмож, откуда они приводились в Константинополь и продавались на форуме Тавра⁴⁰.

Примечательно, что в VIII—IX вв. в предместьях городов создаются целые группы монастырей, получивших большую славу (особенно вокруг Константинополя, около Прусы, у Смирны, Апамеи, Никеи, Эфеса).

Пригородные монастыри часто не являлись ни церковными, ни самостоятельными монастырскими владениями, но были собственностью городской знати. В VIII и в начале IX в. распространяется ктиторское право: знатные горожане принимают монашество, но живут в проастии, превращенной в монастырь. Феодор Студит резко выступал против такого обычая. Он писал своему приятелю, который решил таким образом преобразовать свое владение в собственный монастырь: «Или отдай владение полностью ... или живи дома мирянином и спасайся скромною жизнью и не оправдывайся нынешними примерами»⁴¹. Пригородный монастырь стал видом собственности городской знати⁴². Выгоды ктитора заключались в привилегиях, свойственных статусу монастыря, и в возможностях получения особых доходов, связанных с культом святых, и т. п.

В пригородных монастырях для иностранных и иногородних купцов устраивались особые гостинные дворы — «подворья». В Константинополе для купцов, приезжавших из Палестины, имел подворье монастырь

³⁶ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927, S. 115, 40.

³⁷ Земли монастыря Хора были конфискованы иконоборцами, но при Михаиле III и Феодоре были вновь возвращены монастырю (X. Лопарев. Греческие жития святых VIII и IX вв. Пг., 1914, стр. 222). Монастыри вокруг Эфеса также были разгромлены Михаилом Лахондраконом (Theoph., Chronog., p. 445, 2—8).

³⁸ «Все за пределами города, даже сама почва, поражается» (Miracula St. Dimetrii. — PG, t. 116, cap. VIII, 65).

³⁹ Когда Маслама в 716—717 гг. осаждал Константинополь, Фракийский пригородный район был сильно опустошен в результате гражданской войны («Теперь же, — прибавлял аль-Вакида, — этот район густо населен»). E. W. Brooks. The Campaign of 716—718 from arabic sources. — JHS. XIX, 1899, p. 23.

⁴⁰ J. L. Teall. The Grain Supply... p. 105; E. W. Brooks. Arabic Lists of the Byzantine Themes. — JHS, v. XXI (1901), p. 72f.

⁴¹ «Творения Федора Студита», ч. II, стр. 541.

⁴² I. Zhischman. Das Stifterrecht in der morgenländischen Kirche. Wien, 1888.

Хора, для русских купцов — монастырь св. Маманта, расположенный несколько севернее Константинополя, на побережье Босфора⁴³.

В предместьях Константинополя, как свидетельствует «Книга Епарха» (VI, 16), жили также еврейские ремесленники. В пригородные районы включались и деревни — свободные общины. Будучи вовлеченными в товарное производство, они теряли характер деревни и превращались в небольшие пригородные селения, называемые *πολίχνη*, например, против Амастриды — Кромны⁴⁴.

Большое число разных названий населенных пунктов на территории между стеной Феодосия и стеной Анастасия свидетельствует о высокой плотности населения пригородных районов. В источниках постоянно говорится о большом количестве пленных из пригородных районов, которых враги вводили во время осады городов.

Пригородный район крупных городов был центром противоречий между товарным хозяйством, обслуживавшим город, и возникавшими феодальными институтами, поэтому тесные связи города с пригородными хозяйствами приводили к тому, что широкие движения в городе подчас сливались с движениями, выражавшими недовольство деревни. И наоборот, движения в деревне нередко находили отклик в движениях горожан⁴⁵. Пригородные районы Константинополя были опорным центром Фомы Славянина во время народного восстания 820—824 гг.

Экономическое значение города заключалось не только в его ремесленном производстве и в пригородах, вовлеченных в товарное хозяйство, но также и в распространении влияния товарного обращения на натуральнохозяйственную деревню. Город выполнял функции центра товарного производства, втягивая в товарное обращение известную часть продукта труда населения деревни, ведущего в основном натуральное хозяйство. Этот процесс обращения части продукта натурального хозяйства в товар (продажа так называемых «излишков») осуществлялся разными методами. В зависимости от специфики этих методов, или, вернее, от преобладания одного из них, можно было бы выделить несколько типов городов. В VII—IX вв., когда еще не окрепли сеньориальные формы эксплуатации, центрами угнетения населения были не замки и поместья, как в развитом феодальном обществе, а города — средоточие фискального гнета, осуществляющегося через государственные учреждения, и церковной эксплуатации, а также эксплуатации через торговые операции. В зависимости от преобладания в данном городе того или иного типа эксплуатации следует различать города — административно-фискальные и судебные центры, города — чисто военные центры, центры церковные и епископские и, наконец, города торговые, транзитные пункты морской и сухопутной торговли. Разумеется, наиболее крупные города — *μεγαλόπολεις*, такие, как Константинополь, Фессалоника, Эфес, были одновременно и административными, и военными, и церковными, и в то же время производственными и торговыми центрами внутренней и внешней торговли — городами-эмпориями (приморские города-гавани на путях морской торговли и торговые города на путях сухопутной торговли).

⁴³ Первые сведения о русских купцах в подворье св. Маманта относятся к началу X в., но нужно думать, что купцы, совершавшие поездки по великому пути «из варяг в греки», и раньше останавливались на этом подворье.

⁴⁴ Жизнь Георгия Амастридского. — В. Г. Васильевский. Труды, т. III, 1915, стр. 5, 10.

⁴⁵ М. Я. Сюсюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956.

* * *

Византийские города V—VI вв. находились в руках урбанизированной провинциальной рабовладельческой знати, имевшей крупные земельные владения и постоянно проживавшей в городах. С разгромом крупной рабовладельческой землевладения, когда свободная крестьянская община стала преобладающей, характер города изменился. Города перестали существовать как центры рабовладельческой эксплуатации и превратились в опорные пункты централизованной эксплуатации через налоговую систему. Прежнее административное деление на относительно мелкие провинции в VII в. постепенно отмирало. С появлением крупных военных округов — фем (Опсикий, Анатолик, Армениак, Кивероетов, Фракия, Сицилия) роль главных городов провинций уменьшилась, хотя еще до конца VII в. в гражданских и церковных делах продолжало учитываться прежнее административное деление на провинции. К началу VIII в. фемное устройство из чисто военного превращается в военно-административное и административно-фискальные права главных городов провинций переходят к фемному командованию. В условиях неустойчивости границ вопросы военной безопасности становятся основными. По традиции за провинциальными городами сохранялось только преимущество в делах церковного управления.

В источниках VIII—IX вв. наряду с названием «полис» — город все чаще стало попадаться наименование «кастрон» — укрепленное место, крепость. Археологические изыскания обнаружили следы военных укреплений, стены, башни, притом возведенные, как правило, на более возвышенных местах. «Кастрон» обычно занимал сравнительно небольшую территорию, внутри которой помещались общественные здания — церковь, тюрьма; жилых помещений было немного. Вокруг укрепленного центра кольцеобразно или полукругом располагались террасы дома. Вблизи стен или в непосредственной близости находилось место для рынка. Не все города имели укрепления: множество старинных, особенно пограничных городов были совершенно беззащитными — *ἀνίσχυροι* и в условиях постоянных набегов врагов не могли продолжать свое существование как города. Во время опасности «кастрон» являлся убежищем для горожан.

В крупных торговых центрах — *μεγαλόπολεις* — для охраны собственности горожан, выросшей на базе эксплуатации пригородных хозяйств и торговли, строились стены вокруг всего города. В городах стоял постоянный гарнизон; сами горожане выполняли в случае опасности военные обязанности.

Во время нападений врагов как Константинополь, так и Фессалоника и Херсонес спасались благодаря наличию мощных стен. В описании «Чудес святого Димитрия» рассказывается, как горожане Фессалоники отражали наступление некоторых славянских племен. Судя по данным хроники Симеона Магистра, такие города, как Адрианополь, Родосто, Панкон, также имели оборонительные сооружения. Жители запирались в крепости и защищались против врага. Окруженный стенами город представлял собой солидную крепость, поэтому в источниках, когда речь шла о военных действиях, такой город назывался «кастрон»⁴⁶.

Таким образом, словом «кастрон» мог обозначаться и город в целом, и отдельное укрепление — убежище возле населенного пункта. Впрочем, в большинстве случаев, когда в источниках говорится, что импера-

⁴⁶ Symeon Magister, rec. I. Bekker. Bonnae, 1838, p. 614—615.

торы восстановили укрепленные города, или кастра, имеются в виду только укрепления возле городов.

Кастра, которые создавались в VII—середине IX в., фактически были укреплениями при населенных пунктах, в основном в крупных городах фемного управления⁴⁷. Военный центр сам по себе не является основой для развития товарного хозяйства, но наличие такого центра было благоприятным условием для развития разных ремесел: военное командование Византии постоянно нуждалось в боевых материалах. Константин Багрянородный пишет, что европейские фемы были обязаны изготовить большое количество стрел, копий, щитов⁴⁸. Кастрон не мог обойтись без кузнецов, медников, плотников, каменщиков и т. д. В условиях более или менее развитого товарного обращения это не могло не служить стимулом к разворачиванию городского ремесленного производства.

Если кастрон находился на земле собственника территории и окружающий кастрон район тоже был земельной собственностью архонта этого укрепления, то, безусловно, такой кастрон являлся бы уже не чем иным, как феодальным замком. Но такие кастра относятся к более позднему времени, хотя условия для создания центров сеньориальной эксплуатации уже создавались в этот период. Мы еще не можем для VII—IX вв. говорить об укрепленных кастра как собственности какого-либо крупного землевладельца: в то время государственная крепость еще не стала феодальным замком⁴⁹.

Однако в специфических условиях горной Армении, где центральная власть имела мало возможностей контролировать отгороженные горными хребтами селения, попадавшие полностью под власть местной родовой знати, подобные укрепления представляли собой именно частную собственность знатного землевладельца.

Главный город фемы являлся также центром по сбору налоговых поступлений, *διοίκησις*, в широком значении этого слова. Хотя налоговое обложение землевладельцев и деревни происходило независимо от принадлежности их к городской общине, однако именно город, стоявший во главе фемной территории, был проводником фискального гнета населения империи. При сохранении централизованного государства и налогового обложения невозможно игнорировать экономическое значение города — административного центра.

Нет никаких оснований также проводить аналогии между византийским и меровингским административными центрами: на Западе государственный аппарат Римской империи с ее налоговой системой был уничтожен, тогда как Византия, несмотря на нашествия, сохраняла свой государственный аппарат и налоговое обложение.

Город как административно-фискальный центр выполнял функцию превращения в товар определенной части продукта натурального по своей основной цели хозяйства. Феофан и патриарх Никифор рассказывают о том, что император Константин V добился обилия продуктов на константинопольском рынке: он стал жестоко притеснять крестьян, и в результате такой фискальной политики крестьянин для того, чтобы уплатить налоги в денежной форме, вынужден был дешево продавать

часть продуктов и скота, липая себя необходимого. Эта политика привела к укреплению товарно-денежного обращения⁵⁰.

Разумеется, власть византийской администрации не везде была одинаково сильной. В ряде районов нападения арабов и славян вывели территорию из-под контроля византийской администрации, причем на Балканах это было связано с почти полным уничтожением городского строя. Однако там, где нападения племен не завершились разрушением города, несмотря на то, что пришлое население оказалось чуждым византийскому городу, оно попадало под его влияние. Племена давали городским властям заложников, платили взносы на содержание городской администрации — стратига — и, кроме того, должны были выполнять повинности государственного порядка. Окрестное славянское население Фессалоники платило подати городу (*πρός τῆ πόλει τελοῦσι*)⁵¹.

Город — военно-административный центр — был также проводником политики византизации окрестных славянских племен, что особенно можно отнести к Фессалонике и к городам на Пелопоннесе, где этот процесс проходил хотя и медленно, но неуклонно со времени установления там византийского контроля. Естественно, что торговые отношения, в которые входили славяне с горожанами (например, славяне, поселившиеся недалеко от Фив и Димитриады, очень скоро стали вести относительно крупные торговые операции, снабжая продовольствием Фессалонику во время осады)⁵², в значительной степени содействовали византизации славян. Укрепленный военный пункт Патры после неудачного восстания славян стал центром ужасающей эксплуатации подвластного населения. Именно в этот период создались такие крупные поместья, как Даниэлиды с многочисленными рабами. Политика императора Никифора I по переселению греков в города Пелопоннеса создавала этническую базу для процесса грецизации пелопоннесских славян.

* * *

Как и в античном обществе, в течение всего раннего средневековья в Византии город являлся центром идеологического воздействия на население страны. В «темные века» роль города как церковного центра получила еще большее значение. В период вражеских нашествий, гражданских войн, когда территории выходили из-под контроля центральной власти, единственной силой, сплачивавшей византийское население, оставалась церковь с ее установившейся иерархией и веками закрепленными формами и приемами эксплуатации. Несмотря на введение фемного деления страны и создание новых военно-административных районов, главные города прежних «епархий» — провинций по-прежнему оставались центрами церковных митрополий с подвластными суффрагантами — подчиненными митрополии.

Роль города как идеологического центра в период VII—IX вв. особенно ярко сказывается в активности творчества в области канонического права. Вопросы семейного права, церковной и монастырской собственности играли важную роль в развитии византийского права, и их значение особенно ощущалось в среде городского населения и включенных в епархию⁵³ деревень. Особенно много положений по устройству

⁴⁷ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 22.

⁴⁸ Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis aulae Byzantinae libri duo, I. Bonnae, 1829, p. 657—658. В «Чудесах Артемия» говорится о *τοξοποιός* (Varia graeca sacra. Сборник неизданных богословских текстов IV—XV веков. Изд. А. Панадопуло-Керамевс. — Записки историко-филологического фак-та имп. С.-Петербургского ун-та», ч. 95, 1909).

⁴⁹ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 20.

⁵⁰ Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, p. 76; Theoph., Chronog., p. 443, 18—22.

⁵¹ Ioannes Cameniatas. De excidio Thessalonicensi, p. 498.

⁵² PG, t. 116, cap. 11.86.

⁵³ Хотя греческая транскрипция слова не дает различия, но мы употребляем термин «епархия» в значении «провинции» диоклетянского деления империи и «епархия» — традиционно, в значении церковного района.

меркви внесли каноны пято-шестого Трулльского собора (691 г.) и седьмого собора (787 г.), а по организации монашеской жизни — монастырские уставы и сочинения Феодора Студита. Это дало возможность во второй половине IX в. окончательно отредактировать текст Номоканона («сиптагмы канонов»).

В тех городах, которые отошли к болгарам и арабам, епископ оставался представителем всего гражданского христианского населения перед болгарскими и арабскими властями. Но в византийских владениях епископ, разумеется, не выполнял этой функции. Однако церковь имела все возможности осуществлять изъятие у населения деревень прибавочного продукта. Сама по себе эта эксплуатация не вовлекала натуральное хозяйство деревни в товарные отношения, однако город — местопребывание епископа и особенно митрополита — становился крупным потребляющим центром, причем потребление прибавочного продукта деревни связано было в таком городе с развитием в нем некоторых ремесел, которые неизбежно должны были появляться в крупных церковных центрах. Было бы неверным считать, что ремесленники, строители были зависимыми от церкви людьми и выполняли барщину; это были свободные люди, которые продавали свои изделия, в случае неуплаты могли подавать в суд (в «Житии Германа» рабочие-строители даже связали святого, когда тот не мог расплатиться за работу)⁵⁴. Как показывают сочинения Феодора Студита, у церкви в VIII в. еще не было зависимых людей (кроме рабов, которых имели отдельные монахи), и все необходимые вещи, которые не могли изготовить сами монахи, покупались на рынке. Однако епископ обладал значительными правами в отношении населения: в области семейного права, брачных отношений, клятвенарушений, борьбы с колдовством и пережитками языческих верований и обрядности. Характерно, что в «Земледельческом законе» нет и следа часто встречающихся в условиях деревни названных выше бытовых явлений: этими вопросами занималась не община, а церковь, и основной инстанцией для определения решений по таким бытовым вопросам являлся епископ, имевший свое местопребывание в городе, центре данной епархии. В Византии епископ мог даже сильнее воздействовать на деревню из своего города, чем на Западе. Варварские Правды значительно шире по содержанию, чем «Земледельческий закон», на Западе население привлекалось к ответственности общиной и за такие преступления, которые вовсе не были упомянуты в византийском законнике, фиксировавшем правоотношения в сельской общине. Организующая роль города как церковного центра в Византии несомненна. Поэтому нет оснований рассматривать церковные центры как «огороженные деревни». Необходимо учитывать также и ранг, занимаемый данным церковным центром в общей церковной иерархии. Безусловно, возвышение какого-либо населенного пункта в ранг самостоятельной автокефальной архиепископии, особенно в ранг митрополии, не могло произойти без предварительного возвышения данного пункта в экономическом отношении. Содержание митрополита или автокефального епископа ложилось тяжелым бременем на население, и вряд ли бедное население небольшого аграрного местечка или небольшого военного укрепления могло справиться с подобными функциями⁵⁵.

⁵⁴ Х. Лопарев. Греческие жития святых..., стр. 483.

⁵⁵ В качестве важнейшего источника для изучения городского строя в Византии VII—IX вв. привлекаются так называемые *Notitia episcopatum*, списки митрополий и епископатов, подписи иерархов на церковных соборах (см. Н. Г. Веск. *Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich*. München, 1959; G. Ostrogorsky. *Byzantine Cities...*). У некоторых историков (в первую очередь у Э. Кирстена) имеется тенденция недооценивать значение этих источников

Во всяком случае в Византии, где каноническое право было тесно связано с гражданским, где крупнейшие политические движения представляли собой также движения церковные, роль епископских, особенно автокефальных городов в области общественных отношений была значительной.

Привилегии для города оформлялись как привилегии для епископа и кафедральной церкви. В VI в. высшие должностные лица провинций избирались местной знатью совместно и даже при решающей роли местного епископа⁵⁶. Епископ в Византии не мог получить такого самодовлеющего положения, как на Западе, но он был тесно связан с самоуправлением города⁵⁷.

Наиболее крупные населенные центры были митрополиями или автокефальными (зависящими только от константинопольского патриарха) архиепископиями. Митрополии складывались исторически в зависимости от административного деления империи и последующих изменений в V—VI вв. Деление на фемы в общем не отразилось на распределении митрополий; епископские епархии по-прежнему отражали то деление империи на провинции, которое было зафиксировано по Синекдему Гьерокла. Однако, несмотря на преданность церкви традициям IV—VI вв., известные изменения в распределении церковных центров происходили, отражая сдвиги экономического и социально-политического характера.

Потеря городом своего экономического значения приводила к утрате им и церковного влияния. Так, известный по документам собора IV в. главный город провинции Пафлагонии Гангры, по-видимому, впоследствии потерял свое значение... Вместо него возвысилась Амастрида⁵⁸, становившаяся важным торговым центром Пафлагонии. В конце VIII в. амастридский епископ вышел из подчинения гангрского митрополита, получив автокефалию, и в первой половине X в. был возведен в ранг митрополита. Песиунт — митрополия провинции Галатии Второй — тоже потерял свое значение крупнейшего города провинции, вместо него возвысился Аморий, который в VIII в. получил автокефалию⁵⁹. Торговое значение Трапезунта быстро возрастало, и это сказалось на его церковном положении. В первой половине IX в. Трапезунт получил автокефа-

и даже утверждать, будто бы эти списки не противоречат признанию полного исчезновения отдельных городов, превращения их в деревни. Однако это не так: если обратить внимание на подписи членов вселенских соборов VII—IX вв., то оказывается, что подписи иерархов малоазиатских городов почти без изменения повторяют церковную географию IV—VI вв. Что же касается подписей балканских иерархов на соборах 692 и 787 гг., то их осталось ничтожное количество по сравнению с числом подписей от предшествующих соборов. Разрушение городов на Балканах в VII в. отразилось в епископских «нотациях». Внимательно изучая «нотации», мы можем проследить упадок и увядание митрополичьих городов.

⁵⁶ F. Dölger. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*, Bd. I. Berlin—München, 1924, S. 12.

⁵⁷ F. Dölger. *Die frühbyzantinische Stadt*, S. 88—89.

⁵⁸ В середине IX в. об Амастриде писали так: «Амастрида — око Пафлагонии, а скорее — всей вселенной! И скифы, обитающие по северной стороне Евксинского моря, и население южного его берега, стекаясь сюда, как в общее торжище, поставляют продукты своей страны и получают взамен местные товары. Этот город, лежащий посредине между Востоком и Западом, не испытывает недостатка в каком бы то ни было товаре, поставляемом морскими или сухопутными путями, обставлен великолепными зданиями и твердыней стен, снабжен лучшим портом» (PG, t. 105, col. 421).

⁵⁹ Аморий, по словам арабской хроники Масуди, — глаз и основание христианства, почетнее у греков, чем Константинополь (А. А. Васильев. *Византия и арабы*, ч. I. СПб., 1900. Приложение, стр. 74). В «Сказаниях о 42 аморийских мучениках» (изд. В. Васильевский и П. Никитин. — ЗАН, 8 серия, историко-филологич. отд., т. 7, № 2, 1905, стр. 13) говорится: «Второй после Константинополя город».

лию, а во второй половине столетия — митрополию. По мере роста Хоны (возникшего в результате переселения жителей города Колоссы на другое место) этот город также получил автокефалию⁶⁰.

Епископ, как глава церкви данной епархии, был распорядителем церковных имуществ. Каноны соборов и новеллы императоров устанавливали неотчуждаемость церковных земельных владений и в то же время требовали от епископа поддержания их доходности. Церковные земли использовались местной знатью на условиях эмфитевтной аренды. Епископский город всегда был центром эксплуатации населения, работавшего на церковных землях.

В другом положении находились монастырские хозяйства, которые в VII—VIII вв. в основном оставались еще городскими или пригородными. Согласно предписаниям монастырских уставов, эти хозяйства должны были носить замкнутый характер и иметь слабые связи с городским рынком. Монастырь, в котором игуменом был Феодор Студит, согласно его уставу, должен был превратиться в большой религиозно-трудовой коллектив с многочисленными монахами, ремесленниками всевозможных профессий. Однако планы Феодора Студита были фантастическими, превратить городской монастырь в трудовой коллектив ему не удалось. Городские монастыри независимо от их устава становились центрами эксплуатации как городского населения, так и крестьян — арендаторов монастырских земель и прочего зависимого населения. В VIII—начале IX в., при Феодоре Студите, монахи, несмотря на запреты, пользовались трудом рабов.

* * *

Особого рассмотрения заслуживают приморские населенные пункты на побережье в Малой Азии и на Балканском полуострове, служившие центрами транзитной торговли, а также особо важные центры сухопутной торговли на существовавших тогда торговых дорогах. В какой мере можно назвать их городами при отсутствии данных о наличии других признаков, позволяющих считать населенный пункт городом? Имеют ли вообще данные о морской торговле значение для изучения городского строя в Византии VII—IX вв.? Вопрос осложняется тем, что относительно ряда старинных торговых античных городов греческого мира, расположенных на побережье Эгейского, Ионического и Адриатического морей, от VII—IX вв. почти не сохранилось никаких сведений, но в то же время можно считать, что они оставались греческими и не попали под власть славян или арабов. Строить какие-либо выводы о значении таких приморских центров можно только при учете данных о состоянии морской торговли в то время.

Э. Кирстен и А. П. Каждан почти игнорируют роль морской торговли в вопросе о признании населенного пункта городом. Так, например, А. П. Каждан, основываясь на lamentациях некоторых авторов об упадке Афин и на данных раскопок в некоторых районах этого города, приходит к выводу, что Афины превратились в «малонаселенную деревню», хотя тут же, вступая в очевидное противоречие, пишет: «Возможно, что афинская гавань играла известную роль и корабли поддерживали связь между Афинами и Константинополем»⁶¹.

⁶⁰ К автокефальным архиепископиям относились Амастрида, Трапезунт, Керазунт, Смирна, Селимврия, Аркадиуполь, Визия, Аморий, Апамен, Колония, Евхаита, Милет, Хоны, Николия, Атталия, Одессос, Херсонес.

⁶¹ А. П. Каждан. Византийские города..., стр. 179.

Разумеется, любой византийский автор, говоря о византийских Афинах, не мог не отметить относительное ничтожество этого славного своим прошлым города. Разумеется, в период упадка целый ряд районов Афин не мог быть заселенным и центр наибольшей плотности населения города мог переместиться. Если имеются данные об упадке Афин в VIII в., то наряду с этим сохранились и сообщения о том, что Афины были морским портом, имели свою влиятельную знать и пользовались вниманием со стороны правительства в конце VIII в.⁶²

Нужно иметь в виду, что всякий приморский центр был связан с кораблестроением, а постройка кораблей предполагала наличие целого ряда ремесленных профессий и, кроме того, участие в морской торговле.

Для разрешения проблемы византийского города в века упадка необходимо иметь в виду всю обстановку, которая сложилась для византийской торговли и производства после потери Египта, Сирии и Палестины, во время длительных войн и полной необеспеченности сухопутной торговли.

Потеря Египта и Сирии двойко отразилась на положении византийского города: с одной стороны, прекращение эксплуатации Египта, безусловно, принесло ущерб богатству городской знати; но, с другой стороны, сократились принудительные формы торговли, связанные с выполнением государственных повинностей по транспортировке продовольственных грузов, — анноны. Это стимулировало самостоятельное предпринимательство в морской торговле. О коллегии навигуляриев больше не слышно, снабжение столицы и других городов перешло к предпринимателям-горожанам, усилилась роль спекулянтов хлебом — *σιτοκάπηλοι*. В «Морском законе» (§ 38—39) встречаются сведения о кораблях, целиком зафрахтованных для перевозки зерна.

Потеря Египта стимулировала развитие зернового хозяйства во Фракии и Анатолии, а потеря Сирии привела к развитию шелковой промышленности в Константинополе. «Книга Эпарха» в начале X в. говорит о вполне налаженном и, следовательно, уже задолго до того времени существовавшем производстве шелковых тканей как предмете морской торговли⁶³.

В VII в. особенно возросла роль собственников кораблей и капитанов, водивших торговые суда с товарами. Именно тогда морская торговля стала главным источником извлечения доходов для византийской ростовщической городской знати. В житиях VII в. особенно часто встречаются сведения о навклирах и рассказы о морской торговле⁶⁴. Собственники

⁶² Так же как и Фессалоника, Афины назначались местожительством попавших в опалу членов царствующего дома и самых влиятельных лиц; в данном случае речь идет не о содержании в тюрьме, а о жизни вдали от столицы, при соблюдении достойных санов условий быта (Theoph., Chronog., p. 473.19). Всякий раз, когда сосланные на жительство в Афины репрессировались, они удалялись из города. Во время правления Ирины в Афинах возведены были некоторые постройки, что вполне понятно, поскольку этот город был родиной Ирины (А. П. Каждан. Византийские города..., стр. 178). Возможно, что в VIII в. в Афинах чеканилась собственная монета (M. Thompson. Some Unpublished Bronze Money of the Early VIIIth Century. — «Hesperia», 9, 1940, p. 373; А. П. Каждан. Византийские города..., стр. 178).

⁶³ I. Nicole. *Λέγοντος τοῦ Σοφοῦ τῶ Ἐπαρχικῶν βιβλίον*. Genève, 1893, § 6—8; R. Lopez. *East and West...*, p. 72; idem. *Silk Industry in the Byzantine Empire*. — «Speculum», XX, 1945.

⁶⁴ Особенно нужно отметить «Чудеса Артемия», где неоднократно говорится о ряде навклиров, собственников кораблей, а также жития Иоанна Милостивого, Стефана Нового, Нила, Луки Нового, Феодора Сикеота, Григория Декаполита, «Чудеса Димитрия».

кораблей, с одной стороны, и лица, финансировавшие морскую торговлю под «морские проценты», — с другой, были наиболее состоятельными людьми в период, когда существовала постоянная угроза вражеских нашествий⁶⁵. Именно тогда, судя по зафиксированным в «Морском законе» обычаям, установилась практика финансирования морской торговли с участием в прибылях (*χρησολογία*), заимствованная впоследствии итальянцами в форме коллегаций или комменды⁶⁶.

Мы должны особо отметить, что в «темные века» города Сицилии, Калабрии и Апулии входили в состав Византийской империи и вели оживленную торговлю с такими итальянскими городами, как Бари, Амальфи⁶⁷. Только в середине IX в. захват арабскими завоевателями Сицилии и постоянные нападения на Южную Италию в значительной мере подорвали размах торговли портовых центров западного побережья Малой Азии и островов Эгейского моря. Центр торговли тогда переместился на север, в Адриатику, что благоприятно отразилось на положении далматинских городов и Венеции, хотя они в VII—середине IX в. не имели еще того ведущего значения, которого достигли впоследствии.

События конца VII—начала VIII в. говорят о сильно возросшем политическом влиянии приморских местностей. Ряд государственных переворотов происходил при активном участии моряков. В 726 г. приморские местности Греции и острова смогли снарядить большой военный флот, пытавшийся свергнуть Льва III. Только иконоборческая династия сильно урезала политическое влияние морских сил, и на первый план выступили сухопутные войска, стратеги крупнейших континентальных фем.

Ко времени «темных веков» относится «Морской закон родосцев», который включает установившиеся в практике морской торговли обычаи и освещает состояние морской торговли в то время. Судя по статьям «Морского закона», корабли стали более мелкими по вместимости в сравнении с кораблями египетских навикуляриев. Обеднение городской знати, с одной стороны, и усиление опасности мореплавания из-за пиратов — с другой, — приводили к использованию более мелких кораблей. Это говорит также о демократизации морской торговли, о вовлечении в морское предпринимательство значительного числа менее состоятельных людей, отдельные сведения о которых содержатся в житии Иоанна Милостивого и другой агиографической литературе того времени. Известно, что во второй половине IX в. натиск арабов усилился, острова Эгейского моря были основательно опустошены, а Крит был занят арабскими корсарам, которые создали там свое разбойничье государство. Однако до этого в VII, VIII и первой половине IX в. острова Эгейского моря вели самую оживленную торговлю. Остров Родос, обычаи которого легли в основу морского законодательства, играл видную роль и в VII—IX вв. В «Чудесах Артемия» дважды говорится о предпринимателях с Родоса. Этот остров и его главный город (тоже Родос) в VII—VIII вв. были объектами частых нападений со стороны арабских завоевателей, однако отпор на-

селения и помощь византийского флота не давали арабам укрепиться на острове и захватить его центр⁶⁸.

О размахе морской торговли мы можем судить по данным «Морского закона». В числе купцов были продавцы одежд, тканей, драгоценностей. Эти купцы вели мелкую торговлю; в «Морском законе» они назывались не *ἔμποροι*, а *ἐπιβάται*, что более соответствует понятию «пассажир»⁶⁹. Там же, где говорится о провозе зерна, оливкового масла, вина (например, в ст. 38 и 39), по-видимому, имеются в виду торговые операции более широкого размаха: в них участвовали крупные торговцы — владельцы продовольственных товаров, для перевозки которых требовалось нанять целый корабль с капитаном и командой. Можно полагать, что для снабжения городов более состоятельные купцы скупали на местах продовольствие, которое и отправляли крупными партиями в большие города.

Следует подчеркнуть также связь морской торговли с ростовщическими операциями городской знати. В статьях «Морского закона» уделяется большое внимание вопросам о морском проценте и о порядке выплаты долга и процентов.

Исходя из агиографических данных и «Морского закона», мы можем прийти к определенному выводу, что в тяжелое для Византии время морская торговля поддерживала товарное обращение и содействовала превращению в товар продуктов натурального хозяйства. Таким образом, приморские центры того времени выполняли экономическую функцию города как центра, распространившего на периферии товарное производство и обращение.

Центром морской торговли был, разумеется, Константинополь, куда направлялись грузы как с продовольственными товарами, так и с предметами роскоши, пряностями, шелком-сырцом. Из Константинополя в страны Западной и Восточной Европы вывозили товары не только константинопольского ремесла, но и восточного происхождения. Константинополь и в «темные века» оставался, по выражению Маркса, золотым местом между Востоком и Западом⁷⁰. Однако, как это следует из «Книги Эпарха», правительство Византии вовсе не было заинтересовано в массовом вывозе, в интенсивном поощрении заморской торговли. Поездки константинопольских купцов в чужие страны могли быть выгодны только отдельным торговцам, тогда как для всего прочего населения Константинополя — сановой знати, домовладельцев, ремесленников — было выгоднее, чтобы иностранные и византийские провинциальные купцы сами приезжали в Константинополь.

Из других городов-эмпориев большую роль играла Фессалоника, потреблявшая большое количество иностранных товаров, предметов роскоши, известная своей ярмаркой, а также металлообрабатывающим ремеслом.

Крупным центром морской торговли являлся и Эфес, который в VIII в. славился своей ярмаркой, приносившей государству крупные суммы от торговых пошлин. Трапезунт получил значение транзитного

⁶⁵ Когда Никифор I конфисковал ряд земель у мятежных аристократов, он приказал навклирам Азии в принудительном порядке покупать конфискованные земли, несмотря на то, что эти люди никогда землевладельцами не были и сельским хозяйством не интересовались (Theoph., Chronog., p. 487). Вероятно, трудно было найти свободные средства в других слоях населения.

⁶⁶ *Nómos Nautikós*, III, § 9, 17; *Ecloga Leonis et Constantini*, ed. C. E. Zachariae a Lिंगenthal. — *Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum*. Lipsiae, 1852, X, 5; cp. R. S. Lopez. *The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century*. — *DOP*, 13, 1959, p. 80, 97.

⁶⁷ A. Schaubе. *Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelalters bis zum Ende der Kreuzzüge*. München, 1901, p. 35.

⁶⁸ В 620 г. город Родос разрушили персы, в 653 г. арабы на время захватили остров и продали металл, из которого был изваян знаменитый родосский колосс. В 672 г. арабы вновь заняли город, но в 678 г. были изгнаны. Население Родоса, жившее морской торговлей, оказывало влияние на политические события. В 715 г. императорский флот собрался в Родосе, но там вспыхнуло восстание и флот отправился в Константинополь для свержения императора. В 717 г. арабы оккупировали остров, однако не смогли там укрепиться и в 718 г. оставили остров. К 807 г. относится новая безуспешная попытка арабов захватить Родос.

⁶⁹ *Nómos Nautikós*, III, § 34, 40.

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. 9, стр. 240.

пункта — через него товары из Месопотамии и восточной части халифата направлялись в Константинополь. Экономическое значение Трапезунта отчасти было связано и с добычей железа в окрестностях города⁷¹. К началу IX в. возвышается Амастрида, значение которой современники видели в ее торговле с Северным Причерноморьем. Крупным транзитным пунктом в торговле с Италией становится Навпакт.

В Северном Причерноморье важной гаванью, привлекавшей внимание хронистов, считался Херсонес, бывший посредническим пунктом торговли кожей и воском со странами Восточной Европы, в частности с Хазарским каганатом. Кроме того, Херсонес торговал собственной продукцией — солью и рыбой.

Смирна была важным портовым городом, центром эмигрантов, бежавших из халифата. Благодаря своему положению на море выдвинулась как портовый город основанная в начале VII в. Монеувасия.

Особое значение приобрели также морские таможни — Кизик у входа в Геллеспонт и Авидос — на самом узком месте Геллеспонта. В этих пунктах осуществлялся контроль над морской торговлей, который носил не столько экономический, сколько политический характер, преследуя цель не допустить перехода к иностранцам секретов производства ценных изделий, а также товаров, имевших военное значение⁷².

Для континентальных городов имели особое значение узловые центры сухопутных путей. Балканы за период VII—середины IX в. представляли много трудностей для сухопутной торговли; византийская власть постепенно, после того как походы в Славинию вернули под контроль империи юго-восточную часть Балканского полуострова, восстанавливала свои позиции в этом районе.

К концу интересующего нас периода известная со времен Римской империи Via Egnatia, соединявшая Константинополь и Фессалонику с побережьем Адриатики, оказалась полностью в руках Византии. Это привело к возвышению Диррахия, который имел особенно большое значение для торговли с Северной и Средней Италией.

Пути Константинополь — Ниш — Белград и Фессалоника — Ниш — Белград только частично находились под византийским контролем. Однако использование этих путей в целях торговли подтверждается как договорами с Болгарией (716 г.), так и данными о торговом значении их в конце IX в., характеризующими торговлю на этих путях как вполне налаженную. Перемещение центра торговых связей из Константинополя в Фессалонику вызвало в конце IX в. войну с Болгарией.

Сухопутные дороги в Малой Азии получили значение уже в VIII в., когда ослабел натиск со стороны арабов. Главнейшими путями были следующие: дорога из Константинополя вдоль черноморского побережья в Трапезунт через Сангарий (у реки того же названия) и Колоний; дорога из Константинополя к Евфрату через Анкиру, которая стала приобретать значение крупного города; дорога из Константинополя вдоль средиземноморского побережья через города Никею. Аморию, Иконию (которая названа арабским путешественником крупным городом), откуда она разветвлялась на Авидос и на Атталию. Аморий в начале XI в. считался уже крупнейшим центром; только взятие города арабами в 836 г. серьезно подорвало его значение.

Сухопутная дорога вела из Трапезунта через Арце и Феодосиюполь (Эрзерум) в халифат. Эта дорога имела особое значение, так как вос-

⁷¹ Житие Афанасия Трапезунтского, изд. А. Пападопуло-Керамевс. — ВВ, XII, 1906, стр. 140.

⁷² R. S. Lopez. The Role of Trade. . . , p. 73.

точные товары проходили в Византию и Северное Причерноморье главным образом через Трапезунт.

И морская и сухопутная торговля способствовали сосредоточению в городах населения, оторванного от натурального хозяйства. Моряки, как об этом свидетельствует «Морской закон» (§§ 4, 6), обычно набирались в портовых городах по вольному найму. Сухопутный транспорт требовал еще больше наемной рабочей силы, поскольку для ухода за лошадьми, ослами, верблюдами нужны были погонщики. В Византии, если судить по миниатюрам, долгое время (почти вплоть до XV в.) сохранялась неуклюжая упряжка, которая требовала громадного числа лошадей и людей (груз около 500 кг считался максимально допустимым для повозок с наиболее сильной тягой)⁷³. Кроме того, для сухопутного транспорта требовалась охрана. Все, кто принимал участие в транспортировке грузов морским, либо сухопутным путем, фактически принадлежали к городскому населению, поскольку получали необходимое содержание из ресурсов городского товарного хозяйства.

Своеобразной была экономика Прузы (Бруссы). Основой городского хозяйства служили теплые минеральные воды. Это был город-курорт, куда приезжали для лечения византийские знатные лица. Туда будто бы для лечения прибыл Константин VI. Предместья Прузы состояли из подгородных имений — нечто вроде современных дач. Феодор Студит очень расхваливал одно из таких имений, в котором он останавливался⁷⁴. Он писал, что жители города и окрестностей покупали, отправляли и принимали грузы⁷⁵.

* * *

Анализ общественных отношений VII—середины IX в. — как производственных, так и торговых, административно-фискальных и церковных — позволяет сделать вывод о широком распространении товарно-денежного хозяйства в «темные века» византийской истории. Небольшое количество находок монет того времени говорит об относительном упадке городов, о перемещении в городах центров хозяйственной деятельности, но не о полном отмирании городской жизни.

Мы должны отметить, что число различных типов чеканенной монеты при императорах конца VII—VIII и первой половины IX в. ничуть не уступает числу типов монеты, выпущенных императорами IV—VI вв. В «темные века» выпускались разные типы номисм, а также семиссов и тримиссов, серебряных милиарисиев и медной монеты. Это, безусловно, было результатом более или менее развитого товарного обращения. Товарные связи охватывали и деревни, об этом достаточно ярко свидетельствует статья 70-я «Земледельческого закона», предусматривавшая санкции против продавцов вина и зерна, пользовавшихся фальшивыми мерами.

Континуитет денежной системы способствовал развитию нормальных товарных отношений: на протяжении всего раннего средневековья золотая номисма сохраняла устойчивый характер. Однако серьезные неудобства для населения вызывала практика искусственного занижения ценности монеты старой чеканки (эта практика была ликвидирована при Льве VI в конце IX в.). О значительном распространении денежного обращения можно судить также по тому, что уже к концу IX в. появи-

⁷³ Lefévre des Noëttes. La système d'attelage du cheval et du boeuf à Byzance. — «Mélanges Ch. Diehl», t. I. Paris, 1930, 183—190.

⁷⁴ «Творения Федора Студита», ч. II, стр. 647.

⁷⁵ Там же, стр. 787.

лась возможность ввести в действующее право — Василики положение о том, что только такое торговое соглашение имеет силу перед судом, которое выражено определенной денежной суммой⁷⁶.

* * *

Проблема континуитета городской культуры Византии связана не только с признанием непрерывного существования городов как центров товарного хозяйства, но и с вопросом о непрерывности производственных процессов в городах. Наличие континуитета позднеримской городской культуры — это основное, что отличает развитие Византии от развития Запада, где континуитет выражался менее явственно⁷⁷.

Сила Византии состояла в ее непревзойденной до XI в. цивилизации, внешним выражением которой были грандиозность городов с их многочисленным населением и величие двора и знати, показное богатство. Производство предметов роскоши поэтому имело особое значение для Византии; Константинополь и в «темные века» оставался «мастерской великолепия», как его называли в IV в.

В середине VIII в. Византия поражала Запад своим грандиозным органом. Всех приехавших во дворец византийского императора удивляли механизированные львы и деревья, изготовленные в первой половине IX в. из золота; это показывает, что в производстве подобного рода украшений с применением механизмов в Византии сохранились традиции древности⁷⁸. Данные «Книги Эпарха», относящиеся к производству роскошных тканей, свидетельствуют о длительном существовании этого вида ремесла: в источнике содержится множество установившихся терминов для обозначения производственного процесса, немало названий сортов тканей. Окраска в пурпур и связанные с ней общественные ограничения прямо восходят к позднеримскому времени («Книга Эпарха», § 8). Находки керамических изделий того времени свидетельствуют о производственном континуитете в гончарном ремесле. Константинопольские ремесленники медленно совершенствовали свою технику, лишь постепенно отходя (приблизительно во второй половине IX в.) от античных традиций⁷⁹.

Континуитет производственных традиций чувствуется и в стеклодувном ремесле⁸⁰.

Широко обсуждается в исторической литературе вопрос о континуитете византийских ремесленно-торговых корпораций⁸¹. В Константино-

⁷⁶ Basilicorum libri LX, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1833—1870; lib. XIX. I, 1, 2. Разумеется, имела распространение, особенно с болгарами на Балканах, меновая торговля. Но подобная торговля не нуждалась в оформленных соглашениях, и никакие требования в порядке actio de rehdibitoria или quanti minoris при меновой торговле не могли быть предъявлены. Меновой характер торговли с Болгарией объясняется почти полным отсутствием товарно-денежного обращения в Болгарии VIII—IX вв. (С. Лишев. За проникновением и ролята на парите във феодална България. София, 1958, стр. 69).

⁷⁷ Об этом уже писали: С. Neumann. Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen. Leipzig, 1894, S. VII; K. Dietrich. Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels. — BZ, 1931, 31, S. 36. Противоположная теория (особенно Э. Кирстена) связана со стремлением рассматривать историю Византии с точки зрения западноевропейского развития.

⁷⁸ Theoph., Chronog., p. 173.

⁷⁹ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 217.

⁸⁰ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 223. О континуитете в экономике Византии см. R. Loretz. The Role of Trade..., p. 69.

⁸¹ По вопросу о континуитете привлекался материал из истории византийских владений в Италии. Как показывают письма папы Григория I, в Неаполе на ру-

поле преэминентность корпораций вполне очевидна. Изданная в начале X в. «Книга Эпарха» представляет собой кодификацию прежних постановлений императоров относительно константинопольского мастерства и во многих местах восходит к Дигестам и Новеллам Юстиниана⁸².

Разумеется, не все корпорации VI в. сохранились в последующие века. Принудительные корпорации фискального характера, как, например, навикулярии, сюарии, пробатарии, исчезли. Эти объединения не носили ни производственного, ни торгового характера. Их существование как корпораций было обусловлено только выполнением общих повинностей — литургий по доставке казенных грузов, и поэтому такие корпорации исчезли в начале VII в., когда изменился характер снабжения городов. Но корпорации, связанные с определенными производственно-торговыми профессиями (трапезиты, аргиропраты, хлебопеки-манкипы, салдамарии, макеллари), продолжали существовать и в X в.

Одним из существенных доказательств наличия континуитета корпораций VII в. в X столетии является «Книга церемоний» Константина Багрянородного. В ней описываются веками сложившиеся и застывшие правила придворного церемониала. Наряду с прасинами и венетами, которые в конце IX в. уже не могли иметь столь важного влияния, но сохранили свои привилегии, упомянуты также и представители городских корпораций — *συστήματα τῆς πόλεως*⁸³.

Некоторые обычаи корпораций также свидетельствуют о продолжении традиций IV—VI вв. Установившийся обычай принимать в некоторые корпорации рабов восходит к обычаю приема рабов в *collegium tenuiorum*⁸⁴.

Обычаи, установившиеся в строительном деле, например, порядок урегулирования конфликтов между работодателями и работниками, отраженные в XXII главе «Книги Эпарха», также восходят к порядкам, зафиксированным в Кодексе Юстиниана⁸⁵. В византийских эргастериях установился обычай нанимать мистиев — наемных работников — сроком на один месяц с предварительной выплатой заработной платы. Этот обычай существовал еще в VI в. и, как видно из агиографии⁸⁶, очевидно, продержался в течение всех «темных веков» вплоть до X столетия.

В историографии (особенно в работах А. П. Каждана) существует тенденция изображать византийские корпорации по образцу западноевропейских цехов. Однако византийские корпорации находились в совершенно иных условиях, чем в странах Запада: ведь западноевропейские цехи развились тогда, когда уже сложились феодальные институты, в Византии же корпорации развивались в период, когда феодальные институты еще находились в стадии возникновения и когда крестьянство еще не было закрепощено.

На Западе для принятия в цех или гильдию требовалось представление доказательства свободного состояния; в Византии в корпорацию

боже VI—VII вв. существовал цех сапонариев — мылоторговцев. В дальнейшем наименование «коллегия» в итальянском ремесле под византийским влиянием заменилось словом «схола». Хартманн, Миквиц, Эннен считают преэминентность итальянских цехов Южной и Средней Италии от позднеримских корпораций несомненной.

⁸² М. Я. Сюзюмов. Византийская «Книга Эпарха». М.—Л., 1962, стр. 24.

⁸³ Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis..., I, p. 12—13.

⁸⁴ Dig., XLVII, 22.3.2.

⁸⁵ CJ, VIII, 10.12.9.

⁸⁶ Приходит к хозяину эргастерия монах, желающий заработать, и говорит: «Дай мне тримисий, и я буду один месяц работать для тебя, где ты пожелаешь!» (Leontios v. Neapolis. Leben des Johannes Barmherzigen, ed. H. Gelzer. Leipzig, 1893, S. 81).

могли приниматься и рабы, что было для Запада немыслимым. Лица, занимавшиеся ремеслом или торговлей, в Византии не представляли собой особую сословную группу. Раб-вестиопрат и свободный вестиопрат, хотя и имели одну профессию, но по правовому статусу принадлежали к совершенно разным сословиям. Именно это приводило к отсутствию сплоченности городского ремесленно-торгового населения и было одной из важных причин слабости народных масс города перед лицом городской землевладельческой и сановной знати.

Византийский город вошел в средневековье в «готовом виде». Это означает, что город в период перехода от рабовладельческого строя к феодальному все время оставался центром товарного хозяйства на фоне натуральнохозяйственной периферии. Однако это не означает, что в течение данного периода не происходили серьезные изменения в составе населения и в управлении городом. Городское население, по кодексу Юстиниана, делилось на духовенство, ктиторов — κτήτορες, собственников домов и земельных участков в городе или в пригородах и жильцов — οἰκῆτορες τῶν πόλεων⁸⁷. Перед историками встает проблема континуитета византийской городской знати.

Э. Кирстен отвергает континуитет знати, считая, что в Византии городская знать образовалась так же, как и на Западе, только в период средневековья в процессе развития городского строя. Конечно, городская знать античного происхождения сильно пострадала во времена Фоки, террора Юстиниана II, гражданской войны начала VIII в. Исчезла знать в тех провинциальных городах, которые были уничтожены во времена нашествий славян и арабов. Однако в житиях VIII—IX вв. постоянно встречаются указания на знатных родителей святого⁸⁸.

Поскольку Э. Кирстен намеренно не рассматривает Константинополь и даже Фессалонику, его общее представление о состоянии византийских городов получается неправильным. Наличие сильной городской знати в Константинополе в то же время предопределяло наличие такой знати и в провинциальных городах. Но в городах появилась также многочисленная пришлая знать из славян, армян, выходцев из Сирии и Палестины.

Как и в IV—VI вв., этнический состав городского населения был очень пестрым. На Балканах широкой струей вливался в городское население славянский элемент, на Востоке еще в большей степени, чем в предшествующие века, увеличивалось армянское население, на юге Малой Азии селились в большом числе сирийцы, эмигрировавшие из халифата⁸⁹.

Отвоевание Византией потерянных территорий проходило постепенно, причем долгое время населенные славянами провинции Балкан не удавалось полностью подчинить византийской администрации. Но как только военные силы Византии оказывались хозяевами завоеванного района, начиналось подчинение населения как в фискальном, так и в административном и идеологическом отношениях. Последнее означало распространение господствующей религии.

⁸⁷ Nov. Just., CXXVIII, 16.

⁸⁸ Хрисанф Лопарев, автор монографии «Греческие жития святых VIII и IX веков», стоявший на позициях православной церкви, смущен, что почти все святые происходят из знатных и богатых семей. Он пытается опровергнуть данные, приводимые в житиях, считая их шаблонным местом: «Это житийное данное не должно признаваться верным, ибо это значило бы, что все святые могли появляться только в богатой среде» (стр. 23).

⁸⁹ P. Charanis. Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century. — DOP, 13, 1959, p. 29 f.

Земли, заселенные славянскими племенами, под влиянием связей с городским товарным хозяйством становились частной собственностью представителей племенной знати⁹⁰. Славянская знать византизировалась и вливалась в состав городской аристократии.

В хронографии Феофана и в «Бревиарии» Никифора постоянно встречаются упоминания о городской знати⁹¹. Ее богатства, как об этом свидетельствуют некоторые данные, характеризующие имущество некоего Тарасия, одного из представителей крупнейшей константинопольской знати VIII в., состояло из домов и земельных участков в пригородном районе. Земельная собственность и домовладение в городе и в пригородах — вот основа собственности городской аристократии как в Константинополе, так и в провинциальных центрах⁹².

Сведения об ἐμψαγεῖς καὶ προτέροντες τῆς Χερσονήσου⁹³ свидетельствуют о наличии в составе населения Херсонеса знати, ведшей свое происхождение от позднеримских времен.

Однако мы должны отметить и существенные изменения в имущественных отношениях городской знати VIII—середины IX в.

После краха провинциального землевладения, основанного на эксплуатации труда рабов и занографов, в результате возобладания в деревне свободной общины утратила свое экономическое значение та прослойка знати, которая состояла из поселившихся в городах крупных провинциальных землевладельцев. В то же время знать, связанная с городским и пригородным землевладением, сохранила значительное влияние и в своих собственных интересах стала более монолитной; особенно выгодным для нее было занятие государственных должностей, связанных с доходами от эксплуатации населения путем налогового обложения. Городская знать в Константинополе была в то же время сановной знатью.

Наоборот, в главных городах фем большинство представителей растущей военно-землевладельческой знати было связано с фемной администрацией. Интересы этой знати находились в противоречии с интересами константинопольской, что и отразилось на остроте борьбы во времена иконоборчества.

Однако в конце VIII и в IX в., когда провинциальная знать еще не получила особой силы на местах, для руководства фемами, турмами, клисурами посылались представители константинопольской городской знати⁹⁴.

Необходимо отметить существенные изменения в положении городских ремесленников: если, судя по Новеллам Юстиниана, ранее городские торгово-ремесленные мастерские находились в собственности знатных горожан, то в начале X в., как это видно из «Книги Эпарха», ремесленно-торговые корпорации уже не имели никакого отношения к городской знати. Городская знать Константинополя сильно пострадала во время террористического правления Фоки и Юстиниана II, а также во время гражданской войны в начале VIII в., когда ворвавшиеся фемные войска жестоко разграбили столицу. В результате массовых конфискаций

⁹⁰ Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии. — «Сборник в честь академика Б. Д. Грекова». М., 1952, стр. 53.

⁹¹ Theoph., Chronog., p. 405.10, 438.3, 453.11.

⁹² R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1950, p. 437—8. Феофор Студит в переписке с представителями городской знати характеризует их как со стороны происхождения, так и размера и состава имущества (роскошный дом, виноградники, драгоценности, толпы рабов из челяди и «любящие господина телохранители»), т. е. в таком же духе, как представляли знатного горожанина в V—VI вв. «Творения Федора Студита», ч. II, стр. 584.

⁹³ Theoph., Chronog., p. 378.

⁹⁴ «Творения Федора Студита», ч. II, стр. 696.

много помещений для эргастериев перешло в распоряжение казны, так что ремесленники, занимавшие затем мастерские в правительственных помещениях — рядах и портиках, — платили так называемый эноикон — квартирную плату.

В источниках VIII—IX вв. содержатся сведения о сословии ремесленников и мелких торговцев — *ἐργαστηριακοί*, которые всегда характеризуются как лица свободного и независимого состояния. Юстиниан II обложил эргастериаков налогом для организации экспедиции против Херсонеса, Константин V принимал присягу, в том числе и от эргастериаков. Он же переселил техников-ремесленников, сведущих в строительстве, в Константинополь⁹⁵.

Огромная масса византийских ремесленников работала в портиках в одиночку. Однако типичной мастерской для Византии был эргастерий с хозяином-мастером во главе, с наемными работниками-мистиями, рабами и учениками. Такой эргастерий по своему характеру является переходным от позднеантичного к средневековому.

Как пережиток рабовладельческого строя сохранилось право рабовладельцев рекомендовать своего раба для самостоятельного ведения хозяйства в мастерской. Таким образом, городская знать отчасти сохранила возможность иметь в некоторых корпорациях подставных лиц в качестве хозяев мастерских.

Плебейские массы Константинополя составляло большое число моряков, грузчиков, мистиев, работавших по найму в эргастериях; особенно нужно отметить большое количество строительных рабочих, а также многочисленный люмпен-пролетариат из нищих, преступного элемента, зачастую из беглых рабов, обедневших отставных военных, беглых монахов. Все эти широкие массы назывались *λαός, πλήθη, πλήθη τῶν ὄχλων*⁹⁶, *πολιτικός ὄχλος*⁹⁷.

В конце VII и в начале VIII в. плебейские массы города еще могли принимать участие в выступлениях партий, в VIII в. цирковые партии существовали, но политического влияния не имели, хотя, как сообщает патриарх Никифор, во время вторичного выступления иконоборцев члены цирковых партий выступали в рядах сторонников иконоборцев.

В 715 г. плебейским массам города Константинополя был нанесен сильный удар: были выселены из столицы все те, кто не имел трехгодичного запаса продовольствия. В результате этой меры в течение всего VIII в. в Константинополе ощущался недостаток трудящегося населения. Это вынудило иконоборческую династию переселить в столицу большое число ремесленников из провинции, что значительно укрепило положение свободного ремесла в Константинополе.

Влиятельной прослойкой населения столицы было сословие военных, которые жили со своими семьями. Ирина изменила состав константинопольского гарнизона: перевела прежние воинские части в провинцию, а в Константинополе разместила преданное иконопочитанию войско из

⁹⁵ Theoph., Chronog., p. 377, 447; Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica, p. 76. В письмах Феодора Студита упоминаются его послушники из ремесленников, в том числе плотник, который «был примером для всех плотников» (по благочестию), но потом ушел из города. Феодор Студит имел переписку с керуларием — торговцем воском; с миганами — торговцами и ткачами льняных изделий; с мироваром-парфюмером, которому советовал беречься от павликиан; сам Ф. Студит в изгнании занимался за плату рисованием миниатюр для книг и перепиской. В письмах есть упоминания о мясниках, ткачах, кузнецах, сапожниках, красильщиках, виноторговцах.

⁹⁶ Const. Porph. De ceremoniis, I, 11, 87.

⁹⁷ Ibid., II, 10, 575.

европейской провинции. Военные, поселившиеся в Константинополе, безусловно, стремились обзавестись городскими или пригородными земельными угодиями, и превращение их в городских ктиторов было лишь вопросом времени⁹⁸. Приобретение иконоборческой знатью значительной земельной собственности было причиной ослабления иконоборческого движения.

* * *

Управление ранневизантийских городов V—VI вв. претерпело существенные изменения. Влияние городских землевладельцев, занимавших по существу наследственные должности в курии и управлявших городскими земельными и финансовыми богатствами, было подорвано; начиная с IV в. в городском управлении все большую власть приобретает императорский чиновник — пресид. Тем не менее сохранялись некоторые элементы самоуправления. Новеллой 128, 16 Юстиниан предписал, чтобы *πατήρ τῆς πόλεως* и *defensor* избирались ежегодно епископом и первейшими гражданами — *πρωτεύοντες* — и чтобы ежегодно создавалась комиссия из епископа и пятерых *πρωτεύοντες* по проверке отчетности⁹⁹.

Настроения городской знати, связанной с муниципальным самоуправлением, оказывали определенное влияние на выборы епископа. Росту влияния знати способствовал эдикт Юстиниана II, предписывавший избрание высших должностных лиц провинции из местной городской и поместной знати¹⁰⁰. Городам давались определенные права, в частности, так называемый *δίκαιον τῆς πόλεως*¹⁰¹.

К концу VI в. роль городской знати, главой которой являлся епископ, безусловно, возрастает. Самоуправление города принимало особые формы, когда город находился под угрозой вражеского нападения. После ослабления центральной власти города вновь приобрели некоторую возможность распоряжаться своими средствами, например, строить стены за собственный счет.

Согласно относящимся к 595 г. данным, сообщаемым Феофилактом Симокаттой, балканский город Аземос, во главе которого стоял епископ, имел и некоторые элементы самоуправления, в частности, располагал собственными *ὀπλιτικόν* — особым городским ополчением, прекрасно вооруженным, которое, однако, пользовалось привилегией не участвовать в боевых операциях вне города¹⁰². Попытки византийского полководца нарушить привилегии города и присоединить городское ополчение к войску, сражавшемуся на Дунае, вызвало дружный протест со стороны всего населения города с епископом во главе. Город закрыл ворота перед командующим правительственной армией.

Город Аземос являлся пограничным, но такими же привилегиями обладали и более отдаленные города: они имели свое войско и могли отстаивать свои привилегии даже перед командующим правительственными войсками.

⁹⁸ Так, отец Антония Кавлея, военный, приехал в Константинополь (приблизительно конец VII—начало IX в.); женившись, он приобрел проастию недалеко от столицы. См. A. Parapoulos-Keramens. Monumenta graeca et latina. ad historiam Photii patriarchae pertinentia, I. Petropoli, 1899, § 2.

⁹⁹ Nov. Just., 15, epil., a. 535; Nov. Just., 128, 16.

¹⁰⁰ F. Dölger. Regesten..., I, № 12, a. 569.

¹⁰¹ Захария Ритор, рассказывая о постройке Дары, сообщает о том, что Юстиниан возвел Дару в ранг города, построил церкви, бани, водопровод и дал городу привилегии (Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 155—156).

¹⁰² Theophylacti Simocattae Historiae, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, VII, 3.

Позднеримская система городского самоуправления долго держалась в городах, отдаленных от Константинополя. Итальянские и далматинские города. Херсонес управлялись местной знатью, *πατέρες τῆς πόλεως* и *judices duumviri jure dicundo, quatuorviri*. В числе далматинских городов, сохранивших в VII в. старинные формы самоуправления, нужно отметить Ядер (Зару), Трагурий (Трогир), Веклу (Крк), Эпидавр (Рагузу), Декатеру (Каттаро), Арбу (Раб)¹⁰³.

В Венеции во главе управления стоял дож, которого избирали *publico placito*, т. е. епископы, судьи и *boni homines*. Неаполь управлялся выборным дуксом, должность которого, несмотря на формальную выборность, фактически превратилась в наследственную, причем и епископ и дукс в Неаполе происходили из одной фамилии. Дукс Неаполя в то же время находился в подчинении у византийского стратига.

Во второй половине VII в. муниципальное управление в византийских городах проявляло еще некоторую активность. Как и в VI в., имелись дуумвиры, куратор, патрон, патер города, которые избирались населением, но утверждались центральным правительством и, таким образом, лица, избранные местной знатью, являлись в то же время представителями центральной власти¹⁰⁴.

Сообщение Константина Багрянородного об осаде Патр говорит об инициативности и организованности горожан. В 807 г. Патры, называвшиеся *кастрои*, ввиду опасности нападения славян собрали общее собрание горожан и организовали оборону города¹⁰⁵.

Старинное *κοινόν* и городская милиция существовали, по-видимому, вплоть до IX в. Как свидетельствуют некоторые данные эпиграфики, горожане иногда собственными силами, исходя из интересов города, воздвигали или восстанавливали городские стены¹⁰⁶. Только в 739 г. вместо восстановления стен Константинополя горожане стали платить специальную подать в размере $16\frac{1}{4}\%$ от основных налоговых ставок.

Во главе Херсонеса в начале VIII в. стоял протополит и 40 представителей знати, почти номинально подчинявшихся византийской власти¹⁰⁷.

По сохранившимся свинцовым печатям, опубликованным в трудах Шлюмберже, можно заключить, что во главе некоторых городов стояли так называемые «архонты», выбиравшиеся из местной городской знати. Термин *πρωτεύωντες* встречается на печатях вплоть до начала XI в.

Согласно надписи из Херсонеса, командующий гарнизоном викарий распоряжался также и финансами. Упоминается *πραχτεῖον* — учреждение по сбору налогов и пошлин. Из собранных сумм предписывалось построить стены¹⁰⁸.

Сохранение элементов самоуправления в городах в условиях крушения устоев рабовладельческого общества и значительного ослабления позиций центрального правительства таило реальную опасность превращения Византии в ряд феодализирующихся независимых городов-государств. Это было несовместимо с попытками зарождавшейся военно-служилой фемной знати создать прочные порядки централизованного

государства для обеспечения возможностей развития крупного землевладения, которое могло бы стать основной предпосылкой для дальнейшего развития сеньориальной формы эксплуатации. Со времени правления Юстиниана II, стремившегося к укреплению фемных войск и созданию военных колоний, византийская власть проводит энергичную политику уничтожения городского самоуправления посредством замены муниципальных органов города назначенным стратигом с подчиненными ему военными и гражданскими должностными лицами.

В главном городе фемы имел местопребывание стратиг с ответственными перед ним претором, ведавшим судопроизводством по гражданским делам, и подчиненный как стратигу, так и непосредственно центру хартуларий фемы, ведавшей финансовыми делами фемы, сбором налогов¹⁰⁹.

Что же касается статуса военных центров — «кастра», то, если они не выполняли других характерных для города функций, они, безусловно, не пользовались самоуправлением и управлялись военными властями. Население этих «кастра» имело особые привилегии, характер которых зависел от рода занятий и повинностей живших вокруг «кастра» ремесленников и земледельцев — «кастринов» (*καστρινοί*), среди которых можно выделить моряков, добытчиков пурпура, специалистов по изготовлению хартий — *πλωῖτροι, κογχυλευταί, χαρτοποιοί* и др.¹¹⁰ Эти привилегии заключались в освобождении их получателей от всех существующих в государстве повинностей для того, чтобы они могли сосредоточить все силы на несении одной повинности, связанной с их профессией. Такой характер привилегий прикреплял «кастринов» к их ремеслу. Прикрепление *κογχυλευταί* к их ремеслу означает прямой континуитет с теми *murileguli*, которые закреплялись за данным промыслом в IV—VI вв.¹¹¹

Процесс ликвидации городского самоуправления затянулся на длительный период. В Херсонесе самоуправление с протополитом во главе продолжалось до 834 г., когда Феофил поставил во главе города стратига¹¹².

VIII—середина IX в. — период исчезновения автономии города и перехода его в систему фемной организации. Завершение этого процесса можно отнести ко времени издания известной 47-й Новеллы императора Льва VI (конец IX в.).

Автономия городов не имела ничего общего с интересами широких масс городского населения. Политика постепенного уничтожения такой автономии в VIII в. проводилась в соединении с борьбой против городской знати под лозунгом иконоборчества и сопровождалась демагогическими обращениями императорской власти к более широким кругам горожан (Константин V созывал «силении» — выступления императора перед различными слоями городского населения, в том числе и перед ремесленными корпорациями). В это время императоры в своих распоряжениях часто адресовались непосредственно к народу города или провинции.

Несмотря на проводимую политику уничтожения городской автономии, правительство продолжало использовать местную городскую знать в деле управления городом, и принадлежавшие «протевонтес» печати свидетельствуют о том, что бюрократизация управления городом не могла быть в условиях того времени проведена полностью.

¹⁰³ F. Dölger. Die frühbyzantinische Stadt, S. 125—126; E. Mayer. Die dalmatisch-istrische Munizipalverfassung im Mittelalter und ihre römische Grundlagen. — ZSSR. GA, XXIV, 1903, S. 211 f.

¹⁰⁴ Такую картину рисуют документы Равенны. См. Ch. Diehl. Études sur l'administration byzantine dans l'Éksarchat de Ravenne, II. Paris, 1888, cap. II, p. 93 sq., 103 sq.

¹⁰⁵ Const. Porph. De adm. imp., 49, 17.

¹⁰⁶ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 20; S. 11, Anm. 6.

¹⁰⁷ Theoph., Chronog., p. 378.

¹⁰⁸ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 21—22.

¹⁰⁹ F. Dölger. Beiträge... 68 f.

¹¹⁰ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 27.

¹¹¹ CJ, XI, VIII, 11.

¹¹² Theophanus Continuatus, III, 28, p. 125; Const. Porph. De adm. imp., 42.

В Византии город вошел в средневековье в готовом виде: налицо были производственные традиции, торговые связи, веками сложившиеся нормы гражданских отношений, вполне установившаяся роль города в осуществлении административно-фискальных функций, а также в насаждении господствующей идеологии — христианской религии. В отличие от большинства стран Центральной Европы, где город как экономическая категория создавался в результате выделения ремесла из сельского хозяйства, на византийской территории города в основном развивались не на базе деревенского ремесла, а в условиях старинного города и его пригородных хозяйств.

Те грандиозные события, которые произошли в VII в., когда славянское вторжение и арабские завоевания и набеги развязали внутренние революционные силы в Византии, безусловно, привели города к временному упадку, однако и в этот период в них развивались свободные торговля и ремесло, а также появились богатая прослойка населения, связанная с доходами, отличными от доходов, получавшихся путем сеньориальной эксплуатации. Однако в дальнейшем переселение в города военнотрудовой землевладельческой знати сделало город центром реализации феодальной ренты.

Можно отметить двойственный характер византийского города так называемого средневизантийского периода (X—XII вв.). С одной стороны, город был оплотом социальной реакции, поскольку это был центр сохранения традиций рабовладельческого общества с его имущественными отношениями, пережитками рабства. Но с другой стороны, средневизантийский город выполнял прогрессивную роль, так как именно в городах сохранялись и развивались те нормы гражданского права, которые регламентировали частную собственность и товарное производство, а также сохранялись элементы античной культуры, благодаря которым феодальное общество в Византии достигло такого производственно-культурного уровня, который являлся более высоким этапом развития человеческого общества, нежели рабовладельческий строй.

В VII—VIII вв. уже создавались некоторые экономические предпосылки феодальной раздробленности. Городская знать стремилась сохранять за собой привилегии данного города. Особенно в этом отношении выделялся Константинополь. Торговцы столицы имели особые привилегии, причем торговля организована была так, что столичный купец относился к иногороднему, как к иностранцу, т. е. внутренняя торговля была организована по образцу внешней. В результате всякий город стремился к независимости, а не к расширению связей с другими городами на базе общего рынка.

С другой стороны, нужно отметить и начало процесса создания своеобразного византийского феодального города: он стал местопребыванием феодальной администрации, которая впоследствии настолько подчинила себе города политически, что они в дальнейшем могли стать центрами сеньориального типа эксплуатации населения.

Г. Г. ЛИТАВРИН

ПСЕЛЛ О ПРИЧИНАХ ПОСЛЕДНЕГО ПОХОДА РУССКИХ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 1043 г.

Единственным историком-современником и очевидцем нападения русских на Константинополь в 1043 г., составившим описание этого события, является Михаил Пселл. Его свидетельство поэтому приобретает первостепенное значение среди других известий об этом походе. Сообщение Пселла заслуживает особого внимания еще и потому, что он ставит перед собой задачу специально рассказать о причинах столкновения. Описав триумф в столице весной 1043 г. по поводу победы над Георгием Маниаком, Пселл говорит, что теперь он хочет «объяснить причины» нападения русских на Константинополь, поскольку император Константин IX Мономах «ни в чем не обнаружил себя их противником».

«Итак, — пишет историк, — варварское это племя во все времена враждовало и питало злобу против державы ромеев (ἐπὶ τῇ Ῥωμαίων ἡγεμονίᾳ) и при каждом случае, измышляя ту или иную причину, делало ее предлогом для войны против нас. Когда умер внушавший им страх автократор Василий, а за ним завершил определенную ему судьбою часть века его брат Константин, на котором окончилась власть благородного дома, они опять возобновили старую вражду против нас и понемногу готовились к предстоящим войнам. Поскольку же они считали и царствование Романа блестящим и славным, с приготовлениями у них не все было в порядке. Когда же умер и он, пожив непродолжительное время в императорском достоинстве, а власть попала к некоему неизвестному Михаилу, против него они именно и вооружали свои силы. Зная, что вторгаться к нам нужно через море, они нарубили в верховьях деревьев, выдолбили малые и большие ладьи и, втайне понемногу достаточно подготовившись, хотели с большим флотом отплыть против Михаила. Когда у них все было подготовлено и война должна была разразиться, этот император предупредил их отплытие, оставив земную жизнь. Поскольку же и преемник его умер, едва запечатлев свой след в императорском дворце, а власть утвердилось за Константином, варвары, хотя ни в чем не могли обвинить его ради войны, но для того чтобы их приготовления не оказались бесполезными, развязали против него беспричинную войну. Итак беспричинна эта причина их движения против самодержца»¹.

В приведенном отрывке трижды подчеркивается, что война русских против византийцев была беспричинной, точнее, что она произошла ни в коем случае не по вине Мономаха. Новый император, старается доказать Пселлу, не дал никакого повода для начала военных действий.

¹ Michel Psellos. Chronographie, ed. par E. Renauld, II. Paris, 1928, p. 8.1—9.28.

Однако доводы, приведенные историком, чтобы обосновать свое утверждение, производят жалкое впечатление. Достаточно внимательно прочитать текст процитированного выше отрывка из «Хронографии», чтобы возник вопрос о степени осведомленности или правдивости этого близкого ко двору, талантливому и ловкому царедворцу.

Война 1043 г. не подверглась достаточно углубленному изучению в отечественной историографии. О первых походах Руси на Константинополь написаны десятки работ, событиям же 1043 г., происшедшим в период расцвета Древнерусского государства, не было посвящено ни одного специального исследования². Исключая работы В. Г. Васильевского, до недавнего времени о войне русских с византийцами в 1043 г. делались в лучшем случае лишь попутные замечания, главным образом с целью определить значение этого события для будущих, преимущественно церковных, отношений Руси и Византии. Тем не менее, успешные и чрезвычайно широкие выводы, полученные в ходе этих попутных рассуждений, прочно прижились в русской и советской историографии. Самыми неясными остаются причины похода. Этого вопроса каснулся В. Г. Васильевский. Отметив, что о причинах войны 1043 г. наиболее полные сведения сообщают Михаил Пселл и Скилица³, и приведя переводы обоих сообщений, В. Г. Васильевский замечает: «Едва ли Пселл хорошо знал то, что делалось, и особенно, что замышлялось на берегах Днепра; его известия о постоянном враждебном настроении русских, о неоднократных их сборах к походу на Константинополь возбуждают недоумение и сомнение»⁴. Отдавая, как кажется, предпочтение известия Скилицы, В. Г. Васильевский больше не возвращается к сообщению Пселла.

Через треть века к указанному свидетельству обратился М. Д. Приселков. Ошибочно толкуя текст Пселла, этот историк пришел к выводу, что в 1043 г. русские предприняли поход, чтобы свергнуть церковно-политическую «игемонию» Византии над Русью, поскольку церковные отношения в то время были «неотделимой частью отношений политических» и поскольку греческий митрополит в Киеве «стал играть видную политическую роль не только как проводник распоряжений императора, но и как один из направляющих центров междукняжеских отношений»⁵.

Этот вывод приняли на веру В. В. Мавродин⁶ и Д. С. Лихачев⁷. Однако в 1950 г. с критикой концепции М. Д. Приселкова выступил И. У. Будовниц. Он справедливо указал на чрезвычайное преувеличение этим историком роли церковно-иерархических отношений Руси с Византией, которые, по мнению М. Д. Приселкова, во многом определяли политическую жизнь Древней Руси. И. У. Будовниц дал свое толкование

² Разумеется, таким исследованием нельзя считать короткую заметку А. Куника, в которой комментируется известие нашей летописи о походе 1043 г. (А. Куник. Русский источник о походе 1043 г. — В кн.: Б. Дорн. Каспий. О походах русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. — ЗАН, т. 26, 1876. Приложение).

³ Михаил Атталиат (Michaelis Attaliotae Historia. Bonnae, 1853, p. 20.9—21.14) ничего не говорит о причинах столкновения.

⁴ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. — «Труды», т. I. СПб., 1908, стр. 307.

⁵ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 90; его же. Русско-византийские отношения IX—XII вв. — ВДИ, 1939, № 3, стр. 103—104.

⁶ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 367; его же. Древняя Русь. Л., 1946, стр. 262 сл.

⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 46—50.

употребляемому Пселлом термину «ἡγεμονία», который означает в данном контексте не «власть», «господство», а попросту «державна»⁸.

И. У. Будовниц решительно поддержал М. В. Левченко. Он впервые свел воедино свидетельства русских и иностранных источников, касающихся похода 1043 г., и попытался выявить обстоятельство, предшествовавшее походу. М. В. Левченко полагал, что после крещения Владимира «мирные отношения между Русью и Византией не прерывались вплоть до войны 1043 г.»⁹ Вполне обоснованным представляется также мнение М. В. Левченко относительно враждебных действий против Византии в 1023—1025 гг. родственника Владимира — некоего Хриссохира¹⁰. «В нашем распоряжении, — пишет М. В. Левченко, — нет известий, показывающих, что гибель Хриссохира послужила поводом для конфликта между двумя государствами»¹¹.

Согласился М. В. Левченко и с переводом термина «ἡγεμονία», предложенным И. У. Будовницем¹². Странным образом, однако, отвергая предположение, что в словах Пселла «старая вражда» следует видеть намек на какие-то враждебные действия русских против византийцев накануне похода 1043 г., М. В. Левченко по существу повторяет тезис М. Д. Приселкова, когда заявляет, что «у русских уже давно назревала бешеная ненависть против греческой гегемонии, готовая вылиться в форму открытого военного выступления», хотя отношения «были внешне спокойны»¹³. Эта «гегемония» заключалась якобы в «бесправном положении» русских в Константинополе, в притеснениях, которым подвергались русские купцы, чья жизнь и имущество «не были там в безопасности»¹⁴.

Но М. В. Левченко также не стал далее задерживаться на известии Пселла, не подверг его более внимательному анализу и не дал ему ясной и цельной оценки. Поэтому как критика И. У. Будовницем концепции М. Д. Приселкова, так и мнение М. В. Левченко были услышаны далеко не всеми. Н. Н. Воронин в своих интересных статьях по-прежнему говорит о церковной «игемонии» Византии на Руси как о факторе огромной политической важности¹⁵. Однако почти одновременно сторонники точки зрения В. Г. Васильевского и И. У. Будовница о сообщении Пселла нашлись среди иностранных историков... «Едва ли достоверными» называет рассуждения Пселла Г. Вернадский¹⁶. Сравнивая известия Пселла и Скилицы о причинах похода 1043 г., Л. Мюллер пишет: «Я думаю, что следует, безусловно, отдать предпочтение последнему, так как

⁸ И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. — ИЗ, № 35, 1950, стр. 204—208.

⁹ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 387.

¹⁰ Лицо, неизвестное русским летописям. В. Г. Васильевский предполагал, что это имя представляет собой или искажение соответствующего русского имени, или буквальный перевод прозвища («Золотая рука») (В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 206—207).

¹¹ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 388.

¹² Там же, стр. 394.

¹³ Там же, стр. 392—395.

¹⁴ Там же, стр. 395.

¹⁵ Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг. — ВВ, XXI, 1962; его же. Жизнь Леонтия Ростовского и византийско-русские отношения второй половины XII в. — ВВ, XXIII, 1963. С полным доверием к известию Пселла относится Н. Н. Ильин, пишущий о нарастающих противоречиях в отношениях между Русью и Византией при Романе III Аргире и об их особом обострении при Михаиле IV [Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа). М., 1957, стр. 11].

¹⁶ G. Ver n a d s k y. The Byzantine-Russian War of 1043. — «Südost-Forschungen», XII, 1953, p. 61.

он сообщает ясные и достоверные факты; доводы же Пселла о причинах войны представляют собой не историческое повествование, а политический памфлет»¹⁷.

Мы хотели бы обратить внимание на то, что наиболее подробное освещение война 1043 г. получила не в отечественной, а именно в зарубежной историографии. Сначала детальное изложение хода событий, не вдаваясь в анализ источников, дал Г. Шломберже¹⁸. Затем всестороннее исследование посвятил походу Г. Вернадский в упомянутой выше статье¹⁹. Говоря о причинах войны, он указывает на нарушение византийцами торговых договоров с Киевом, выразившееся в убийстве знатного русского: ведь договоры должны были включать гарантии безопасности в Константинополе для купцов и дипломатов Древней Руси.

Однако инцидент на рынке был лишь следствием другого события. Г. Вернадский высказывает гипотезу, что ссора находилась в связи с мятежом в Италии Георгия Маниака. Мятеж вспыхнул в сентябре 1042 г., к нему примкнула и часть русского корпуса. Через месяц константинопольцы уже знали о событиях в Италии. Поэтому они были настроены враждебно ко всем русским, и драка на рынке при таких условиях могла случиться по малейшему поводу. Г. Вернадский датирует ее октябрём. Маниак высадился в Диррахии в феврале 1043 г. В марте об этом узнали в Киеве. Русские решили объединить с ним свои военные действия против империи²⁰.

Гипотеза Г. Вернадского весьма интересна — она является первой попыткой выйти за рамки церковно-иерархической оценки причин войны 1043 г. Однако, во-первых, эта гипотеза не объясняет причин участия русских в восстании против Мономаха. Во-вторых, ни ссора на рынке, ни участие русского корпуса в мятеже Маниака не могли, по нашему мнению, сами по себе быть причиной дальнего похода. В-третьих, едва ли вероятно, что в марте весть о высадке Маниака в Диррахии, преодолев весеннюю распутицу в Причерноморье, достигла Киева. В-четвертых, Гаральд, который, согласно Г. Вернадскому, сам вел норманнских союзников Владимира Ярославича на помощь Маниаку, был не другом мятежника²¹, а его заклятым врагом.

Вернемся теперь к сообщению Михаила Пселла. Итак, согласно его свидетельству, русские всегда были враждебны к Византии и использовали любой повод для нападения. При Василии II они, однако, не решились на это, страшась Болгаробойцы. Не напали они и при Константине VIII — последнем мужском представителе «благородного» императорского дома (Македонской династии). При Романе IV русские снова стали помышлять о нападении, но опасались и этого императора, поэтому приготовления к походу шли плохо. Когда же воцарился «безвестный» Михаил IV, они начали собираться в поход и уже совсем были готовы, но Михаил IV умер, а вскоре скончался и его не менее «безвестный» преемник Михаил V. На престол вступил Константин IX Мономах.

¹⁷ L. Müller. Des Metropolitens Harion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 30. Anm. 2; ср. E. Winter. Die Christianisierung der Rus in der Diplomatie des Papstums und Byzanz. — «Aus der byzantinischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik», I. Berlin, 1957, S. 153—154.

¹⁸ G. Schlumberger. L'Épopée byzantine à la fin du X siècle. III. Paris, 1905, p. 460—476.

¹⁹ Мы получили работу Г. Вернадского, когда наша статья уже находилась в печати, поэтому мы не можем уделить его исследованию того внимания, которого оно заслуживает.

²⁰ G. Vernadsky. Op. cit., p. 52, 62, 63.

²¹ Ibid., p. 54, 63.

И хотя он ничем не дал повода к войне, русские отправились в поход, не желая, чтобы их сборы оказались напрасными.

Ясно, что, говоря о прежних войнах русских против Византии и об их «старой» вражде к империи «во все времена», Пселл имеет в виду походы Руси на Византию, совершенные до воцарения Василия II. Однако уже здесь Михаил Пселл обнаруживает склонность к неоправданным обобщениям. С 860 по 976 г. (начало правления Василия II), русские действительно предприняли пять походов на Византию (в 860, 905—907, 941, 944 и в 968—971 гг.). Однако в это же время они заключили с византийцами пять или шесть мирных договоров. После каждого столкновения следовал длительный, в несколько десятилетий, период мирных сношений с империей.

С начала X в. русские имели свое подворье в Константинополе, их мирные купеческие караваны совершали регулярные путешествия в Византию. На основании приведенного отрывка из «Хронографии» Пселла можно заключить, что автор был знаком с трудами Константина Багрянородного, который подробно описал сборы русских в их мирные плавания к Константинополю.

Русские, утверждает Пселл, были враждебны империи и при Василии II, и только страх перед этим императором удерживал их от нападения. Но они спасли трон, а может быть и самую жизнь Василия II во время восстания Варды Фоки. За русского («варварского») правителя — князя Владимира была выдана замуж родная сестра императора Анна. Русские приняли христианство по византийскому образцу. Их шеститысячный отряд остался на службе в империи. Что же касается какого-то их ужаса перед Болгаробойцей, о чем пишет Пселл, то следовало бы напомнить, что когда Василий II стал затягивать исполнение обязательства прислать свою сестру на Русь, Владимир осадил и взял византийский Херсон в Крыму, силой вынудив грозного императора придерживаться достигнутой договоренности.

Особенно тесными и дружественными отношения между Русью и Византией стали после 989 г. На рубеже X и XI вв. или в начале XI в. (несомненно, в результате особого соглашения между обоими правящими домами) на Афоне был основан русский монастырь Ксилургу (Древодела). В 1016 г. русский игумен подписался под одним из афонских актов²². В 999—1000 гг. русский корпус участвовал в походе императора в Сирию и на Кавказ²³. В 1016 г. Византия, приводя к повиновению восставших херсонитов, послала против них флот и попросила русских о помощи. Ее оказал Сфенг, которого Скилица называет «братом Владимира»²⁴. В том же году во время похода в Болгарию Василий II делил взятую у врагов добычу: на долю русского корпуса, ставшего постоянной и наиболее боеспособной единицей византийской армии, пришлось столько же, сколько было отдано всему остальному византийскому

²² Actes de Lavra, ed. G. Rouillard et P. Collomp, I. Paris, 1937, № 18, 51—52.

²³ В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 40.

²⁴ Флот во главе с Монгом был отправлен в «Хазарию». Страна была подчинена, а ее «архонт» Георгий Пул схвачен (Седр., II. Vonnae, 1839, p. 464.5—10). Сохранилась его печать, согласно которой он был стратигом Херсона (В. Юргевич. Свинцовые печати, принадлежащие музею Общества. — ЗООИД, т. XV, 1889, стр. 41—42). Следовательно, под «Хазарией» здесь имеется в виду Крым. См. Е. Ч. Скрижинская, А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). — МИА, № 17, 1950; ВВ, VI, 1953, стр. 266. А. В. Соловьев отождествляет Сфенга с сыном Владимира, князем Тмутороканским Мстиславом (А. V. Soloviev. Domination byzantine ou russe au nord de la Mer Noire à l'époque des Comnènes? — «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses. 1958». München, 1960, p. 575).

войску²⁵. В 1019 г. русские защищали византийские владения в Италии от норманнов²⁶. В 1020—1021 гг. русские снова находились в составе военных сил империи во время второго похода на Кавказ²⁷. В 1025 г. русские были отправлены в Италию для борьбы с сицилийскими арабами²⁸.

В известном противоречии с этими известиями о мирных и дружественных отношениях между Русью и империей находится лишь одно упомянутое нами выше сообщение Скилицы. В 1023—1025 гг. перед столицей Византии появились однодревки с восемьюстами русских воинов. Во главе их стоял «родственник Владимира» Хрисохир, который заявил посланцам императора, что они прибыли для того, чтобы наняться служить в его войске. Последовал приказ сложить оружие и явиться во дворец для переговоров. Хрисохир отказался повиноваться. Он прорвался к Авидосу, у которого разгромил флот стратига Пропонтиды, и появился у острова Лемноса. Здесь русские были «обмануты» (*παρὰ πωδῆ έντες*), окружены флотом фемы Кивирреотов, силами стратига Самоса и дуки Фессалоники и уничтожены²⁹.

По-видимому, это был отряд русской вольницы, отправившийся во время усобиц на Руси на чужбину в поисках славы и добычи, и киевский двор не был ответствен за действия Хрисохира, предпринявшего экспедицию на свой страх и риск.

Во всяком случае этот эпизод, как уже верно отметил М. В. Левченко, не отразился сколько-нибудь существенно на характере русско-византийских отношений.

Итак, свидетельства рассмотренных нами выше источников не только не подтверждают того, что говорит Пселл, но явно противоречат его рассказу.

Далее: нет никаких известий, что русско-византийские отношения претерпели какие-либо изменения в короткое царствование брата Василия II — Константина VIII (1025—1028). Согласно Пселлу, наиболее близкими к этому императору были люди «не благородной и свободной участи, а иноплеменной и варварской». Их он особенно охотно удостоивал высокими почестями³⁰. Этих «варваров», говорит Зонара, Константин наделял и первыми титулами, и должностями, они увозили на телегах дары императора³¹. Не было бы ничего удивительного в том, если бы среди упомянутых «варваров», окружавших Константина VIII, находились и представители того народа, с государством которого Византия была в этот период связана теснее, чем с любой другой страной Европы.

Любопытно, что в кладах византийских монет на Руси по числу найденных экземпляров первое место принадлежит серебряным монетам Василия II и Константина VIII³².

Что же касается заявления Пселла, что русские будто бы должны были бояться Константина VIII, то на этот счет византийские источники единодушны. Трусливый и подозрительный император более всего опа-

сался военных столкновений. По сообщению самого Пселла, этот василевс покупал мир у нападавших на империю «варваров» раздачей титулов и даров³³. Во всяком случае ссылка Пселла на знатность Константина VIII как на причину страха русских перед ним не может быть признана серьезной.

Не согласуется с сообщениями других источников и утверждение Пселла, будто русские готовы были возобновить приготовления к походу на Византию после воцарения Романа III Аргира (1028—1034). Как показал В. Г. Васильевский, в походе Романа III в Сирию в 1030 г. принимал участие русский корпус. Императора в ходе этой кампании окружали телохранители из русских, которые и спасли его от плена во время неудачного сражения³⁴. Согласно свидетельству неизвестного арабского автора, в том же 1030 г. русские совершили поход на Кавказ и в Закавказье. Окруженные врагами, они избрали наиболее безопасный путь к Черному морю — через территорию Византии³⁵, — несомненно, потому, что империя была тогда в дружеских отношениях с Русью. Одновременно, в 1030-м же году русский монастырь сделал новое приобретение³⁶. По-видимому, он рос и богател. В 1034 г. русские участвовали во взятии крепости Пергри (Перкрин) на армянской границе³⁷.

Следует также обратить внимание на то, что Роман III до своего воцарения был эпархом Константинополя. Исполняя эту должность, он, конечно, встречался с русскими дипломатами и купцами и должен был дружески относиться к ним, как к представителям двора, родственного правящей в империи династии. Вероятно, что подтверждают приведенные выше свидетельства, его отношения к русским не изменились и после воцарения и женитбы на Зое — племяннице русской княгини Анны.

При «худородном» и «безвестном» Михаиле IV Пафлагонце (1034—1041), вопреки свидетельству Пселла, отношения с русскими не только не испортились, а стали еще более тесными и дружескими.

В начале правления этого императора русский корпус находился во Фракийской феме³⁸. Михаил IV вступил на престол в середине апреля 1034 г. Несомненно, Гаральд Гардар, отправившийся в этом или следующем году из Киева, где он в течение нескольких лет жил при дворе Ярослава Мудрого и принимал участие в его походах, знал о переменах на троне в Византии прежде, чем тронулся в путь. Кекавмен прямо пишет, что Гаральд «пожелал прийти и поклониться блаженнейшему василевсу Михаилу Пафлагонцу и увидеть ромейское благолепие. Привел он с собою и войско из пятисот храбрых воинов»³⁹. Едва ли друг Ярослава отправился бы в Византию на службу к императору, против которого в то же время, если верить Пселлу, Ярослав готовил военное предприятие.

Русский корпус продолжал участвовать в войнах в Сицилии против арабов⁴⁰. Русский отряд находился среди войск Георгия Маниака в Ита-

²⁵ Cedr., II, p. 465.10—13.

²⁶ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина..., стр. 205.

²⁷ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 312—313, 375.

²⁸ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 208.

²⁹ Cedr., II, p. 478.21—479.8.

³⁰ Psellos, I, p. 27.11—13.

³¹ Joannes Zonaras. Epitome historiarum, III. Bonnae, 1897, p. 571.3—6.

³² В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, стр. 13. Среди «варварских» подражаний византийским монетам наиболее часто встречается миллиарсий Василия II и Константина VIII (там же, стр. 18).

³³ Psellos, I, p. 25.6—8; ср. Zon., III, p. 570.3—5.

³⁴ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 212—213.

³⁵ В. Ф. Минорский. Русь в Закавказье. — «Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae», t. III, fasc. 3. Budapest, 1953, p. 209.

³⁶ Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873, стр. 2.

³⁷ Cedr., II, p. 503.6—7.

³⁸ Cedr., II, p. 508.19—509.4.

³⁹ Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus, ed. V. Wassiliewsky et V. Jernstedt. — «Записки ист.-филол. фак-та С.-Петербургского ун-та», ч. XXXVIII, 1896, стр. 97.5—8.

⁴⁰ F. Chalandon. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicilie, I. Paris, 1907, p. 90.

лии и в конце царствования Михаила IV⁴¹. Именно при этом императоре Ярослав заложил в Киеве каменный храм св. Софии с помощью византийских архитекторов, а собранные Ярославом «письма многие» перевели на славянский язык греческие книги. От конца 30-х годов XI в. идут и первые сообщения о греческом митрополите на Руси, поставленном константинопольским патриархом.

В конце царствования Михаила IV вместе с русскими купцами в Константинополе оказался и какой-то знатный русский, может быть, посол киевского князя⁴².

В проведении дружественной политики по отношению к Руси существовала и непосредственная преемственность между царствованием Романа III и царствованием Михаила IV. Еще исполняя должность епарха, Роман Аргир приблизил к себе сына менялы Иоанна Пафлагонца (Орфанотрофа)⁴³, который стал советником Романа после воцарения, а при Михаиле IV, своем брате, был всеильным временщиком. С торгово-ростовщическими кругами, которым в первую очередь приходилось общаться с русскими купцами, Иоанн Орфанотроф и Михаил IV были связаны и через своего зятя, мужа их сестры Марии — Стефана Калафата.

По своему характеру торговля русских с византийцами отличалась от торговли с итальянскими купцами. Между русскими и местными, византийскими, торговцами едва ли существовало какое-либо соперничество. В отличие от итальянцев, все чаще привозивших в Византию изделия своих ремесел и перехватывавших нити транзитной торговли Константинополя с Востоком, русские везли в столицу империи главным образом сырье — меха, воск, мед, кожи, пеньку и не являлись серьезными торговыми конкурентами для константинопольских купцов. Скорее наоборот — торговля с русскими купцами приносила значительные выгоды византийцам.

Есть основания предполагать, что роль русских в Византии стала еще более значительной в кратковременное правление Михаила V, вышедшего из торгово-ростовщической среды и искавшего опоры прежде всего в верхах торговых и ремесленных корпораций⁴⁴. Михаил V, сообщает Пселл, окружил себя «скифами», «одни из них были его телохранителями, другие служили его замыслам»⁴⁵. В другом месте Пселл называет этих телохранителей «тавроскифами» (т. е. русскими)⁴⁶. Затеяв ссылку и пострижение Зои, Михаил V хотел схватить или даже убить патриарха, ее приверженца. Выполнение чрезвычайного поручения было возложено на отряд русских и болгар. Патриарху, однако, будто бы удалось откупиться⁴⁷. В. Г. Васильевский, анализируя данные рассказа Пселла о восстании против Михаила V и сообщения норманнских саг, пришел к выводу, что во время восстания наемная варяго-русская дружина раскололась — русские защищали Михаила V, тогда как норманнские наемники во главе с Гаральдом находились среди восставших⁴⁸. Нам этот

⁴¹ Μιχαήλ Ψελλός, in: K. Σάβας. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη, V. En Venetia, 1876, p. 138.

⁴² Cedr., II, p. 551.7.

⁴³ Cedr., II, p. 504.9—11; В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 329.

⁴⁴ Psellos, I, p. 96.2—11; Attal., p. 12.9—19; Cedr., II, p. 536.9—13. Cf. J. Vryonis. Byzantine δημοκρατία and the Guilds in the Eleventh Century. — DOP, 17, 1963, p. 305.

⁴⁵ Psellos, I, p. 95.11—17.

⁴⁶ Ibid., p. 102.19—20.

⁴⁷ Об этом сообщает арабский автор Ибн ал-Асир (см. В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 330).

⁴⁸ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 283—287. Г. Шломбергер (G. Schlumberger. Byzance et Croisade. Pages médiévales. Paris, 1927, p. 13—14,

вывод не представляется несомненным. Саги, согласно которым Гаральд участвовал в штурме дворца, — слишком ненадежный источник. Сообщения же Пселла не дают возможности утверждать, что варяго-русская дружина раскололась именно по этническому признаку. Пселл говорит о ней четыре раза, рассказывая о царствовании Михаила V. Первое сообщение мы уже процитировали (о скифах, приближенных к императору).

Приведем следующие три свидетельства. «На другой день (после ссылки Зои), — пишет Пселл, — уже никто не сдерживал язык, ни люди, облеченные достоинствами, ни служители алтаря, ни даже родственники Михаила и его домоладцы. Люди же, занимающиеся ремеслом, готовились к великим дерзостям; даже иноплеменники и союзники, которых обычно содержат василевсы, я имею в виду скифов у Тавра, или какие другие не могли удержат своего гнева, но все хотели положить душу за парицу»⁴⁹.

Дворец окружили возбужденные толпы. «Итак, всякий и каждый вооружился. Один сжимал в руках топор, другой потрясал тяжелой железной секирой, кто схватил лук, а кто копье»⁵⁰. Ни у В. Г. Васильевского⁵¹, ни у издателя и переводчика Пселла — Э. Рено⁵² не возникало сомнений, что здесь имеются в виду русские секироносцы. Михаил V, сначала хладнокровно отнесшийся к народному волнению, смутился, однако, и растерялся, когда оказался осажденным в своем дворце. «Он и выйти боялся, — рассказывает Пселл, — и оставаться на месте ничуть не менее опасался; ни во дворце у него не было союзной силы, ни извне он не мог ее позвать; ибо даже из содержимых во дворце иноплеменников одни были как-то сомнительны в своих настроениях и не полностью повиновались приказаниям, другие же явно перешли на враждебную сторону и, отложившись, присоединились к толпе»⁵³.

Итак, из этих сообщений можно сделать лишь тот вывод, что после того как восстание охватило весь город, часть русских и норманнских телохранителей покинула Михаила V, а часть осталась во дворце защищать императора. Согласно Греттировой саге, особенно большим прилив норманнов в Византию был при «Михаиле Каталаке» (Калафате)⁵⁴. Однако это известие едва ли соответствует истине: в царствование Михаила V (10.XII.1041—20.IV.1042 гг.) великий путь «из варяг в греки» бездействовал. Скорее всего, сага имеет в виду Михаила IV, дядю Калафата.

Таким образом, ничто не оправдывает утверждения Пселла, что русские собирались в поход против Михаила IV. Напротив, мирные связи с ними еще более окрепли при этом императоре.

О воцарении же Михаила V вряд ли на Руси узнали прежде, чем он был свергнут.

Помимо всего прочего, нелепо думать вслед за Пселлом, будто русским понадобилось на подготовку войны около девяти лет (если допустить, что весть о воцарении Михаила IV в апреле 1034 г. пришла на Русь летом того же года). Согласно Константину Багрянородному, на

39), напротив, опираясь на известия Ибн ал-Асира и Пселла, считает, что русские наемники в эти критические дни проявили преданность Зое как представительнице старой династии и открытую враждебность к Михаилу V.

⁴⁹ Psellos, I, p. 102.15—22.

⁵⁰ Ibid., p. 103.1—4.

⁵¹ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 281.

⁵² Psellos, I, p. 103, n. 3.

⁵³ Psellos, I, p. 104.8—105.15.

⁵⁴ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 192.

сборы для поездки в Константинополь они тратили, даже в том случае, когда было необходимо построить новые суда, не более 6—7 месяцев⁵⁵.

Мы не можем привести ни одного факта, относящегося ко времени между 989 и 1042 гг. и свидетельствующего о враждебности византийцев к русским. Нет и таких фактов, которые говорили бы о каких-либо проявлениях ненависти русских к Византии, за исключением эпизода с Хрисохиром.

Не существует также решительно никаких доказательств того, что церковно-иерархическая зависимость Киева от Константинополя якобы вызывала в это время раздражение или неудовольствие русских. Как патриарх в Константинополе не определял внешнеполитического курса империи, так и митрополит в Киеве, к тому же иноземный, не мог диктовать свою волю киевскому князю в его внешних сношениях — в особенности такому могущественному государю, каким был Ярослав Мудрый. О какой подлинной зависимости русского правителя от далекого византийского императора может идти речь, если она осуществлялась лишь через посланного из Константинополя митрополита? Чтобы порвать эту «зависимость», не было нужды отправляться за море. Она и так не могла быть реализована византийским двором, а митрополит находился фактически в полной власти князя. Да и можно ли говорить об определяющей политической роли византийского митрополита на Руси, коль скоро поход против его родины был все-таки организован?

Следует также еще раз подчеркнуть, что в рассматриваемом нами отрывке из «Хронографии» Пселла выражение «ἡ Ῥωμαίων ἡγεμονία» означает только «государство», «держава» и ничего более. (А ведь именно это неверно понятое выражение Пселла по существу является главной основой теории о тяжести греческой церковной «игемонии».) В подобном значении употребляет Пселл данное слово и в другом месте своей «Хронографии». Рассказывая о внутренней политике Константина IX Мономаха, историк пишет, что правильное распределение титулов и денег есть то главное средство, которое служит упорочению Ῥωμαίων ἡγεμονία⁵⁶. Дважды в таком смысле употребляет это выражение в своих речах и Мануил Стравороман (ὁὗτος ἔσχε τῇ Ῥωμαίων ἡγεμονίᾳ τὰ πράγματα⁵⁷, καίτοι μὲν ἀνὴρ, τῆς τε βασιλείας οἰκίας ὀπίσθη βᾶσις καὶ κοινῇ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας⁵⁸). В таком же значении использует слова ἡ Ῥωμαίων ἡγεμονία ритор Михаил в речи к Мануилу I Комнину⁵⁹.

Итак, мы пришли к выводу, что утверждение Пселла о неизменной враждебности русских к византийцам, начиная с правления Василия II вплоть до воцарения Константина IX, и об их многолетних сборах в поход не соответствует действительности. Напротив, все рассмотренные нами выше известия находятся в полном согласии с тем, что рассказывает о походе 1043 г. Иоанн Скилица. «Случилось же в июне этого индикта, — пишет он, — и движение народа Рос против столицы. Ведь вплоть до того времени [до июня 1043 г.] они, будучи в дружественных отношениях

⁵⁵ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, I, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 9.9—20.

⁵⁶ Psellos, I, p. 132.6—8.

⁵⁷ P. Gautier. Le dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis I-er Comnène, Manuel Straboromanos. — REB. XXIII, 1965, p. 190.8.

⁵⁸ Ibid., p. 197.19—21.

⁵⁹ R. Browning. A New Source on Byzantine-Hungarian Relations in the Twelfth Century. — «Balkan Studies». Θεσσαλονίκη, 2, 1961, p. 204.525. См. также Georgii Pachymeris De Michaelis et Andronico Palaeologis libri tredecim, I. Bonnae, 1835, p. 52.9—10.

с ромеями и живя с ними в мире, без страха и встречались друг с другом, и купцов друг к другу посылали»⁶⁰.

Пселл обещал рассказать особо о причинах нападения русских, но привел лишь неясные ссылки на знатность или незнатность императорского рода как побудительный мотив нападения «варваров». Что же касается самого похода 1043 г., то его причину Пселл назвал «беспричинной».

Другое мы читаем у Скилицы: «В то же время, когда в Византии произошла ссора с несколькими скифскими купцами и за нею последовала схватка, был убит некий знатный скиф. Тогда правитель (κατάρχων) их народа Владимир, муж горячий, охваченный большим гневом, раздраженный и обозленный случившимся, безотлагательно, не ожидая удобного времени для отправления, соединив под своим командованием всех способных к битве, а также взяв с собою не мало союзников из народов, проживающих на северных островах Океана, и собрав толпу, как говорят, около 100 тысяч человек и посадив их в туземные суда, называемые однодревками, двинулся против столицы»⁶¹.

Итак, вместо сомнительных рассуждений Пселла о «беспричинной войне» — вполне конкретный повод к ней: враждебное столкновение в Константинополе и убийство знатного русского, приведшее к межгосударственному конфликту.

Ссора с русскими произошла, безусловно, не в 1043 г., как это верно отметил Г. Вернадский. Русские войска появились перед Константинополем уже в июне 1043 г. Едва ли было возможно, чтобы в промежуток времени с начала апреля (когда вскрывается Днепр) по июнь весть о происшедшем успела достигнуть Киева и русские смогли бы собраться и прибыть к июню к берегам Босфора. Ссору следует относить к лету — ранней осени 1042 г. Хотя у нас есть некоторые основания полагать, что русские купцы могли в это время оставаться на зиму в Константинополе⁶², едва ли сообщение между двумя столицами осуществлялось и зимой.

Мы не думаем, что описываемое Скилицей событие было подлинной причиной дальнего и трудного похода русских. Длительные, ставшие традиционными дружественные отношения с империей едва ли, по нашему мнению, могли быть нарушены из-за ссоры в столице и убийства одного знатного русского. Ярослав был слишком трезвым правителем, весьма дорожившим внешними связями Руси, чтобы сразу браться за оружие против державы, отношения с которой способствовали росту международного престижа Древнерусского государства. Не следует забывать, что русские купцы остались в Константинополе и после того, как произошел инцидент на рынке. Столкновение с русскими в столице империи послужило, с нашей точки зрения, не причиной, а поводом к войне, как этот эпизод и именуется Зонара⁶³. Скилица пишет, что Мономах в послании к Владимиру называл инцидент в столице «малостью», ради которой не стоит нарушать мир⁶⁴. Столкновение само стало возможно лишь в результате ухудшения политических отношений, наступивших по гораздо более серьезным причинам.

⁶⁰ Cedr., II, p. 551.1—5.

⁶¹ Ibid., p. 551.5—15.

⁶² Согласно сообщению Скилицы (Cedr., II, p. 551.5—7), русские купцы уже находились в Константинополе, когда в июне 1043 г. русский флот приближался к столице империи. Трудно допустить, что купцы отправились в Византию в эту же весну, когда уже велись сборы в военный поход.

⁶³ Zon., III, p. 631.17.

⁶⁴ Cedr., II, p. 551.18.

Как нам представляется, источники дают некоторое основание предполагать, что в период между восстанием против Михаила V (апрель 1042 г.) и июньским походом 1043 г., а точнее, между 12 июня 1042 г. (день коронации Константина IX Мономаха) и концом сентября — началом октября этого года (время отправления на родину последних русских караванов перед зимним периодом), в политике Византии по отношению к Киеву произошли серьезные перемены.

К этому времени в Византии сложилось два центра, к которым тяготели все русские, по той или иной причине оказавшиеся в империи. Одним из этих центров был монастырь Ксилургу на Афоне, ставший весьма важным звеном в расширении и укреплении церковных и культурных русско-византийских связей⁶⁵. Русские паломники стали частыми гостями на Афоне, а также в Константинополе и в далеком Иерусалиме — там также появилась постоянно проживавшая группа русских монахов⁶⁶.

Гораздо большую роль играл второй центр — в самой столице империи, где сложилось своеобразное русское землячество, объединявшее не только купцов и дипломатов, но также военных, служивших в византийской армии, паломников, путешественников и духовных лиц. Пребывавшие в Византии русские, каких бы рангов, сословий и положений они ни были, не теряли связей со своей родиной и поддерживали друг с другом тесные контакты на чужбине. Византийский двор относился к этим представителям Древнерусского государства как к единому целому. Перемены в отношениях между Русью и Византией тотчас отражались на положении русской колонии в столице империи. По-видимому, к русским в Константинополе примыкали норманские купцы и воины, состоявшие, по крайней мере во время княжения Ярослава, в тесных дружеских отношениях с Русью. Сын норманки Рогнеды, женатый на дочери Олафа Шведского — Ингигерде, Ярослав постоянно прибегал к помощи своих норманских союзников.

Новое правительство во главе с Константином IX Мономахом, пришедшее к власти после сильных общественных потрясений, осуществляло чистку государственного аппарата от приверженцев и ставленников Пафлагонцев. Из него устранялись все те, кто был приближен к Михаилу IV, сославшему Константина Мономаха, и к Михаилу V, постригшему Зою, которая возвела Мономаха на престол. Нерасположение императора — ставленника столичной гражданской знати — отразилось особенно сильно на командном составе византийского войска. Мономах удалил не только советников Михаила V, среди которых, как мы помним, были «скифы», но его немилость распространилась и на военные контингенты, пользовавшиеся особым расположением Пафлагонцев. С недоверием должен был отнестись новый император и к русским и норманским телохранителям, часть которых защищала Михаила V во время народного восстания и осмелилась поднять руку на патриарха, освятившего новый брак Зои и венчавшего Мономаха на царство.

Фактом первостепенной важности является, на наш взгляд, то обстоятельство, что в мятеже Георгия Маниака в Италии, начавшемся летом или ранней осенью 1042 г., принял участие русский корпус⁶⁷. Маниак, пишет Пселл, «стянул не малые конные и пехотные силы древнего Рима, присоединил к ним весьма сильное войско Востока и значительную часть

русского отряда»⁶⁸. Как известно, Маниак дошел почти до Фессалоники, близ которой погиб весной 1043 г. в битве с императорскими войсками, уже почти разгромленными мятежником. Мы считаем, что весть об этом событии, быстро достигшая Афона (Маниак находился от него всего в нескольких переходах), могла послужить причиной разгрома пристаней и складов русского монастыря Ксилургу. Этот погром обычно датируется промежутком времени между 1043 и 1046 г.⁶⁹ В. А. Мошин связывает его с походом русских на столицу в июне 1043 г.⁷⁰ Однако вполне возможно, что он произошел еще раньше — в результате участия русских в восстании Георгия Маниака.

Для наших целей необходимо кратко рассмотреть историю последних лет пребывания в империи норвежского принца Гаральда Гардара. К сожалению, основные акты на этот счет сохранились лишь в столь недостоверном источнике, как песни скальдов и норвежские саги. Согласно сагам, Гаральд участвовал в кампании Маниака в Сицилии и Италии, но находился с ним во враждебных отношениях. Он вернулся в столицу, был обвинен в присвоении добычи и подвергся заключению. По другим сагам причиной заключения Гаральда послужила романтическая история, героиней которой являлась либо некая знатная дама, либо «племянница» или даже «внучка» императрицы Зои — Мария⁷¹. Вырвавшись из тюрьмы, Гаральд пробился в покои императора и ослепил его. В. Г. Васильевский⁷² и С. Блондал⁷³ считают, что речь идет о Михаиле V и что Гаральд принял участие в восстании против этого императора. Однако согласно саге, норвежец был посажен в тюрьму не Михаилом V, а Константином Мономахом по настоянию императрицы Зои. Чудом спасшись из тюрьмы, Гаральд бежал из Константинополя, захватив с собой Марию, которую он вернул «в неприкосновенности» домой, достигнув Черного моря.

Мы полагаем, что на основании легендарных и противоречивых сведений саг невозможно восстановить подлинную картину событий. Из сообщаемых сагами фактов следовало бы обратить внимание лишь на те, которые находят подтверждение в других, более достоверных источниках. Как раз сообщение саг о враждебном отношении к Гаральду именно Константина IX Мономаха и о бегстве норвежского принца из столицы империи находит такое подтверждение. Кекавмен сообщает: «После же смерти Михаила и его племянника, низложенного василевса, Гаральд при Мономахе захотел, отпросясь у него, уйти в свою страну. Но тесным для него оказался выход. Впрочем он ушел тайно...»⁷⁴

⁶⁸ Μιχαὴλ Ψελλός. Op. cit., p. 138: ὀπισπῆ δὲ καὶ τῆς παλαιᾶς Ῥώμης οὐκ ὀλίγην ἰππικὴν τε καὶ πεζικὴν δύναμιν, συνάπτει τοῦτοις καὶ ἐφ' αὐτὸ κράτιστον στρατεύμα, καὶ τῆς Ῥωσικῆς μοίρας οὐκ ἐλάχιστον...

⁶⁹ Акты русского на св. Афоне монастыря... стр. 18.

⁷⁰ В. Мошин. Указ. соч., стр. 70—72.

⁷¹ Исследователи справедливо отмечают, что у Зои не было племянниц, а тем более внучек, и считают Марию сказочным персонажем (В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина... стр. 280; S. Blöndal. The Last Exploits of Herald Sigurdsson in Greek Service. — «Classica et mediaevalia», v. II, fasc. 1. Copenhagen, 1939, p. 24; A. Stender-Petersen. Etudes Varègues... — «Classica et mediaevalia», v. III, fasc. 1. Copenhagen, 1940, p. 3—4). Однако среди лиц правящего дома была как будто некая Мария, дочь Константина Мономаха и падчерица Зои — впоследствии супруга Всеволода Ярославича (см. В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. — «Историко-археологический сборник». М., 1962; A. V. Soloviev. Marie fille de Constantin IX Monomaque. — Byz., 33, 1963).

⁷² В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина... стр. 278—279.

⁷³ S. Blöndal. The Last Exploits..., p. 14. По мнению Блондаля, арест Гаральда был естественным следствием освобождения из тюрьмы в 1042 г. его личного врага Георгия Маниака (ibid., p. 5, 7).

⁷⁴ Cecaumeni Strategicon..., p. 97. 20—24.

⁶⁵ Вл. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — BS, 9, 1, 1947.

⁶⁶ Макарий. История русской церкви, т. I. СПб., 1868, стр. 231.

⁶⁷ Этот факт впервые оценил Г. Вернадский (G. Vernadsky. Op. cit., p. 62), но придал ему в сущности решающее значение.

Таким образом, очевидным является недоброжелательное отношение Константина IX к другу⁷⁵ Ярослава — Гаральду. Ревностно служивший Михаилу IV, почтившему его титулом спафарокандидата⁷⁶, и Михаилу V, Гаральд не захотел остаться на службе у Константина Мономаха. Отказ императора отпустить Гаральда, свободного наемника, представителя правящей династии Норвегии, был, несомненно, и незаконным, и явно враждебным актом⁷⁷.

Бегство Гаральда произошло, по всей вероятности, летом—осенью 1042 г. На начало царствования Мономаха указывает приведенный выше пассаж из сочинения Кекавмена. Исследователи норвежских саг также относят время пребывания Гаральда на Руси и его женитьбу на Елизавете Ярославне к зиме 1042/43 г.⁷⁸ Вполне вероятно, что Гаральд был первым вестником на Руси о событиях в Константинополе весной—летом 1042 г.⁷⁹ Его рассказы в Киеве не могли быть, конечно, благоприятными для Константина Мономаха.

Мы считаем, что в промежуток времени между серединой июня и октябрём 1042 г. антирусский курс политики Мономаха проявился достаточно явно. Именно это обстоятельство обусловило присоединение русского корпуса к восстанию Маниака против Мономаха и решение Гаральда оставить службу в империи. Антирусский курс политики Константина Мономаха после длительного периода тесных дружеских отношений и послужил, по нашему мнению, подлинной причиной похода 1043 г.

Сборы в поход должны были начаться той же зимой, когда Гаральд прибыл на Русь. По-видимому, он принял в них деятельное участие не только как зять и союзник Ярослава, но и как личный враг Мономаха⁸⁰. Согласно Скилице, в войске Владимира Ярославича находились обитатели «северных островов Океана», т. е. норманны, принявшие участие в походе, по всей вероятности, не без содействия Гаральда⁸¹.

Весной 1043 г. у Мономаха были все основания опасаться столкновения с русскими. Катакалон Кекавмен, управлявший территорией между

⁷⁵ Согласно сагам, во время своей службы в Византии Гаральд отправлял на сохранение Ярославу полученные им от императора и награбленные в походах богатства (S. Blöndal. *The Last Exploits...*, p. 5—6; A. Stender-Petersen. *Études Varègues...*, p. 10).

⁷⁶ *Cesaumeni Strategicon...*, p. 97.20.

⁷⁷ С. Блондаль (S. Blöndal. *The Last Exploits...*, p. 24) и Л. Мюссе (L. Musset. *Les peuples scandinaves au moyen âge*. Paris, 1954, p. 170) полагают, что Гаральд поспешил домой потому, что услышал о воцарении в Норвегии своего племянника Магнуса, и отправился оспаривать престол. Но Магнус воцарился еще в 1035 г., и Гаральд должен был знать об этом задолго до 1043 г. Кроме того, торопясь покинуть империю, Гаральд не очень спешил к родным пенатам. По крайней мере одну зиму он провел при дворе своего тестя Ярослава.

⁷⁸ S. H. Cross. *Yaroslav the Wise in Norse Tradition*. — *«Speculum»*, v. IV, № 2, 1929, p. 181; A. Stender-Petersen. *Études Varègues...*, p. 19; M. A. Δενδιά. *Οι Βάραγγοι και τὸ Βυζάντιον*. — *«Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος»*, IX, 1926, σελ. 218.

⁷⁹ Такую же точку зрения высказывает и Г. Вернадский (G. Vernadsky. *Op. cit.*, p. 63).

⁸⁰ В. Г. Васильевский допускает даже, что Гаральд сам принял участие в этом походе как зять Ярослава или как жених его дочери («Варяго-русская и варяго-английская дружина...», стр. 303). В противоречии с этим, однако, маститый византист считает датой бегства Гаральда из Константинополя 1043 г. Но можно ли допустить, что между апрелем и июнем 1043 г. Гаральд успел дважды преодолеть расстояние между Киевом и Константинополем?

⁸¹ Кекавмен особо подчеркивает, что, будучи королем Норвегии, Гаральд «сохранил верность и любовь к ромеям» (*Cesaumeni Strategicon...*, p. 97—27). Но Гаральд стал единовластным правителем Норвегии лишь в 1047 г., когда и Русь снова находилась в дружеских отношениях с Византией.

Балканами и Дунаем, получил приказ стеречь побережье и не позволять русским высаживаться на берег⁸². Экстренные приготовления велись и в самом Константинополе. Константин Мономах, сообщает Скилица, «пробывающих в столице скифских купцов, а также людей, находящихся там на положении союзников, разослал по фемам, остерегаясь, чтобы не был ими, если они будут находиться внутри, учинен какой-либо заговор, как к тому располагали обстоятельства и рискованность дела»⁸³.

Из этого сообщения следует, что русские, находившиеся в Византии, жили в это время не в предместье, а в самой столице; их колония (Скилица говорит прежде всего о купцах и воинах) в Константинополе была тогда настолько значительной силой, что император опасался, как бы русские, живущие в городе, не оказали действительную помощь своим приближающимся к столице соотечественникам. Более того, Мономах, может быть, допускал, что русские могли найти союзников и среди местного населения (*ἐπιβουλὴ τῆς ἀνεγερθῆ*).

Мономах считал нужным не просто удалить русских из Константинополя, а сосредоточить их, разослав в разные фемы. По-видимому, император был достаточно уверен в том, что русские купцы и воины не питают к нему никаких симпатий. Эта операция проводилась, конечно, насильственным путем и не могла не причинить серьезного материального ущерба русским, особенно купцам.

Таким образом, рассмотренные выше факты убеждают нас в том, что причины похода русских в 1043 г. нужно искать в политике Константина Мономаха по отношению к русским в первые полгода его царствования. Что касается того значения, которое имел при этом церковный вопрос, то в источниках эта сторона дела не нашла никакого отражения. Существующие в исторической литературе по этому вопросу теории (мы говорили о них в начале статьи) являются чисто умозрительными. Вполне возможно, проблема церковных связей не имела никакого отношения к походу.

В заключение необходимо дать оценку рассмотренному нами свидетельству Пселла. Мы вынуждены констатировать, что оно находится в вопиющем противоречии со всеми другими показаниями источников и является следствием или плохой осведомленности автора или сознательного искажения исторической действительности. Казалось бы, в пользу первого предположения говорит явная нелюбовь Пселла к фактам внешне-политической истории. Как правило, эти факты занимают в «Хронографии» Пселла очень мало места и излагаются в самом общем виде. Но, с другой стороны, нельзя упускать из виду, что автор принадлежал к высшим придворным кругам и в данном случае был очевидцем описываемых событий. Вполне вероятно, из каких-то политических соображений Пселл решил скрыть подлинное положение вещей. Конфликт с русскими был через три года урегулирован, дочь Константина Мономаха стала женой Всеволода Ярославича. Окончились миром и согласием и церковно-иерархические споры 1051 г. Русь стала снова дружественной страной, ее двор — родственным правящему императорскому дому. Видимо, поэтому лукавый царедворец, пытающийся всячески обелить ничтожную фигуру любезного его сердцу императора, попытался взвалить вину за конфликт 1043 г. на русских, доказывая, что их ненависть

⁸² *Ced r.*, II, p. 555.6—11.

⁸³ *Ced r.*, II, p. 551.20—552.3. Любопытно, что такое же решение выселить проживавших в Константинополе латинян было принято и во время осады города крестоносцами весной 1204 г. Этих латинских поселенцев, говорит Акрополит, было весьма много, и руководившие обороной столицы боялись их восстания (*Georgii Acropolitae Opera*, rec. A. Heisenberg, vol. I. Lipsiae, 1903, p. 7.10—21).

в сущности была обращена не на «благородного» Мономаха, а на «худородного» Михаила IV, что они были постоянными врагами Византии и только знатность правящего императора удерживала их от нападения на империю при Василии II, Константине VIII, Романе III. Ныне вновь император (Константин Мономах) знатен, русские же тем не менее напали. И Пселл избегает противоречия простой ссылкой на то, что поход готовился против Михаила IV. Именно потому, что Пселл стремится скрыть вину Мономаха в происшедшем столкновении, он столь назойливо, до трех раз, твердит, что император был ни в чем неповинен.

Так или иначе, но нам представляется, что изложенная выше гипотеза позволяет объяснить обстоятельства дела лучше, чем пресловутая теория «игемонии», в основе которой лежит неверный перевод источника и произвольное его истолкование, или теория Г. Вернадского о помощи византийскому мятежному полководцу, которого поддержала часть русских наемников в империи.

А. П. КАЖДАН

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПУБЛИЦИСТ XII в. ЕВСТАФИЙ СОЛУНСКИЙ

1. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Казалось бы, мы должны хорошо знать жизненный путь одного из крупнейших византийских писателей — Евстафия, архиепископа Солунского; ведь сразу же после его смерти двое его друзей, Михаил Хониат и Евфимий Малаки, выступили с пространными речами, дабы запечатлеть в памяти потомков образ покойного. Но традиция византийской риторики привела к тому, что в обоих сочинениях мы встречаем прежде всего эпитеты и восторженные оценки, тогда как простые факты либо вовсе отсутствуют, либо скрыты почти непроницаемой пеленой словесного тумана. Михаил Хониат поведал своим слушателям о лестнице, по которой Евстафий поднимается к небу¹, и о том, как он сбрасывает с себя земные цепи и проходит через железные врата, растворяющиеся сами собой (Mich. Ak., I, p. 303.1—12); но тщетно стали бы мы искать в его монодии сведения, для нашего века более существенные: когда и где родился Евстафий, кем были его родители, какие должности он занимал. Биография нашего героя не может быть воссоздана из траурных восклицаний его многословных друзей, она восстанавливается из случайных упоминаний в его сочинениях, из обрывочных данных в леммах — не удивительно, что сама она остается отрывочной и даже элементарные сведения о его жизни продолжают быть неопределенными.

Когда родился Евстафий Солунский? П. Вирт отнес его рождение к 1106/7—1114 гг.² Согласно Вирту, в речах 70-х годов (на самом деле — уже в конце 60-х годов) Евстафий упоминал о своей старости, а кроме того, писатель сохранил память об Алексее Комнине, умершем в 1118 г. Наиболее важный аргумент Вирта — истолкование фразы Евстафия о том, что тот был еще мальчиком, когда господь вознес императора Мануила I «на эту царственную высоту» (ἐπὶ τῆς βασιλικῆς ταύτης ἐκείνης οὐρανοῦ) ³. Вирт полагает, что «царственная высота» — это титул севастократора, пожалованный Мануилу между 1122/3 и 1128 гг.

«Царственная высота», однако же, скорее всего, эпитет императорской власти — именно этими словами пользуется современник Евстафия Григорий Антпox, говоря о Мануиле I⁴; к тому же речь идет о данной

¹ Michael Akominatos. *Tà σωζόμενα*. Athenai, 1879 (далее: Mich. Ak.), p. 302.14—22.

² P. Wirth. *Untersuchungen zur byzantinischen Rhetorik des XII. Jahrhunderts*. München, 1960, S. 19—21. Эту дату принимает и рецензент книги Вирта — J. Darrouzès, in: REB, 18, 1960, p. 264.

³ W. Regel. *Fontes rerum byzantinorum*, f. I. Petropoli, 1892 (далее: Fontes), p. 26.11—13.

⁴ Ibid., f. II. Petropoli, 1917, p. 195.11—12; 201.24; 218.16—17. Cp. A. Mai. *Spicilegium Romanum*, X, p. 84.10. Впрочем, в литературе XII в. термин βασιλεὺς иногда

(ταύτης) «царственной высоте», т. е. о той, на которой Мануил находился в момент произнесения речи, в конце правления. В ту пору севастократорский титул его юности был давно забыт — Мануил уже свыше тридцати лет занимал императорский престол.

Далее, Евстафий в цитированном у Вирта месте говорит о себе как о царском риторе — вряд ли можно думать, что эту должность мог занять шестнадцатилетний юноша. Поэтому с большим основанием можно принять мнение С. Кириакидиса, считавшего фразу Евстафия риторической гиперболой и полагавшего, что к моменту воцарения Мануила I, к 1143 г., писатель был уже взрослым человеком⁵.

В таком случае рождение Евстафия следует отнести примерно к 1115 г. К 70-му году ему было бы уже лет 55, и он называл себя старым, чтобы вызвать к себе сочувствие (см. ниже, стр. 91 и сл.). Что же касается его памяти об Алексее I, то почерпнутое у Эсхила (Прометей, стк. 789) выражение Евстафия «записанный на скрижалях памяти» (Fontes, I, p. 66.18) — недостаточно определено, чтобы говорить о *личных* воспоминаниях.

К тому же Евфимий Малаки, называвший себя сверстником Евстафия⁶, родился, по расчетам Г. Штадтмюллера, около 1115—1135 гг.; вполне естественно предполагать, что и Евстафий появился на свет примерно в то же самое время.

Предположение о происхождении Евстафия из Константинополя хотя и не является невероятным, однако обосновывается довольно шатким аргументом: в одном из сочинений Евстафий говорит о тех, кто μεθ' ἡμῶν был детьми Константинополя (Esp., p. 66.26). Обычно выражение μεθ' ἡμῶν понимают «вместе со мной», «подобно мне» — wie wir, как переводит это место Г. Хунгер⁸. Однако такое понимание не является единственно возможным — речь идет о пребывании Евстафия в Солуни, где вместе с ним (μεθ' ἡμῶν) находились его уче-

прилагался к ближайшей родне императора, и Продром говорил о «царственной высоте», имея в виду севастократора Исаака, дядю Мануила I (E. Kurtz. Unerdierte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos. — BZ, 16, 1907, S. 114.87).

⁵ Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica. Palermo, 1961 (далее: Esp.), p. XXXIX.

⁶ K. G. Bonis. Εὐσθασίου τοῦ Μάλακῃ μητροπολίτου Νέων Πατρῶν (Υπάτης) τὰ σφῶδρα. Athenai, 1937 (далее: Malakes), п. 83, 10.

⁷ G. Stadt Müller. Michael Choniates, Metropolit von Athen. — «Orientalia Christiana», 33, 1934, S. 307. Ср. K. G. Bonis. Εὐστάθιος ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης. — «Ἐπιστημονικὴ ἐπετηρὶς τῆς θεολογικῆς σχολῆς τοῦ Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης», т. 1, 1950, σελ. 49 ἐξ. Впрочем, аргументация Штадтмюллера далеко не бесспорна: он опирается на свидетельство Михаила Хониата, писавшего в 1184/85 г., что Малаки еще не очень стар, тогда как Вирт усматривает в письме Михаила Хониата лишь изъявление вежливости (P. Wirth. Untersuchungen..., S. 19). И в самом деле, в письме патриарху, написанном примерно в то же время, Малаки жаловался на свою старость [A. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes Petropolitanae. СПб., 1913, стр. 91.1—3. Издатель и вслед за ним К. Бонис (Malakes, p. 66.10) считают, что адресат Малаки — Феодосий I Ворадийот (1179—1183), но в патриархе, испытывавшем страдания и воскресшем к новой жизни (A. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes..., стр. 90.25—28), скорее можно видеть Василия II Каматира (1183—1186)]. Однако, по свидетельству Евфимия Торника, Малаки умер незадолго до падения Константинополя (G. Stadt Müller. Op. cit., S. 312), т. е. около 1204 г. Вряд ли можно допустить, учитывая все это, что он родился до 1115 г.

⁸ H. Hunger. Die Normannen in Thessalonike. Graz, 1955, S. 68. Тезис этот был выдвинут Г. Тафелем, некоторые сомнения высказал уже A. В. Говоров (Евстафий, митрополит Солунский, писатель 12-го века. — «Православный собеседник», 1883, янв., стр. 24) и независимо от него Ф. Кукулес (Ph. Koukoules. Λαογραφικαὶ εἰδήσεις παρὰ τῷ Θεσσαλονίκῃ Εὐσταθίῳ. — ΕΕΒΣ, 1, 1924, σελ. 10 ἐξ. Ср. idem. Θεσσαλονίκης Εὐσταθίου τὰ λαογραφικά, т. 1. Athenai, 1950, p. 3—5).

ники из Константинополя, которых он накануне норманской осады отправил восвояси (εἰς τοὺς ἑαυτῶν). Противопоставление μεθ' ἡμῶν и εἰς τοὺς ἑαυτῶν в данном контексте вполне закономерно, тогда как воспоминание о своем рождении в столице было бы здесь совершенно неуместным, во всяком случае неожиданным.

Мы ничего не знаем и о родителях Евстафия. Кириакидис считает, что его фамильное имя было Катафлорон и что он принадлежал к знатной семье (Esp., p. XXXV sg.), однако и это предположение недостаточно строго обосновано.

Действительно, в леммах Евстафий несколько раз назван ὁ τοῦ Καταφῶρον. Это выражение, однако, не значит, что Катафлорон было именем самого Евстафия, — напротив, формула ὁ τοῦ X означает «близкий человек к X», человек из его окружения⁹ и, может быть, даже племянник или ученик: недаром Зигавин подчеркивал, что византийцы, часто называют ученика сыном, а учителя отцом (PG, t. 130, col. 1301A). Евстафий, следовательно, не был Катафлороном, а близким к Катафлорону человеком, племянником или учеником. Этот Катафлорон, видимо, не кто иной, как Николай Катафлорон, умерший в 1160 г.¹⁰

О Николае Катафлороне подробно повествует его ученик Григорий Антиох в речи, также сохранившейся в Э¹¹. Антиох оплакивает мудрость и образованность Катафлорона, призывая на его похороны вскормившую его философию, а также риторику и грамматику (л. 266 об.). Катафлорон занимал церковные должности — толкователя учения апостола Павла и вселенского учителя евангелий, а кроме того, стал наставником (или магистром) риторов (ῥητόρων ἀνηγορεύσαι καθ' ἡγήτην). Это — светская служба, которую Катафлорон получил от императора; заняв эту должность, он стал членом синклита (л. 268)^{11а}.

Учился Евстафий в Константинополе. Малаки прямо говорит, что его покойный друг собрал свои знания в царственном граде (Malakes, p. 80. 18—19), да и сам Евстафий как-то вспоминал о прогулке вместе с учителями из «великого города» в близлежащий проастий¹². Возможно, что начальное образование получил он в школе при монастыре св. Евфимии,

⁹ Это истолкование было дано уже В. Г. Васильевским [Василия Охридского, архиепископа (митрополита) Солунского, неизданное надгробное слово на смерть Ирины. — ВВ, I, 1894, стр. 60]. Ср. его же. Рецензия на книгу К. Крумбаха. — ВВ, VI, 1899, стр. 529], затем повторено: P. Wirth. Michael von Thessalonike? — BZ, 55, 1962, S. 266—268. Подтверждение подобного толкования мы находим в неизданной речи Евстафия к патриарху Михаилу ὁ τοῦ Ἀρχιέλου, где прямо говорится, что дядя его (θεῖον ἑαυτοῦ τὰ πρὸς γένους) был епископом Анхиала (Escor. Y-II-10, л. 157 об., далее — Э). Во всяком случае имя ὁ τοῦ Καταφῶρον не дает никаких оснований считать Евстафия монахом монастыря св. Флора (так в последнее время: R. Browning. The Patriarchal School at Constantinople in the XIIIth Century. — Byz., 32, 1962, 191).

¹⁰ P. Wirth. Zu Nikolaos Kataphloros. — «Classica et mediaevalia», 21, 1960, S. 213 f.; V. Laurent. Kataphloros, patronyme supposé du métropolit de Thessalonique Eustathe. — REB, 20, 1962, p. 220 sq.; R. Browning. The Patriarchal School... — Byz., 33, 1963, p. 18 f. P. Wirth. Nikolaos ὁ Καταφῶρον und nicht Nikolaos ὁ κατὰ Φῶρον, Eustathios ὁ τοῦ Καταφῶρον und nicht Eustathios ὁ τοῦ κατὰ Φῶρον. — BZ, 56, 1963, S. 235 f.

¹¹ J. Darrouzès. Notice sur Grégoire Antiochos. — REB, 20, 1962, p. 66.

^{11а} Впрочем, обычно должность магистра риторов рассматривается как церковная. Так, в списке церковных должностей, составленном, по-видимому, в XII в. (рукопись ГИМ 53/147, л. 398), назван ритор, чья обязанность произносить энкомий василевсу. Любопытно еще, что в этом списке стоят «три должности, добавленные церкви новеллой императора Алексея (I?)», а именно учитель евангелия, учитель апостола и учитель исалтири. Следовательно, учительские должности были введены Алексеем I. На эту рукопись обратил мое внимание проф. Ж. Даррузе.

¹² Eustathii, metropolitae Thessalonicensis. Opuscula, ed. Th. L. F. Tafel. Francof. a. M., 1832 (далее: Opusc.), p. 111.57—59.

клириков которой называет своими соучениками (συντρόφους) (Opusc., p. 337.81—83). Вместе с Евстафием учился и Малаки, который говорил о себе над гробом друга: «Я его сверстник и соученик, мы вместе общались к наукам и всю юность прожили вместе» (Malakes, p. 83. 10—12).

Несколько раз вспоминал Евстафий о своих учителях. Он упоминает двух мудрых учителей, один из которых был приставлен к нему (Opusc., p. 111. 52—54), и с большой теплотой говорит о воспитавшем и обучившем его «священном и великом муже», без заслуженных побоев которого он не пошел бы по прямой тропинке образования (Opusc., p. 103. 90—93). Наконец, известно, что учитель Евстафия был главой «софистов» (τῶν σοφιστευόντων προήδρευε), т. е. наставником риториков¹³. Не можем ли мы считать, что Евстафий проходил обучение в школе наставника риториков Николая Катафлорона, «близким человеком» к которому он был? Это предположение в известной мере подкрепляется свидетельством Григория Антиоха; как мы знаем, Антиох вышел из школы Катафлорона; вместе с тем он называет своим учителем Евстафия¹⁴ — можно было бы допустить, что Евстафий учился у Катафлорона, а позднее стал преемником своего учителя. Во всяком случае в конце 60-х годов Евстафий как раз оказывается на посту наставника риториков — но об этом еще пойдет речь.

Служебную карьеру Евстафий начинал с самых низших ступеней. Несколько риторически он выразился об этом, обращаясь к Мануилу I: «Ты меня из грязи дел (ἀπὸ ἰλύος πραγμάτων) поднял до сверкающей чистоты» (Fontes, I, p. 26. 26—27). Более подробно повествует он о начальном периоде своей жизни в неизданной речи к патриарху Михаилу III, сохраненной в Э. «Было время, — рассказывает Евстафий (л. 158 об.), — когда я находился в числе писцов (ἐν ὑπογραφεῖσι) и принадлежал к разряду переписчиков священной канцелярии (τῆς τάξεως τῶν ἐν τοῖς ἱεροῖς τοῦτοις ἀρχείοις ὑπογραμματέων), где трудился под твоим начальством». Несколько ниже (л. 160 об.) Евстафий снова говорит о том, что Михаил был начальником писцов патриаршей канцелярии (τοῖς τῶν πατριαρχικῶν ἀρχείων ὑπογραφεῖσιν . . . κεφαλῇ). Итак, Евстафий занимал должность патриаршего писца, причем он довольно точно определяет время, когда это было: про великом иерархе, носившем апостольское имя (τῆν κλήσιν ἀποστολικός — л. 158 об.), иными словами, при патриархе Луке Хрисоверге (1157—1169/70), ибо других «апостолических» патриархов в середине XII в. не было.

Когда же Михаил стал патриаршим судьей (т. е. протекдиком), Евстафий перешел вместе с ним в новое ведомство и сделался судебским писцом: он записывал в книге решения судьи (ἐχρήν ὑποδρηστεῖσαι τῷ γράμματι καὶ τὸν τῆς σῆς ἐδουλάτης κρίσεως ἐγχαράξαι κώδικι γνώμονα — л. 158 об.). По словам Евстафия, это была трудная работа, и только указания Михаила служили ему путеводной нитью в лабиринте дел (л. 159). В это же время Евстафий принял духовный сан: χειροτονῆσαι δὲ ἐμὲ ἐξελέβετο (л. 158 об.). Он стал диаконом¹⁵.

Надписание комментария к Пиндару именуется Евстафий диаконом¹⁶;

¹³ Opusc., p. 206.4—5. См. толкование этого места у Кириакидиса (Esp., p. XL sg.).

¹⁴ J. Darrouzès. Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie en 1173. — BS, 24, 1963, p. 71.302—304.

¹⁵ Ф. Кукулес (Ph. Koukoules. Θεσσαλονίκης Εὐσταθίου . . . , т. 1, σελ. 6) считал, что Евстафий стал диаконом еще при патриархе Николае Музалоне (1147—1151), но это предположение произвольно.

¹⁶ F. Schneidewin. Eustathii prooemium commentariorum Pindari. Gottingae, 1837, p. 1.

как диакона Великой церкви (т. е. храма св. Софии) знает его Димитрий Хоматиан (PG, t. 119, col. 949 A). В послании к патриарху (?) Евстафий сам упоминает некоего «сослужителя своего и содиакона» (Opusc., p. 340. 88. Ср. ibid., p. 340. 11).

В посвящении комментария к Дионисию Перизегету, адресованном Иоанну Дуке, сыну великого друнгария Андроника Каматира, Евстафий назван диаконом (и?) начальником прошений (ἐπὶ τῶν δεήσεων)¹⁷. Начальником прошений назван он и в надписании одного из писем (Opusc., p. 324.4), но уже Э. Курц предположил ошибку в лемме: письмо было адресовано Никифору Комнину, начальнику прошений, а не вышло из-под пера человека, занимавшего этот пост¹⁸. И действительно, титул этого письма в Парижской рукописи (Paris. 1182) читается: τῷ αὐτῷ γεγονότι ἐπὶ τῶν δεήσεων, и только более поздней рукой внесено «исправление» — датальный падеж заменен родительным¹⁹.

Евстафий не был императорским начальником прошений — этот пост принадлежал представителям высшей знати, членам императорской фамилии, вроде Никифора Комнина или Иоанна Дуки. К тому же в посвящении Иоанну Дуке — единственном свидетельстве об этой должности Евстафия — он, собственно говоря, назван διάκονος ἐπὶ τῶν δεήσεων, т. е. возможно, он был чиновником патриаршего ведомства прошений.

Новые подробности о службе Евстафия диаконом мы находим в его докладной записке (ὑπομνηστικόν) патриарху Михаилу III. Текст этой записки, сохраненной все в той же Э, — не издан, а описание Э. Миллера²⁰ — неточно: Миллер не заметил, что тексту предшествует обширная лемма, сообщающая некоторые сведения о жизни Евстафия.

Согласно лемме (л. 26 об.), некий диакон получил незаконным образом надзор за священными сокровищами (κεμελιόις ἱεροῖς). При патриархе Луке он был уличен, низложен и, более того, вовсе лишен церковных доходов. Вместо него назначили другого человека, затем еще одного, а некоторое время спустя Евстафия. Следовательно, Евстафий был при Луке Хрисоверге диаконом и принадлежал к ведомству священников сокровищ.

По-видимому, Евстафий нес некоторое время службу и в патриаршей сакелле: недавно издана метрическая легенда печати «смирненного Евстафия, пастыря солунского, бывшего сакеллия (ἐκ σακελλίου)»²¹.

Значит, Евстафий при патриархе Луке Хрисоверге занимал ряд постов в патриаршей администрации: в канцелярии, в судебском ведомстве (или в ведомстве прошений), в ведомстве священников сокровищ и, видимо, в сакелле.

Во второй половине 60-х годов прежний начальник Евстафия Михаил получил пост ипата философов²². Тогда, как рассказывает

¹⁷ G. Bernhardt. Geographi graeci minores, vol. I. Lipsiae, 1828, p. 67.4.

¹⁸ Э. Курц. Евстафия Фессалоникийского и Константина Манасси монодии на кончину Никифора Комнина. — ВВ, XVII, 1910 (1911), стр. 288.

¹⁹ P. Wirth. Studien zum Briefcorpus des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike. — BZ, 56, 1963, S. 14. Ср. также R. Guillaud. Études sur l'histoire administrative de l'empire Byzantin. Le Maître des Requêtes. — Byz., 35, 1965, p. 108.

²⁰ E. Miller. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque de l'Escurial. Paris, 1848, p. 201. Хотя в титуле (л. 26 об.) Евстафий назван митрополитом (τῷ ἁγιοτάτου μητροπολίτου), записка относится к более раннему времени, когда он был еще диаконом. В настоящее время издание этого прошения подготавливает П. Вирт.

²¹ V. Laurent. Corpus des sceaux de l'Empire byzantin, t. V, f. 1 A. Paris, 1963 (1964), № 462.

²² Р. Браунинг издал речь, произнесенную Михаилом при вступлении на пост ипата философов (R. Brownig. A New Source on Byzantine-Hungarian Relations in the XIIth Century. — «Balkan Studies», 2, 1961). Судя по описанным событиям,

Евстафий (л. 160), «вспомнив обо мне и пожалев, что я достиг глубокой старости (γῆρας οὖτω βαθεῖ) и все же испытываю жизненные трудности (περὶ τὴν τοῦ ζῆν τάλαιπορίαν πονοῦμαι) и бедствую (ἐν χακίοις τρίβομαι), ... ты привел меня в эту обетованную землю, текущую млеком и медом (εἰς γῆν ταύτην μαχαριστήν, γάλα καὶ μέλι βέουσαν)». Мы узнаем, что Евстафий получил не только славную и сладчайшую софистическую (σοφιστικὴν) должность, но еще и какую-то другую (δεύτεραν προσελθίδωσι).

Софистическая должность — это пост наставника риторов. Наставником риторов Евстафий назван в уже известном нам посвящении Иоанну Дуке. Наставником риторов называется его и Димитрий Хоматиан (в указанном выше месте), и лемма к письму Григория Антиоха²³. Возможно, что именно этот пост имеет в виду Евстафий, в письме к Малаки защищаясь от упреков друга, будто он охвачен гордостью с тех пор, как вступил на софистическую ступень (Opusc., p. 348. 78). О времени этого письма мы можем судить лишь по тому, что оно адресовано митрополиту Новых Патр (Opusc., p. 348.2, 349.51—52): значит, Евстафий писал после избрания Малаки митрополитом. Впрочем, поскольку Малаки стал митрополитом еще до 1166 г.²⁴, письмо Евстафия не дает новых опорных пунктов для хронологических рассуждений.

Обычно считают, что Евстафий недолго занимал пост наставника риторов — перед самым поставлением в архиепископы — по традиционным взглядам примерно в 1172—1174 гг.²⁵ Основанием для этого служат слова Михаила Хониата: «Он поднимается на риторический и епископский престол — на первый немного раньше (μικρῶ πρότερον), на другой позднее» (Mich. Ak., I, p. 290.23—25). Однако подобная датировка вызывает возражения.

Прежде всего из цитированного выше слова к патриарху Михаилу III следует, что Евстафий получил «софистическую» должность, когда Михаил был ипатом философов, но не патриархом — о получении Михаилом патриаршего престола идет речь значительно ниже (л. 162). Далее, самое слово к Михаилу III произносилось, скорее всего, сразу же после избрания нового патриарха — иначе было бы трудно объяснить, почему мы находим там столь подробное изложение биографии Михаила и особенно — описание самого избрания и всеобщей радости по этому поводу (л. 162—162об.); к тому же смерть Луки Хрисоверга еще свежа в памяти (л. 163).

Михаил стал патриархом в январе 1170 г., и, следовательно, слово Евстафия к нему должно быть датировано 28 марта 1170 г., поскольку наставник риторов произносил речь перед патриархом в субботу Лазаря, накануне вербного воскресенья (κατὰ τὴν μνήμην τοῦ δικαίου Λαζάρου — л. 157).

К еще более раннему времени относится речь Евстафия, произнесенная перед Мануилом I в связи с нехваткой воды в Константинополе. Согласно лемме, она написана в ту пору, когда автор был диаконом и наставником риторов (διδάσκαλος τῶν ῥητόρων) (Fontes, I, p. 126.1—2). Содержание этой речи дает некоторые основания для ее датировки. Регель датировал ее 1168 г. (Fontes, I, p. XVI sq.), Браунинг — 1169 г.²⁶; по мнению Вирта, она могла быть прочитана в 1166 г. или несколько позднее²⁷.

эта речь относится к 1165 или к 1167 г. Вирт склоняется к тому, чтобы датировать речь 1165/66 г. (P. Wirth. Das bislang erste literarische Zeugnis für die Stephanskronen. — BZ, 53, 1960, S. 80).

²³ J. Darrouzès. Deux lettres... — BS, 23, 1962, p. 278.

²⁴ G. Stadtmüller. Michael Choniates... S. 307 f.

²⁵ J. Darrouzès. Deux lettres... — BS, 23, 1962, p. 276; Esp., p. XLVI.

²⁶ R. Brownning. The Patriarchal School... — Byz., 32, 1962, p. 189.

²⁷ P. Wirth. Untersuchungen... S. 24.

Итак, вполне вероятно, что Евстафий стал магистром риторов между 1166 и 1170 г. До 1166 г. он не мог занимать этот пост, поскольку в 1166 г. наставником риторов был некий Василий²⁸.

Вскоре после 1170 г. духовная карьера Евстафия внезапно оказалась под угрозой. Из леммы к его докладной записке (л. 26 об.) мы узнаем, что при Михаиле III он был лишен своего диаконского поста. Дело в том, что диакон, отрешенный от должности Лукой Хрисовергом и поступивший на (частную?) службу (ἐλόμενος μισθοῦ ὑπηρετεῖν), попавший в конце концов в тюрьму из-за каких-то налоговых операций (εἰς εἰρκτὴν ἐκ φορολογίας ἐντεθείς), был прощен новым патриархом и возвращен на должность, которую занимал Евстафий, — а тот «был удален с совершенной ступени» и лишен прежней руги, ситиресия и хлебных выдач.

В обращенной к патриарху записке Евстафий крайне риторично оплакивает свою неудачу, на все лады склоняя одну и ту же мысль: еще вчера держал он в руках богатство, но те блага, что у других остаются стабильными, быстро пронесли мимо Евстафия (л. 27 об.). «Вчера еще мы были во дворце божественной мудрости (т. е. в храме св. Софии) — сегодня мы лишены его» (л. 30 об.). Он жалуется на свою старость (τὸ γῆρας — л. 27): лишь старцем (ἐν βαθεῖα τῇ πολιᾷ) он смог чего-то добиться в жизни, и вновь зима угрожает ему (л. 27 об.).

В другом (еще неизданном) прошении, адресованном логофету дрома Михаилу Айофеодориту, Евстафий также жалуется на грозящую ему бедность и болезнь, на отсутствие заработка (л. 360). Было бы соблазнительно предположить, что докладная записка и прошение относятся к одному времени. Поскольку в прошении брат логофета Николай назван ипертимом (л. 358), а он получил этот титул в 1173 г.²⁹, датировать прошение следует временем после 1173 г.

Мы не знаем, что ответил патриарх на просьбу Евстафия, но, видимо, судьба не вовсе от него отвернулась. Он получил новое видное назначение — стал митрополитом (архиепископом) солунским.

Время этого события обычно не вызывает каких-либо сомнений. Принято считать, что в 1174 г. Евстафий был выдвинут кандидатом на митрополичий престол в Мирах Ликийских, и будучи кандидатом, произнес в день Николая Мирликийского, 6 декабря 1174 г., речь перед Мануилом I (Fontes, I, p. 24.14—16). Так как Хоматиан (в уже упомянутом сообщении) свидетельствует, что по приказу императора сразу же после избрания в Мирах Евстафий был переведен в Солунь, поставление его солунским архиепископом датируют концом 1174 или началом 1175 г.³⁰ Впрочем, Ф. Фукс предложил другую дату — 1182 г.³¹, но она основана на курьезном недоразумении: Фукс ссылается на работу И. Дрэеке, однако на указанной им странице к 1182 г. отнесено поставление архи-

²⁸ R. Brownning. The Patriarchal School... — Byz., 32, 1962, p. 184. Произвольно заключение Ф. Кукулеса (Ph. Koukoules. Op. cit., t. I, p. 6), что Евстафий был поставлен магистром риторов еще в 1156 г. В цитируемом им месте говорится о Евстафии как о риторе, но не как о магистре риторов.

²⁹ V. Grumel. Titulature de métropolités byzantines. II: Métropolités hypertimes. — «Mémoires L. Petit». Bucarest, 1948, p. 159 sq.

³⁰ См., например: L. Petit. Les évêques de Thessalonique. — EO, V, 1901—1902, p. 29; F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. T. 2. München—Berlin, 1925, № 1518; Ph. Koukoules. Op. cit., t. I, p. 9; H. Hunger. Op. cit., S. 9; H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 635; Esp., p. XLVIII.

³¹ F. Fuchs. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig—Berlin, 1926, S. 41. Ср. также Д. Ангелов. История на Византия, ч. II. София, 1963, стр. 239. Без какой-либо аргументации М. Трой писал, что Евстафий был магистром риторов в 1176 г. (M. Treu. Nicephori Chrysobergae ad Angelos orationes tres. Breslau, 1892, p. 41).

епископом не Евстафия Солунского, а Михаила Хониата³². Фукс оказался жертвой невнимательного чтения.

И все же традиционная дата переезда Евстафия в Солунь не столь бесспорна, как может показаться с первого взгляда.

Основной источник для датировки этого события — речь, содержащая упоминание о Николае Мирликийском (Fontes, I, p. 45.24). Отмечу прежде всего, что упоминания о Николае еще недостаточно для отнесения речи непременно к 6 декабря: вполне естественно, что кандидат на мирликийскую кафедру вспоминает о мирликийском святом — но он упоминает и об Иордане (Fontes, I, p. 44.24; 45.5—7), о котором придворные ораторы обычно вспоминали в речах, произносимых в праздник крещения, т. е. 6 января.

Речь Евстафия не дает оснований и для точной датировки ее 1174 г. Тафель, исходя из упоминания побед Мануила I над венецианцами в 1174 г. (видимо, немецкий ученый имел в виду оборону Анконы в 1173 г.), отнес речь к 1174 или к 1175 г.³³ Регель стремился уточнить датировку Тафеля; по его мнению, речь была прочитана 6 декабря 1174 г. Однако легко видеть, что рассуждения Регеля составляют порочный круг; он исходит в своей датировке из того, что в момент произнесения другой речи, относимой им к 1175 г., Евстафий уже был архиепископом солунским (Fontes, I, p. XII), но обратившись к соответствующему месту комментария Регеля, мы с удивлением замечаем, что последняя дата — 1175 г. — основана как раз на искомой датировке — на датировке речи с упоминанием Николая Мирликийского 6 декабря 1174 г. (Fontes, I, p. VII sq.).

Итак, 1174 г. — это не год поставления Евстафия архиепископом, а *terminus ante quem* non этого события. *Terminus ante quem* мы извлекаем из сообщения Никиты Хониата, свидетельствующего, что Евстафий был солунским архиепископом в конце жизни Мануила I³⁴, т. е. во всяком случае в 1180 г. Ту же дату дает нам и первое слово Евстафия на приготовление к четыредесятнице. Оратор отмечал в нем, что в том году день св. Никифора (9 февраля) открывал (*πρόαρουσα*) четыредесятницу (Opusc., p. 1.48—52): 9 февраля великий пост начинался в 1169 г. и в 1180 г. Так как первая дата невозможна, остается принять, что в 1180 г. Евстафий уже был солунским архиепископом.

Евстафий стал архиепископом солунским между 1174 и 1180 г. Попробуем более точно определить время этого события.

Михаил Хониат в письме к Евстафию жалуется на отсутствие писем (Mich. Ak., II, p. 2.22—23); он хочет знать, как прошло путешествие, как Солунь приняла его друга; он боится, что обрученный с Евстафием город будет ревновать его к Константинополю (Mich. Ak., II, p. 3. 1—3). Письмо это написано сразу же после переезда Евстафия — немногим спустя Михаил Хониат жаловался, что архиепископ — зефир для счастливой Солуни — не шлет своего животворного дыхания в царственный город, и только письма его спасают его друзей от превращения в пепел (Mich. Ak., II, p. 6.2—9). Переписка с Константинополем была оживленной³⁵ — но нет никаких свидетельств, что Евстафий в это время (до 1182 г., до отъезда Михаила Хониата в Афины) приезжал в столицу³⁶.

³² J. Dräseke. Eustathios und Michael Akominatos. — «Neue kirchliche Zeitschrift», XXIV, 1913, S. 497. На стр. 487 сл. Дрэске датирует переезд Евстафия в Солунь 1175 г.

³³ Th. L. Tafel. De Thessalonica ejusque agro. Berol., 1839, p. 434 nota.

³⁴ Nicetas Choniata. Historia. Bonnae, 1835, p. 282.1—2.

³⁵ J. Dräseke. Op. cit., S. 490.

³⁶ Отмечу попутно, что и после 1182 г. Евстафий почти не бывал в Константинополе: Малаки жалуется, что он не застал в царственном городе своих друзей —

Если же мы обратимся к сочинениям Евстафия, написанным между 1174 и 1179 г., то окажется, что немалая часть их могла возникнуть лишь в Константинополе³⁷. Сочинения эти непосредственно с солунскими делами не связаны, но посвящены общеимперским событиям.

Среди этих сочинений — три речи, обращенные к императору Мануилу I.

Одна из них — по Регелю, шестая — была датирована издателем 1173—1174 гг. (Fontes, I, p. XV sq.), но, по-видимому, относится к более позднему времени. Регель привел два аргумента, один из которых отпадает сам собой: из леммы τοῦ ἀγιωτάτου μητροπολίτου Θεσσαλονίκης κῆρ Εὐσταθίου τοῦ κατὰ Φλώρον (надо читать Καταφλώρον), т. е. «святейшего митрополита солунского господина Евстафия (воспитанника или племянника) Катафлорона» — Регель сделал произвольный вывод, что Евстафий был в ту пору монахом монастыря Флора и еще не стал митрополитом. Другой аргумент Регеля — упоминание успехов в Малой Азии и Италии — также не выдерживает критики. Действительно, рассказав об осаде Анконы (1173 г.), ритор называет эти события недавними (*ἐναγχος*), но все же противопоставляет их нынешним (*τὰ δὲ νῦν*) (Fontes, I, p. 116.15—19) — значит, речь написана некоторое время спустя после осады Анконы. «Пусть другие расскажут о нынешних событиях... а мне следует вернуться к другому времени, с которого я начал», — замечает Евстафий (Fontes, I, p. 116.19—22), явно не желая повествовать о делах после 1173 г. Далее, несколько раз говорится в этой речи о победе над исмаилтянами, разбитыми на их собственной территории (Fontes, I, p. 107. 28—108. 2), но в 1173 г. военных действий с сельджуками не было³⁸.

Таким образом, мы могли бы отнести шестую речь к более позднему времени, нежели это сделал Регель.

Другую речь — по своему счету первую — Регель датировал 1175 г. (Fontes, I, p. XII), но и она может быть отнесена к более позднему времени. Эту речь Евстафий начинает с обещания не говорить ничего неприятного императору, а затем напоминает о недавних тяжелых войнах (Fontes, I, p. 1.8—13), когда целью варваров было поразить самого Мануила. И хотя они не смогли обратить императора в бегство, другим «нашим» варвары, непрерывно нападая, нанесли урон (Fontes, I, p. 2, 20—23), при каждом натиске сокрушая фаланги и когорты. Эти слова оратора следует отнести к битве при Мириокефале — в таком случае первая речь не могла быть произнесена ранее конца 1176 г.

И только третья речь (по Регелю, четвертая), произнесенная после 1178 г., вышла из-под пера «солунянина»³⁹.

К этой же группе официальных речей принадлежит также слово по поводу прибытия в Константинополь Агнесы, невесты наследника престола

царархов Солуни и Афин (Malakes, p. 71.7); в другом письме он рассказывает, что Евстафий обещал ему приехать в столицу, а сам все медлит. «Ты увидишь (здесь) государя, какого — скажу кратко — многие годы не видело солнце» (ibid., p. 76.10—11). Если Малаки имеет в виду Исаака Ангела, то дата письма — около 1185 г.

³⁷ Наиболее удобный список сочинений Евстафия — изданных и неизданных — приведен Р. Браунингом (R. Brown. The Patriarchal School... — Byz., 32, 1962, p. 186—190). Странным образом Н. Томадакис (N. Tomadakis. Βυζαντινὴ γραμματολογία (1204—1453). Athenai, 1957, p. 11) не включает большую часть изданных Регелем речей в список риторических сочинений Евстафия — зато он приписывает нашему автору приветственное слово по случаю приезда Берты, невесты Мануила I (он спутал ее с Агнесой, невестой Алексея II).

³⁸ F. Chalandon. Les Comnène, vol. II. Paris, 1912, p. 501.

³⁹ Fontes, I, p. 78.23. О дате см. P. Wirth. Untersuchungen..., S. 27 f.

Алексея. Это слово датируется 1179 г.⁴⁰ Вскоре после этого появилось еще не изданное слово (Э, л. 368—372 об.), где подробно описано торжественное пиршество на Ипподроме, устроенное по случаю свадьбы наследника.

Большие трудности вызывает датировка второй речи к патриарху Михаилу III, находящейся в Э. Это одно из традиционных слов к патриарху, произносимых наставником ритором накануне вербного воскресенья, — недаром Евстафий говорит, что он «протягивает эти вербы по случаю праздника» (προτείνω βάρια ταῦτα πρὸς λόγον ἑορτῆς — л. 178 об.). Она явно позднее Первого слова к Михаилу: здесь отсутствуют сведения о жизни патриарха и описание его избрания, зато говорится о ряде осуществленных им мероприятий. К тому же Евстафий ссылается на то, что он каждый год произносит одну речь в этом месте (δι' ἑτοῦς ἕνα λόγον ἐν ταῦτα), что он не так давно выступал в этом священном и божественном собрании (л. 164 об.).

Более точно датировать речь к Михаилу III позволяет упоминание переписки патриарха с армянами, которым Михаил недавно направил «возвышенное и громогласное поучение», рассчитывая наставить их на путь истинный и тем самым увеличить божью паству (л. 171 об.). Известны два письма Михаила III армянским католикосам: Нерсесу (весна—лето 1171 г.) и Григорию IV (10 января 1177 г.)⁴¹. Которое из двух посланий имеет в виду Евстафий?

Чтобы решить этот вопрос, нужно обратить внимание на характеристику наследника престола Алексея, который, по словам Евстафия, прежде был младенцем, а ныне становится подобием отца (л. 169 об.). Он берет воинское вооружение, надевает панцирь, нежные руки обременяет копьем; он охотится — и не на малых зверей, но на барсов, медведей и кабанов (л. 170).

Алексей родился 14 сентября 1169 г., и в начале 1172 г. ему не было бы и трех лет. Даже византийская гиперболизация вряд ли могла представить двухлетнего младенца воином и охотником на барсов. Иное дело — в 1177 г., ибо Алексей сопровождал отца уже в походе на Дорилей в 1175 г., о чем рассказывает сам Евстафий⁴². Следовательно, вполне вероятно, что в субботу Лазаря, 16 апреля 1177 г., Евстафий как наставник ритором произносил речь перед патриархом Михаилом III.

К несколько более позднему времени относится шутовское сочинение Евстафия «Речи, которые бы произнес монах Неофит Мокисский, когда на следующий день после смерти его благодетеля святейшего патриарха Михаила III его обокрали в бане по наущению великого эконома Пантехни»⁴³. Михаил III умер в марте 1178 г., и сочинение, следовательно, написано не ранее 1178 г. Трудно допустить, что эта шутка с детальным описанием толпы, собравшейся посмеяться над обворованным нагим че-

⁴⁰ Fontes. I. p. XIV sq. Ср. об этой свадьбе по западным источникам: M. Raucourt. Louis VII et son royaume. Paris, 1964, p. 194.

⁴¹ V. Grumel. Les Regestes des actes du Patriarchat de Constantinople. III, 1947, № 1123, 1132. См. А. П. Каздан. К истории византино-армянских отношений в XII веке. — «Историко-филол. журнал», 1964, № 4, стр. 235 и сл. и поправку И. Дуйчева (BZ, 58, 1965, S. 215).

⁴² P. Wirth. Kaiser Manuel I. Komnenos und die Ostgrenze. — BZ, 55, 1962, S. 25.33—43. Cf. ibid., S. 28.

⁴³ Opusc., p. 328. 58—64. Заглавие в переводе несколько сокращено и исправлено в соответствии с Э (см. P. Wirth. Gehört die Ethopoiie Ποιους ἀν εἶπε λόγους κτλ. zum Briefcorpus des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike? — «Classica et mediaevalia», XXI, 1960, S. 216). В. Лаурда ошибочно включил это сочинение в список неизданных произведений Евстафия (B. Laourdas. Στρεῖφμα περὶ τῶν ἀνεκδότων ἔργων τοῦ Εὐσταθίου Θεσσαλονίκης. — «Θεολογία», 22, 1951, σελ. 490).

ловеком (Opusc., p. 331.30—41), с проклятиями в адрес воров (Opusc., p. 331.76—82) — могла принадлежать оторванному от Константинополя человеку, да к тому же архиепископу солунскому. Возможно даже, что поводом к сочинению Евстафия послужил какой-то действительный случай, хорошо известный жителям столицы.

К этому же периоду относится и неизданное слово на приготовление к четырехдесятнице из Э (условно назовем его Четвертым, поскольку три слова на великий пост были изданы Тафелем⁴⁴). Вирт издал отрывки из Четвертого слова и показал, что там имеется в виду поход Мануила I на Дорилей в 1175 г.⁴⁵ Поскольку Евстафий говорит о недавних трофеях (τὰ ἐναγχοῦς τρόπαια — л. 43), поскольку весь тон сочинения оптимистичен, можно предполагать, что оно появилось до катастрофы у Мириокефала — т. е. накануне великого поста, в середине февраля 1176 г.

И опять-таки у нас нет никаких оснований предполагать, что Евстафий читал его в Солуни. Напротив, он просит снисхождения у своей аудитории и благодарит ее за внимание, он обещает — если речь его не будет иметь успеха — в дальнейшем молча молиться за государей (л. 44 об.); это слова не пастыря, не архиепископа, а человека, заискивающего перед слушателями; скорее всего, Евстафий выступает перед столичными вельможами. К тому же он сообщает, что сам собирался последовать «этим императорским путем» (τὴν βασιλικὴν ταύτην ὁδόν) и только болезнь помешала ему присутствовать при подвигах государя (л. 44).

Таким образом, представляется вполне вероятным, что Евстафий и после 1174 г. — вплоть до 1179 г. — продолжал бывать в столице и произносить официальные речи перед императором и патриархом. Конечно, мы могли бы предположить, что Евстафий произносил эти речи уже будучи архиепископом солунским — подобно тому, как Евфимий Торник в традиционный день крещения читал свою речь к императору, уже будучи митрополитом Старых Патр⁴⁶. Точно так же Николай, епископ Мефонский, в начале речи к Мануилу I заявлял, что он вновь прибыл к своему государю (ἤκω σοι πάλιν) из дальних краев и принес с собой прекрасный дар — свое сочинение⁴⁷. Но как не вспомнить жалобы Михаила Хониата на то, что Евстафий не приезжает в Константинополь? Поэтому более оправданным было бы предположение, что до 1179 г. Евстафий не покидал столицы.

На первый взгляд этому предположению противоречит неизданное надгробное слово Евстафия ипертиму Афин (из Э). Ипертим Афин, брат логофета (л. 35 об.) — бесспорно Николай Айофеодорит, кончине которого посвящены также эпитафия Псевдо-Торника и утешительное слово Григория Антиоха к брату покойного, логофету Михаилу⁴⁸. Николай умер в Афинах, и его прах был отправлен на родину (τῇ δὲ πατρίδι γῆ), откуда

⁴⁴ Михаил Хониат в одном из писем упомянул слово Евстафия περὶ νηστείας, о посте (Mich. Ak., II, p. 9.27). Странным образом Дрэзке утверждал, что среди изданных Тафелем сочинений нашего ратора слово о посте не представлено (J. Dräseke. Eustathios und Michael., S. 497 f.), но четырехдесятница и есть великий пост! Какую именно из великопостных проповедей Евстафия имеет в виду Михаил Хониат, сказать невозможно.

⁴⁵ P. Wirth. Kaiser Manuel I., S. 21.

⁴⁶ А. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes Petropolitanae, p. 103. 4—5.

⁴⁷ Nikolaus, episcopus Methonae. Λόγος ὄσο. Lipsiae, 1865, p. 2.11—19. Почему-то Дрэзке, толкуя эти слова, приходит к выводу, что Николай Мефонский имел возможность лишь в письмах (nur schriftlich) общаться с императором (J. Dräseke. Nikolaos von Methone. — BZ, 1, 1892, S. 444).

⁴⁸ См. о нем А. П. Каздан. Братя Айофеодориты при дворе Мануила Комнина. — ЗРВИ, 9, 1966, стр. 90—94.

его повезут в царственный город (л. 34 об.). Дважды вместо «родина» сказано «Фессалия»: Афины и Гиметт отсылают покойного фессалийской пчеле; фессалийская земля вопреки своему желанию принимает ипертима (л. 34). Фессалией византийцы нередко именовали Солунь, и сам Евстафий называет солунского архиепископа Василия иерархом τῆς Θεσσαλῶν (л. 56 об.). Не исключено, что тело Николая везли через Солунь.

Все описание встречи в Константинополе, скорби логофета, сочувствия императора выдержано в будущем времени: «Я знаю, что соберутся божьи слуги, монахи и святое окружение патриарха», — так говорит Евстафий (л. 35 об.). Нельзя ли предположить, что он читал эпитафию в Солуни, уже занимая архиепископскую кафедру?

И все-таки такое допущение не является обязательным. Во-первых, в лемме сказано, что надгробное слово было произнесено вне Солуни (ἐξω τῆς μεγαλονόμου πόλεως Θεσσαλονίκης), в храме мироточивого Николая, при положении тела ипертима Афин, когда его везли в столицу⁴⁹. Во-вторых, все мысли оратора обращены к грядущей встрече в Константинополе, и он радуется, что тело Николая будет погребено в великом городе, а второстепенный (τὴν δευτερεύουσαν) не сможет гордиться подобным сокровищем (л. 34 об.), — позиция, которая была бы несколько неожиданной для солунского иерарха. Поэтому мы не вправе исключить предположение, что Евстафий писал это слово еще жителем столицы, откуда он выехал встретить прах друга.

К тому же дата этой эпитафии спорна: Ж. Даррузе датировал кончину Николая Айофеодорита августом 1175 г.⁵⁰ — однако есть все основания считать, что он умер только в 1178 г.⁵¹

По-видимому, вскоре после эпитафии было написано письмо протоновелиссимонпертату логофету Айофеодориту (Opusc., p. 342.42—43), т. е. логофету дрома Михаилу Айофеодориту, брату Николая. В этом письме Евстафий ссылается на «блаженную память о воистину блаженном покойном иерархе, моем господине» (Opusc., p. 342.83—84), имея в виду, разумеется, брата логофета — афинского ипертима. Поскольку Евстафий называет покойного иерархом и господином, а не соепископом, вполне вероятно, что и послание это, и соответственно эпитафия Николаю писались еще до получения Евстафием солунской кафедры.

Итак, большая часть сочинений Евстафия, датируемых 1174—1179 гг., написана в Константинополе и посвящена общеимперским событиям. Напротив, среди его сочинений, созданных в Солуни, нет ни одного, которое датировалось бы временем ранее 1179 г. Наиболее ранние [помимо третьей речи (см. выше, стр. 95)] из сочинений солунского периода — Первое слово на четырехдесятницу, произнесенное в феврале 1180 г., и памфлет, адресованный какому-то столпнику, где Евстафий упоминает о победе Мануила при Клавдиополе в 1180 г.⁵² Чуть позднее появилась эпитафия императору — одна из многих (πολλῶν γὰρ ἄλλως γραφάντων), как сказано в лемме (Opusc., p. 196.38—40): теперь Евстафий не выступал с надгробным словом в качестве официального ратора⁵³. После смерти

Мануила написано было и сочинение «Об исправлении монашеской жизни» (Opusc., p. 230.61—62, 68); ряд сочинений относится уже ко времени после захвата норманнами Солуни в 1185 г. (см. ниже, стр. 104).

К той же дате — около 1179 г. — приходим мы и с помощью иного рода рассуждений.

Во время произнесения Второго слова на четырехдесятницу Евстафий занимал уже около 16 лет солунскую кафедру (Opusc., p. 85.75—76). В этом слове Евстафий упомянул о зимнем походе императора на врагов: неприятель был обращен в бегство, его страна опустошена, подданные обращены в рабство (Opusc., p. 86.85—96). Ф. И. Успенский относил рассказ Евстафия к походу Исаака Ангела на болгар в 1186 г.⁵⁴, что, разумеется, невероятно, ибо в таком случае пришлось бы отнести избрание Евстафия архиепископом к 1170 г. Попробуем более осторожно определить время описанных здесь событий.

Прежде всего необходимо исключить возможность того, что Евстафий имеет в виду Алексея III Ангела. Алексей захватил престол в апреле 1195 г., и, если бы Евстафий говорил о нем, слово не могло быть произнесено ранее начала 1196 г. (упоминается зимний поход). В 1196 г. исполнилось во всяком случае более 16 лет пребывания Евстафия в Солуни, ибо в феврале 1180 г. он уже занимал солунскую кафедру. К тому же, забегая вперед, отмечу, что о деятельности Евстафия после начала 1195 г. мы ничего не знаем. Значит, интересующее нас слово было произнесено между 1190 и 1195 г. Более ранняя дата невозможна, т. к. до 1174 г. Евстафий солунским архиепископом не был.

Зимняя экспедиция императорских войск — нечастое явление в византийской истории. Обычно зимой император находился в Константинополе и 6 января выслушивал торжественные похвалы от магистра риторов, ежегодно произносившего речь на праздник крещения. В лемме речи магистра риторов Георгия Торника, обращенной к Исааку Ангелу, указывается, что на этот раз ритор выступал до обычного срока, до дня крещения — и это нарушение обычая связывалось с походом императора (Fontes, II, p. 254.22—26). Перенесение срока торжественной речи может быть объяснено только тем, что Исаак Ангел не рассчитывал вернуться в столицу к 6 января. Поход императора был зимним.

Речь Георгия Торника может быть датирована довольно точно. Она была произнесена осенью 1193 г.⁵⁵, и соответственно поход Исаака относится к концу 1193 г.

Если допустить, что Евстафий имеет в виду тот же самый поход Исаака, Второе слово на четырехдесятницу нужно будет относить к началу 1194 г. В таком случае солунский период жизни Евстафия начинается примерно с 1178 г.

Конечно, эта дата — лишь возможная, но не бесспорная: Евстафий мог произносить свое слово в 1194 г., но пока у нас нет данных, доказывающих, что он произносил его действительно в этом году. Обратимся, однако, к Третьему слову на четырехдесятницу. Уже много времени, говорил Евстафий в этом слове, более шести лет, приходят ко мне мужчины и женщины, жалуясь на своих супругов (Opusc., p. 63.95—96). Значит, это слово написано было шесть-семь лет спустя после переезда Евстафия в Солунь. Вместе с тем оратор упоминает о всем известном кровавом вар-

⁵⁴ Ф. И. Успенский. Образование Второго болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 132, прим. 1.

⁵⁵ См. А. Каждан. La date de la rupture entre Pierre et Asen (vers 1193). — Вуз., 35, 1965, p. 173. Иную дату отстаивает Б. Ферјанчић. Када се Евдокија удала за Стевана Немањића? — «Зб. филос. фак. Београд. унив.», 8, 1964 (1965), стр. 217 и сл., — но ему еще не была известна моя аргументация.

⁴⁹ Лемма издана в каталоге: E. Miller. Op. cit., p. 201.

⁵⁰ J. Darrouzès. Obit de deux metropolités d'Athènes. — REB, 20, 1962, p. 196.

⁵¹ А. П. Каждан. Незданные сочинения Евстафия Солунского в Эскуриальской рукописи Y-II-10. — «Polychronion». Heidelberg, 1966, S. 337.

⁵² Opusc., p. 196.19—21. См. о дате: P. Wirth. Die Chronologie der Schlacht um Kladiopolis im Lichte bisher unbeachteter Quellen. — BZ, 50, 1957, S. 72 f.

⁵³ Неясно, на основании каких данных К. Бонис предположил, что во время похорон Мануила Евстафий находился в Константинополе (К. Bonis. Ὁ Θεσσαλονίκης Εὐστάθιος καὶ οἱ δύο «τόμοι» τοῦ αὐτοκράτορος Μανουὴλ Α' Κομνηνοῦ (1143/80) ὑπὲρ τῶν εἰς τὴν χριστιανικὴν ὀρθόδοξίαν μετισταρένων Μωαμεθανῶν. — ΕΕΒΣ, 19, 1949, σελ. 168. Ср. К. Г. Вонис. Εὐστάθιος, ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης... σελ. 61).

варском иге (Opusc., p. 75.52—53), длившемся около трех месяцев (Opusc., p. 75.69), — он имеет в виду захват Солуни норманнами в 1185 г. Следовательно, интересующее нас слово не могло появиться ранее начала 1186 г., а в таком случае приезд Евстафия Солунского приходится примерно на 1179 г.

Но нельзя ли предположить — тем самым ликвидируя кажущееся противоречие источников, — что Евстафий, став митрополитом около 1175 г., не сразу переехал в Солунь? В пользу такого предположения свидетельствуют два письма Григория Антиоха, отправленные Евстафию из Болгарии одно за другим. Второе адресовано просто Евстафию Солунскому, лемма первого гораздо более подробно: «Бывшему магистру ритором господину Евстафию Солунскому...»⁵⁶. Однако Григорий недвусмысленно свидетельствует, что адресат живет в столице, ибо он просит присылать ему «крылатые слова писем» из Константинополя⁵⁷. К сожалению, и это предположение остается гипотетичным, поскольку леммы сочинений Григория Антиоха не всегда точны и данные письма могут относиться к более раннему времени.

Как бы то ни было, наиболее вероятным представляется, что Евстафий прожил в Константинополе примерно до 1179 г.

На константинопольский период приходится расцвет ученой и учительской деятельности Евстафия. Круг его чтения был весьма широк. Не говоря уже о Гомере, Пиндаре и Дионисии Периэгете, к сочинениям которых он составил комментарий⁵⁸, Евстафий читал множество классических и поздних авторов, широко пользовался справочными пособиями — словарями, схолиями, сочинениями грамматиков⁵⁹. Можно восстановить некоторые особенности работы Евстафия над классиками: точность его цитат⁶⁰, элементы конъектур при переписывании текстов. П. Маас считает Евстафия единственным византийским филологом догуманистической поры, не ограничивавшимся воспроизведением оригинала, но время от времени пытавшимся внести в него исправления⁶¹.

Большое место в занятиях Евстафия принадлежало преподаванию. Во втором слове к Михаилу III он вспоминает о своих учениках — о юношах, которых выдвинула риторика (τῶν ρητορικῶν τούτων, οἷς ἡ ἐπιστάτοσσι ρητορικῆ συνέξεπερφεύ) и которые вместе с ним, корифеем хора, хотя и принять участие в восхвалении патриарха (л. 178). Дом Евстафия, говорит Малаки, стал истинным обиталищем муз, второй Академией, Стовой и школой перипатетиков; одних он обучал грамматике, другим преподавал риторику, изоцряя их речь (Malakes, p. 82.24—83.3). Сколько юношей, вторит ему Михаил Хониат, приходило к Евстафию, не умея внятно говорить, а ныне их речь отчетлива и ясна! (Mich. Ak., I, p. 289.4—8).

Учеником Евстафия был Григорий Антиох, находившийся в оживленной переписке со своим учителем⁶². Учеником Евстафия называл себя и

⁵⁶ J. Darrouzès. Deux lettres... — BS, 23, 1962, p. 278.

⁵⁷ Ibid. — BS, 24, 1963, p. 73.389. Не учитывая всей сложности хронологии жизненного пути Евстафия, Даррузе датировал оба письма примерно 1173 г. См. возражения: А. П. Каждап. Григорий Антиох. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 98.

⁵⁸ См. Sohn. Eustathios. — RE, VI, 1909, Sp. 1455—1486. О комментарии Евстафия к Аристофану см. W. J. W. Koster. D. Holwerda. De Eustathio, Tzetza, Moschopulo, Planude Aristophanis commentatoribus. — «Mnemosyne», ser. IV, vol. IV, 1954, f. 2, p. 136 sq.

⁵⁹ Список использованных Евстафием античных авторов см.: H. Erbse. Untersuchungen zu den attizistischen Lexica. — «Denkschriften der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, philos.-hist. Kl.», 1949 (1950), № 2, S. 1—6.

⁶⁰ H. W. Müller. Euripides and Eustathios. — AJP, 61, 1940, p. 428.

⁶¹ P. Maas. Eustathios als Konjekturekritiker. — BZ, 36, 1936, S. 29 f.

⁶² J. Darrouzès. Deux lettres... — BS, 23, 1962, p. 276 sq.

Михаил Хониат: в письме архиепископу Солуни Иоанну, одному из преемников Евстафия, он писал, что чувствует себя нечуждым этого города, ибо близок был его мужам — одному, блаженно почившему, он был ближайшим учеником, тебе же — братом (Mich. Ak., II, p. 118.7—11).

В одном из писем Евстафий упоминает своего маленького ученика Иоанна (Opusc., p. 321.70—73): так как письмо адресовано скорее всего Никифору Комнину, вполне вероятно, что Евстафий был воспитателем его сына⁶³. Учительская деятельность Евстафия продолжалась и в Солуни, куда приезжали к нему даже дети жителей столицы (Esp., p. 66.26—27).

Известия о солунском периоде жизни Евстафия не более определены, нежели о константинопольском. По-видимому, его взаимоотношения с паствой сложились не наилучшим образом: во всякое случае архиепископ не раз жаловался на западны, которые приготавливают ему солуняне, на возникающие скандалы (Opusc., p. 109.17—19). Его враги — это колочий акаф и укусный рассол; они были бы счастливы увидеть Евстафия мертвым (Opusc., p. 66.13—17). В неизданном наставительном слове, произнесенном в Солуни, Евстафий жаловался, что его упрекают в отсутствии красноречия и в старческом маразме (Э., л. 361об, 362). Впрочем, возможно, что это слово, в котором Евстафий — как и во втором слове на четырехдесятницу — упоминает зимнюю военную экспедицию императора (л. 367), относится уже к концу его жизни.

В самом начале епископата Евстафия в Солуни возникла «война» (Fontes, I, p. 17.14—15) и «мятеж» (Fontes, I, p. 18.2—4) — так называемое дело Лепендрина, для расследования которого в город был прислан Иоанн Дука; к сожалению, мы ничего не знаем о существовании этого дела — Евстафий крайне туманно говорит о «птенцах несправедливости», которые, словно гарпии, угрожали всему многотысячному народу (Fontes, I, p. 17.15—20). Позднее борьба достигла такой остроты, что Евстафий был вынужден оставить город.

Сохранилось его письмо к солунянам, где он говорит, что изгнан ненавистью (Opusc., p. 160.51). Он покинул свой город из-за ненависти недобрых людей — преследования злобных зверей вынудили его бежать (Opusc., p. 160.66—71). И хотя он отделен пространством от своей паствы, он просит своих «духовных детей» выслушать его, отсутствующего, словно он по-прежнему среди них (Opusc., p. 158.16—22).

К какому времени относится изгнание Евстафия? В последнее время вопрос о его отъезде (бегстве) был предметом специальных статей Вирта и В. Грюмеля. Грюмель, в частности, убедительно показал, что письмо Михаила Хониата Евстафию (Mich. Ak. II, 1 sq.) говорит не о возвращении архиепископа в Солунь после временного смещения с кафедры, а о первом прибытии его в «обрученный с ним город»⁶⁴. Следовательно, оно не относится к интересующему нас событию.

⁶³ Чистым недоразумением является попытка Л. Говорова (Евстафий... — «Православный собеседник», 1883, январь, стр. 23) считать этого Иоанна младшим сыном Мануила I. М. Дюшато предполагает, что Евстафий был воспитателем Алексея II (M. V. Duchataux. Eustathe, archevêque de Thessalonique. — «Travaux de l'Acad. nat. de Reims», 108, 1899—1900, t. 2. Reims, 1902, p. 144) и что 25 его писем адресованы Алексею II (ibid., p. 150), но это лишь одна из многих ошибок его поверхностной работы.

⁶⁴ V. Grumel. Sur la fuite et le retour de l'archevêque Eustathe de Thessalonique. — REB, 20, 1962, p. 223 sq. Г. Штадтмюллер отнес это письмо Михаила Хониата к началу епископата Евстафия (G. Stadtmüller. Michael Choniates..., S. 238). Как известно, письма Михаила Хониата расположены в рукописи в хронологическом порядке; за письмом Евстафию следует письмо Константину Пого-

Какими же источниками мы располагаем для определения времени бегства Евстафия? Вирт указывает в этой связи на три его сочинения. В памфлете «Против обвиняющих меня в злопамятстве» солунский архиепископ писал, обращаясь к своим недругам: «Если бы возлюбивший благо самодержец, воистину божественный закон, не склонился бы человеколюбиво к нам... где бы мы были ныне?» (Opusc., p. 106.3—10). Строго говоря, этот пассаж не должен быть непременно относим к отъезду Евстафия из Солуни: речь идет только о поддержке, которую архиепископ нашел у императора против своей паствы, угрожавшей ему изгнанием.

Вирт ссылается также на Второе подготовительное слово к четыредесятинице, сказанное будто бы накануне отъезда⁶⁵, но приводимые им места свидетельствуют лишь о враждебности солунян к пастырю, об их жалобах, адресованных императору (Opusc., p. 85.77—81) — отнюдь не об отъезде митрополита. Да и действительно, как может свидетельствовать об отъезде Евстафия слово, согласно самому Вирту, произнесенное Евстафием до отъезда? Разве не мог он просто угрожать отъездом — и все-таки не уехать?

Вирт, правда, исходит из того, что разбираемое им слово читалось в конце февраля 1191 г. (согласно уточнению Грюмеля, 25 февраля 1191 г.⁶⁶), а в апреле 1191 г. Евстафий уже читал речь перед Исааком Ангелом в Филиппополе. Однако, как я старался показать выше, Вторая речь на четыредесятиницу, по традиции датируемая 1191 г., на самом деле должна быть отнесена к более позднему времени. Следовательно, хронологическое соотношение событий, установленное Виртом, является во всяком случае проблематичным.

Наконец, третий памятник, привлеченный Виртом, — только что упомянутая речь перед Исааком Ангелом на пасху 1191 г. Но в этом произведении вообще нет ничего похожего на упоминание о бегстве из Солуни, о враждебности паствы. Евстафий просто прибыл в расположенный недалеко от Солуни Филиппополь, где находился двор Исаака Ангела, приветствовал победу государя и обещал, вернувшись домой, поведать о подвигах василевса согражданам (Opusc., p. 45.72). О своих отношениях с паствой Евстафий не сказал здесь ни слова.

Таким образом, приведенные Виртом источники о бегстве Евстафия из Солуни весьма неопределенны: построенная им хронологическая канва (бегство в конце февраля, возвращение в конце апреля 1191 г.) — спорна, поскольку она — помимо всего прочего — опирается на сомнительную датировку Второго слова на четыредесятиницу.

Возвратимся, однако, к сочинению Евстафия, не принятому Виртом во внимание, — к посланию архиепископа солунянам. На него, кстати сказать, указывал в этой связи уже Тафель⁶⁷. В подробном письме солунянам Евстафий ни разу не упоминает о захвате города норманнами и о трудностях, которые он вместе со всеми горожанами пережил под вражеским игом. Казалось бы, об этой общности судьбы вынужденный бежать из Солуни митрополит должен был бы непременно вспомнить — если бы он писал после 1185 г. Но *argumentum ex silentio* не обладает

ниту, датируемое временем до 1182 г. (ibid., S. 239). Подобная датировка не противоречит новой дате начала епископата Евстафия: в таком случае письмо Михаила Хониата следует относить к 1179 или 1180 г.

⁶⁵ P. Wirth. Die Flucht des Erzbischofs Eustathios aus Thessalonike. — BZ, 53, 1960, S. 83 f.

⁶⁶ Впрочем, Вирт в заметке о статье Грюмеля (BZ, 56, 1963, 171) считает невозможным точно определить день произнесения слова.

⁶⁷ Th. L. F. Tafel. De Thessalonica... p. 354 nota.

доказательной силой: упоминание норманнского вторжения не может свидетельствовать в пользу отнесения письма к началу епископата Евстафия.

В последней части письма имеется следующая фраза: «Вы говорите, что имеее иерарха — иерарха недавнего (*τὸν ἄρτι*), а именно меня. Ваши слова справедливы, ибо я существую, хотя и не отправляю должности» (Opusc., p. 164.2—4). Если считать, что письмо принадлежит «недавнему иерарху», отнесение его к началу епископата, ко времени до 1185 г., станет вполне вероятным — к сожалению, выражение *ὁ ἄρτι* двусмысленно: оно может обозначать «недавний», но может обозначать и «нынешний».

Выражение Евстафия, по-видимому, связано с той карикатурой на него, которая была изготовлена солунянами и получила широкое распространение — вплоть до столицы (Opusc., p. 98.42—62). Надпись на карикатуре гласила: «Злопамятный человек, назначенный (*ἐπιγεγραμμένος*) солунским иерархом *τὸν ἄρτι*» (Opusc., p. 98.63—64). И эта надпись оставляет возможность для двойного понимания слов *ὁ ἄρτι*.

Хотя фраза «имеете иерарха нынешнего» кажется определенной тавтологией (какого же иметь, если не нынешнего?), хотя надпись на карикатуре говорила о назначении Евстафия — все же не приходится настаивать на датировке бегства Евстафия временем до 1185 г. Такая датировка возможна — но не более того.

Не легче поддается решению другой вопрос, связанный с изгнанием Евстафия, — вопрос о социальных силах, выступавших против митрополита. Можно лишь отметить, что, по словам самого Евстафия, люди, его поучавшие и бранившие, были выходцами неизвестно откуда (Opusc., p. 153. 81—85), что среди главных его врагов был некий бедняк (*πτωχός* по имени Лев, который умер бы с голоду, если бы не церковное подавание (Opusc., p. 164.8—10).

Но не одна только беднота выступала против Евстафия — врагами архиепископа оказались и влиятельные в Солуни люди: если верить ему, он навлек на себя ненависть своим нелюдимством — тем, что одинаково судил и бедняка, и знатного горожанина (Opusc., p. 109.86—89).

По-видимому, к числу важнейших пунктов спора принадлежал вопрос о церковных имуществвах: одного из своих врагов, некоего Афрата, Евстафий обвиняет в святотатстве, в наложении руки на святые церкви (Opusc., p. 157.76—77, 84—87). В борьбе против «жадных» Евстафий пользовался поддержкой наместника Солуни Давида Комнина (Esp., p. 12.12—14).

После бегства Евстафия его враги завладели епископской должностью (*ἀρχιερατεβωσι*) и принялись форменным образом расследовать все, что касалось бежавшего митрополита: как он жил, что говорил, о чем беседовал с встречными, как судил. «Они хотели бы, — иронизирует Евстафий, — если бы это было возможно, узнать, что я видел во сне и какие образы подсказывало мне воображение» (Opusc., p. 164.13—22).

Через какое-то время Евстафию удалось вернуться в город. По-видимому, именно тогда были прочитаны им беседы о согласии и об уважении к епископу, которые содержались в Эскуриальской рукописи, погибшей от пожара 1671 г.⁶⁸ Относится ли трактат «О злопамятстве» ко времени до изгнания или уже после возвращения, сказать трудно.

В 1180 г. Евстафий принимал участие в спорах по поводу огласительной формулы против мусульман: он высказался против предложения, которое отстаивал Мануил I.

⁶⁸ J. Darrouzès. Des oeuvres perdues d'Eustathe de Thessalonique. — REB, 21, 1963, p. 234.

В 1185 г. архиепископ вместе со своей паствой пережил захват города норманнами. Он посвятил этому событию одно из замечательнейших сочинений — «Взятие Солуни», написанное сразу же после освобождения, до февраля 1186 г.⁶⁹

Неоднократно вспоминал он о норманнском вторжении и в других сочинениях (напр. *Opusc.*, p. 84.81—83; 156.49).

Сочинение «Взятие Солуни» состоит из двух частей: первая из них — рассказ о приходе к власти Андроника I, вторая — собственно повествование о падении города и о бедствиях солунян. Основная тенденция первой части — враждебность к низвергнутому тирану, которого Евстафий считает виновником как нападения норманнов, так и беспомощности Солуни перед врагом. Вместе с тем Евстафий вынужден оправдываться в том, что не сразу разгадал истинный характер Андроника (*Esp.*, p. 14.19—22).

Из второй части мы узнаем о судьбе архиепископа после взятия города. Он попал в руки бывшему пирату Сифанту (*Esp.*, p. 106.31—34), который отнесся к человеку к своему пленнику: дал Евстафию отдохнуть, накормил и на маленькой лошадке отправил в гавань, где стоял его корабль (*Esp.*, p. 108.1—6). Сифант рассчитывал взять с архиепископа выкуп. Но Евстафий недолго оставался в плену: по-видимому, не без участия византийского ренегата Алексея Комнина, бывшего виночерпия при дворе Мануила I, он был отпущен и поселился в садике у баньки, где «добрые люди» не забывали его (*Esp.*, p. 110.12—112.10). И вот что любопытно: Евстафий постоянно общался с латинянами, не брезгуя лестью, не избегая попреков (*Esp.*, p. 128.20—21); он вступал с ними в религиозные дискуссии (*Esp.*, p. 150.9), он нашел поддержку графа Алдуина (*Esp.*, p. 126.26—128.2).

Я постараюсь показать в дальнейшем, что сближение Евстафия с норманнами — не просто тактическая хитрость во спасение, как он сам уверяет (*Esp.*, p. 138.11—13. Ср. p. 110.7—10, 112.12—14), — пролатинские настроения были свойственны Евстафию во времена Мануила I, и это, несомненно, облегчало его положение в занятом норманнами городе.

В 1193—1194 гг. Евстафий находился в Солуни: известны его проповеди, датированные этими годами⁷⁰. Он был жив еще в феврале 1195 г. — утерянное ныне слово на великий пост, произнесенное, согласно лемме, в этом году — последнее датированное сочинение Евстафия. После 1195 г. мы о нем ничего не слышим; по-видимому, вскоре он скончался⁷¹. Он умер до 1196/97 г., когда солунским митрополитом был уже Константин Месопотамит⁷².

Византийские биографы не часто дарят нам описание внешности своих современников-писателей⁷³. Малаки, впрочем, сохранил одну любопыт-

ную деталь: Евстафий был небольшого роста, и облик его не внушал почтения, так что незнакомец не обратил бы на него внимания (*Malakes*, p. 82.1—3). Он дожил до глубокой старости, хотя болезни подолгу мучали его: в одном из писем Евстафий жалуется на недуг, приковавший его к постели с июля по октябрь (*Opusc.*, p. 332.87—89); Евфимию Малаки его к постели с июля по октябрь (*Opusc.*, p. 332.87—89); Евфимию Малаки он писал, что желудок у него болит, руки дрожат и вообще он — полуживой (*Opusc.*, p. 349.95—350.16).

Жизнь Евстафия нельзя назвать легкой. Он начал свой жизненный путь мелким чиновником в патриаршей канцелярии и прожил полвека, прежде чем достиг мало-мальски устойчивого положения. Но даже став диаконом и наставником ритором, достигнув, по его собственным словам, земли обетованной, Евстафий вынужден дрожать за должность и жалование и обращаться к патриарху с униженными мольбами сохранить ему ругу, ситиресий и хлебные выдачи. И хотя Григорию Антиоху кажется, что его учитель живет на небесах в сравнении с ним самим, пресмыкающимся на земле (*Э*, л. 402), небеса эти не так сладки.

Большой ученый и знаменитый оратор, Евстафий был вынужден искать покровительства высшей знати. Наиболее близким ему человеком стал севаст Никифор Комнин, внук Анны Комниной, занимавший последовательно посты дуки Никомидии и наместника Коса (*Opusc.*, p. 319.90—93), а затем начальника прошений⁷⁴. Никифор умер в расцвете лет, оставив троих детей⁷⁵, и Евстафий посвятил ему монодию, обращенную к отцу Никифора, Иоанну Дуке. Курц датировал монодию 1173 г.⁷⁶, но дата эта нуждается в некоторых коррективах. Установленный Курцем *terminus ante quem* — 1171 г. не вызывает сомнений, т. к. в монодии идет речь об «императорах» во множественном числе⁷⁷ (Алексей II был провозглашен соправителем в 1171 г.) — но в качестве *terminus ante quem* Курц избирает спорную, как я старался показать, дату переезда Евстафия в Солунь — 1175 г. Осторожнее было бы относить монодию к 1171—1179 гг.

Худшие отношения сложились у Евстафия с братом Никифора, которого он именует просто Дука (*Opusc.*, p. 324.11—16). Евстафий жаловался на порицания Дуки и просил Никифора быть судьей между ними; он заверял, что всегда восхвалял Дуку (*Opusc.*, p. 318.2—3, 46—47, 62—65).

Покровителем Евстафия был также другой Иоанн Дука, сын великого друнгария Андроника Каматира; ему был посвящен комментарий к Дионисию Перизгету (см. выше, стр. 91). Дука — один из ведущих дипломатов и военачальников Мануила I. Уже в 1170 г. мы застаем его на посту великого этериарха, в числе наиболее влиятельных вельмож⁷⁸; великим этериархом был он и в 1181 г. (*Nic. Chron.*, p. 313.2). Он выступал против Андроника I и после его низвержения занимал пост логофета дрома⁷⁹.

Oration on Anna Comnena. — «Proceedings of the Cambridge Philological Society», № 188, 1962, p. 11.1—11.

⁶⁹ *Opusc.*, p. 341.34—35; *Э*. Курц. Указ. соч., стр. 290, титул.

⁷⁰ *Э*. Курц. Указ. соч., стр. 286 и сл.

⁷¹ Там же, стр. 285.

⁷² Там же, стр. 292.70.

⁷³ L. Petit. Documents inédits sur le concile de 1166 et ses derniers adversaires. — *ВВ*, XI, 1904, p. 479.16—17.

⁷⁴ F. Miklosich, J. Müller. Acta et diplomata graeca, vol. III. Vindobonae, 1865, p. 2.12. Обычно Иоанна Дуку отождествляют с Иоанном Каматиром (см. G. Stadtmüller. Zur Geschichte der Familie Kamateros. — *BZ*, 34, 1934, S. 356 f.), однако такое отождествление наталкивается на известные трудности: согласно В. Лорану, Иоанн Каматир был логофетом дрома уже в 1159 г. (*Nic. Chron.*, p. 141.5. См. V. Laurent. Un sceau inédit du protonotaire Basile

⁶⁹ *Esp.*, p. XXXIV; H. Hunger. *Op. cit.*, S. 147. По мнению Э. Леоне, до февраля 1186 г. был написан лишь первый вариант, в дальнейшем подвергшийся риторической переработке (E. Leone. Рец. на *Esp.* — «Paideia», 18, 1963, p. 197 sq. Ср. также E. Leone. Conjectures sur la composition de «La prise de Thessalonique» d'Eustathe. — *Byz.*, 34, 1964, p. 267 sq.).

⁷⁰ J. Darroutès. Des oeuvres perdues. . . , p. 233, № 8, 14.

⁷¹ P. Wirth. Ein neuer Terminus ante quem non für des Ableben des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike. — *BZ*, 54, 1961, S. 86 f. Ошибочную дату смерти Евстафия (около 1192 г.) приводит К. Свобода (*Słownik starożytności słowiańskich*, I, 2, 1962, s. 461).

⁷² V. Laurent. La succession épiscopale de la métropole de Thessalonique dans la première moitié du XIIIe siècle. — *BZ*, 56, 1963, S. 286. Константин оставался на кафедре до весны 1197 г., по Штатдмюллеру (G. Stadtmüller. Michael Choniates. . . , S. 313) — до 1198/99 г.

⁷³ См., например, портрет Анны Комниной в надгробной речи, написанной митрополитом Эфеса Георгием Торником: R. Browning. An Unpublished Funeral

Но в посвящении комментария Дука не назван великим этериархом — там говорится, что он «после того» (μετὰ ταῦτα) стал начальником прошений. Естественно предположить, что комментарий относится ко времени до 1170 г., к раннему периоду творчества Евстафия.

По-видимому, Иоанну Дуке адресовано письмо Евстафия с леммой «севасту и великому этериарху»: писатель благодарит адресата за помощь, о которой он намерен говорить вечно (Opusc., p. 344.69—71).

Среди адресатов писем Евстафия мы встречаем еще одного вельможу — логофета дрома Михаила Айофеодорита, одного из приближенных Мануила I (см. выше, стр. 98). В неизданной речи, обращенной к логофету Михаилу (Э, л. 357—361), Евстафий жаловался на свое бедственное положение и, прославляя адресата и его братьев, просил о помощи. По-видимому, к более позднему времени относится письмо Айофеодориту. Тон его значительно более холоден, чем в посланиях Никифору Комнину, хотя и здесь Евстафий пишет о помощи адресата. Помощь эта двойного рода: одни благодеяния вытекают из заботы логофета об обществе, другие носят частный (ιδία) характер. «Твое величие в делах превосходит все, что мы знаем от отцов и что видели своими глазами» (Opusc., p. 342.46—59). Евстафий заверяет, что никогда не пренебрегал Айофеодоритом, не был ему враждебен (Opusc., p. 342.73—74).

В трудном мире службы и искательства утешением Евстафию оставались его друзья. Евстафий стоял в центре научно-литературного кружка, в котором участвовали Николай Айофеодорит, Евфимий Малаки и Михаил Хониат, а может быть также Григорий Антиох и будущий патриарх Михаил Авториан [ему адресовано краткое письмо Евстафия (Opusc., p. 339.18)] — один из ближайших друзей Михаила Хониата⁸⁰. Когда Евстафий уехал в Солунь, его связи с друзьями не прервались: они не только поддерживали переписку, но и посещали друг друга. Я уже говорил о приезде Малаки к Евстафию (см. выше, стр. 94, прим. 36); сам Евстафий рассказывает в неизданном слове на молитву: «Господи, помилуй», — что его посетил какой-то друг из Афин — Вирт не без оснований считает этим другом Михаила Хониата⁸¹. И подобно тому, как сам Евстафий оплакал смерть Николая Айофеодорита, его друзья принесли на могилу солунского архиепископа, быть может, излишне цветистые, но по-своему искренние дары.

Продолжение следует.

Kamatéros. — Byz., 6, 1931, p. 267, n. 9), тогда как Иоанн Дука в те годы, по всей видимости, находился в плену в Италии (во всяком случае в 50-е и 60-е годы он командовал войсками); на посту логофета мы встречаем его много позднее. Вопреки Г. Штадтмюллеру, Иоанн Дука не был судьей вила: в цитируемом Штадтмюллером месте (Cinnamus. Epitome. Bonnæ, 1836, p. 269.15—18) названы Иоанн Дука (без упоминания должности), логофет (дрома) Михаил, скопец Фома и судья вила Никифор Каспакс. Р. Гийан сомневается в возможности отождествить сына Андроника Каматира и великого этериарха (R. Guillard. Op. cit., S. 107).

⁸⁰ См. G. Stadtmüller. Michael Choniates... S. 142.

⁸¹ P. Wirth. Das religiöse Leben in Thessalonike unter dem Episkopat des Eustathios im Urteil von Zeitgenossen. — «Ostkirchliche Studien», 9, 1960, S. 293 f.

К. В. ХВОСТОВА

АНТИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ АГРАРНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Изучение аграрноправовых отношений поздней Византии предполагает как исследование этих отношений в целом, так и характеристику отдельных феноменов. Это изучение требует применения комплексного метода, включающего элементы социологического и конкретно-исторического исследования. Необходимо составить дескриптивную характеристику сложных и противоречивых явлений аграрноправового развития поздней Византии, сконструировать их конкретно-историческую модель, определить каузально-функциональные и генетические связи рассматриваемых явлений. Наряду с этим необходимо выявить и специально рассмотреть систему и структуру этих отношений¹ в целом, равно как систему и

¹ Идея необходимости изучения общественных, в том числе и исторических, феноменов в терминах системно-структурного анализа в настоящее время получает все большее распространение как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Под системой подразумевается «совокупность, комплекс взаимодействующих тем или иным образом компонентов» (В. Г. Афанасьев, 1963, № 5, стр. 63); классификации целостных систем. — «Вопросы философии», 1963, № 5, стр. 63); «особый способ внутренней взаимосвязи, организации целого составляет его структуру» (там же, стр. 32). О методе системно-структурного анализа в социальных науках см. также: Б. А. Грушин. Очерки элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962; «Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции». М., 1965; М. А. Барг. Структурный анализ в историческом исследовании. — «Вопросы философии», 1964, № 10; Е. М. Штаерман. О повторяемости в истории. — ВИ, 1965, № 7; L. Sebag. Marxisme et structuralisme. Paris, 1964. Эта проблема широко разрабатывается в буржуазной социологии и антропологии различных направлений. См. G. P. Murdock. Social Structure. N. Y., 1949; M. Fortes. Time and Social Structure. — In: «Social Structure», ed. A. R. Radcliffe-Brown Oxford, 1949; C. Lévi-Strauss. Social Structure. Paris, 1953; A. R. Radcliffe-Brown. Structure and Functions in Primitive Society. London, 1952; R. Firth. Elements of Social Organization and Value. London, 1964; S. F. Nadel. Theory of Social Structure. London, 1965; T. Parsons. Recent Trends in Social-Functional Theory. — «Fact and Theory in Social Science», 1964, № 4; D. Goddard. Conception of Structure in Lévi-Strauss and British Anthropology. — «Social Research», t. 32, 1965, № 4; «Sens et usage du terme structure dans les sciences humaines et sociales», ed. R. Bastide. Paris, 1962; G. Gurvitch. La vocation actuelle de la sociologie, t. 1. Paris, 1963; idem. Traité de sociologie, t. 1. Paris, 1963. Необходимость внедрения системно-структурного анализа в исторические исследования диктуется прежде всего потребностью унификации социально-исторической терминологии, настоятельной потребностью представить историческую действительность в универсальных терминах, позволяющих в рамках индивидуальных и специфических концепций исследователя дать объективное описание исторических феноменов. Кроме того, как уже отмечалось в советской исторической литературе, системно-структурный анализ исторической действительности дает возможность конкретизировать понятие социально-экономической формации, выявить определен-

структуру отдельных их проявлений. Сопоставление системы и структуры византийских аграрноправовых отношений в целом и их отдельных проявлений с соответствующими системами и структурами этих отношений в других странах дает возможность определить принадлежность византийских аграрноправовых отношений, а также отдельных их феноменов к определенному исторически сложившемуся типу названных отношений. Наряду с этим подобное системно-структурное сопоставление позволяет установить специфические индивидуальные черты византийских аграрноправовых отношений, придающие им чрезвычайную сложность и многообразие.

Несомненно, значительная часть как типичных, так и специфических черт системы и структуры византийских аграрноправовых отношений, в том числе и интересующего нас времени, определялась генетической связью этих отношений с античными институтами и отношениями. Эта связь проявлялась в форме корреляции², функционально-каузальной зависимости и в форме социальной диффузии, т. е. непосредственной преемственности ряда античных институтов и отношений в позднее время.

В данной статье мы попытаемся определить, в какой мере античное влияние в той или иной форме проявлялось в сфере аграрноправового строя поздней Византии.

Изучение влияния античности на поздневизантийские аграрноправовые отношения предполагает сопоставление этих отношений и институтов с античными отношениями и институтами как в плане сравнительного изучения систем и структур античных и поздневизантийских аграрноправовых отношений, так и в плане установления генетических связей. Сравнительное сопоставление систем и структур предполагает характеристику феноменов в синхронных терминах. При таком исследовании происходит как бы выключение времени — прием, нередко используемый в социальных и, в частности, в исторических исследованиях³. Установление генетических связей предполагает дескрипцию феномена в полихронных терминах, учет временного фактора. Сочетание методов синхронного и полихронного анализов позволяет представить одновременно как социальную статичку, так и социальную динамику в отношении интересующего нас феномена, позволяет наиболее детально показать его сложное взаимодействие с внешней социальной средой, его социальную роль в системе общественных отношений страны, а также среди известных всемирной истории типов аграрноправовых отношений. Выявление античных элементов и определение масштабов социальной роли античных отношений и институтов применительно именно к поздневизантийским аграрноправовым отношениям объясняется стремлением сопоставить как в плане генетическом, так и в плане системно-структурного анализа ярко выраженные, гетерогенные социальные феномены, характеризующиеся резко отличающимися отношениями и институтами. Античные аграрноправовые феномены отличались значительным своеобразием

ные типы формаций, а также определить типы социально-экономических феноменов в рамках определенной формации.

В работах советских исследователей, к сожалению, зачастую не указывается, что термин «структура» в социальное исследование был введен К. Марксом.

² Корреляция — это связь, при которой причинное влияние какого-либо фактора на определенное явление осложняется влиянием побочных факторов, имеющих второстепенное значение, или же оба влияющих на какое-либо явление фактора зависят от некоторых общих для них условий. См. А. Н. Самойлов. Корреляция как форма связи. — «Проблемы исследования систем и структур», стр. 108.

³ Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования, стр. 56.

и представляли собой определенный гомогенный тип аграрноправовой системы и структуры. Что же касается поздневизантийских аграрноправовых отношений, то они характеризовались интенсивным развитием феодальных отношений, что придает аграрноправовой системе и структуре также замкнутый гомогенный характер. Сопоставление двух названных типов систем и структур, разделенных столь значительным промежутком времени, дает возможность представить поздневизантийский аграрноправовой строй как явление историческое, как результат социальной эволюции, как определенный социально-исторический синтез. Динамика и диалектика составляют, таким образом, необходимое следствие применения названного компаративного метода.

Влияние античных отношений и институтов, как известно, не ограничивалось сферой византийского аграрноправового строя. В литературе неоднократно подвергалось изучению античное влияние на формирование византийской культуры, права, философии. Что же касается воздействия античных социальных институтов на византийский аграрноправовой строй, то этот вопрос до сих пор не затрагивался в литературе. Однако не подлежит сомнению, что проявление античного прошлого в форме сложного корреляционного воздействия перекрещивающихся факторов, каузально-функциональной зависимости, равно как и в форме непосредственной преемственности античности, в сфере аграрноправовых отношений Византии, в частности в позднее время, было весьма значительным и своеобразным. В целом византийский аграрноправовой строй, в том числе и его позднейшие проявления, сложился под перекрещивающимся корреляционным влиянием социально-экономических и политических факторов, генетически связанных с отношениями и институтами позднего Рима. Этими факторами были сильная государственная власть, ведущая свое происхождение от римской государственной власти, разветвленная система налогов, унаследованная с римских времен, и частная собственность на землю, юридически оформленная римским вещным правом, являвшимся составной частью византийского действующего права.

Каждый из названных факторов или то или иное сочетание их вызвали к жизни функционирование тех или иных византийских аграрноправовых институтов. Совокупное воздействие этих факторов привело к тому, что в целом аграрноправовой строй Византии отличался значительной спецификой. Что касается поздневизантийских аграрноправовых отношений эпохи бурного развития феодализма, то следует отметить, что воздействие античных институтов привело к особой специфике феодальных отношений, к сложной их модификации, обусловившей наличие в Византии исторически особого типа феодализма. В общем и целом византийская аграрноправовая система и структура отличались от соответствующих форм социальных интеграций Запада и Востока, однако некоторые аграрноправовые феномены Византии, возникшие под влиянием права частной собственности на землю, зафиксированного византийским вещным правом, сближают византийский аграрноправовой строй с соответствующими отношениями Запада, так как на Западе частная собственность на землю, хотя и имевшая в отличие от Византии преимущественно перархическую структуру, также являлась доминирующим фактором в развитии аграрноправовых отношений.

Другие особенности византийских аграрноправовых отношений, сформировавшиеся под влиянием сильной государственной власти и разветвленной системы налогов, оказываются сходными с соответствующими социальными институтами и отношениями стран средневекового Востока, где аграрноправовая система и структура формировались также под сильным влиянием названных факторов. В частности, системно-структурные

особенности византийских рентных отношений сочетали в себе черты, характерные для западного и восточного типа рентных отношений⁴.

В этой связи остановимся кратко на проблеме типологии частновладельческих феодальных рент. Как и всякие ренты, феодальные ренты возникали как форма компенсации собственнику со стороны держателя за владение землей. В отличие от других форм компенсации за владение чужой землей, например от арендной платы, при всяких рентах, в том числе и при феодальных, затраты труда и капитала отражаются в той или иной мере на особенностях системы и структуры рентных отношений, однако не влияют на их генезис. Отличие феодальных рент состоит в том, что они возникают в результате держания земли, осложненного наличием определенного типа личных связей между держателем и собственником. Феодальная рента не является поэтому сугубо экономическим явлением как рента капиталистическая, ее система и структура не зависят исключительно от экономической конъюнктуры, а определяются корреляцией различных социальных факторов, в частности правового и морального характера. Рента при феодализме нередко совпадает с арендной платой, поскольку не существует резкой грани между держанием и арендой. Последнее связано с тем, что большинство арендаторов не являются лично свободными людьми, а находятся в той или иной зависимости от собственника. Арендная плата в таком случае утрачивает сугубо экономический характер, отражая также и личные отношения контрагентов. То обстоятельство, что феодальные ренты не являются сугубо экономическим феноменом, проявляется, в частности, в том, что некоторые виды феодальной ренты имеют внеэкономическое происхождение, они возникают из переданных государственных налогов.

Судьба пожалованных землевладельцу государственных налогов была в разных странах и в разные периоды различной. Во многих странах феодального Востока государственные налоги после пожалования их частному землевладельцу не утрачивали своего публичноправового характера, т. е. продолжали регламентироваться публичным правом. Становясь с социально-экономической точки зрения рентой, в юридическом отношении эти ренты представляли собой ренты публичноправового характера. Распространение, а иногда доминирование рент публичноправового типа объясняется значительными масштабами социальной активности государственной власти, проводившей интенсивную экономическую политику, а также наличием разветвленной налоговой системы. Распространение публично-правовых рент свидетельствует о политике ограничения со стороны государства экономических прерогатив собственника, о вмешательстве государства в частновладельческие отношения.

Иной тип частновладельческих рент был распространен на Западе. Большинство рент имело частнопредварительное происхождение. Они возникали в каждом владении в результате корреляции многих разнородных факторов и регламентировались обычным правом, являвшимся в средние века одним из проявлений частного права. Некоторые ренты, правда, и на Западе происходили из пожалованных налогов, однако после пожалования частному земельному собственнику эти налоги утрачивали свой публичноправовой характер и регламентировались частным правом. Ренты на Западе в большей степени отражали экономическую конъюнктуру, чем

⁴ Говоря о западном и восточном типах рентных отношений, равно как и о западном и восточном типах других проявлений аграрноправовых отношений при феодализме, мы имеем в виду, естественно, наиболее общие и распространенные проявления, наиболее универсальный тип социальных связей, т. е. конструируем некую социологическую модель, отвлекаясь от многих конкретно-исторических проявлений и модификаций во времени и пространстве.

ренты на Востоке. Однако наряду с этим западный тип рент гораздо в большей степени, чем ренты на Востоке, отражал влияние личных связей. Распространение частнопредварительных рент на Западе связано с той огромной социальной ролью в системе общественных отношений, какую играла здесь в эпоху феодализма частная поземельная собственность, выступающая в форме специфической для феодализма иерархической структуры.

Рентные отношения в Византии складывались в специфических социально-экономических и политических условиях. Сильная государственная власть отличалась значительным диапазоном социальной активности и энергично вмешивалась в частновладельческие отношения. Одной из форм такого вмешательства было пожалование государственного налога частному земельному собственнику. После пожалования налог продолжал оставаться в сфере публичного права. Государственные чиновники попрежнему входили на территорию частного земельного собственника и регламентировали ставки пожалованного государственного налога, взимаемого с крестьян и переданного землевладельцу. Большинство рент, возникших из пожалованных налогов, имело, таким образом, публичноправовое происхождение, публичноправовой характер.

Однако далеко не все ренты в Византии носили публичноправовой характер. Большинство доходов землевладельца, а именно доходы, получаемые с земель, не находившихся в крестьянском держании и эксплуатируемых посредством барщины или сдачи в аренду, носили частнопредварительный характер. Некоторые из этих доходов являлись рентой. Барщина, исполняемая париками, была феодальной отработочной рентой, рентный характер носили, безусловно, и многие виды арендной платы. Поскольку земли, не находившиеся в крестьянском держании, составляли в Византии огромные комплексы, можно считать, что рента частнопредварительного характера играла немалую роль⁵. В целом византийская рента носила смешанный характер.

⁵ Что же касается поздневизантийского времени, то для него характерно увеличение доли частнопредварительной ренты в системе рентных отношений страны, а также, соответственно, рост социальной роли этого типа рент. Рост частнопредварительных рент происходит в результате превращения некоторых видов публичноправовых рент в частнопредварительные. К таким видам рент относится телос (основной вид ренты, возникавшей из пожалованного налога) некоторых категорий париков, в первую очередь телос париков, обладавших незначительным земельным наделом (менее 25 модиев). При определении ставок телоса этого вида учитывалось как движимое, так и недвижимое имущество. При этом отсутствовала денежная оценка имущества, практиковавшаяся в тот же период на Западе. Исчезли также строго установленные критерии приравнивания при обложении отдельных податных объектов друг к другу, как это имело место в позднеантичное время при Диоклетиановой системе обложения, когда существовали фискальные единицы *jugum* и *сарит*, при помощи которых определенное количество движимого имущества приравнивалось при обложении к недвижимости определенных размеров. Отсутствие денежной оценки имущества, а также четких фискальных единиц типа *jugum* и *сарит* привело к тому, что при обложении телосом париков, обладавших незначительными земельными наделами, не существовало строгих, заранее установленных норм обложения, поэтому ценность имущества определялась как бы на глаз и налоговые ставки устанавливались в соответствии с диспозитивным правом, т. е. в значительной степени в зависимости от усмотрения апографевса — чиновника, производившего опись владений и доходов с них. Апографевс при исчислении налоговой ставки мог учесть частновладельческие интересы или крупных земельных собственников, или непосредственных налогоплательщиков. Таким образом, при обложении допускался всевозможный произвол, а также предоставлялись льготы (например, подать повышалась или понижалась, несмотря на отсутствие каких-либо изменений в размерах имущества). Ф. Дэльгер считает, что льготы, предоставляемые апографевсами, и допускаемый ими произвол — это результат их недобросовестности (F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, S. 192 f.). Случаи недобросовестности апографевсов, бесспорно, имели

Под влиянием права частной собственности на землю в Византии, так же как и на Западе, значительное распространение получили пожалования со стороны верховной власти различным физическим или юридическим лицам земельных владений во временное, условное или полное, безусловное владение, тогда как на Востоке, в условиях признания мусульманским правом государственной собственности на всю государственную территорию, физическим и юридическим лицам жаловался с точки зрения права государственный налог, а не земля. Такой характер носили различного вида мусульманские икта, османский тимар и т. д. (другое дело, что *de facto* икта и тимар в результате узурпации или пожалования иктадару или тимариоту различных вещных прав на землю превращались в земельное владение)⁶. Огромная социальная роль частной собственности на землю в Византии влияла на развитие иммунитета. На протяжении всей византийской истории происходил в форме предоставления иммунитетных привилегий переход публичной власти в руки физических или юридических лиц⁷.

В то же время под влиянием сильной государственной власти система и структура византийского иммунитета существенно отличались от системы и структуры западноевропейского. Системные отличия состояли в объеме иммунитетных привилегий. До конца существования империи византийский иммунитет так и не вступил в завершающую стадию своего развития, т. е. стадию, на которой иммунитет получал привилегии во всем их возможном объеме. Византийское феодальное владение так и не превратилось в замкнутый иммунитетный округ. Структурные отличия византийского иммунитета от западноевропейского состояли в том, что в функционировании византийского иммунитета значительную роль играли податные привилегии. Известно, что структура западноевропейского иммунитета характеризовалась доминирующей ролью судебных и административных привилегий. Это отличие структуры византийского иммунитета связано также с наличием в Византии разветвленной налоговой системы.

Влияние античности на византийскую, и в частности поздневизантийскую, аграрноправовую систему и структуру проявлялось не только в опосредованном корреляционном воздействии названных разнородных факторов, связанных генетически с отношениями и институтами позд-

место. Однако нет оснований все сводить к ним. Доказательством того, что льготы и привилегии иногда отражают учет частновладельческих интересов, является, например, то, что большинство засвидетельствованных ивирскими практиками случаев увеличения по прошествии нескольких лет подати при прежнем размере хозяйства, т. е. случаев повышения нормы эксплуатации, относится к парикам, обладавшим небольшим имуществом, тогда как случаи льгот — к привилегированным членам сельской общины — священникам. По-видимому, льготы и привилегии при обложении телосом играли иногда совершенно определенную социальную роль, а именно отражали социальные различия между налогоплательщиками (К. В. Хвостова. Некоторые вопросы феодальной ренты по материалам ивирских практиков XIV в. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 264, сл., табл. 6, 7). Если льготы и привилегии повторялись, то учет частновладельческих интересов из правового прецедента превращался в постоянно действующую норму и означал переход телоса в сферу частного права, т. е. превращение ренты из публичноправовой в частноправовую.

⁶ Cf. Cahen. L'évolution de l'iqta du XI-e au XIII-e siècle. — «Annales», t. 8, 1953, № 1, p. 32 sq.; F. Lokkegaard. Islamic Taxation in the Classic Period. Copenhagen, 1950, p. 59 f.; И. П. Петрушевский. Аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М., 1960, стр. 347; В. Мутафчиева. Аграрные отношения в Османской империи през XV—XVI вв. София, 1962, стр. 44, 68, passim.

⁷ Тенденция развития иммунитетных привилегий было их постепенное расширение. См. Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. — ВВ, XII, 1957, стр. 99; его же. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 190, сл.; Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 67.

него Рима, но и в непосредственной преемственности античных институтов. Некоторые из них остались в позднее время неизменными, другие претерпели определенную метаморфозу. Далее мы постараемся показать, какова непосредственная преемственность античных традиций в византийских аграрноправовых отношениях и каково содержание происшедших изменений. Нас будет особо интересовать, состояли ли эти изменения в метаморфозе основного типа структурных связей феномена, т. е. того вида взаимодействия элементов системы, который определяет особый способ ее функционирования, придает ей замкнутый, гомогенный характер и изменение которого означает изменение самого феномена, появление новой гомогенной системы и структуры, или же произошли лишь некоторые несущественные системно-структурные изменения, которые не затронули основного типа структурных связей, и, следовательно, можно говорить о сохранении прежнего типа системы и структуры. Выявление основного типа системно-структурных связей — это сложная задача, решить которую можно в процессе детального социологического анализа функционирования системы во внешней среде.

Преемственность античности в сфере аграрноправовых отношений особенно ярко проявлялась в сфере правовой формы этих отношений. Эта преемственность выражается прежде всего в сохранении в поздней Византии римского вещного права Юстинианового периода. Византийское действующее право восприняло определение собственности и владения Юстинианова права и определенное разграничение этих институтов. Юстинианово право, как известно, понимает под владением всякое фактическое, т. е. телесное, господство над вещью. В то же время в Юстиниановом праве проводится различие между владением физическим и владением юридическим. Физическое владение — это фактическое телесное обладание вещью, называемое также естественным владением или держанием (*possessio naturalis, detentio*). Юридическое владение — это владение, при котором владелец высказывает намерение обладать вещью как собственностью⁸, т. е. имеет *animus possidentis*. Примером естественного владения, или держания, являлись земли, находившиеся в аренде у колонов, и пекулий рабов⁹, а в позднее время — держания париков. «Василики» и «Шестикнижье» Арменопула также проводят различие между юридическим и физическим владением¹⁰. Юридическое владение иногда совпадало, а иногда не совпадало с собственностью¹¹; кроме того, юридическое владение по истечении определенного срока превращалось в собственность¹². Аренда *μεθεωτική χορηγή*, т. е. физическое владение, не могла перейти в собственность¹³. В то же время аренда колонов, а затем париков переходила в Византии в их наследственные держания. По закону императора Анастасия от 491 г. после 30 лет аренды участка колоны не могли быть согнаны с земли. Они прикреплялись к земле и считались наследственными владельцами. По-видимому, это постановление

⁸ В. М. Хвостов. История римского права. М., 1916, стр. 272; *Corpus juris civilis*, vol. I. *Digesta*, ed. P. Krueger. Berolini, 1954, XLI, II, 1, p. 697; XLI, II, 3, p. 698.

⁹ *Dig.*, XLI, II, 3, p. 698.

¹⁰ *Basilicorum libri LX*, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1870, lib. L, tit. II, § 61, p. 54; *Constantini Armenopuli Hexabiblos*, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851, lib. II, tit. 4, p. 204 sq.

¹¹ В. М. Хвостов. История римского права, стр. 247.

¹² *Dig.*, XLI, II, 1, p. 697; *Corpus juris civilis*, vol. II. *Codex Justinianus*, ed. P. Krueger. Berolini, 1954, lib. VII, 33, p. 308; *Basilicorum libri LX*, lib. L, tit. I, § 9, p. 39; tit. II, § 25, p. 50; tit. III, § 3, p. 54; tit. X, § 1, 4, p. 71; tit. XI, § 1, p. 71; *Constantini Armenopuli Hexabiblos*, lib. II, tit. 4, p. 204 sq.

¹³ *Constantini Armenopuli Hexabiblos*, lib. II, tit. 4, p. 206.

имело юридическую силу и в поздней Византии. Практик Мамицоны свидетельствует о том, что ряд парических стасей произошел из аренды¹⁴. Владение по римскому классическому и Юстинианову праву, а также согласно «Василикам» и «Шестикнижью» Арменопула противопоставлялось собственности¹⁵. В «Дигестах» и «Василиках» специально подчеркивается, что собственность отличается от владения. Это отличие заключается в том, что юридическое владение прекращается, если владелец откажется от намерения обладать вещью, т. е. если он утратит *animus possidendi*, тогда как право собственности, означающее наиболее полное господство над вещью в пределах действующего права¹⁶, не уменьшается от нежелания собственника иметь собственность¹⁷.

Итак, в Византии сохранились в силе правовые нормы Юстинианова права, относящиеся к определению правового статуса владения и собственности. Эти правовые нормы не были юридической фикцией, они отражали действительно существовавшие на протяжении всей византийской истории правоотношения собственности и владения. В частности, правовая система византийской собственности во многом восходит к античным отношениям собственности. На протяжении всей византийской истории сохранялась полная безусловная собственность, являвшаяся в юридическом отношении римской квинтитской собственностью. Этот тип собственности был представлен безусловными вотчинами, не обязанными какими-либо государственными службами. В социально-экономическом отношении эти вотчины в Византии были весьма различны. Наряду с крупной вотчиной феодального типа имелись вотчины свободных крестьян, плативших государственные налоги. Существовали и другие виды собственности, которые в юридическом отношении были аналогичны видам античной собственности. Имелись общинные земли, собственность казны, императорские домены, стратиотские наделы. Однако если на протяжении веков византийской истории сохранялись основные виды собственности, характерные для системы античной собственности, то изменилась степень распространенности этих видов собственности, их социальная роль, особенности их функционирования в общественной системе правоотношений собственности в целом. Иными словами, произошли структурные изменения античной собственности: сильно сократилась свободная крестьянская собственность, постоянно поглощаемая крупным землевладением, значительно уменьшилось стратиотское землевладение. В изменении структуры античной собственности в Византии, равно как и других форм собственности, существенную роль сыграло также появление новых форм общественного ограничения собственности.

Известно, что всякая собственность в любые эпохи подвергается социально-политическим ограничениям, не затрагивающим ее правовой статус. В период античности, а также на Западе в средние века и в Византии собственность подвергалась ограничениям в форме многочисленных *jura in re aliena*, главным образом сервитутов. Наряду с названными общественными ограничениями, характерными для ряда обществ, в каж-

¹⁴ Actes de Chilandar, ed. L. Petit. — BB, XVII, 1911. Приложение, № 92.61.

¹⁵ Dig., XLIII, 17.1, p. 738.

¹⁶ В. М. Хвостов. История римского права, стр. 107.

¹⁷ Dig., XLI, II, 17, p. 700; *Basilicorum libri LX, lib. I, tit. II, § 46, p. 50*. О праве собственности и владения по Юстинианову праву, о некоторых изменениях в представлениях о собственности см. F. Cuq. *Les institutions juridiques des Romains*, t. 2. Paris, 1902, p. 819, 825; J. Declareuil. *Rome et l'organisation du droit*. Paris, 1924, p. 389, sq.; E. Levy. *West Roman Vulgar Law. The Law of Property*. Philadelphia, 1951, p. 27, 32; C. A. Cannata. *Possessio, possessor, possidere nelle fonti giuridiche del Basso impero romano. Contributo allo studio del sistema dei rapporti reali nell'epoca postclassica*. Milano, 1962, passim.

дом государстве существовали свои общественные ограничения собственности, отражавшие особенности данной социально-политической гомогенной системы. В Византии имелись многие формы общественного контроля над сферой частноправовых отношений, в том числе и отношений собственности. Некоторые из этих ограничений, как, например, запрещение динатам при императорах Македонской династии скупать крестьянскую землю, носили провизорный характер, другие — например определенные формы регламентации рентных отношений — характерны для всей истории Византии.

Ряд структурных изменений, относящихся к античной форме собственности, не затрагивает, однако, основного типа структурных связей, который состоит в значительном распространении и большой социальной роли форм полной безусловной собственности. Функционирование и значительная роль в поздней Византии форм полной безусловной собственности — существенная особенность византийского аграрноправового строя, выделяющая Византию среди стран феодального мира, где господствовала иерархическая структура собственности, известная в западноевропейском средневековом праве как *dominium directum* и *dominium utile*.

Следует также учесть, что в позднее время произошли известные изменения не только в структуре античной собственности как таковой, но изменилась структура, равно как и система отношений византийской собственности в целом. Последнее связано с появлением ряда новых видов собственности, отражавших новые не только социально-экономические, но и правовые отношения. К этим видам относится служилая вотчина и прония — условное земельное владение типа бенефиция и лена. Характеристика этих новых форм собственности, поистине преобразовавших систему и структуру византийских правоотношений собственности, не входит в нашу задачу, поскольку нас интересует только преемственность античных форм собственности в византийскую эпоху. Необходимо, однако, обратить внимание на следующий чрезвычайно важный момент. Говоря о сохранении в позднее время системы и структуры античной собственности, мы имеем в виду исключительно правоотношения. Что же касается социально-экономических отношений, то, естественно, они претерпели со времени античности огромные изменения. В этой связи остановимся вкратце на сложной проблеме соотношения социально-экономического и юридического проявлений отношений собственности.

Необходимо четко различать несколько аспектов понятия собственности. Прежде всего нельзя забывать, что собственность — это понятие философское, социально-экономическое, правовое, морально-этическое, психологическое. В советской исторической, экономической и социологической литературе собственность зачастую трактуется очень односторонне. Рассматривается или только ее социально-экономический аспект, или проводится неоправданное смешение юридического и социально-экономического проявлений собственности. Совершенно забывается моральная сторона проблемы собственности, тесно связанная с ее юридическим аспектом, а также ее философское и психологическое содержание. Подобный подход к проблеме собственности, игнорирующий ее юридический аспект, наносит особый ущерб при рассмотрении феодальной собственности. Дело в том, что при феодализме собственность *de jure* и *de facto* очень часто не совпадали. При капитализме также возможны случаи подобного несовпадения, но реже. При феодализме же, например в странах мусульманского Востока, где юридически признавалось право собственности государства на земли подданных, частная собственность юридически имела ограниченное распространение, однако существовала *de facto*, т. е. как социально-экономическое отношение. Ярким образцом смешения социально-экономиче-

ского и юридического аспектов собственности при феодализме являются некоторые обобщающие работы социологического характера, посвященные проблеме собственности¹⁸. Для зарубежных исследований типично, наоборот, выпячивание на первый план юридического содержания собственности и умалчивание о ее социально-экономическом содержании¹⁹. Марксистские социологи и историки, естественно, не могут признать справедливой сугубо юридическую трактовку собственности. Однако неправомерным является и полное игнорирование этого аспекта (равно как и других вышеперечисленных аспектов) или его смешение с социально-экономическим. Необходимо четко определить и разграничить собственность как социально-экономическую и как юридическую категорию. В советской литературе утвердилось определение собственности с социально-экономической точки зрения как исторически обусловленной формы распределения материальных благ. Поземельная собственность в таком случае — это исторически обусловленная форма распределения земельного комплекса данного общества между отдельными его членами, связанная с особенностями производства. В новейшей экономической литературе появилась точка зрения, оспаривающая названное определение собственности. В книге чехословацкого экономиста О. Шика собственность определяется как постоянный процесс производства, распределения и потребления²⁰. По существу О. Шик отождествляет собственность с производственными отношениями. Подобная точка зрения не представляется справедливой. Собственность — это основа определенного типа производственных отношений. Отождествление собственности с производственными отношениями означает смешение генетического аспекта проблемы производственных отношений с аспектом системно-структурных интеграций. В юридическом отношении собственность — это право наиболее полного распоряжения вещью в пределах действующего права.

Функционирование римского правопорядка в поздней Византии происходило не только в сфере правоотношений собственности, но и в сфере владельческих отношений. Это проявилось в юридическом статусе поздневизантийской парикии. Парики, как и колоны, владели землей *alieno nomine*, т. е. имели право физического, а не юридического владения землей, не имели права собственности. Владение париками землей *alieno nomine* свидетельствует о сохранении поздневизантийской парикией основного типа структурных связей, отличающего положение позднееримских колонов. Однако отмеченное сходство в положении поздневизантийских париков и античных колонов не позволяет полностью отождествлять положение тех и других²¹.

¹⁸ М. В. Колганов. Собственность. Докл. капиталистические формации. М., 1962; Л. И. Дембо. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954.

¹⁹ См., например, G. B. Richardson. Economic Theory. London, 1964, p. 111; A Concise Law Dictionary, ed. P. G. Osborn, 5th ed. London, 1964, p. 231.

²⁰ О. Шик. Экономика, интересы, политика. М., 1962, стр. 281.

²¹ Подобное мнение имеет распространение в науке. См. P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. — «Revue historique», t. 220, 1958, p. 86 sq.; N. G. Svoronos. Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. — «Annales», t. 11, 1956, p. 327; Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1960, № 2, стр. 102. Некоторые черты сходства колонов-знапографов и париков признает Ф. Дэльгер. См. F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrh. für Athoskloster Iberon. — «Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wiss.», N. F., Bd. 28. München, 1949, S. 19. Anm. 45; idem. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. — In: «Byzanz und die europäische Staatenwelt». Ettal, 1953, S. 226; idem. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Berlin, 1960, S. 67, Anm. 1. Из советских исследователей Е. Э. Липшиц придерживается мнения о сходстве положения позднееримских и ранневизантийских колонов-зна-

Наряду со сходством в структуре парикии и колоната имелись и определенные различия. Так, за поздневизантийским париком признавался больший элемент *animus possidentis*. Это обстоятельство нашло свое отражение в различии формуляров поздневизантийских практиков и позднееримских кадастров.

В основу византийских практиков XIV в. был положен формуляр первичных позднееримских кадастров²². Особенностью этого формуляра, отличающего первичные кадастры от вторичных, было то, что в них не применялись фискальные единицы *jugum* и *caput*, земля фиксировалась в единицах земельной площади, а люди и скот просто перечислялись²³. В кадастрах вторичных земли группировались в фискальные единицы *jugum*, а зависимые держатели и скот — в единицы *caput*²⁴. Однако формуляр поздневизантийских практиков имел и некоторые отличия от формуляра позднееримских кадастров. Одно из отличий сводилось к тому, что в позднееримских первичных кадастрах земля, находившаяся в держании колонов и переданная рабам в пекулий, фиксировалась в той же рубрике, что и остальная земля данного землевладельца, не переданная в держания зависимому населению²⁵. Таким образом, держания колонов и рабов не рассматривались как принадлежавшее им имущество. Иными словами, способ фиксации был таков, что не проводилось различия между землей, переданной в держание колонам и рабам, и находившейся в непосредственном распоряжении крупного земельного собственника. Такой же способ фиксации земли применялся и в кадастрах вторичного вида, с той только разницей, что в кадастрах этого вида земля группировалась в фискальные единицы *jugum*²⁶. По-видимому, можно считать, что способ фиксации в позднееримских кадастрах земли, переданной в держание колонам и находившейся в пекулии у рабов, вместе с остальной землей крупного землевладельца, эксплуатируемой иными путями, как раз и отражает то обстоятельство, что права юридического владения, *animus possidentis* на

пографов и поздневизантийских париков. Е. Э. Липшиц считает, что по своему положению позднееримские рабы существенно отличались от рабов классической эпохи; положение их весьма схоже с положением поздневизантийских париков. Положение позднееримских и ранневизантийских колонов также, по мнению Липшица, приближается к положению поздневизантийских париков (см. Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. — ВИ, 1961, № 6, стр. 101; е е же. Очерки византийского общества и культуры в VIII в. М., 1961, стр. 118). Е. Э. Липшиц указывает на то, что в «Дигестах» о рабском пекулии говорится как о *quasi patrimonium* (Е. Э. Липшиц. Пути формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. — ВВ, XIII, 1956, стр. 38). Однако те же «Дигесты», как уже говорилось, в другом месте совершенно точно, а не образно, как в данном случае, определяют юридический статус рабского пекулия и держания колона как физическое владение, или держание, как владение, при котором отсутствует *animus possidentis*, т. е. владелец признает свою зависимость от другого владельца или собственника. Точку зрения исследователей, отождествляющих положение колонов с положением позднееримских колонов и рабов, критикует Б. Т. Горянов (Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм, стр. 413 сл.). Однако он не подкрепляет свою критику какими-либо аргументами и не обосновывает также свою точку зрения о различии положения париков и колонов.

²² В позднееримское время существовало два типа кадастров — первичные и вторичные. Первичные кадастры составлялись на основе донесений налогоплательщиков об имевшемся у них имуществе. Вторичные кадастры составлялись на основе первичных и применялись для исчисления налога. См. J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958, S. 46; A. Déleage. Le capitacion du Bas-Empire. Macon, 1945, p. 66, 173, passim.

²³ J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen..., S. 46.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Об этом свидетельствуют типы кадастров, воспроизведенные И. Караяннопулосом (J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen..., S. 48).

²⁶ Ibid., S. 50, 51.

земли, находившиеся в держании колоннов и рабов, принадлежали крупным земельным собственникам, а колонны и рабы были только физическими владельцами²⁷.

Совершенно иной способ фиксации недвижимости характерен для поздневизантийских практиков. Земля, находившаяся во владении париков, всегда записана в тот стих (графу) практика, который содержал описание имущества и состава семьи данного парика. Отмеченное отличие в способах фиксации земли, находившейся в распоряжении поздневизантийского парика и переданной в держание позднеримским и ранневизантийским колоннам и рабам, отражает, по-видимому, то обстоятельство, что в отношении владельческих прав поздневизантийских париков признавались некоторые элементы прав юридического владения, т. е. *animus possidentis*. Признание за поздневизантийскими париками больших элементов *animus possidentis*, по сравнению с позднеримскими колоннами, объясняется, по-видимому, длительной исторической традицией фактического владения землей со стороны зависимого населения, а также воздействием процессуального права, в котором парики, равно как и колонны, иногда рассматривались как *quasi despoti*, и генетически связано с тенденцией превращения паричского держания во владение особого юридического статуса независимого от личности держателя. Есть сведения о том, что паричская стась сохраняла свой характер владения особого юридического статуса, даже если она оказывалась покинутой своим владельцем. В практиках Ивирского монастыря упоминаются покинутые стаси Птохоианна и Скиомата, не переданные вновь во владения парикам и записанные в той же рубрике, что и земля, не поделенная на стаси²⁸. По-видимому, эти покинутые стаси перешли в собственность монастыря, и подать с них должна была взыскиваться впредь также непосредственно с монастыря (на практике она делегировалась монастырю), тем не менее эти стаси сохранили свое название паричских стасей и не смешивались с остальной землей, не поделенной на стаси. Подать с этих стасей также фиксировалась отдельно от налога с земель, не поделенных на стаси. Вероятно, эти стаси землевладелец мог вновь передать в держание парикам, и в таком случае подать, взимавшаяся со стасей, вновь перекладывалась с монастыря на париков. Подать определенного размера, таким образом, как бы становится неотъемлемым элементом данной стаси.

Перед нами явление, весьма сходное с положением на средневековом Западе, где, как известно, рента с каждого конкретного надела закреплялась, обычаем и не зависела от того, кто являлся держателем этого надела. Таким образом, в Византии начинает складываться понятие зависимого, подчиненного надела — явление, которое в сербском средневековом праве нашло весьма точное определение «меропшеска баштина», т. е. зависимое наследственное владение зависимого крестьянина, статус которого не меняется от того, принадлежит ли это владение крестьянину или попадает в непосредственное распоряжение крупного земельного собственника.

К сожалению, неизвестно, насколько прочно в византийское правосознание вошла практика противопоставления паричской стаси владениям,

не поделенным на стаси — домениальным землям и землям, переданным в аренду, т. е. понималось ли такое противопоставление как правовой прецедент или как правовая норма. Иными словами, неясно, стало ли понятие «паричская стась» неотъемлемым атрибутом всякого паричского надела. Не исключено, что иногда, если парик покидал свой надел, покинутая стась теряла характер надела определенного правового статуса и приобщалась к остальной земле, не поделенной на стаси. Ивирские практики неоднократно упоминают о покинутых землях, не называя их первоначальных держателей, включенных в общий комплекс земель, не находившихся в паричском держании. Иными словами, понятие «паричская стась» как определенный правовой институт, по-видимому, находилось в XIV в. еще в стадии формирования.

Таким образом, в структуре владельческих прав зависимого крестьянства поздней Византии произошли по сравнению с соответствующими правами античных колоннов известные структурные изменения, состоявшие в признании за париками большего элемента *animus possidentis* по сравнению с положением античных колоннов. В то же время сохранился основной тип структурных связей: зависимое население по-прежнему признавалось владельцем земли *alieno nomine*.

Структура византийской парикии позднего времени отличалась от позднеримского колоната не только в отношении объема юридических прав на землю, но и с точки зрения особенностей эксплуатации. Мы уже отмечали, что основным компонентом византийских феодальных рент были ренты частнопроводного характера. Ренту частнопроводного характера платили также и позднеримские колонны. Наряду с частнопроводной рентой и колонны и поздневизантийские парики платили государственные налоги. Однако структурные особенности эксплуатации колоннов состояли в преобладании централизованного типа эксплуатации посредством взимания налогов, тогда как для структуры эксплуатации париков характерно, как отмечалось выше, постоянное возрастание роли частнопроводной ренты.

Непосредственное влияние античных традиций чрезвычайно ярко проявилось в сфере налогообложения. До конца существования империи в Византии по существу сохранились основные черты Диоклетиановой системы и структуры налогообложения. Эта система никогда официально не отменялась и ни разу не подверглась существенному реформированию, хотя на протяжении столетий под влиянием сложного переплетения различных общественных, политических и правовых факторов она претерпела, естественно, определенные изменения²⁹.

²⁹ Существует точка зрения, согласно которой определенные изменения в структуре Диоклетиановой системы обложения произошли в VII в. Эти изменения будто бы заключались в исчезновении единства между подушной и поземельной податями. Литературу вопроса см. в историографическом обзоре: А. П. Каждан. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917—1959). — ВВ, XXII, 1963, стр. 127 сл. Однако, как показали новейшие исследования, единство подушной и поземельной податей отнюдь не составляло основного типа структурных связей Диоклетиановой системы. Нередко подушная и поземельная подати взимались отдельно. Есть также мнение, согласно которому основные принципы Диоклетиановой системы оставались в силе на протяжении всей византийской истории. Так полагает, в частности, Ф. Дэльгер (F. Dölger. Beiträge..., S. 48). В то же время он считает, что от конкретных финансовых учреждений Диоклетиановой системы в поздней Византии не осталось камня на камне (*ibid.*, S. 9). Однако Дэльгер не показывает, в чем конкретно в средне- и поздневизантийский период проявились черты, свойственные Диоклетиановой системе. А. П. Каждан пытается доказать, что в позднее время принципы этой системы окончательно исчезли (А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 145). Однако он слишком схематично подходит к проблеме. Многие его выводы представляются нам неверными.

²⁷ Впрочем, приведенные Караяннопулосом таблицы создают не совсем точное впечатление относительно действительного состояния позднеримских кадастров. Из таблиц следует, что земля во всех случаях без исключения фиксировалась как принадлежавшая земельному собственнику. Однако в кадастре с о. Лесбоса в некоторых случаях земельные держания фиксируются как принадлежавшие арендаторам, называемым *γεωργοί* (Inscriptiones Graecae. Berolini, 1848, vol. 12, f. 2: Inscriptiones insularum maris Aegaei, p. 36, 79 b. 5; 79 b. 9). По-видимому, в данном случае подразумеваются свободные арендаторы, имеющие *animus possidentis*.

²⁸ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika, A 155—157, S. 126.

Сохранение в поздневизантийский период основных особенностей Диоклетиановой системы и структуры проявилось, в частности, в том, что в Византии, как и в Диоклетианово время, был распространен поземельный налог на средний урожай, взимаемый в соответствии с качеством земли³⁰. Зависимое и непривилегированное население уплачивало в Византии, так же как и в Диоклетианово время, не поземельный налог как таковой, а совокупный подушно-поимущественный сбор, называемый телосом, исчисление и взимание которого основывалось на методе механического приравнивания отдельных податных объектов друг к другу.

Функционирование в Византии подушно-поимущественного принципа обложения, выступавшего в названной примитивной форме, и сохранение поземельного налога, взимаемого в зависимости от качества земли, свидетельствуют о сохранении основного типа структурных связей Диоклетиановой системы. Именно отмеченные качества придают Диоклетиановой системе специфический характер, определяя особый тип ее функционирования и отличая ее от других исторически известных типов систем налогообложения. Следует отметить, что в позднее время сохранился не только основной тип структурных связей Диоклетиановой системы, но и многие другие ее структурные связи, отражающие конкретные формы проявления основного принципа налогообложения. В то же время некоторые структурные связи, характерные для Диоклетиановой системы, претерпели в позднее время существенные изменения. Кое-какие изменения произошли и в системе обложения. Постараемся конкретно проследить состояние системно-структурных связей, характерных для Диоклетиановых форм обложения в позднее время.

В поздней Византии, так же как и в Диоклетианово время, существовало несколько видов налога с зависимого и непривилегированного населения. При обложении телосом париков, обладавших значительными земельными наделами (больше 25 модиев), основным объектом обложения являлась земля; движимое имущество, а также число членов семьи не оказывали значительного влияния на размер телоса. Хорошо обеспечены землей были парики, зафиксированные в практике стримонских владений Хиландаря³¹, а также парики, записанные в практике деревни Мамидона³². Парики этих владений уплачивали 1 перпер с 25—100 модиев земли. Многие парики владений Радоливо, Добровикия, Овил, принадлежавших Ивирскому монастырю и записанные в практиках 1316 и 1341 гг., имели значительные наделы под виноградниками. Телос этих париков зависел в основном от размеров земельной площади, засаженной виноградником: с 4 модиев взимался 1 перпер³³.

Итак, в рассмотренных практиках налог в 1 перпер соответствует 25—100 модиям пахотной земли и 1—4 модиям земли под виноградником. Но чем же объяснить колебания в нормах обложения? Бесспорно, отсутствует какая-либо единая причина. Указанные колебания объясняются сложным корреляционным воздействием ряда факторов. Прежде всего колебания в норме обложения могут быть отнесены за счет качества земли³⁴. Возможно, колебания в ставках объясняются также учетом при

обложении движимого имущества. Определенную роль в колебании налоговых ставок играли, несомненно, и внеэкономические факторы: имели место произвол апографевсов и льготы, предоставляемые отдельным налогоплательщикам. Колебания в налоговых ставках с земель, засаженных виноградником, возможно, объясняются тем, что нередко к площади под виноградником причислялась и некоторая, отдельно не обозначенная площадь под садом.

Несмотря на значительные колебания в ставках, рассмотренные случаи показывают, что для структуры налогообложения характерны минимальные и максимальные нормы обложения, зависящие от размеров земли. Эти нормы, т. е. 1 перпер с 25—100 модиев пахотной земли и 1 перпер с 1—4 модиев земли под виноградником, совпадают с нормами обложения государственным налогом в трактатах землемеров XIII в.³⁵ Кроме того, эти нормы иногда весьма близки, а иногда полностью совпадают с нормами обложения земель, не поделенных на стаси, в поздневизантийских практиках.

Определенная функциональная зависимость минимальных и максимальных ставок от размеров земли, отличающая структуру телоса рассматриваемого вида, показывает, что телос поздневизантийских париков, имевших значительные земельные наделы, — это по существу поземельная подать, которая весьма близка к некоторым видам *capitatio* Диоклетиановой системы. По-видимому, этот вид телоса близок по своей структуре и структуре *capitatio* того вида, при котором поземельная подать сливается с подушной и податью за скот, в то время как основным объектом обложения является земля³⁶. Мы говорим — по-видимому, так как не исключено, что при взимании телоса рассматриваемого вида движимое имущество хотя и фиксировалось в практиках, но не оказывало никакого влияния на размеры подати. Телос в таком случае обнаруживает сходство с *capitatio terrena*³⁷.

Если парики, записанные в рассмотренных практиках, обладали значительными земельными наделами, то большинство париков, зафиксированных в практиках Ивирского монастыря, главным образом парики деревень Мелинциан, Гомат, Иериссо, записанные в практиках 1301, 1316, 1321 и 1341 гг., а также парики, записанные во многих других известных нам практиках, или имели незначительные земельные наделы (менее 25 модиев), а также незначительные наделы под виноградниками, или же не имели земельных наделов вовсе³⁸. Основным объектом при обложении этих париков являлось все имущество в целом, как движимое, так и недвижимое (или при отсутствии недвижимости — только движимое). При больших размерах движимого имущества, главным образом скота, величина подати зависела в основном от размеров этого вида движимости³⁹. При полном отсутствии земли подать взималась за движимое имущество⁴⁰. В какой-то мере учитывалось и число членов семьи. При полном отсутствии всякого как движимого, так и недвижимого

что качество земель париков не указывается, так как такое обозначение в отношении каждой паричской стаси чрезвычайно усложнило бы формуляр практика.

³⁰ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. — «Труды VI археологического съезда», т. II. Одесса, 1888, стр. 307.

³¹ A. Déleage. La capitation du Bas-Empire, p. 167.

³² Этот вид *capitatio* имел распространение в Македонии и Фракии в IV в. См. A. Déleage. La capitation du Bas-Empire, p. 205; А. Ранович. Колонат в римском законодательстве II—V вв. — ВДИ, 1951, № 1, стр. 88.

³³ См. табл. № 1—3 в нашей статье «Некоторые вопросы феодальной ренты по материалам ивирских практиков», стр. 248—256.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁰ Об этом подробно см. К. В. Хвостова. К вопросу об особенностях налогообложения в Византии. — ВВ, XXVI, 1965.

³¹ В. Мошин. Хиландарски практик. — «Споменик САН», № 91. Београд, 1939, стр. 193 сл.

³² Actes de Chilandar, № 92.

³³ F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., S. 189.

³⁴ Правда, в поздневизантийских практиках при описании паричской земли качество ее не указывается, однако о качестве земли всегда говорится при описании не поделенных на стаси земель. Можно предполагать, что качество учитывалось и при обложении крестьянских земель, и нет ничего удивительного в том,

имущества парики уплачивали все же небольшой подушный сбор. Телос малоземельных париков генетически восходит и повторяет систему и структуру *capitatio* Диоклетиановой системы, при взимании которой подать на землю, скот и подушная подать сливаются воедино и при этом величина подати определяется количеством скота⁴¹. Телос безземельных париков не отличается от *capitatio animalium* Диоклетиановой системы. Если число членов семьи оказывало влияние на размер телоса этого вида, то в таком случае телос аналогичен тому виду *capitatio*, при котором подать за скот и подушная подать сливаются в единую ставку. Телос полностью неимущих париков аналогичен *capitatio humana* и *capitatio plebeia*⁴².

Итак, система и структура различных видов византийского телоса обнаруживают определенные черты сходства с системой и структурой различных видов *capitatio* по Диоклетиановой системе обложения зависимого и непривилегированного населения, которые пристокают из генетической связи поздневизантийской системы обложения с Диоклетиановой.

Сходство поздневизантийской и Диоклетиановой систем и структур обложения зависимого населения, как уже говорилось, не исключает ряда отличий названных систем и структур. Не будь этих отличий, мы вообще не говорили бы о генетической связи двух форм налогообложения, а констатировали бы неизменное на протяжении столетий существование Диоклетиановых форм налогообложения. Понятие генезиса, однако, предполагает известное отличие феноменов, находящихся в генетической связи.

Отличие поздневизантийских форм налогообложения от Диоклетиановых состоит в исчезновении к позднему времени фискальных единиц *jugum* и *caput*, которые в Диоклетианово время служили для группировки различных податных объектов в целях приравнивания их ценности при обложении⁴³. Впрочем, метод приравнивания отдельных податных объектов друг к другу в целях обложения составлял, несмотря на исчезновение фискальных единиц *jugum* и *caput*, существенную структурную особенность и поздневизантийской системы обложения, обуславливая, как уже отмечалось, функционирование прежнего типа основных структурных связей. Парики, обладавшие большим количеством скота, платили, как правило, не менее высокие подати, чем парики, обладавшие значительным количеством земли. Как уже отмечалось, в Византии до конца ее существования так и не возникла денежная оценка стоимости имущества. Отдельные виды имущества, как об этом свидетельствуют практики, только перечислялись, их стоимость учитывалась как бы на глаз. Примитивные архаические принципы взимания телоса, характерные для структуры византийского налогообложения и отличавшие его от обложения во многих странах средневековой Западной Европы, объясняются, несомненно, воздействием структурных принципов Диоклетиановой системы, именно влиянием характерного для Диоклетиановой структуры метода механического приравнивания ценности различных податных объектов без их денежной стоимостной оценки. Таким образом, в позднее время произошли известные модификации в способах приравнивания отдельных податных объектов друг

к другу, свидетельствующие, бесспорно, об известных изменениях в структуре. В то же время сохранился неизменным основной принцип приравнивания податных объектов, являющийся компонентом основных принципов структуры, основного типа структурных связей.

Некоторые изменения в позднее время по сравнению с Диоклетиановым периодом произошли также в форме подушного принципа обложения. В некоторых случаях остается неясным, в какой мере число налогоплательщиков влияло на величину подати и влияло ли оно вообще. Дэльгер считает, что в позднее время число налогоплательщиков не учитывалось при обложении⁴⁴. Бесспорно, источники не дают возможности проследить четкую функциональную связь между числом налогоплательщиков и высотой подати. Однако, поскольку налогоплательщики неизменно перечисляются в практиках, по-видимому, высота подати находилась в определенной корреляционной зависимости от их числа. Что же касается того, что эту зависимость трудно определить, то это связано с исчезновением фискальной единицы *caput*, в силу чего, как уже отмечалось, приравнивание податных объектов стало в высшей степени неопределенным и зачастую произвольным. Эта же неопределенность и произвольность характеризуют и учет парического имущества при обложении, что также связано с исчезновением *jugum* и *caput*.

В некоторых случаях, тем не менее, можно обнаружить корреляционную зависимость между числом налогоплательщиков и высотой подати. Более многочисленные семьи уплачивали, как правило, более высокий телос. Например, в деревне Иериссо в 1301 г. наиболее многочисленные семьи, состоявшие из 9 и даже 14 человек, уплачивали наивысшую в этой деревне подать в 1,5 перпера. Причем у семьи, состоявшей из 14 человек, хозяйство было сравнительно невелико (2 коровы, 1 зевгарь, 2 модия под виноградником и 2 модия хорафиев). Для данной деревни в указанный период это хозяйство средней величины, так что, очевидно, на высоту подати оказало влияние число членов семьи. Небольшое хозяйство было также у семьи из 9 человек⁴⁵.

Итак, некоторые рассмотренные особенности поздневизантийской системы и структуры налогообложения зависимого населения свидетельствуют о преемственности как основного типа структурных связей, так и некоторых других особенностей структуры налогообложения тех же категорий населения по Диоклетиановой системе. Наряду с этим произошли определенные системно-структурные изменения, свидетельствующие об известных модификациях Диоклетиановой системы на протяжении столетий. Преемственность некоторых античных институтов в сфере обложения говорит об известном отставании византийской системы налогообложения по сравнению с системами налогообложения в Европе того времени, где внедрялся подходящий принцип обложения и применялась денежная оценка имущества.

Перейдем далее к рассмотрению еще одной особенности поздневизантийского налогообложения, также связанной с влиянием античных правовых и фискальных элементов на аграрноправовой строй и одновременно свидетельствующей, с одной стороны, о сохранении античных традиций, а с другой — о возникновении новых явлений, отличающих структуру и систему поздневизантийских аграрноправовых отношений от соответствующих отношений античности.

⁴¹ A. Déléage. La capitation du Bas-Empire, p. 167.

⁴² J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen..., S. 24 f.

⁴³ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 140 сл. О фискальных единицах *jugum* и *caput* см. A. Pigniol. La capitation de Dioclétien. — «Revue historique», t. 176, 1935, p. 10; F. Lot. Nouvelles recherches sur l'imrôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire. Paris, 1955, p. 161, 182, passim; J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen..., S. 41.

⁴⁴ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika, S. 15, Anm. 35. Впрочем, раньше Дэльгер признавал зависимость поздневизантийского телоса от числа налогоплательщиков (idem. Beiträge..., S. 52).

⁴⁵ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika, A 131/132, 140/141.

Выше мы отмечали, что в основу поздневизантийских практиков был положен первичный позднеимперский кадастр. В этих кадастрах скот, находившийся во владении колонов или переданный в держание рабам, фиксируется в графе, в которой указываются сами рабы, колоны и члены их семьи⁴⁶. В конце кадастра иногда отдельно перечисляется скот, находившийся в непосредственном распоряжении землевладельца⁴⁷. В кадастрах вторичного вида весь скот, находившийся как во владении колонов и рабов, так и в непосредственном распоряжении землевладельца, фиксируется или в особой графе, или в одной графе вместе с рабами и колонами⁴⁸, или же отдельно фиксируется скот, принадлежавший рабам и колонам, и отдельно — находившийся в непосредственном распоряжении крупных земельных собственников⁴⁹.

Хотя в основу поздневизантийских практиков был положен тип первичного кадастра, формуляр этого кадастра, как уже отмечалось, претерпел значительные изменения. В поздневизантийских практиках скот, находившийся в непосредственном распоряжении землевладельца, вообще не фиксировался; фиксировался только скот, принадлежавший парикам. Такое изменение формуляра поздневизантийских практиков по сравнению с позднеимперскими кадастрами, бесспорно, свидетельствует об определенных изменениях в структуре обложения. В позднее время скот, принадлежавший непосредственно землевладельцу, перестал учитываться при обложении, а учитывалась только земля. Подать с крупных привилегированных землевладельцев, таким образом, приобретает характер сугубо поземельной подати. Но поскольку при обложении парических стасей скот по-прежнему учитывался, можно считать, что структура системы обложения основным налогом претерпела к этому времени изменения, состоявшие в появлении сословного принципа обложения. Вернее, изменение структуры состояло в появлении новой формы сословного принципа обложения, так как указанный принцип обложения, хотя и в другой форме, существовал и в Диоклетианово время. Согласно Диоклетиановой системе, крупные собственники не платили подушную подать, тогда как зависимое население, а также свободное крестьянство уплачивали *capitatio humana* и *capitatio plebeia*⁵⁰. В поздневизантийское время изменилась социальная роль подушного принципа обложения непривилегированного и зависимого населения. Однако этот принцип, хотя и в видоизмененной форме, продолжал функционировать в позднее время. Мы видели, что неимущие парики уплачивали подушный сбор. Кроме того, наряду с подушным принципом обложения непривилегированного и зависимого населения появляется новая форма сословного принципа обложения, заключающаяся в том, что крестьянство — как зависимое, так и свободное — платило подушно-поимущественный сбор — телос, т. е. налог за движимое и недвижимое имущество, а привилегированные землевладельцы-феодалы подлежали обложению только поземельным налогом. Ограниченное количество источников не дает возможности более или менее точно определить время появления названного изменения в структуре, мы можем только констатировать наличие этого изменения в позднее время.

Вопрос о разных принципах обложения парических стасей и земель, не находившихся в парическом держании, т. е. по существу вопрос о сослов-

ном принципе обложения, был поставлен Н. Звороносом, хотя он и не употребляет этого определения.

Однако мы не можем согласиться как с постановкой вопроса, так и с выдвинутой им аргументацией. Н. Зворонос характеризует телос как совокупный налог, состоявший из синоны, капникона и поземельного налога⁵¹. Такое определение делается на основании практика 1073 г., но следовало бы сказать, что система телоса позднего времени изменилась. В этот период телос не имел в своем составе частей под названием синона, капникон, а определялся и взимался как единая ставка.

О совокупном характере телоса применительно к этому времени можно говорить, только имея в виду совокупный объект обложения, в качестве которого выступало все имущество в целом — как движимое, так и недвижимое. В этом, как уже говорилось, и состояло отличие телоса от налога с привилегированных землевладельцев. Однако Зворонос вопреки фактам отнюдь не в этом качестве телоса усматривает его отличие от налога с крупных землевладельцев. Зворонос полагает, что различие в обложении париков и крупных земельных собственников состояло в том, что поземельный налог, входивший в состав совокупной парической подати — телоса, отличался по принципам взимания и нормам обложения, т. е. по своей структуре, от поземельной подати с доменальных земель. Поземельный налог, входивший в состав телоса париков, Зворонос характеризует как налог на урожай (*sur la production*)⁵², тогда как поземельный налог с земель, не находившихся в парическом держании, определяет как налог на обрабатываемую площадь (*sur la terre travaillée*)⁵³.

Однако поземельный налог с земель, не находившихся в парическом держании, являлся налогом не с обрабатываемой площади, а налогом на средний урожай, так как при обложении применялась дифференцированная система учета качества земли. Точно такой же характер — об этом также говорилось выше — носил поземельный налог, уплачивавшийся париками и составлявший часть их телоса. Таким образом, сословный принцип обложения основным налогом в Византии никак нельзя усматривать в разном характере обложения поземельным налогом парических стасей и земель, не находившихся в парическом держании.

Что же касается утверждения Н. Звороноса о разных нормах обложения парических стасей и земель, не находившихся в парическом держании, то такое различие действительно иногда существовало. Однако это различие не отражало различия в принципах обложения разных сословий, т. е. разного характера налогов, как считает Н. Зворонос, а являлось результатом практики предоставления льгот привилегированному сословию и допущения произвола в отношении непривилегированного.

Наличие разных норм обложения поземельным налогом париков и крупных земельных собственников свидетельствует, таким образом, только о типично сословном подходе к вопросу обложения в сословном государстве. Наряду с наличием фактов, свидетельствующих о разных нормах обложения поземельным налогом парических стасей и земель, не поделенных на стаси, имели место случаи, как мы уже отмечали выше, совпадения норм обложения поземельным налогом парических стасей и земель, не поделенных на стаси. О таком совпадении говорят данные практика Мамицоны и стримонских владений Хиландаря. Сведения этих практиков с очевидностью показывают, что там, где наблюдалось разли-

⁴⁶ A. Déléage. La capitation du Bas-Empire, p. 175 sq.; J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen. . ., S. 481.

⁴⁷ A. Déléage. La capitation du Bas-Empire, p. 179.

⁴⁸ J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen. . ., S. 50—51.

⁴⁹ Ibidem; A. Déléage. La capitation du Bas-Empire, p. 179.

⁵⁰ A. Déléage. La capitation du Bas-Empire, p. 176.

⁵¹ N. G. Zvoronos. Recherches sur le cadastre byzantine et la fiscalité au XI-e et XII-e siècles: le cadastre de Thèbes. — BCH, t. 83, 1959, p. 141.

⁵² Ibid., p. 141.

⁵³ Ibidem.

чие в нормах обложения поземельным налогом разных сословий в Византии, оно было результатом не принципов обложения, а практики обложения. Таким образом, факты различия в нормах обложения поземельным налогом разных сословий свидетельствуют о различии не структурного, а конъюнктурного характера⁵⁴.

Аргументы, приведенные Н. Звороносом в подтверждение его тезиса о разных нормах обложения поземельным налогом париков и крупных земельных собственников, вызывают возражения. Пытаясь доказать свой тезис, Зворонос применяет порочный метод сравнения цифровых данных. Сравнимые им величины неоднородны. Норма обложения парических стасей, равная 1 номисме с 75 модиев, вычислена им на основе единственного источника — практика 1073 г., тогда как норма обложения земель, не находившихся в парическом держании, равная 1 номисме с 200—300 модиев, получена как средняя величина нескольких норм, взятых из разных источников XI в. Вряд ли справедливо делать вывод о различии в нормах обложения на основе сопоставления, с одной стороны, величины, взятой только из одного источника, а с другой стороны, величины, являющейся средним числом ряда величин, содержащихся в разных источниках. Произвольность вывода, полученного в результате такого сопоставления, становится еще более очевидной, если принять во внимание, что в одном из источников, данные которого использованы Звороносом для получения средней нормы обложения не поделенных на стаси земель, норма обложения этих земель составляет 1 номисму с 75 модиев⁵⁵, т. е. равняется норме обложения парических стасей, полученной Звороносом на основе Патмосского практика 1073 г.

Само вычисление средней нормы обложения поземельной податью, входящей в состав телоса, проведенное Звороносом на основе данных практика 1073 г., также изобилует неточностями. Принимая во внимание данные практика о том, что зевгараты уплачивают в качестве синоны и капникона 1 номисму, а вообще податные ставки для зевгаратов колеблются в пределах 2,5—4 номисм, Зворонос предполагает, что если из этой суммы в 2,5—4 номисмы, уплачиваемой зевгаратами, вычесть долю синоны и капникона, то оставшая часть подати, колеблющаяся, следовательно, в пределах от 1,5 до 3 номисм, и является поземельной⁵⁶. Само по себе это предположение не лишено вероятности, однако неясно, почему средняя величина этой части подати составляет у Звороноса в среднем 3 номисмы, хотя среднее арифметическое — $2\frac{1}{4}$ номисмы.

Если же высчитать среднюю величину подати 17⁵⁷ перечисленных в практике зевгаратов, то получится приблизительно 2 номисмы. Непонятно также, откуда получается средняя норма обложения зевгаратных земель, равная 1 номисме с 75 модиев: данные о размерах наделов зевгаратных париков взяты Звороносом из «Трактата землемеров» XIII в., согласно которому эти наделы колеблются между 100 и 300 модиями, так что средняя величина надела оказывается равной 200 модиям. А поскольку средняя величина подати составляет около 2 номисм, то средняя норма обложения оказывается равной 1 номисме со 100 модиев.

⁵⁴ Под конъюнктурой в современной литературе, посвященной системно-структурному анализу, подразумевается временный тип функционирования системы по отношению к определенному периоду анализа. См. «Sens et usage du terme structure...», p. 56, 68, 111.

⁵⁵ G. Rouillard. P. Collomp. Actes de Lavra, t. 1. Paris, 1937, № 37.

⁵⁶ N. G. Svoronos. Recherches sur le cadastre byzantin..., p. 141.

⁵⁷ Подать одного зевгаратного парика из проастия Олиф не указана, но она может быть вычислена на основании общей суммы податей всех париков, из которой следует вычесть сумму податей всех тех, размеры податей которых специально указаны.

Кроме того, как это, впрочем, признает и сам Зворонос⁵⁸, на самом деле зевгаратные парики могли иметь наделы самой различной величины, так что норма в 100—300 модиев, которую дают трактаты землемеров XIII в., не соответствовала действительности.

Неточности имеются не только в вычислении нормы обложения парической податью, но и в других рассуждениях и расчетах Н. Звороноса, проведенных им на основе данных Патмосского практика 1073 г. Например, явно не соответствует фактам замечание Н. Звороноса, будто синона и капникон с владений Олиф, Варис, Гамма и других, упоминаемых в Патмосском практике, не поступали великому domesticу Андронику Дуке, которому передаются эти владения, согласно данному практику⁵⁹. К такому выводу Н. Зворонос приходит на том основании, что в хрисовуле Михаила VII, оформившем пожалование Андронику Дуке названных владений, говорится, что с этих земель наряду с прочими налогами не должны взыскиваться также синона и капникон⁶⁰. Зворонос считает, что, поскольку синона и капникон не должны были взыскиваться, значит, они упразднились.

Однако Ф. Дэльгер⁶¹ и Г. Острогорский⁶² показали, что все перечисляемые в практиках налоги поступали тому, для кого составлен практик. Это означает, что освобождение от уплаты налогов в казну, о чем говорится в освободительной клаузуле *dispositio* хрисовулов, и упоминание об этом в практике иммуниста означало не упразднение перечисленных налогов, а передачу их иммунисту.

Исходя из неверного положения, Зворонос производит неверные расчеты. В практике сказано, что денежный доход с Вариса, Олифа, Гаммы и других владений, передаваемых Андронику Дуке, равнялся к моменту составления практика вместо первоначальных $57\frac{1}{2}$ номисм — 37 номисмам. Эта сумма включает лишь сумму податей с парических стасей, тогда как арендная плата высчитана отдельно. Зворонос, проверяя эту сумму, подсчитал все подати с парических стасей во всех владениях, исключая зевгаратский, поскольку последний не записан в стих каждого парика, а приводится как единая очень незначительная сумма, причитающаяся со всех париков данного владения. Подсчеты Звороноса дали не $57\frac{1}{2}$, а $67\frac{1}{2}$ номисм и 1 миллиарисий⁶³. Этой исправленной на основе собственных подсчетов суммой Зворонос оперирует в дальнейших рассуждениях. Стараясь объяснить, почему вместо $67\frac{1}{2}$ номисм и 1 миллиарисия Андроник Дука получил только 37 номисм, Зворонос исходит из своего неверного предположения, будто сумма синоны и капникона со всех владений упразднилась, а не передавалась Андронику. Он высчитывает сумму синоны и капникона со всех владений, которая оказывается

⁵⁸ N. G. Svoronos. Recherches sur le cadastre byzantin..., p. 140, n. 1.

⁵⁹ Ibid., p. 139 sq., n. 7.

⁶⁰ MM, VI, 2. Зворонос утверждает, будто об освобождении упомянутых владений от синоны и капникона говорится в самом практике, чего в действительности нет.

⁶¹ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika, S. 11.

⁶² Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 234 сл.

⁶³ Подсчет Звороноса неточен. Если пытаться исправлять общий итог доходов от основного налога со всех владений на основе собственных подсчетов (что, впрочем, вряд ли целесообразно, так как цифры, на основе которых ведутся эти подсчеты, могут быть столь же ошибочны, как и общий итог), то надо исправлять и его компоненты. Поэтому следовало бы исправить ошибочную сумму в 13 номисм и 8 миллиарисиев с владения Варис на 11,5 номисм и 10 миллиарисиев, так как именно эта сумма получается в результате сложения налогов всех перечисленных париков Вариса. Кроме того, если подсчитать всех капникариев, то их оказывается не 25, как говорится в практике, а 24. Зворонос же принимает цифру 25.

равной 32 $\frac{1}{2}$ номиссам. Эту сумму он вычитает из 67 $\frac{1}{2}$ номисм и получает 35 номисм и 1 миллиарсий. Но как получить 37 номисм, которые записаны в практике? Для этого Зворонос прибавляет к 35 номиссам и 1 миллиарсию сумму зевгаратикиев со всех владений, составляющую 1 номисму и 8 миллиарсиев, и получает 36 номисм и 9 миллиарсиев. Но до 37 номисм недостает еще трех миллиарсиев, и Зворонос без всяких оснований полагает, что эти три миллиарсия приходятся на зевгаратикий двух зевгаратных париков, подати которых в практике не указаны⁶⁴.

Однако прибавление суммы зевгаратикиев совершенно не обосновано. Весьма сомнительно, чтобы зевгаратикий со всех владений, не будучи включенным в общую сумму дохода с этих владений (а именно так считает Зворонос), был присчитан только к остатку за вычетом синопы и каппикона. Такое предположение совершенно произвольно и ни на чем не основано. Кроме того, неправомерно, что одну из сумм, приведенных в практике (57 $\frac{1}{2}$ номисмы), Зворонос исправляет на основе собственных подсчетов и оперирует в дальнейших расчетах с этой исправленной суммой, т. е. с 67 $\frac{1}{2}$ номиссами и 1 миллиарсием. Другую же сумму практика (37 номисм), проверить которую нельзя, он принимает как достоверную. Но ведь она может быть так же ошибочна, как и первая.

Все эти неточности в расчетах Звороноса доказывают только то, что на основании практиков, относительно которых было бесспорно доказано, что они изобилуют неверными данными⁶⁵, следует производить расчеты крайне осторожно.

Что же касается выражения в практике — вместо 57 $\frac{1}{2}$ номисм — 37 номисм, то здесь подразумеваются, по-видимому, налоговые изъятия (класмы, симпатеи и др.), о которых речь идет и в других местах данного практика.

Таким образом, расчеты и рассуждения Н. Звороноса не только не доказали наличия разных по своему характеру принципов обложения парических стасей и земель, не поделенных на стаси, но и различия в нормах обложения поземельным налогом разных сословий, хотя это различие действительно иногда существовало.

Итак, в Византии не было никакой разницы в принципах обложения поземельным налогом различных сословий — привилегированного сословия крупных земельных собственников феодального типа и непривлекированного — свободных крестьян и частновладельческих париков. Структура поздневизантийского налогообложения отличалась функционированием сословного принципа обложения, состоявшего в том, что привилегированное сословие подлежало обложению только поземельным налогом, тогда как непривлекированное — подушно-поимущественным.

Названное изменение в структуре налогообложения, состоявшее в появлении в поздней Византии новой формы сословного принципа обложения, свидетельствует наряду с другими структурными изменениями (исчезновение фискальных единиц *jugum* и *caput*) о некоторых сдвигах в византийской структуре обложения, об известном отказе и в этой наиболее традиционной области от античных принципов. Некоторые изменения формуляра практиков по сравнению с первичными кадастрами го-

⁶⁴ ММ, VI, р. 11.24—27; 13.24—28.

⁶⁵ Заметим, кстати, что в практике фигурируют не два, а три зевгаратных парика, налоги которых не указаны. Два из них действительно названы на стр. 11.24—27 издания Миклошича—Мюллера, а третий — на стр. 12.32—34. На стр. же 13.24—28, на которую ссылается Зворонос, назван парик проскафимен Георгий Анемотрих, относительно которого не сказано, зевгарат он, воидат или активом.

ворят об отказе от античных традиций и при составлении юридических документов, т. е. в той сфере, где влияние античных традиций было чрезвычайно сильным.

В итоге рассмотрения влияния античных элементов на поздневизантийскую аграрноправовую систему и структуру мы пришли к выводу, что это влияние было двояким. Наряду с опосредствованным влиянием, выразившимся в том, что многие кардинальные особенности византийского аграрноправового строя, например некоторые формы отношений собственности, рентные отношения, иммунитет, сформировались под воздействием корреляции трех социально-экономических и политико-юридических факторов, генетически связанных с различными формами социальной активности поздней Римской империи, поздневизантийский аграрноправовой строй характеризовался также чертами, свидетельствующими о непосредственной преемственности в позднее время ряда позднеримских аграрноправовых институтов и отношений. Несмотря на значительное правотворчество поздневизантийской эпохи, в это время сохранялись в силе правовые нормы римского вещного права, относящиеся к римским формам собственности и владения. В поздневизантийский период сохранялась античная система собственности, т. е. продолжали существовать основные элементы, основные виды античной собственности. Наряду с этим продолжал функционировать основной тип структурных связей античной собственности, выразившийся в большой социальной роли форм полной безусловной собственности типа римской квинтской собственности. В силу этого можно говорить о сохранении в поздней Византии типа античной собственности. В то же время произошли и некоторые структурные изменения: появились новые формы общественного ограничения собственности, изменились соотношение и социальная роль ее отдельных видов. В позднее время продолжал также функционировать основной тип структурных связей, отражавший владельческие правоотношения античности; содержанием его было владение зависимым населением земель *alieno nomine*. Произошли и некоторые структурные изменения, в частности поздневизантийские парики обладали большим элементом *animus possidentis* по сравнению с позднеримскими колонами. Однако сохранение основного типа структурных связей позволяет говорить о функционировании прежнего типа правоотношений. Преемственность античных форм социальной активности проявилась также в сфере налогообложения. В позднее время продолжал действовать основной тип структурных связей Диоклетиановой системы, проявившийся в наличии своеобразной формы подушно-поимущественного принципа обложения и определении поземельного налога в зависимости от качества земли.

Вместе с тем произошли и немаловажные системно-структурные изменения. Исчезли фискальные единицы *jugum* и *caput*, возникли новые формы проявления сословного принципа обложения. В целом в связи с сохранением основного типа структурных связей можно считать, что в позднее время, несмотря на ряд модификаций, функционировал тип Диоклетиановой системы обложения.

Итак, по прошествии многих столетий влияние античности было весьма значительным во многих сферах аграрноправовых отношений Византии. Благодаря этому влиянию система и структура византийских аграрноправовых отношений отличались большой сложностью и специфичностью. Следует, однако, отметить, что сохранение поздневизантийскими аграрноправовыми отношениями системно-структурных особенностей, характерных для античности, наблюдались исключительно в сфере правоотношений, функционирования фискальных институтов,

а также практики составления юридических документов. Однако влияние античности не распространялось на социально-экономическое развитие позднего времени. Социально-экономические отношения поздней Византии в целом и в области аграрного развития в частности существенно отличались от соответствующих отношений античности. Для поздневизантийских аграрноправовых отношений характерно интенсивное развитие феодализма. В силу этого, с точки зрения марксистской историографии, онтологическим принципом которой является признание в качестве примата общественного строя страны, ее социально-экономического развития, общественные отношения поздней Византии, в том числе и аграрные отношения, не могут быть квалифицированы как тождественные античным⁶⁶.

⁶⁶ Попытку отождествления византийского общественного строя с античным предприняли французские исследователи П. Лемерль и Н. Зворонос. См. P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance, p. 89; N. G. Svoronos. Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance, p. 327 sq.

И. П. МЕДВЕДЕВ ИЗ ИСТОРИИ МИСТРЫ

Поздневизантийский город Мистра привлекает внимание исследователей главным образом как один из крупнейших центров поздневизантийской архитектуры и искусства. Вполне соглашаясь с мнением, что «с интеллектуальной и художественной точки зрения столица Пелопоннеса представляет для историков византийской цивилизации особый интерес»¹, мы считаем, что социально-политические и особенно экономические стороны истории этого города остаются совершенно незаслуженно забытыми. Изучение их дало бы богатый материал для решения проблем, связанных с историей поздневизантийского города вообще.

Настоящая работа посвящена рассмотрению сохранившихся и не ставших еще предметом специального исследования сведений об интересных событиях, происшедших в Мистре в начале XV в. в связи с продажей города родосскому ордену госпитальеров. Эти данные содержатся в Большой хронике Сфрандзи², в Истории Халкокондила³, в надгробной речи императора Мануила II-Палеолога по случаю смерти его брата, деспота Феодора⁴, в эпистолярных источниках⁵ и в некоторых документах⁶.

Возникший в 1249 г.⁷ в результате военно-колониационной политики крестоносцев новый город Мистра располагался на одном из отрогов Тайгета, высившегося у самого входа в Лангаду⁸. По этому рассекающему Тайгет ущелью, соединяющему Лаконику с Мессенией, воинственные и непокорные горные племена могли делать массовые набеги на долины. Мистра находится в 5 милях от Спарты, жители которой (вернее, жители византийской Лакедемонии, поскольку античной Спарты уже давно не существовало) переселились в укрепленную Мистру⁹, и последняя, таким образом, стала рассматриваться как преемница этого знаменитого античного города¹⁰. С переходом в 1261 г. в руки византий-

¹ D. Zakythinos. De despotat grec de Morée. I. Paris, 1932, p. 7.

² Georgius Phrantzes. Annales. Bonnae, 1838 (далее — Phrantzes). Мы здесь не затрагиваем вопроса об авторе этого произведения.

³ Laonici Chalcocondylae Historiarum libri decem. Bonnae, 1843 (далее — Chalc.).

⁴ Manuelis Palaeologi Theodori despotae Laudatio funebris. — PG, t. 156, col. 181—308.

⁵⁻⁶ Нам пока удалось лишь частично de visu ознакомиться с такого рода источниками. Некоторые данные, содержащиеся в них, известны по работам исследователей (см. J. Berger de Xivrey. Mémoire sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue. Paris, 1853; Delaville-le-Roulx. Les Hospitaliers à Rhodes. Paris, 1913, etc.).

⁷ M. Sotiriou. Mistra. Une ville byzantine morte. Athènes, 1935, p. 5.

⁸ Ф. И. Шмит. Памятники Мистры. — ЖМНП, 1911, май, стр. 252.

⁹ Le Livre de la Conquête de la princée de la Morée, éd. J.-A. Buchon. Paris, 1845, p. 189; The Chronicle of Morea, ed. J. Schmitt. London, 1904, vers. 5606—5607.

¹⁰ Переход жителей городов в более безопасные, укрепленные места вообще характерен для средневековья (см. об этом второй раздел доклада: E. Kirsten.

ского правительства¹¹ Мистра превращается в плацдарм для отвоевания Пелопоннеса от латинян и начинает быстро разрастаться, а с образованием в 1348 г. деспотата¹², столицей которого она стала, Мистра приобретает значение важного политического центра. Так, если уже на первых порах Мистра привлекает внимание хрониста, как блестящий замок и большая крепость¹³, то перед захватом ее турками в 1460 г. она характеризуется Халкокондиллом как «богатый эллинский город»¹⁴.

Расцвет Мистры приходится на конец XIV—начало XV в. Грегориус и Штрук полагают, что «Мизитра... затмила в эту эпоху как Фессалонику, так и Афины»¹⁵. Значение Мистры как экономического центра определялось тем, что она была столицей княжества с административной автономией, ставшего фактически самостоятельным государственным образованием¹⁶. Она потребляла продукты производства подвластной ей страны или превращала их в товары, реализации которых на рынках способствовала близость двух венецианских гаваней — Корона и Модона. Среди разнообразных продуктов сельскохозяйственного производства и текстильной промышленности, проходивших через эти порты, о которых сообщает флорентийский купец Франческо Бальдуччи Пеголотти¹⁷, некоторую долю должны были составлять товары деспотата. Известно, что в Корон и Модон ездили евреи из еврейского квартала Мистры, занимавшиеся изготовлением тканей¹⁸. В свою очередь, Мистра получала через эти порты необходимые ей товары. Например, когда в 1388 г. возник конфликт деспота Мистры Феодора I с Венецией по поводу Аргоса, венецианское правительство применило к нему экономические санкции, отказав в продаже железа из Корона и Модона для нужд деспотата¹⁹.

В самой Мистре жизнь была чрезвычайно оживленной. Активизация деятельности церкви выразилась в усиленном строительстве церквей и монастырей, и хотя культовое зодчество всегда было ведущим в Византии, в Мистре имел место широкий размах строительства вообще. На протяжении небольшого периода времени было возведено около двух тысяч построек, многие из которых являются уникальными произведениями поздневизантийской архитектуры и искусства. Все это позволяет предполагать наличие в Мистре значительного числа строительных рабочих,

Die byzantinische Stadt. — «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress». München, 1958). У византийцев не было сомнения в преемственности Мистры от древней Спарты. Во многих нарративных и документальных источниках Мистра выступает под именем Спарты, а ее жители — под именем спартиатов. Впрочем, в некоторых источниках и в исторической литературе Мистра упоминается под именем Мизитры (об этом см. J.-A. Buchon. La Grèce continentale et la Morée. Paris, 1843, p. 430; F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter, I. Stuttgart, 1889, S. 385 и др.).

¹¹ W. Miller. The Latins in the Levant. London, 1908, p. 100.

¹² D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, I, p. 94.

¹³ The Chronicle of Morea, vers. 2991.

¹⁴ Chalc., p. 473.

¹⁵ F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen..., II. Stuttgart, 1889, S. 284; A. Struck. Mistra, eine mittelalterliche Ruinenstadt. Wien und Leipzig, 1910, S. 53.

¹⁶ Если даже юридически оно и не было организовано в форме деспотата, как это убедительно показал Б. Ферьянчич (см. Б. Ферьянчич. Деспоти у Византии и южнолокаленским землями. Белград, 1960, стр. 105—140).

¹⁷ F. Pegolotti. La Pratica della Mercatura, ed. A. Evans. Cambridge (Mass.), 1936, p. 145.

¹⁸ D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, II. Athènes, 1953, p. 43. Этот квартал находился вне крепостной стены города. Когда-то эта еврейская колония была изгнана из Спарты известным церковным деятелем Никоном (ibid., II, p. 42).

¹⁹ Ibid., I, p. 134.

которые в совокупности с ремесленниками и торговцами могли составлять основную массу населения Мистры.

Верхушка городского общества состояла из феодальной знати, которую привлекал город — местопребывание правителя Пелопоннеса, принадлежавшего к царствующей династии. При дворе деспотов в Мистре собирались крупнейшие деятели империи, «плеяда администраторов и дипломатов, выдающихся ученых, престиж которых перешел границы греческого мира»²⁰. Здесь провел свои последние годы и скончался Иоанн Кантакузин²¹, здесь немного позднее Георгий Гемист Плифон создал последнюю в средние века крупную неоплатоническую философскую школу, здесь начал свою деятельность Виссарион Никейский и т. д. Мистра превратилась в настоящую интеллектуальную столицу ученых.

Однако именно на рубеже XIV и XV вв. Мистра переживала один из самых мрачных периодов своей истории. Для второй половины XIV в. характерно быстрое распространение турецкой экспансии. С восшествием на престол султана Баязида большая часть европейских владений агонирующей Византийской империи оказалась в руках турок. Стремясь лишить деспота Мистры возможности оказать помощь осажденному Константинополю²², Баязид отправил в 1397 г.²³ в Пелопоннес войско (50- или 56-тысячное, по данным Сфрандзи²⁴, и 60-тысячное, по данным Chronicon breve²⁵, под начальством Якуб-паши и Эвренос-бея)²⁶. Волна турецкого нашествия захлестнула полуостров. «И по дороге в Пелопоннес и внутри его [турки] сеяли много зла и ужаса, убивая захваченных в плен христиан», рассказывает Сфрандзи²⁷. Напрасно деспот Мистры посылал Димитрия Софианоса за помощью в Венецию. Сенат отклонил все просьбы, предпочитая не вмешиваться в это опасное предприятие²⁸. Ожидать поддержки со стороны своих вассалов

²⁰ D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, II, p. 320.

²¹ Βραχέα χρονικά, έκδ. Σπ. Λάμπρου. Ἀθήναις, 1932, σελ. 89.

²² Chalc., p. 97.

²³ Chronicon breve. Bonnae, 1834, p. 516. У Сфрандзи приводится неверная дата этого события — 1405 г. (Phrantzes, p. 62). В действительности Баязид в это время уже не было в живых. Ангорская битва произошла, как известно, 28 июля 1402 г. Текст Сфрандзи вызывает сомнения: глава XV заканчивается описанием возвращения Мануила из поездки по Западной Европе якобы в 1405 г. (αυσ'), хотя на самом деле он вернулся в Константинополь в 1403 г. [см. А. А. Васильев. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403 гг.). СПб., 1912, стр. 83]. XVI глава сочинения Сфрандзи начинается так: «В том же году (ἐν τούτῳ τῷ ἔτει) эмир Баязид послал в Пелопоннес...» и т. д. (Phrantzes, p. 62). Приходится предположить: 1) или глава XVI находится не на месте, 2) или (что наиболее вероятно) это является своеобразным стилистическим приемом автора: он описывает полностью путешествие Мануила по Европе, а новую главу относит к какому-то более раннему событию, очевидно, описанному в конце XIV главы. Эта глава заканчивается тем, что Баязид в 1392 г.

ΣΞ осадил Константинополь. Дата также неверна, потому что осада Константинополя началась через год после битвы при Никополе, которая, как известно, произошла в 1396 г. Может быть, при переписке выпало ξ'? Повторяя в другом месте рассказ о походе Якуб-паши в Пелопоннес, Сфрандзи говорит, что разгром Аргоса имел место в 1395 г., 5-го индикта (ἐν ἔτει ΣΞ γ' ἰνδικτιώνος ε'). Эта новая дата (1395 г.) не совпадает с названной, а само летосчисление с 5-м индиктом. По Гриомелло, 5-й индикт соответствует 6905, т. е. 1397 г. (V. Grumel. La Chronologie. Paris, 1958, p. 262). Как видим, это подтверждает данные Chronicon breve.

²⁴ Phrantzes, p. 62, 83.

²⁵ Chronicon breve, p. 516.

²⁶ Phrantzes, p. 62.

²⁷ Ibid., p. 63.

²⁸ D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, I, p. 156.

деспоту не приходилось. Централизаторская политика Феодора I Палеолога по отношению к местным пелопоннесским архонтам и крупным сеньорам Мореи вызывала к нему ненависть этих последних, из которых самым главным врагом Феодора был Павел Мамон, правитель Монемасии. Сфрандзи говорит, что «по повелению императора он получил [в управление] область [принадлежавшую ему] отцу (τὴν διοίκησιν τὴν τοῦ πατρὸς... προστάξει τοῦ βασιλέως διδέξαστο), но из-за продолжительности времени, найдя это поводом, стал превращать город в собственное владение»²⁹. Яркий пример того, как пожалование превращается в вотчину! Понимая это и стремясь сокрушить могущество противника, Феодор уже в начале своего правления (в 1384 г.) сделал попытку уступить Монемасию венецианцам³⁰, и хотя это ему не удавалось, он после длительной борьбы захватил город, а имущество Мамона конфисковал³¹. Однако вмешательство султана Баязида свело на нет его успех: Монемасия с ее окрестностями была занята турками³². В подобных же отношениях находился деспот и с другими сеньорами. В донесении кастелянов Модона и Корона Антонио Бембо и Марино Каравелло дожу Венеции от 1 апреля 1397 г. говорится, между прочим, что «деспот ненавидит всеми своими»³³.

Итак, Феодор должен был один встречать врага. Якуб-паша осадил Аргос³⁴. После долгого сопротивления³⁵ город был взят, а стены его разрушены. Около 30 тысяч захваченных в плен жителей были увезены в Малую Азию и превращены в эпикив³⁶. Город обезлюдел. Одновременно Эвренос-бей ворвался во внутренние владения деспота и опустошил всю территорию вплоть до окрестных поселений Корона и Модона³⁷. В битве, происшедшей 21 июня близ Леонтариона, войска Феодора были разбиты³⁸. Хотя после разорения страны турки удалились обратно, «дела греков оказались в критическом положении»³⁹. Эта трудная ситуация, страх перед новым нападением турок, длительная болезнь деспота Феодора привели к тому, что последний, призванный в Пелопоннес, по словам его брата императора Мануила II, с миссией «рассеять ужасы совершившегося, как луч рассеивает туман»⁴⁰, не мог сделать ничего другого, как продать свои владения в Пелопоннесе родосским рыцарям ордена госпитальеров (иоаннитов). Интересно, что незадолго до этого император Мануил II по пути в Западную Европу посетил Мистру, оставив у Феодора императрицу с двумя детьми⁴¹. Вероятно, решение о продаже деспотата не было самоличным решением деспота, а было согласовано с императором, к которому до его отъезда из Константинополя орден посылал своего представителя Рено Жиресма^{41а}. Не было ли это решение связано с путешествием императора на Запад? Известно, что папство всячески поддерживало стремление госпитальеров утвердиться на Пелопоннесе. В этом смысле продажа деспотата ордену

могла рассматриваться как своего рода маневр для того, чтобы повлиять на результаты переговоров императора о помощи против турок.

Как бы то ни было, но давние попытки госпитальеров воспользоваться трудностями греков увенчались успехом. Весной 1400 г. в их руки перешел Коринф, вслед за этим Калаврита и, наконец, Мистра⁴². Источники по-разному освещают акт продажи. Сфрандзи утверждает, что Феодор отплыл на триере на Родос⁴³, и эта версия принимается большинством историков⁴⁴. Однако в надгробной речи Мануила говорится следующее: «Он [Феодор] призывает родосцев к себе, говорит об их желаниях и, сделав после вступления небольшую паузу, объявляет о своем решении. С радостью выслушав, они сразу отправляются на совещание, а закончив, как на крыльях, возвращаются в свои владения и сообщают о совершенном своим начальником. Затем, погрузившись на большие суда, они поспешно прибывают в Пелопоннес»⁴⁵.

В другом месте Мануил рассказывает, что деспот, вернувшийся впоследствии из Монемасии в Мистру, убеждал греков и родосцев, владеющих некоторыми городами в Пелопоннесе, не враждовать между собой⁴⁶. Нам кажется, что отъезд Феодора на Родос и в Монемасию — два разные по времени события. Феодор находился в Мистре, когда заключил с уполномоченными ордена⁴⁷ договор о продаже Коринфа. Это подтверждается тем, что, узнав о случившемся, встревоженный Баязид послал из Азии к деспоту в Мистру посольство, предлагая расторгнуть договор с родосцами и заключить мир с турками⁴⁸.

Договор с турецкими послами был заключен⁴⁹, но деспот, «видя, что дела ромеев находятся в таком плачевном состоянии, что город в это время подвергается опасности быть изолированным и испытать великий голод, подобно тому как это было во время пелопонесской войны, что никто из христианских властителей не пожелал прийти им на помощь, совершенно растерявшись, переправился на триере на о. Родос и продал владение Спартой братству пророка и крестителя Иоанна»⁵⁰, т. е. ордену госпитальеров. В Монемасию он приехал, очевидно, позднее, когда

⁴² В Codice diplomatico ордена госпитальеров имеется документ о продаже Феодором Порфирородным греческого деспотата и коринфского кастелянства (Codice diplomatico del sacro militare ordine Gerosolimitano, t. II. Lucca, 1737, p. 110—111). Он датируется 6 апреля 1404 г. (datum Rodi, die sexta mensis aprilis, anno incarnationis Domini 1404). Видимо, документ относится к заключительному акту всех этих событий, когда договор между деспотом и орденом был аннулирован и первый после долгих проволочек (R. A. Vertot. Histoire des chevaliers hospitaliers de St. Jean de Jérusalem, t. II. Paris, 1779, p. 273) смог, наконец, вернуть деньги (nobis integraliter satisfacit, говорится в документе, причем не указывается никакой суммы. Вообще документ составлен в самых общих выражениях). Это соображение подтверждается тем, что документ констатирует продажу всего деспотата, в то время как отдельные части его были проданы в разное время. Возвращение Коринфа в руки греков в 1404 г. подтверждается данными Chronicon breve (p. 517).

⁴³ Phrantzes, p. 63.

⁴⁴ I. Bosio. Dell'istoria della sacra religione. Roma, 1594 p. 109; F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen..., II, S. 262; R. A. Vertot. Histoire..., p. 271; W. Miller. The Latins in the Levant, p. 368 etc.

⁴⁵ PG, t. 156, col. 263 C.

⁴⁶ Ibid., col. 269 B.

⁴⁷ Вероятно, это были те пять полномочных представителей Ордена: Паламед Джованни, Доминик Германский, Готье Грендон, Жерар Фужероль и Раймон де Лескюр, которые были посланы к Феодору в феврале 1400 г. магистром ордена Флибером де Нальяком (Delaville-le-Roulx. Les Hospitaliers..., p. 278).

⁴⁸ PG, t. 156, col. 256 C.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Phrantzes, p. 63.

²⁹ Phrantzes, p. 57.

³⁰ D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, I, p. 125.

³¹ Ibid., I, p. 128.

³² Ibidem.

³³ Ibid., I, p. 130.

³⁴ Chalc., p. 97.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Phrantzes, p. 83.

³⁷ Chalc., p. 97.

³⁸ Chronicon breve, p. 517.

³⁹ Chalc., p. 97.

⁴⁰ PG, t. 156, col. 205C.

⁴¹ Duca e Historia byzantina. Bonnae, 1834, p. 29 D; 30 A.

^{41a} Delaville-le-Roulx. Les Hospitaliers..., p. 279.

узнал о разгроме турок под Ангорой, и решил вернуться в столицу деспотата. Это соображение позволяет нам установить дату событий, о которых мы собираемся рассказывать: они произошли в период между весной 1400 г. (когда Коринф был продан и перешел к госпитальерам) и 28 июля 1402 г. (когда произошла Ангорская битва). Из указанного промежутка нужно вычесть время, пока до Баязида дошло известие о продаже Коринфа и он послал в Мистру посольство для заключения договора с деспотом. Вслед за этим, как уже сказано, деспот отправился на Родос. Таким образом, события практически могли произойти незадолго до Ангорской битвы.

Что же произошло? «Когда молва распространилась повсюду, — говорит Мануил в своей надгробной речи, — из-за незнания дела [поползли] враждебные речи и слухи, что, мол, правда умышленно скрыта»⁵¹. Несмотря на всю неопределенность, такое заявление в устах императора весьма многозначительно. Соглашение с иоаннитами было совершено тайне от народа. Правительство, видимо, предчувствовало, какое оно вызовет негодование. Дальнейший ход событий подтвердил справедливость этих опасений. «Узнав о том, что они преданы своим правителем и под влиянием архиепископа Спарты, спартиаты, собравшись вместе, договорились, что никому из назареев⁵² не позволят войти в город, а также дали слово, что вытерпят все, что бы ни случилось, но не покорятся латинянам-назареем»⁵³. Таким образом, здесь подчеркивается, что действия населения Мистры были инспирированы архиепископом.

Неизвестно, пользовался ли Бозио какими-либо дополнительными источниками или следовал только Халкокондилу, но он сообщает еще некоторые подробности: «Епископ Спарты греческого происхождения, главный враг латинян, — говорит он, — ... созвал народ на собрание (*Chiamò il Popolo a parlamento*) и, известив о случившемся, убедил его, что лучше страдать и переносить всякие бедствия, нежели попасть под власть латинян, о которых он отозвался так плохо, что народ постановил отказаться от подчинения ордену и не допустить ни одного латинянина к власти над Спартой и над своей страной»⁵⁴. Это народное собрание состоялось, очевидно, на большой площади перед дворцом деспота, единственной, которая существовала в городе и в его предместьях и была его центром⁵⁵.

Видная роль высшего духовенства в городском самоуправлении проявлялась в Византии с самых ранних времен, поэтому такое вмешательство архиепископа Мистры в дела города понятно. Верто высказывает верное суждение: мотивами деятельности архиепископа, разумеется, были его приверженность православию и боязнь, что его место будет занято латинским католическим епископом⁵⁶. Кроме того, он знал настроение народа, его враждебное отношение к представителям латинского католического Запада. Характеризуя поведение народа, Мануил II говорит: «Если даже и казалось, что некоторые не повинуются и вводят новшества, то побуждало их к этому не что иное, как полное отвращение к чужестранцам и любовь к их спасителю и господину»⁵⁷. Дальнейшие события покажут, что «любовь» народа к деспоту была не так уж сильна,

но важно свидетельство Мануила об «отвращении» народа к этим «чужестранцам», «чужакам», к этим *ἀλλοτρίοις*. Архиепископ не мог ошибиться в своих расчетах на поддержку населения.

Дальше события разворачивались следующим образом: «Когда братство [т. е. орден. — *И. М.*], — говорит Сфрандзи, — послало некоторых из крестоносцев в Спарту, чтобы они, став господами и повелителями, приняли власть, народ, увидевший их и узнавший о случившемся, вооружился кольями и камнями и с гневом бросился, чтобы убить их»⁵⁸. Является ли это продолжением событий, описанных Халкокондилом? Сфрандзи ничего не говорит о том, что народ был в какой-то мере организован и что решение о сопротивлении крестоносцам было принято. Наоборот, в его изложении действия населения представляются вспыхнувшими стихийно, под впечатлением ошеломляющей новости.

Из каких слоев населения состоял этот возмущившийся народ? Каково было отношение феодальной и чиновничьей знати ко всем этим событиям? Конечно, термины *δῆμος* и *λαός*, которые использует Сфрандзи для обозначения народа, потеряли уже в поздневизантийское время значение соответственно более организованного народа и плебса. Но упоминается, что народ был вооружен кольями и камнями. Поэтому непосредственное участие знати в этих событиях, на наш взгляд, исключается. Но употребление исследователями слова «чернь» (*Pöbel, la populace*, по терминологии Штрука и Закифиноса)⁵⁹ также не определяет состава возмущившегося народа. Вероятно все-таки, что *λαός* и *δῆμος* в данном случае — это многочисленные торгово-ремесленные слои населения Мистры, составлявшие паству местного архиепископа и поддерживавшие его.

Штрук полагает, что в Мистре имели место даже «кровавопролитные столкновения»⁶⁰, но в наших источниках мы не нашли таких подробностей. Наоборот, «местный архиерей, выйдя вперед и произнеся увещевания, чтобы не случилось какого-нибудь беспорядка, устыдил народ, и тот, повиновавшись его словам, дал крестоносцам три дня, чтобы они с миром удалились за пределы Спарты»⁶¹. Ожесточение, правда, было велико, потому что, несмотря на повиновение архиепископу, народ пригрозил крестоносцам, что «если они поступят иначе, то увидят сами» (*εἰ δὲ ἄλλως πράξωσι, αὐτοὶ ὄψονται*)⁶², т. е. с ними обойдутся круто. У Халкокондила тоже есть сообщение о том, что, когда крестоносцы появились в Мистре, народ потребовал быстрее их ухода, чтобы с ними не поступили как с врагами⁶³. Крестоносцы, «увидев, что они ничего не достигли, что шум и возмущение возрастали и что их жизни все более угрожала опасность, подгоняемые [страхом] повернули домой»⁶⁴. Отряд рыцарей был, вероятно, не особенно значителен. Однако уступчивость с их стороны объясняется не столько этим обстоятельством, сколько сознанием безнадежности предприятия в целом, о чем они и сообщили магистру ордена⁶⁵.

После этого жители Мистры «постановили, чтобы их епископ был также и дукой, и пожелали, чтобы он управлял ими и судил их как

⁵¹ PG, t. 156, p. 253 D.

⁵² Т. е. госпитальеров.

⁵³ Chalc., p. 97.

⁵⁴ I. Bosio. Dell'istoria della sacra religione, p. 109.

⁵⁵ D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, II, p. 171; M. Sotiriou. Mistra, p. 58—59.

⁵⁶ R. A. Vertot. Histoire..., p. 272.

⁵⁷ PG, t. 156, col. 253 D.

⁵⁸ Phrantzes, p. 63.

⁵⁹ A. Struck. Mistra, S. 53; D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, I, p. 159.

⁶⁰ A. Struck. Mistra, S. 53.

⁶¹ Phrantzes, p. 63.

⁶² Ibidem.

⁶³ Chalc., p. 98.

⁶⁴ Phrantzes, p. 63.

⁶⁵ Chalc., p. 98.

гражданский и церковный глава»⁶⁶. Таким образом, архиепископ получил прерогативы верховной светской власти, но если на Западе духовный князь — епископ, единолично правивший городом, явление обычное, то в Византии, насколько нам известно, до тех пор такого прецедента не было. Правда, и здесь, как уже отмечалось, архиепископ часто являлся настоящим хозяином города, но даже в более ранние времена, в условиях существования института *defensores civitatum*, представитель церкви не подменял светской власти. Более того, широко вмешательство в дела города часто приводило его к столкновению с представителем светской власти^{66а}.

Разгром турок под Ангорой изменил положение дел. Благодаря счастливой случайности и в Пелопоннесе несколько нормализовалась политическая обстановка: опасность нового турецкого вторжения была на время ликвидирована. Поэтому Феодор, оценив обстановку, «выплатил обратно деньги⁶⁷, которые взял у братства (ордена), и пожелал вернуться в Спарту и снова взять себе власть»⁶⁸. Сфрандзи объясняет это тем, что Феодор «увидел обманутые надежды»⁶⁹. Но вряд ли он и желал, чтобы эти «надежды» сбылись: ведь продажа была вынужденной, и как только необходимость в этой мере исчезла, он сразу же стал стремиться восстановить *status quo*.

Сведения о возвращении деспота в Мистру весьма интересны. Верто считает, что Феодор Палеолог был с большой радостью принят своими подданными, которые уверили его, что он найдет в своих владениях то же повиновение и ту же преданность, что и в течение многих лет⁷⁰. Очевидно, он следует версии Мануила II, который, стремясь изгладить из памяти граждан Мистры еще совсем свежие и будоражащие умы воспоминания об этом событии, объяснял его, между прочим, «любовью» народа к своему «спасителю и господину»⁷¹, и что, понимая это, «брат [деспот] ни на кого не разгневался, будучи кроток, а ошибавшимся и просившим прощения сразу же дал его, потому что был человеколюбив»⁷².

Но существуют более беспристрастные и более достоверные сведения о возвращении Феодора Палеолога в Мистру. Во-первых, совершенно ясно, что, понимая все значение случившегося, он не решился сразу вернуться в Мистру, а провел своего рода рекогносцировку. Он послал

⁶⁶ Phrantzes, p. 64.

^{66а} А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой географии. М., 1917, стр. 81.

⁶⁷ Сумма, которую предстояло выплатить деспоту, была, очевидно, значительной, поскольку продал он Мистру, по словам Халкокондила (р. 97), «за какие-то большие деньги», а Бозио уточняет, что деспот «получил плату... частью наличными деньгами и частью различными драгоценностями» (I. Bosio. *Dell'istoria della sacra religione*, p. 109). Он вернул только часть денег, и ордену потребовалось приложить немало усилий, чтобы получить остальное. Послам магистра пришлось по этому поводу несколько раз ездить в Морею. По окончательному договору орден возвращал деспоту Коринф, а тот в обмен должен был дать ему в той же провинции графство Салону, помимо 46 500 дукатов, из которых он уже уплатил 22 тысячи наличными (R. A. Vertot. *Histoire...*, p. 273—274). Ф. И. Успенский говорит, что Мануил II, возвращаясь из поездки по Западной Европе, по пути восстановил Феодора Палеолога в Мистре, выкупив собранными на Западе деньгами города Морею у родосских рыцарей (Ф. И. Успенский. *История Византийской империи*, т. III. М.—Л., 1948, стр. 759). Вероятно, это так и было, но проверить, какими источниками пользовался Ф. И. Успенский, мы пока не в состоянии.

⁶⁸ Phrantzes, p. 64.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ R. A. Vertot. *Histoire...*, p. 273.

⁷¹ PG, t. 156, col. 253 D.

⁷² Ibid., col. 253 D, 256 A.

в Мистру посольство, чтобы узнать, примет ли его народ, если он снова вернется⁷³. Но, как сообщает Сфрандзи, «народ не пожелал принять, а дерзко и сильно разбил его»⁷⁴. Неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы не вмешался архиепископ Мистры, который «своим посредничеством положил конец всем многочисленным словам и возмущениям»⁷⁵ и после длительных увещаний добился того, чтобы жители «снова приняли и восстановили его [деспота. — И. М.] в тех же правах, что и прежде»⁷⁶. Однако перед тем, как принять Феодора Палеолога, народ заставил его торжественно поклясться никогда больше не прибегать к подобным сделкам⁷⁷ и объявить амнистию участникам событий⁷⁸. Условия, на которых народ Мистры принял деспота, были, таким образом, для последнего довольно унижительно. Судя по одному из писем императора Мануила II⁷⁹, ему пришлось самому приложить немало труда, чтобы примирить разгневанный народ с вернувшимся деспотом.

Однако примирение было, очевидно, весьма относительным. Антагонизм продолжал существовать, и когда через несколько лет Мануил II снова посетил Мистру (на сей раз чтобы похоронить своего брата, умершего в 1407 г.⁸⁰), он нашел умы еще слишком взволнованными этим воспоминанием⁸¹.

Многое остается неясным во всех этих событиях, происшедших в Мистре, а следовательно, и в оценке его современными исследователями. В кратких упоминаниях, встречающихся в исторической литературе, эти события характеризуются как народное восстание⁸². Думается, что это несколько преувеличено. Немногочисленные источники рисуют происшедшее как эпизод из политической истории Мистры. В значительной степени эти события, очевидно, и были такими. Чрезвычайно сложная обстановка вынудила деспота (вероятно, с одобрения центрального правительства) пойти на крайние меры. Продавая Мистру ордену госпитальеров, он надеялся, что рыцари защитят ее как свой тыл. Если наше предположение верно, эта продажа могла рассматриваться как аванс для обеспечения успеха поездки Мануила по Западной Европе. Разумеется, известную роль в решении деспота могли играть соображения личной безопасности. Еще в 1394 г., заключая с Венецией Модонский договор, деспот добился принятия статьи, предоставляющей ему, его жене и родственникам убежище на венецианских землях в случае крайней необходимости⁸³.

Но ограничиваться только этими выводами было бы неверно. При более внимательном рассмотрении описываемые события могут быть поняты как естественное следствие тех процессов, которые происходили в Визан-

⁷³ Chalco., p. 98.

⁷⁴ Phrantzes, p. 64.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Chalco., p. 98.

⁷⁸ Phrantzes, p. 64.

⁷⁹ Письмо 151-е к архиепископу Евгению. См. Berger de Xivrey. *Mémoire...*, p. 147. Известно, что вторую половину апреля и весь май 1403 г. император находился в Мистре (см. А. А. Васильев. *Путешествие...*, стр. 80). Причиной такой задержки могло быть стремление урегулировать конфликт и помочь деспоту рассчитаться с госпитальерами.

⁸⁰ Berger de Xivrey. *Mémoire...*, p. 147.

⁸¹ Ibidem.

⁸² A. A. Vasiliev. *History of the Byzantine Empire*, II. Madison, 1929, p. 335; W. Miller. *The Latins in the Levant*, p. 369; F. Gregorovius. *Geschichte der Stadt Athen...*, II, p. 276; D. Zakynthinos. *Le despotat grec de Morée*, I, p. 159; II, p. 95 sq.

⁸³ D. Zakynthinos. *Le despotat grec de Morée*, I, p. 138.

тии на протяжении всего XIV столетия. Мы имеем в виду безудержный рост монастырей и их владений. Конечно, по сравнению с Фессалоникой, в которой насчитывалось 19 крупных монастырей и которую монахи Афона рассматривали в качестве столицы своей республики⁸⁴, Мистра представляла собой более скромный монашеский центр; но и здесь существовало семь крупных церквей и монастырей, множество мелких монастырьков-монидрионов и просто часовен⁸⁵. Если попытаться локализовать известные нам по хрисовулам и епископальным актам⁸⁶ владения только двух монастырей (Митрополии и Бронтохиона), то можно видеть, что они разбросаны в самых различных местах Пелопоннеса, а в окрестностях Мистры образуются целые комплексы с вкраплением в них владений деспота⁸⁷, придворной знати и стратиотов.

Исследователи, как правило, ограничиваются лишь констатацией этого роста монастырей и их владений, не пытаясь поставить его в связь с таким явлением в общественной жизни Византии, как исихастское движение. А ведь именно это воинствующее мистическое течение, приобретшее к тому же в описываемый период ярко выраженный политический оттенок, было заинтересовано в материальных возможностях для реализации своих планов. Обращает на себя внимание настойчивость, с которой монашество требует от правительства все новых и новых владений. Стронник Паламы и активный участник исихастского движения Исидор говорит: «Мы, монахи, что-нибудь претерпев, не переносим спокойно обиды, а перетряхиваем все сверху донизу; чтобы овладеть большим имуществом, мы обращаемся то к императорскому двору, то на рынок и, подобно морским волнам, всегда находимся в движении»⁸⁸. В Мистре эту миссию начал энергично осуществлять архимандрит и протосинкелл Пахомий, а из продолжателей надо в первую очередь отметить представителей знаменитой фамилии Кантакузинов во главе с экс-императором Иоанном VI. Публикации И. Мейендорфа, И. Даррузе⁸⁹ и других позволяют подробнее познакомиться с энергичной деятельностью Кантакузина в период после его отречения. Оплотом этой деятельности среди других центров стала и Мистра. Он организовал здесь целую школу переписчиков во главе с Мануилом Цикандилисом, распространяя в большом количестве как свои сочинения, пропагандирующие учение Григория Паламы, так и произведения самого Паламы⁹⁰. Поддержку в этом он находил у своего сына Мануила, деспота Мистры, которому за его деятельность

⁸⁴ O. Tafrali. Thessalonique au XIVe siècle. Paris, 1913, p. 94.

⁸⁵ R. Hauschild. Mistra — die Faustburg Goethes. Berlin, 1963, S. 7—9.

⁸⁶ G. Millet. Les inscriptions byzantines de Mistra. — BCH, XXIII, 1899, p. 97—154.

⁸⁷ О них можно составить представление из речи деспота Константина Палеолога по случаю передачи Мистры и личных владений деспота Сфрандзи (см. Phrantzes, p. 200).

⁸⁸ Цит. по кн.: O. Tafrali. Thessalonique. . . , p. 27, n. 1.

⁸⁹ J. Meunodoff. Projets de concile oecumenique en 1367. Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul. — DOP, XIV, 1960; J. Darrouès. Lettre inédite de Jean Cantacuzène relative à la controverse palamite. — REB, XVII, 1959.

⁹⁰ Так, приехав в Мистру осенью 1359 г. со всей своей семьей и окружением, Кантакузин оставался в ней больше года (см. J. Dräseke. Zu Johannes Kantakuzenos. — BZ, IX, 1900, S. 76), а в очередной приезд в 1369 г. он с помощью Мануила Цикандилиса распространял свое богословское полемическое сочинение, направленное против осужденного собором 1368 г. Прохора Кидониса. Кроме того, Мануилом Цикандилисом в Мистре была проведена большая работа по сбору и переписке гомилий Григория Паламы (см. J. Meunodoff. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959, p. 334) и других его произведений. Например, греческая рукопись 1711 г. Ватикане, также принадлежащая руке Цикандилиса, включает все «Триады» и два трактата Паламы и тоже, вероятно, происходит из Мистры (Ibid., p. 332).

по возведению храмов в Мистре и превращение их в монастыри воздал хвалу патриарх-исихаст Филофей Коккинос⁹¹.

Если владение колоссальными земельными угодьями, недвижимым имуществом, многочисленным зависимым крестьянским населением, доходами в виде феодальной ренты и чисто церковными доходами составляло основу экономического могущества духовенства Мистры и в первую очередь черного духовенства, монашества, то исихазм явился идеей, санкционировавшей самостоятельность монастырей по отношению к светской власти. В источниках нет прямых свидетельств об участии монашеских элементов в рассмотренных нами событиях, но вряд ли можно сомневаться, что за спиной архиепископа скрывался многочисленный и сильный отряд монахов-калогеров, которые определяли политическую атмосферу в городе и настроение населения. После победы исихазма, когда епископские и митрополичьи кафедры, да и сам патриарший престол заняли монахи, влияние монашеского элемента в церкви резко усилилось.

События 1402 г. показали, что судьбы Мистры решались не в блестящем и внушительном дворце деспота, а в монастырских кварталах города. Население Мистры, находившееся под безраздельным влиянием монашества, было подготовлено к отрицанию всяких связей с латинянами и, как нам кажется, к принятию в конце концов турок. Этим объясняется тот факт, что пройдет немного времени — и в 1460 г. Мистра без всякого сопротивления откроет свои ворота туркам.

⁹¹ MM, I, p. 473.

С. К. КРАСАВИНА

ДУКА И СФРАНДЗИ ОБ УНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВЕИ

Разгоревшаяся в поздней Византии борьба вокруг церковной унии с Римом нашла отклик в исторических сочинениях XV в. В зависимости от своего миропонимания и политической ориентации византийские историки по-разному трактуют вопросы, касающиеся этой борьбы. Точка зрения каждого из них отражает взгляды тех кругов византийской аристократии, к которым они принадлежали. Принимая непосредственное участие в государственных делах либо в качестве приближенных лиц императора (Сфрандзи), либо в качестве дипломатических деятелей, состоявших на службе у правителей отдельных византийских территорий (Дука), эти историки неизбежно включались в политическую жизнь, отстаивая интересы определенных группировок феодальной знати Византии.

Отмечая существование в Византии XV в. трех политических течений — протурецкого, пролатинского и православно-ортодоксального, исследователи находят им параллели в византийской историографии той эпохи, причем Дука и Сфрандзи обычно рассматриваются как антиподы¹. Считается, что Сфрандзи отражает в своей Хронике мнение ортодоксальных кругов византийской знати, в то время как Дука, будучи сторонником заключения унии с Римом, представляет в историографии пролатинскую партию. Подобная трактовка политических взглядов Сфрандзи стала общепринятой, несмотря на то, что еще П. Д. Погодин обратил внимание на одно обстоятельство, противоречащее представлению о Сфрандзи как о противнике² унии. Впрочем, сам же П. Д. Погодин, а за ним и Г. С. Дестунис³ всюду стремились подчеркнуть ортодоксальность историка, и оба немало способствовали сохранению за Сфрандзи репутации православно-ортодоксального автора. Такое мнение закрепилось, в дальнейшем его не смогли поколебать усилия В. Миллера, который пытался вновь привлечь внимание исследователей к фактам, говорящим о стремлении

¹ П. Д. Погодин. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 г. — ЖМНП, 1883, август, стр. 207—224; А. П. Лебедев. Очерки истории византийско-восточной церкви конца XIV в. до пол. XV в. М., 1892, стр. 79; K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 305—309; G. Darko. Die letzten Geschichtsschreiber von Byzanz. — «Ungarische Rundschau», 3, 1913, S. 395; N. Jorga. Médaillons d'histoire littéraire byzantine. — Byz., II, 1925, p. 296—298; З. В. Удалцова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. — ВВ, III, 1950, стр. 108; G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 416—417; M. E. Colonna. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo, I. Napoli, 1956, p. 39—41, 121; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 247—251, 282—288.

² П. Д. Погодин. Указ. соч., стр. 208.

³ Г. С. Дестунис. Опыт биографии Георгия Франдзия. — ЖМНП, 1893, июнь, стр. 464—466.

Сфрандзи к союзу с Западом⁴. Старания В. Миллера остались безрезультатными еще и потому, что вскоре подверглась серьезному сомнению принадлежность Сфрандзи так называемой Большой хроники, сочинения, на котором основывались все упомянутые выше византинисты⁵. С этого времени внимание исследователей труда Сфрандзи целиком поглотила проблема фальсификации Большой хроники и связанные с ней источниковедческие задачи, а вопрос о политической ориентации историка отошел на второй план.

Что касается политических взглядов Дуки, то здесь дело обстояло иначе. Отношение его к церковной унии с Римом сразу же стало центральным пунктом в работах, посвященных этому автору, и сочувствие Дуки унии отмечалось всеми исследователями. Однако по вопросу о причинах этого сочувствия в конце прошлого века между двумя русскими учеными П. Д. Погодиным и Е. Черноусовым возникла оживленная дискуссия. П. Д. Погодин считал, что униатская позиция Дуки вызвана враждебностью его к Византии и благосклонностью к Западу⁶. Е. Черноусов доказывал отсутствие у Дуки симпатий к Западу, отмечал его горячий патриотизм и в противоположность П. Д. Погодину указывал на то, что именно этот патриотизм толкал Дуку на унию с Римом как к средству, способному обеспечить помощь гибнущей Византии со стороны Запада⁷.

В наше время эта точка зрения была поддержана некоторыми зарубежными учеными. В частности, румынский исследователь В. Греку предостерегал от того, чтобы считать Дуку сторонником унии, руководившимся какими-то личными мотивами⁸; в недавнем издании «Истории» Дуки он вновь охарактеризовал этого автора как патриота, поддерживавшего идею унии только из политических соображений⁹. Однако наряду с этим существует взгляд на Дуку как на историка, отражавшего воззрения приверженцев пролатинской партии. Эта концепция последовательно проводится в ряде работ советских византинистов, а также остается преобладающей в трудах общего характера.

⁴ W. Miller. The Historians Doukas and Phrantzes. — JHS, v. XLVI (1926), p. 69.

⁵ Известны два произведения Георгия Сфрандзи: Большая хроника, которая посвящена событиям с 1258 по 1477 г., и Малая хроника, охватывающая период с 1413 по 1478 г. Последняя представляет собой мемуары византийского сановника, изложенные в форме дневника; Большая же хроника является расширенной редакцией Малой со стилизованным языком и многочисленными дополнениями и исправлениями оригинала (см. Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 428—434; П. Д. Погодин. Указ. соч., стр. 207—212). Предпринятые текстологические исследования Большой хроники показали, что значительная часть ее подложна. Позднее удалось установить и имя фальсификатора: им оказался митрополит Монебвасии Макарий Мелиссияна. В 1573—1575 гг. он обработал Малую хронику Сфрандзи, дополнив и в ряде случаев изменив ее текст. Таким образом, Большая хроника в дошедшем до нас виде представляет собой компиляцию, составленную столетие спустя после создания Малой хроники (см. J. V. Parapoulos. Über «Maus» und «Minus» des Georgios Phrantzes. — BZ, 1938, 38, p. 323—331; idem. Ἐρευνετικά εἰς τὴν μεγάλην καὶ τὴν μικρὰν χρονογραφίαν τοῦ Φραντζῆ. — ΕΒΕΒ, 1937, 13, p. 155—157; F. Dölger. Ein literarischer und diplomatischer Fälscher des 16. Jahrhunderts. Metropolit Makarios von Monembasia. — «Otto Glanung zum 60. Geburtstag». Leipzig, 1936, S. 25—35; V. Grecu. Georgios Sphrantzes. — BS, XXVI, 1965, p. 62—74 и др.). В дальнейшем, говоря о сочинении Сфрандзи, мы имеем в виду лишь Малую хронику, авторство которой не вызывает сомнений (Chronicon Minus Georgii Phrantzae. — PG, t. 156).

⁶ П. Д. Погодин. Указ. соч., стр. 219.

⁷ Е. Черноусов. Дука, один из историков конца Византии. — ВВ, XXI, вып. 3—4, 1914, стр. 216—220.

⁸ V. Grecu. Pour une meilleure connaissance de l'historien Doukas. «Archives de l'Orient Chrétien», I. Bucarest, 1948, p. 137—138.

⁹ Ducas. Historia turco-bizantină (1341—1462), ed. V. Grecu. — RPR, 1957, p. 6.

Поэтому мы считаем необходимым еще раз пересмотреть вопрос о позиции обоих историков, Дуки и Сфрандзи, относительно унии церквей и, анализируя источники, проследить шаг за шагом их точку зрения, выявить сходство и различия в политической ориентации авторов. Разбор этой проблемы позволит в конечном счете полнее определить ту роль, которую играли накануне падения Византии политические партии, чьи интересы защищали названные авторы в своих сочинениях.

Описание Флорентийского собора в «Истории» Дуки выглядит вкратце так. Уния православной и католической церквей была задумана давно. Предварительно из Византии в Рим отправлены были послы, а папа обещал дать деньги на проезд и содержание в Италии византийского посольства. Сев на корабли, присланные папой, византийцы отправляются из Константинополя в Венецию. Венецианцы радостно принимают посольство и предоставляют ему возможность совершить богослужение по восточному обряду. Оно производит на присутствующих венецианцев неизгладимое впечатление. Как истинный византиец, преисполненный гордости за свою религию, историк с большим подъемом описывает этот эпизод. Между прочим, по словам Дуки, венецианцы здесь убеждаются в том, что греки — «первородные сыны церкви» и что в них «говорит и действует божественный дух»¹⁰. Затем византийское посольство прибывает в Феррару, но из-за свирепствовавшей там чумы собор переносится во Флоренцию. Дука перечисляет участников византийского посольства. Он отдает должное всем, не выделяя особо ни сторонников унии, ни противников ее, и объявляет о решении заключить унию. При этом подчеркивается, что под ним поклялись все греки, кроме Марка Эфесского. Принятый на соборе символ веры (с *filioque*), как отмечает Дука, отличается от греческого, так что договоренность была достигнута ценой уступки греков в догматических вопросах. Против этого изменения православного символа веры протестовал лишь Марк Эфесский, но латиняне возражали ему, ссылаясь на отцов церкви (их аргументы автор приводит вместе с протестами Марка). После заключения унии посольство (через Венецию, а затем Беотию) возвращается в Константинополь. Здесь Иоанн VIII Палеолог сразу отправляет послов к Мураду II, чтобы рассеять дошедшие до султана слухи, будто император, заключив союз с «франками» и сделавшись сам «франком», намерен «пойти с земли и моря войной против Мурада с целью прогнать его с Запада» (т. е. из европейских владений Византии)¹¹. Византийские послы заверяют султана, что император ездил в Италию только из-за разногласий по вопросам веры; Мурад обрадован таким объяснением. На этом кончается повествование Дуки о Флорентийском соборе.

Мы можем констатировать, что на протяжении всего описания тон автора остается деловым и спокойным; никаких признаков, которые могли бы свидетельствовать о его симпатии к унии церквей, здесь нет. Историк в целом беспристрастен; исключением является его высказывание о впечатлении, произведенном на венецианцев греками и особенно их богослужением, — это восхищение населения Венеции византийцами передано в несколько приподнятом стиле.

Однако манера изложения Дуки резко меняется, как только он переходит к изображению событий, происшедших в Константинополе после заключения унии во Флоренции. «Сразу после того, как архиереи сошли с трирем, — пишет Дука, — население Константинополя по обычаю приветствовало их и спрашивало: «Ну, как наши дела? Как собор? Одер-

жали ли мы победу?» Но те отвечали им: «Мы продали нашу веру, обменяли благочестие на нечестие, предали чистую жертву и оказались азиатскими». Эти и другие еще более позорные и постыдные слова говорили они. И кто это был? — восклицает возмущенный автор. — Те, кто поставил свою подпись в договоре: Антоний Гераклеийский и все остальные. А если кто-нибудь спрашивал у них: «Зачем вы подписали [договор]?» — они отвечали: «Потому что боялись франков». И когда снова спрашивали у них, пытали ли франки кого-либо, били ли, бросали ли в тюрьму, [те отвечали]: «Нет». «Тогда почему же?» — «Сама рука подписала, — говорили они, — будь она отрублена! Сам язык согласился, пусть будет вырван!» И Дука комментирует: «Ничего другого они не могли сказать. Ведь некоторые архиереи заявляли при подписании договора: «Не подпишем, пока вы не дадите нам достаточно денег». Те дали, и они обмакнули перо [в чернила]. На них было истрачено бесчисленное количество денег, отсчитанное в руки каждого из отцов. Затем раскаявшись в этом, они, однако, не возвратили серебра. Что же касается их заявления о том, что они продали свою веру, то [следует заметить]: они совершили больший грех, чем некогда Иуда, ибо тот вернул сребреники. Но увидел господь и отверг их. Поднялся огонь против Иакова, и обрушился гнев его на Израиль»¹².

Обличительные слова в адрес участников собора во Флоренции вряд ли могли быть произнесены сторонником унии церквей. Разоблачение подкупа византийского духовенства на соборе римским папой было на руку противникам унии¹³. Поэтому не случайно в итальянском переводе «Истории» Дуки, сделанном, по-видимому, в конце XV в., автор принадлежит к униатскому кругу несомненно, дает иную интерпретацию этому отрывку, совершенно искажающую смысл оригинала: переводчик возмущается не поведением византийского посольства на соборе и после возвращения его на родину, как это делает Дука, а реакцией населения Константинополя, не принявшего унию¹⁴. Таким образом, мы можем отметить, что в описании Флорентийского собора Дука предстает вполне ортодоксальным византийцем. Об этом свидетельствуют как его высказывания о своей религии, вложенные им в уста венецианцев (греки — первородные сыны церкви), так и его осуждение поведения византийских сановников и духовенства на соборе (продали веру).

Обратимся теперь к изображению Дукой последней попытки Византии обеспечить себе поддержку Запада путем заключения унии с Римом. Турки уже стоят у стен Константинополя, в городе царят страх и смятение, нужно принимать все возможные меры для защиты столицы. В этих условиях император Константин XI Палеолог, надеясь посредством унии получить военную помощь из Италии, обращается к папе Николаю V с предложением вновь заключить унию. С этой целью в Константинополь приезжает грек — латинофил Исидор Русский, которого Дука уже упоминал как одного из деятелей Флорентийского собора¹⁵. 12 декабря 1452 г., за пять месяцев до падения Константинополя, император подписывает с ним акт об унии православной и католической церквей. Но большая часть священников и монахов не приняли унии. Дука сообщает, что монахи склоняли его написать, будто и император лишь притворно согласился на нее¹⁶. Подстрекаемая главой православной партии Георгием Схоларием, призывавшим сограждан «надеяться на бога, а не на помощь

¹² Duc as, p. 269.30—271.16.

¹³ См. об этом: З. В. Удалъцова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе. . . , стр. 124.

¹⁴ Italice interprete incerto. — CSNB. Bonnae, 1834, p. 459.

¹⁵ Duc as, p. 267.19—20.

¹⁶ Duc as, p. 315.21—24.

¹⁰ Duc as, p. 267.8—10.

¹¹ Ibid., p. 269.25—26.

франков», беспорядочная праздная толпа, выйдя из монастырского двора, начала шуметь в харчевнях, держа в руках сосуды с неразбавленным вином, и носить сторонников унии: «...ни помощи латинян, ни унии нам не нужно!»¹⁷ Историк не остается равнодушным к такого рода заявлениям. «Несчастные, что вы о пустом заботитесь?!» — восклицает он и раздражается гневной тирадой, осуждающей фанатизм византийских монахов и духовенства, которые не видят того, что «уже завтра они попадут в руки варваров и будут опозорены и обесчещены ими»¹⁸. Дука возмущен жителями Константинополя, которые, занимаясь религиозными спорами вместо того, чтобы защищать город от врага, совершенно потеряли всякое чувство ответственности за судьбу родины. «Дикий народ, ненавистник блага, корень заносчивости, ветвь тщеславия, цвет высокомерия, отбросы рода эллинов, воистину достойный сам презрения, но презирающий весь род людской, считал, что всего случившегося якобы не было», — пишет историк, давая очень резкую характеристику своим соотечественникам¹⁹. Отрицательное отношение у него вызывает и широко известное выражение великого дуки Константинополя Луки Нотары: «Лучше видеть царствующей в городе турецкую чалму, чем латинскую тиару». Дука замечает, что слова обращены скорее против города, «когда уже перед глазами греков стояло бесчисленное турецкое войско», чем против латинян²⁰.

Особое внимание заслуживает заявление историка, позволяющее судить, насколько сильна была в Константинополе ненависть к итальянцам и насколько ожесточенным — сопротивление константинопольцев (главным образом монашества и духовенства, как указывает Дука) унии церковью и политике императора в этом вопросе. Описывая штурм Константинополя турками и бегство горожан в собор Св. Софии, где они надеялись найти спасение (согласно получившему распространение пророчеству о предстоящем освобождении в храме от рук простого, никому неизвестного человека²¹), Дука бросает жителям столицы следующее обвинение: «И даже в такой великой опасности, если бы ангел сошел с неба и сказал вам: «Я выгоню врагов из города, если вы примете унию и установите мир в церкви», — вы и тогда не согласились бы на нее, а если и согласитесь, то ложью было бы ваше согласие. Ведь те, кто несколько дней назад говорил: «Лучше попасть в руки турок, чем франков», — знают это»²².

Здесь позиция историка в отношении унии церковью раскрывается ярче всего. Если даже сделать скидку на некоторые преувеличения в высказываниях, вызванные сознанием ответственности за судьбу страны и горячим желанием помощи ей, то и тогда сочувствие Дуки унии видно довольно ясно. Для него не существует вопроса, кто лучше — турки или латиняне. В данной ситуации он, без всякого сомнения, за латинян. Однако эта позиция не находится в противоречии с общей направленностью сочинения Дуки. Историк проникнут страданием, горем и болью за свой народ и свою страну. Даже свое решение продолжать повествование после

¹⁷ Ducas, p. 317.12—22.

¹⁸ Ibid., p. 319.21—28.

¹⁹ Ibid., p. 319.8—11. А. С. Степанов, давая перевод этой главы из труда Дуки («Византийские историки Дука и Сфрандзи о падении Константинополя». — ВВ, VII, 1953, стр. 391), перевел слово *λαός* как «чернь», отчего вся фраза приобретала у него острое социальное звучание. На наш взгляд, никаких оснований для подобной интерпретации нет, поскольку Дука постоянно употребляет это слово (*λαός* — «народ») в смысле массы людей в отличие от *ἔθνος* — «народ» в политическом значении. Когда же автор хочет придать фразе социальный оттенок, он повсюду употребляет слово *ἔχλος*.

²⁰ Ducas, p. 329, 8—12.

²¹ Ibid., p. 365.3—12.

²² Ibid., p. 365.26—30.

захвата Константинополя турками автор оправдывает только тем, что уверен в гибели Мехмеда II и падении рода Османов, о чем непременно жаждет написать в своей «Истории»²³.

Необходимо также заметить, что и здесь Дука остается абсолютно ортодоксальным. Так, он заявляет, что православному непозволительно говорить о том, как латиняне совершают причастие; отважившийся причаститься у католика достоин того, чтобы его побили камнями²⁴, а при описании разграбления турками церковных святынь автор приходит в отчаяние и обнаруживает истинно византийскую преданность, любовь и уважение к своей религии²⁵. Обвинения греков в фанатизме, упрямстве и неискренности при заключении унии выглядят у Дуки совершенно иначе, чем у латинофилов²⁶, прежде всего потому, что он сочувствует своим соотечественникам, а его возмущение безрассудной их политикой продиктовано, несомненно, политическими соображениями: перед лицом грозной опасности, которую представляла для Византии турецкая осада 1453 г., нужно было использовать последнее средство, способное, по его мнению, предотвратить гибель города.

Рассмотрим теперь отношение Сфрандзи к унии церковью. Зная о той важной роли, которую играл этот византийский сановник при трех последних Палеологах, о его дружбе с императором Константином XI, вместе с которым он рос и воспитывался, можно было бы ожидать, что уния займет большое место в мемуарах: именно в эти годы она приобрела первостепенное значение в политике византийского правительства. Однако ни Флорентийскому собору, ни борьбе вокруг унии с Римом, развернувшейся уже до собора и продолжавшейся после него, Сфрандзи не уделяет сколько-нибудь значительного внимания. Он пишет лишь о том, что собор был задуман не так, как следовало, и при этом оговаривается, что имеет в виду не догматы церкви, поскольку об этих вопросах не ему судить²⁷. Ведь он никогда ни от кого из противников не слышал, что вера греков плоха, а наоборот, слышал лишь, что она хорошая и древняя, но и их вера тоже не плоха, а прекрасна. И в доказательство правоты своей точки зрения Сфрандзи приводит назидательный рассказ о дорогах к храму Св. Софии²⁸, в котором по существу изложены основные установки автора, касающиеся религиозных вопросов: провозглашение веро-

²³ Ibid., p. 399.19—401.20.

²⁴ Ibid., p. 325.12—14.

²⁵ Ibid., p. 363.1—9.

²⁶ В. Греку уподобляет выпады Леонарда Хиосского против антиуниатов высказывания Дуки по этому поводу (Ducas, Istorica Turco-Byzantina. — RPR, 1958, p. 364, n. 19). Это связано с его общей тенденцией отождествлять греческую «Историю» Дуки с ее староитальянским переводом, который действительно имеет много общего с Леонардом (Leonardi Chiensis Historia C-politanae urbis a Mahumete II captae, per modum epistolae, die 15 augusti anno 1453 ad Nicolaum V Rom. Pont. — PG, t. 159, p. 925). По моему мнению, делать это нельзя, поскольку итальянский переводчик был католиком и во многих случаях он так «исправляет» Дуку, что полностью искажает оригинал.

²⁷ Phrantzoes, p. 1046 A.

²⁸ Ibid., p. 1046 B, C: «В доказательство, — пишет историк, — допустим, что мы с кем-нибудь в течение долгого времени идем по широкой и просторной Месе города, по которой (прежде) ходили в Святую Софию. Затем через некоторое время кем-то была найдена и другая дорога, ведущая, как говорят, туда же. Допустим, меня начинают подстрекать: дескать, пойдешь по этой дороге, которую мы нашли! Ведь хотя та, откуда ты идешь, древняя, прекрасная и нам с вами с давних пор известная, поскольку мы ходили по ней, однако и эта, которую мы отыскали сейчас, так же хороша. Я же, допустим, слышу от одних, что она хороша, а от других, что нехороша. Поэтому отчего бы мне не сказать: „Превосходно! С миром и любовью отправляйтесь в Святую Софию, откуда пожелаете. Я же хочу снова идти по пути, которым я ходил долгое время вместе с вами и который засвидетельствован и вами, и предками моими как хороший“».

терпимости по отношению к католицизму и собственной преданности вере отцов. Далее Сфрандзи объявляет, что он не отрицает унию церквей, ради которой готов даже лишиться глаза. В данной ситуации, однако, он считает Флорентийский собор политической ошибкой, поскольку, по его мнению, именно этот собор побудил турок двинуться против Константинополя, ибо союз Византии с Западом представлял для них большую опасность²⁹. Излагая события, историк иллюстрирует свою мысль фактами. Он рассказывает, как император Иоанн VIII Палеолог перед отъездом в Италию, отправив послов к султану Мураду II, сообщил ему о своем намерении, и, несмотря на явное неудовольствие последнего, все случилось так, как захотел император, «а скорее злая судьба», — добавляет Сфрандзи³⁰. Едва Иоанн VIII отправился в Италию, Мурад II решил «пойти войной против города... не столько с целью взять его, сколько для того, чтобы заставить императора вернуться назад», и лишь усилиями великого визиря Халил-паша удалось избежать осады Константинополя³¹.

С этих же позиций излагает Сфрандзи основные принципы внешней политики Мануила II Палеолога, высказанные им в беседе со своим сыном, императором Иоанном VIII в присутствии самого историка. Описание этой беседы Сфрандзи приводит в качестве объяснения своей мысли о нецелесообразности Флорентийского собора в конкретной ситуации, сложившейся в то время. Император рекомендует сыну держать турок в страхе перед возможностью договориться с Римом об унии, поскольку «турки полагают, что в случае подобного объединения западные народы причинят ради нас большое бедствие им», но заключать унию Мануил не советовал: «Насколько я знаю наших, они не согласятся найти способ объединения, единодушия и мира... Я боюсь, как бы схизма не стала еще хуже и как бы мы не оказались беззащитны перед нечестивыми». Когда же Иоанн VIII не выслушал доводов отца, Мануил, жалуясь на сына, который не учитывает реального соотношения сил, выразил опасение, что политика Иоанна может привести к крушению дома Палеологов. И, как замечает историк, дальнейшие события подтвердили справедливость слов императора³².

Итак, Флорентийская уния вызывает неодобрение Сфрандзи своим неблагоприятным политическим результатом (ухудшение византийско-турецких отношений); ей противопоставляется политика Мануила II. Мы можем констатировать, что историк вслед за глубоко почитаемым им императором Мануилом II Палеологом обнаруживает ясное понимание внутренней ситуации в Византии (невозможность принятия унии), но в то же время отдает себе отчет и в том, что углубление раскола с Западом повлечет за собой гибель византийского государства. Будучи одним из наиболее близких императорскому дому людей, Сфрандзи хорошо понимал необходимость политического союза с Западом. Его стремление добиться такого союза проявлялось в попытках устроить брак Константина XI Палеолога (еще в то время, когда тот был деспотом) с дочерью венецианского дожа Франческо Фоскари. Историк прямо заявляет, что этот брак нужен был как средство объединения с Венецией. «Я больше всех других одобрял это дело и содействовал ему»³³, — пишет он и с горечью сообщает, что из-за расторжения предполагавшегося брака Франческо Фоскари сделался врагом Византии.

Этой же целью (объединение с Западом) руководствовался Сфрандзи, советуя императору Константину XI поставить патриархом кардинала Исидора Русского, присланного папой Николаем V для вторичного заключения унии. Константин XI считал невозможным назначить патриархом латинофила Исидора (хотя это и сулило политические выгоды) по той причине, что может возникнуть раздор между ним и его противниками, а в такое время, когда Византия втянута в войну с турками, борьба внутри Константинополя принесет великое зло³⁴. Поэтому император отверг предложение Сфрандзи, но готовность историка пойти на подобный шаг говорит сама за себя.

Мы подчеркиваем, что, несмотря на заверения в своей ортодоксальности, Сфрандзи нигде не выступает против унии церквей как таковой. Конфессиональная сторона этого акта не интересует историка. Если Флорентийская уния им и берется под сомнение, то имеется в виду при этом исключительно политический результат ее³⁵. Когда же интересы государства потребовали добиться помощи от Запада ценой унии, историк считал возможным посоветовать императору пойти на нее.

Таким образом, в результате анализа отношения двух византийских историков к унии с Римом мы приходим к выводу, что у них гораздо больше точек соприкосновения, чем различий. Как Дука, так и Сфрандзи рассматривали унию в качестве средства получения поддержки Запада, совершенно не выражая своих взглядов на конфессиональное содержание унии. Хотя Дука гораздо откровеннее Сфрандзи в своих симпатиях и антипатиях, он все же не меньше последнего ортодоксален и патриотичен. В той борьбе, которая разыгралась накануне падения Византии, оба историка, очевидно, принадлежали к одной партии, и вряд ли правомерно противопоставлять их друг другу. Составляя свои хроники уже после падения Константинополя, они неизбежно оценивали все затрагивавшиеся ими факты, отталкиваясь от последующих событий. Этот ретроспективный взгляд, по нашему мнению, и обусловил различие их позиций по отношению к церковной унии.

Уния не спасла Византию. С точки зрения Дуки, это произошло потому, что она вызвала раздор в Константинополе и ослабила силы защитников города; с точки же зрения Сфрандзи — потому, что Флорентийский собор в данной ситуации оказался политической ошибкой, ибо именно он явился причиной турецкой агрессии. Исходя из неблагоприятных результатов попытки заключить унию во Флоренции, Сфрандзи склонен не одобрять ее (повторяем, что это относится только к Флорентийской унии и лишь к политической стороне ее), между тем Дука, руководствуясь интересами защиты государства, обрушивает свой гнев на противников унии. И, наконец, оба историка в самый критический для Византии момент сочли необходимым, чтобы империя пошла на унию ради спасения Константинополя, надеясь таким путем получить военную поддержку от Запада.

Мы согласны с Э. Франчесом, считающим антиуниатскую позицию в то время вряд ли оправданной, поскольку в обстановке 1453 г. доводы политической целесообразности не позволяли игнорировать малейшую перспективу помощи³⁶. Характерно, что именно те круги византийской знати, которые выступали против унии, впоследствии нашли общий язык с завоевателями (Нотара, Схоларий). Дука много пишет о поведении во

²⁹ Phrantzaes, p. 1046 C.

³⁰ Ibid., p. 1047 C.

³¹ Ibid., p. 1047 C, D.

³² Ibid., p. 1046 C, D—1047 A, B.

³³ Ibid., p. 1062 B.

³⁴ Ibid., p. 1062 C, D.

³⁵ C. J. G. Turner. Pages from Late Byzantine Philosophy of History. — BZ, 1964, II, p. 353—354.

³⁶ Э. Франчес. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. — ВВ, XV, 1959, стр. 82—83.

время турецкой осады Георгия Схолария, ставшего после падения Константинополя патриархом. Своими выступлениями против сторонников унии он подрывал среди населения веру в возможность успеха в борьбе с турками, обращаясь с пророчествами, предсказывавшими грекам гибель за вероотступничество³⁷. Нетрудно представить, к чему вела такая политика: отказываясь в период величайшей опасности от объединения всех сил для защиты родины, сторонники этой политики прямо или косвенно способствовали завоеванию турками Константинополя³⁸. Православная партия, возглавлявшаяся после смерти Марка Эфесского его любимым учеником и последователем Георгием Схоларием, имела большое влияние в городе. С этой оппозиционной правительству партией приходилось считаться сторонникам унии и самому императору. Мы уже приводили выше высказывание Дуки о монахинях, склонявших его написать в «Истории», будто весь народ не принял унии, а император лишь притворно согласился на нее. У Дуки же есть свидетельство о том, как унияты в ответ на обвинение в вероотступничестве, предъявлявшееся им православной партией, вынуждены были уверять своих противников, что они неискренне подписывали унию³⁹. Рассказ Сфрандзи об отказе Константина XI Палеолога возвести на патриарший престол Исидора Русского, последовательного латинофила, также свидетельствует о том, что правительство постоянно приходилось выискивать возможности компромисса с оппозицией⁴⁰. Если за сто лет до того, в 1339 г., тайный посол римскому папе, что в случае обещания военной помощи Византии в борьбе с турками уния, без сомнения, будет принята в Константинополе⁴¹, то теперь положение в корне изменилось. Основная масса населения столицы и главным образом фанатичное монашество, находившееся под большим влиянием своего духовного наставника Схолария, стояли против объединения с Западом и своей деятельностью мешали обороне города⁴².

Лишь небольшая часть византийской аристократии, в основном из окружения императора, видя в унии средство для получения военной помощи Запада, поддерживала Палеологов в их отчаянных попытках обес-

³⁷ Ducas, p. 315.28—317.11; 325.22—23; 329.5—10.

³⁸ Следует отметить, что подобная позиция была продолжением политики, которой придерживался Марк Эфесский, торжественно завещавший ее своему преемнику Схоларию («Завещание Марка Схолария и ответ последнего». Неизданные сочинения Марка Эфесского и Георгия Схолария. Изд. и перевод Авраама Норова. Париж, 1859). Она нашла наиболее полное выражение в «Исповеди» Марка Эфесского («Исповедание святейшего митрополита Эфесского Марка Евгеника, произнесенное им при самой его кончине». — Там же), основная мысль которой заключается в абсолютном неприятии какого бы то ни было сближения не только с людьми, исповедующими католичество, но и с любыми сторонниками унии церкви.

³⁹ Ducas, p. 319.13—15. Подписавшие унию 12 декабря 1453 г. говорят своим противникам: «Подождите. Сначала посмотрим, истребит ли бог врага, стоящего против нас... а там увидите, соединимся ли мы с азиитами».

⁴⁰ Униятами предъявлялись два требования: предоставить патриарший престол Исидору Русскому и поминать в диптихах папу Николая V. Осуществить первое император счел невозможным, чтобы не вызвать в городе раздор, на второе же согласился (см. Ducas, p. 315.3—7; Phrantzaes, p. 1062.45—59).

⁴¹ Варлаам ставил три условия, необходимых для принятия унии греками: 1) военную помощь; 2) индульгенцию лицам, участвующим в борьбе с турками; 3) освобождение греков из рабства и прекращение работорговли греками (Varlaami Oratio pro Unione. — PG, t. 151, p. 1331—1342).

⁴² Мы не остаиваемся отдельно на позиции туркофильской группировки византийской знати, поскольку в вопросе церковной унии с Римом туркофилы не выдвигали своей особой программы, отличной от программы православной партии.

печатать Византии его помощь. Несомненно, Сфрандзи относился к этому кругу близких императору лиц, которому было присуще сознание политической необходимости подобных уступок⁴³. Именно на эту группировку феодальной знати опирались Палеологи в своей политике объединения с Западом. Могла ли она быть конструктивной — иной вопрос. Во всяком случае, как Дука, так и Сфрандзи указывают на то, что турки опасались этого союза и стремились любым путем помешать ему. С другой стороны, подобная политика имела в Византии глубокие корни, восходившие к эпохе крестовых походов⁴⁴; она постоянно подогревалась экономическими и политическими связями и культурным общением с двумя крупнейшими итальянскими городами, Генуей и Венецией, и получила новый толчок в XIV—XV вв. на почве расцвета гуманизма в эпоху Возрождения⁴⁵. Она могла находить поддержку и у той части греков, которые, подобно Дуке, имели постоянный контакт с итальянцами (факты сотрудничества итальянского и греческого населения византийских областей в борьбе против турок упоминаются Дукой⁴⁶).

Можно ли называть подобную позицию латинофильством? Ответ на этот вопрос зависит от того, кого мы будем подразумевать под латинофилами: ту ли группировку византийской знати, которая лишь ввиду политических соображений стремилась к союзу с Западом (император, его окружение, Сфрандзи, Дука), или же представителей византийской культуры и политики, которые целиком перешли на сторону католичества, признав все его догмы (Варлаам, Виссарион, Исидор, Аргиропул, позднейшие деятели византийской образованности и др.). Последние не только были сторонниками унии церквей, но и считали долгом выступить с оправданием своих поступков, обосновывая истинность догматических положений римской церкви и ошибочность православия. Это были интеллигенты⁴⁷, выходцы из небогатых семей⁴⁸, принадлежавшие к образованным слоям византийского общества, чаще всего монашества (Варлаам, Виссарион). Широкой социальной опоры латинофильство, по-видимому, не имело, поэтому отдельные представители его без промедления эмигрировали в Италию (Виссарион, Исидор), поставив перед собой цель любыми средствами вернуть греков к «истинной», католической вере.

В полемических произведениях против латинян, на наш взгляд, преувеличивается размах этого течения⁴⁹. Если бы на самом деле латинофильство имело большое распространение, то Палеологам не пришлось бы тратить столько сил и энергии на бесплодные попытки заключить церковную унию с Римом.

Наши источники неоднократно указывают на то, что императоры были совершенно одиноки в своих усилиях установить союз с Западом при помощи унии⁵⁰.

⁴³ W. Miller. The Historians Doukas and Phrantzes, p. 69.

⁴⁴ Об этом см. Ф. И. Успенский. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний. — ВВ, XXII (1915—1916), стр. 35—38; З. В. Удальцова. Борьба партий в Целопоннесе во время турецкого завоевания. — «Средние века», III, 1951, стр. 177.

⁴⁵ Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, стр. 298—309; З. В. Удальцова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе..., стр. 131.

⁴⁶ Ducas, p. 207.1—10; 409.5—20.

⁴⁷ З. В. Удальцова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе..., стр. 298.

⁴⁸ А. Садов. Виссарион Никейский. СПб., 1883, стр. 1—3.

⁴⁹ Б. Т. Горянов. Религиозно-полемическая литература по вопросу об отношении к латинянам в XIII—XV вв. — ВВ, VIII, 1956, стр. 132—142.

⁵⁰ Ducas, p. 315.19—319.32; Phrantzaes, p. 1062.45—59.

Та же немногочисленная группа византийской знати, на которую опирались Палеологи, в догматических вопросах — в отличие от последовательных латинофилов — стояла на позициях православия, что сближало ее с православной партией. Однако эта группировка понимала и необходимость (из-за печального положения дел в Византии) объединения с Западом для борьбы с турками, смыкаясь в этом пункте с латинофилами. Но помощь Запада можно было получить лишь ценой догматических уступок со стороны православной церкви, о чем столетием раньше римский папа недвусмысленно заявил Константинопольскому послу Варлааму Калабрийскому; до самого падения Константинополя римская курия ни на волос не отступила от этой позиции⁵¹. Поэтому лица, о которых идет речь, встретились с неразрешимым противоречием. Патриотизм вступил в конфликт с религиозным благочестием. Поборники православия, отказываясь от объединения со своими противниками, объективно играли на руку туркам, а тот, кто старался на деле доказать свой патриотизм, стремясь оттянуть гибель Византии, облегчить каким-то образом ее участь, должен был отбросить в сторону всякую мысль о защите религиозной независимости⁵². Отсюда — та недоговоренность, с которой мы встречаемся у Сфрандзи, и постоянные упреки и обвинения в адрес соотечественников без какой бы то ни было позитивной программы со своей стороны — у Дуки.

⁵¹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, стр. 296.

⁵² См. Е. Черноусов. Указ. соч., стр. 217.

З. Г. САМОДУРОВА

МАЛЫЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ И ИХ ИСТОЧНИКИ

Малые хроники были широко распространены в Византии. В рукописных сборниках среди статей самого разнообразного характера весьма часто можно найти и краткие хроники. Многие из них уже опубликованы¹, еще большее число не издано², и они известны только по описаниям греческих рукописей, имеющихся в различных собраниях³.

¹ Подробную библиографию изданий малых хроник см.: К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. 2. Aufl. München, 1897, S. 395—403 (далее: К. Krumbacher. Geschichte); М. Е. Colonna. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. I. Storici profani. Napoli, 1956, p. 147—156 (далее: М. Е. Colonna. Gli storici); Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. 2. Aufl. Berlin, 1958, S. 233—237, 456—457, 461—463; З. Г. Самодурова. К вопросу о малых византийских хрониках. — ВВ, XXI, 1962, стр. 127. См. также не упомянутые в указанных работах следующие публикации кратких хроник: Ph. Labbe. De Byzantinae historiae scriptoribus. Paris, 1648, p. 34—35 (далее: Ph. Labbe. De Byzantinae historiae); Georgii Codini Excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis. Bonnae, 1843, p. 149—165 (далее: Georg. Codin.); Georgii monachi, dicti Hamartoli Chronicon ab orbe condito ad annum p. Chr. N. 842 et a diversis scriptoribus usque ad a. 1143 continuatum, ed. E. de Muralto. Petropoli, 1859, p. 914—921 (далее: Georg. monach., Chronicon, ed. E. de Muralto); K. Praechter. Ein Chronikfragment aus cod. Bern. 450. — BZ, 6, 1897, S. 112—113 (далее: A. Bauer. Die Chronik des Hippolytos im Matritensis graecus 121. Leipzig, 1905, S. 26—133 (далее: A. Bauer. Die Chronik); Hippolytus Werke. Vierter Band. Die Chronik hergestellt von A. Bauer, durchgesehen, herausgegeben und in zweiter Auflage bearbeitet von R. Helm. («Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte», herausg. von der Kommission für spätantike Religionsgeschichte der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin). Berlin, 1955, S. 6—140 (далее: Hippolytus. Die Chronik); R.-J. Loenertz. Chronicon breve de Graecorum imperatoribus, ab anno 1341 ad annum 1453 e codice Vaticano graeco 162. — EEBΣ, 28, 1958, сел. 206—215 (далее: R.-J. Loenertz. Chronicon breve); М. Е. Colonna. La cronografia anonima del ms. Neapolitanus gr. II. A. 12 — «Bollettino della Badia greca di Grottaferrata», N. S., 12, 1958, p. 81—120 (далее: М. Е. Colonna. La cronografia anonima); idem. Un 'Ανέκδοτον del ms. Monacensis Graecus 551. Napoli, 1959 (далее: М. Е. Colonna. Un 'Ανέκδοτον) и др.

² См. К. Krumbacher. Geschichte, S. 397—398; М. Е. Colonna. Gli storici, p. 158—160; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 233—235.

³ См. краткие хроники в следующих рукописях (название каталогов рукописей мы заменяем ссылкой на соответствующие номера второго издания): М. Richard. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Paris, 1958 (далее: Richard) и дополнения: М. Richard. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Supplément I (1958—1963). Paris, 1964 (далее: Richard. Supplément I); Cod. Vindob. theol. gr. 58, f. 139 v.—142 v.; 153, f. 298 v.; 225, f. 310—311 v.; 244, f. 19 v. 21; 261, f. 261—277 v.; 277, f. 65; 302 f. 361 v.—363; 304, f. 229—257. 259—265 v.; 345, f. 67 v. (Richard, № 859, t. I, p. 136—140, 228—230, 322—323, 340—344, 363—364, 382—384, 405—408, 409—410, 426—429); Cod. Matrit. gr. 72, f. 140 ff.; 85, f. 256 ff.; 121, f. 29 v. ff., 37 ff., 49 ff., 50 v. (Richard, № 568, p. 256—266, 347—353, 480—499); Cod. Monac., gr. 371; 490, f. 154, 551, f. 8; 557, f. 1 ff. (Richard, № 622, t. IV, p. 101—102; t. V, p. 71—142, 247—257, 378—404, 416—417); Cod. Oxon. collegi novi gr. 44, f. 158 f.; Cod. Oxon. collegi Lincoln. gr. 10, f. 40 ff., 171 ff. (Richard, № 659, t. I, p. 11—12, 7—9); Cod.

Большой популярностью пользовались малые хроники в средние века и на Западе, и на Востоке, и у славян: об этом свидетельствует значительное число подобных произведений, дошедших до нас на языке народов указанных областей⁴.

Краткие хроники, сохранившиеся в таком изобилии, уже давно привлекали поэтому внимание ученых. Однако они ограничивались в основном их публикациями, уточнением систем летосчисления, которых придерживались хронисты, выяснением соотношения между фактической хронологией и приведенной в издаваемых ими работах, выявлением

Oxon. Baroc. 18, f. 132 ff.; 44, f. 386 ff.; Cod. Oxon. Cromw. 10, f. 349 ff.; Cod. Oxon. Laud. 27, f. 115; Cod. Oxon. Misc. 120, f. 228 v. (Richard. № 651, t. I, p. 26—27, 61—62, 429—433, 508—510, 668—692); Cod. Paris. gr. 376, f. 313 ff.; 396, f. 440 ff.; 854, f. 71 f.; 925, f. 12 ff.; 967, f. 307 v. f.; 1154, f. 68 f.; 1289, f. 193 ff.; 1303, f. 173 ff.; 1355, f. 322 ff.; 1356, f. 279 ff.; 1389, f. 388 ff.; 1555 A, f. 3 ff., 156; 1720, f. 73; 1726, f. 253 ff.; 1765, f. 340 v. ff., 359 v. ff., 376 ff., 391 ff.; 1773, f. 2 ff.; 1774, f. D v.; 1775, f. A; 1783, f. 67, v. ff.; 1784, f. 121 ff.; 132—133 v. ff.; 1785, f. 51 v. ff.; 1788, f. 67 v. ff.; 2087, f. 68 f.; 2107, f. 12 ff.; 2180, f. 107 ff.; 2182, f. A v.; 2316, f. 424 v. ff.; 2399, f. 45 f.; 2408, f. 227 f.; 2661, f. 205 v. ff.; 2991, f. 372 v.—375 v. ff.; Cod. Paris. Coisl. gr. 120, f. 228 v.—229 v.; 224, f. 378—378 v.; 368, f. 223 v.—225 v.; 382, f. 139—140; Cod. Paris. Suppl. gr. 292, f. 517 ff.; 665, f. 1 ff.; 682, f. 2 ff.; 755, f. 37 ff.; 1034, f. 165—166 v. (Richard. № 58, t. I, p. 39, 41—42, 159—160, 177, 187, 230, 288—289, 293—294; t. II, p. 21—23, 35—36, 93—94, 129—130, 137—144, 191—192, 196, 210—211, 236—237, 253, 254—255, t. III, p. 20—21, 81—82, 137—138, 157, 191, 194, 244—245, 293, 297, 307—308, 332—333; Richard. № 667, p. 109—111, 204—206, 352—353. 365; Richard. Supplément I, № 670c, p. 130—131); Cod. Vatic. — Palat. gr. 364, f. 217 v. ff.; 363, f. 175 ff., 306 v. ff.; 368, f. 256 v. ff.; 369, f. 143 v. ff. (Richard. № 734, p. 212—222, 235—238); Cod. Vatic. — Ottob. gr. 77, f. 23 ff.; 180, f. 34 v. ff., 205, f. 140 f.; 268, f. 34 v. ff.; 339, f. 238 v. ff.; 408 f. 21 ff., 134 ff.; 441, f. 452 ff. (Richard. № 733, p. 48—49, 102—104, 118—120, 150—152, 177—179, 217—218, 245—248); Cod. Jerus. Sab. 691, f. 127 v.—130; 697, f. 114 v.—115 v.; Cod. Jerus. Staur. 102, f. 270 ff.; Cod. Jerus. Metochi S. Sepulchri 102, f. 1 ff.; 145, f. 532 ff.; 257 f. 1 ff.; 358, f. 87 ff.; 462 f., 135—238; 501, f. 371 f. (Richard. № 444, t. II, p. 649, 651—653; t. III, сел. p. 162—164; t. IV, p. 100—101, 126—134, 232, 332—333; t. V, p. 32—33, 56—59); Cod. Vatic. gr. 162 (olim 148), f. 80, 84 f.; 163 (olim 715), f. 1 ff. (Richard. № 719, p. 183—187); Cod. Vatic. gr. 341 (olim 897); f. 7 v., 8—9; 432 (olim 931), f. 205—211 v.; 433 (olim 290), f. 244—259; 488 (olim 326), f. 98 v.; 497 (olim 768), f. 202—203; 509 (olim 338), f. 377—378; 573 (olim 607), f. 109 (Richard. № 720, p. 13—15, 157—162, 301—304, 323—330, 359—363, 469—477); Cod. Adrian. 67 (1361) f. 1 ff.; 100 (911), f. 1 ff. (Richard. № 117, p. 607; 16 (1907), p. 270); Cod. Leid. Vulc. gr. 93, f. 276 v. (Richard. № 519, p. 36—37); Cod. Vindob. hist. gr. 24, f. 13 v.—14, 23—27, 35, f. 8 v.; 58, f. 289; 76, f. 1—133 v.; 91, f. 12—15 v.; 93, f. 134—135; 94, f. 1—28 v.; 106, f. 140; 113, f. 168 v.; 124, f. 68 v.—78; Cod. Vindob. phil. gr. 32, f. 397 v.; 124, f. 7—11 v.; 140, f. 95—96; 195, f. 155 v.—156 v., 212, f. 212—267; 216, f. 182—182 v.; 219, f. 108 v.—111 v. und 107—107 v., 161—162; 247, f. 4—8 v.; 333, f. 75—94 v., 104—123 v. (Richard. Supplement I, № 859a, p. 25—30, 38—39, 64—66, 84—85, 94—102, 103, 112—113, 116—118, 127, 159—160, 234—235, 245—246, 306—308, 319—320, 322—324, 326—330, 356—358, 427—430).

⁴ Eusebi Chronicorum libri duo, ed. Al. Schöne, v. I. Berolini, 1875, Appendix I—II, III, VI, p. 5—49; 53—57, 177—239 (далее: Euseb., Chronic., I, App.). C. Frick. Chronica minora, I. Lipsiae, 1892, p. 1—434 (далее: C. Frick. Chronica minora, I); MGH AA, t. 9, 11, 13, Chronica minora, v. 1—3. Berolini, 1891—1898; Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptorum Syri. Series tertia, t. IV. Chronica minora, partes I—III, Parisiis—Lipsiae, 1903—1905 (далее: CSCOr, IV, Chronica minora); Н. В. Степанов. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей. — ИОРЯС, 1912, т. XVII, кн. 3, стр. 293—320 (далее: Н. В. Степанов. Летописец вскоре); В. Н. Златарски. Най-старият исторически трудъ въ старобългарската книжнина. — «Списание на Българската Академия на Науките», кн. XXVII. Кл. ист.-фил. и фил. общество, 15, 1923, стр. 177—182 (далее: В. Н. Златарски. Най-старият трудъ); И. С. Дуйчев. Изъ старата българска книжнина, I. София, 1943, стр. 1—2, 45—50 (далее: И. С. Дуйчев. Изъ старата книжнина); М. Н. Тихомиров. Именник болгарских князей. — ВДИ, 1946, 3 (17), стр. 81—90 (далее: М. Н. Тихомиров. Именник); его же. Малоизвестные памятники, I. Летописец XV в. с названиями «Россия» и «Российская земля». — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 452—454 (далее: М. Н. Тихомиров. Малоизвестные памятники); В. А. Акопян. Мелкие хроники XIII—XVIII вв., т. I—II. Ереван, 1951—1956 гг. (на арм. яз.).

источников малых хроник и генетических отношений с большими хронологическими трудами⁵. В связи с тем, что исследователи занимались отдельными хрониками, они не смогли дать ни синтетической характеристики уже опубликованных сочинений, ни классификаций последних. Накопление все большего материала требовало обобщающего исследования этих кратких хроник, строгого установления их взаимоотношений между собой. Без этого нельзя было определить действительное значение названных сочинений.

Взаимоотношения малых хроник могут быть изучены только на основании их классификации. Впервые такая задача была выдвинута К. Крумбахером, который, однако, отказался от ее разрешения ввиду отсутствия достаточного числа изданных материалов и научных описаний большей части хранилищ греческих рукописей⁶. В настоящее время в нашем распоряжении имеется множество опубликованных хроник и каталогов, содержащих весьма подробное описание манускриптов. Все это позволяет не только поставить проблему научной классификации, но и попытаться разрешить ее. Мы постараемся на основе изучения большинства изданных кратких хроник и каталогов греческих кодексов ряда библиотек провести классификацию этих произведений.

На наш взгляд, по своему построению и содержанию малые византийские хроники можно разделить на три типа: краткие компендии, в которых описываются события, современные их составителям; хроники, в которых излагается всемирная история; хронологические заметки или простые перечни дат, начинающиеся, как правило, от Адама и ограничивающиеся простым указанием общей суммы лет от сотворения мира и между отдельными, наиболее важными, с точки зрения авторов, событиями. В некоторых случаях первые называются «новыми» (*χρονικὸν νέον*, *χρονογράφος νέος*)⁷, вторые — «древними» (*παλαιόν*)⁸, третьи — «счетом лет» (*ψῆφος ἐτῶν*)⁹.

⁵ J. Müller. Byzantinische Analekten. — SAWW, 9, 1853, S. 336—365 (далее: J. Müller. Byzantinische Analekten); C. Frick. Chronica minora, I, p. V—CCXXXI, 1—434; Fr. Cumont. Anecdota Bruxellensia, I. Chroniques byzantines du manuscrit 11376. Gand, 1894, p. 1—34 (далее: Fr. Cumont. Anecdota Bruxel., I); A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken. Frankfurt. 1894, S. III—LXVI, 1—46 (далее: A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken); A. Bauer. Die Chronik., S. 1—242; Anonymi chronographia syntomos e codice Matritensi No 121 (nunc 4701), ed. A. Bauer. Lipsiae, 1909, p. III—XIII, 1—68 (далее: A. Bauer. Anonymi chronographia); A. Pusch. Das *χρονικὸν ἐπιτομον* der Wiener Handschrift Th. Gr. Nr. XL. Jena, 1908, S. 5—68 (далее: A. Pusch. Das *χρονικὸν ἐπιτομον*); Н. В. Степанов. Летописец вскоре, кн. 2, стр. 250—293; кн. 3, стр. 256—320; Gy. Moravcsik. 'Ανεκδοτα βραχέα ελληνικά χρονικά. — «Ελληνικά», т. Δ', 1931, сел. 257—259 (далее: Gy. Moravcsik. 'Ανεκδοτα); Ст. Λάμπρος. Βραχέα Χρονικά, ἐκδιδονται ἐπιμελεῖα Κ. Ι. Ἀμάντου. — «Μνημεῖα τῆς ἐλληνικῆς ιστορίας». Т. Α', т. 1. 'Εν Ἀθήναις, 1932, сел. δ'—θ', 3—94 (далее: Ст. Λάμπρος. Βραχέα Χρονικά); Б. Т. Горянов. Неизданный анонимный византийский хронограф XIV в. — ВВ, II, 1949, стр. 276—293. Ν. Β. Τωμαδάκης. Ἡ ἐν τῷ Πατριαρχῷ κώδικι 287 μικρὰ χρονογραφία. — ΕΕΒΕ, 25, 1955, сел. 28—37 (далее: Τωμαδάκης. Ἡ μικρὰ χρονογραφία).

⁶ K. Krumbacher. Geschichte, S. 398.

⁷ См. ГИМ, греч. 439 $\frac{426}{\text{CCCXCIX}}$, л. 174—177 об.; БАН, собр. А. А. Дмитриевского № 19, л. 96—96 об.; см. Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР. — «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. II, XIX—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 279 (далее: Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи).

⁸ См. ГИМ, греч. 331 $\left(\frac{477}{\text{t. II, XLI qu}}\right)$, 364—370 об.; Fr. Cumont. Anecdota Bruxel., I, p. 36.
⁹ Nicerphori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, p. 225—226 (далее: Nicerph.); Cod. Vatic. gr. 341 (olim. 897), f. 8—9.

В манускриптах все три типа рассматриваемых сочинений иногда встречаются вместе, как бы дополняя друг друга¹⁰.

«Новые» хроники обычно охватывают сравнительно небольшой отрезок времени, составители их рассказывают преимущественно о последних Палеологах, главным образом о Константине XI Палеологе (1449—1453 гг.), о падении Константинополя 29 мая 1453 г., распространении турецкого владычества в Греции, иначе говоря, о событиях, современных им или происшедших в недалеком прошлом. Произведения подобного рода построены по хронологическому принципу: сначала указывается год (от «сотворения мира», либо от «рождения Христа»), индикт, месяц, день и даже час, а затем перечисляются те события, которые имели место в это время. Большинство указанных хроник было написано в XIV—XVI вв.¹¹

Хроники второго типа состоят из списка «потомков» Адама, правителей отдельных народов и кратких заметок с указанием числа лет правления царей и жизни ветхозаветных патриархов. В отличие от кратких хроник первого типа, они построены по ономастическому принципу, т. е. сначала приводится имя, называется число лет правления упоминаемого лица или жизни библейских прародителей, если хроника начинается от Адама, и иногда сообщается о наиболее достопримечательных событиях. Этот принцип построения соблюдается во всех работах подобного рода, с какого бы времени они ни начинались¹².

¹⁰ ГИМ, греч. 439 ($\frac{426}{\text{CCCXCIX}}$), БАН, собр. А. А. Дмитриевского. № 19 и др.

¹¹ J. Müller. Byzantinische Analekten, S. 366—394; Niceph., p. 229—230; Σπ. Δάμπρος. Βραχέα Χρονικά, σελ. 3—94; Б. Т. Горянов. Указ. соч., стр. 281—287; R.-J. Loenertz. Chronicon. breve, σελ. 206—215.

¹² Ph. Labbe. De Byzantinae historiae, p. 34—35; A. Mai. Scriptorum veterum nova collectio, t. I. Romae, 1825, p. 1—39 (далее: A. Mai. Nova collectio); Chronicon Paschale, v. II. Bonnae, 1832, p. 78—87, 90—95 (далее: Chron. Pasch., II); I. A. Cramer. Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium; v. IV. Oxonii, 1837, p. 249—250 (далее: I. A. Cramer. Anecdota Oxon., IV); idem. Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecae regiae Parisiensis, v. II, Oxonii, 1839, p. 165—230 (далее: I. A. Cramer. Anecdota Paris., II); Georg. monach., Chronicon, ed. E. de Muralto, p. 914—921; Euseb., Chronic., I, App., IV, VI, p. 63—102; 177—239; Niceph., p. 79—101, 106—108, 218—225, 226—229, 231—234; A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken, S. 1—24; Fr. Cumont. Anecdota Bruxel., I, p. 16—34; K. Praechter. Ein Chronikfragment, S. 112—113; A. Pusch. Das Chronikön επίτομον, S. 9—32; A. Bauer. Die Chronik, S. 26—133; idem. Anonymi chronographia, p. 1—68. Н. В. Степанов. Летописец вкоре, кн. 3, стр. 293—320; Hippolytus. Die Chronik, S. 6—140; M. E. Colonna. La cronografia anonima, p. 81—120; idem. Un 'Ανεκδοτον; C. Frick. Chronica minora, I, p. 1—434; CSChOr, IV, Chronica minora, I—III; В. Н. Златарски. Най-старият трудъ, стр. 177—182; И. С. Дуйчев. Изъ старата книжнина, стр. 1—2, 45—50; М. Н. Тихомиров. Именник, стр. 81—90. См. также хроники

в следующих рукописях: ГИМ, греч. 406 ($\frac{264}{\text{CCCL}}$), л. 208—209 об.; ГИМ, греч.

439 ($\frac{426}{\text{CCCXCIX}}$), л. 179 об.; ГИМ, греч. 443 ($\frac{261}{\text{CCXLVIII}}$), л. 225—230; ГИМ, греч.

331 ($\frac{477}{\text{t. II, XLI qu}}$), 364—370 об.; Πέτρον χριστιανού και ὀρθοδόξου Ἀλεξανδρέως ἐκθεσις

χρόνων ἐν συντόμῳ ἀπὸ Ἀδάμ ἕως νῦν, f. 188—203v. (далее: Πέτρον... ἐκθεσις χρόνων.); Cod. Vindob. theol. gr. 58, f. 142 v.; 153 f. 298 v.; 225, f. 310—311 v.; 244, f. 19 v.—21; 261, f. 275 v.—276; 277, f. 65; 302, f. 361 v.—363; 304, f. 229—257, 259—265 v.; 315, f. 67 v.; Cod. Vindob. hist. gr. 24, f. 13 v.—14, 23—27; 35, f. 8 v.; 76, f. 1—133 v.; 91, f. 12—15 v.; 93, f. 134—135; 94, f. 1—28 v.; Cod. Vindob. phil. gr. 124, f. 7—11 v.; 140, f. 95—96; 195, f. 155 v.—156 v.; 212, f. 212—267; 219, f. 108 v.—111 v. und 107—107 v.; 161—162; 247, f. 4—8 v.; 333, f. 75—94 v.; 104—123 v.; Cod. Martit. gr. 72, f. 140 ff.; 85, f. 256 ff.; 121, f. 29 v. ff., 37 ff., 49 ff.; Cod. Monac. gr. 371, f. 1 ff.; 557, f. 1 ff.; Cod. Vatic. — Palat. gr. 361, f. 217 v. ff.; 363, f. 175 f., 306 v. ff.; 368, f. 256 v. ff.; 369,

По содержанию краткие, построенные по ономастическому принципу всемирные хроники в свою очередь можно разделить на четыре группы.

Первую группу — группу А — образуют хроники, начинающиеся «от Адама», рассказывающие о его «потомках», судьях Израиля, об иудейских, израильских, ассирийских, персидских царях, египетских Птолемах, римских и византийских императорах¹³. В большинстве своем это анонимные произведения с общим заглавием, вроде 'Εκλογή, χρονικόν επίτομον, χρονικόν σύντομον, и т. д.¹⁴ или без всякого заглавия¹⁵.

f. 143 v.; Cod. Vatic. — Ottob. gr. 180, f. 34 v. ff.; 339, f. 238 v. ff.; 408, f. 21 ff.; 441, f. 452 f.; Cod. Vatic. gr. 162 (olim 148), f. 80 f., 84 f., 163 (olim 715), f. 1 ff.; 432 (olim 931), f. 205—211 v.; 433 (olim 290), f. 244—259; 488 (olim 326), f. 98 v. f.; 509 (olim 338), f. 377—378; 1889, f. 17—32, 1912, f. 4—8 v.; Cod. Venet. — Marc. VII. 43, f. 3—128; Cod. Paris. gr. 376, f. 313 ff.; 396, f. 440 ff.; 854, f. 71 f., 925, f. 12 ff.; 967, f. 307 v. ff.; 1154, f. 68 ff.; 1289, f. 193 ff.; 1303, f. 173 ff.; 1355, f. 322 ff., 1356, f. 279 ff.; 1389, 388 f.; 1555 A, f. 3 ff.; 156; 1720, f. 73; 1726, f. 253 ff.; 1765, f. 340 v. ff., 359 v. ff., 391 ff.; 1773, f. 2 f.; 1774, f. D v.; 1775, f. A.; 1783, f. 67 v.; 1784, f. 124 ff. 132—133 v. ff.; 1785, f. 51 v. ff.; 1788, f. 67 v. ff.; 2087, f. 68 ff.; 2107, f. 12 ff.; 2180, f. 107 ff.; 2182, f. A v.; 2316, f. 424 v. ff.; 2399, f. 45 ff.; 2408, f. 227 ff.; 2661, f. 205 v. ff.; 2991, f. 374 v. ff.; Cod. Paris. Coisl. gr. 120, 228 v.—229 v.; 224, f. 378—378 v.; 368, f. 223 v.—225 v.; 382, f. 139—140; Cod. Paris. Suppl. gr. 292, f. 517 ff.; 665, ff. 1 ff.; 682, f. 2 ff.; 755, f. 37 ff.; 1034, f. 165—166 v.; Cod. Oxon. Baroc. 18, f. 132 ff.; 44, f. 386 f.; Cod. Oxon. Cromw. 10, f. 349 ff.; Cod. Oxon. Laud. 27, f. 115 ff.; Cod. Jerus. Sab. 691, f. 127 v.—130; 697, f. 114 v.—115 v.; Cod. Jerus. Metochi S. Sepulchri 102, f. 1 ff. 145, f. 532 ff.; 257, f. 1 ff.; 358, f. 87 ff.; 462, f. 135—238; Cod. Jerus. Staur. 102, f. 270 ff.; Cod. Oxon. collegi Lincoln. 10, f. 40 ff.

¹³ См. хроники в рукописях: Cod. Vindob. theol. gr. 58, f. 142 v.; 153, f. 298, v.; 244, f. 19 v.—21; 277, f. 65; 304, f. 229—257, 259—265 v.; Cod. Matrit. gr. 72, f. 140 ff., Cod. Monac. gr. 371, f. 1 ff.; 557, f. 1 ff.; Cod. Vatic. — Palat. gr. 363, f. 175 ff., 306 v. ff.; Cod. Vatic. — Ottob. gr. 205, f. 140 ff.; 268, f. 34 v. ff.; 408, f. 21 ff.; 441, f. 452 f.; Cod. Vatic. gr. 163 (olim 715), f. 1 ff.; 432 (olim 931), f. 205—211 v.; 433 (olim 290), f. 244—259; 488 (olim 326), f. 98 v. f.; 509 (olim 338), f. 377—378; Cod. Vindob. hist. gr. 91, f. 12—15 v.; Cod. Vindob. phil. gr. 212, f. 212—267; 219, f. 108 v.—111 v. und 107—107 v.; 247, f. 4—8 v.; 333, f. 75—94 v., 104—123 v.; Cod. Vatic. gr. 1889, f. 17—32; 1912, f. 4—8 v.; Cod. Paris. gr. 396, f. 440 ff.; 967, f. 307 v. ff.; 1154, f. 68 ff.; 1289, f. 193 ff.; 1555 A, f. 3 ff.; 156; 1773, f. 2 ff.; 1774, f. D v. f.; 1785, f. 51 v. ff.; 2107, f. 12 ff.; 2182, f. A v. ff., 2316, f. 424 v. ff.; 2661, f. 205 v. ff.; Cod. Paris. Suppl. gr. 755, f. 37 ff.; Cod. Oxon. Cromw. 10, f. 349 ff.; Cod. Oxon. Laud. 27, f. 115 ff.; Cod. Jerus. Sab. 691, f. 127 v.—130; 697, f. 114 v.—115 v.; См. также опубликованные хроники: A. Mai. Nova collectio, I, 1, p. 35—39; Euseb., Chronic., I, App. IV, p. 97—102; Chron. Pasch., II, p. 78—87; I. A. Cramer. Anecdota Paris., II, p. 165—230; Niceph., p. 79—101, 218—225; A. Pusch. Das Chronikön επίτομον, S. 9—32; A. Bauer. Anonymi chronographia, p. 1—68; Хроника № 2 — ГИМ, греч. 406 ($\frac{264}{\text{CCCL}}$), л. 208—209 об. — Georg. monach., Chronicon, ed. E. de Muralto, p. 914—921.

¹⁴ 'Εκλογή ιστοριών ἀπὸ τε τῆς Μωσέως βιβλίου καὶ τῶν ἐξ ἱστοριογραφῶν ἐπιστῶν ἀνδρῶν καὶ τῆς θείας γραφῆς τομῆς διερχομένη μέχρι τῆς Ἀναστασίου βασιλείας (далее: 'Εκλογὴ ιστοριῶν.) ed. I. A. Cramer. Anecdota Paris., II, p. 165—230; Χρονογραφία σύντομος, ed. A. Bauer. Anonymi chronographia, p. 1—68; Χρονικόν ἐπίτομον ἀπὸ κρίσεως κόσμου καὶ μέχρι τοῦ νῦν, ed. A. Pusch. Das Chronikön επίτομον, S. 9—32 (далее: Χρονικόν ἐπίτομον). Неопубликованные хроники имеют подобные же названия: Χρονογράφος ἐν συνόψει — in Cod. Vindob. theol. gr. 304, f. 229—257; Σύνοψις ιστοριῶν — in Cod. Matrit. gr. 72, f. 140ff.; Χρονικόν κατ' ἐπιτόμην. — in Cod. Vindob. phil. gr. 333, f. 75—94v., 104—123v.; 'Επιτομή χρόνων — in Cod. Vindob. phil. gr. 219, f. 108v.—111v. und 107—107v.; Cod. Monac. gr. 557, f. 1ff.; Χρονογραφικόν ἐν συντομία — in Cod. Jerus. Metochi S. Sepulchri 358, f. 87ff.; Χρονογραφικόν μερικόν — in Cod. Vindob. theol. gr. 244, f. 19v.—21.

¹⁵ См. краткие хроники в Cod. Vindob. theol. gr. 153, f. 298 v.; 277, f. 65; 304, f. 259—265 v.; Cod. Monac. gr. 371, f. 1 ff., Cod. Vatic. — Palat. gr. 363, f. 175 ff.; 306 v. ff.; Cod. Vatic. gr. 163 (olim 715), f. 1 ff.; 433 (olim 290), f. 244—259; Cod. Vindob. hist. gr. 91, f. 12—15 v.; Cod. Vindob. phil. gr. 212, f. 212—267; Cod. Paris. gr. 396, f. 440 ff.; 967, f. 307 v. ff.; 1154, f. 68 ff.; 1289, f. 193 ff.; 1555, f. 3 ff.; 156; 1773, f. 2 ff.; 1774, f. D v.; 1785, f. 51 v. ff.; 2107, f. 12 ff.; 2182, f. A v. ff.; 2316, f. 424 v. ff.;

В некоторых случаях хронисты, следуя традиции Евсевия, опускают библейский рассказ о сотворении мира и ближайших «потомках» Адама и начинают свое повествование от Авраама, перечисляя патриархов, судей Израиля, иудейских, ассирийских, персидских, египетских, римских и византийских царей. Работы этих хронистов образуют вторую группу хроник — группу В¹⁶.

Третью группу — группу С — «древних» всемирных хроник, построенных по ономастическому принципу, составляют компендии, в которых изложение начинается с рассказа о правлении халдейских или ассирийских царей, затем дается список царей древнего Египта, Сикиона, Аргоса, Македонии, Афин, Лакедемона, Коринфа, древнего Рима, Мидии, Лидии, Персии, Птолемея Египта, римских и византийских императоров¹⁷.

В четвертую группу рассматриваемых произведений — группу D — входят компендии, составители которых ограничиваются простым перечислением императоров Рима и Византии с указанием числа лет их царствования и наиболее важных событий. Среди множества подобных сочинений, можно выделить несколько подгрупп.

Первая подгруппа — D₁ — состоит из хроник, в которых описывается история римских цезарей и византийских василевсов¹⁸. Авторы ведут свой рассказ либо от Юлия Цезаря¹⁹, либо от Октавиана Августа²⁰, а иногда от Ромула²¹ или от Диоклетиана²². Хотя эти компендии не имеют общего названия, однако в некоторых случаях встречаются такие заглавия: Βασιλεῖς Ῥώμης αὐτοκράτορες, οἱ ἐβασίλευσαν ἐν τῇ πρεσβυτέρᾳ

2661, f. 205 ff.; Cod. Paris. Suppl. gr. 755, f. 37 ff.; Cod. Oxon. Cromw. 10, f. 349 ff.; ГИМ, греч. 406 ($\frac{264}{\text{CCLI}}$), л. 208—209 об.

¹⁶ См. хронику № 8. Τὰ εἰς τὸ παλαιόν — в рукописи ГИМ, греч. 331 ($\frac{477}{\text{t. II, XLI qu}}$), л. 364—370 об.

¹⁷ См. хроники в рукописях: Cod. Vindob. phil. gr. 124, f. 7—11v.; 140, f. 95—96; Cod. Vindob. hist. gr. 24, f. 23—27; Cod. Matrit. gr. 121, f. 49ff.; Cod. Vindob. theol. gr. 302, f. 361v.—363; Cod. Paris. gr. 1355, f. 322ff.; 1356, f. 279ff.; 1784, f. 132—133v., 121ff.; 2399, f. 45ff.; 2991, f. 374v. ff.; Cod. Paris. Coisl. gr. 120, f. 228v.—229v.; 368, f. 223v.—225v.; Cod. Jerus. Metochi S. Sepulchri 145, f. 532ff.; 257; Cod. Vatic. — Palat. gr. 369, f. 143v., а также изданные хроники: Ἐκλογὴ ἱστοριῶν ἀπὸ τῆς τοῦ Μωυσέως βίβλου καὶ τῶν ἐτέρων ἱστοριογραφῶν ἐπισημῶν ἀνδρῶν καὶ τῆς θείας γραφῆς ἐν ἐπιτόμῳ (далее: Ἐκλογὴ ἱστοριῶν, венский список), ed. A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken, S. 1—24; Χρονογραφεῖον σύντομον, ed. A. Mai. Nova collectio, I, 2, p. 1—35; ed. A. Schöne. Eusebi Chronicon, I, App. IV, p. 63—97.

¹⁸ См. K. Praechter. Ein Chronikfragment, S. 112—113; Chron. Pasch., II, p. 90—95; Fr. Cumont. Anecdota Bruxel., I, p. 16—34; Cod. Matrit. gr. 85, f. 256 v. ff.; Cod. Vindob. hist. gr. 76, f. 1—133 v.; Cod. Venet. — Marc. VII, 43, f. 3—128 v.; Хроника № 6 в ГИМ греч. 439, л. 179 об.; Хроника № 7 в ГИМ, греч. 443 ($\frac{426}{\text{CCCXCIX}}$), л. 225—230. Cod. Vindob. theol. gr. 225, f. 310—311 v.; Cod. Paris, gr. 1783, f. 67 v. ff.; 1788, f. 67 v. ff.; Cod. Paris. Coisl. 224, f. 378—378 v.; Cod. Oxon. Baroc. 44, f. 386 ff.

¹⁹ Fr. Cumont. Anecdota Bruxel., I, p. 16—34; K. Praechter. Ein Chronikfragment, S. 112—113; Cod. Paris. gr. 1783, f. 67 v. ff.; 1788, f. 67 v. ff.; Cod. Oxon. Baroc. 44 f. 368 ff.; Хроника № 7 в ГИМ, греч. 443 ($\frac{261}{\text{CCXLVIII}}$), л. 225—230.

²⁰ Chron. Pasch., II, p. 90—95; Хроника № 6 в ГИМ греч. 439 ($\frac{426}{\text{CCCXCIX}}$), л. 179 об.; Cod. Vindob. theol. gr. 225, f. 310—311 v.

²¹ Cod. Matrit. gr. 85, f. 256 v. ff.; Cod. Jerus. Metochi S. Sepulchri, 462, f. 135—238.

²² Cod. Vindob. hist. gr. 76, f. 1—133 v.

Ῥώμῃ²³; Ἐτέρα συνόψις χρονικὴ περὶ τῶν ὅσοι Ῥωμαίων ἐβασίλευσαν²⁴; Ὅσοι ἐβασίλευσαν τῶν Ῥωμαίων²⁵; Βιβλίον χρονικὸν δεύτερον ἀρχόμενον ἀπὸ τῆς βασιλείας Διοκλητιανοῦ καὶ Μαξιμιανοῦ ἕως τῆς βασιλείας Νικηφόρου τοῦ Βοτανιάτη²⁶.

Во вторую подгруппу — D₂ — входят краткие компендии, начинающиеся с описания царствования Константина Великого (306—337 гг.) и продолжающиеся до времени жизни хрониста²⁷. Указанные списки восточноримских и византийских василевсов обычно называются следующим образом: Οἱ βασιλεύσαντες ἐν Κωνσταντινουπόλει ὀρθόδοξοὶ τε καὶ αἰρετικοὶ²⁸; Οἱ βασιλεύσαντες ἐν Κωνσταντινουπόλει χριστιανοὶ καὶ αἰρετικοὶ²⁹; Ὅσοι ἐβασίλευσαν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀπὸ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου³⁰; Τῶν χριστιανῶν τοὺς βασιλεῖς μοι σκόπει³¹.

Третью подгруппу — D₃ — образуют перечни византийских василевсов³²; они не имеют единого начала. Одни из них начинаются с Михаила I Рангаве (811—813 гг.)³³, другие — с Василия I Македонянина (867—886)³⁴, третьи — с Льва IV Мудрого (886—912 гг.)³⁵ и т. д. Перечисляя имена императоров, хронисты иногда опускают число лет их царствования³⁶. В этих хрониках, как правило, заглавие отсутствует. В рукописях они нередко помещаются после всемирных кратких хроник, как бы дополняя их.

Следует отметить, что все компендии, относящиеся к группам С, D, — анонимные сочинения.

Относительно времени появления указанных выше произведений можно сказать следующее: авторы малых хроник обычно доводили рассказ до своей эпохи. В ряде случаев данные о времени составления рукописей, в состав которых входят исследуемые сочинения, и сообщения о годах правления последнего из упомянутых василевсов очень близки. Так, в хронике, содержащейся в Cod. Paris. Coisl. gr. 368 (X в.), изложение доведено до Константина VII (913—959 гг.); в хронике из Cod. Paris. Coisl. gr. 224 (XI в.) — до Василия II (976—1025 гг.) и Константина VIII (1025—1028 гг.); в хронике, входящей в состав Cod. Paris. gr. 2408 (XIII в.), — до Алексея V (1204 г.); в хронике из Cod. Vindob. ff gr.

²³ Chron. Pasch., II, p. 90—95.

²⁴ Fr. Cumont. Anecdota Bruxel., I, p. 16—34.

²⁵ Cod. Matrit. gr. 85, f. 256 v. ff.

²⁶ Cod. Vindob. hist. gr. 76, f. 1—133 v.

²⁷ Ph. Labbe. De Byzantinae historiae, p. 34—35; I. A. Cramer. Anecdota Oxon., IV, p. 249—250; Niceph., p. 231—234; Georg. Codin., p. 149—165; Cod. Vatic. — Ottob. gr. 180, f. 34 v. ff.; Cod. Vindob. phil. gr. 219, f. 161—162; 195, Oxon., IV, p. 249—250; Niceph., p. 231—234; Georg. Codin., p. 149—165; Cod. f. 155 v.—156 v.; Cod. Matrit. gr. 85, f. 257 v.; Cod. Vatic. — Ottob. gr. 339, f. 238 v. ff.; Cod. Paris. gr. 376, f. 313 ff.; 925, f. 12 ff.; 1303, f. 173 ff.; 1726, f. 253 ff.; 2087, f. 68 ff.; 2408, f. 227 ff.; Cod. Vindob. theol. gr. 315, f. 67 v.; Cod. Paris. Suppl. gr. 292, f. 517 ff.; 1034, f. 165—166 v.; Cod. Jerus. Staur. 102, f. 270 ff.; Cod. Jerus. Metochi S. Sepulchri 102, f. 1 ff.; 358, f. 87 ff.; 501, f. 371 ff.; Cod. Vindob. hist. gr. 94, f. 1—28 v.; Cod. Paris. Coisl. gr. 382, f. 139—140; Cod. Oxon. Baroc. 18, f. 132 ff.

²⁸ Cod. Vatic. — Ottob. gr. 180, f. 34 v. ff.

²⁹ I. A. Cramer. Anecdota Oxon., IV, p. 249—250; Niceph., p. 231—234; Cod. Jerus. Staur. 102, f. 270 ff.; Cod. Paris. gr. 2408, f. 227 ff.

³⁰ Cod. Matrit. gr. 85, f. 257 v.

³¹ Ph. Labbe. De Byzantinae historiae, p. 34—35; Cod. Vindob. phil. gr. 219, f. 161—162; 195, f. 155, v.—156 v. Cod. Jerus. Metochi S. Sepulchri 501, f. 371 ff.

³² См. Cod. Vindob. hist. gr. 35, f. 8 v.; Cod. Matrit. gr. 121, f. 29 v.; Cod. Vindob. hist. gr. 93, f. 134—135; Cod. Matrit. gr. 85, f. 257 v.; Cod. Vatic. gr. 162 (olim 148), f. 80 ff.; 81 f., 83; Niceph., p. 226—229. Cod. Paris. gr. 854, f. 71 ff.; 1720, f. 73; Cod. Oxon. Collegi Lincoln. 10, f. 40 f.

³³ Cod. Vindob. hist. gr. 35, f. 8 v.

³⁴ Niceph., p. 226—229.

³⁵ Cod. Matrit. gr. 121, f. 29 v.

³⁶ Cod. Matrit. gr. 85, f. 257 v.

219, написанной в 1337 г., — до Андроника II (1282—1328 г.), в хронике из Cod. Paris. gr. 2087 (XIV в.) — также до Андроника II; в хронике из Cod. Paris. Suppl. gr. 1034, написанной в 1364 г., — до Андроника III (1328—1341 гг.); в хронике из Cod. Paris. gr. 1356 (XIV в.) — до Иоанна V Палеолога (1341—1391 гг.). Поэтому можно допустить, что краткие компендии, дошедшие до нас большей частью в сравнительно поздних списках XIV—XVII вв., были написаны гораздо раньше, т. е. в то время, где они и обрываются.

Наибольшее число малых хроник, рассматриваемых нами, оканчивается самым трагическим событием византийской истории: захватом Константинополя турками в 1453 г.³⁷ Несколько меньше сочинений, в которых повествование доведено до завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г.³⁸ Оба события находятся в центре внимания хронистов. Весьма много кратких компендиев дошло до нас от эпохи Комнинов (1081—1185 гг.): Алексея I (1081—1118 гг.), Иоанна II (1118—1143 гг.), Мануила I (1143—1180 гг.).³⁹ В правление Константина VII Багрянородного (913—959 гг.) и его ближайших преемников также было написано значительное число малых хроник⁴⁰. От царствования других византийских императоров кратких хроник сохранилось довольно мало⁴¹.

³⁷ См. хроники: Niseph., p. 226—229; Cod. Matrit. gr. 121, f. 29 v.; Cod. Vindob. hist. gr. 93, f. 134—135; Cod. Vatic. gr. 162 (olim 148), f. 80 ff.; Cod. Venet. Marc. VII, 43, f. 3—128 v.; Cod. Matrit. gr. 72, f. 140 ff. Georg. Codin., p. 149—165; Cod. Paris. gr. 1726, f. 253 ff.; Cod. Oxon. Laud. 27, f. 115 ff.

³⁸ См. хроники в Cod. Matrit. gr. 85, f. 257 v.; Cod. Vindob. theol. gr. 304, f. 229—257; Cod. Vindob. phil. gr. 219, f. 108 v.—111, v. 107—107 v.; 247, f. 4—8 v.; Cod. Paris. gr. 2408, f. 227 ff.; 1720, f. 73 ff.; Cod. Oxon. Baroc. 18, f. 132.

³⁹ См. хроники в рукописях: Cod. Vatic. gr. 1889, f. 17—32; 433 (olim 290), f. 229—257; Cod. Vindob. phil. gr. 219, f. 108 v.—111, v. 107—107 v.; 247, f. 4—8 v.; Cod. Paris. gr. 376, f. 313 f.; 2316, f. 424 v. ff.; 2991, f. 372 ff.; хронику № 2 в ГИМ, греч. 406 ($\frac{264}{\text{CCCL}}$), л. 208—209 об. (см. Georg. monach., Chronicon, ed. E. de Mu-

galto, p. 914—921), а также опубликованные краткие компендии: *Εκλογὴ ἱστοριῶν* (венский список) (ed. A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken, S. 1—24); *Χρονικὸν ἐπιτομῶν* (ed. A. Pusch. Das Chronikὸν ἐπιτομῶν, S. 9—32).

⁴⁰ См. хроники в Cod. Vatic. gr. 163 (olim 715), f. 1; Cod. Paris. Coisl. gr. 368, f. 223 v.—225 v.; 224, f. 378—378 v. Cod. Paris. gr. 854, f. 71 f.; Cod. Vindob. theol. gr. 302, f. 361 v.—363.

⁴¹ Выводы о времени появления кратких всемирных компендиев сделаны на основании изучения опубликованных сочинений, а также описаний отдельных книгохранилищ мира: Парижской Национальной библиотеки, Венской Национальной библиотеки, Мадридской Национальной библиотеки, Баварской государственной библиотеки, Библиотеки Ватикана, Иерусалимской библиотеки. По времени окончания изложения рассмотренные нами сочинения располагаются следующим образом. Сообщением о годах царствования Юстиниана I заканчивается рассказ в хронике из Cod. Paris. gr. 1773, f. 2 ff.; указанием числа лет правления Тиверия II (572—582 гг.) обрывается описание в хронике из Cod. Paris. gr. 1555, A, f. 3 ff.; в хронике из Cod. Monac. gr. 557, f. 1 f. рассказ доведен до Иракия; в хронике из Cod. Paris. gr. 1154, f. 68 — до Константина IV Погоната (668—685 гг.); в хронике из Cod. Vindob. theol. gr. 315, f. 67 v. — до Феодосия III (716—717 гг.), в трех хрониках из Cod. Paris. gr. 925, f. 12 ff.; Cod. Vindob. theol. gr. 225, f. 310—311 v. и изданной И. А. Крамером (I. A. Cramer. Anecdota Oxon., IV, p. 249—250) — до Льва IV (775—780 гг.); в хронике из Cod. Paris. gr. 1774, f. D v. — до Михаила II (820—829 гг.) и Феофила (829—842 гг.); в двух хрониках из Cod. Paris. gr. 2182, f. A v. f. и изданной А. Май и А. Шёне (A. Mai. Nova collectio, I, 2, p. 1—39; Eusebi Chroniconum, I, App. IV, p. 63—97) — до Михаила III (842—867 гг.); в трех хрониках из Cod. Monac. gr. 551, f. 8 и изданных А. Бауером (A. Bauer. Anonymi chronographia, p. 1—68) и К. де Боором (Niseph., p. 218—225) — до Льва VI Мудрого; в двух хрониках из Cod. Vindob. theol. gr. 302, f. 361 v.—363; Cod. Paris. Coisl. gr. 224, f. 378—378 v. — до Василия II (976—1025 гг.) и Константина VIII (1025—1028 гг.); в хронике из Cod. Vatic. gr. 1912, f. 4—8 v. и опубликованной Ф. Кюмоном (Fr. Cumont. Anecdota Bruxel., p. 16—34) — до Романа III

Краткие компендии третьего типа, т. е. хронологические перечни дат, представляют собой хронологические таблицы, в которых приводятся суммы лет, прошедшие от «сотворения мира» и между отдельными библейскими и историческими событиями. Хронологическими вехами в них служат такие события, как потоп, сооружение вавилонской башни, время жизни Авраама, исход сыновей Израиля из Египта, строительство иерусалимского храма при Соломоне, завоевание Иудейского царства Навуходоносором, правление Александра Македонского (336—323 гг. до н. э.), рождение Христа, эпоха Константина Великого (306—337 гг. н. э.) и т. п. Охарактеризованные сочинения встречаются в рукописях довольно редко, чаще всего они входят в состав хроник второго типа⁴².

(1028—1034 гг.); в изданной хронике Βασιλεῖς Ῥώμης ἀποκράτορες (Chron. Pasch., II, p. 90—95) — до Константина IX Мономаха (1042—1055 гг.); в хронике из Cod. Paris. Suppl. gr. 665, f. 1 ff. — до Михаила VI Спратиотика (1056—1057 гг.); в хронике из Cod. Jerus. Sab. 697, f. 114 v.—115 v. — до Михаила VII (1071—1078 гг.); в двух хрониках из Cod. Paris. gr. 2399, f. 45 ff. и Cod. Vindob. hist. gr. 76, f. 1.—133 v. — до Никифора III Вотаниата (1078—1081 гг.); в хронике из Cod. Vindob. theol. gr. 277, f. 65 — до Иоанна III Вататца (1222—1254 гг.); в четырех хрониках из Cod. Vindob. phil. gr. 140, f. 95—96, Cod. Oxon. Baroc. 44, f. 386 ff. Cod. Paris. gr. 1783, f. 67 v. ff.; 1788, f. 67 v. ff. — до Михаила VIII Палеолога (1258—1282 гг.); в четырех хрониках из Cod. Paris. gr. 2087, f. 68 ff., Cod. Vindob. phil. gr. 219, f. 161—162; 195, f. 155 v.—156 v.; 212, f. 242—267 — до Андроника II; в двух хрониках из Cod. Paris. gr. 1303, f. 173 ff. и Cod. Paris. Suppl. gr. 1034, f. 165—166 v. — до Андроника III (1328—1341 гг.); в семи хрониках из Cod. Vatic. — Ottob. gr. 180, f. 34 v. ff.; Cod. Vatic. — Palat. gr. 369, f. 143 v. ff. Cod. Paris. gr. 1356, f. 279, ff.; 1784, f. 132—133 v. ff.; 121 ff.; 2107, f. 12 ff.; Cod. Paris. Suppl. gr. 755, f. 37 ff. и изданной К. де Боором хронике (Niseph., p. 231—234) — до Иоанна V Палеолога (1341—1391 гг.).

⁴² Ср. Niseph., p. 102, 225—226; Georgii monachi Chronicon, ed. C. de Boor, v. I—II. Lipsiae, 1904, p. 804; см. также краткие хронологические перечни в следующих рукописях: Cod. Vatic. gr. 341 (olim 897), f. 7 v.—9; 497 (olim 768), f. 202—202 v.; 573 (olim 607), f. 109; Cod. Vindob. hist. gr. 58, f. 289; 106, f. 140; 113, f. 168 v.; Cod. Vindob. phil. gr. 32, f. 397 v.; 216, f. 182—182 v.; Cod. Vatic. — Ottob. gr. 205, f. 140; 408, f. 134—143; Cod. Monac. gr. 490, f. 154; Cod. Vindob. theol. gr. 153, f. 298 v.; Cod. Matrit. gr. 121, f. 50 v. ff.; Cod. Oxon. Misc. 120, f. 228 v.;

Cod. Leid. Vulc. gr. 93, f. 276 v.; ГИМ, греч. 421 ($\frac{411}{\text{CCCLXXXIV}}$), л. 180—180 об.;

439 ($\frac{426}{\text{CCCXCIX}}$), л. 3 об., 179.

В. Н. ЛАЗАРЕВ

ТРИ ФРАГМЕНТА РАСПИСНЫХ ЭПИСТИЛИЕВ И ВИЗАНТИЙСКИЙ ТЕМПЛОН

После того, как известный историк русской церкви Е. Е. Голубинский¹ собрал богатый материал по литературным первоисточникам, освещающим развитие алтарной преграды в Византии и Древней Руси, было сделано немало блестящих археологических открытий, которые позволяют совсем по-новому ставить вопрос об эволюции темплона и об истоках иконостаса. Среди этих открытий одно из первых мест принадлежит найденным на Синае расписным эпистилиям, впервые опубликованным Г. и М. Сотириу, что является их большой научной заслугой². Эти иконы сильно вытянутой формы либо служили архитравами деревянных темплов, либо ставились на архитравы мраморных алтарных преград. Самый длинный из дошедших до нас синайских эпистилиев равен 2,75, а высота их колеблется от 0,35 до 0,45. Тематика росписи эпистилиев довольно стабильная. Это чаще всего Деисус в центре и изображение «праздников», либо сцен из жития святого по сторонам. Характерной особенностью расписных эпистилиев является размещение каждого из сюжетов в опирающейся на колонки арке, причем колонки вместе с аркой служат как бы обрамлением для изображенного в его пределах эпизода.

К опубликованным Г. и М. Сотириу расписным эпистилиям мы можем присоединить еще три иконных фрагмента, которые, без сомнения, выполняли ту же функцию. Эти фрагменты происходят, по-видимому, с Афона и были привезены экспедицией П. И. Севастьянова³. Н. П. Кондаков совершенно неверно определил их назначение. Он полагал, что «Сошествие во ад» (рис. 2) и «Сошествие св. Духа» (рис. 3) были створками складня, а «Апостол Филипп, Феодор Стратилат и св. Димитрий» (рис. 1) якобы входили в состав настенного фриза в одном из боковых нефов церкви⁴. Между тем все три фрагмента явно принадлежали к двум эпистилиям, на одном из которых были изображены святые в рост, а на другом «праздники». На это указывает размещение каждой из фигур и каждой из сцен в арочках, опирающихся на колонки. Только если на синайских эпистилиях арочки и колонки выполнены живописными средствами, то на эрмитажных фрагментах они даны рельефом. Что мы имеем здесь части эпистилиев, свидетельствует и размер фрагментов, высота которых колеблется от 0,32 до 0,42. Таким образом, тематика расписных

Рис. 1. Апостол Филипп, Феодор Стратилат и св. Димитрий. Фрагмент расписного эпистилия. Конец XI — начало XII в. Гос. Эрмитаж, Ленинград.

¹ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, 2-е изд., т. 1—2. М., 1904, стр. 195—245.

² G. et M. Sotiriou. Icones du Mont Sinai. Athènes, 1958, t. I, p. 100—114; t. II, fig. 87—125.

³ Н. П. Кондаков. Русская икона, т. III, ч. I. Прага, 1931, стр. 96.

⁴ Там же, стр. 101, 102.

эпистилиев пополняется еще одним сюжетом — изображениями фронтально стоящих святых, чем выбор был, вероятно, продиктован заказчиками темплона.

Эрмитажный фрагмент с фигурами святых (рис. 1) выполнен в тонкой миниатюрной технике⁵. Его автором был хороший художник, возможно, связанный с константинопольской школой. Ближайшие стилистические аналогии к его манере письма встречаются в миниатюрах зрелого XI—раннего XII в. [ср., например, тип лица св. Димитрия с Cod. Mosq. gr. 9, fol. 72 v. (св. Прокопий) и с Минологием в Дохиаре, 5, fol. 216 (св. Меркурий)]⁶; а также в мозаиках этого же времени (ср. тип лица апостола Филиппа со св. Стефаном на мозаике от 1108 г. из Михайловского монастыря в Киеве)⁷. В миниатюрах же (Cod. Athen. 57, Vind. theol. gr. 154, Parm. Palat. 5, Leningr. gr. 296 и многие другие)⁸ мы находим прямые аналогии к завязанным узлами колонкам, форму которых Н. П. Кондаков был склонен выводить из дерева⁹. Наиболее вероятным временем исполнения фрагмента следует считать рубеж XI—XII вв.

Многого позднее (в самом конце XII—начале XIII в.) возникли оба фрагмента с изображением «Сошествия во ад» (рис. 2) и «Сошествия св. Духа» (рис. 3)¹⁰. Они написаны в той широкой и небрежной манере, которая типична для произведений провинциального круга. Композиции развернуты на плоскости, лица со стандартно изогнутыми носами мало дифференцированы, контрасты между освещенными и затененными частями носят преувеличенно резкий характер, краски яркие, скорее даже пестрые. По-видимому, оба «праздника» были выполнены на Афоне, в одной из его многочисленных иконописных мастерских. Если расписной эпистилий состоял из двенадцати «праздников», фланкировавших центральное изображение «Деисуса», то его длина равнялась примерно 2,50¹¹.

Многочисленные открытия, сделанные за последние десятилетия в об-

⁵ Размер 0,41 × 0,50. См. М. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., в кн.: «История русского искусства» под редакцией И. Грабаря, т. VI. М., стр. 145, 148; Н. Сычев. Древлехранилище памятников русской иконописи и церковной старины при Русском музее. — «Старые годы». 1916, январь—февраль, стр. 8; Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 101; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, М., 1947, стр. 126, 324; А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.—М., 1966, рис. 227—230, стр. 318.

⁶ Ср. В. Н. Лазарев. Указ. соч., т. II, табл. 132, г; рукопись датируется 1063 г.

⁷ Ср. В. Н. Лазарев. Указ. соч., т. II, табл. 172.

⁸ Ср. P. Buberl. Die Miniaturenhandschriften der Nationalbibliothek in Athen. Wien. 1917. Taf. IX; P. Buberl und H. Gerstinger. Die byzantinischen Handschriften des X—XVIII Jahrhunderts der Nationalbibliothek in Wien. Leipzig, 1938, Taf. VI—VII; В. Н. Лазарев. Указ. соч., т. II, табл. 144, 145, 156, 207.

⁹ Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, стр. 46. Н. П. Кондаков видел среди старой рухляди, сложенной в сарае при церкви Митрополи в Охриде, деревянные колонки с узлами, которые он склонен был датировать XIII—XIV вв.

¹⁰ Размеры: 0,315 × 0,185; 0,32 × 0,185. См. Н. Сычев. Указ. соч., стр. 8; O. Wulff und M. Alpatoff. Denkmäler der Ikonenmalerei. Hellerau bei Dresden, 1925, S. 74—77; 264; Н. П. Кондаков. Памятники..., стр. 101—102; В. Н. Лазарев. Указ. соч., т. I, стр. 126, 325; А. Χυηγοροϋλος. Ὁ ὄρθολογικὸς εἰκονογραφικὸς τύπος τῆς εἰς τὸν Ἄδην καθόδου τοῦ Ἰησοῦ. — ΕΕΒΣ, 1941, σελ. 115; А. В. Банк. Указ. соч., рис. 231, 232, стр. 318, 319.

¹¹ Не исключена возможность, что в одном из монастырей Афона найдутся другие фрагменты как этого, так и первого эпистилия. Манолис Хадзидакис (Manolis Chatzidakis. L'icone byzantine. — «Saggi e Memorie di Storia dell'Arte», 1958—1959, 2. Venezia, 1959, p. 25, fig. 13, 14) публикует хранящийся в Ватопеде расписной эпистилий XIII в. с изображением Деисуса с архангелами в центре и «праздниками» по бокам. По манере письма этот эпистилий не имеет ничего общего с эрмитажными фрагментами.

ласти изучения средневековых алтарных преград, позволяют поставить в связь свидетельства старых литературных источников с новыми археологическими находками, что было исключено для ученых начала XX в. К сожалению, этой возможностью не воспользовались авторы последних обобщающих работ о византийских темплонах — И. Б. Константинович¹² и В. Феличетти-Либенфельс¹³. Вместо того, чтобы привлечь богатейший материал археологических находок и расчищенные от записей уже в наше время древние византийские и русские иконы, они пошли по традиционному пути цитирования старых литературных источников, даваемых в полном отрыве от реальных памятников и к тому же весьма вольно интерпретируемых. Это толкнуло, в частности, Феличетти-Либенфельс на путь совершенно фантастических гипотез, обоснованием которых служили не византийские, а западноевропейские памятники, возникшие в совсем иной среде и на совсем иной исторической почве. В результате такого подхода к интересующей нас проблеме многое осталось неясным и спорным. А между тем есть полная возможность уже сейчас уточнить ход развития византийского темплона и показать, чем он отличался от позднейшего русского иконостаса. И тогда вряд ли один из лучших знатоков византийской культуры стал бы утверждать, что «der vollständige Abschluss des Altarraumes durch die hohen Bilderwände hat sich, anscheinend von Konstantinopel ausgehend, erst in der zweiten Hälfte des 14. Jh. angebahnt...»¹⁴.

Как известно, для обозначения алтарной преграды у византийцев существовало много терминов¹⁵, среди которых выжил только один — τὸ τέμπλον. От византийцев его переняли и сербы (templo), и болгары (templo), и румыны (timplă), и русские (тѣбло). Этот термин встречается уже в житии пресвитера Филиппа (VII в.)¹⁶ и у Феодора Студита (ок. 800)¹⁷. Возможно, что, как полагает Е. Е. Голубинский¹⁸, под словом templon первоначально подразумевали лишь покоившийся на колонках архитрав с изображениями святых, а затем им стали называть всю алтарную преграду. Происхождение этого слова не вызывает сомнений. Оно восходит к латинскому templum, обозначавшему не только храм, но и прямые деревянные брусья, положенные поперек кровельных стропил¹⁹.

Благодаря раскопкам форма алтарных преград в раннехристианских базиликах может быть довольно точно восстановлена. Это были либо низкие парапеты, состоявшие из резных плит (рис. 4), либо своеобразные портики, в которых колонки несли архитрав, а интерколумнии имели

¹² J. B. Konstantynowicz. Ikonostasis. Studien und Forschungen, 1. Bd. Lwów (Lemberg), 1939.

¹³ W. Felicetti-Liebenfels. Entstehung und Bildprogramm des byzantinischen Tempelns im Mittelalter. — «Festschrift W. Sas-Zaloziecky zum 60. Geburtstag». Graz, 1956, S. 49—58. Ср. idem. Geschichte der byzantinischen Ikonenmalerei. Olten—Lausanne, 1956, S. 73—88.

¹⁴ F. Dölger. Mönchsländ Athos. München, 1943, S. 116.

¹⁵ Как, например, κίχλιδες, κάγκελλα, στήθεα, διάστολα, θώραξ, περίστολα и др. См. Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis, s. v. τέμπλον; Е. Е. Голубинский. Указ. соч., т. 1—2, стр. 196, 206; J. Konstantynowicz. Op. cit., S. 30—33; L. Bréhier. Anciennes clôtures de choeur antérieures aux iconostases dans les monastères de l'Athos. — «Atti del V congresso internazionale di studi bizantini», II. Roma, 1940, p. 52.

¹⁶ Acta Sanctorum Bollandiana, III, col. 28—33. Ср. Е. Е. Голубинский. Указ. соч., т. 1—2, стр. 208.

¹⁷ Theod. Studit. Iambi de variis argutis. — PG, t. 99, col. 1796 A.

¹⁸ Е. Е. Голубинский. Указ. соч., т. 1—2, стр. 205—208. Е. Е. Голубинский высказывает предположение, что слово templon стало позднее применяться и для обозначения стоявших на архитраве икон. Но это не более, как гипотеза.

¹⁹ См. Е. Е. Голубинский. Указ. соч., т. 1—2, стр. 206—207; J. Konstantynowicz. Op. cit., S. 32.

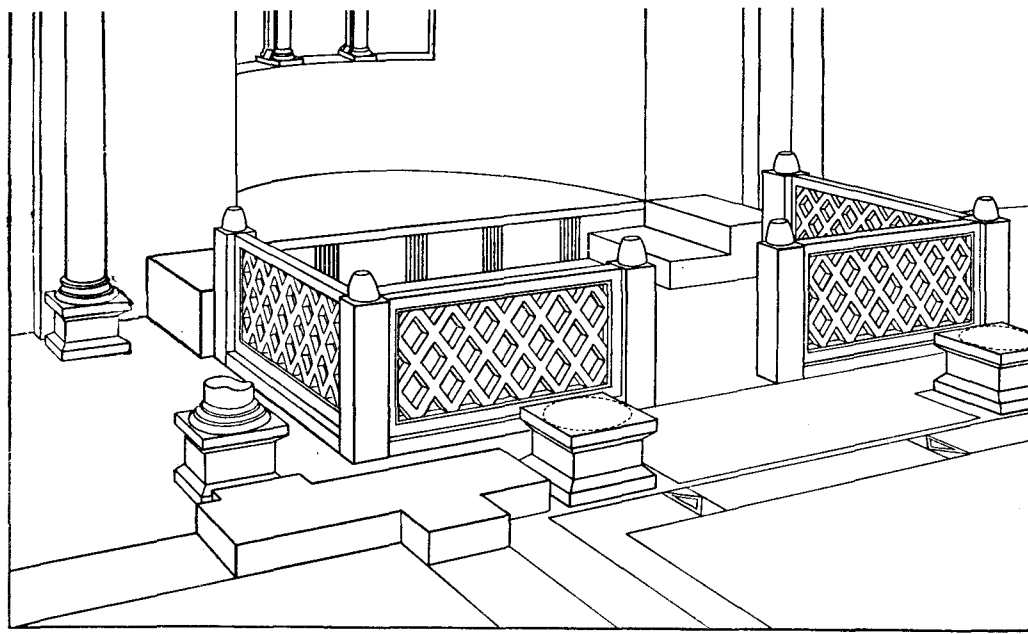

Рис. 4. Алтарная преграда в базилике IV в. в Локриде.
Реконструкция Орландоса.

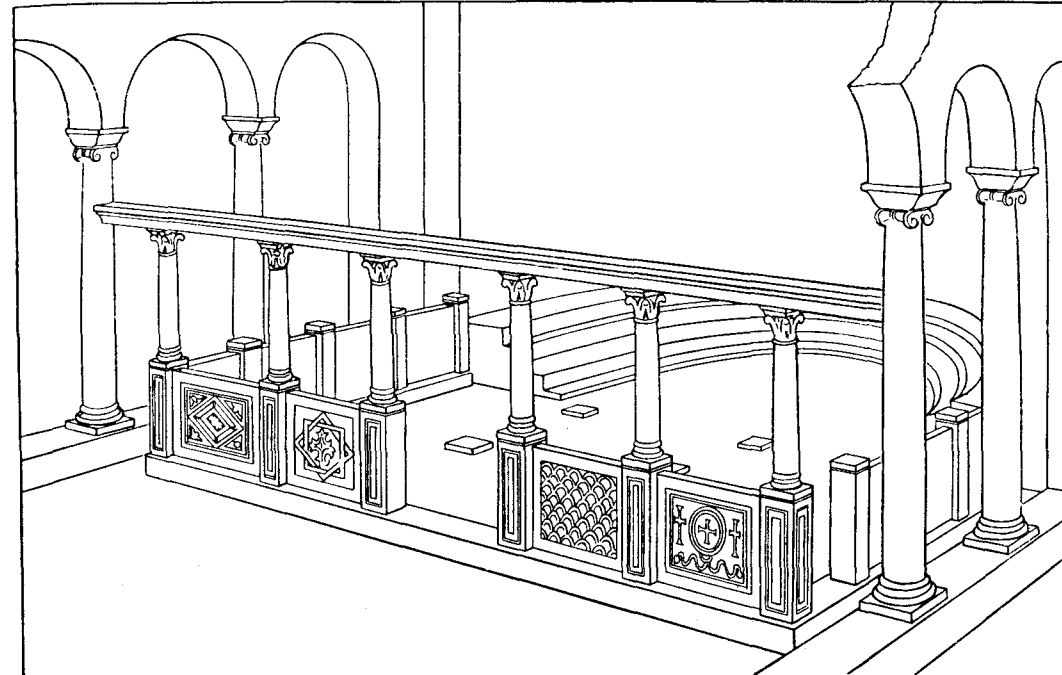

Рис. 6. Алтарная преграда базилики Афентелли на острове Лесбос.
Реконструкция Орландоса.

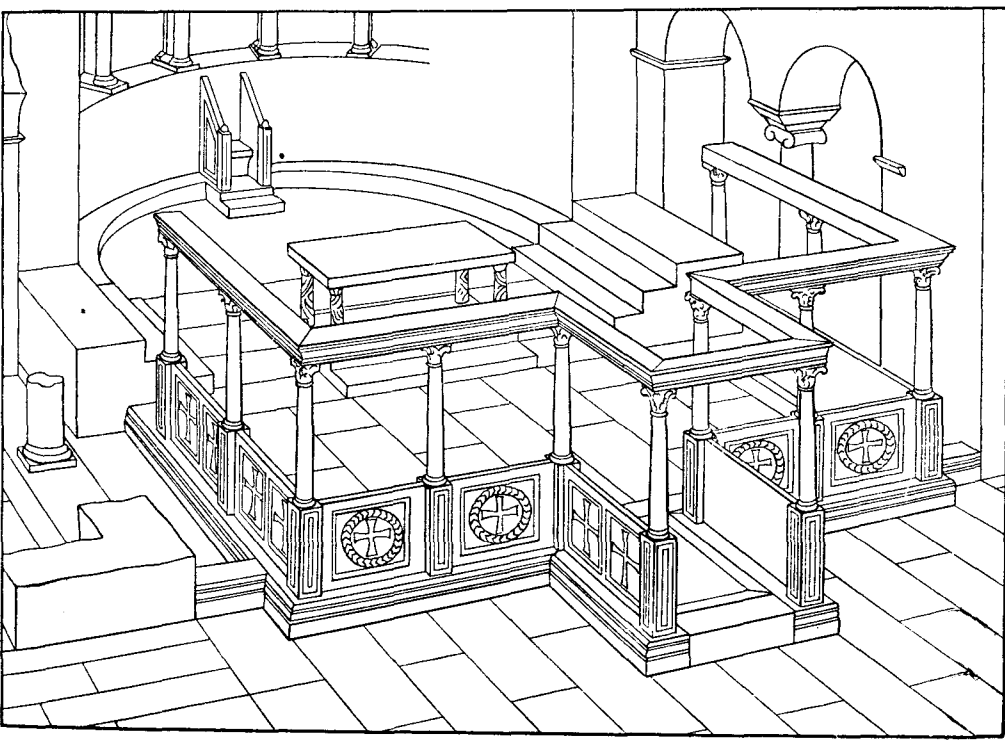

Рис. 5. Алтарная преграда базилики на острове Фасос.
Реконструкция Орландоса.

внизу вырезанные из мрамора перегородки (рис. 5—6). В обоих типах алтарных преград помещался в центре вход в алтарь²⁰. На византийской почве получил развитие второй тип алтарной преграды. Его самым прославленным образцом была алтарная преграда храма св. Софии в Константинополе (рис. 7). Не вдаваясь в анализ ее архитектурных форм, мы хотели бы остановиться лишь на украшавших ее изображениях, так как они очень важны для иконографии позднейших храмов.

²⁰ Богатейший материал по ранним алтарным преграмм дали раскопки греческих археологов, и в первую очередь раскопки Г. Сотирью и А. Орландоса. См. G. Sotiriou. 'Ανασκαφαί τοῦ βυζαντινοῦ ναοῦ τοῦ Ἰωάννου Θεολόγου ἐν Ἐφέσῳ. — «Ἀρχαιολ. Δελτίον», 1921—1922 (VII), σελ. 88—226, εἰκ. 32; A. Orlandos. Ἀνατολιζούσαι βασιλικαὶ τῆς Λακωνίας. — ΕΕΒΣ, (Δ'), σελ. 350—351; A. Χυνοπούλος. Τὸ τέμπλον τῆς ἁγίας Παρασκευῆς ἐν Χαλκίδι. — «Ἀρχαιολ. Δελτίον», 1927, σελ. 67; A. Orlandos. Ὁ Ταξιάρχης τῆς Λοκρίδος. — ΕΕΒΣ, 1929 (VI), σελ. 359—365; idem. Αἱ παλαιохριστιανικαὶ βασιλικαὶ τῆς Λέσβου. — «Ἀρχαιολ. Δελτίον», 1929 (XII), εἰκ. 52, 53, 59, 60; G. Sotiriou. Αἱ χριστιανικαὶ Θῆβαι τῆς Θεσσαλίας. — «Ἀρχαιολ. Ἐφημερίς», 1929, σελ. 26, 27, 126—128, 224, εἰκ. 27—29, 164, 174; idem. Αἱ παλαιохριστιανικαὶ βασιλικαὶ τῆς Ἑλλάδος Ἀθήναι, 1931, σελ. 220—225; St. Xydis. The Chancel Barrier, Solea and Ambo of Hagia Sophia. — «Art Bulletin», 1947, (XXIX), p. 2—7; G. et M. Sotiriou. Ἡ βασιλικὴ τοῦ ἁγίου Δημητρίου Θεσσαλονίκης, II. Ἀθήναι, 1952, σελ. 171—173, πιν. 48, 49, 50; A. Orlandos. Ἡ ξυλόστεγος παλαιохριστιανικὴ βασιλική, II. Ἀθήναι, 1954, σελ. 509—535; J. Nikolajević-Stojković. La décoration architecturale sculptée de l'époque basomaine en Macédoine, en Serbie et au Monténégro—Beograd, 1957, fig. 153—169. Cp. G. Sotiriou. Χριστιανικὴ καὶ βυζαντινὴ ἀρχαιολογία. Ἀθήναι, 1942, σελ. 200—205; H. Stern. Nouvelles recherches sur les images des conciles dans l'église de la Nativité à Bethléem. — «Cahiers Archéologiques», 1948 (III), p. 93—98.

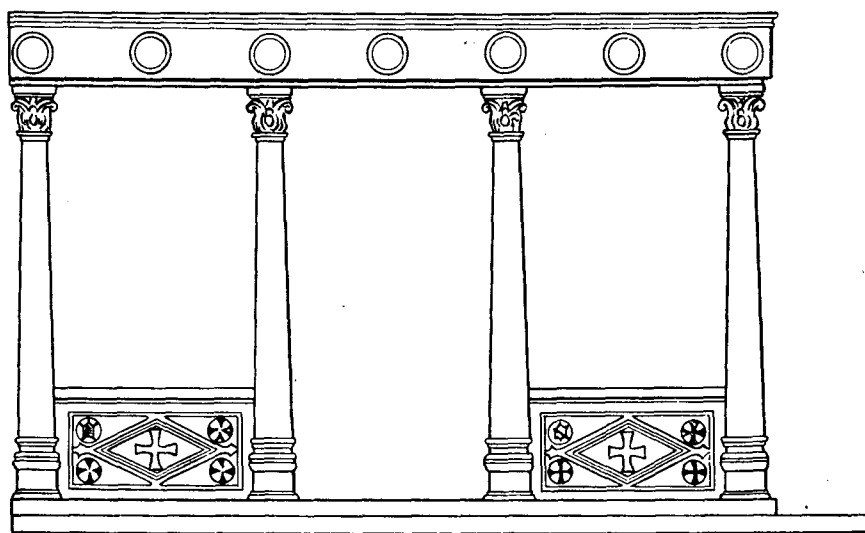
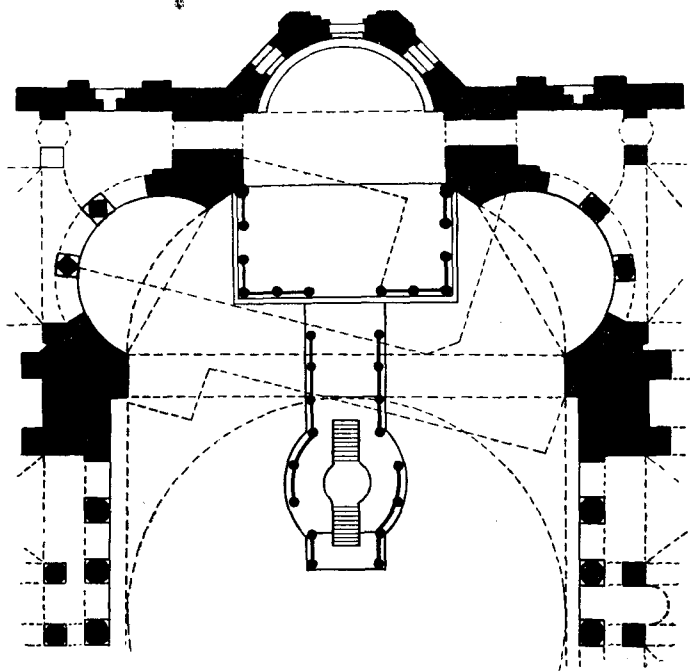

Рис. 7. План алтарной преграды и амвона храма св. Софии в Константинополе.
Реконструкция Ксидиса.

Павел Силенциарий²¹, описывая алтарную преграду св. Софии в Константинополе, отмечает, что на архитраве были изображены в дисках Христос, склонившиеся к нему ангелы, Мария, пророки и апостолы. В каком точно порядке были расположены эти полуфигуры, Павел Силенциарий не указывает. Он только говорит о центральном положении медальона с образом Христа. Если принять наиболее убедительную реконструкцию Ксидиса²², то длина архитравы алтарной преграды в Софии Константинопольской была равна примерно 31,88 либо 37,68 м (в обоих случаях я учитываю архитравы и боковых фасадов алтарной преграды). Чтобы равномерно разместить на архитраве такой длины медальоны с полуфигурами святых, необходимо было дать одиннадцать медальонов на фронтальной стороне алтарной преграды и минимум по семи на ее боковых частях²³. Тем самым становится вполне понятным свидетельство Павла Силенциария об изображении в медальонах не только Христа, Марии и ангелов, но и апостолов и пророков. Не прибегая к последним, невозможно было заполнить такое количество медальонов полуфигурами святых. Сколько было представлено на архитраве ангелов, какие из пророков и апостолов были здесь выбраны — этого мы, по-видимому, никогда не узнаем. Но весьма вероятно, что среди упоминаемых Павлом Силенциарием пророков был изображен и Иоанн Креститель, фигурирующий в литургии Иоанна Златоуста не только как предтеча, но и как пророк²⁴. Тогда наиболее логичным местоположением этого образа был бы ближайший к Христу правый медальон. Если принять эту гипотезу, то архитрав алтарной преграды Софии Константинопольской украшал Деисус, что само по себе весьма вероятно²⁵. Ведь эта композиция воплощала в наиболее чистой форме идею заступничества, и где, как не на алтарной преграде главного константинопольского храма, имело смысл отвести ей центральное и самое почетное место.

Точно неизвестно, в какой технике были выполнены изображения на архитраве Софии Константинопольской. Так как, по свидетельству Павла Силенциария, колонны алтарной преграды были обложены серебром, то, вероятно, аналогичную технику применили и к архитраву. В этом случае изображения святых в медальонах, диаметр которых равнялся примерно 0,40, были не высечены из мрамора, а вычеканены из серебра²⁶. Поскольку в юстиниановой Софии антропоморфические образы еще отсут-

²¹ Paulus Silentiarius. *Descriptio ecclesiae Sanctae Sophiae*, vv. 628—719. — PG, 86 (2), col. 2145—2147.

²² St. Xydias. *Op. cit.*, 1—11. fig. 32—33; E. Weigand. *Die Ikonostase der justinianischen Sophienkirche in Konstantinopel*. Gymnasium und Wissenschaft. — «Festschrift des Maximilian Gymnasiums in München». München, 1949, S. 176—195.

²³ Cp. St. Xydias. *Op. cit.*, p. 6—7. Высоту колонн Ксидис определяет равной примерно 4,94 м.

²⁴ F. Brightman. *Liturgies Eastern and Western*. Oxford, 1896, p. 358. Cp. St. Xydias. *Op. cit.*, p. 11.

²⁵ И. Б. Константинович (*op. cit.*, S. 82) также придерживается этой точки зрения. Уже Софроний, патриарх иерусалимский, упоминает в 629 г. большую икону с изображением Деисуса. См. А. Кирличников. Деисус на Востоке и на Западе и его литературные параллели. — *ЖМНП*, 1893, ч. 290, ноябрь, стр. 8. Если в это время существовали уже такие иконы, то есть все основания возводить истоки данной темы к VI в. Cp. J. Konstantynowicz. *Op. cit.*, S. 70—72, 75; E. Kantorowicz. *Ivories and Litanies*. — «Journal of the Warburg and Courtauld Institutes». 1942 (V), p. 70, n. 4; *idem*. *Laudes Regiae*. Berkley and Los Angeles, 1946. Константинович, обычно весьма вольно толкующий старые тексты, возводит композицию Деисуса к эпохе Константина Великого, что ничем не может быть доказано.

²⁶ Вероятно, эти медальоны были очень близки к тому, что мы находим на фризе серебряной вазы VI в. из Эмеса в Лувре. См. E. Coche de la Ferté. *L'Antiquité Chrétienne au Musée du Louvre*. Paris, 1958, p. 50—51; N 49; W. F. Vol-

ствовали в системе мозаической декорации, а культ икон в это время не получил широкого распространения, можно утверждать, что полуфигуры святых на архитраве алтарной преграды являлись главными, если не единственными, антропоморфными изображениями в прославленном храме.

В каком бы порядке ни даны были святые на архитраве алтарной преграды Софии Константинопольской, не подлежит никакому сомнению, что именно архитрав явился той первичной ячейкой, из которой постепенно выкристаллизовался позднейший иконостас. На архитраве ранее всего начали помещать изображения святых, причем их высекали прямо из мрамора либо чеканили из золота и серебра, если архитрав обкладывали пластинами из драгоценного металла. Возможны были также изображения, выполненные в технике цветной инкрустации и в технике перегородчатой эмали. Чем богаче был столичный храм, тем роскошнее был его темплон, на оформление которого благочестивые византийцы не жалели никаких средств.

Мы не знаем, как выглядели темплены в эпоху иконоборчества. Есть все основания полагать, что если на архитравах старых темпленов имелись изображения святых, то иконоборцы обходились с ними столь же сурово, как с иконами и фигурными изображениями в мозаиках и фресках. Иначе говоря, они их уничтожали. Но что они давали взамен? Чисто декоративные мотивы, почерпнутые из звериного и растительного мира. Процесс проникновения этих мотивов в украшения алтарных преград был столь интенсивным, что его не смогли пресечь даже самые ревностные из иконопочитателей. Если отдельные изображения птиц и животных спорадически украшали алтарные преграды в доиконаборческую эпоху²⁷, то в основном доминировали кресты, хризмы, монограммы заказчиков и отвлеченные орнаменты²⁸. В послеиконаборческую эпоху эта правозерная тематика уступает место зооморфическим образам, получающим широчайшее распространение. Чтобы как-то оправдать эту уступку иконоборческим традициям, хитроумное византийское духовенство выработало стройную теорию, изложенную патриархом Никифором в трактате «Antirrheticus», III²⁹, который был подвергнут мастерскому анализу А. Н. Грабаром³⁰.

Утверждая поклонение божественным образам, Никифор прокламирует их святость и неразрывную связь с предметами культа, почитание которых не подлежит сомнению. Другое дело изображения различных животных, украшающие предметы культа, в том числе и алтарную преграду. Им не поклоняются, так как они выполняют лишь украшательские функции. В них не вкладывают никакого религиозного смысла, они призваны радовать глаз и удовлетворять эстетические потребности человека. Это учение, проводившее четкую демаркационную грань между изображением как предметом поклонения и изображением, служившим простым украшением, призвано было оправдать глубоко укоренившуюся практику украшать предметы культа зооморфическими образами. При этом сознательно закрывали глаза на то, что львиная доля этих образов была почерпнута из арсенала иконоборческого искусства.

Bach—M. Hirmer. Frühchristliche Kunst. München, 1958, Taf. 246; D. Talbot Rice—M. Hirmer. Arte di Bisanzio. Firenze, 1959, tav. 44, 45. Наиболее вероятным местом изготовления этой вазы был Константинополь.

²⁷ A. Orlandos. 'H εὐλοβήτος, παλαιохριστιανική βασιλική, II, εἰς. 480, 483—2, 487.

²⁸ Ibid., II, εἰς. 473, 475, 477, 478, 484—486, 491, 492, 493.

²⁹ Niceph., Antirrheticus, III. — PG, t. 100, col. 464—465. Этот трактат был написан между 817 и 828 гг.

³⁰ A. Grabar. «L'esthétique» d'un théologien humaniste byzantin du IXe siècle. — «Revue des sciences religieuses», 1957, p. 189—199.

Находимые во время раскопок эпистилии, парапеты, столбики и колонки алтарных преград обычно бывает трудно точно датировать. Но одно общее наблюдение можно все же сделать. Начиная с IX в. резко возрастает количество таких фрагментов алтарных преград, которые украшены изображениями львов³¹, газелей³², крылатых грифонов³³ и различных птиц³⁴. Я не стану здесь вдаваться в обсуждение вопроса о том, какой символический смысл вкладывали в тот или иной зооморфический образ³⁵. Чаще всего это были чисто декоративные мотивы, почерпнутые из произведений светского прикладного искусства, особенно из шелковых тканей. В цитированном выше трактате патриарха Никифора, несомненно, идет речь о завесах алтарных преград, на которых были вытканы изображения животных. Но последние находили себе применение также в декорировании архитравов, где они мирно уживались рядом с изображениями крестов и святых³⁶. Такое соседство стало возможным только после того как иконоборцы приучали десятилетиями воспринимать образы разветвленного звериного мира естественным дополнением к украшению церковного интерьера.

³¹ G. Sotiriou. 'Οδηγός Βυζαντινοῦ Μουσείου. Ἀθήναι, 1924, εἰς. 9, 14; L. Bregier. La sculpture et les arts mineurs byzantin. Paris, 1936, p. 163, pl. IX.2 (мраморные плиты парапетов темплона, найденные в Афинах и Фессалонике); Н. Мавродино в. Старобългарското изкуство. Изкуството на първото българско царство. София, 1959, обр. 249, 250 (аналогичные мраморные плиты, найденные в Стара Загора); A. Orlandos. — «Ἀρχαίων τῶν Βυζαντινῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος», 1955—1956 (II), σελ. 66—67, εἰς. 48 (плита парапета в музее Андроса); A. Grabar. Sculptures byzantines de Constantinople (IVe—Xe siècle). Paris, 1963, p. 123—124, 137, pl. LXIV-4 (плита парапета в Археологическом музее в Салониках).

³² G. Sotiriou. 'Οδηγός Βυζαντινοῦ Μουσείου, εἰς. 14 (плита парапета темплона, найденная на афинском Акрополе); A. Grabar. Op. cit., p. 97, 134, pl. XLV-3 (плита из Лавры на Афоне).

³³ A. Orlandos. Γλυπτά τοῦ Μουσείου Ἐπιβίων. — «Ἀρχαίων τῶν Βυζαντινῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος», (1939—40 (E)), σελ. 130, εἰς. 12 (плита парапета темплона); Н. Мавродино в. Указ. соч., обр. 253 (плита парапета темплона, найденная в Стара Загора); A. Grabar. Op. cit., p. 97, 123—124, 137, pl. XLV-3, LXIV-4 (плиты в Лавре и в Археологическом Музее в Салониках).

³⁴ G. Sotiriou. 'Οδηγός Βυζαντινοῦ Μουσείου, εἰς. 9 (плиты парапета темплона, найденные в Фессалониках и в Афинах); A. Orlandos. Γλυπτά τοῦ Μουσείου Ἐπιβίων (плита парапета темплона); Н. Мавродино в. Указ. соч., обр. 251, 252 (плиты парапета темплона, найденные в Стара Загора); A. Grabar. Op. cit., p. 106—107, 135, pl. LIII (плита парапета темплона из Фенер Иса). О широком распространении зооморфических мотивов в византийской декоративной пластике IX в. свидетельствуют и опубликованные Стриговским скульптурные фрагменты из монастырской церкви в Скрипу (873—874) и церкви Григория Богослова в Фивах (876—877), на которых мы видим изображения льва, грифона с ланью и птиц. См. J. Strzyskowski. Inedita der Architektur und Plastik aus der Zeit Basilios I. — BZ, 1894 (III), S. 5—6. 11—12, Taf. II—5—6. III—2—3; M. Sotiriou. 'Ο ναός τῆς Σκριπῶς τῆς Βωιωτίας. — «Ἀρχαιολ. Ἐφημερίς», 1931, σελ. 119—157; A. Grabar. Op. cit., p. 90—99, pl. XXXIX—XLII.

³⁵ Можно лишь отметить, что в раннехристианских памятниках изображения животных и птиц были гораздо теснее связаны с миром символов нежели в памятниках византийских IX—XIV вв.

³⁶ Например, фрагменты архитрава X (?) в. из Дренова, где кресты сочетаются с фигурами львов и крылатых грифонов (J. Nikolajević-Stojković. Contribution à l'étude de la sculpture byzantine de la Macédoine et de la Serbie. — «Recueil de travaux de l'Institut d'Études Byzantines», № 4. Beograd, 1956; p. 165—168, fig. 4), фрагменты архитрава из Эрехфейона в Византийском музее в Афинах, где кресты чередуются с изображениями птиц и полуфигур ангелов (G. Sotiriou. 'Οδηγός Βυζαντινοῦ Μουσείου, εἰς. 12 (архитрав темплона раннего XI в. в соборной церкви монастыря св. Луки в Фокиде, где декоративные розетки фланкированы двумя крылатыми грифонами; см. A. Grabar. L'art byzantin. Paris, 1938, fig. 8). Интересно отметить, что на новгородском деревянном тязле XII в., составлявшем архитрав алтарной преграды, изображены Распятие, серафимы, полуфигуры св. Георгия, Ильи, Николая и Варвары и два льва (В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 50, табл. 37а).

Рис. 8. Фрагмент архитрава с изображением св. Филиппа, Макария, Луки и Пантелеймона. IX—X вв.

Что в Константинополе IX в. существовали алтарные преграды с архитравами и что на этих архитравах находились изображения Христа, выполненные в технике эмали, свидетельствует Константин Порфирородный³⁷. Конечно, чаще всего на архитравах высекали полуфигуры Христа, богородицы и Иоанна Предтечи, входившие в состав излюбленной для этого места композиции — Деисуса. Два фрагмента таких архитравов IX—X вв. до нас дошли. Один был найден в Малой Азии³⁸, другой — в Беотии³⁹. На первом сохранились лишь наполовину уцелевшая полуфигура Христа и полуфигура Иоанна Предтечи, на втором — полуфигуры трех апостолов, богородицы и Христа. Все они даны в медальонах, что облегчало развешивать композицию Деисуса по горизонтали и приспособлять ее к сильно вытянутой форме фриза⁴⁰.

Архитравы темплов украшали не только изображениями Деисуса. На них размещали и медальоны с полуфигурами святых, выбор которых был, вероятно, обусловлен пожеланиями заказчиков. Так, на одном фрагменте архитрава из Малой Азии даны полуфигуры св. Филиппа, Макария, Луки и Пантелеймона (рис. 8), выполненные в технике цветной инкрустации (углубленные места были в свое время заполнены цветной пастой, в подражание перегородчатым эмалям)⁴¹. В крупных столбчатых храмах, где архитравы темплов обкладывали серебряными, а возможно, и золотыми пластинами, применяли драгоценные эмали, что подтверждает цитированное выше место «Vita Basilii».

Следует самым решительным образом отметить предположение Гоар, без всяких оснований утверждавшего, будто уже после эпохи иконоборчества появились высокие деревянные иконостасы, сплошь заставленные

³⁷ Theophanes Continuatus. Vita Basilii. — «Corp. Script. Hist. Byz.». Bonnae, 1838, p. 326: «οἷον υπέρθυρα»; p. 330: «ἡ δὲ ταῖς κεφαλῶν τοῦτων ἐπιχειρήνη δοχὴς»; p. 330—331: «ἐν ἡ (δοχῆ) κατὰ πολλὰ μέρη καὶ ἡ Θεανδρική τοῦ Κυρίου μορφή μετὰ χρομῆσεως ἐκτετῶνται» (речь идет об алтарной преграде в константинопольской церкви Христа, построенной Василием I).

³⁸ W. H. Buckler, W. M. Calder and W. K. C. Guthrie. Monumenta Asiae Minoris Antiqua, VI. Manchester, 1939, p. 122, pl. 62, N 359; St. Xydis. Op. cit., fig. 18.

³⁹ A. Orlandos. Γλυπτὰ τοῦ Μουσείου Θεβῶν, σελ. 126—128, εἰκ. 7—8.

⁴⁰ Изображение Деисуса с восседающим на троне с лирообразной спинкою Христом имеется на фрагменте архитрава в Музее Смирны. См. A. Orlandos. — «Ἀρχεῖον τῶν Βυζαντινῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος», 1937 (Γ'), σελ. 144, εἰκ. 17—18. Вероятно, XI—XII вв.

⁴¹ W. H. Buckler, W. M. Calder and W. K. C. Guthrie. Monumenta Asiae Minoris Antiqua, IV. Manchester, 1933, p. 13, pl. 17, № 40; St. Xydis. Op. cit., fig. 17. Вероятно, X—XI вв.

иконами⁴². Эта гипотеза, справедливо раскритикованная Холлом⁴³ и легкомысленно апробированная Феличетти-Либенфельс⁴⁴, не подтверждается никакими фактами, и ей противоречит вся последующая история византийского темплова, ясно показывающая, что византийцы долгое время относились весьма сдержанно к размещению икон на алтарной преграде. Тем более подобный факт был невозможен в IX в., когда иконоборческие настроения еще очень сильно давали о себе знать в византийском обществе.

С XI в. резко увеличивается и количество литературных свидетельств о темпловах, и количество сравнительно хорошо сохранившихся алтарных преград. Главное же — на это время падают первые дошедшие до нас иконы, несомненно связанные с темпловыми. Это позволяет перейти из области догадок на почву твердых фактов, хотя, как мы в этом убедимся в дальнейшем, кое-что остается неясным и на данном этапе развития.

Фрагменты алтарных преград либо сами темпловы (правда, с частично утраченными частями) дошли до нас и от XI, и от XII в. XI столетием датируются алтарные преграды параклисия св. Николая в Ватопеде (начало XI в.)⁴⁵, монастыря Оснос Лукас в Фокиде (ранний XI в.) и церкви Оснос Лукас на острове Эвбее (рис. 9)⁴⁶, св. Софии в Охриде (около середины XI в.)⁴⁷, монастыря Дафни (последняя треть XI в. (рис. 10)⁴⁸, монастыря Богородицы Милостивой около югославского села Велюса (поздний XI в.)⁴⁹, церкви Таксиархов τῆς Μελίδας на острове Андрос⁵⁰.

⁴² I. Goar. Euchologion sive Rituale Graecorum. Venetiae, 1730, p. 14.

⁴³ K. Holl. Die Entstehung der Bilderwand in der griechischen Kirche. — «Archiv für Religionswissenschaft», 1906 (IX), S. 367—368.

⁴⁴ W. Felicetti-Liebenfels. Op. cit., S. 49.

⁴⁵ Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне, рис. 19; L. Bréhier. Anciennes clôtures de choeur, p. 49.

Брейе считает, что этот темплов собран из contemporaneous частей, относящихся к более раннему времени (до XI в.). Высота 2,99, длина — 2,04, ширина среднего пролета — 0,92. Об алтарной преграде церкви Протата см. A. Orlandos. — ЕЕВЭ, 1953 (КГ'), σελ. 85, εἰκ. 1.

⁴⁶ A. Grabar. L'art byzantin. Paris, 1938, fig. 8; A. Orlandos. Τὸ παρὰ τὸ Ἀλιβέρι μετόχιον τοῦ Ὁσ. Δουκῆ Φωκίδος. — «Ἀρχεῖον τῶν Βυζαντινῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος», 1951, (Ζ'), σελ. 132—139, εἰκ. 1—5. Высота колонн Эвбейского темплова 2,30, высота парапета 0,989, высота проема между колоннами 1,09. Сохранились фрагменты архитрава и колонок, на основании которых Орландос дает реконструкцию.

⁴⁷ I. Nikolajević-Stojković. Op. cit., p. 170—173, fig. 9—12; P. Miljković-Perek. La fresque de la Vierge avec le Christ du pilier, située au nord de l'icônostase du Sainte Sophie à Ohrid. — «Akten des XI. Intern. Byzantinisten-Kongresses 1958». München, 1960, S. 388—391; K. Petrov. La plastique décorative en Macédoine au XI et XII-e siècle. — «Annuaire de la faculté de philosophie de l'Université de Skopje». Skopje, 1962, p. 126—157 (с указанием всей более старой литературы), fig. 3—12. Сохранились две плиты парапета, четыре столбика, одна колонна вместе с нижней частью, небольшой фрагмент архитрава и фрагменты декоративной арки над фресковым изображением богородицы на юго-восточном столбе. По реконструкции Петрова высота алтарной преграды равна примерно 2,50. На обоих восточных столбах даны изображения богородицы с младенцем, что не совсем логично для иконографии росписи восточных столбов. Уже это одно настораживает, не говоря о стиле обоих изображений, тяготеющем к искусству зрелого XII в. Поэтому я никак не могу, вслед за Милькович-Пепек, датировать фрески восточных столбов серединой XI в.

⁴⁸ A. Orlandos. Νεώτερα εὐρήματα εἰς τὴν Μονὴν Δαφνίου. — «Ἀρχεῖον τῶν Βυζαντινῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος», 1955—1956 (Η'), σελ. 77—88, εἰκ. 11—19. Сохранились лишь незначительные фрагменты колонок, эпистилия и декоративных арок над мозаическими иконами богородицы и Христа на восточных столбах.

⁴⁹ P. Miljković-Perek. Altar Screen from the Monastery of Mother of God Eleusa in Veljusa. — «Recueil de travaux de l'Institut d'Etudes Byzantines», 1960 (6), p. 137—144. Сохранились архитрав, две колонки и стилобат. Высота алтарной преграды равна 2,56, длина архитрава 3,00.

⁵⁰ A. Orlandos. Βυζαντινὰ μνημεῖα τῆς Ἀνδρου. — «Ἀρχεῖον τῶν Βυζαντινῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος», 1955—1956 (Η'), σελ. 42—43, εἰκ. 29. Фрагмент эпистилия.

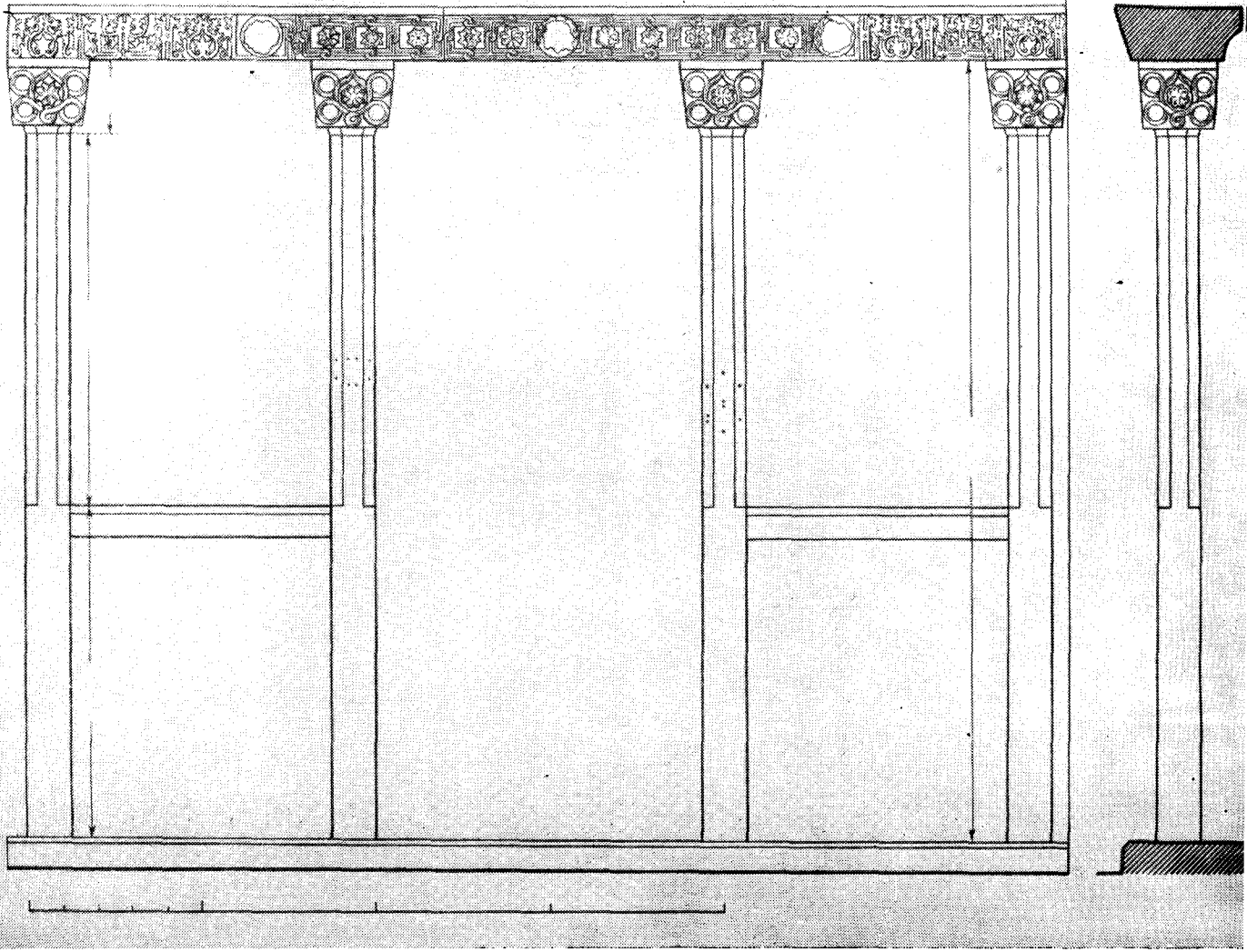

Рис. 9. Алтарная преграда в церкви Оснос Лукас на острове Эвбея. XI в.
Реконструкция Орландоса.

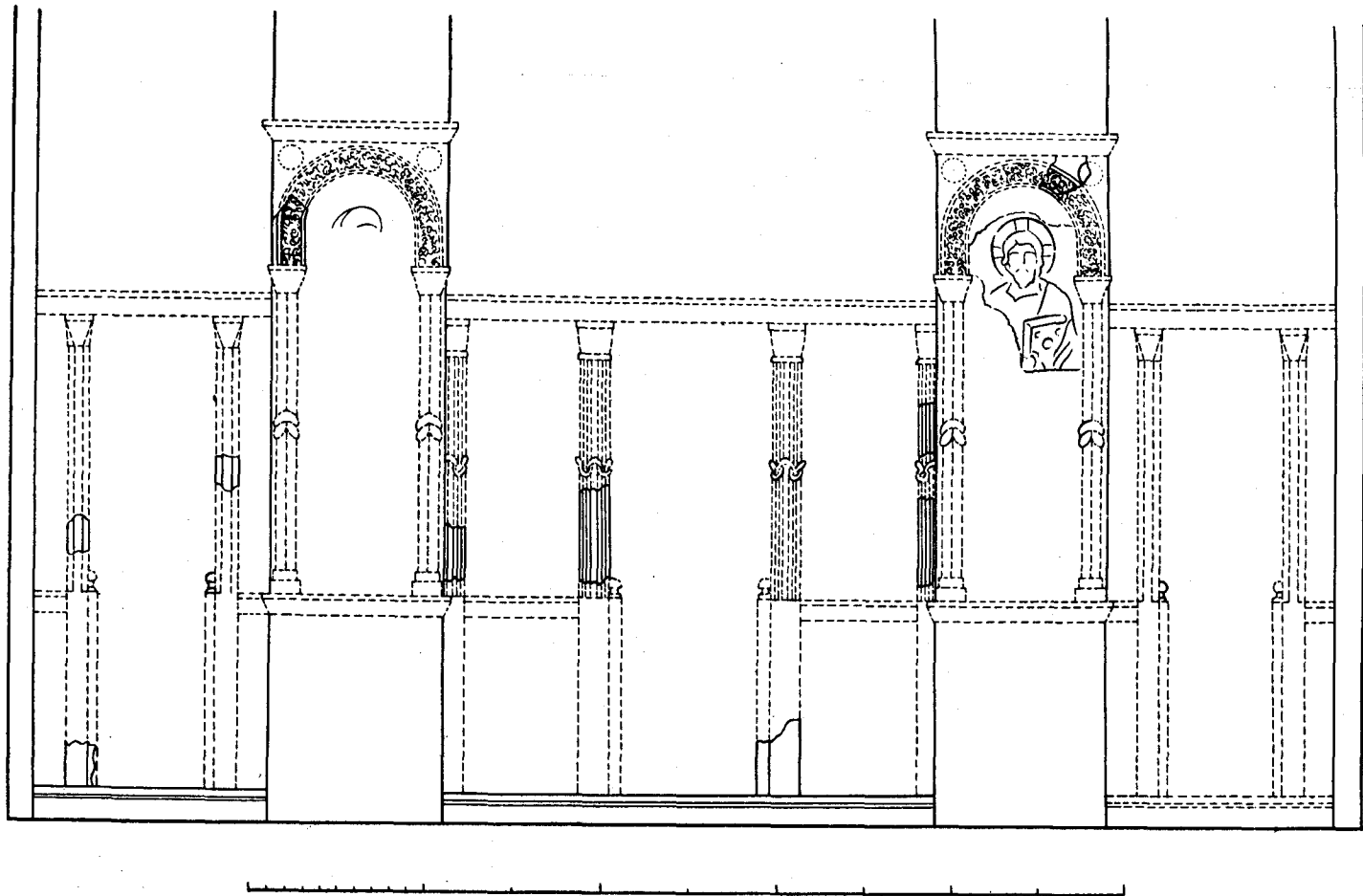

Рис. 10. Алтарная преграда храма в Дафни. XI в.
Реконструкция Орландоса.

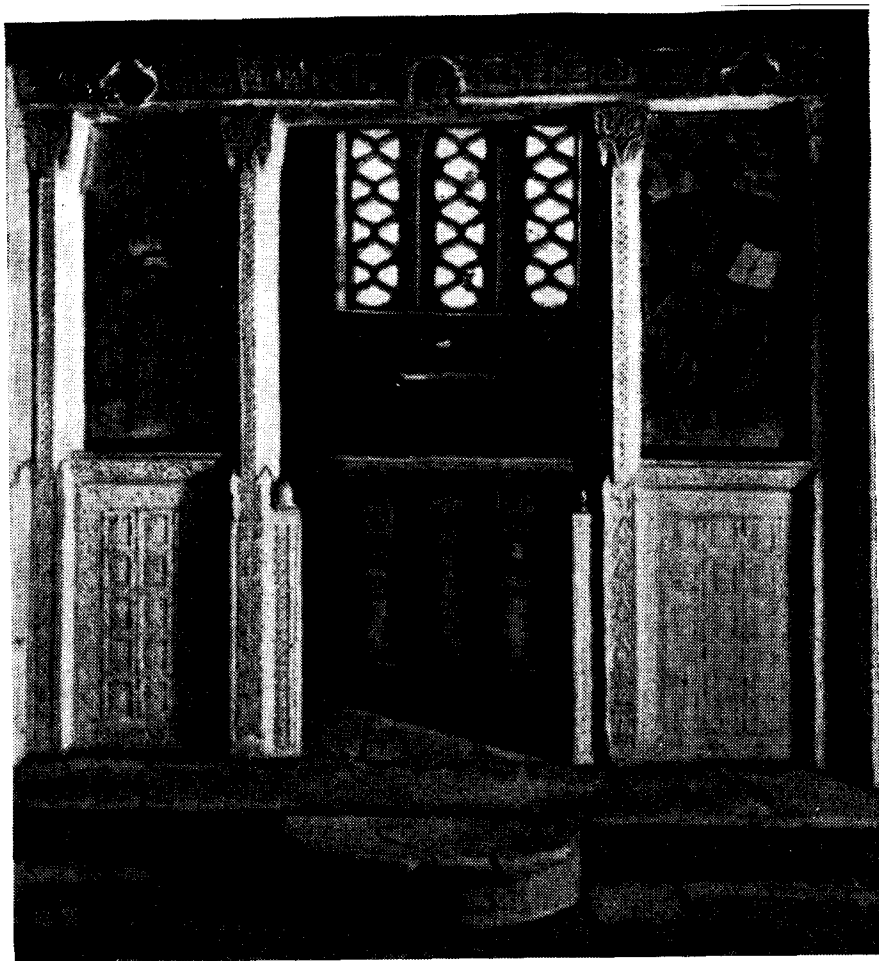

Рис. 11. Алтарная преграда монастыря преп. Мелетия. XII в.

К XII веку относятся алтарные преграды монастыря Преподобного Мелетия (рис. 11)⁵¹, Митрополии в Серрах (рис. 12)⁵², Панагии τῆς Γωνιάς на острове Санторино (рис. 13)⁵³, церкви св. Николая на острове Андрос⁵⁴, храма св. Пантелеймона в Нерези (1164 г.) (рис. 14)⁵⁵,

⁵¹ A. Orlandos. 'Οσ. Μελετίου καὶ τὰ παραλάβρια αὐτῆς (μέρος α'). — Ibid., 1939—1940 (E') σελ. 72—75, εἰχ. 24. Одна из лучших всего сохранившихся алтарных преград Греции. См. также εἰχ. 8—13, 48, 49.

⁵² A. Orlandos. 'Η μητρόπολις τῶν Σερρῶν. — Ibid., 1939—1940 (E') σελ. 162—164, εἰχ. 5, 9. Высота колонн 2,69, высота парапета 1,04, ширина проема между колоннами 1,17 (при ширине триумфальной арки 5,52).

⁵³ A. Orlandos. 'Η Πισκοπὴ τῆς Σαντορῆνης. — Ibid., 1951 (Z'), σελ. 194—198, εἰχ. 8, 10—12. Высота до архитрава 2,435 (посередине) и 2,20 (по бокам). Орландос дает убедительную реконструкцию.

⁵⁴ A. Orlandos. Βυζαντινὰ μνημεῖα τῆς Ἄνδρου. — Ibid., 1955—1956 (H'), σελ. 56—61, εἰχ. 36, 38, 39, 40. Фрагменты столбиков, колонок и эпистилия. В Музее Андроса хранится мраморная колонка темплона XII в. очень тонкой и изящной работы (ibid., σελ. 64, εἰχ. 46). Ср. также фрагменты эпистилиев XII в. в Музее Родоса [A. Orlandos. — Ibid., 1948 (C'), σελ. 217—221, εἰχ. 163, 166, 167].

⁵⁵ Н. Окунев. Алтарная преграда XII века в Нерезе. — «Seminarium Konda-

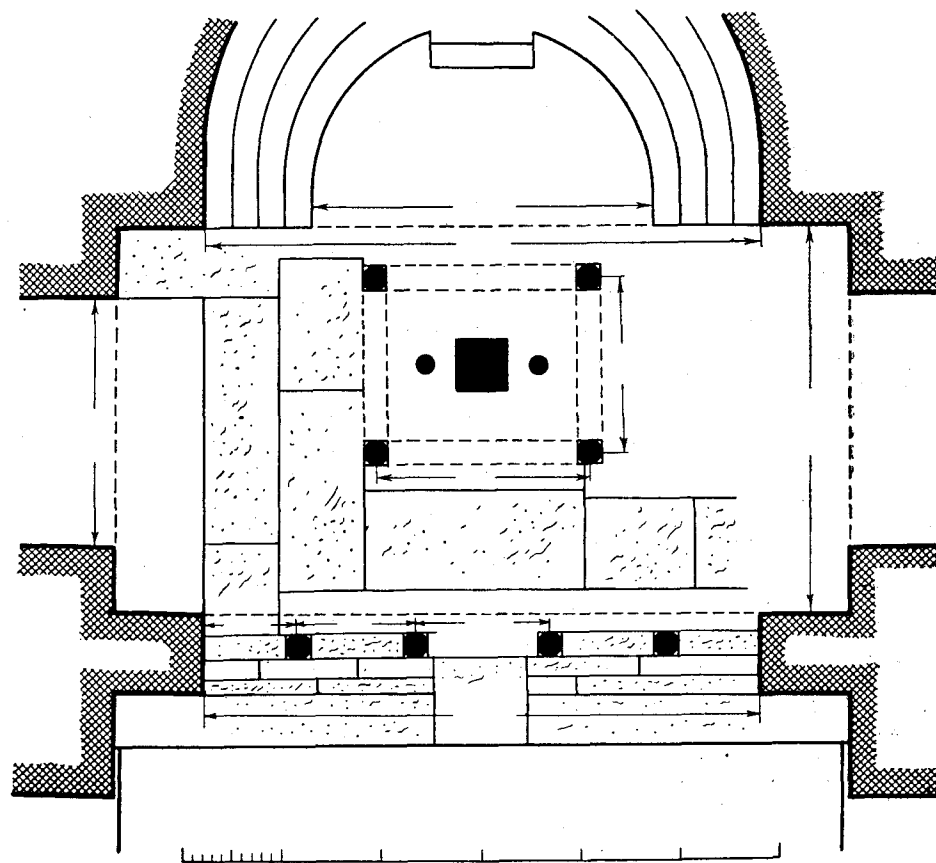
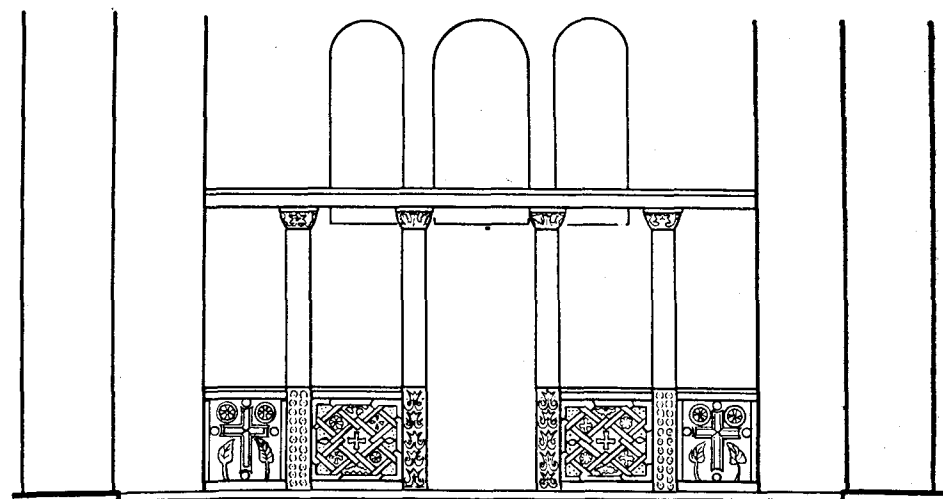

Рис. 12. Алтарная преграда Митрополии в Серрах. XII в.

Реконструкция Орландоса.

церкви в Самарина (Мессения)⁵⁶, монастыря Хиландарь на Афоне (конец XII в. (рис. 15)⁵⁷ и церкви Влахернитиссы в Арте (начало XIII в.) (рис. 16)⁵⁸.

На основе этого довольно обширного материала можно сделать ряд выводов. По-прежнему алтарная преграда выполнялась из мрамора, сохранив форму традиционного иортика (поддерживающие архитрав колонны, между которыми размещены плиты парапета). В центре помещается ведущий в алтарь проход, фланкированный столбиками, на которые навешивались невысокие створки деревянных дверей. Высота алтарных преград колеблется от 2,45—2,56 (Осиос Лукас на острове Эвбее и Велюса) до 3,32 м (Хиландарь), причем темплены центральной апсиды порою бывают несколько выше темпленов жертвенника и диакона. Высота парапетов приближается к одному метру (Ватопед, Серры), но в более крупных темплене доходит до 1,31 м (Хиландарь). В украшении парапетов, капителей и архитравов широчайшим образом используются абстрактные орнаментальные мотивы и кресты. Что же касается изображений зооморфического порядка, то их количество резко снижается, в чем нельзя не усматривать воздействия на искусство ригоризма строгого византийского духовенства. Лишь на парапетах св. Софии в Охриде встречаются изображения орлов с зайцем и змеей, на парапете храма св. Пантелеймона в Нерези — птицы и львы, на фрагменте архитрава из церкви Таксиархов на острове Андросе — крылатый грифон с зайцем и птицы (как уже отмечалось, крылатые грифоны представлены и на эпистилии темплена главного храма монастыря Осиос Лукас⁵⁹). Не исключена, конечно, возможность, что это наше наблюдение объясняется случайностью археологических находок и утратой большого количества плит парапетов, где обычно охотнее всего помещали изображения животных. Но, учитывая археологические материалы Кавказа⁶⁰ и то основное направление, в каком развивалось все византийское искусство, это наше наблюдение представляется нам весьма вероятным.

При изучении темпленов XI—XII вв. бросается в глаза еще один немаловажный факт: среди дошедших до нас архитравов лишь происходящий из церкви Влахернитиссы в Арте украшен полуфигурами святых (богоматерь между двумя ангелами), все же остальные лишены антропоморфных изображений, будучи полностью заполнены орнаментом (стилизованные аканфы, арочки, кресты, розетки, плетенки и т. д.)⁶¹. Это говорит о том, что широко распространенный в более раннее время обычай высекать на архитраве изображения святых почти сошел на нет по причине появления таких сильно вытянутых по горизонтали икон, которые

kovianum», 1929 (III), p. 5—23; K. Petrov. La plastique décorative en Macédoine, p. 160—182 (с указанием более старой литературы).

⁵⁶ Фр. Βερσαχης. — «*Αρχαιολ. Εφημερίς*», 1919, σελ. 91, εικ. 4.

⁵⁷ A. Orlandos. *Παραλειπόμενα από την Μ. Χελανδαρίου*. — Ibid., 1955—1956 (H'), σελ. 105—108, εικ. 1—2. Высота колонн 3,125 и 3,075, высота парапетов 1,315 и 1,17, ширина проемов среднего интерколумния 1,31 и 1,27.

⁵⁸ A. Orlandos. *Η παρά την Ἁρταν μονή των Βλαχερνῶν*. — Ibid., 1936 (B'), σελ. 21—29, εικ. 14—22. Орландос дает убедительную реконструкцию алтарной преграды диакона.

⁵⁹ Птицы с перевившимися шеями украшают архитрав темплена жертвенника в церкви Влахернитиссы в Арте.

⁶⁰ Ср. Р. Шмерлинг. *Малые формы в архитектуре средневековой Грузии*. Тбилиси, 1962.

⁶¹ Остается открытым вопрос, чем были заполнены выкрошившиеся квадрифолии и медальоны на темплене из монастыря Осиос Мелетийос и церкви Осиос Лукас на острове Эвбее. Все же мало вероятно, что здесь находились изображения святых. Скорее тут были цветные вставки, призванные оживить архитравы цветными пятнами.

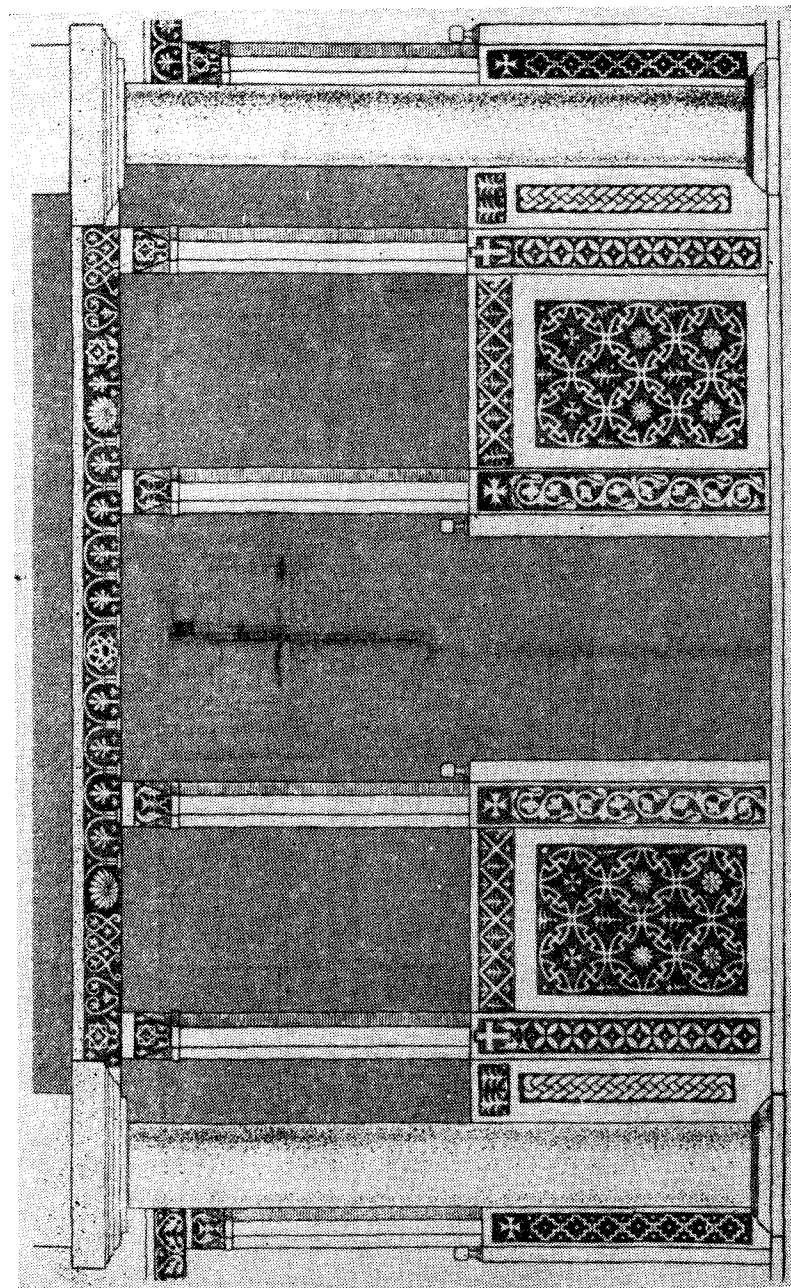

Рис. 13. Алтарная преграда церкви Панагии на острове Санторини. XII в. Реконструкция Орландоса.

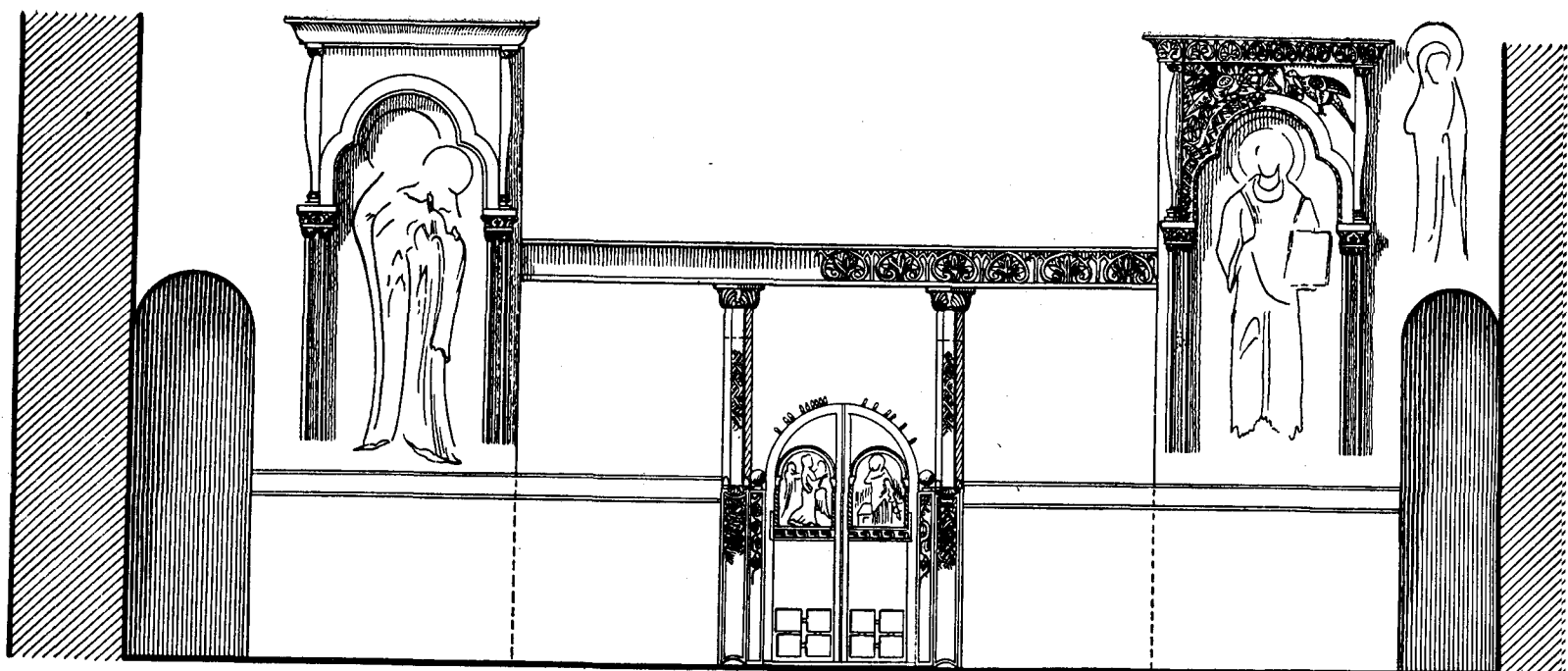

Рис. 14. Алтарная преграда в церкви св. Пантелеймона в Нерези. 1164 г.
Реконструкция Окунева.

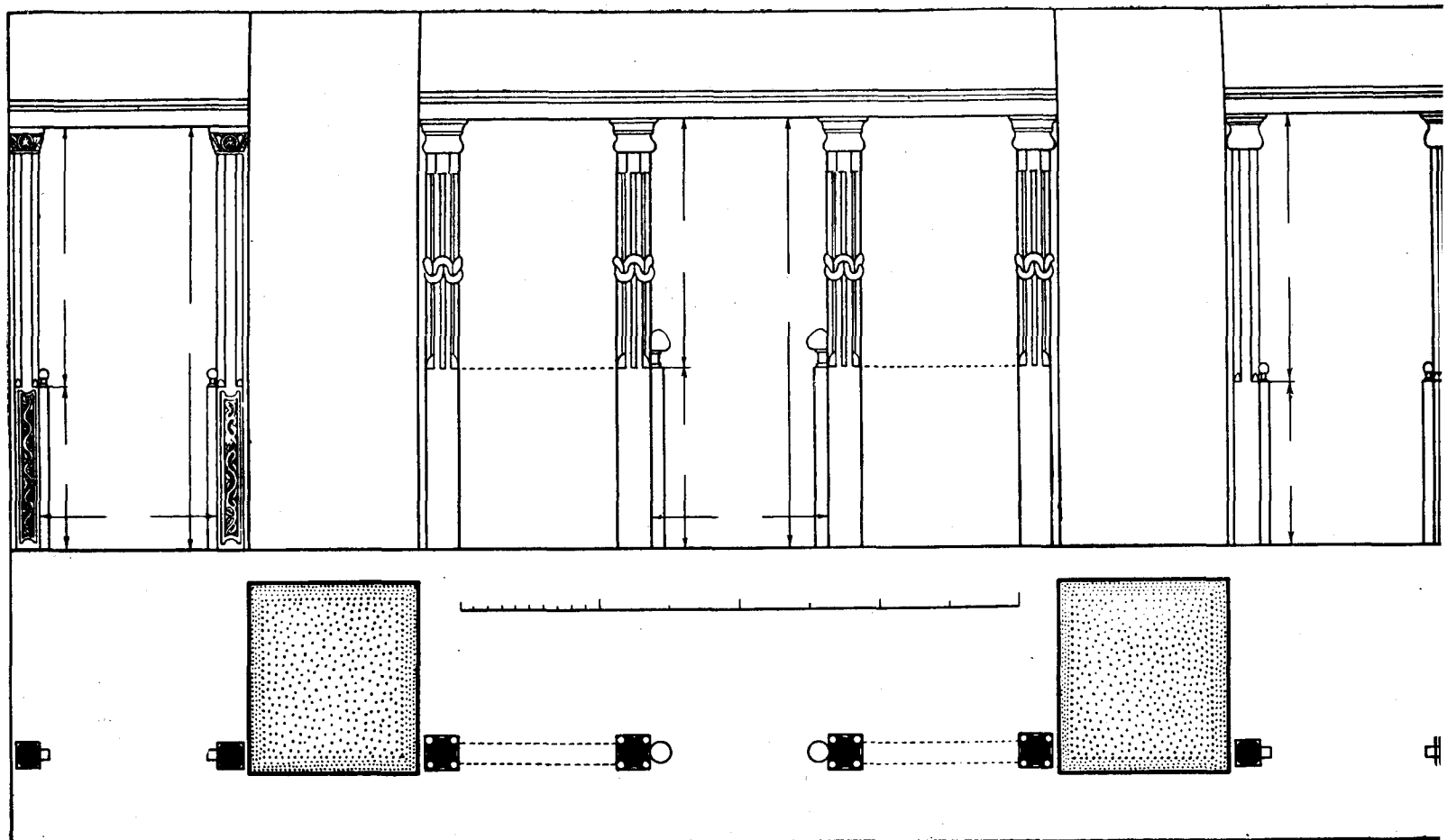

Рис. 15. Алтарная преграда монастыря Хиландари на Афоне. Конец XII в.
Реконструкция Орландоса.

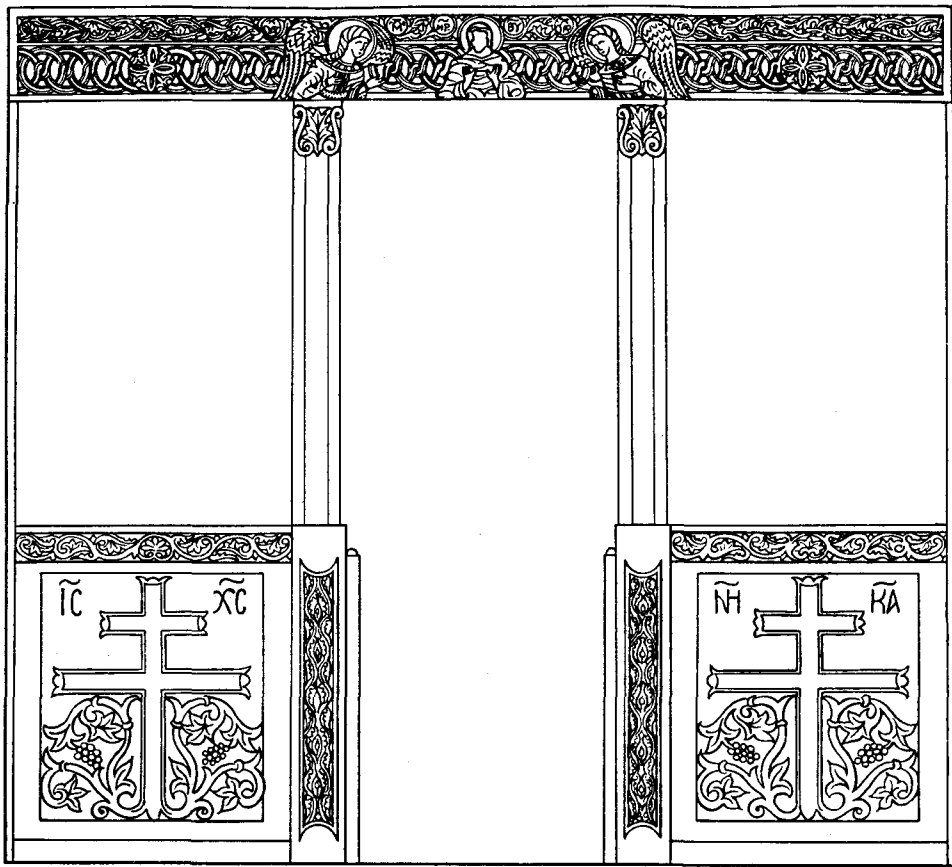

Рис. 16. Алтарная преграда церкви Влахернитиссы в Арте.

ставились на архитрав. Конечно, живописными средствами было куда легче, чем скульптурными, воссоздать как образ Деисуса, так и многофигурные евангельские сцены. По этому пути и пошло дальнейшее развитие темплона.

Было бы естественно предположить, что уже в XI—XII вв. начали размещать иконы в интерколумниях темплона, по сторонам от «святых дверей» (ἁγίαί θύραι). Однако этому противоречат находки, сделанные в св. Софии в Охриде, в Дафни, в Нерези и в Самарина. Здесь на фланкирующих алтарную преграду восточных столбах храма найдены остатки декоративных скульптурных арочек, обрамляющих мозаические либо фресковые иконы Богоматери, Христа и патрона церкви (в Нерези им был св. Пантелеймон)⁶². Следовательно, эти иконы еще не перекочевали

⁶² Ср. литературу, указанную в прим. 47, 48, 55, 56. В храме Успения в Никее на восточных столбах были размещены ныне погибшие мозаические иконы Богоматери с младенцем (с эпитетом Ν ΕΛΕΟΥΣΑ) и Христа (с эпитетом Ο Α ΝΤΙΦΩΝΙΤΗΣ). Иконы, расположенные на уровне 1,05 над полом, имели в высоту 1,68.

Обе иконы, выполненные, вероятнее всего, в X в., к теме «Деисуса» не имеют никакого отношения, из чего можно сделать вывод, что на архитраве темплона

в интерколумнии, остававшиеся свободными. В сочетании с украшенными одним орнаментом архитравами темплены XI—XII вв. были, таким образом, полностью лишены изображений святых. А это, естественно, выдвигало на очередь задачу ставить иконы на архитраве, иначе верующим было не на что молиться (если, конечно, не принимать во внимание изображения на фланкировавших темплон восточных столбах).

Посмотрим теперь, что говорят литературные источники о темплонах XI—XII вв. Довольно раннее свидетельство Льва из Остии не оставляет сомнения в том, что алтарная преграда уже в середине XI в. украшалась иконами. Описывая алтарную преграду, воздвигнутую при аббате Дезидерии (1058—1086) на Монте Кассино, Лев говорит о шести серебряных колоннах, между которыми были подвешены под архитравом пять вытянутых в ширину икон; на архитраве стояли тринадцать икон квадратной формы⁶³. Что это были за иконы? Первые пять икон, скорее всего, составляли Деисус, вторые тринадцать — праздничный цикл. Так как аббат Дезидерий был тесно связан с Константинополем, то, вероятно, такое использование икон не расходилось с тем, что в это время практиковалось в столице византийской империи. И действительно, в уставе константинопольского монастыря τῆς Κεχαριστομένης, построенного супругою Алексея Комнина (1081—1118) Ириною, упоминаются те же праздничные иконы, украшавшие темплон⁶⁴. Они названы здесь поклонными (αἱ προσκυνήσεις), потому что икона очередного праздника снималась со своего места и ставилась на налое (προσκυνητάριον). Е. Е. Голубинский причисляет к числу «поклонных» икон также «месячные» (лицевые святцы), возводя их истоки ко времени Василия II Болгаробойцы (975—1025), по приказанию которого был составлен знаменитый менологий⁶⁵. В отношении размещения поклонных икон Е. Е. Голубинский допускал два варианта: либо они ставились над архитравом, либо их располагали на приделанной к архитраву специальной полочке⁶⁶.

находилась такая икона. К сожалению, Ф. И. Шмит ничего не сообщает о рельефном обрамлении икон, фрагменты которых, несомненно, должны были сохраниться in situ. Не исключена возможность, что опубликованная им трехлопастная арочка (Taf. XI-6), окруженная орнаментом и изображением птиц и весьма близкая к аналогичной арочке в Нерези, как раз и является частью такого обрамления. В храме Успения в Никее эта арочка была размещена над нишей в южном корабле, куда она могла попасть случайно, при неоднократных переделках церкви, когда остатки темплона были использованы как плиты пола. См. O. Wulff. Die Koimesiskirche in Nicäa und ihre Mosaiken. Strassburg, 1903, S. 167—180, fig. 31—36; Th. Schmit. Die Koimesis-Kirche in Nikaia. Berlin und Leipzig, 1927, S. 43—47. В XII в. на восточных столбах Богоматерь чаще всего изображают со свитком в руках (Спасо-мирожский монастырь в Пескове, Панагия Аракос в Лагудера, церковь Асины на Кипре и другие). Надпись на свитке воспроизводит диалог между Марией и Христом. Богоматерь выступает заступницей за род человеческий, молящей своего сына о милосердии. Мы имеем тут особый вариант «Деисуса», весьма уместный на столбах, фланкирующих темплон (правильнее всего этот иконографический тип называть Παναγία ἢ παρακλησις, хотя порою он сопровождается и другими эпитетами). См. S. Der Nersessian. Two Images of the Virgin in the Dumbarton Oaks Collection. — DOP, 1960 (XIV), p. 80—82.

⁶³ J. von Schlosser. Quellenbuch zur Kunstgeschichte des abendländischen Mittelalters. Wien, 1896, S. 207 (Leo Marsicanus. Chronicon Monasterii Casinensis, cap. 32: «Sub qua nimirum trabe V numero teretes iconas suspendit, XIII vero quadratas paris mensurae ac ponderis desuper statuit. E quibus videlicet X ex quadratis praedictus frater apud Constantinopolim crosso argenteo sculpsit»). Фелличетти Либенфельс (op. cit., S. 54) полагает, что иконы были выполнены из серебра, но из текста это прямо не явствует.

⁶⁴ См. Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis, s. v. Προσκυνήσια.

⁶⁵ Е. Е. Голубинский. Указ. соч., т. 1—2, стр. 209—210.

⁶⁶ Там же, стр. 209.

Об украшавших темплон иконах идет речь и в интереснейшей описи («ἀπογραφή») имущества русского монастыря св. Пантелеймона на Афоне⁶⁷. В этой описи, произведенной 14 декабря 1142 г., упоминается свыше 90 икон, в том числе «Деисус», двенадцать «праздников» и «святцы» (иконы двенадцати месяцев). В частности, о «праздниках» прямо говорится как о связанных с темплоном.

Обращаясь к фонду дошедших до нас византийских икон XI—XII вв., нетрудно убедиться в том, что часть из них входила в свое время в состав темплонов. Это прежде всего опубликованные Г. и М. Сотирiu иконы сильно вытянутой формы с изображением «праздников» и сцен из жизни св. Евстратия, фланкирующих «Деисус»⁶⁸. Здесь «праздники» и «Деисус» даются в пределах одного регистра, что позволяло отказаться от двух рядов икон. Но они могли образовывать и два отдельных ряда. Когда «праздничные» циклы состояли из «поклонных» икон, тогда это было неизбежно, потому что каждый праздник должен был быть написан на отдельной доске, иначе икону нельзя было снимать с места и ставить на место. К числу таких «поклонных» икон, выполненных в мозаической технике, я склонен отнести «Преображение» в Лувре (поздний XI—ранний XII в.), размер которого (0,52 × 0,36) хорошо подходит для икон этого рода⁶⁹. Что же касается особенно характерных для темплона изображений Деисуса, образывавших самостоятельный регистр, то две такие иконы до нас дошли на русской почве. Они были написаны на рубеже XII—XIII вв. и связаны с владими́ро-суздальской школой⁷⁰. Нет никаких сомнений, что обе иконы, имеющие подчеркнута вытянутую форму, увенчивали архитрав алтарной преграды, которая на данном этапе развития мало чем отличалась в древней Руси от византийских темплонов. К деисусной композиции, распавшейся уже на отдельные звенья, по-видимому, принадлежали и хранящиеся в Пинакотеке Синайского монастыря полуфигуры архангелов Михаила и Гавриила, датируемые XII в.⁷¹ На это указывают слегка склоненные головы архангелов, чьи полуфигуры, по-видимому, фланкировали полуфигуры Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи.

Мы, к сожалению, не знаем, какими были деревянные темплоны XI—XII вв. Вероятно, в самых бедных храмах они доминировали. По своей основной форме деревянные темплоны должны были напоминать мраморные, но они имели и свои особенности. Так, в них расписной эпистилий мог занимать место высеченного из мрамора архитрава, что делало излишним удвоение ряда икон, особенно когда «Деисус» и «праздники» размещались, как на синайских иконах, в пределах одного регистра. Но было бы неверно трактовать такие сильно вытянутые по форме иконы только как эпистилии деревянных темплонов⁷². Эту роль они могли выполнять. Однако они могли размещаться и на архитравах мраморных темплонов, на возможность чего указывал уже Е. Е. Голубинский⁷³. Тогда они

частично принимали на себя функцию тех изображений, которые ранее высекались на архитраве и которые уступили в XI—XII вв. место чистому орнаменту. Поэтому и возникала необходимость ставить на самом архитраве иконы, иначе верхняя часть темплона оказывалась лишенной каких-либо изображений.

На основе всего вышесказанного византийский темплон XI—XII вв. предстает перед нами примерно в следующем виде. Мраморный портик фланкируют мозаические либо фресковые иконы, размещенные в скульптурных арочках на восточных столбах церкви. Слева это богоматерь, выступающая заступницей за род человеческий (вероятно, чаще всего она изображалась как Παναγία ἡ Παράκλησις), справа — Христос, либо патрон храма. Интерколумнии, еще лишённые икон, имели шелковые завесы, с декоративными фигурами, грифонов, львов и двойных орлов⁷⁴. Ведшие в алтарь невысокие двери были украшены изображением благовещения и, возможно, фигур евангелистов⁷⁵. Наконец, на архитраве могла стоять одна очень вытянутая по форме икона, включающая в себя и «Деисус», и «праздники», либо на архитраве находилось два ряда небольших икон: «поклонные» с изображением написанных на отдельных досках «праздников» или святых месяца и «деисусные» с изображением полуфигур Христа, Марии, Иоанна Крестителя и архангелов. Вероятно, дальше этого развитие темплона в XI—XII вв. не пошло. Причем не исключена возможность, что в отдельных случаях на архитраве вообще отсутствовали какие-либо иконы, поскольку мотив «Деисуса» был уже достаточно ясно выявлен в фигурах выступавшей в роли заступницы богоматери и Христа, фланкировавших темплон.

Если в XI—XII столетиях мраморная алтарная преграда включала в себя минимальное количество икон, то в XIV в. началось своеобразное наступление икон на темплон. Однако процесс этот протекал довольно медленно, поскольку консервативные византийцы обычно не были склонны отказываться от веками отстоявшихся традиционных форм. Привыкнув к сравнительно невысоким алтарным преградам, они избегали, насколько это было возможно, перегружать их иконами. Именно этим объясняется размещение в одном ряду и «Деисуса», и «праздников», что позволяло ограничиваться лишь одним регистром изображений. По-видимому, с этим же связано и размещение икон богоматери и Христа не на самом темплоне, а по сторонам от него, на восточных столбах. Причем, как мы видели, по своему идейному замыслу эти иконы нередко дублировали привычный для архитрава «Деисус», делая излишним его вторичное изображение на эпистилии либо над эпистилием. Для византийцев алтарная преграда, высеченная из мрамора и украшенная драгоценными шелковыми завесами, представляла самодовлеющую эстетическую ценность, прельщавшую глаз красотой пропорций и строгих архитектурных линий. Вот почему они столь упорно не хотели превращать темплон в простую подставку для икон. И все же наступил момент, когда это произошло. А произошло это, по всей видимости, около середины XIV в. К этому времени, под воздействием исихастов, в искусстве резко усилились церковные тенденции, вследствие чего стало уже невозможным задержать наступление икон на темплон. Тем самым последний начал перерождаться

⁶⁷ Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873, стр. 50—67. Ср. Н. П. Кондаков. Русская икона, т. III, ч. I, стр. 89—90; В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — BS, 1950 (XI), стр. 35—36.

⁶⁸ G. et M. Sotiriou. Icones du Mont Sinaï, II, fig. 87—116.

⁶⁹ В. Н. Лазарев. Указ. соч., т. I, стр. 124, табл. XXXVII; E. Coche de la Ferté. L'Antiquité Chrétienne. Paris, 1958, p. 117—118 (с неверной датировкой концом XII—началом XIII в.).

⁷⁰ V. Lasareff. La scuola di Vladimir-Suzdal: due nuovi esemplari della pittura da cavaletto russa dal XII al XIII secolo (per la storia dell'iconostasi). — «Arte Veneta», 1956 (X), p. 9—18.

⁷¹ G. et M. Sotiriou. Icones du Mont Sinaï, I, p. 87—88; II, fig. 72—73.

⁷² Cp. A. Grabar. — «Cahiers Archéologiques», 1959 (X), p. 316.

⁷³ Е. Е. Голубинский. Указ. соч., т. 1—2, стр. 205—206.

⁷⁴ Такие ткани с зооморфными мотивами упоминаются в вышецитированной описи имущества монастыря св. Пантелеймона на Афоне (стр. 60—61) и в описи от 1201 г. сокровищницы и библиотеки монастыря на Патмосе [Ch. Diehl. Le trésor et la Bibliothèque de Patmos au commencement du 13-e siècle. — BZ, 1892 (I), p. 495.

⁷⁵ Cp. A. Grabar. Deux notes sur l'histoire de l'iconostase d'après des monuments de Yougoslavie. — «Recueil de travaux de l'Institut d'Études Byzantines», 1961 (7), p. 14—17, fig. 1—4.

в иконостас — процесс, получивший свое логическое завершение уже на русской почве.

Какое сложное символическое толкование давали византийцы в XV в. темплону, — об этом свидетельствуют интереснейшие высказывания архиепископа Симеона Солунского (ум. 1429 г.)⁷⁶. Темплон, называемый им τὰ διάστλα, является в такой же мере границей между sensibilia и intelligibilia, как небосвод служит границей между миром материальным и духовным. Пространство алтаря от трактует как надгробный памятник Христа (τὸ μνημα τοῦ Χριστοῦ), а сам алтарь — как его могилу. Амвон символизирует отодвинутый от входа в гробницу камень, а космитис (архитрав), на котором видны изображения Христа, богоматери, Иоанна Предтечи, ангелов, архангелов и святых, являет образ Христа на небесах и напоминает нам, что спаситель всегда с нами и что грядет его второе пришествие. Наконец, завеса символизирует небесный киворий, в котором пребывают ангелы и святые.

Упоминаемые Симеоном Солунским изображения в верхней части темплона, — это не что иное, как иконы развернутого полуфигурного деисусного чина, стоявшие на архитраве. Об этих привычных для позднего времени иконах говорит и современник Симеона Солунского ритор Феодор Педиасимос, живший в XV веке⁷⁷. Называя темплон «портником вимы» (ἡ στοὰ τοῦ βήματος), он упоминает группировавшиеся вокруг «Деисуса» фигуры, выполненные в мозаической технике на золотом фоне. В «Деисусе», включавшем в себя и портреты двенадцати апостолов, изображение Крестителя было заменено изображением Феодора Стратилата. Над «Деисусом» находилось «Вознесение». Как понимать это описание Феодором темплона? По-видимому, он говорит о размещенных на восточных столбах храма мозаичных иконах, которые фланкировали темплон; на архитраве темплона стояли иконы развернутого «Деисуса», а выше находилось «Вознесение», вероятно, входившее в состав праздничного цикла. Во всяком случае из довольно путанного описания Феодора явствует, что он не мыслил себе темплон вне украшавших его двух рядов икон — деисусных и праздничных.

Остатки чисто византийских алтарных преград конца XIII, XIV и XV вв. ясно показывают, что по-прежнему иконы располагались на восточных столбах, фланкировавших темплон. Отсюда можно заключить, что и на этом позднем этапе развития интерколумний темплона оставались свободными от икон. В Календер-Хане-Джами от самой алтарной преграды ничего не сохранилось, зато на восточных столбах уцелели фрагменты обрамления (архитрав, пилястры, выступающая из стены полочка, опирающаяся на две полуколонки) некогда здесь помещавшихся икон⁷⁸. Такие мозаические иконы уцелели на восточных столбах Порты Панагия в Фессалии (80-е годы XIII в.)⁷⁹ и Кахриэ-Джами⁸⁰.

⁷⁶ Symeon Thessalonic., De sacro templo, cap. CXXXVI. — PG, t. 155, col. 345—347.

⁷⁷ Sp. Lambros. — «Néos Ἑλληνομνημῶν», XV, σελ. 171—174. Ср. L. Bréhier. Ancienne clôture de choeur, p. 55.

⁷⁸ E. Freshfield. Notes on the Church now called the Mosque of the Kalender at Constantinople. — «Archaeologia», 1897 (LV), p. 433—434, pl. XXIX—XXXII; Н. Окунев. Указ. соч., стр. 12; S. Eyice. Istanbul. Petit Guide a travers les monuments byzantin et turcs. Istanbul, 1955, p. 54 (с указанием более старой литературы).

⁷⁹ Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, т. I. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 1905, стр. 33, рис. 50; его же. Иконография богоматери, т. II. Пг., 1915, стр. 282—284, рис. 154; A. Orlandos. — «Ἀρχαίων τῶν Βυζαντ. Μνημείων τῆς Ἑλλάδος», 1935, σελ. 5—40; S. Bettini. La pittura bizantina, II. Firenze, 1939, p. 32—34.

⁸⁰ Кахриэ-Джами, издание Русского археологического института в Константи-

В Порты Панагия фигуры богоматери с младенцем и Христа даны в рост, в строгих фронтальных позах. Обрамление состоит из колонок с узлами, несущих арку, окруженную тонкой орнаментальной резьбой. В Кахриэ-Джами мозаические иконы также имели рельефные обрамления, а над фигурой богоматери сохранился рельеф с полуфигурой Христа в медальоне, вкомпанованном в полуокружие с богатым скульптурным обрамлением из аканфовых листьев. Над этим обрамлением даны две полуфигуры ангелов. Примечательной особенностью мозаических икон в Кахриэ-Джами является их необычное размещение: фигура Христа украшает северо-восточный столб (слева от зрителя), а фигура богоматери — юго-восточный (справа от зрителя). При этом около головы богоматери видна надпись Μ(ήτ)ηρ Θ(εο)ῦ ἡ χώρα τοῦ ἀχωρήτου (страна неместимого пространством). Этот эпитет, равно как и сам иконографический тип богоматери, держащей на руках благословляющего младенца, никак не связаны с темой заступничества⁸¹. Поэтому есть серьезные основания полагать, что изображение Деисуса было либо высечено на архитраве, либо же написано на доске, увенчавшей темплон. Что же касается интерколумний алтарной преграды, то, по всей видимости, они не были заполнены иконами. К аналогичному выводу склоняют также фрагменты алтарных преград Мистры — Митрополии (рис. 17—20) и Перибленты (рис. 21)⁸². И здесь на восточных столбах сохранились рельефные обрамления для икон, часть которых, возможно, была высечена из камня. Если иконы украшали темплон, то только его верхнюю часть. О характере таких икон дает представление превосходно сохранившийся «Деисус» XIII в. в Пинакотеке Синайского монастыря⁸³. Он написан на одной длинной доске, размером 1,66×0,44. Полуфигуры Христа, богоматери и Иоанна Крестителя фланкируются полуфигурами апостолов Петра и Павла, четырех евангелистов и святых Георгия и Прокопия. Все изображения

Рис. 17. Алтарная преграда жертвенника Митрополии в Мистре. Конец XIII—начало XIV в.

нополе, табл. LXVIII, LXXVII, LXXXVIII-2, 3; Н. Окунев. Указ. соч., стр. 12—13; P. Underwood. Notes on the Work of the Byzantine Institute in Istanbul: 1955—1956. — DOP, 1958 (XII), p. 282—283, fig. 16—17.

⁸¹ О фигурирующем на иконе эпитете, носящем чисто символический характер и связанном с личными вкусами Феодора Метохита, см. Ф. Шмит. Кахриэ-Джами. I. История монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаики нарфиков. СПб., 1906, стр. 205—211; Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. II, стр. 112—114.

⁸² G. Millet. Monuments byzantins de Mistra. Paris, 1910, pl. 43—2, 44—1—3, 45, 49—1, 3, 6, 9. См. также pl. 51—11, 12, 52—5, 7, 10, 11, 15, 21, 53—6, 54—20, 56—7, 9—14, 57—4, 6, 59—1, 2, 5, 60—19. Фрагменты Метрополии датируются началом XIV в., фрагменты Перибленты — второй половиной XIV столетия. Многочисленные фрагменты архитравов лишены фигурных изображений (кроме фрагментов из церкви св. Софии, на которых изображен лев и терзающий лань грифон).

⁸³ G. et M. Sotiriou. Icones du Mont Sinaï, I, p. 112—114, II, fig. 117—123.

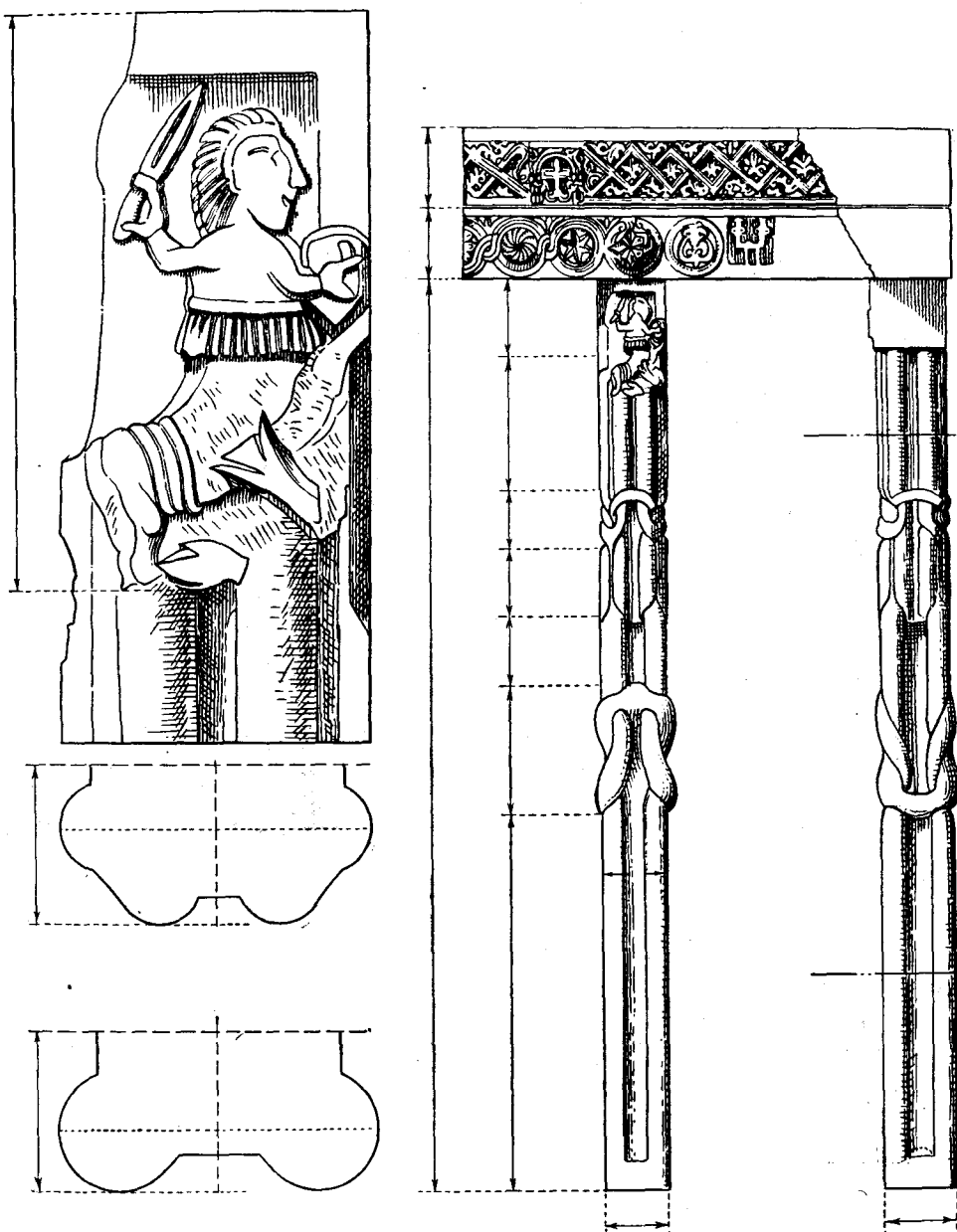

Рис. 18. Колонки, архитрав и капитель с кентавром алтарной преграды жертвенника Митрополии в Мистре. Конец XIII—начало XIV в.

Рис. 19. Верхняя часть алтарной преграды жертвенника Митрополии в Мистре. Конец XIII—начало XIV в.

даны в углубленных арочках. Такие сильно вытянутые по горизонтали иконы обычно ставились на архитрав темплона не только провинциальных, но и столичных храмов.

Развитие алтарных преград в палеологовскую эпоху лучше всего можно проследить на примере сербских памятников, сохранившихся в относительно большом количестве. И в храме св. Георгия в Старом Нагоричине⁸⁴, и в Успенской церкви Студеницкого монастыря (конец XII в.)⁸⁵, и в церкви Сопочанского монастыря (около 1265 г.)⁸⁶, и в храме Богородицы в Матейче (середина XIV в.)⁸⁷ на восточных столбах сохранились остатки рельефных обрамлений некогда здесь находившихся икон богородицы и Христа. Это говорит скорее за то, что первоначально в интерколумниях темплона не были предусмотрены иконы. Но в церкви св. Георгия такие иконы уже появляются, причем они написаны в технике фрески на тонких каменных стенках, возведенных в интерколумниях. Слева мы видим полуфигуру патрона храма св. Георгия, справа — богородица с играющим младенцем (с сопроводительной надписью — «Пелагонитисса»). Как датировать это вторжение иконных изображений в интерколумнии темплона? Либо между 1313 и 1318 г., когда церковь св. Георгия была радикально перестроена королем Милутином и расписана, либо ближе к середине XIV в., что намного вероятнее⁸⁸. От этого и позднейшего времени сохранились алтарные преграды в церкви Дечан-

⁸⁴ Н. П. Кондаков. Македония. СПб., 1909, стр. 199, рис. 135; Н. Окунев. Указ. соч., стр. 7; A. Grabar. Deux notes sur l'histoire de l'iconostase, p. 17—18; R. Hamann-MacLean und H. Hallensleben. Die Monumentalmalerei in Serbien und Makedonien vom 11. bis zum frühen 14. Jahrhundert. Giessen, 1963, Abb. 277. Plan 31. О типе алтарных преград в Сербии см. Z. Simićeva. Iconostase à Bela Crkva de Karan avec la Sainte Vierge Tricheira. — «Starinar», 1932 (VII), p. 13—35.

⁸⁵ Н. Окунев. Указ. соч., стр. 13.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Очень мало вероятно, чтобы при радикальной перестройке храма св. Георгия королем Милутином могла сохраниться от церкви XI в. старая алтарная преграда, как это полагает Дж. Бошковиц («Starinar», 1931, p. 173—176; «Glasnik de la Soc. Scient. de Skorje», 1932, p. 212—223). По характеру письма изображения св. Георгия и богородицы Пелагонитиссы отличаются от фресок, исполненных до 1318 г. См. Н. Белая. Образ Божьей Матери Пелагонитиссы. — BS, 1930 (II), стр. 386—394.

ского монастыря⁸⁹ и в церкви св. Димитрия в Марковом монастыре около Скопле⁹⁰. Здесь в интерколумниях уже находились иконы, часть которых до нас дошла (изображенные в рост Христос, богородица с младенцем в типе «Умиления», Иоанн Предтеча, св. Николай и архангел Гавриил⁹¹). Эти дечанские иконы, необычные по своим размерам (0,56 × 1,64), были специально выполнены для алтарной преграды, чтобы их можно было поставить в интерколумниях.

Таким образом, к середине XIV в. проемы между колонками темплов стали быстро заполняться иконами. Но на этом разрастание алтарной преграды не остановилось. Темплон начали наращивать и по вертикали, в результате чего мраморная алтарная преграда постепенно превратилась в простую подставку для икон. А это знаменовало рождение иконостаса.

Было бы наивно, как это делает Феличетти-Либенфельс⁹², связывать чуть ли не все дошедшие до нас иконы XIV в. с темплонами. Здесь уместно напомнить, что в описи от 1142 г. в одной лишь церкви монастыря св. Пантелеймона на Афоне упоминается свыше 90 икон (sic!)⁹³. Иконопись была весьма разветвленным искусством, и иконы предназначались не только для постановки на темплоне, но и для размещения около столпов, вдоль стен и на специально для них сделанных подставках. Поэтому с темплонами можно связывать лишь те иконы, которые для этого подходят и по своей тематике, и по своей форме, и по своим размерам. Чаще всего это были иконы богородицы и Христа, реже — иконы патрона храма и местного праздника. Они размещались в нижнем ряду, по сторонам от «святых врат». Их размер колеблется примерно от 1,00 до 1,58 м по высоте и от 0,70—0,90 до 1,25 м по ширине⁹⁴. Над архитектурными ставили иконы с изображением «праздников», обычно небольшие по своим размерам (праздничные иконы из церкви Богородицы Периблепты в Охриде — 0,46 × 0,38⁹⁵). Наконец, темплон завершал полуфигурный «Деисус», написанный либо на одной сильно вытянутой доске (такие иконы сохранились в церкви Вознесения в Мборье⁹⁶, в монастыре Зрзе около Прилепа⁹⁷, в церкви св. Георгия в Корча⁹⁸, в Национальном музее

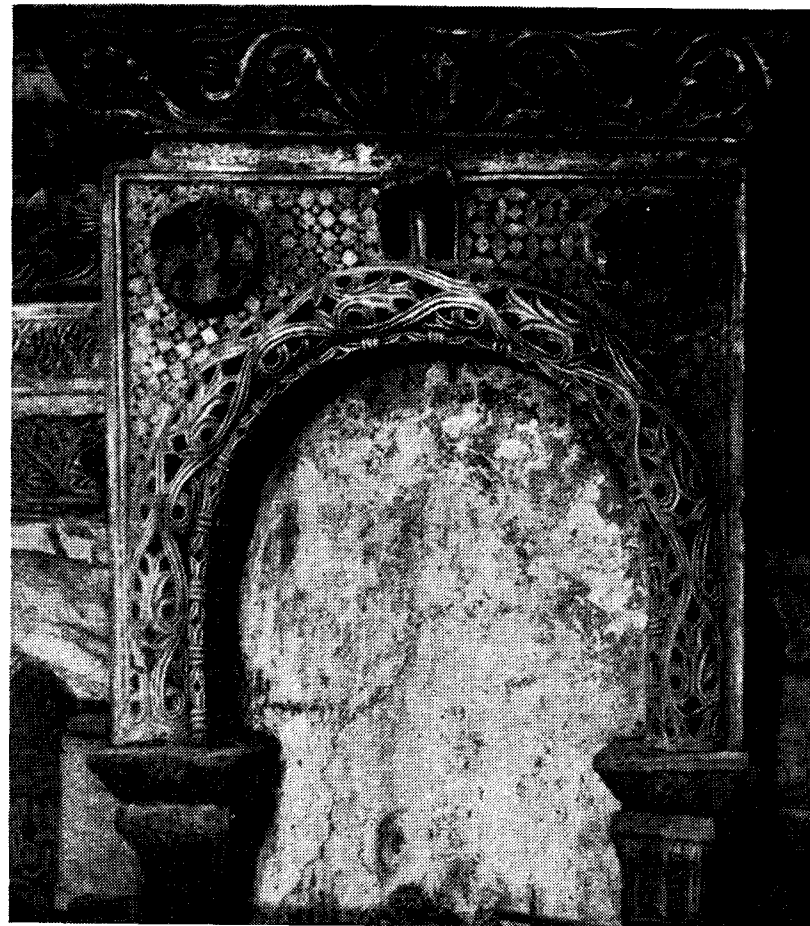

Рис. 20. Обрамление иконы на юго-восточном столбе Митрополии в Мистре. Конец XIII—начало XIV в.

⁸⁹ Н. Окунев. Указ. соч., стр. 7; V. Petković et G. Vošković, Dečani, I. Beograd, 1941, p. 98—100, 210, pl. XIII, LXVII, LXVIII, LXIX, LXX.

⁹⁰ Н. П. Кондаков. Македония, стр. 184, рис. 120; Н. Окунев. Указ. соч., стр. 7.

⁹¹ M. Čorović-Ljubinković. Les icones de l'école de Peć. Beograd, 1955, p. 3—4, fig. 1, pl. I—II; S. Radojčić. Icones de Serbie et de Macédoine. Beograd, 1961, p. XI, n. 31, 33, 38—41; V. Djurić. Icones de Yougoslavie. Belgrade, 1961, p. 102—104, 37—39, n. 30—33 (с указанием более старой литературы). Дечанские иконы были написаны около 1350 г.

⁹² W. Felicetti-Liebenfels. Geschichte der byzantinischen Ikonenmalerei. Olten. Lausanne, 1956, S. 76—88.

⁹³ Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона, стр. 54—55.

⁹⁴ См. V. Djurić. Op. cit., p. 98—99, n. 23; p. 94—95, n. 17; p. 93—94, n. 116. Было бы большой ошибкой все старые иконы богородицы и Христа, вставленные в новые иконостасы, рассматривать как входившие в состав первоначальных темплов. Обычно более поздние деревянные иконостасы включали в себя большинство икон всей церкви, а нередко также иконы из соседних церквей.

⁹⁵ V. Djurić. Op. cit., p. 88—90, n. 9—12. Ранний XIV в.

⁹⁶ «Деисус» фланкирован апостолами, чьи головы обращены в разные стороны. Все изображения даны на красном фоне. Последнее десятилетие XIV в. (церковь была расписана в 1390 г.).

⁹⁷ V. Djurić. Über den «cin» von Chilandar. — BZ, 1960 (53), S. 348. «Деисус» дан в сопровождении полуфигур двенадцати апостолов. Работа митрополита Иована от 1393—1394 гг.

⁹⁸ Этот неопубликованный «Деисус» относится к концу XIV—началу XV в.

в Охриде⁹⁹ и мн. др.), либо на отдельных досках (состоявший из одиннадцати икон деисусный чин в Хиландаре, 0,99 × 0,62—0,74¹⁰⁰; написанный в Константинополе по специальному заказу Афанасия Высоцкого семичастный чин Высоцкого монастыря в Серпухове, 1,45—1,49 × 0,93—1,06)¹⁰¹. Праздничные и деисусные иконы, размещенные на

⁹⁹ S. Radojčić. Icones de Serbie et de Macédoine, n. 72—73. Конец XV в. Полуфигуры апостолов повернуты в разные стороны.

¹⁰⁰ V. Djurić. Über den «cin» von Chilandar, S. 333—335. (с указанием всей более старой литературы). Радойич датирует хиландарский чин 1375—1380 гг., Джурич — около 1360 г.

¹⁰¹ В. Н. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. I. Высоцкий чин. — ВВ, IV, 1951, стр. 122—131. Иконы Высоцкого чина, ныне хранящиеся в Третьяковской галерее и в Русском музее, датируются 1387—1395 гг. Возможно, что две иконы XIV—XV вв. в Пинакотеке Синайского монастыря (G. et M. Sotiriou. Icones du Mont Sinaï, I, p. 181, 207—208; II, fig. 199, 237) входили в состав полуфигурного деисусного чина. На первой иконе (0,45 × 0,31) изображена богородица с молитвенно простертыми руками, на второй (1,05 × 0,75) архангел Гавриил. Конец XIV в. датируется полуфигурный деисусный чин грузинской работы в Музее Грузии в Тбилиси (происходит из Убиси).

Рис. 21. Обрамление иконы на юго-восточном столбе и часть архитрава алтарной преграды Перибленты в Мистре. Вторая половина XIV в.

архитраве темплона, могли его удлинять по высоте на полтора — максимум два метра. Но этого все же было недостаточно, чтобы полностью прикрыть алтарную арку. Поэтому, когда идет речь о высоких иконостасах, следует всегда помнить, что по-настоящему высоких иконостасов, т. е. таких, которые заполняли бы всю триумфальную арку, Византия не знала. Не знали их долгое время и южные славяне¹⁰².

¹⁰² Только незнанием с русскими деревянными иконостасами могу я объяснить ошибочное утверждение М. Чорович-Любинкович [Quelques icônes de la vieille iconostase de Gračanica datant du XIV-ème siècle et le problème de l'icônostase haute au moyen-âge en Serbie. — Zbornik Narodnog Museja, 1958—1959 (II), p. 135—152], будто русские ученые, и в частности я, отрицают наличие высоких иконостасов у греков и сербов. Действительно, я отрицал и продолжаю отрицать существование у византийцев и южных славян до XVI в. таких многоярусных высоких иконостасов, которые полностью закрывали бы алтарную арку. Что же касается византийских трехъярусных иконостасов, то они зародились уже в XI—XII столетиях и получили дальнейшее развитие в XIV—XV вв. Причем иконы как деисусного, так и праздничного чина были небольшими, в то время как на Руси они достигли уже в начале XV в. четырех с половиной метров в высоту. В частности, публикуемые Чорович-Любинкович иконы деисусного чина из Грачаницы имеют максимум 0,77 в высоту (у Феофана Грека — 2,10!). В Джурич (BZ, 1960, S. 348) правильно возражает против слишком ранней (около 1383 г.) датировки грачаницких икон, которые он склонен относить к XVI в.

Византийские темплены XIV—XV вв. имели, как и в предшествующий период, деревянные двери с изображением благовещения и, реже, апостолов. Их примерная высота — около 1,50. См. G. Sotiriou. La sculpture sur bois dans l'art byzantin. — «Mélanges Charles Diehl», II, Paris, 1930, p. 175—177; В. Н. Лазарев. К вопросу о «греческой манере», итало-греческой и итало-критской школах живописи. — «Ежегодник Института истории искусств Академии наук СССР», 1952, стр. 157, 163; А. Хунгороулоу. Βραβύρον κρητικής τέχνης εις την Θεσσαλονίκην. — «Μακεδονικά», 1954 (Γ'), σελ. 1—10; M. Chatzidakis. L'icône byzantine. — «Saggi e memorie di storia dell'arte». 1959 (2), p. 32, fig. 21. Обязательное, как полагает Константинович (op. cit., S. 149, 152), увенчание темплона распятием либо иконой с изображением этого сюжета остается недоказанным для древних времен, тем более что нам не известен ни один византийский круцификс. Об завесах «святых врат» (καταπέτασμα) XIV в. хорошее представление дает знаменитая завеса в Хи-

До нас, к сожалению, не дошли ранние деревянные темплены. То, что было опубликовано проф. Г. Сотирiu, недостаточно для далеко идущих выводов¹⁰³. Основная схема деревянного темплона мало чем отличалась от мраморного. Те же парапеты, колонки и архитрав. Архитравы, состоявшие из двух досок, между которыми шла сквозная балюстрада, украшала богатая резьба. Вероятно, в деревянных темплонах раньше, чем в каменных, начали размещать иконы в интерколумниях. Поэтому именно деревянные темплены ранее всего превратились в простую подставку для икон. В дальнейшем они полностью вытеснили высеченные из мрамора темплены. Последние уже не годились для размещения большого количества икон, и они, почти как правило, оказались в позднейшее время скрытыми за деревянными иконостасами, которые обычно возводили перед ними. Это столь позднее появление высоких иконостасов объясняет нам, почему византийцы не пользовались данным термином для обозначения алтарной преграды. Первоначально к этому термину прибегали, когда речь шла о крюках, на которые подвешивали иконы, либо о подставках (аналогии), на которые клали иконы¹⁰⁴. И уже много позднее термин *εικονοστάσιον* (или *εικονόστασις*) стал применяться для обозначения всей алтарной преграды¹⁰⁵.

Не подлежит никакому сомнению, что форму алтарной преграды русские переняли от византийцев. От византийцев перешла к ним и тематика темплона (местный ряд, «праздники», «деисус»). Но очень скоро древнерусский иконостас приобрел такой монументальный размах, которого не знали византийцы. Уже в 1405 г. фигуры деисусного чина увеличились до 2,10 м в высоту (иконостас работы Феофана Грека, Прохора с Городца и Андрея Рублева в Благовещенском соборе московского Кремля¹⁰⁶), а три года спустя они достигли уже 3,14 м (иконостас работы Андрея Рублева и Даниила Черного во владимирском Успенском соборе)¹⁰⁷. Соответственно увеличился и размер праздничных икон (0,80 × 0,61 в Благовещенском соборе и 1,25 × 0,92 в Успенском соборе)¹⁰⁸. Иконы полуфигурного деисусного чина, происходящие из Звенигорода и приписываемые Андрею Рублеву, также имеют совсем необычные для византийских темпленов размеры (1,60 × 1,09)¹⁰⁹. Здесь приходится говорить не о простом механическом увеличении икон, а о росте монументальных тенденций, порождающих совсем новое эстетическое качество. Если

ландаре от 1399 г., на которой изображен своеобразный вариант «Деисуса»: фигуру благословляющего Христа, данного в типе «великого архиерея», фланкируют фигуры двух ангелов и Иоанна Златоуста и Василия Великого, держащих в руках свитки. См. Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне, стр. 244—246, табл. XXXIX; G. Millet. Broderies religieuses du style byzantin. Paris, 1947, p. 76—78, pl. CLIX—CLX (с указанием более старой литературы).

¹⁰³ G. Sotiriou. La sculpture sur bois dans l'art byzantin. — «Mélanges Charles Diehl», II, p. 171—174, fig. 1—2. В Музее Виктории и Альберта в Лондоне хранится превосходно сохранившийся деревянный иконостас XVI в., вывезенный с острова Кипра. См. L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins. Paris, 1936, p. 80—81, pl. XLII.

¹⁰⁴ Ср. J. Konstantynowicz. Op. cit., S. 33; L. Bréhier. Op. cit., p. 52.

¹⁰⁵ О развитых греческих и сербских иконостасах см. А. Хунгороулоу. Σχεδιάσμα ιστορίας της θρησκευτικής ζωγραφικής μετά την άλωση. Αθήναι, 1953, σελ. 130—134; M. Chatzidakis. Ο Ζωγράφος Ευφρόσυνος. — «Κρητικά Χρονικά», 1956 (Γ'), σελ. 276—281; M. Čorović-Ljubinković. L'icônostase de l'église de Saint Nicolas à Velika Noća. — «Starinar», 1958—1959 (IX—X), p. 169—179; K. Kalokyris. Άθως, θέματα Αρχαιολογίας και Τέχνης. Αθήναι, 1963, σελ. 173—249.

¹⁰⁶ В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 86—91, табл. 88—111.

¹⁰⁷ В. Н. Лазарев. Андрей Рублев и его школа. М., 1966, стр. 127—129.

¹⁰⁸ Там же, стр. 110—116, 130—132.

¹⁰⁹ Там же, стр. 132—134.

сюда присоединить еще строго центрическое построение всей иконостасной композиции, четко ориентированной на центральную ось, усиление значения силуэта, высветление колористической гаммы, приобретающей особую мажорность звучания, наконец ослабление аскетического начала, то станет понятным, почему древнерусский иконостас так непохож на византийский. И когда к местному деисусному и праздничному рядам присоединились в дальнейшем еще «пророческий», «праотеческий», «пядневный», «херувимский», «страстной» и «апостольский», то многоярусный иконостас превратился в грандиозный по своему монументальному размаху ансамбль, для которого невозможно найти сколько-нибудь близкой аналогии на византийской почве. И здесь перед нами встает уже новая проблема, решение которой возможно лишь в рамках древнерусской художественной культуры¹¹⁰.

¹¹⁰ Говоря о развитии темплона, я сознательно не касался алтарных преград в виде массивных, с арочными проемами, стенок, отделяющих апсиду от нефа. Обычно эти выложенные из камня алтарные преграды украшались не иконами, а фресками, причем тематика росписи была совсем особой. Такие каменные алтарные преграды развивались параллельно с мраморными темплонами, а на Руси — параллельно с деревянными иконостасами. Им я собираюсь посвятить специальное исследование.

Н. Н. КЕЧАКМАДЗЕ

ГРАММАТИКО-ЛОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ ИОАННА ИТАЛА

Византийский деятель Иоанн Итал — прекрасный пример много-сторонне образованного человека своего времени. Он разрабатывал вопросы логики, философии, теологии, астрономии, грамматики и других дисциплин. Иоанн Итал внес существенный вклад в разработку широко обсуждавшихся тогда вопросов философии. Профессор Константинопольской высшей школы, ипат философов, «высший философ» должен был обладать энциклопедическими знаниями. В его служебные обязанности входило знание всех злободневных вопросов. Он должен был не только читать лекции, но только воспитывать молодежь, которая отовсюду стекалась в Константинополь, но и отвечать на любые вопросы научного или политического характера, с которыми к нему обращались выдающиеся люди. Из 99 трактатов Итала (основная часть их представляет собой лекции, прочитанные студентам) некоторые написаны в форме ответа на поставленный кем-либо вопрос. Иногда автор прямо указывает лицо, для которого пишет объяснение. Один трактат, например, называется «Императору Андронику Комнину „О диалектике“». Заглавие 43-го трактата гласит: «Императору Андронику, который поставил вопрос о сневидениях»; 50-й трактат озаглавлен: «Михаилу Дуке о том, продолжается ли развитие души после гибели тела».

Обращает на себя внимание заглавие 64-го трактата: «К грамматике Абазгу. О затруднениях в некоторых вопросах грамматики» (*Πρὸς τὸν Ἀβασγὸν τὸν γραμματικόν. Ἀπορίαι περὶ τινῶν τῆς γραμματικῆς*)¹. Имя адресата не указано. Очевидно, этот иностранный ученый был известен всем под именем «Абазг»², которое заменяло ему личное имя.

В 1909 г. Н. Я. Марр высказал предположение, что под именем «Абазг» скрывается Иоанн Петрици³. Биографические данные И. Петрици свидетельствуют, что этот философ действительно получил образование в то время, когда ипатом философов в Константинополе был Иоанн Итал. После Пселла, постригшегося в 1055 г. в монахи, ипатом был назначен Иоанн Итал, занимавший эту должность в продолжение 28 лет (до февраля-марта 1083 г.), когда по инициативе Алексея Комнина он был осужден церковью и предан анафеме. И. Петрици до 1083 г. был в Константинополе учеником И. Итала. В 1083 г. он обосновался в Петрицонском монастыре. После осуждения И. Итала, которого сослали в монастырь⁴, стали преследовать и его учеников. Против них Алексеем

¹ Ioannes Italos. *Questiones quodlibetales*, ed. P. Ioannou. Ettal, 1956, p. 95—97.

² В средние века, начиная примерно с X в., грузин называли абазгами.

³ Н. Я. Марр. Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII века. — ЗВРАО, т. 19, вып. 2—3, 1909, стр. 56.

⁴ περὶθέντος ἐν μοναστήριον διὰ τὴν προσηκουσαν διόρθωσιν δέξασθαι. См. Ф. И. Успенский. Делопроизводство по обвинению И. Итала. — ИРАИК, II, 1897, стр. 1—66.

Комнином был возбужден судебный процесс, начавшийся 20 марта 1083 г. под председательством патриарха Евстратия. Ученики Итала были вынуждены оставить столицу. В протоколах процесса сохранилось решение, запрещавшее гражданам принимать в свой дом учеников И. Итала и угрожавшее тем, кто окажет им какую-нибудь помощь. По словам самого И. Петрици, он подвергался преследованию со стороны греков и грузин (можно полагать, как ученик И. Итала и мыслитель, воззрения которого не разделялись клерикальными кругами). Эти данные свидетельствуют, что предположение Н. Марра вполне обоснованно.

В настоящее время мы располагаем значительно большим материалом, который позволяет заключить, что адресатом этого письма является именно И. Петрици.

Письмо написано в связи с тем, что адресат заинтересовался словами: *ἔχται, ἰγμένος* (perfectum глагола *ἰχέομαι*) и *μη ἀπαξίωσον* (imperativus aoristi глагола *ἀπαξίωω*); он считал их варваризмом и солецизмом. Итал же, видимо, сомневался в этом, однако относительно *μη ἀπαξίωσον* Абазг был прав, так как известно, что отрицание *μη* в греческом языке ставится с *imperativus praesentis* и с *conjunctivus aoristi*. Правильными являются формы *μη ἀπαξίω* и *μη ἀπαξίωσῃς*, неправильными же — *conjunctivus praesentis* и *imperativus aoristi*: *μη ἀπαξίωις* и *μη ἀπαξίωσον*, что и подчеркивает адресат. Из этого письма не вытекает, что вопрос Италу был поставлен Абазгом прямо, а видно, что профессор обратил внимание на толкование им приведенных выше слов и счел нужным в связи с этим изложить свое мнение относительно некоторых вопросов грамматики.

В начале трактата Итал обращается к Абазгу-грамматiku с восхвалениями и уверениями в дружеских чувствах; он считает его глашатаем и хвалителем своих теорий, а себя — толкователем воззрений Абазга, которого глубоко чтит, ставит даже выше себя и чьим мнением особенно дорожит.

За этим следует часть исследования, представляющая собой критику учения о частях речи. Итал считает неправильной классификацию, которая была принята в античное время и в средние века. Он рассматривает каждую часть речи и, исходя из содержания, ищет противоречия в определениях, что ему и удается. В каждой части речи он находит апории; это, по его мнению, создает непреодолимое противоречие и делает неприемлемой принятую дефиницию. Итал не дает позитивных определений, его цель — показать негативные стороны существующего деления и этим способствовать созданию в дальнейшем другого принципа. После грамматических дефиниций он приводит логические, так как, полагает автор, одностороннее описание, формальное или семантическое, не дает полной картины.

Такое направление суждений Итала вполне закономерно на фоне грамматического мышления средневековья. Г. Арэнс в своем исследовании пишет: «Средневековые языковые теории восходят к Аристотелю и представляют собой распространение его логики на грамматику. „Об истолковании“ и „Категории“ Аристотеля были известны в арабских и латинских переводах. По словам Альберта Великого, „как глупый выглядит по отношению к мудрому, так выглядит и грамматик, который не имеет представления о логике“. При исследовании логики предметом особого рассмотрения стали части речи. С этим был связан вопрос о значении слова вообще, однако не в целях глубокого изучения языка; ведущим было стремление доказать единство логики и языка. Понятия Аристотеля, десять установленных им категорий — сущность, количество, отношение, место, качество, время, положение, обладание, действие, стра-

дание — были, по их мнению, выражены в классах слов. Изучая значение частей речи, эти исследователи дошли до философии слова, до сути значения или смысла слова (*modi significandi*)»⁵. Р. Робинс в книге «Античные и средневековые языковые теории» также полагает, что в раннее средневековье грамматики лишь излагали мнения древних, а период с XII в. до Ренессанса был более продуктивным. Причиной явилось открытие вновь ученым миром Аристотеля. Это открытие «означало для грамматики подчинение логике и философии»⁶.

С установлением связи между грамматикой и философией мы неоднократно встречаемся у византийских грамматиков, в частности у комментаторов Аристотеля и Дионисия Фракийского. Типичными для такого взгляда являются слова Аммония при толковании некоторых мест *Περὶ ἑρμηνείας*: «Ясно, что имя предшествует глаголу, так как имена означают существование предметов (*ὕπαρξεις*), а глаголы — действие или страдание (*ἐνεργείας καὶ πάθη*), существование же предшествует действию или страданию»⁷.

Один из схолиастов Дионисия Фракийского пишет: «Свойством имени является обозначение сущности (*οὐσία*), сущность есть самосущее, не нуждающееся в других для существования». Хировоск говорит: «Известно, что сущность (*οὐσία*) есть независимая самосущность, как человек, лошадь; качество же является свойством — белый, желтый»⁸. По мнению того же Хировоска, «имя предшествует глаголу, так как имя указывает на сущность (*οὐσία*), глагол же — на случайный признак (*συμβεβηκός*)»⁹. То же самое говорят и Гелиодор, и писавший в IX в. армянский комментатор Дионисия Фракийского¹⁰.

Высказывалось и противоположное мнение, будто глагол по природе является более ранним, чем имя, так как действие предшествует сущности¹¹.

Средневекового грамматика интересует не то, что на самом деле имеется в языке, но выяснение и доказательство того, почему это так, а не иначе¹². Такова общая тенденция. Эта тенденция заметна и в рассматриваемом нами трактате.

Автор начинает с критики мнения древних о частях речи, которые полагали, что таковыми являются элемент, слог, имя, глагол, предложение. Эта точка зрения, вероятно, заимствована из XX главы «Поэтики» Аристотеля, который частями словесного изложения, частями λέξις, считает элемент, слог, имя, глагол, союз, артикль, флексию, предложение. Однако это мнение Аристотеля не оригинально. До него у атомистов, у Демокрита существовал взгляд, что при наличии атомов и пустоты каждый предмет строится из атомов так же, как имя — из элементов. Как в имени изменение одного звука влечет за собой возникновение слова с совершенно другим значением, так и незначительное изменение состава и положения атомов создает совершенно другой предмет. Если из одних и тех же букв получаются такие различные вещи, как трагедия и коме-

⁵ H. A r e n s. Sprachwissenschaft, der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. München, 1955, S. 35—36.

⁶ R. H. Robin s. Ancient-mediaeval grammatical theory in Europe. London, 1951, p. 75.

⁷ H. Steinthal. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern, II. Berlin, 1891, S. 233.

⁸ Ibid., S. 238.

⁹ Ibid., S. 233—234.

¹⁰ Н. А. Адонц. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пг., 1915, стр. CLXIII.

¹¹ Scholia ad Dionys. Thracis art. gr., ed. H. Hilgard. Bonnae, 1905, p. 216.

¹² H. A r e n s. Sprachwissenschaft. . . , S. 35.

дия, то таким же образом из одних и тех же атомов создаются разные миры. Грамматическая теория устанавливает тут трехступенчатое деление: элемент — слог — имя.

Согласно атомистической теории, предложение есть не что иное, как механическое соединение имен. Оно состоит из них точно так же, как имя — из букв и предмет — из атомов. Тут опять-таки проведено трехступенчатое деление. Между именем и предложением есть $\rho\acute{\eta}\mu\alpha$ (словесное выражение, т. е. словосочетание, семантически единая часть предложения). И здесь налицо три градации: имя — $\rho\acute{\eta}\mu\alpha$ — предложение¹³. Это и есть та атомистическая теория языка, которую излагает Итал в начале своего трактата.

Однако для второго деления (т. е. имя, рема, предложение), кроме XX главы «Поэтики», мы можем найти более поздний источник, чем Демокрит. Известно, что с точки зрения логики основным считалось выделение в предложении имени и глагола как терминов, обозначающих субъект и предикат.

Термины $\delta\nu\omicron\mu\alpha$, $\rho\acute{\eta}\mu\alpha$ Аристотель употребляет в двойном смысле: в «Органоне» при логическом анализе суждения как выражения логических единиц и в «Поэтике» (гл. XX) при исследовании языка. В первом случае его интересуют только имя и глагол как средства выражения субъекта и предиката. Различая субъект и предикат, античная теория видит в предложении только имена и глаголы¹⁴.

Что касается всех терминов вместе взятых ($\sigma\tau\omicron\chi\epsilon\iota\omicron\nu$, $\sigma\upsilon\lambda\lambda\alpha\beta\acute{\eta}$, $\delta\nu\omicron\mu\alpha$, $\rho\acute{\eta}\mu\alpha$, $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$), то они употребляются у Платона в «Теэтете» (202 В) в таком контексте: «Элементы бессмысленны и непознаваемы, ибо воспринимаются чувством, слог познаваемы и высказываются для истинной мысли осмысленные». И далее (206 Д): «Как элементы создают предмет, так и полученные из звуков имена создают предложение... звуковым изложением посредством имен и глаголов».

До Платона («Кратил», 424 С; «Филеб», 18 ВС) слово $\sigma\tau\omicron\chi\epsilon\iota\omicron\nu$ в смысле звуковой единицы не встречается: оно означает только элемент физического мира. В «Кратиле» читаем (424 С — 425 А): «Из элементов создаются слог, из соединения слогов получается имя и глагол. Из имени и глагола — предложение».

В грамматике стоиков имело место восхождение от наименьших элементов до слов и предложений¹⁶. $\Sigma\tau\omicron\chi\epsilon\iota\omicron\nu$ у Хрисиппа употреблялось также для обозначения частей речи¹⁷, а у Платона — для первичных имен.

Античная традиция продолжалась и у византийцев. Армянский комментатор Дионисия Фракийского Давид говорит: «Сперва имеется в наличии наименьший элемент ($\sigma\tau\omicron\chi\epsilon\iota\omicron\nu$), затем слог, слово, предложение»¹⁸. Таков же ход мысли и Стефана¹⁹.

Итал считает, что классификация — элемент, слог, имя, глагол, предложение — неудовлетворительна, и рассуждает о соотношении между целым и частями. Лейтмотивом в этом рассуждении является мнение, что

предложение есть часть более крупной единицы — речи, но оно есть целое в отношении меньшей единицы — имени. На подобное соотношение целого и части указывает также суждение Иоанна Петрици в «Комментариях»: «Рука является частью целого тела, и, наоборот, она есть целое по отношению к плечу, предплечью и кисти»²⁰.

В этой части трактата привлекает внимание и то, что слово $\lambda\acute{\epsilon}\xi\iota\varsigma$ здесь употребляется в значении «речь». $\lambda\acute{\epsilon}\xi\iota\varsigma$ у Дионисия означает «слово», такое же значение оно имело и у византийцев. $\lambda\acute{\epsilon}\xi\iota\varsigma$ в XX главе «Поэтики» Аристотеля означает словесное изложение, т. е. речь. По Италу, имя также есть не часть предложения, а часть речи.

Далее в трактате следуют определения всех частей речи и связанные с этим рассуждения автора²¹. Каждое определение взято из произведений античных или средневековых авторов. Например, для имени берется определение Дионисия Фракийского: $\delta\nu\omicron\mu\alpha$ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$ $\mu\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\upsilon$ $\pi\omega\tau\iota\kappa\acute{\omicron}\nu$ ²². За этой грамматической дефиницией следует логическая, взятая у Аристотеля: $\delta\nu\omicron\mu\alpha$ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$ $\varphi\omega\eta$ $\sigma\eta\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{\eta}$ $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\sigma\upsilon\nu\theta\acute{\eta}\kappa\eta\gamma$ ²³⁻²⁵. Последнюю дефиницию автор считает родовым понятием, общим описанием, так как выражение $\varphi\omega\eta$ $\sigma\eta\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{\eta}$ $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\sigma\upsilon\nu\theta\acute{\eta}\kappa\eta\gamma$ у Аристотеля употребляется не только для имени, но и для глагола, флексии, предложения, простого высказывания (общее описание = $\delta\upsilon\omicron\gamma\gamma\alpha\phi\acute{\eta}$).

Термин $\delta\upsilon\omicron\gamma\gamma\alpha\phi\acute{\eta}$ обозначает то общее суждение, которое Аристотель разбирает во II Аналитике (гл. 22). Там для восхождения к общим основам Аристотель употребляет слово $\lambda\omicron\gamma\iota\kappa\acute{\omega}\varsigma$, а для определения сущности — $\acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\upsilon\tau\iota\kappa\acute{\omega}\varsigma$. Итал под $\delta\upsilon\omicron\gamma\gamma\alpha\phi\acute{\eta}$ подразумевает $\lambda\omicron\gamma\iota\kappa\acute{\omega}\varsigma$ (логично, т. е. определено по общим основам).

Затем в трактате Итала начинается рассуждение об отношении между целым и частью. «Падеж ($\pi\acute{\tau\omega}\sigma\iota\varsigma$) есть или часть имени, или целое имя». Итал заметил противоречие между двумя воззрениями: каким образом имя является склоняемой частью предложения, если оно употребляется только в именительном падеже. Ведь это значит, что у него нет падежа. Отсюда вывод: имя является именем во всех падежах (критика Аристотеля).

Соотношение части и целого автор использует при определении глагола; логически это место связано с предыдущим рассуждением. Перед этим автор разъяснил соотношение падежа и имени, но $\pi\acute{\tau\omega}\sigma\iota\varsigma$ имеется и у глагола. В $\text{Пер}\acute{\iota}$ $\acute{\epsilon}\rho\mu\eta\upsilon\epsilon\iota\alpha\varsigma$ глаголом — $\rho\acute{\eta}\mu\alpha$ является только форма настоящего времени. Все остальные формы являются $\pi\acute{\tau\omega}\sigma\iota\varsigma$ -ом глагола. В «Поэтике» и прошедшее время считается глаголом, а $\pi\acute{\tau\omega}\sigma\iota\varsigma$ -ом — вопросительные и повелительные формы; в 113-м фрагменте Аристотеля $\pi\acute{\tau\omega}\sigma\iota\varsigma$ означает наклонения ($\tau\acute{\alpha}\varsigma$ $\acute{\epsilon}\gamma\kappa\lambda\iota\sigma\iota\varsigma$ $\pi\acute{\tau\omega}\sigma\iota\varsigma$ $\delta\nu\omicron\mu\alpha\acute{\zeta}\omicron\nu$)²⁶. Согласно этой точке зрения, глагол выражает точно свою сущность только в настоящем времени, так как Аристотель под глаголом понимает то, что говорится о каком-либо предмете²⁷, и настоящее время выражает функцию логического предикирования в наиболее чистом виде.

По мнению Брендалья, предложение, главным членом которого является глагол, выражает по этой формуле логическое суждение, и такое определение вынуждает Аристотеля изъять из класса глаголов глаголы в отрицательной форме ($\delta\upsilon\chi$ $\delta\eta\gamma\mu\alpha\iota\upsilon\epsilon\iota$, $\delta\upsilon$ $\kappa\acute{\alpha}\mu\upsilon\epsilon\iota$, Interpr., III). Чтобы быть

²⁰ Иоанн Петрици. Труды, II. Тбилиси, 1937, стр. 131 (на груз. яз.).

²¹ Подробный анализ этого трактата будет опубликован в «Сборнике восточной филологии», I (Институт востоковедения АН Груз. ССР) в 1967 г.

²² Dionysii Thracis Ars grammatica, ed. G. Uhlig. Lipsiae, 1884, § 12, p. 24.

²³⁻²⁵ Arist., De interpr. II, ed. I. Bekkeri. Bonnae, 1853.

²⁶ Arist., fr. 113, 1496, b, 24, 33, 55 (ed. Acad. Boruss., 1831).

²⁷ Arist., De interpr., III: τῶν καθ' ἑτέρου λεγόμενον σημείον ἔστιν.

¹³ И. М. Тронский. Проблемы языка в античной науке. Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936, стр. 18.

¹⁴ И. М. Тронский. Проблемы языка... стр. 24. С доказательствами этой мысли встречаемся на каждом шагу; см. «Софист», 262 С; D.

¹⁵ Plato, ed. J. Burnet, I—II. Oxonii, 1905.

¹⁶ И. М. Тронский. Основы стоговой грамматики. Романо-германская филология. — «Сборник статей в честь академика В. Ф. Шишмарева». Л., 1937, стр. 308.

¹⁷ Diog. Laert., De vitis dogm. et apothegm. clarorum philosophorum. Lipsiae, 1759, VII, p. 57.

¹⁸ Н. Адонц. Дионисий Фракийский... стр. CLIII.

¹⁹ Там же, стр. CLXII.

последовательным и точным, Аристотелю следовало исключить из класса глаголов также императив, субъюнктив, вопросительные формы, так как понятие утверждения не охватывает этих форм. Они не создают общего суждения²⁸.

При определении наклонения Итал повторяет слова схолиаста Τέχνη γρ.: «Наклонение есть намерение (хотение) души, означенное единицей, выраженной звуками. Но это есть простое высказывание, также имя благодаря слову «не» превращается в простое высказывание, так как делается определением и простой единицей, выраженной звуками и почти схожей с глаголом»²⁹.

Для того чтобы понять это место, надо знать, какие предложения разбирает Аристотель с логической точки зрения. Его учение о λόγος-е таково: предложение есть звуковое изложение, которое людьми употребляется условно и часть которого, самостоятельно взятая, означает что-нибудь как простое высказывание (φάσις), а не как утверждение (κατάφασις) или отрицание (ἀπόφασις).

Говоря о глаголе, Итал излагает учение Аристотеля и стремится исправить его посредством новых теорий. В частности, он старается примирить взгляды Дионисия и Аристотеля. То, что он использовал труд Дионисия, видно из терминов παρεπόρευται (акциденции) и βούλημα ψυχῆς (намерение, хотение души)³⁰. На использование трудов Аристотеля указывают много терминов и целые выражения.

Автор пространно рассуждает об имени и глаголе, поскольку его, как логика, интересуют только эти части речи. Рассуждения о других частях речи крайне лаконичны. Говоря о них, он разбирает только одну-две апории.

Таково в самых общих чертах содержание трактата. Следует отметить, что Итал считает неудовлетворительной традиционную схему частей речи, которая и в современной лингвистике признается негодной из-за отсутствия единого классификационного принципа. Это видно из того, что все дефиниции, взятые в отдельности, им отрицаются и в них он находит апории. Аристарху и Дионисию Фракийскому такая точка зрения незнакома; они давали лишь позитивные определения. При этом Итал уделяет внимание и формальному анализу слов, например в параграфе об имени, причастии, местоимении.

Особо следует обратить внимание на метод исследования Итала, применяемый как в этой работе, так и в других. Итал совершенно игнорирует то положение, что грамматика или философия есть ancilla theologiae; он не прибегает к теологии при исследовании того или иного вопроса, считаясь только с силой своего разума и разума других ученых.

В письме Итал обращается к адресату как к человеку, которому хорошо известна обстановка, существующая в Константинополе. Автор говорит, что некоторые обстоятельства он вынужден обойти молчанием, его удерживает какая-то сила. Но в том, что касается науки, он высказывается до конца и подчеркивает, что адресат прекрасно знает все источники. Итал не называет ни одного автора; он как бы считает само собой разумеющимся, что адресату известны Дионисий Фракийский, схолиасты,

²⁸ V. Brendal. Les parties du discours (partes orationis). Copenhagen, 1948, p. 48.

²⁹ Dionysii Thracis Ars grammatica, p. 47: βούλησις ψυχῆς διὰ φωνῆς σημαυόμενή. Немного ниже схолиаст пишет: βούλημα.

³⁰ Смарагд (IX в.): три лица глагола — это есть вдохновение от бога. Существует восемь частей речи, так как восемь является святым числом. Комментатор Τέχνη γρ. Давид: каждое творение получает имя от бога. Имя падает прямо свыше, поэтому имя есть прямой падеж (ὀρθῆ πτώσις). См. Н. Адонц. Дионисий Фракийский. . . , стр. CLXI; Словарь Суды, s. v. ὄνομα.

Περὶ ἐρημείας, Ἀναλυτικά, Κατηγορίαι Аристотеля, Платон, стоики и другие античные и средневековые ученые. Он подчеркивает, что адресат обладает большими знаниями.

Можно ли думать, что этим адресатом являлся И. Петрици?

Если окажется, что оба философа обращались к одному и тому же кругу понятий, интересовались одними и теми же вопросами и их теории восходили к одним и тем же источникам, тогда не останется места для сомнений и придется признать, что адресатом письма действительно был И. Петрици.

Для решения этого вопроса существенное значение имеет статья профессора С. Г. Каухчишвили «Материалы для изучения источников „Комментариев к Проклу Диадоху“ И. Петрици»³¹. Автор статьи сличил некоторые места «Комментариев» с их источником — Τέχνη γραμματικῆ Дионисия Фракийского, откуда И. Петрици дословно перевел начало, содержащее в себе определение грамматики и перечисление ее частей: «Быть грамматиком — это значит знать прозаиков и поэтов, способ выражения ими своих мыслей, уметь выявить виды поэтических произведений, знать, как они создаются, знать лингвистику и методы летописцев и этимологию, т. е. толкование имен и аналогии. Наиболее важной частью грамматики является критика произведений»³². Затем Петрици переводит первый параграф Τέχνη γρ., где изучаются вопросы об ударениях спиритусах и другие, вопросы о точке и запятой (стигме и ипостигме), о чтении.

К сказанному С. Г. Каухчишвили можно добавить следующее. В заключительной части «Комментариев» Иоанн Петрици упоминает части речи: «Части речи есть имя и глагол»³³. Глагол он обозначает как «слово». Иногда греческий λόγος обозначал предложение, но ῥῆμα есть высказывание, предикаторное, центральная часть предложения, «слово слов», преимущественное слово; поэтому римляне его перевели verbum, что означало и «слово». В «Тететте» (262 С) λόγος обозначает предикат, т. е. ῥῆμα. В «Топика» (I, 13, 12) λόγος и ῥῆμα — одно и то же. Петрици упоминает только две части речи; это понятно, если иметь в виду, что его, специалиста по логике, интересуют только эти части речи как слова, обозначающие субъект и предикат. Так поступал Аристотель и другие. Поэтому и Иоанн Итал в начале трактата пишет: «Предложение, имя, глагол».

Византийские грамматиканы уделяли большое внимание искусству чтения и письма. В то время письмо слишком отставало от произношения, и для практических целей выдвинуты были вопросы орфографии³⁴. Иоанн Петрици пространно рассуждает о первом тезисе второго параграфа Τέχνη γραμματικῆ, который касается чтения, согласованного с правилами просодии, декламации, чтения с соблюдением знаков препинания, пауз. Дионисий говорит: Ἀναγνωστέον δὲ καθ' ὑπόκρισιν, κατὰ προσῳδία, κατὰ διαστολήν.

Первое положение подчеркивает необходимость правильной декламации, требует, чтобы чтение происходило с соответствующим выражением, так как комедии соответствует одна манера чтения, трагедии и лирике — другая. Каждому произведению приличествует свой способ чтения, гово-

³¹ «Вестник АН Грузинской ССР», т. II, 1941, № 8, стр. 755—760 (на груз. яз.).

³² И. Петрици. Труды, II, стр. 220.

³³ Там же.

³⁴ Начиная с античного времени греки подразделяли грамматику на μικρὰ γραμματικῆ (искусство чтения и письма) и на μεγάλη, τελειότερα, которая, помимо первой, включала также знание прозаических и поэтических произведений, их критику, всестороннее исследование языка. Грамматик в широком смысле слова был филологом и литературоведом. Суда употребляет термин γραμματικῆ в его узком значении.

рит Дионисий. На это указывает и И. Петрици в «Комментариях»³⁵. Он говорит о регулировании голоса, о придании словам соответствующего тона, что, наверное, передает выражение *καθ' ὑπόκρισιν*.

Очень пространно рассуждает Петрици и о *κατὰ προσωδίαν*; для просодии он употребляет выражение: «знаки следующие, сопровождающие»³⁶.

Третьим требованием Дионисия является чтение с соблюдением правильных пауз, правильной расстановкой знаков препинания *κατὰ διαστολήν*: «Точка с запятой и запятая требуют меньше времени, чем точка. Тут мы имеем дело с растяжением в произношении и разделением слов, так как одно и то же слово может иметь различное значение в зависимости от того, как оно произносится говорящим»³⁷.

Таким образом, Иоанн Петрици поддерживает требования Дионисия, чтобы читать *καθ' ὑπόκρισιν*, *κατὰ προσωδίαν*, *κατὰ διαστολήν*, и в разных местах «Комментариев» в какой-то мере развертывает суждение о каждом из этих требований.

Очень интересно рассуждение о том, почему произведение Прокла названо *Στοιχείωσις*: «Прокл назвал свою книгу „Элементами“. Он выделил элемент, ибо последний является простейшим; ведь всех приступающих к учению сначала учат простейшему, затем более сложному; так, имена состоят из букв, а простые высказывания из имен, из простых высказываний — предложения, как нас учит *Περὶ ἑρμηνείας*. Ибо простое прежде составного, например четыре элемента — огонь, воздух, вода и земля. Эти последние понятия Аристотель назвал элементами — простейшими из философских понятий»³⁸. То же самое сказано и в сделанных Петрици маргинальных приписках к произведению Немесия «О природе человека»³⁹.

Что касается картины восхождения из *στοιχείων* — элемент, имя, простое высказывание, предложение, то это, как указывает сам Петрици, взято им из *Περὶ ἑρμηνείας*. Тут в IV—VI главах излагается учение о том, что начальным элементом служит имя, следующей единицей является *φάσις* — простое высказывание, которое означает что-нибудь, но не утверждение или отрицание, а затем уже образуется предложение, в котором дается утверждение или отрицание.

В «Послесловии» И. Петрици перечисляет все области средневековой школьной (практической) грамматики: здесь фигурируют орфография, этимология (дисциплина, которая изучает отдельное слово), синтаксис; к этому автор, со своей стороны, добавляет стилистику: «Например, *письмо* и соответственно *письму* — чтение. Если написано неправильно, то и чтение будет неправильным; [затем выясним] что такое есть *имя* и что такое *глагол* и вместе с этим [поговорим о] *синтаксисе* и *украшении речи* и *насыщенности* и *изяществе* изложения»⁴⁰.

Судя по переводу книги Немесия, Петрици знаком с выражениями стоиков: *λόγος ἐνδιάθετος* и *λόγος προφορικός*; он переводит их как «внутриположное слово» и «внешнее слово».

Петрици уделяет внимание и исследованию этимологии слов, установлению их истинного значения: «Кронос есть полнота или насыщенность разума». При объяснении имени Зевса он обращается к Гераклиту и

Платону: «δι' οὗ, от которого все происходит» — и еще: «ζεῶν означает кипение и перенаполнение жизни».

Учитывая, что вопросы грамматики привлекали самое пристальное внимание И. Петрици, грузинский деятель Антон Католикос вполне обоснованно называл И. Петрици грамматиком в широком значении слова, т. е. филологом, литератором. Очевидно, по этой причине и Итал назвал Петрици «грамматиком Абазгом».

Как грамматик, И. Петрици вращался в близком для Итала кругу понятий; он использовал тех же авторов — Дионисия Фракийского и его комментаторов, Аристотеля (особенно *Περὶ ἑρμηνείας*). Известно, что он перевел *Περὶ ἑρμηνείας* и *Τὰ τοπικά*, а также написал учебник грамматики. Круг вопросов и использованная литература у обоих философов одни и те же. Сближает их не только чисто грамматический, но и логико-философский подход к предмету. Все это должно быть учтено при рассуждении о взаимосвязи этих двух философов и определении их места в истории человеческой мысли.

³⁵ И. Петрици. Труды, II, стр. 6.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 221.

³⁸ И. Петрици. Труды, II, стр. 5.

³⁹ Н. Эмесский. О природе человека, изд. С. Горгадзе. Тбилиси, 1914, стр. 61 (на груз. яз.).

⁴⁰ И. Петрици. Труды, II, стр. 220.

Т. А. ИЗМАЙЛОВА

ОБРАЗ БОГИНИ В АРМЯНСКИХ МИНИАТЮРАХ XI ВЕКА

В Научно-исследовательском институте древних рукописей имени Месропа Маштоца в Ереване (Матенадаран) хранятся два кодекса, написанные в крупных центрах Малой Армении, один (1045 г., № 3723) — в Себастии, другой (1057 г., № 3784) — в Мелитене. С ними следует связать и третий кодекс — 1041 г., ныне хранящийся под № 3624 в Библиотеке Иерусалимского патриархата, написанный, по-видимому, также в Себастии или близ нее¹.

Рукописи иллюстрированы; тексту каждой из них предшествует тетрадь с миниатюрами. Общность цикла, иконографическое и стилистическое сходство при некоторых отличиях в каждом из кодексов позволяют отнести эти миниатюры к одной школе. Изучение их в целом должно явиться предметом монографического исследования.

В настоящей статье мы хотим коснуться лишь одного необычного для «Входа господня в Иерусалим» образа, представленного в миниатюре данного сюжета всех трех рукописей². Довольно традиционная иконография этой сцены со своими особенностями, присущими интересующей нас школе, нарушена выпадающей из всяких норм христианского искусства заменой мальчиков (в купе листы или в середине пальмы) обнаженной женщиной, стоящей между ветвями дерева (рис. 1, 2, 3).

В миниатюре рукописи 1057 г., более архаичной по иконографии и безыскусственно-народной по исполнению, женщина, изображенная с двумя парами груди, стоит между ветвями дерева одна. В иллюстрациях рукописей 1041 и 1045 гг. по стволу дерева взбирается вторая фигура, преувеличенно полные формы которой в миниатюре последнего кодекса позволяют видеть в ней также женщину, как бы подменившую изображение одного или двух мальчиков.

Первое, с чем ассоциируется образ обнаженной женщины среди ветвей в рукописях 1041 и 1045 гг., несущий еще на себе отпечаток эллинистической традиции, — это миф о Дафне, превращающейся в дерево. Выяснение связанных с ним представлений требует обращения к античным памятникам. Для ознакомления с этой темой отошлем к содержательному исследованию В. Мюллера³, где автор подразделяет известные ему изображения Дафны (в соответствии с ее отношением к дереву) на четыре

¹ Х. Берберян в письме на мое имя от 6.XI 1966 г., подвергая сомнению локализацию рукописей 1041 и 1045 гг. Себастией, считает более вероятным объединять все кодексы вокруг Мелитены. Это предположение высказано С. Дер Нерссян (Armenian Manuscripts in the Freer Gallery of Art. Washington, 1963, p. 4).

² К этой же группе относится и недатированная рукопись Матенадарана № 974 (очевидно, XI в.), которую мы в этой статье не привлекаем, так как миниатюра со сценой «Входа в Иерусалим» в ней утрачена.

³ V. Müller. Die Typen der Daphnedarstellungen. — MDAI, Bd. 44, 1—2, 1929. Этой статьей далее мы широко пользуемся для обоснования наших положений.

Рис. 1. Вход Господень в Иерусалим, ев. 1057 г., л. 8а.

Рис. 2. Вход Господень в Иерусалим, ев. 1041 г., л. 8а.

Рис. 3. Вход Господень в Иерусалим, ев. 1045 г., л. 1а.

типа. Четвертый, наиболее интересный для нас, представлен на стеклянном сосуде II в. н. э., найденном в Керчи (рис. 4)⁴. М. И. Ростовцев считает его антиохийским по происхождению⁵. Здесь, на дереве с высоким прямым стволом, между двумя сильно отогнутыми в разные стороны ветвями, представлена одетая в тунику женская фигура, которая видна до бедер. Надпись над ней гласит — «Дафна». Повернувшись направо, нимфа протягивает обе руки в одну сторону, голова обращена влево.

Анализируя памятники четвертого типа, В. Мюллер находит в них расхождение содержания и формы. Дафна, изображенная в человеческом облике, еще как бы слушает Аполлона — момент, предшествующий бегству, тогда как сочетание ее с деревом указывает на то, что перевоплощение уже совершилось. Такую не вполне четкую трактовку образа можно объяснить тем, что художник сочетал в этой сцене различные прототипы. «Если бы мы ориентировались только на образ Дафны, — пишет В. Мюллер, — каким он представлен на стеклянном сосуде, не зная мифа, который, правда, подсказан добавленной здесь фигурой Аполлона, нам не пришло бы в голову, что тут изображен процесс превращения Дафны, настолько уравновешены между собой человеческое тело и дерево». Автор считает, что это своего рода смешанный образ — получеловека-полудерева. Существующая между ними связь не изменяется, она постоянна и не имеет своего происхождения в превращении⁶.

⁴ V. Müller. Op. cit., Fig. 5, Taf. 12, 13.

⁵ М. И. Ростовцев. Стеклописные вазы эллинистического времени и история декоративной живописи. — ИАК, вып. 54, 1914, табл. V, стр. 15.

⁶ V. Müller. Op. cit., S. 68.

Рис. 4. Стекланный сосуд из Керчи. Дафна (Антиохия). II в. н. э.

По-видимому, такая трактовка не случайна. Все произведения, которыми представлен четвертый тип, происходят из негреческих, только позднее эллинизованных областей. Как сказано выше, керченский стеклянный сосуд, очевидно, из Антиохии на Оронте (Сирия), где во времена Селевкидов локализовалась легенда о Дафне. В предместье Антиохии, носившем название Дафна, находилась роща, орошаемая источниками. При Селевкидах там был построен храм Аполлона и Артемиды, там же показывали лавр, в который превратилась Дафна.

В связи с этим автор задает вопрос: является ли совершенно исключенным предположение, что в этом месте, избранном самою природой, еще в догреческие времена почиталась богиня дерева и уже тогда имелось ее изображение? Известно, что в Сирии и Малой Азии поклонение дереву было широко распространено с глубокой древности. В таком случае очень возможно, что расхождение между содержанием и формой, присущее изображению на керченском сосуде, двойственность его является результатом использования негреческих образов для воплощения греческого мифа⁷.

Действительно, на привлекаемой В. Мюллером монете ликийского города Миры (рис. 5), на реверсе изображено дерево с двумя сильно отогнутыми ветвями; между ними помещена победренная фронтальная фигура обнаженной женщины⁸. По мнению автора,

этот образ, явно архаичный, т. е. значительно предшествующий по времени самой монете, имеет несомненную параллель в Дафне стеклянного сосуда из Керчи, — в обоих случаях представлен смешанный образ женщины и дерева, а не превращения.

Проделанный В. Мюллером анализ заставляет его присоединиться к мнению Г. Ф. Хилла, который видит в женском образе на монете города Миры местную богиню Артемиду Елефтеру⁹. Этот вывод подтверждается тем, что на других монетах того же города обнаженная женская фигура уже без дерева изображена стоящей во весь рост в храме, т. е. является той богиней, которой поклонялись в городе Мире¹⁰.

Следовательно, женский образ первой монеты, сочетающийся с деревом, надо рассматривать не столько как аналогию к Дафне, сколько как ее прототип, возникший в Малой Азии в значительно более ранний догреческий период. Изображение Дафны лишь впитало в себя его иконографические черты и идентифицировалось с ним. Эллинство наслаивалось на восточные образцы, греки искали и находили отправные пункты для воплощения своих собственных представлений в древнем местном наследии. Под покровом же греческого искусства как в Малой Азии, так и в Сирии продолжали жить собственные религиозные верования¹¹.

Рис. 5. Монеты из г. Миры в Ликии (Малая Азия). III в. н. э.

Из этого уже ясно, что в женском образе армянских миниатюр (созданных в Малой Азии), тесно связанном с деревом, но полностью игнорирующем процесс превращения, мы вправе также видеть местную богиню растительности.

К несколько иному варианту того же женского божества плодородия, богини-матери, восходят, по-видимому, и изображения Дафны на античных памятниках, причисляемых В. Мюллером к третьему типу, где также имеет место слияние греко-римских и восточных образов. Этот тип представлен на мозаике, найденной в Марино, около Рима¹². Здесь Дафна изображена стоящей фронтально во весь рост. Фигура Аполлона композиционно плохо связана с ней. Руки нимфы, согнутые в локтях и поднятые вверх, так же, как и голова, прорастают ветками, нижняя часть тела замещена древесным столбом.

Лукиан, греческий автор II в. н. эры, сириец из Самосаты, дает описание Дафны именно такого типа. Можно допустить, что подобное изображение он мог видеть на своей родине. Фронтальное же положение фигуры позволяет предположить, что художником был использован статуарный образец¹³.

В настоящее время в различных пунктах Сирии и Малой Азии найдены многочисленные древние изображения богини, представленной в той же позе, что и нимфа на римской мозаике. Устойчивость этого

⁷ V. Müller. Op. cit., S. 72.

⁸ Ibid., S. 72, 73, Fig. 9.

⁹ G. F. Hill. A Catalogue of the greek coins in the British Museum. London, 1897, tabl. XV.6, p. 71.

¹⁰ G. E. Hill. Op. cit., tabl. XV.7. Может быть, этот образ был положен и в основу александрийской (вернее, малоазийской) по своему происхождению статуи

Боргезе, изображающей Дафну (см. V. Müller. Op. cit., Taf. II. На стр. 70 автор отмечает также, что колофон пяти книг «Метаморфоз» Никандра называет Малую Азию как место, где они были написаны).

¹¹ V. Müller. Op. cit., S. 77, 78.

¹² V. Müller. Op. cit., Fig. 3, S. 82.

¹³ Ibid., S. 80.

Рис. 6. Золотая пластинка. Финикийская богиня Минет эль-Беида.

женского образа, сохранившего свои иконографические черты на протяжении тысячелетий, подтверждается находками, например, в могиле Минет эль-Беида около порта Рас Шамра, на побережье Сирии, некогда населенном финикийцами (XV—XII вв. до н. э.). Одна из них — золотой лист в виде подвески, на которой вычеканена обнаженная, фронтально стоящая богиня (рис. 6). В обеих согнутых в локтях и поднятых кверху руках она держит букеты лотосов, что напоминает проросшие пальцы Дафны на римской мозаике. «Нет никакого сомнения, — пишут авторы, издавшие подвеску, — что это изображение Астарты»¹⁴, наиболее популярной в Передней Азии того времени богини-матери, известной на Востоке под этим и многими другими именами.

Тот же иконографический тип богини представлен и на керамических пластинках с Тель Беит Мирсин (южная Иудея), найденных в слое, датированном 1500—1230 гг. до н. э. Издавший их В. Ф. Олбрайт и в этих фигурках видит изображение богини Астарты, уходящее в глубокую древность¹⁵.

Из сказанного вытекает, что и третий, также эллинизованный, тип восходит к одному из древних вариантов изображений богини-матери, богини плодородия. Есть основания полагать, что еще в древности этот тип; широко распространенный во всей Передней Азии, был занесен оттуда и в Египет. Это положение подтверждается изображением богини Кадеш (эпонима одноименной крепости, тесно связанной с походами Тутмоса III и Рамсеса II) на стелах, обнаруженных около Фив¹⁶. Однако

¹⁴ R. Dussaud, P. Deschamps, H. Seyrig. *La Syrie antique et médiévale illustrée*. Paris, 1931, tabl. 12, 2 и аннотация к ней. Менее сходно иконографически, но явно связано по содержанию изображение обнаженной до пояса богини-матери на ящике слоновой кости, найденном также в Минет эль-Беида (*Ibid.*, tabl. 11 и аннотация к ней). Этот образ, по словам авторов, возник на Востоке и получил широкое распространение в Сирии, Малой Азии и во всем Эгейском мире.

¹⁵ W. F. Albright. *Astarte Plaques and Figurines from Tell Beit Mirsim*, tabl. A, I, 3, 5 и B, I, 2. — «*Mélanges Syriens offerts a Ms. R. Dussaud*», t. I. Paris, 1939, p. 109. Литература, посвященная этому женскому божеству, очень велика; мы не считаем необходимым исчерпать ее в данной статье. Вне всякого сомнения, можно было бы привести значительно больший материал для того, чтобы еще и еще раз продемонстрировать древность интересующего нас переднеазиатского по своему происхождению образа богини-матери и его широкое распространение на указанных выше территориях. Полагаем, что и приведенных примеров достаточно для подтверждения сказанного.

¹⁶ Ch. Boreux. *La stèle C. 86 du Musée du Louvre et les stèles similaires*. —

культ этой богини в Египте носил чисто локальный характер — она так и не вошла в официальный пантеон. Возможно, что Кадеш слилась затем с одним из местных божеств, вероятнее всего, с богиней Хатор. На это указывают, в частности, «хаторические» прически некоторых фигурок с Тель Беит Мирсин, тогда как другие фигурки, происходящие из тех же раскопок, представлены в местном головном уборе.

Интересно, что образ богини, который В. Мюллер относит к четвертому типу, также был известен в Египте уже с глубокой древности. Так, на воспроизведенной им росписи Нового царства богиня, представленная в сочетании с деревом, иконографически очень близка к Дафне керченского стеклянного сосуда, хотя стиль этих двух памятников совершенно различен¹⁷.

Любопытно вместе с тем, что В. Мюллер не усматривает прямой связи между образом богини-матери в древнеегипетском и коптском искусстве. Ссылаясь на ряд исследований, он полагает, что формирование последнего происходило под сильным воздействием эллинизованного сирийского типа¹⁸. Действительно, некоторые особенности иконографии и стиля «Дафны» коптских памятников позволяют сближать ее с изображением переднеазиатской богини-матери.

При явно выраженных параллелях этого образа в сирийском (сосуд из Керчи), малоазийском (монета из города Миры) и коптском искусстве нельзя не подчеркнуть, что наиболее близкие аналогии к женскому образу армянских миниатюр дают коптские памятники.

В качестве примера приведем деталь так называемого «плаща Сабини» V в. (найден в Антиное, хранится в Париже — Музей Гимэ, № 1230), где изображена обнаженная женщина, стоящая во весь рост между ветвями дерева, руки разведены в стороны, ступни сливаются со стволом¹⁹.

Если здесь осмысление ее как Дафны оправдывается фигурой Аполлона, то на других коптских памятниках обнаженная женщина, иконографически приближающаяся к древнейшему типу богини-матери, является вполне самостоятельно: так, на архитектурном фрагменте фронтона V—VI вв. (Анас — Египетский музей в Каире, № 7290)²⁰ в рельефе представлена стоящая во весь рост обнаженная женщина (рис. 7). В обеих слегка согнутых в локтях и поднятых кверху руках она держит ветки какого-то дерева или стебли растения. Тот же вариант женской фигуры, только глубже погруженной в ветви деревьев, представлен в нише тимпана V—VI вв. (Анас — Египетский музей в Каире, № 45941)²¹ (рис. 8). Привлекает внимание и трактовка ветвей на этих

«*Mélanges Syriens offerts a Ms. R. Dussaud*», t. II. Paris, 1939, p. 673, tabl. 1; там же стела венского музея, рис. 2. Исходя из невысокого качества ее исполнения и орфографических ошибок в надписях, автор считает, что стела восходит к тому времени, когда Кадеш не была еще полностью египтизирована; именно здесь она изображена обнаженной, в других случаях — одетой.

¹⁷ V. Müller. *Op. cit.*, S. 74, Fig. 10. Автор считает по меньшей степени допустимым поставить вопрос о возможности происхождения этого типа из Передней Азии.

¹⁸ *Ibid.*, S. 77.

¹⁹ *Ibid.*, Fig. 6. См. также: E. Kitzinger. *The Horse and Lion Tapestry*. — DOP, 1946, 3, fig. 31.

Эта же сцена, еще в большей мере эллинизованная (как иконографически, так и стилистически), представлена на пластине слоновой кости музея Равенны. См. W. Volbach. *Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des frühen Mittelalters*. Mainz, 1952. Zweite Auflage, Taf. 26, № 80. Автор относит пластинку к памятникам египетского круга и сравнивает ее с произведениями коптского искусства.

²⁰ G. Duthuit. *La sculpture Copte*. Paris, 1931, pl. XXIIa.

²¹ *Ibid.*, pl. XXIIb.

Рис. 7. «Дафна».
Коптский архитектурный фрагмент. V—VI вв.

двух памятниках, сходная с их характеристикой особенно в евангелии 1057 г. — четко выраженная, непрерывная ветвь с заостренными листьями по сторонам, известная не только для коптских памятников, но и для росписей Нового царства²². Еще одно указание на контакты с собственно египетским искусством видим в изображении дерева без листьев на миниатюре рукописи 1045 г. Рассматривая вопрос о египетских божествах, сочетающихся с разными деревьями, Ф. В. Биссинг отмечает встречающиеся иногда особенности в трактовке образа богини Хатор. Есть случаи, когда ее фигура выступает среди лишенных листьев ветвей явно старого дерева, каким не сопровождается изображение какого-либо другого божества. По мнению автора, появление такого дерева, посвященного богине Хатор, в котором он видит южную сикомору, вообще невозможно вне египетского искусства²³.

Большой интерес представляет с той же точки зрения как будто ничем не оправданная прямоугольная подставка под деревом в миниатюре евангелия 1057 г. При сопоставлении же ее с изображением старого дерева, у корней которого в небольшом бассейне собирается вода (например, на фрагменте стены из Мемфиса — Новое царство)²⁴, становится ясно, что форма этого бассейна была воспроизведена в иконографии наиболее архаичной из всей группы миниатюры рукописи 1057 г.

²² V. Müller. Op. cit., Fig. 10.

²³ Fr. W. Bissing. Über ein Grabwand aus Memphis. — «Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst». Neue Folge, B. I, Heft 4. 1924, S. 212, 216.

²⁴ Ibid., S. 209.

Рис. 8. «Дафна». Коптский архитектурный фрагмент V—VI вв.

Возможно, что эти и другие черты, характерные для древнеегипетских памятников, вопли еще в александрийское искусство. Во многом питавшееся местными традициями, оно было одним из истоков, на основе которых в раннехристианский период формировалась армянская миниатюрная живопись. Быть может, однако, что прототип, которым пользовался армянский мастер, предшествовал формированию коптского искусства; на это указывает трехчетвертной поворот стоящей во весь рост обнаженной женской фигуры наших миниатюр, что отличает ее от фронтальных, в той или иной мере сливающихся с деревом женских образов на коптских памятниках.

Действительно, женская фигура, особенно в рукописи 1041 г., повторяет иконографию того же сюжета на античной гемме (рис. 9)²⁵, исполненной, по-видимому, в александрийской традиции. Юная обнаженная женщина, рождающаяся из цветка, стоит здесь повернувшись так же, как и в миниатюрах, в три четверти налево; в обеих разведенных в стороны руках она держит плодоносящие ветви. Крылышки за ее плечами характерны для ряда античных памятников.

²⁵ А. Ш. Мнацаканян. Армянское орнаментальное искусство. Ереван, 1955 (на арм. яз. с русск. резюме), рис. 178. Автор заимствует изображение из книги «Лукреций о природе вещей» (М.—Л., 1946, т. I), где иллюстрации в прорисовке даны по изданию Горация (Q. Horatii Flacci. Opera Illustrated from antique gems by C. W. King. London, 1869).

Думаем, что весь материал, приведенный по осмыслению и трактовке образа, позволяет говорить о том, что в изучаемых нами армянских миниатюрах представлена древняя переднеазиатская богиня-мать в ее эллинизованном (и по форме, и по содержанию) образе. Напомним, что статуя Артемиды Эфесской имела многочисленные груди, отголоском чего могло явиться изображение двух пар грудей у женщины на миниатюре евангелия 1057 г.

По-видимому, через какие-то опосредствующие звенья эллинистическая традиция вошла в интересующую нас школу армянской миниатюры, где изображение обнаженной женщины, сохранив в какой-то мере свое первоначальное осмысление, сочеталось с христианской тематикой.

Рис. 9. Античная гемма (прорисовка).
Сильно увеличена

Для того чтобы появиться в евангельской сцене, повествующей о жизни Христа, этот образ должен был иметь глубокое идейное содержание, может быть, недостаточно уже понятное, но традиционное и дозволенное. Изображение же, хотя бы и в иносказательной форме, богини-матери, олицетворявшей плодородие, допускало приемлемость и всего связанного с нею комплекса представлений.

Как известно, великая оплодотворяющая богиня, каким бы именем ее ни называли, должна была быть плодородной сама и иметь возлюбленного — прекрасного юношу, который платил своей жизнью за любовь богини, после чего вновь возрождался. «В культах умирающих и воскресающих божеств», — пишет И. Ф. Преображенский в предисловии

к труду Дж. Фрезера «Золотая ветвь», — отразился годовой цикл природы, тесно связанный с жизнью демона растительности. После того как он выполнял свои функции и жатва этого года собиралась, он должен был умереть, чтобы воскреснуть в будущем году с новыми животворящими силами. Персонафикация аграрного демона получила свое полное выражение в культе богов умирающей и воскресающей природы, которыми так богато Средиземноморье. Весной оплакивают смерть этих божеств, затем празднуют их воскресенье. Таким же божеством умирающей и воскресающей природы был и Христос. Место рождения его Вифлеем, дословно — «дом хлеба», был старинным местом культа умирающего и воскресающего сирийского бога Адониса. Вторым прообразом Христа был малоазийский бог Аттис — и дальше: «Умирающий и воскресающий бог не мыслился в религиях древнего Востока одним, а всегда в соединении с богиней-матерью, отношение которой к этому богу являлось двойственным: везде она была его супругой, и соединение этих божеств-супругов давало земле плодородие»²⁶.

Можно предположить, что и в наших миниатюрах где-то подспудно жившее представление об умирающем и воскресающем божестве, которое слилось с образом Христа, допускало его изображение рядом с обнаженной богиней-матерью. Сохранение подобных представлений в армянских миниатюрах XI в. свидетельствует, несомненно, о силе языческих пережитков.

²⁶ Дж. Фрезер. Золотая ветвь. М., 1928, вып. 1. Предисловие П. Ф. Преображенского, стр. 16—18.

Для правильного понимания образа богини в интересующих нас армянских памятниках следует обратиться к религиозным верованиям самих армян. В земледельческой стране, какой являлась Армения, представление об умирающем и воскресающем божестве уходит в глубину древности. В VI—IV вв. до н. э. таким божеством считался Ара Прекрасный, богиней плодородия — Астгик. В III—I вв. до н. э. среди богинь на первое место выдвинулась «иранская (бактрийская) Анаита, покровительница вод, образ которой на территории Армении и Малой Азии слился с образами малоазийских богинь плодородия»²⁷. Следовательно, в образе богини, возрожденном в армянских рукописях XI в., следует видеть Анаит, с какими бы другими божествами она ни отождествлялась. Это относится не только к содержанию, но и к трактовке данного образа. Напомним, что Армения в первые века до нашей эры и в первые века нашей эры была сильно эллинизована. Наши сведения об эллинистической культуре и верованиях армян этой эпохи все еще продолжают быть очень скудными. Однако и сейчас можно с уверенностью сказать, что в Армении тех столетий верховное женское божество, известное под именем Анаит, пользовалось большим почетом.

Приведем некоторые сведения, почерпнутые нами из письменных источников. По свидетельству Мовсеса Хоренаци, армянского историка V в. н. э., армянский царь Ерванд (IV в. до н. э.), перенеся свою столицу из Армавира²⁸ во вновь сооруженный им город Ервандашат, «на север от него построил небольшой городок... назвав его Багараном, что значит „в нем поставлены жертвенники“, и перенес туда всех кумиров, бывших в Армавире»²⁹. Среди них — изображение бога Солнца и богини Луны. Следующая глава носит название «Насаждение рощи, называемой рощей рождения». «Ерванд, — пишет Мовсес Хоренаци, — насадил также большую рощу на северной стороне реки, обвел ее стенами, впустил туда быстрых оленей, ланей, онагров и вепрей, которые, размножившись, наполнили рощу для царской забавы во время охоты. Он назвал ее Рощею Рождения»³⁰. Наименование рощи заставляет вспомнить одну из функций богини плодородия — способствовать размножению стад. Быть может, это позволяет видеть в богине Луны, статуя которой была перенесена из Армавира, если не Анаит, то, вероятнее всего, богиню-мать. К сожалению, мы не имеем никаких сведений о том, как выглядела эта статуя.

При строительстве Арташесом I (189—160) города Арташата (столица Армении со II века н. э.; Араратская область, на левом берегу Аракса) царь сооружает там храм и из «Багарана переносит туда изображение Артемиды и всех богов своих предков, но изображение Аполлона ставит за городом около (большой) дороги»³¹. «В этом сообщении историка (Мовсеса Хоренаци), — пишет К. В. Тревер, — говорится о статуях тех же двух божеств, о которых он упоминал в связи с храмом в Армавире (и Багаране. — Т. И.), а именно: Солнца и Луны, — по замечательно, что, говоря о II в. до н. э., он уже не называет их старыми армянскими именами (Арегак и Лусин), а, учитывая, видимо, знакомство

²⁷ «Всемирная история», т. II. М., 1956, стр. 423.

²⁸ Первая столица армянских царей.

²⁹ К. В. Тревер. Очерки по истории древней Армении. М.—Л., 1953, стр. 87 со ссылкой на кн.: Моисей Хоренский. История Армении, кн. II. Перев. Н. О. Эмина. М., 1893, гл. 40, стр. 91.

³⁰ Моисей Хоренский. Указ. соч., кн. II, гл. 41, стр. 91.

³¹ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 87 со ссылкой на Моисея Хоренского (указ. соч., гл. 49).

армяне в этот период с эллинистической культурой... прилагает к ним античные имена»³².

Из вышесказанного видно, что Анаит-Артемиды сочетала в себе и астральное начало, являясь богиней луны; она считалась также покровительницей столицы Арташат, а затем и всей страны. За богиней упрочилась слава великой матери-богини — заступницы и кормилицы³³.

Письменные данные прямо указывают на то, что часть статуй, которые ставились в храмах Анаит, ввозились в Армению из эллинистических стран. Так, по свидетельству Мовсеса Хоренаци, Арташес I во время своего похода в Малую Азию нашел там «литые из меди золоченые изображения Артемиды, Гераклеса и Аполлона, приказал отправить их в нашу страну и поставить в Армавире. Главные жрецы из рода Вахуни поставили в Армавире изображения Аполлона и Артемиды»³⁴. К. В. Тревер высказывает предположение, что «статуи эти были, быть может, поставлены в том самом храме, который полумифический царь Валаршак построил в Армавире» и где некогда стояли статуи Солнца и Луны³⁵.

Затем, продолжает Мовсес Хоренаци, «также в Элладе Арташес, взяв изображение Дия, Артемиды, Афины, Гефеста, Афродиты, приказывает отправить их в Армению. Не успели еще они проникнуть во внутрь нашей страны, как приходит весть о смерти Арташеса. Тогда бросили их поспешно в крепости Ани (Камах), а жрецы последовали за ними и остались при них»³⁶. И далее Тигран II (95—55) «ставит изображение Дия Олимпийского в крепости Ани (Камах), Афины в Тиле, другое изображение Артемиды в Ерезе и т. д.»³⁷. «Статуя наиболее значительной армянской богини Анаит-Артемиды в Ерезе имела высоту человеческого роста и была отлита из золота. Свидетельство относительно этой статуи сохранили Плиний, Дион, Кассий и Страбон»³⁸. Эта статуя была разрушена на куски и увезена Антонием во время его победоносного похода на Армению при царе Артавазде II (55—34). Очевидно, храм Анаит в Ерезе был особенно почитаем. Как указывает К. В. Тревер, область Екелеац — Акилисена, где находился этот город, носила также название Анаитакан³⁹. Когда Арташес I заболел, он, как сообщает Мовсес Хоренаци, отправил своего приближенного в Ерезу, «что в области Екелеац, в храм Артемиды, чтобы просить у богов исцеления и долгой жизни»⁴⁰.

По словам Страбона, римского историка I в. до н. э., «армяне в разных местах воздвигали храмы этой богине, в особенности замечательен, — пишет он, — храм в провинции Акилисены (Екелеац, г. Ерез). При этом храме находятся не только лица обоего пола, посвятившие себя служению богине, что вещь естественная, но и самые знатные семейства по-

³² К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 87, 88.

³³ «История армянского народа», ч. I. Ереван, 1951, стр. 58.

³⁴ Моисей Хоренский. Указ. соч., кн. II, гл. 12, стр. 64.

³⁵ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 104—105 со ссылкой на Моисея Хоренского (кн. II, гл. 8).

³⁶ Моисей Хоренский. Указ. соч., кн. II, гл. 12, стр. 65.

³⁷ Там же, гл. 14, стр. 67.

³⁸ Б. Н. Аракелян. Сюжетные рельефы Армении IV—VII веков. Ереван, 1949 (на арм. яз. с русск. резюме), стр. 23. Автор указывает также, что сведения Мовсеса Хоренаци не вполне точны. Арташес I и Тигран II не участвовали в походах ни в Малую Азию, ни в Элладу. Статуи были получены Тиграном II, очевидно, как часть военной добычи от его союзника Митридата Понтийского. Б. Н. Аракелян на основании сообщений, которые он черпает у армянских историков, полагает, что в Армению за этот период было привезено одиннадцать статуй (там же, стр. 21).

³⁹ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 62.

⁴⁰ Моисей Хоренский. Указ. соч., кн. II, гл. 60, стр. 107.

свящают ей своих целомудренных дочерей. По закону этой страны, они могли выходить замуж не иначе, как после долговременного распутства, которому предавались они в храме Анаиты, да и никто не отказывался взять их в жены»⁴¹. Другими словами, культ и обряды, посвященные Анаит, были сходны с теми, которые известны как для Астарты, так и для других богинь плодородия.

Культ богини Анаит процветал до принятия в Армении христианства. От Агафангела, историка IV в., узнаем, как Григорий Просветитель (в конце III в.), насаждая христианство, разрушал храмы и уничтожал статуи древних армянских богов, главным образом Армазда, Анаит и Михра⁴². Сжигались и священные рощи. О том, что почитание дерева было, несомненно, связано с Анаит, свидетельствует также Агафангел: «Дал приказание, — говорит он, — царь (Трдат III) Григорию Просветителю, чтобы принесли венки и густые ветки деревьев в качестве даров (приношений) в капище, где находилось изображение Анаит»⁴³.

Как мы видели, богиня Анаит нередко упоминается в этот период под именем Артемиды, хотя и является армянским божеством. Действительно, имена местных богов в это время часто сливались с чужеземными, например: Михр — Гелиос — Аполлон, Геракл — Вераграпа — Вахаги, но из этого не следует, что они поглощались ими или теряли свое значение верховных божеств⁴⁴.

Вышеприведенные свидетельства позволяют говорить о том, что на всем протяжении эллинистического периода армянской культуры Анаит пользовалась высоким почитанием, ее храмы и статуи находились в Армавире, последовательно в Багаране и Арташате, Аштишате, очевидно, городе Артемиды (позднее Вагаршапат), Ани (Камах), Ерезе, в области Андзневаци, в месте, называемом Дарбнац-кар⁴⁵, вероятно, еще и в ряде других центров. Города Ани, Арташат, Ерез и Аштишат являлись в то время четырьмя из семи главных богомолий армян⁴⁶. Все эти культовые центры лежали на Евфрате, который считался священной рекой (кроме Арташата, построенного на Араксе).

Думаю, что все эти едва ли исчерпывающие сведения достаточны для того, чтобы показать значение культа богини плодородия Анаит и связанного с ним поклонения дереву. Важно также отметить, что в ее храмах стояли эллинистические статуи Артемиды, которые воспринимались как изображение армянской богини плодородия. Укажем в связи с этим на медную маску Анаит (Британский музей)⁴⁷, впрямь до систематических раскопок античных городов Армении являющуюся пока что одним из немногих памятников эллинистического искусства этой страны. Возможно, что часть сделанных в самой Армении «литых, кованых, тесаных, ваяных»⁴⁸ статуй, которые уничтожались Григорием Просветителем при насаждении христианства, также несли на себе отпечаток эллинистического искусства. По-видимому, образ богини Анаит

⁴¹ Страбон. География, кн. XI, гл. XIX. Перев. Н. А. Эмина.

⁴² К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 89 со ссылкой на Агафангела, § 134 (V. Langlois. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, t. I. Paris, 1868).

⁴³ А. Ш. Мнацаканян. Указ. соч., стр. 296. Со ссылкой на кн.: Агафангел. История Армении. Тифлис, 1909, стр. 30 (на арм. яз.).

⁴⁴ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 89.

⁴⁵ Б. Н. Аракелян. Указ. соч., стр. 22.

⁴⁶ Н. Я. Марр. Боги языческой Грузии по древнегрузинским источникам. — ЗВРАО, т. XIV, 1901, стр. 4.

⁴⁷ Б. Н. Аракелян. Указ. соч., рис. 2.

⁴⁸ Там же, стр. 23 (со ссылкой на Агафангела).

был известен в это время в разных вариантах, один из которых был возрожден в языческом его осмыслении в евангельской сцене «Входа в Иерусалим» армянских миниатюр XI в. Память о языческих верованиях и разрушенных капищах, на месте которых возводились христианские храмы, была жива в Армении и в V в. Так, историк этого столетия Фавстос Бузанд пишет: Даниил «был рукоположен в сан хорепископа великим Григорием (Просветителем), когда тот разрушил алтари капища Геракла, т. е. Вахагна, в местности по названию Аштишат, где положил впервые основание святой церкви»⁴⁹. Напомним, что там же до принятия христианства находился и храм Анаит. И далее: некий монах «жил на большой горе на месте богов (капищ), которые называют Атор Анахит — т. е. престол Анахиты»⁵⁰. После смерти католикоса Хусика (при царе Тигране, 338—345) «народ, — пишет Фавстос, — сбился с пути... расстрачивали свое время на занятия преосудительными искусствами, древними языческими обычаями. Они любили свои мифические песни, свои сказания, на них воспитывались, им верили и постоянно предавались им»⁵¹. Число подобных известий можно было бы увеличить. По-видимому, и на протяжении средневековья, несмотря на все разрушения, произведенные при насаждении христианства, эллинистическая традиция продолжала существовать, порою уже в переработанном виде; не исключено, что сохранялись и древние иллюстрированные рукописи, которые давали возможность на определенном этапе развития идеологии феодального общества сознательно возрождать запечатленные в них образы.

Такое предположение не кажется нам необоснованным, скорее оно подтверждает те выводы, которые вытекают из изучения армянского искусства X—XI вв. Особенно это относится к памятникам анийского круга. Напомним характерную для зодчества города Ани тех столетий тенденцию украшать здания прямоугольными порталами, круглой скульптурой (статуя царя Гагика I), вводить в архитектурное убранство эллинистические мотивы — аканфы, пальметки, меандр, овы. Едва ли можно сомневаться, что миниатюры знаменитого Эчмиадзинского евангелия (989 г.) были сделаны с хорошего образца V—VI вв.⁵² Конечно, художественная жизнь того времени была сложной и многообразной и не определялась одной этой тенденцией, существование которой тем не менее неоспоримо. Мы акцентируем именно ее в связи с образом обнаженной богини, являющимся предметом нашего изучения.

Эта же тенденция в аспекте, несколько отличном от памятников Ани, существовала в X в. и в искусстве Васпураканского царства, на что указывают, например, восходящие к образцам восточного эллинизма миниатюры евангелия Млке, датированного 902 г.

Напомним, что владения Арцрунидов в Малой Армении со столицей в Себастии были получены царем Сенекеримом взамен Васпураканского царства, которое он был вынужден отдать Византии. Несмотря на свое зависимое положение, Арцруниды продолжали именовать себя царями, хотя реально уже не являлись таковыми. Их владения были населены преимущественно армянами. Город Себастиа в определенный период служил резиденцией католикоса Петроса I; его преемник, Хачик II, плененный византийским императором, был освобожден с помощью Арцруни-

дов и до конца своих дней пребывал в их владениях. Очевидно, правители Себастийского княжества имели достаточный вес при Византийском дворе и умели в известной мере отстаивать национальную самостоятельность армян.

Надо думать, что по своим идеологическим устремлениям, в частности в области искусства, они так же, как и окружавшая их армянская знать, тяготели, хотя и с некоторым отставанием во времени, к тем нормам, которые определяли в значительной степени характер искусства в только что прекратившем (1045 г.) свое существование Багратидском царстве.

По-видимому, в скрипториях Себастии — столице княжества, где с 1053—1054 г. находился и католикос Петрос I, ярко выраженный эллинофил (думаем, не только по своей политической ориентации), — могла иметь место тенденция воскрешать с большим или меньшим успехом античную традицию на основе тех образцов, которые составляли культурное наследие страны.

Более детальный анализ этого вопроса не входит в задачи данной статьи. Здесь мы стремимся лишь обосновать возможность появления в армянской миниатюре XI в. интересующего нас эллинистического, хотя и древнего по своему происхождению, образа богини-матери, сохраняющего в христианском сюжете свое первоначальное осмысление. Действительно, в сцене «Входа в Иерусалим» богиня представлена в паре с умирающим и воскресающим богом — Христом, прообразом которого были возлюбленные богинь плодородия — Аттис и Адонис. Их закономерно подменил Христос, въезжающий в Иерусалим, где он должен претерпеть страдания, быть распятым, умереть и воскреснуть — для того, чтобы вместе с ним могла обновиться и природа. В этой связи логично было изобразить рядом с Христом богиню-мать, являющуюся духом дерева и растительности, соединение с которой обеспечивало (в соответствии с языческими представлениями) плодородие земле. Возможно, что вся эта концепция не осознавалась уже так четко в XI в., но тем не менее допускалась. Подчинением иконографическим нормам своего времени, указывающим на искажение первоначального смысла, является изображение в евангелиях 1041 и 1045 гг. взбирающейся по стволу дерева второй женщины, заменившей обычного для этой сцены мальчика.

На этом можно было бы и закончить изучение заинтересовавшего нас образа богини-матери, если б не было весьма заманчивым проследить длительное переживание в Армении связанных с нею представлений, несомненно, зародившихся в народной среде еще в глубокой древности. Несмотря на ожесточенную борьбу христианской церкви с язычеством, образ богини-матери, чаще всего сливаясь с образом богородицы, продолжает жить в сознании армянского народа вплоть до XX в. и самостоятельно.

Так, сведения о приносящей дождь Нурии, прямое отношение которой к плодородию несомненно, в различных вариантах были записаны в Армении на протяжении XIX—XX вв. По-видимому, в стране, где урожай был поставлен в прямую зависимость от наличия воды, эта сторона божества растительности акцентировалась сильнее. Напомним, что и Анаит считалась покровительницей вод. Вместе с тем не может быть никакого сомнения в том, что и здесь перед нами пережиточно сохранившееся представление о богине плодородия, связанной также и с деревом.

Характерно, что чучело Нурии изготовлялось, например, в Ахалкалаки из укрепленной на деревянном шесте метлы. Чучело одевали в жен-

⁴⁹ Фавстос Бузанд. История Армении. Перев. М. А. Геворкяна. Ереван, 1953, кн. 3, гл. XIV, стр. 31—32.

⁵⁰ Там же, кн. 5, гл. XXV, стр. 168.

⁵¹ Там же, кн. 3, гл. XIII, стр. 29.

⁵² C. Nordenfalk. Die Spätantiken Kanontafeln. Götheborg, 1938, Textband, S. 82, 88.

скую одежду, а на голову набрасывали покрывало (рис. 10). К верхнему краю метлы прикреплялись деревянные руки. В Харберде и Ване это чучело делали из маленьких крестообразных досок и одевали его также в женские одежды. «Как видим, — пишет В. А. Бдоян, — главные составные части Нурина — метла и деревянные доски, одетые в женскую

Рис. 10. Нурин.

одежду». Во время засухи с Нурином обходили дома, ее обливали водой, чтобы шел дождь, пели песни, вот одна из них.

Процессия, несущая Нурина, останавливается у дверей дома и поет:

Нурин, Нурин пришла,
Шаль и рубашку одела,
Красный пояс завязала.
Дайте долю нашей Нурин,
Несите корытами муку,
Ситами воду носите.
Накормите нашу Нурина,
Будем есть, пить, устроим кейф.

Хозяйка дома отвечает:

Да будет твоя спина крепка,
Да будет крутой молотба,
Теплым пусть будет дождь,
Хлеб да будет богат.

Процессия:

Корыта и сита пусть будут полны,
Твой хлеб да будет богат,
Пусть не сможет срезать его коса⁵³.

Это женское божество в различных районах называется по-разному. Имя Нурина было распространено в областях восточной Армении. По-видимому, эта форма имени явилась наиболее распространенной в древности⁵⁴.

Интересны рассуждения Дж. Фрезера о почитании духа дерева, аналогичного духу растительности. «Дух дерева, — пишет автор, — часто представляется отдаленным от дерева, облеченным в человеческий образ. Однако существует весьма поучительная категория случаев, когда дух дерева представляется одновременно и в растительном и в человеческом облике, когда растительная и человеческая форма, сосуществуя рядом, как бы объясняют одна другую. В этих случаях человеческая форма духа дерева может приобрести вид куклы, марионетки или личности. Во всех этих случаях, однако, к этому образу обязательно присоединяется дерево или ветка — одна перевод другой»⁵⁵.

Подтверждением такого изображения духа растительности в Армении является один из вариантов почитаний той же богини плодородия под именем Мама-чичи. Во время засухи в армянском селении собиралось от десяти до двадцати старух, из них выбирали наиболее здоровую и крепкую, ее раздевали, оставляя только в нижнем белье, затем давали ей в руки большой деревянный крест, на который набрасывали сверху белую рубашку, покрывавшую не только крест, но и женщину до самых пят. Процессия во главе с Мама-чичи ходила от дома к дому, собирая дары. Потом изображавшую ее старуху обливали водой, она же должна была все время молчать, может быть, как статуя⁵⁶.

Тот факт, что женщину, изображавшую Мама-чичи, раздевали первоначально, очевидно, донага, дает основание думать, что и богиня представлялась обнаженной. Крест же воспроизводит образ дерева. Так, Григорий Татеваци, автор XIV в., рассматривает крест как древо жизни, а в древе жизни видит идею креста⁵⁷. Процветший крест, параллельный древу жизни, первоначально сочетавшемуся с представлением о богине-матери, широко представлен на армянских надгробиях-хачкарах (крест-камнях), где он изображается как символ воскресения.

Пережиточный образ обнаженного женского божества в связи с деревом сохранился в армянских сказках, с содержанием которых меня познакомил В. А. Бдоян. Согласно одной из них, бродившая в лесу красавица сирота остается голой. Сын короля находит ее на дереве, одевает и женится на ней. В другой сказке та же обнаженная девушка становится женой королевича, но у нее есть соперница, которая из зависти бросает ее в море и сама выходит замуж за королевича. Брошенная же в море молодая женщина превращается в чинару. Вторая жена требует, чтобы эту чинару срубили и сделали из нее колыбель для ее ребенка.

⁵³ В. А. Бдоян. Некоторые пережитки земледельческого культа у армян. Ереван, 1950 (на арм. яз. с русск. резюме), стр. 50—52.

⁵⁴ В. А. Бдоян связывает его с именем Цовинар, в которое входит понятие моря (цов) и женского божества Нар.

⁵⁵ Дж. Фрезер. Указ. соч., вып. I, стр. 152.

⁵⁶ В. А. Бдоян. Армянские народные игры, т. I. Ереван, 1963 (на арм. яз. с русск. резюме), стр. 163, 164.

⁵⁷ А. Ш. Мнацаканян. Указ. соч., стр. 188 со ссылкой на кн.: Григорий Татеваци. Книга вопросов. Константинополь, 1729 (на арм. яз.), стр. 768.

Из оставшихся стружек воскресает прежняя обнаженная девушка и восстанавливает свои права.

Напомним, что у многих народов чучело, изображающее умирающего бога, выбрасывают в воду, после чего бог должен вновь воскреснуть. Таким образом, отражения верований об умирающем и воскресающем божестве растительности в женском его образе, имеющем определенное отношение к дереву, сохранилось в армянских сказках вплоть до наших дней.

Сюжет изучаемых нами миниатюр в какой-то степени близок ко всем изложенным выше народным представлениям, что засвидетельствовано и поясняющей одну из них надписью. Если в евангелии 1057 г. надпись гласит galustn jer ger («Вход в Иерусалим»), то в евангелии 1045 г., в большей мере сохраняющем эллинистическую традицию, читаем sałkazard — цагказард — «украшение цветами»: это название праздника «Входа в Иерусалим», сохраняющееся у армян до настоящего времени. Несомненно, это весенний праздник обновления природы, слившийся с христианским. Напомним, что у русских он носил название «вербного воскресенья», т. е. имел прямое отношение к дереву, в изучаемых нами миниатюрах персонафицированному в образе богини. В. А. Бдоян отмечает, что в Армении «период весенних земледельческих работ был связан с рядом земледельческих праздников, в них выражалось обожествление владык земли — духов и растительных божеств, причем все это представлялось опосредственно через христианскую религию»⁵⁸. По словам того же автора, «армяне в этот праздник имели обычай украшать в церкви почитаемое ивовое дерево свежими и сухими фруктами, разноцветными кусками материи и т. д.»⁵⁹.

Украшение дерева свечами сопровождалось игрой детей на особом рокошущем инструменте — чер, или каркачи⁶⁰, специальными песнями, шумом и гвалтом; можно было подумать, что народ поклоняется статуе языческого бога⁶¹.

Ива является основным деревом, которое почитали армяне, хотя существовало поклонение и другим деревьям, например тополи, а также вообще дереву (сохраняющееся до настоящего времени). Об исконном почитании деревьев на Кавказе (Армения, Грузия) говорит и Н. Я. Марр. Древность поклонения дереву засвидетельствована таким пережитком в канонах христианской церкви, приписываемых Египте (армянский историк V в.), как запрещение вредить дереву даже тогда, когда оно причинило смерть⁶².

Интересен обычай, сохранявшийся до конца XIX в. в ряде малоазийских областей, населенных армянами, и в Тароне, т. е. как раз на

⁵⁸ В. А. Бдоян. Некоторые пережитки земледельческих культов, стр. 68, 69.

⁵⁹ В. А. Бдоян. Армянские народные игры, т. I, стр. 152, § 103 и стр. 154, рис. 43.

⁶⁰ Там же, стр. 152, § 102; А. Ш. Мнацаканян (указ. соч., стр. 296, рис. 647) приводит изображение из средневековой рукописи; автор считает, что это — идол богини-матери с поднятыми руками, в которых она держит свечи.

⁶¹ В. А. Бдоян. Армянские народные игры, т. I, стр. 153—155.

⁶² Н. Я. Марр. Еще о слове челеби. — ЗВО, т. XX, 1912, стр. 144. В Грузии название культа дуба, великого дуба — Чкондидели — сохранилось в титуле, который носили позднее крупные духовные феодалы, представители грузинской христианской церкви; очевидно, первоначально он принадлежал жрецам священного дуба. В адыгейском и мингрельском языках слово fege, обозначающее священный дуб, включает в себя позднее понятия «бог, икона, святой (святыня), церковь», fege magiani обозначает «святая Мария». Если возвратиться к первоначальному смыслу, имя Марии сочетается с деревом, в данном случае с дубом. А. Ш. Мнацаканян (указ. соч., стр. 296) приводит народную песнь, в которой есть такие строки: «Прозвело древо жизни, которое является богородицей».

интересующих нас территориях. Во время праздника Цагказарда маленькие мальчики и девочки (каждые в отдельности) делают человекоподобное чучело, которое называют Хучкурурук (разновидность Нурип), расписывают его, надевают на голову ему венок из цветов⁶³ и носят с улицы на улицу. Из окон или из ертика⁶⁴ чучело поливают водой, женщины дарят участникам процессии разную крупу, постное масло и др. Из этих продуктов дети готовят специальное кушанье.

Хучкурурук Цагказарда — женское божество, связанное с весенним праздником обновления природы, слившимся с праздником входа господня в Иерусалим, — полностью совпадает по своему осмыслению с богиней армянских миниатюр XI в.

Характерно, однако, что, за исключением рукописей, исполненных в Малой Азии, где образ богини эллинизован, в тех сравнительно редких случаях, когда нам удастся проследить наличие его в других средневековых памятниках, богиня появляется в своем архаическом варианте (фронтальное положение фигуры, согнутые в локтях и поднятые кверху руки, в которых богиня держит растительные атрибуты). Приведем несколько примеров из армянского средневекового искусства.

На стеле из Адиамана IV—V вв., т. е. первых столетий распространения христианства в Армении, на одной из сторон представлен крест, на другой, возможно, — женское божество плодородия, как бы вырастающее из аканфообразных пальметок. Богиня держит трапециевидную подставку с двумя розетками — символами⁶⁵ растительности. Судя по позе, не исключено, что изображение восходит к типу древней богини. В сцене «Входа в Иерусалим» образ богини-матери прослеживается в Ахпатском евангелии 1211 г.⁶⁶ (рис. 11). Миниатюре этой рукописи, исполненной в районе Ани, присущи реалистические черты (мальчики в современных евангелиях одежде срезают ветви деревьев и подают их не Христу, а женщинам). Тем не менее в нижней части ствола изображена фигура с фронтально повернутым торсом и согнутыми в локтях поднятыми вверх руками, в которых она держит ветки деревьев; одежды не сходны с одеждами мальчиков. Ствол дерева как бы прорастает через эту фигуру и, раздваиваясь, окружает ее голову. Лицо стерто, вероятно, сознательно, так как все остальные лица сохранились хорошо. В этой фигуре мы вправе видеть традиционное переживание образа богини-матери в его архаической иконографии.

А. Ш. Мнацаканян обратил внимание на существование, хотя и не в первоначальной чистоте, архаического образа богини-матери в маргиналах рукописей XII—XIV вв., происходящих из района Ванского озера, Сисакана и Гогтана, — как раз тех областей, где сильнее и дольше всего жили языческие представления, что явствует и из фольклорного материала. По свидетельству Мовсеса Хоренаци, армянские рапсоды пели свои эпические песни именно в Гогтане⁶⁷.

Безусловный интерес представляют для нас маргиналы рукописи Матенадарана, № 7451, л. 353 (Чашоц, 1320 г., место написания неизвестно), где сохраняется образ богини-матери в ее фронтальной постановке — руки разведены в разные стороны и несколько согнуты в локтях, кисти словно держат ветки. Даже в прическе (два локона по сторонам)

⁶³ В. А. Бдоян. Армянские народные игры, т. I, стр. 164.

⁶⁴ Ертик — отверстие в кровле крестьянского дома-карадама; служило для выхода дыма и освещения.

⁶⁵ А. Ш. Мнацаканян. Указ. соч., стр. 62, рис. 181.

⁶⁶ Л. А. Дурново. Древнеармянская миниатюра. Ереван, 1952, табл. 17.

⁶⁷ Моисей Хоренский. Указ. соч., гл. 49.

Рис. 11. Вход Господень в Иерусалим. Ахпатское ев. 1211 г.

Նկ. 632

սկան մտտիվները որդե-
սրինվում է պողաբերու-
րնդգծվում է կենաց ծա-
տրվում մերթ ամբողջա-
դեմքի և մարմնի որոշ
պիսիւներից է. օրինակ,
ուսանցազարդը (Նկ. 631):
ն նախամոր գլուխը նրա
ած են, իսկ մանկան կամ
րինված է միայն պողա-

թերթում նախամոր կամ

Рис. 12. Маргиналы армянских рукописей.

сохраняются «хаторические» признаки⁶⁸ (рис. 12, слева). Примерно в том же типе изображена богиня-мать в рукописи Матенадарана, № 4674, л. 4846 (Толкование 1333 г., Ахтамар)⁶⁹ (рис. 12, справа). Чаще, по-видимому, этот образ появляется уже рудиментарно — в сложную орнаментально-растительную композицию вплетается женская голова⁷⁰.

Все это подтверждает устойчивость в сознании армянского народа интересующего нас комплекса, связанного с осмыслением основных жизненных процессов в их мифологической форме, в виде редкого исключения проявившегося в миниатюрах XI в.

⁶⁸ А. Ш. Мнацаканян. Указ. соч., стр. 291, рис. 632. Б. Н. Аракелян на стр. 114 указ. соч. обращает внимание на существование в искусстве древней Армении двух линий: одной — эллинизированной, другой, как он ее называет, — «яфетической», уходящей в глубь веков.

⁶⁹ А. Ш. Мнацаканян. Указ. соч., стр. 291, рис. 683.

⁷⁰ Там же, рис. 634—640. Рукопись Матенадарана, № 625, л. 135, 1336 г., Копатан в Гогтани; Матенадаран, № 4513, л. 3676; Матенадаран, № 4674, л. 162а, 1333 г., Ахтамар; Матенадаран, № 3767, л. 213а, 1309 г., Лим; Матенадаран, № 7482, л. 2436 и 245а, 1297 г., Сисакан, художник Григорий Татеваци, 1378 г. и Матенадаран, № 6257, л. 176, 1336 г., Копатан в Гогтани.

В. Д. ЛИХАЧЕВА

РОЛЬ БЫТОВЫХ РЕАЛИЙ И ПЕЙЗАЖА
В МИНИАТЮРАХ РУКОПИСИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ гр. № 243

Рукопись Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина гр. № 243, (1450) г., подробно не разбиравшаяся до сих пор в литературе, представляет творения аввы Исаяи. Ее сорок восемь миниатюр отличаются обилием бытовых деталей и вниманием к пейзажу. Все иллюстрации свидетельствуют о стремлении автора к передаче настроения. Эти черты делают их типичными произведениями палеологовского искусства. Миниатюры творений аввы Исаяи дают возможность проследить художественное значение бытовых реалий и пейзажа в произведениях искусства этого времени.

Рукопись состоит из двух томов. На первом листе бумаги, вклеенном в рукопись второго тома вместе с переплетом, находится надпись: «Рукопись 1450 года (это напечатано на 114-й странице)¹. Принадлежала Елене Кателузене, великой госпоже города Эноса во Фракии, супротив Афона. А мне, Порфирию, досталась в Иерусалиме. Там она валялась в паперти Архангельского м(онастыр)я², в котором помещалась наша духовн(ая) миссия с 1848 года по май м(еся)ц 1854 года».

В 1883 г. вместе со всем собранием Порфирия Успенского рукопись поступила в Публичную библиотеку³.

Как полагает Порфирий Успенский⁴, в X в. монах Исаяя изложил учение египетских авв и амм⁵ для молчальницы Феодоры Ангелины Фокаитиссы. Это творение Исаяи представляет собой матерник, или митерик (τὸ μητερικόν)⁶. Первая половина первого тома рукописи гр. № 243 содержит изречения и поучения этих авв и амм. Конец первого тома и весь второй том занят посланиями монаха Исаяи к монахине Феодоре.

Как указывает Ж. Гийар⁷, существует шесть кодексов книги аввы Исаяи: рукопись Ксенофского монастыря на Афоне, № 736 (XIV—

¹ Вычисление года дано на листе рукописи Порфирием Успенским:

6958	6958
5508	5507
1450	1451

² Здесь и далее скобки отмечают сокращения слов, сделанные Порфирием Успенским.

³ «Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1883 год». СПб., 1885.

⁴ П. Успенский. История Афона, ч. III. Киев, 1877, стр. 134.

⁵ Аввами и аммами Порфирий называет молчальников.

⁶ Матерником, или митериком, Порфирий Успенский называет сборник, содержащий жития монахинь, отличая его таким образом от патерика.

⁷ J. Guillard. Une compilation spirituelle du XIII-e siècle. — «Le livre II de l'abbé Isaie». — EO, № 38, 1939, p. 73.

XV вв.)⁸, Лесбосского монастыря Иоанна Богослова, № 9 (XIV—XV вв.)⁹, Иверского монастыря на Афоне, № 4652 (XVI в.)¹⁰, монастыря Пантелеймона на Афоне, № 6685 (XVII в.)¹¹, Публичной библиотеки гр. № 243, Парижской Национальной библиотеки (1787 г.)¹².

Рукопись Государственной публичной библиотеки представляет датированный и один из самых ранних сохранившихся списков творений аввы Исаяи. Среди остальных кодексов она выделяется своей сохранностью, дающей возможность довольно полно прочитать текст, в котором почти отсутствуют новогреческие приписки. Пояснение текста миниатюрами также ставит ее особняком среди других уцелевших экземпляров творений Исаяи.

В отличие от Порфирия Успенского Ж. Гийар¹³, а вслед за ним Г. Г. Бек¹⁴ убедительно доказывают, что Исаяя писал свой митерик не в X в., а около 1200 г. Он предназначал свои духовные письма монахине Феодоре Ангелине, дочери Исаака II Ангела (1185—1195). Порфирий Успенский¹⁵ называет монаха Исаяю исихастом. Ж. Гийар¹⁶ относит творчество Исаяи к переходному этапу между Симеоном Новым Богословом (917—1022) и исихастами XIV в. Иной точки зрения придерживается Г. Г. Бек¹⁷, выражающий сомнения в том, что Исаяя был предшественником исихазма¹⁸.

Разбирая текст митерика, Ж. Гийар¹⁹ справедливо отметил его анахронизмы. Амма Феодора (V в.) ведет беседы с Саррой, Антонием, Афанасием, жившим в IV в. Автор митерика смешивает Исаяю — апохорета IV в. с его тезкой — монофиситом V в.

Тома рукописи Государственной публичной библиотеки включают 121 и 135 листов размером 0,135 × 0,195 см. Оба тома переплетены в красную кожу с золотым растительным орнаментом по краям и пальметочным тиснением в центре. Вместе с переплетом в рукопись были вклеены листы бумаги. На ту же бумагу в некоторых местах наклеены порванные страницы текста. Судя по стилю, переплет относится ко второй половине XIX в. и, возможно, был изготовлен по заказу Порфирия Успенского, которым, очевидно, и была проведена указанная реставрация рукописи. Он же сделал две аналогичные друг другу надписи в начале каждого тома. Несколько более подробная надпись второго тома была приведена выше.

Сохранность рукописи не совсем удовлетворительна. В первом томе на листах 9, 23, 44, 48, 50, 60—64, 68, 79, 81, 84, 85, 109 иллюстрации были вырезаны еще до поступления рукописи в собрание Порфирия Успенского.

⁸ S. P. Lambros. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, v. I. Cambridge, 1900, p. 65.

⁹ Α. Παπαδόπουλος - Κεραμεύς. Μαυρογράφειος βιβλιοθήκη. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1884, σελ. 149.

¹⁰ S. P. Lambros. Op. cit., v. II. Cambridge, 1900, p. 165.

¹¹ A. Ehrhard. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homelischen Literatur der Griechischen Kirche. Leipzig, 1936—1937, Bd. I, S. XXVI.

¹² J. Guillard. Op. cit.

¹³ Ibid., p. 72.

¹⁴ H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 645.

¹⁵ П. Успенский. История Афона, ч. III, стр. 134.

¹⁶ J. Guillard. Op. cit., p. 72.

¹⁷ H. G. Beck. Op. cit., S. 645.

¹⁸ В. Лосский (W. Lossky). Essai sur la théologie mystique de l'église d'Orient. Paris, 1944, p. 65—86) и Ж. Мейендорф (J. Meyendorff. St. Grégoire Palamas et la mystique Orthodoxe. Paris, 1959, p. 14—15) подчеркивают, что у исихастов были предшественники, однако не упоминают аввы Исаяи.

¹⁹ J. Guillard. Op. cit., p. 77.

Многие листы порваны, и в некоторых местах под действием сырости затекли чернила. Листы 15—22, 26—30 второго тома вырваны. Бумага рукописи гр. № 243 имеет водяной знак «ножницы», который приведен Н. П. Лихачевым²⁰ как образец филигранный конца XIV—начала XV в. Н. П. Лихачев²¹ отнес бумагу разбираемого кодекса к типу vergeures мелкие.

Текст творений аввы Исаяи (рукопись гр. № 243) написан темно-коричневыми железистыми чернилами. На каждом листе располагается 19 строк. В некоторых местах (л. 113 второго тома, л. 121 об. первого тома) конец главы отмечен уменьшением длины строк. Поля довольно узкие, причем нижнее поле несколько шире бокового и верхнего, что создает известное впечатление устойчивости положения текста на листе. Рукой писца сделаны небольшие и немногочисленные инициалы. Чернилами, которыми они написаны, светлее чернил текста. Теми же светло-коричневыми чернилами выполнены разделительные знаки в тексте и единственная заставка рукописи. Она расположена на первом листе первого тома и представляет собой небрежно нарисованную плетенку. Образующие ее светло-коричневые ремни чередуются с оставленными в цвете бумаги. Инициалы отмечены сужением и утолщением создающих их линий, которые обычно оканчиваются кружками. В рукописи встречается несколько инициалов того же типа, что и указанные выше, но выполненных красными чернилами (лл. 2 об., 75 об., 111 первого тома). В некоторых местах писец украсил поле рукописи орнаментом в виде извилистого короткого стебля, выполнив его светло-коричневыми чернилами заглавных букв (л. 132 второго тома) и иногда связав его с инициалом (л. 78 первого тома). На л. 121 второго тома рядом с религиозно-нравственными изречениями другой писец приписал на поле кодекса: Νίλω (Νείλω!) ρουαχό. Ниже Порфирий Успенский добавил: «В древней рукописи пергамин(ной) Савин(ова) монаст(ыря)²² сии главы приписаны Исихию Иерусалимскому». На листах 32 об. и 82 об. первого тома в позднее время неумело, очевидно, одним из читателей рукописи, черными чернилами нарисована рука, указывающая на определенное место текста.

Почерк рукописи гр. № 243 представляет собой минускульное письмо, относящееся к группе книжного курсива²³. Этим почерком написаны рукописи, датируемые серединой XIII—серединой XV в. Он представляет собой беглый минускул²⁴. Однако буквы стоят вертикально, без наклона. Введение многочисленных сокращений и большое разнообразие форм букв типичны для этого времени. Соединение сокращений и ударений непосредственно с самими строчными буквами, ранее являвшееся лишь исключением, теперь становится обычным.

Первая половина первого тома творений аввы Исаяи гр. № 243 была обильно иллюстрирована. Сорок восемь миниатюр сохранились — частично или полностью — до наших дней. Они относятся к изречениям египетских авв и амм. Сам текст почти не давал миниатюристу материала, который мог бы быть им использован для рисунков. Обращения

²⁰ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. III. СПб., 1889, табл. СХI.

²¹ Там же, т. I, стр. 65. Измельченная и хорошо промытая бумажная масса ровно растекается по продольным и поперечным нитям формы, так называемым vergeures и pontuseaux.

²² Монастырь св. Саввы в Иерусалиме.

²³ Е. Э. Гранстрем. К вопросу о византийском минускуле. — ВВ, XIII, 1958, стр. 227.

²⁴ В. А. Van Groningen. Schort Manual of Greek Palaeography. Leiden, 1955, p. 41.

одной монахини к другой за советом и ответные послания последней, проповедующие безмолвие, однообразны по содержанию. Но скудость материала, пригодного для иллюстрации, контрастирует с богатой фантазией миниатюриста. Безымянный иллюстратор середины XIV в. сумел создать разнообразные по своему содержанию миниатюры, которые наглядно раскрывают текст и в известной мере обогащают его. Эти обстоятельства в соединении с тем, что иллюстратор точно следовал тексту, позволяют считать миниатюры рукописи гр. № 243 типичными книжными иллюстрациями.

Скромное оформление рукописи указывает на ее провинциальное происхождение. В ней полностью отсутствуют золото и пурпур. Равнодушные миниатюриста к богатой орнаментации, характерной для палеологовского периода²⁵, также подтверждает вывод, что она была создана не в столице. Рукописи присуща вялость цвета, выразившаяся в частности, в том, что зеленая краска не представлена, как обычно в поздне-византийской миниатюре, различными оттенками²⁶. Названная особенность и любовь к коричневому тону, появляющемуся редко в живописи этого периода²⁷, свидетельствуют, что миниатюры творений аввы Исайи возникли в провинциальном центре. Все иллюстрации были выполнены одним художником. Об этом можно судить по однообразному изображению лиц с маленькими глазами и округлыми бровями. Длинные пальцы он передает несколько неровной линией, вводя тем самым в них легкое движение. Автор миниатюр любит жест открытой ладони с прямо поставленным большим пальцем. Острые углы складок одежды, скал, волнистые длинные линии архитектуры выдают его решительный почерк.

Художник рисовал пером. Черными чернилами он проводил контуры архитектурных сооружений, очерчивал фигуры людей, складки их одежды, уровень почвы. В некоторых случаях той же линией пера намечена полная или частичная рамка миниатюры. Свободной широкой кистью автор заполняет контуры. Акварель ложится не локально и плоско, но с небольшими переходами цвета. Стремление передать объем особенно заметно при высветлении выполненных в античной традиции складок одежды. Розовые или серые тени подчеркивают округлость лиц. Эти особенности стиля мастера указывают на XV в. Типично палеологовским является сочетание легко и умело переданной прямой перспективы верхней части стен и крыш с отсутствием ее в нижней части здания. Место соприкосновения строения с почвой обычно отмечено прямой линией, уничтожающей полностью объем. То же несоответствие наблюдается при передаче толщины стены, прорезанной окном. Глубина нарушается постановкой ног параллельно нижнему краю иллюстрации. Неудача иногда постигает художника при изображении одной фигуры сзади другой. На иллюстрации л. 56 об. скамейки, где сидят монахи, приподняты над уровнем почвы, поскольку художник хотел их показать на фоне угла здания. Свобода и непринужденность поз, объединение человеческой фигуры с архитектурными и пейзажными фонами в единое целое указывают на палеологовское время. Аскетизм, проповедуемый аввой Исайей, подчеркивается скупостью цветовых отношений. Колорит строится на сочетании черно-коричневой одежды монахов с тускло-зеленой травой и деревьями. Довольно однообразна и композиция миниатюр, которые разворачиваются по фризу.

Между тем миниатюры производят впечатление разнообразия и отличаются живостью. Характерной чертой для всех иллюстраций является обилие многочисленных бытовых подробностей. В средневековом искусстве миниатюрная живопись всегда (в сравнении с иконами, фресками и мозаиками) выделялась любовным отношением ее творцов к быту. При иллюстрировании рукописного текста художник почти не был связан каноном. Эта свобода не только давала возможность проявляться его фантазии, но заставляла его прежде всего обращаться непосредственно к жизни. Однако если украшение миниатюрами евангелий, псалтирей, менологий, октаевых было в известной мере связано с необходимостью использования существующих образцов, которые сковывали художника, то можно смело сказать, что автор иллюстраций митрика был в некоторой степени свободен. Строго следуя скудным сведениям о бытовых деталях, содержащимся в рукописи аввы Исайи, художник обращался к элементам архитектуры, мебели, пейзажа, на которые не было указаний в тексте, и брал их непосредственно из жизни. Миниатюры дают такие же полные сведения о византийском быте, как и греческая агиография, представляющая важный культурно-исторический источник.

В одном из посланий Феодоре сказано: «Никогда не скидывай мантии»²⁸. На всех иллюстрациях художник изобразил монахинь в коротких или длинных черных и коричневых мантиях. Это обычная одежда византийских монахов, о которой можно судить по миниатюрам «Лествицы» Иоанна Климaksa (Венская Национальная библиотека Theol. gr. 207, XIV в.)²⁹. На л. 5 об. рукописи гр. № 243 изображена Феодора, спрашивающая Сарру о том, что ей делать, когда «одолевают ее помыслы». Феодора представлена в коричневом длинном платье и в черной короткой, с многочисленными складками мантии. На ее голове — спускающийся на плечи коричневый платок. В таких же черных или коричневых платках, платьях и мантиях представлены на иллюстрациях монахини Мелания (л. 28), Пелагея (л. 12), Матрона (л. 15), Синклития (л. 23). В черные и коричневые плащи облачены монахи, изображенные на л. 32 об., где иллюстрируется рассказ Феодоры: «Говорил один из отцов, что живут вечные братья в молчании и умерщвлении плоти». На л. 49 священник, наклонившийся над уснувшей монахиней, показан в белой, сплошь покрытой черными крестами ризе, которая известна еще по миниатюрам омилий Иакова Коккиновафского (Ватиканская библиотека в Риме gr. 1162, XII в.)³⁰. На миниатюрах ангелы всегда представлены в античных легких хитонах. Ангелы-воины на л. 44 об. одеты в красное и зеленое платье, доходящее до колен. Его подол, ворот и поле отмечены широкой белой полосой, которая впереди украшена пуговицами. Царская дочь, увидевшая старую ключницу, о чем рассказывает Феодора, изображена на л. 47 об. в красном прямом платье с длинными узкими рукавами. Такая красная одежда в последние века Византии, как отмечает Ф. Кукулес³¹, называлась *τὰ σκάρλατα*.

На той же иллюстрации ключница держит в руках связку ключей, показанных черной линией, выполненной пером. Живо передана и другая бытовая подробность — прялка, заткнутая монахиней за пояс. Этот способ укрепления прялки давал возможность освободить обе руки, в ко-

²⁵ H. Gerstinger. Die griechische Buchmalerei. Wien, 1926, S. 41.

²⁶ J. J. Tikkanen. Studien über die Farbengebung in der mittelalterlichen Buchmalerei. Helsingfors, 1933, S. 208.

²⁷ J. J. Tikkanen. Op. cit., S. 210.

²⁸ Текст здесь и далее приводится в моем переводе (Б. Л.).

²⁹ P. Buberl, H. Gerstinger. Die byzantinischen Handschriften. Leipzig, 1938, Taf. XXXII, 2.

³⁰ S. Beissel. Vaticanische Miniaturen. Freiburg, 1893, Taf. XV.

³¹ Ph. Koukoules. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς, τ. Β'. Athènes, 1948, p. 37.

торых монахиня держит нити пряжи. Миниатюра, изображающая сцену прядения, находится на л. 25 об. и относится к тексту, гласящему, что некая монахиня вспомнила домашние дела, увидав другую монахиню. Изображение прядения встречается на византийских миниатюрах довольно часто. Процесс ткачества и прядения представлен на иллюстрации рукописи Иерусалимской Патриаршей библиотеки № 5 (XIII в.)³². Прялки делали из дерева, чаще всего из самшита³³. На л. 52 об. показан сосуд на огне. В тексте он назван ἡ χύτρα, что означает особый глиняный горшок с двумя ушками. На миниатюре глина отмечена светло-коричневой окраской. Горшок представлен довольно большим, со сложной профилировкой.

Иллюстрации на листах 61 и 61 об. показывают обнаженных продажных женщин, спрятавшихся в пифосе. Тулово пифоса на л. 61 об. опоясывает тонкая лента орнамента. Пифос изображен в перспективной проекции, но его горло, из которого по пояс высунулась женщина, показано ортогонально.

Такие же пифосы, относящиеся к позднему периоду истории Византии, довольно часто находят во время раскопок в Херсонесе. Они составляют почти обязательную принадлежность херсонесских жилых усадеб и стоят обычно в кладовых. Эти пифосы однообразны по форме и отличаются друг от друга размером. Самые большие из них имеют высоту в 1,20 м при диаметре корпуса 0,90 м³⁴.

Глубокая лодка, сколоченная из узких досок, изображена на л. 61. Она плывет по волнам, в глубину которых опущены тонкие, расширяющиеся книзу весла. Такая же лодка с веслами вырезана на моливдовуле Государственного Эрмитажа М-8033. Византийские миниатюры дают представление о разнообразии существовавших в Византии форм лодок. Мелкая лодка с высоким круто загнутым носом и длинными веслами представлена на миниатюре хроники Иоанна Скилицы Эскориала в Мадриде (5—3, № 2) (XIII в.)³⁵, изображения различных по формам лодок находятся в евангелии Парижской Национальной библиотеки gr. № 74 (XI в.)³⁶.

Столь же интересно изображение мебели. Чрезвычайно разнообразны по формам скамейки, на которых во время своих бесед сидят монахи и монахини. Они относятся к типу τὰ σκάμια или τὰ χαρνία³⁷. На л. 16 нарисована Матрона, отдыхающая на круглой белой скамейке без спинки. Монах Антоний сидит на полукруглом стуле (л. 21) или на квадратной скамье (л. 20 об.). Перед Феодорой на листах 18 и 37 об. изображен коричневый деревянный пюпитр, ножка которого имеет сложный профиль. На пюпитре лежит толстая книга, которую читала монахиня. Большинство святых выступают в греческой агиографии умеющими читать и писать³⁸. Такие же толстые небольшие книги показаны на л. 54 об., где рассказывается об осквернителях книг. На миниатюрах часто изображены циновки (лл. 47, 49 об.), о плетении которых в монастырях рассказывают агиографические источники³⁹.

³² W. H. Hatch. Greek and Syrian Miniatures in Jerusalem. Cambridge, 1931. pl. LXIII.

³³ Ph. Koukoules. Op. cit., p. 114.

³⁴ А. Л. Яковсон. Позднесредневековый Херсонес. — «Очерки истории материальной культуры и археологии СССР», № 17, 1950, стр. 107, рис. 63, 64, 65, 66.

³⁵ G. L. de Beulie. L'Habitation byzantine. Paris, 1903, p. 117.

³⁶ M. H. Oumont. Evangiles avec peintures byzantines du XI-e siècle. Paris, 1940, t. II, pl. 184, 185.

³⁷ Ph. Koukoules. Op. cit., p. 78.

³⁸ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 98.

³⁹ Там же, стр. 147.

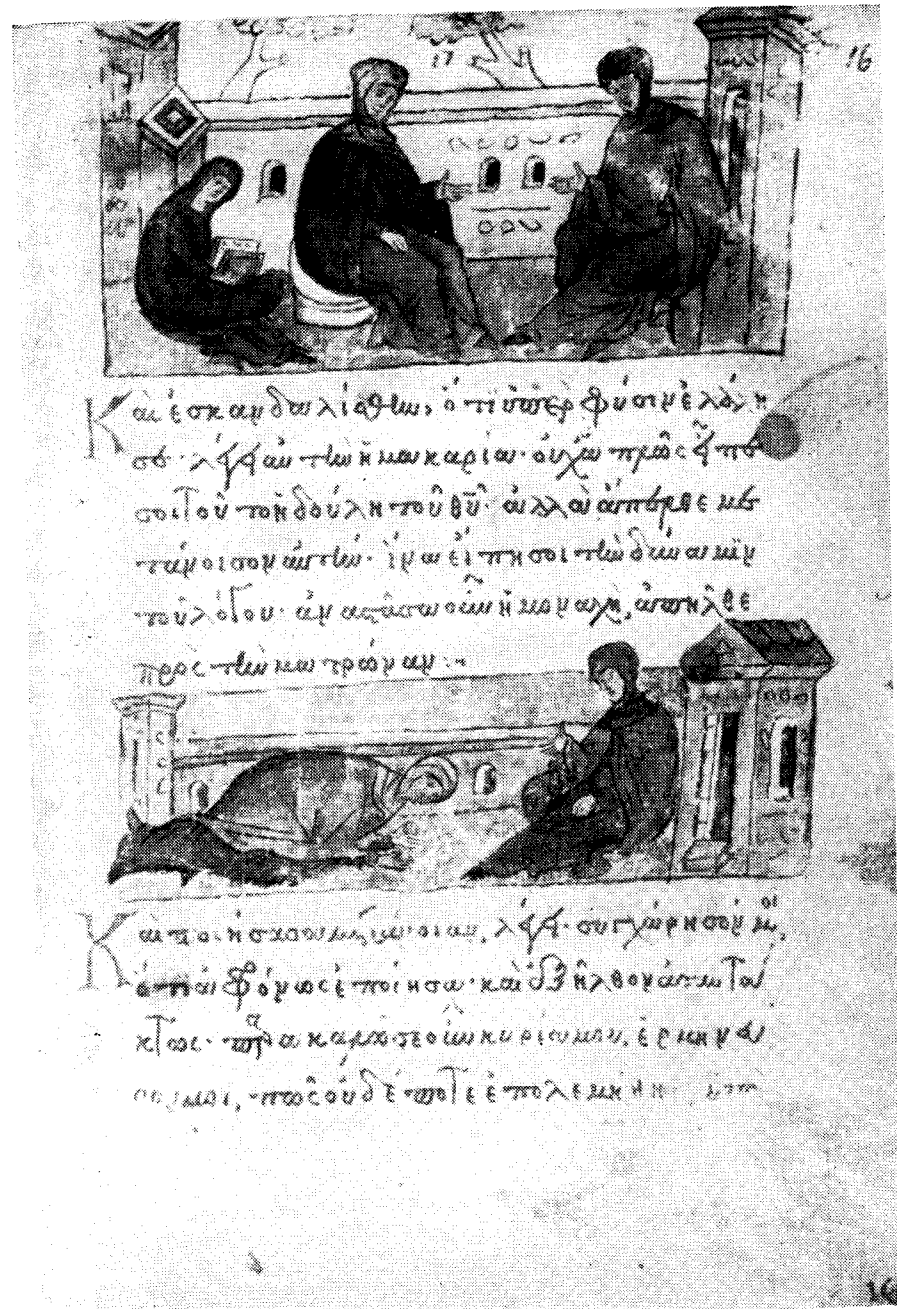

Рис. 1. Лист 16 рукописи Государственной публичной библиотеки гр. № 243.

Кроме многочисленных бытовых подробностей, все иллюстрации объединяет интерес автора к пейзажу. Иногда это лишь зеленая полоса почвы. На л. 16 миниатюра изображает монахиню, преклонившуюся перед другой, сидящей на скамье. Действие разворачивается на фоне узкой и длинной монастырской стены. Монахиня низко нагнулась. Справа и слева иллюстрация ограничена двумя крепостными башнями, отличающимися в соответствии с простотой пейзажа строгой архитектурой. Их высота совпадает с уровнем головы сидящей монахини. За узкой стеной до высоты башен изображена зеленая трава. Отсутствие деревьев, простота архитектуры, широкая зеленая ровная полоса травы, доминирующая по цвету в композиции, создают впечатление легкости и лиризма. Те же особенности могут быть отмечены и в иллюстрации на л. 20.

Иную роль выполняет пейзаж в миниатюре на л. 3 об. Здесь архитектурный комплекс, среди которого изображены Мелания и пришедшая к ней сестра, отличается большой декоративностью и даже пышностью форм, напоминающая мозаики Кахриэ Джами (Благовещение Елизавете)⁴⁰. За низкой стеной с прямоугольными башнями, рядом с которой разворачивается действие, изображена более высокая стена. Ее пререзают слева две башни. Одна из них перекрыта коробовым сводом. Другая, находящаяся рядом, имеет двускатное покрытие. Крыши обеих башен облицованы яркосиней черепицей, декоративно сочетающейся с красным, смело переброшенным велумом. Как известно, в палеологовской живописи изображение велума находит широкое применение. В данной миниатюре пространство между низкой стеной и велумом заполнено двумя деревьями с зеленой пышной кроной. Сама монахиня в красно-синих одеждах на фоне столь богатого архитектурного пейзажа выглядит властной и значительной.

Прямым контрастом к только что указанной иллюстрации является миниатюра на л. 19 об. Читающая священную книгу монахиня нарисована на фоне глубокой черной пещеры. Обрамляющие пещеру скалы показаны острыми углами. Обе монахини представлены печально сидящими прямо на зеленой траве. Рядом со скалой — простая стена с башней. Она окрашена в тот же коричневый цвет, как скала и деревья зади нее. Черно-коричневая одежда монахинь и выдержанный в тех же цветах пейзаж подчеркивают строгий и суровый аскетизм монашеской жизни. Такая же мрачная пещера представлена в росписи церкви Дечани (XIV век) в сцене похорон Авеля.

Интересной находкой художника является подчеркивание жестов рук монахинь, обращенных друг к другу, с помощью резко склонившихся над ними деревьев. Они изображены параллельно протянутым рукам (л. 6). На л. 17 об. боковые края композиции уравновешены двумя фигурами монахинь, прямо сидящих на фоне высоких башен. Оказавшийся таким образом свободным центр занят деревом с широкой зеленой кроной. Вертикальное положение стоящих монахов и Сарры подчеркнуто тремя высокими и узкими деревьями между ними (л. 25). На л. 32 об. между сидящими и склонившими друг к другу головы монахами изображены деревья с горизонтально вытянутыми кронами.

Эти композиционные и колористические особенности пейзажа рукописи гр. № 243 являются характерной чертой палеологовской живописи. Пейзаж в это время начинает играть активную роль в построении композиции наряду с человеческими фигурами и деталями быта. Но в отличие от бытовых реалий пейзаж прежде всего имеет основное значение в создании определенного настроения, отличающего каждую миниатюру.

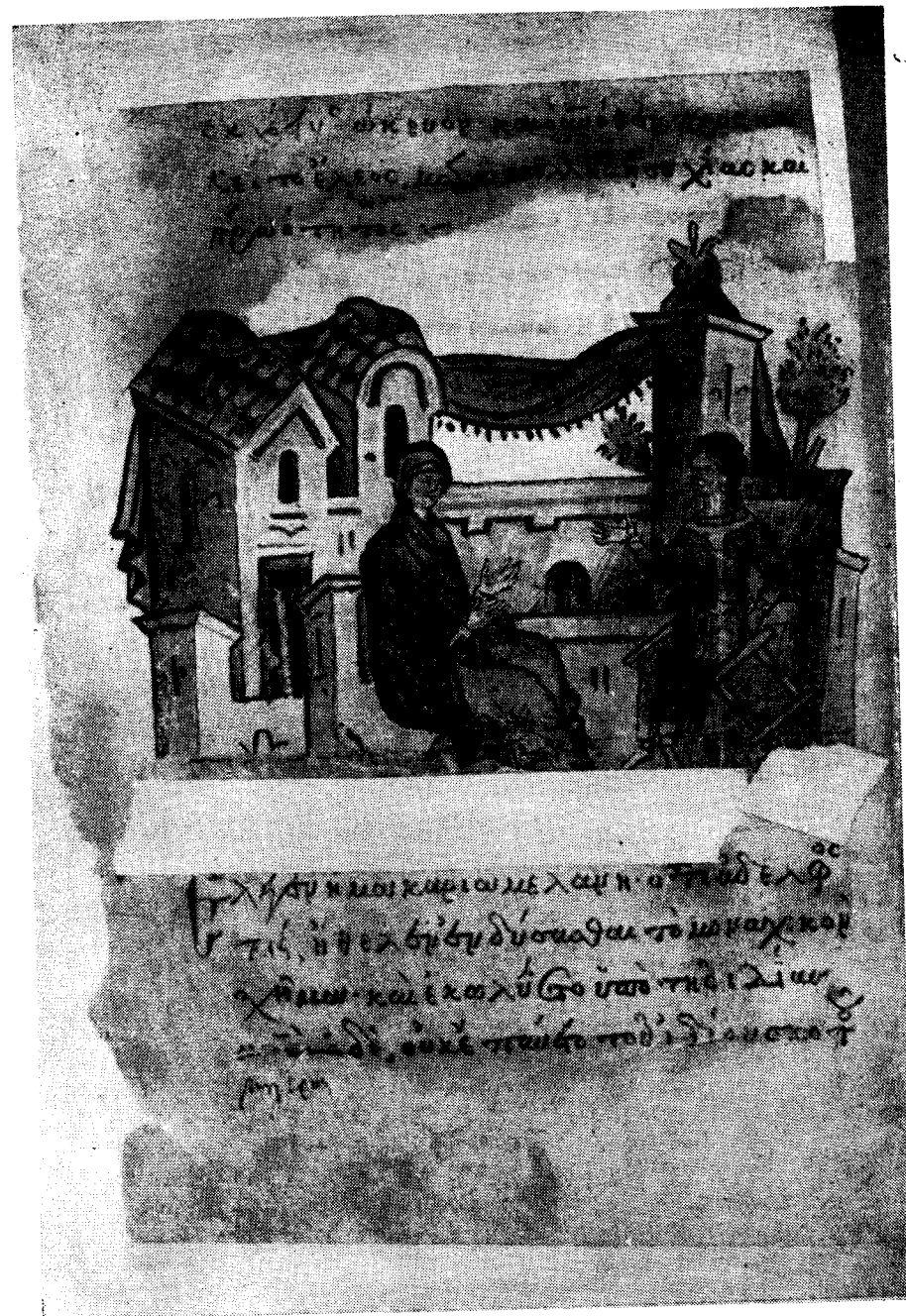

Рис. 2. Лист. 3об. рукописи Государственной публичной библиотеки гр. № 243.

⁴⁰ D. Talbot Rice. The Art of Byzantium. London, 1959, pl. 183.

καθ' ἡμέραν καὶ ἔρχεται ὁ Χρῆστος εἰς τὴν πόλιν
 καὶ τὴν πόλιν οὐδὲν αἰσθάνεται τῆς παρουσίας
 αὐτοῦ γὰρ τὸ θεοῦ σὺν δὲν κείναις ψάλλουσιν,
 ὅτι ἡ καρδία μου ὁδὸς, ἐστὶν ἡ καρδία
 μου. ὡς οὐχὶ καὶ σὺ τῆν πόλιν τὴν οὐρανὴν
 αὐτῆς ἐστὶν καὶ αὐτῆς ἐλάττω, κραυγὴ
 μου ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἐκ τῆς γῆς ὡς ἡ
 οὐχὶ αὐτῆς ἐστὶν καὶ τὸ ἄλλο
 μέρος αὐτοῦ ὡς ἐκ τῆς γῆς ὡς ἡ
 καὶ σὺ τῆν πόλιν, ὅτι ἡ καρδία μου
 ὡς οὐχὶ καὶ σὺ τῆν πόλιν, ὡς οὐχὶ
 βεβαίως ὡς οὐχὶ καὶ σὺ τῆν πόλιν, ὅτι ὁ

Рис. 3. Лист 190б. рукописи Государственной публичной библиотеки гр. № 243.

Иную роль выполняет пейзаж в византийских миниатюрах до середины XIII в. В ранний византийский период, как указывает К. Вейцман⁴¹, добавление пейзажа к фигурным композициям, которые ранее не имели фона, происходило чисто механически. В VI в., в Россанском евангелии, деревья и здания не являются даже фоном, на котором разворачивается действие. Они лишь служат для определения того места, где происходит событие, и в построении композиции имеют декоративное назначение. Например, сцена въезда Христа в Иерусалим⁴² разворачивается по фризу. Слева изображение ограничено высоким деревом. Справа ему соответствуют узкие стены города.

От этих двух крайних точек идет движение к середине картины. Христос и люди рядом с ним встречаются в центре миниатюры с жителями города и воинами.

Совсем другой смысл получают пейзаж и архитектура в гомилиях Григория Назианзина (Парижская Национальная библиотека гр. № 510) (867—886 гг.)⁴³. Действие совершается уже среди деревьев, скал и построек. Количество пейзажных деталей возрастает. Они превалируют в изображении над фигурами людей. Многочисленные уступы хрупких скал сливаются с небольшими деревьями, с уплывающей из-под ног линией почвы. Сложные архитектурные формы соединяются с изображением людей, заполняя световые просветы между ними. Эту возросшую еще более по сравнению с предыдущим периодом декоративность пейзажа следует объяснить тем, что в средневизантийский период его начинает заменять орнаментальный фон⁴⁴.

Совершенно не связан еще с фигурами пейзаж в XII в. в октавехе Истамбула (Библиотека Тонкани Сарай, Codex 8⁴⁵), в гомилиях Иакова Коккиновафского (Парижская Национальная библиотека гр. № 1208⁴⁶). Здесь изображен экзотический пейзаж, который воспринимается отдельно от фигур. Подчеркнутая декоративность делает его, как и ранее, всего лишь абстрактным фоном действия.

Рассмотренные примеры показывают, что в палеологовский период число деталей пейзажа не увеличивается. Однако изменяется его функция — в XIII—XV вв. пейзаж становится активным элементом композиции. Действие разворачивается композиционно не на фоне, а среди пейзажа. Он приобретает основное значение в создании определенного построения. Эта возросшая активность пейзажа присуща палеологовским иконам и особенно произведениям монументальной живописи. Но именно сравнение ряда миниатюр, созданных одним художником, позволяет легче и полнее выявить указанные особенности палеологовского пейзажа. Богатство оттенков эмоционального воздействия на зрителя отдельных произведений иконописи и монументальной живописи в палеологовское время объясняется не только различием в них роли пейзажа, но и спецификой таланта каждого художника, создавшего их. В миниатюрах, принадлежащих одному автору, последняя особенность исчезает, и это дает возможность яснее подчеркнуть роль пейзажа.

Как уже указывалось, скудные в цвете и довольно примитивные по композиционным особенностям миниатюры производят впечатление разнообразия. Оно создается благодаря многочисленным бытовым подробностям и интересу к пейзажу. Возросшая роль последнего и разнообразие

⁴¹ K. Weitzmann. Illumination in Roll and Codex. Princeton, 1947, p. 101.

⁴² D. Talbot Rice. Op. cit., pl. 11.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ K. Weitzmann. Op. cit., p. 102.

⁴⁵ D. Talbot Rice. Op. cit., I, XX—XXI.

⁴⁶ Byzance et la France médiévale. Bibliothèque Nationale. Paris, 1958, pl. XVII.

его решений создают в византийском искусстве неосознанное стремление к эмоциональной характеристике произведения.

Оно присуще не только изобразительному искусству, но и литературе времени Палеологов. Византийская агиография XIV в. (Житие Григория Синаита, составленное его учеником Каллистом, Житие Ромилы, созданное Григорием, и др.) в отличие от произведений предшествующих веков богата сценами описания природы⁴⁷. Те же черты характерны для «Истории Византии» Иоанна Кантакузина⁴⁸ и Никифора Григоры. Описание Афона Никифора Григоры выделяется стремлением автора к передаче настроения: «Украшен Афон разнообразными деревьями, изобилует рощами и пестрыми лугами... Потоки, струящиеся там и сям, являются детьми тысячи ключей и соединяют спокойно и незаметно свои струи»⁴⁹.

⁴⁷ К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 267, 268.

⁴⁸ Γεώργιος ὁ Καντακουζηνός. Ἱστορίων. — PG, t. 148—189.

⁴⁹ Νικήφορος ὁ Γρηγοράς. Ῥωμαϊκὴ ἱστορία, II. — PG, t. 153—154.

Р. Д. ШУРИНОВА

КОПТСКАЯ ТКАНЬ V—VI вв. С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТОГО

Изображения молящихся в позе орант не являются редкостью на коптских тканях, не говоря уже о подобных изображениях на многочисленных саркофагах, надгробиях, в росписях катакомб, церквей, а также мозаиках. В пору раннего христианства эта поза, заимствованная еще у языческого искусства, прочно входит в христианскую символику.

Фигура молящегося в такой позе представлена на большом фрагменте льняной ткани из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, инв. № 1, 1а 6679¹. Черноволосый бородатый мужчина стоит во весь рост в фас. Туника скрывает фигуру почти до щиколоток. От плеч до подола тянутся полосы — клавы. Длинные рукава украшены у запястья двумя полосками, более узкими, чем клавы. Гиматий драпируется около талии, закрывая бедра. Нижний край его лежит косо, от правого колена поднимаясь к середине левого бедра. Один конец его, перекинутый через левое плечо назад и свисая вдоль левого бедра, закрывает левый бок, плечо и руку до локтя. Правое плечо прикрыто лишь краешком гиматия, заходящим со спины. По краям гиматий окаймлен широкой полосой. На нем на правом бедре, на левом предплечье и на конце, перекинутом за спину, выткана буква Н. Клавы туники и параллельный ему край гиматия образуют на груди вытянутый прямоугольник, узкие стороны которого ограничены сверху круглым вырезом ворота туники, снизу — полукругло изогнутым краем гиматия на талии. На ногах чулки и туфли с заостренными выступами, заходящими на подъем.

Слева, около ног, выткан синий кружок с равноконечным белым крестиком внутри, а еще дальше влево — большой крест. Его поперечная перекладина немного короче вертикальной, точка пересечения делит их строго пополам. Концы креста несколько расширены. Крест обведен светлым контуром, на нем светлые пятна, имитирующие инкрустацию камнями. Выше этого креста, на уровне поднятых рук молящегося, большая ветка с цветком и двумя бутонами по бокам. Над орантом размещен ряд крупных крестов, подобных находящемуся у ног (сохранились только два креста). Под перекладинами крестов по две ветки с тремя цветами. Выше крестов, как раз над промежутками между ними, изображены предметы, похожие на подвешенные маленькие корзиночки, по-видимому, светильники (лампады?)². Еще выше заметны остатки полосы горизонтального орнамента, ограниченного сверху черной полосой.

¹ В ГМИИ поступила в 1926 г. из Госфонда. Место находки неизвестно.

² Ср. с изображениями подвешенных кадил в капелле XVIII в. Бауите (J. Clédat. Le monastère et la nécropole de Baouît. Le Caire, 1904, pl. XCVI, XCVIII), а также на стеле Анны из Страсбурга (Institut d'Égyptologie de l'Université, inv. № 1687).

Рис. 1. Коптская ткань с изображением святого (V—VI вв.).

горизонтальный. Детали орнамента исполнены крупными стежками, фигура оранта — более мелкими. Так, три стежка на кресте покрывают до 1,4 см, а в фигуре — только 1 см. На изнанке орнамента (крест и пр.) получается негативный узор. Рисунок фигуры оранта сплошь заполнен ровными рядами настила. Одинаковой длины стежки закреплены через равные промежутки за нити основы, благодаря чему на изнанке образуются вертикальные полосы. Кроме того, с лицевой стороны настил прострочен вдоль рядов, как раз посередине их, тонкой, едва заметной ниткой.

Ткань сильно повреждена: во многих местах разрывы, края оборваны, имеются крупные и мелкие утраты ткани, общее пожелтение, пятна. От обилия солей ткань жесткая. Кое-где к ней пристали куски грубой мешковины.

О прежней, по-видимому, фризообразной композиции можно только догадываться. Вместе с попыткой реконструировать композицию встает вопрос о первоначальных размерах ткани и ее назначении. Судя по размерам изображения (высота фигуры 56 см, общие размеры фрагмента 87,5×43,4 см), ткань не могла быть одеждой. Вероятнее всего, это была завеса. Естественнее ожидать, что композиция была не однофигурная, но представляла ряд стоящих в позе орант святых. Подобные композиции

Судя по тому, как сохранились краски на изнанке ткани, узор не стлчался яркостью. Лицо и руки оранта были бледно-желтого цвета, теперь вылинявшего до кремового. На оранжевой тунике фиолетовые клады и полосы на манжетах. Желтый гиматий окаймлен синей полосой, буквы Н фиолетовые. Чулки желтоватые, туфли синие. Волосы черные, борода и усы сине-черные. Глаза коричневые. Контур фигуры также сделан коричневой ниткой, довольно крупными стежками. На крестах по синему фону белые и розовые кружки-жемчужины. Вокруг синего — кресты обведены цветным контуром: кресты верхнего ряда — желтым, крест около ног — желтым и оранжевым. Бутоны вокруг крестов бледно-розовые на синих веточках. На большой ветке центральный цветок крупнее бутонов, по краю он обведен белым. Светильники синие, внутри них — розовое пламя.

Льняная ткань простого плетения представляет собой грубое полотно, в котором на 1 см приходится в среднем двадцать нитей. Толстыми нитями того же льняного утка образованы поперечные рельефные полосы в двух местах. По этой некрашеной ткани цветной шерстью вышит узор. Настил вышивки гори-

с длинными рядами святых, апостолов, отцов церкви и прочих часты в росписях и мозаиках коптских, византийских и римских церквей. Выше и ниже такого фриза на нашей ткани следует ожидать расположение орнамента, так же ритмично протяженного в горизонтальном направлении (часть его сохранилась на ткани). Несомненно, рассматриваемая ткань является куском одной из будничных церковных завес, которые сохранились в весьма незначительном количестве не только в целом, но и во фрагментарном виде. Сведения о подобных завесах имеются у многих авторов раннего христианства и средневековья с IV по IX в.³ Некоторые из этих завес были получены церквями в дар от какого-нибудь императора. Завесы развешивались у входной двери, между колоннами нефов или против алтаря, отделяя от остальной части храма место, предназначенное только для служителей церкви. Дорогие шелковые завесы украшали церкви по праздникам. А в обычные дни для этой цели использовались более дешевые — льняные.

Представленный на ткани человек, по всей видимости, был вполне определенно подразумеваемым коптским святым, хотя никаких следов нимба не видно. В лице его вряд ли можно усмотреть какую-либо индивидуализацию. Но наличие сложившейся иконографии можно предположить в своеобразии расположения складок одежды, в манере драпировать гиматий, в характере украшений одежды. К сожалению, на ткани нет никаких надписей, которые нередко облегчают определение персонажей, изображенных на мозаиках, фресках, миниатюрах, а также на коптских тканях (например, Нил из собрания ГМИИ, Гэ из собрания Гос. Эрмитажа, Дионис и Ариадна из Венского музея и др.). Трехжды повторенная на гиматии буква Н не может помочь в этом смысле. Изображения различных букв алфавита (это могут быть I, L, X, H и др.) на одежде учеников Христа известны давно⁴ и практиковались в течение очень долгого периода, вплоть до IX в., а в отдельных случаях — до XII в.⁵ Но никакого отношения к именам персонажей, на одежде которых изображены эти буквы, они не имеют. Нет ли ответа на вопрос в цифровом значении букв? В коптском языке буквой Н обозначалось число 8, буквой I — 10, буквой X — 600 и т. д. Те же значения эти буквы имеют и в древнегреческом языке. Но некоторые из букв, изображавшихся на тканях, — латинские, например L = 50. Кроме того, значение других букв в латинском не совпадает с их цифровым значением в греческом и коптском вариантах: I = 1, X = 10. В таком случае одновременное использование греческих и латинских букв говорит только о том, что они не имели значения цифр. Кроме того, если сопоставить значение всех названных цифр, получается такой ряд чисел, в котором нельзя усмотреть никакой закономерности. Таким образом, попытка использовать цифровое значение буквы Н для истолкования образа святого на рассматриваемой ткани, его ранга и т. п. также не дает никаких результатов. Правильным представляется в данном случае мнение Морея, считающего, что помещение этих букв на одежде лишено какого-либо специального значения, они являются лишь орнаментом⁶.

³ Библиография, а также подробности относительно завес даны в статье: A. C. Weibel. Hellenistic and Coptic Textiles. — «The Art Quarterly», vol. XI, № 2, 1948.

⁴ Орнамент в виде букв на одежде см., например, в мозаиках церковью Сант-Аполлинаре Нуово и Сан-Витале в Равенне (VI в.), Санта-Мария Маджоре в Риме (V в.), в монастыре в Бауте (расцвет — V в.), в часовне с аллегорическими и библейскими фигурами в Эль-Багауате и др.

⁵ C. R. Morey. Notes on East Christian Miniatures. — «The Art Bulletin», vol. XI, № 1, 1929, p. 84.

Поиски ближайших параллелей изображению на рассматриваемой ткани приводят к росписям одной из капелл коптского монастыря в Бауите, а именно: капеллы XXVI, — где представлены святые, стоящие в позе орант. Третья фигура слева в тимпане западной стены⁷ представляет абсолютное совпадение с фигурой на нашей ткани. И на росписи, и на ткани точно повторяется манера драпироваться в гиматий, совершенно одинаковы все складки одежды, на тех же местах размещены вытканые буквы Н на гиматии (ведь в других случаях буквы-орнамент размещаются свободно, на любых местах). Единственное несоответствие — это изображение на росписи буквы Н и на правом плече оранта (чего нет на ткани), а также нимба. Роспись из Бауита очень важна для идентификации изображенного на ткани персонажа, потому что изображения святых здесь сопровождаются надписями. К сожалению, надпись около головы интересующего нас святого повреждена. Ж. Кледа приводит ее в своем исследовании в следующем виде: АПА СИЛВАН[Е]⁸. В прописке этой росписи, данной А. Бадави⁹, слева от головы «апы Сильване» помещены еще три буквы . . .ΛΛΥ, возможно, имеющие отношение к его имени (имена рядом стоящих фигур имеют форму: «апа Сильване патрос. . .» и др.). И хотя имя полностью не читается, тем не менее благодаря этой надписи становится очевидным, что на нашей ткани изображен совершенно определенный святой, а не абстрактная фигура.

Композиция росписи в целом схожа с тканью, хотя и подчиняется полукруглому завершению тимпана. Она подтверждает реконструкцию изображения на ткани в виде ряда орант. На росписи святые стоят в ряд строго в фас. Фигуры разделены между собой растениями с густыми листьями и с цветами на длинных стеблях. То же в ткани. Стилизованные ветки с цветами напоминают о тех растениях, которые имеются на росписи. Кроме них, вытканы еще кресты. Однако благодаря большой условности и геометризации фигуры здесь кажутся еще более изолированными, чем на росписи. Очень похоже, что бауитская роспись послужила образцом для нашей ткани.

Не менее отчетливы и различия между тканью и росписью. Конечно, узорчатые ткани подчиняются своим особым законам, которые диктуются техникой их исполнения. В данном случае узор подчиняется строго горизонтальному и вертикальному направлению нитей полотна, благодаря чему в нем преобладают прямые углы и симметрия. Формы принимают сухой геометризованный вид. Например, растения как бы состоят из прямоугольников, треугольников, прямых линий и углов, образующих узор «в елочку», когда надо представить листву, и т. п. Но это зависит не только от упрощения, связанного с техникой вышивки. Вернее будет указать на проявление в этих различиях качеств иного стиля, иного художественного идеала. По сравнению с тканью, роспись можно назвать гораздо более эллинистической. В самом деле, в росписи сохраняется еще значительная легкость в самом рисунке, известная доля живости, несмотря на то, что фигуры вытягиваются в ряд и стоят фронтально. Связь с типичным для александрийского искусства пейзажным фоном чувствуется в изображении между фигурами цветущих кустов, которые имеют вполне убедительные, хотя и несколько обобщенно-стилизованные, растительные формы. На ногах святых легкие сандалии античного типа. В этой росписи больше общего с образцами живописи александрийского копт-

ского стиля, как его характеризует Д. Цунц, указывая на роспись с крещением Христа из Саккара¹⁰. В ткани же, с ее геометризмом, симметрией, с тяжеловатыми укороченными пропорциями фигуры, застылостью позы и отсутствием движения, выступают черты, свойственные искусству провинциальных центров, т. е. собственно коптскому. Примером последнего может быть икона с Христом и Миной (VI в., Лувр) или роспись того же времени из Бауита (Христос на троне), приводимая Д. Цунц как почти лучший образец провинциального коптского стиля¹¹. Наша ткань и указанные произведения, несомненно, отвечают требованиям одного и того же стиля. Та же ператическая застылость образа, его полная изолированность от всего окружения, лишенный объемности рисунок и плоско-стильно-декоративное решение композиции и т. д.

Из всего сказанного выше можно заключить, что исследуемый нами фрагмент церковной завесы не только теснейшим образом связан с провинциальным искусством, но принадлежит ему целиком. Мастер, вытканый эту завесу, заимствовал сюжет и иконографию с образца, сохраняющего еще некоторые эллинистические традиции. Но образ в целом он трактует в соответствии с более суровыми аскетическими требованиями, предъявлявшимися к искусству новыми эстетическими идеалами христиан. В своеобразном дуализме изображения на ткани отражается напряженная борьба двух эстетических принципов, в которой выражены религиозные и политические противоречия, волновавшие Египет в коптский период.

Иконографический тип изображения «апы Сильване» на завесе является редким. И то, что, кроме нашей ткани, он представлен только в XXVI капелле в Бауите, дает основание предполагать, что ткань каким-то образом связана с данным местом. Возможно, что завеса была специально выткана для местного монастыря либо, что более вероятно, изготовлена непосредственно в Бауите.

По аналогии с названными выше образцами коптской живописи и, в частности, с росписью XXVI капеллы наиболее вероятной датой появления завесы с «апой Сильване» представляется V—VI вв. В пользу такой датировки говорит и форма креста, многократно повторенного на ткани. Приблизительно такие кресты с инкрустацией камнями встречаются на коптских тканях — V—VI вв.¹² Крест, напоминающий пропорциями изображенный на нашей ткани, выправирован на стеклянном кубке из собрания Блисс (начало VI в.)¹³. Близкую форму имеет также бронзовый вотивный крест V—VI вв. из собрания Берлинского музея¹⁴ и т. д.

¹⁰ D. Zuntz. The Two Styles of Coptic Painting. — «Journal of Egyptian Archaeology», vol. 21. London, 1935, p. 63—67, fig. 2.

¹¹ Ibid., pl. VI, fig. 1.

¹² R. Pfister. Tissus coptes du Musée du Louvre. Paris, 1932, pl. 37; J. Cooney. Late Egyptian and Coptic Art. An introduction to the collections in the Brooklyn Museum. Brooklyn, 1943, pl. 41.

¹³ The Dumbarton Oaks Collection. Harvard University Handbook. Washington, 1955, pl. 137, № 266.

¹⁴ O. Wulff. Altchristliche, byzantinische und italienische Bildwerke, Teil 1: Altchristliche Werke. Berlin, 1909, № 945, Taf. XLIII.

⁷ J. Clédat. Le monastère. . . , pl. LXXXVI, LXXXVII.

⁸ Ibid., p. 135.

⁹ A. Badawy. L'art copt. Les influences égyptiennes. Le Caire, 1949, p. 27, fig. 13.

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО СТЕКЛОДЕЛИЯ

За последние годы благодаря археологическим раскопкам на территории Советского Союза значительно увеличилась группа обнаруженных стеклянных предметов «византийского типа», изготовленных из высококачественного стекла с росписью золотом и эмалью. Литературные источники неоднократно отмечают высокое развитие стеклоделия в Византии. Известно также, что ремесленники-стеклоделы, изготавливавшие знаменитые мозаичные вазы и резные бокалы, пользовались покровительством византийских императоров и получали от государства различные привилегии, их изделия высоко ценились и на международном рынке¹.

Византийские стеклоделы не только были продолжателями античных традиций этого мастерства, но и сами открыли много новых приемов. Одной из их заслуг считается сочетание росписи золотом с эмалью. До X в. роспись золотом применялась преимущественно в Египте, тогда как роспись эмалью считается сирийской традицией. Поэтому сочетание в византийском стеклоделии этих двух видов росписи рассматривается как синтез развития двух некогда самостоятельных приемов².

Техника росписи стекла золотом и эмалью описана монахом Теофилом еще в XII в. в его трактате «Записки о различных искусствах». В главе «Стеклянные сосуды, которые греки украшали золотом и серебром» рассказывается, что роспись наносится на уже готовый сосуд, размельченным золотом, смешанным с водой. Этим составом «покрывают круги, а в них попеременно изображают различных зверей или птиц и сверху покрывают их светлым стеклом... Затем берут белое, розовое и зеленое стекла, употребляемые взамен драгоценных камней и янтаря, каждое в отдельности тщательно растирают с водой на порфириновом камне и рисуют ими различные маленькие цветочки, орнамент и другие украшения в пространстве между кругами и петлями и окаймляют ими край»³.

Таким образом, мы имеем точное описание техники изготовления стеклянных сосудов, украшенных золотом и эмалью, относимых к изделиям «византийского типа». Но до последнего времени археологи располагали немногочисленными образцами таких стекол: одной целой чашей и несколькими фрагментами сосудов.

Однако даже этот незначительный материал был настолько выразителен, что сопоставление его с текстом Теофила не вызывало сомнения в том, что трактат описывал изготовление именно такого художественного стекла. Сама манера, которой были расписаны эти сосуды, не раз сопоставлялась со стилем других предметов византийского художественного ремесла (резные шкатулки из слоновой кости, ткани, миниатюры, поливная керамика). Характерными элементами этого стиля выступают изображения людей, животных и птиц в медальонах с заполнением свободного пространства между ними растительным орнаментом или геометрическими фигурами.

Но немногочисленный известный ранее материал позволял установить лишь эти общие черты расписного стекла. И не только специалисты по византийскому искусству, но и исследователи истории стеклоделия, отмечая скудость материала, отказывались от обобщений и более или менее широких выводов⁴. Теперь же археологи располагают целым набором стеклянных сосудов этой группы, найденных в разных отдаленных друг от друга местах. К ранее известным образцам из Египта, Коринфа и Кипра прибавились сосуды из Армении (Двин), Белоруссии (Новогрудок), Украины (Херсонес, Турово), а также из Новгорода и Старой Ладogi. Располагая уже сравнительно большим количеством стеклянных предметов этого типа, мы имеем возможность более подробно говорить о художественных и технических особенностях этих вещей, более точно охарактеризовать стиль, а в некоторых случаях становится возможным установить даже локальные особенности отдельных вещей или целых групп.

Единственная мастерская, где изготавливали стеклянные сосуды рассматриваемого типа на территории бывшей Византийской империи, раскопана в Коринфе⁵. Коринфская фактория была основана в XI в. и существовала до середины XII столетия. Среди многочисленных разнообразных сосудов там были обнаружены и фрагменты расписного стекла. Удалось восстановить форму только одного сосуда из синего стекла с узким горлом. Рисунок, занимающий весь сосуд, состоит из медальонов, внутри которых помещены одиночные фигуры птиц. Свободное пространство между ними покрыто растительным орнаментом в виде вьющейся виноградной лозы. Фигуры птиц и растительный орнамент выполнены золотом, медальоны же — красной и зеленой эмалью. Фляга и близкие к ней фрагменты привлекли внимание исследователей своим сходством с венецианской вазой и фрагментами из Египта, найденными в Фустате и датированными X—XI вв.⁶ Фустатские образцы синего, красного и молочного белого стекла представляют собой мелкие фрагменты, в большинстве случаев не дающие возможности реконструировать форму сосудов. Несколько фрагментов из синего стекла, очевидно, принадлежали сферическим сосудам с росписью, состоящей из медальонов с растительным орнаментом. На одном фрагменте сохранилось изображение верблюда и греческая надпись [κα]μηλος («верблюд»). Все они считаются местного египетского происхождения, возможно, александрийского, где уже в античные времена были знаменитые стеклоделательные мастерские. На основании указанного сходства Давидсон полагала, что коринфская стеклоделательная мастерская была основана греками — переселенцами из Египта.

¹ Schmidt. Das Glas. Berlin, 1912, S. 35—38.

² C. J. Lamm. Oriental Glass. Stockholm, 1941, S. 59; J. R. Vavra. Das Glas und die Jahrtausende. Praha, 1954, S. 55—56.

³ Теофил. Записка о разных искусствах. — «Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей», № 7. М., 1963, кн. II, гл. 14, стр. 106—107.

⁴ C. J. Lamm. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus nahen Osten, Bd. I—II. Berlin, 1930.

⁵ G. R. Davidson. The Minor Objects. — «Corinth», XII, 1952. New Jersey, p. 115.

⁶ C. J. Lamm. Mittelalterliche Gläser. . . , Bd. I, Taf. 41, 42, 43.

К образцам из коринфской мастерской примыкают еще несколько стеклянных предметов и обломков, найденных не на территории Византийской империи, а в соседних странах, которые вели оживленную торговлю с Византией. Это находки в Двине, Новгороде и Турове.

Рис. 1. Сосуд из Двина

На рисунках золото обозначается точками, эмаль — сплошной заливкой.

Двинский сосуд⁷ из синего стекла имеет сферическую форму с узким горлом (рис. 1). Вся композиция росписи сосуда состоит из четырех сложных медальонов, в центре которых были помещены фигуры людей и зверей. Сохранилась половина изображения льва и фигура сидящего человека, играющего на скрипке-фиделе. Все свободное пространство между медальонами заполнено растительным орнаментом типа виноградной лозы. Основной рисунок выполнен золотом, а шестилепестковые цветочки на плечиках — разноцветной эмалью (желтой, зеленой и крас-

⁷ Р. М. Джанполадян. Стеклянный сосуд из Двина. — КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 120—124.

ной). Трактовка растительного орнамента и принцип сочетания орнамента с медальонами сближают двинский сосуд с сосудами из Коринфа. Гораздо более близкую аналогию к двинскому сосуду представляет обломок верхней части сине-зеленого сосуда из Фустата. На нем, так же как на двинском, в медальонах были изображены люди и звери, а пространство между ними покрыто мелким растительным орнаментом. В одном из медальонов был изображен человек в античном хитоне⁸.

По стилю росписи к этой группе примыкают и фрагменты сосудов из Новгорода⁹ и Турова¹⁰. Образцы из Новгорода позволяют восстановить форму открытой чаши из синего стекла, роспись которой состояла из медальонов с птицами и растительным орнаментом между ними, выполненных золотом. Эмалью обведены контуры медальонов и край чаши.

Основным образцом всей этой группы стеклянных сосудов является целиком сохранившаяся знаменитая венецианская ваза, вывезенная крестоносцами из Константинополя в 1204 г.¹¹ Эта совершенная по своим художественным качествам ваза изготовлена из марганцово-красного тонкого стекла. Светло-желтой эмалью нарисованы помещенные в медальонах фигуры античного облика, золотом выведен растительный орнамент. Она занимает центральное место среди стеклянных изделий «византийского типа» не только по своему художественному качеству, но и по четко выраженным чертам, присущим византийскому искусству. В ней сочетаются византийские элементы, связанные с античностью и с элементами искусства Востока. На внутренней стороне борта чаши помещена имитация арабской надписи — необходимого элемента украшения многих стеклянных сосудов из мастерских Восточного Средиземноморья (Ракка, позднее Алеппо и Дамаск), где эти надписи, кроме декоративного, имели также и смысловое значение (поэтические цитаты и изречения из Корана, благопожелания и др.). Для иллюстрации связей Востока с Западом в византийском искусстве можно привести изображения и на других описанных выше предметах. Так, на двинском сосуде скрипач, изображенный в восточной манере, держит в руках скрипку-фидель западного образца, а на фрагменте Каирского музея изображение верблюда сопровождается греческой надписью.

Характерной чертой первой выделенной нами группы стеклянных изделий X—XII вв. является сочетание медальонов с помещенными в них изображениями людей, зверей и птиц (иногда даже сцен) с растительным орнаментом преимущественно в виде виноградной лозы и листьев, который заполняет все свободное пространство.

Вторая группа сосудов «византийского типа» отличается от первой несколько иной манерой декоративной композиции. Характерная черта ее — более открытое и свободное расположение рисунка. Растительный орнамент не заполняет все свободное пространство, как в первой группе, а только дополняет рисунок. В некоторых случаях центром композиции является диск с крестиками, с двумя фигурами птиц по сторонам, иногда изображение только птицы в сочетании с каким-нибудь орнаментальным фризом.

К этой группе относятся фляга из Кипра и большинство сосудов, найденных в Новогрудке (раскопки Ф. Д. Гуревич)¹². В одном из помеще-

⁸ С. J. Lamm. Glass from Iran. London, 1935, pl. 45B.

⁹ Ю. Л. Шапова. Стеклянные изделия Новгорода. — МИА, № 117, 1963.

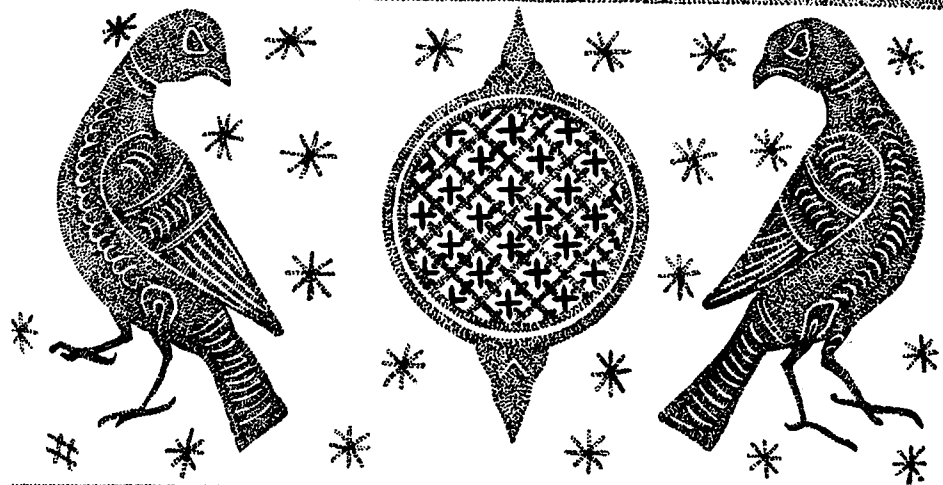
¹⁰ М. Д. Полубояринова. Стеклянная посуда Древнего Турова. — СА, 1963, № 4.

¹¹ H. Pasini. Il Tesoro di San Marco in Venezia. Venezia, 1886, p. 82.

¹² Ф. Д. Гуревич. Раскопки в Новогрудке (1961—63 гг.). — КСИА, вып. 96, 1963.

1

3

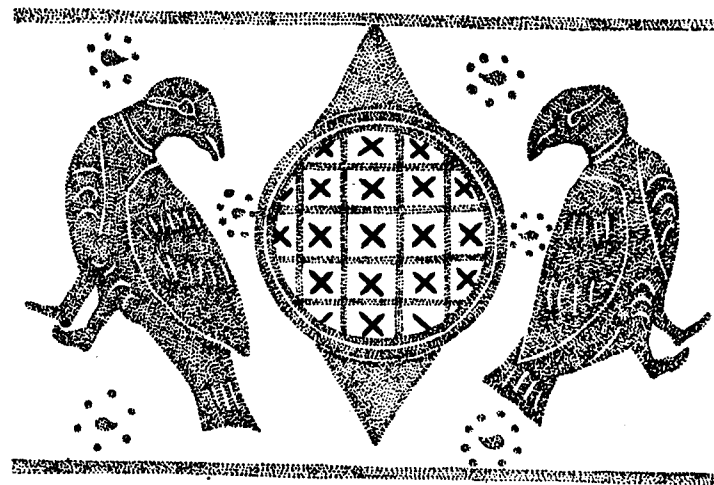
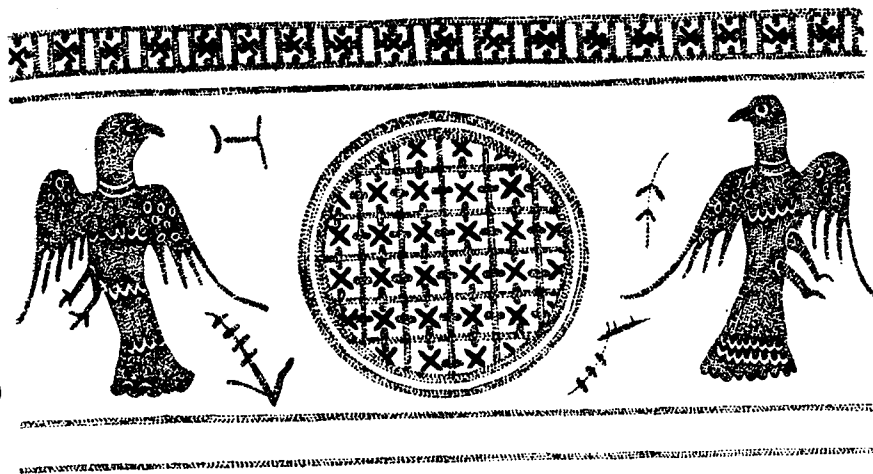

Рис. 2. Образцы росписей
1, 2, 4 — Новогрудок,

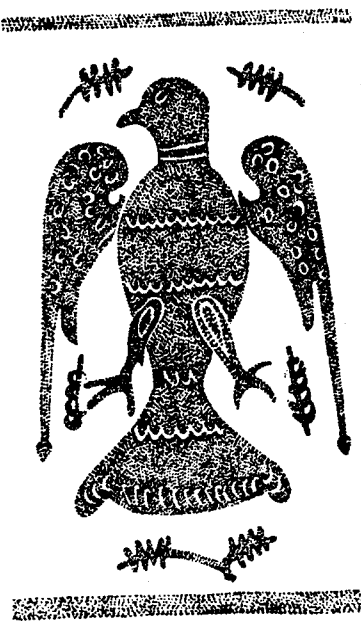
ний окольного города Новогрудка были обнаружены обломки стеклянной посуды самых разнообразных форм: кубков, фляг, флаконов, чаш, расписанных золотом и эмалью одной общей характерной манерой, или, вернее, одним почерком. Особенно выделяются флакон с узким горлом и чаша. Флакон украшен росписью, состоящей из четырех дисков и двух пар птиц между ними (рис. 2, 1). Золотыми перекрещивающимися ли-

2

4

сосудов второй группы.
3 — Кипр

ниями диск разбит на квадраты, внутри которых помещены красные эмалевые крестики. Чаша, найденная вместе с флаконом, очень близка к нему по росписи: тот же принцип композиции, сочетание дисков, заполненных крестиками, с фигурами птиц (рис. 2, 2). Некоторое отличие заключается в позах птиц (распростерты крылья) и в заполнении свободного пространства; в первом случае это восьмилучевые звездочки, во

втором — веточки. Оба сосуда, флакон и чаша, изготовлены из тонкого стекла молочного цвета, отличаются мастерством росписи и изяществом форм.

В Новогрудке были найдены также красно-марганцовый кубок и синяя фляга¹³, которые по стилю росписи могут быть причислены к этой группе (рис. 2, 4). На всех четырех сосудах изображены птицы одной породы и трактованные в той же самой манере — с массивным туловищем, крупным клювом и широким хвостом. Свободное пространство вокруг птиц заполнено ветками. Эти сосуды, кроме характерных групповых особенностей, имеют очень много общих деталей, что позволяет сделать предположение о возможности их изготовления даже в одной мастерской. Так, например, золотой жгут на белом флаконе встречается на фрагменте из двухслойного трехцветного стекла. Трехконечные крестики на верхней части синей фляги, нанесенные золотом и эмалью, повторяются на фрагменте горловины бесцветного сосуда, но без применения эмали. Выделенные общие характерные черты новогрудских стеклянных изделий имеют близкое сходство со стеклянной флягой с острова Кипра (рис. 2, 3). Как уже указывалось¹⁴, фляга из Кипра совпадает с новогрудской по форме, цвету стекла, размерам и по некоторым деталям росписи. Небольшая горловина в обоих случаях покрыта золотом и завершается на плечиках розеткой — на новогрудском сосуде четырех-, а на кипрской восьмилепестковой. На обоих экземплярах роспись на корпусе разделена на две зоны. Кипрская фляга другими своими деталями связывается с новогрудскими сосудами молочного стекла, в частности, композицией парных птиц в сочетании с диском, заполненным крестиками.

В Херсонесском музее хранятся два небольших фрагмента, найденных на территории города. Это фрагменты сосуда из синего стекла с остатками росписи. На одном сохранились остатки росписи, близкой кипрскому сосуду; туловище птицы, выполненное золотом, и розетки из семи точек, нанесенных эмалью. Второй фрагмент этого же сосуда с чередующимися золотыми и эмалевыми трехконечными крестиками ближе стоит к новогрудской фляге.

Таким образом, фрагменты из Херсонесского музея имеют общие детали как с кипрской флягой, так и с новогрудской. Причем сходство отдельных элементов проявляется на разных предметах. Можно высказать предположение, что все эти предметы должны быть отнесены к одному центру, а возможно, и к одной мастерской, из которой набор сосудов одновременно был привезен в Новогрудок по пути, шедшему из Средиземноморья на север через Херсонес.

Образцы византийского расписного стекла не ограничиваются двумя выделенными группами изделий. Имеются еще фрагменты, которые могут составить третью группу. В нее входят: фрагменты чаши из Старой Ладogi, фрагменты подобной же чаши из Новогрудка и фрагменты флакона из Коринфа.

По обломкам светло-синего стекла из Старой Ладogi (хранящимся в Государственном Эрмитаже) можно реконструировать открытую чашу, поверхность которой была разделена белой эмалью на чешуйки и внутри них помещен рисунок золотом, напоминающий дубовые листья (рис. 3, 1).

В Новогрудке были найдены несколько фрагментов, очевидно, чаши из бесцветного стекла, на которых сохранился узор, подобный старола-

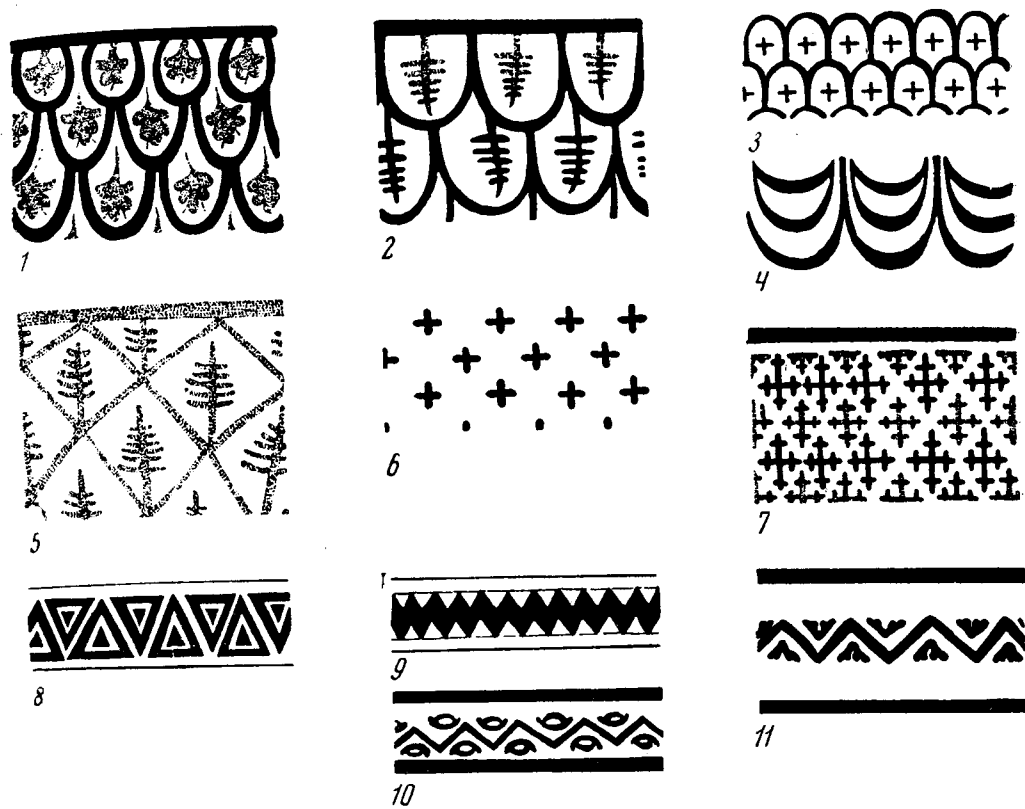

Рис. 3. Орнаментальные мотивы росписей стеклянных сосудов второй и третьей групп.

дожскому (рис. 3, 2). В овальных друг к другу примыкающих чешуйках из желто-зеленой эмали помещены чередующиеся рядами золотые и эмалевые изображения веточек. Подобный рисунок имеется и на одном фрагменте флакона из Коринфа, где в овальных чешуйках из белой эмали помещены золотые крестики (рис. 3, 3)¹⁵. К этой группе можно причислить и рисунок так называемого «птичьего пера», встречающийся на стеклянных изделиях, найденных в Коринфе и Новгороде (рис. 3, 4)¹⁶. Этот рисунок является одним из вариантов очень распространенной в раннем средневековье росписи белыми эмалевыми лунками по еще не остывшему сосуду, в результате чего белая эмаль как бы входит в стекломассу. В некоторых случаях синий фон дополнительно расписывался золотом. Этот узор был очень распространен в Египте и Сирии, встречается он и в Коринфе. Для этой группы характерен мелкий повторяющийся узор, который покрывает весь сосуд. Принцип размещения цветочков, листиков, веточек, разных крестиков в круглых или полукруглых чешуйках, сетках, ромбиках — один из распространенных приемов росписи как стекла, так и византийской поливной керамики. Этот мотив встречается самостоятельно, а иногда в сочетании с мотивами других групп, как это можно видеть на двух сосудах из Новогрудка; в частности, на кубке, на верхней половине которого в ромбо-

¹³ Р. М. Джанполадян. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. — ВВ, XIX, 1961.

¹⁴ Там же, стр. 167.

¹⁵ G. R. Davidson. The Minor Objects, № 754.

¹⁶ Ibid., № 756, 757; Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия Новгорода, стр. 120.

видной сетке помещены веточки (все выполнено золотом) (рис. 3, 5), и на фляге, где фигуры птиц сочетаются с фризом из трехконечных крестиков (рис. 3, 7). Все эти предметы датируются по комплексу находок XI—XII вв.

Особняком стоит синяя фляга из коллекции Р. Смита, которая теперь хранится в Коринфском музее стекла¹⁷. Несмотря на совпадение формы с изделиями первых двух групп, она отличается по орнаменту, который, сохраняя общие принципы сочетания изображения грифонов и птиц с растительным орнаментом, имеет свой характерный мелкий почерк. Место находки этой фляги, купленной в Иране, неизвестно.

Таким образом, имея уже довольно большой набор византийского расписного стекла, можно говорить о характерных чертах и стиле этих предметов, происходящих из разных мест. И если венецианская ваза относится обычно к образцам столичного искусства, то другие предметы могли изготавливаться и на окраинах Византийской империи.

Как отмечалось выше, основные принципы стиля росписи соответствуют общему стилю византийского прикладного искусства. Это сочетание растительного орнамента с изображением людей, зверей, птиц, целых сюжетных сцен и разных других фигур, помещенных в круги, овалы, ромбики, клетки, чешуйки. Орнаментальные, волнистые, прямые одиночные и парные линии разделяют композиционные зоны друг от друга или ограничивают рисунок сверху и снизу. Сочетание золота и эмали в каждом отдельном случае различно.

Стеклянные сосуды составляют целую коллекцию различных форм, заключающую в себе чаши и кубки для вина, графины для хранения напитков, флаконы и фляги для душистых масел и т. д. Изготовлены они из высококачественного стекла — синего, марганцово-красного, молочно-белого, бесцветного и многоцветного. Украшенные тонкой и богатой золотой и эмалевой росписью, они представляли собой произведения искусства, которые, судя по их широкому распространению, были обычными предметами торговли. Этим объясняются находки стеклянных изделий в отдаленных друг от друга местах: в Египте, Греции, на острове Кипре, в Армении, Крыму и в городах Древней Руси.

Как византийские монеты показывают торговые пути, так и стеклянные сосуды могут служить показателем оживленных связей в средние века не только между Востоком и Западом, но также и с Севером.

В настоящее время изучение древнего стекла трудно представить без учета его химического состава. В результате химико-технологического исследования большого количества древнего стекла удалось установить особенности состава стекломассы для некоторых стран, которые объясняются химическим составом исходного сырья. Это обстоятельство намного облегчает и делает более достоверным стилистическое и технологическое изучение предмета.

Из стекол, упомянутых в данной работе, были подвергнуты химическому и спектрографическому анализу стекла из коринфской мастерской, Новогрудка, Новгорода, Турова¹⁸. Все они имеют общий химический состав и принадлежат к группе натриево-кальциево-кремнеземных стекол. Они были изготовлены по так называемому античному рецепту, что характерно для стран средиземноморского бассейна.

Как уже было указано, все приведенные стеклянные изделия «византийского типа» относятся к X—XII вв., т. е. ко времени второго подъема византийского искусства. В XIII в., после IV крестового похода, когда как политическая, так и экономическая жизнь в центре Византии идет на спад, на восточном побережье Средиземного моря начинают выделяться и получают быстрое развитие стеклоделательные центры так называемых «исламских» мастерских (Ракка, Дамаск, Алеппо), а на Западе появляется, еще не ставшее знаменитым, венецианское стекло, в котором некоторые исследователи правильно видят продолжение прямой линии античного и византийского стеклоделия.

¹⁷ R. W. Smith. Glass from the Ancient World. Corning, 1957, № 526.

¹⁸ F. R. Matson. Technological Study of the Glass from the Corinth Factory. — «American Journal of Archaeology», vol. 44, № 3, 1940, p. 297—324; Р. М. Джанпоядан. Два стеклянных сосуда из Новогрудка, стр. 71; Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия Новгорода, стр. 128; М. Д. Полубояринова. Стеклянная посуда Древнего Турова, стр. 235.

Пластической обработкой черт лица Христос напоминает богоматерь. Его волосы уложены волнистыми прядями, нимб крестчатый. У младенца выделяется большое бесформенное ухо. Взгляды Христа и богоматери обращены в сторону зрителя. В верхних углах, по обе стороны изображения, помещена небрежно исполненная надпись — ΜΡ ΘΥ (матерь божья).

Л. З. ХУСКИВАДЗЕ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПЛАСТИНА СЛОНОВОЙ КОСТИ ИЗ ЦЕРКВИ КОРОГО

В этнографическом отделе Государственного музея Грузии хранится пластина слоновой кости с изображением богоматери типа Одигитрии (рис. 1). Она была доставлена из храма селения Корого (Душетский район, ущелье реки Хады). В 1938 г. члены экспедиции, в состав которой входил и сотрудник Института истории грузинского искусства З. П. Майсурадзе, обнаружили в тайнике — надсводном помещении под кровлей в западной части здания — с виду ничем не привлекательный деревянный ларец. В нем хранились несколько фрагментов чеканных икон и названная пластина. Трудно сказать, где и при каких условиях находились они до тех пор, пока чья-то заботливая рука бережно не укрыла их в надежном месте. Содержимое ларца было изъято из церкви и поступило в музей гораздо позднее, чем оно было обнаружено в тайнике.

Фрагменты чеканных икон, различные по времени и качеству исполнения, представляют интересный материал для истории развития грузинской пластики. Несомненные художественные достоинства пластины слоновой кости требуют особого рассмотрения. Хотя пластина найдена в Грузии, характер ее исполнения говорит о византийском происхождении этого произведения; оно подтверждается как стилистическим анализом, так и иконографическими аналогиями.

Пластина небольших размеров (15,7×13 см). Размеры самого изображения — 12,5×8 см. Поверхность пластины несколько деформирована. Фон и узкая полоса обрамления дали трещины, впрочем, они не задевают самого изображения. Пластина тускла. Полировка, по-видимому, сошла, и лишь незначительные отрезки поверхности обнаруживают следы прежнего лоска.

Поясное изображение богоматери с младенцем помещено в центре пластины; оно не заполняет целиком обрамленное гладкой узкой полосой поле. Многочисленные, сухо обработанные складки одежд Марии и Христа умело противопоставляются гладкому фону. Увенчанная нимбом голова богоматери обращена к сыну, сидящему на ее левой непропорционально большой руке. Удлиненный разрез глаз, очерченный сухими линиями, прямой нос с врезанными ноздрями, плотно сжатые тонкие губы придают лицу Марии выражение строгости. Сухость утонченных черт смягчена тяжелым, мясистым подбородком. Плавные переходы к щекам и нижней части лица решены пластически. Кисть правой руки богоматери, лежащая на груди, тонка, женственна и изящна. Строгий, не по-детски серьезный младенец Христос представлен как блюститель христианской догмы — он размышляет о судьбах человечества. В правой руке Христа — свиток, левая благословляет.

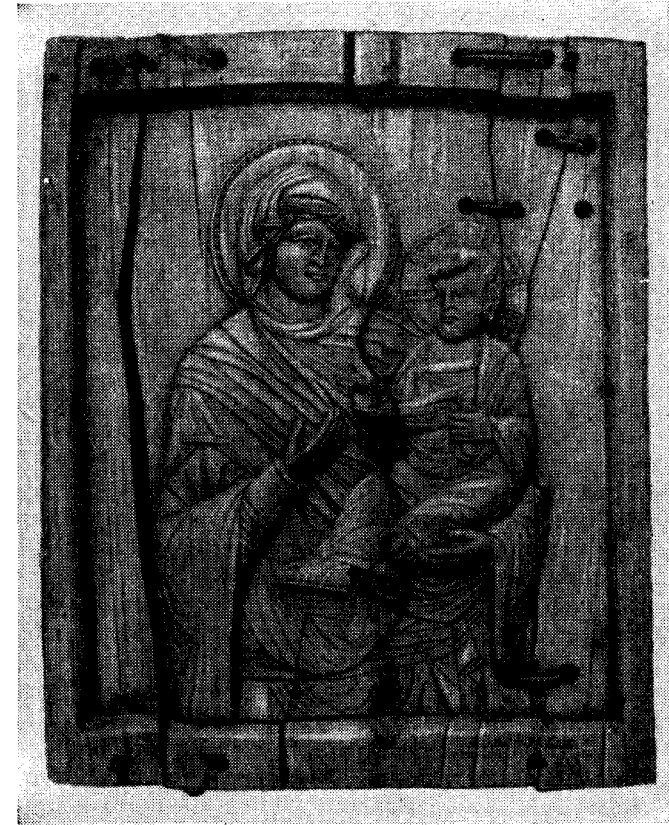

Рис. 1. Пластина богоматери из Корого.

Изображения богоматери Одигитрии, которая представлена и на корогийской пластине, получили особое распространение в византийской иконографии X—XI вв. Однако их происхождение связано с гораздо более ранним периодом¹. Тип Одигитрии — стоящая богоматерь с Христом на левой руке, по преданию, был создан евангелистом Лукой; эта написанная им икона была помещена в специально построенной для нее церкви. Постепенно, с течением времени изображение богоматери в рост было заменено поясным². Образованию этого вида изображений способствовало широкое распространение произведений малых размеров.

¹ Подробнее см. Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. II. Пг., 1915.

² Sirarpi Der Nersessian. Two Images of the Virgin in the Dumbarton Oaks Collection. — DOP, XIV, 1960, p. 71—86; V. Lasareff. Studies in the Iconography of the Virgin. — «The Art Bulletin», vol. XX, 1938, p. 46.

Рис. 2. Поясная Одигитрия триптиха лондонского Британского музея.

Византийская иконография X—XI вв. выработала официальный тип богоматери с характерными чертами — длинным прямым носом, сжатыми губами, напряженным, аскетическим взглядом.

Тип корогойской Одигитрии своими характерными чертами тесно примыкает к этому образу. Точнее, богоматерь из Корого обнаруживает поразительное сходство с определенным кругом произведений из слоновой кости, украшенных подобными изображениями. Их датировка более или менее уточнена в научной литературе. По мнению Л. А. Мацулевича³, пластины этого типа должны принадлежать одной эпохе. Общий и своеобразный тип Христа, тождественность композиции с малыми отклонениями в деталях дают право предполагать существование пока неизвестного, чтимого образа, к которому они все восходят⁴.

Произведения из слоновой кости такого типа, изданные А. Гольдшмидтом и К. Вейцманом⁵, дают богатый параллельный материал для корогойской пластины (Одигитрия Аахенского собора, X в.⁶; поясное изображение богоматери с младенцем, собственность Веллерштейн-Оттингена, X в.⁷; поясное изображение Одигитрии в Бамбергском гос. музее, конец X в.⁸; поясная Одигитрия триптиха лондонского Британского музея, X в.⁹; Одигитрия триптиха из Сванетии, находящегося сейчас в Москве, вторая половина XI в.¹⁰ и мн. др.).

³ Л. А. Мацулевич. Византийские резные кости собрания М. П. Боткина. — «Сборник Гос. Эрмитажа», вып. II. Пг., 1923.

⁴ Там же, стр. 50.

⁵ A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII. Jahrhunderts, Bd. 2: Reliefs. Berlin, 1934.

⁶ Ibid., № 129.

⁷ Ibid., № 131.

⁸ Ibid., № 132.

⁹ Ibid., № 138.

¹⁰ Ibid., № 73.

Ряд образцов в общем имеет сходство с пластиной из Корого. Среди них нельзя не выделить Одигитрию лондонского триптиха¹¹ (рис. 2). Внешнее сходство композиции и проработки поверхности, трактовка одеяния, тип лица, нимбы позволяют рассматривать ее как ближайшую параллель к корогойской пластине.

Одигитрию лондонского триптиха вместе с остальными вышеназванными произведениями из слоновой кости (исключая сванский триптих) А. Гольдшмидт и К. Вейцман относят к «Triptychon» группе, которую считают ответвлением «Romanos» группы. Пластина из Корого может быть также причислена к этому кругу памятников. Триптих из Сванетии принадлежит к «Romanos» группе. Это произведение византийской работы было приобретено профессором В. Н. Лазаревым в Лешуке (Сванетия). Данное обстоятельство особо примечательно в связи с нахождением в Грузии еще одной византийской пластины слоновой кости из Корого, отмеченной высоким мастерством исполнения.

Сходство, объединяющее пластину из Корого с лондонским триптихом, очевидно с первого же взгляда. Однако некоторые отклонения в деталях и своеобразное решение одной и той же композиции накладывают отпечаток индивидуальности на каждое из этих двух произведений. Раздавшаяся вширь, занимающая все ограниченное поле богоматерь Одигитрии на лондонской пластине сменяется вытянутым, стройным пропорций изображением на корогойской. Совершенно отлично и настроение, выражаемое этими произведениями. На лондонской пластине Христос представлен со светлым, радостным ликом; зрачки его глаз широко открыты, уголки рта расплылись в полуулыбке. Лицо Марии также оживлено улыбкой. Такие детали, пробившиеся сквозь средневековую строгость, придают лондонскому изображению непосредственность и отпечаток чего-то земного. Проработка черт лица дана четкими, резкими линиями. Грубость исполнения лондонского изображения особенно заметна при сравнении его с корогойским. На последнем линия рисунка смягчена, хотя и по-прежнему четка. Христос необычайно серьезен. Глаза его прикрыты веками, уста строго сомкнуты. Богоматерь — величественная матрона с холодным, аскетическим выражением лица. Изображение корогойской пластины торжественно. Исполнение ее гораздо утопченнее лондонской. Выразительная линия плавно охватывает контур изображения. Многочисленные складки одежд богоматери и Христа переданы с определенной установкой мастера на плоскостность. В этом отношении особенно характерны складки одеяния богоматери. Длинными косыми линиями они диагонально пересекают плоскость, причем расположение их довольно однообразно. Нашпыв складок отмечен линией, но не объемом. Одеяния обоих изображений в целом переданы в низком рельефе. Однако кое-где плоскость оживляется посредством выявления отдельных объемов. Так, мафорий богоматери ниспадает на исполненную в низком рельефе столу находящими друг на друга объемами плавных ритмичных складок. У Христа на животе складки хитона образуют круг, выявляющий пластику формы. Расположение ног Христа создает дополнительный объем настолько высокие, что приближает изображение к горельефу. Довольно объемно также чрезмерно увеличенное ухо младенца. Богоматерь и Христос, обращенные друг к другу, исполнены в высоком рельефе, чем противопоставляются плоскому фону. Согласованность частей тела обоих изображений, в основном соблюденная, нарушается лишь местами. Таким отклонением является левая рука

¹¹ Она воспроизведена также в издании: H. Graeven. Frühchristliche und mittelalterliche Elfenbeinwerke aus Sammlungen in England. Rom, 1898, № 56.

богоматери, а также некоторая вытянутость форм обеих фигур, т. е. общее нарушение их пропорций. Головы обоих относительно небольшие, тело вытянуто. Это обстоятельство обусловлено общей тенденцией к изменению пропорций. К примеру, при создании византийской декоративной системы в фресках и мозаиках нарушение пропорций нередко было обусловлено учетом перспективных сокращений¹². Этот прием был усвоен с течением времени уже не только монументальной живописью, но и мелкой пластикой, поскольку подобная манера изображения человека хорошо перенесла то аскетическое, проникнутое спиритуалистическим духом настроение, которое так характерно для византийского искусства зрелого периода.

Фронтальный разворот композиции и направленность в пространство взглядов богоматери и младенца придают изображению на корогойской пластине официальный и торжественный характер.

Отмеченные черты позволяют считать этот памятник одним из значительных произведений византийского искусства.

Датировка пластины из Корого должна логически вытекать из сравнения ее с параллельным материалом, а именно, из сравнения с той группой произведений слоновой кости, которую А. Гольдшмидт и К. Вейцман относят в основном к концу X в. Однако более внимательное наблюдение дает основание отойти от этой, в общем достаточно твердо намеченной границы, отодвинув дату пластины к началу XI в. Это представляется тем более возможным, что у таких авторитетных исследователей, как А. Гольдшмидт, К. Вейцман, Ш. Диль, А. Мишель, П. Лемерль, Д. Тальбот Райс, Л. Брейе, Ф. Фольбах, О. Пелька и другие, имеет место некоторая несогласованность в этом вопросе.

Многочисленность произведений византийской слоновой кости, условно датированных X—XI вв., и разный уровень их исполнения могут ввести в заблуждение. Поэтому единственно верный путь — ориентироваться на датированный памятник. Прибегая к этому приему, в данном случае естественно привлечь для сравнения широко известную пластину слоновой кости с изображением императора Романа и императрицы Евдокии (Париж, Национальная библиотека; рис. 3). Пластина была предметом многих дискуссий, однако предложенные исследователями даты — конец X в. и третья четверть XI в. — дают основание вернуться к обсуждению этого вопроса.

Если считать изображенных на пластине лиц императором Романом II и его супругой Бертой, известной после принятия православия под именем Евдокии, то придется отнести это произведение к середине X в., т. е. к 945—949 гг.

Эта дата впервые была предложена Х. Пирсом и Р. Тайлором, к которым впоследствии примкнули А. Гольдшмидт и К. Вейцман. Л. Брейе, П. Лемерль, Д. Тальбот Райс и в последнее время Ф. Дэльгер также датируют пластину Романа X в. Ш. Диль, Ж. Эберсолт, О. Дальтон, О. Пелька и Ф. Фольбах рассматривают изображенных на пластине лиц как императора Романа IV Диогена и его супругу Евдокию, относя тем самым это произведение к 1068—1071 гг.

В связи с этим особенно интересна недавно вышедшая в свет статья Ф. Фольбаха, в которой автор твердо датирует пластину Романа XI в. и считает, что это превосходное произведение с его рафинированными, торжественными фигурами является одним из наивысших достижений византийской пластики¹³.

Рис. 3. Пластина с изображением императора Романа и императрицы Евдокии.
Париж, Национальная библиотека

¹² O. Demus. Byzantine Mosaic Decoration. London, 1948, p. 31—32.

¹³ W. F. Volbach. Les ivoires sculptés, de l'époque carolingienne au XIIe siècle. — «Cahiers de Civilisation Médiévale Xe—XIIe siècles», I, 1. Poitiers, 1958, p. 23.

Тонкость и высокое мастерство исполнения пластины императора Романа сказывается как в строго уравновешенной композиции, так и в трактовке фигур. Благородный лик Христа полон мягкости. Свободное течение складок, решенных набегающими друг на друга объемами, служит выявлению форм тела. Фигура не напряжена, хотя она дана в застывшей позе.

Рис. 4. Пластина с изображением Одигитрии из коллекции Строганова.
Рим.

не суха, хотя ей и присуща известная хрупкость. Она скорее человечна, чем аскетична. Высокая одухотворенность придает лику Христа божественное величие. Христу противопоставлены два светских лица, оба стоящие фронтально, трактованные более сухо, облаченные в богато орнаментированные одеяния. Объем фигур передан в виде замкнутых блоков. Формы тела фигур скрыты под одеянием. Мастер подчеркивает художественную выразительность плоскости, оживленную орнаментальным украшением одеяния. Такой подход внешне отчасти напоминает мозаики XI в. в южном нарфиске Св. Софии в Константинополе, на которых изобра-

жен Христос с фланкирующими его фигурами императора Константина и императрицы Зои, а также миниатюры из «Слов Иоанна Златоуста» (1078—1081 гг., Париж, Национальная библиотека). В них строгость композиции, фронтальность фигур и богатая орнаментика одеяния вызывают определенные ассоциации с пластиной императора Романа. Вместе с тем в художественном решении пластина императора Романа отражает черты византийского искусства, более характерные для произведений XI, чем X в. Большая элегантность, утонченность изображения, граничащая с сухостью, отличается, как известно, образцы искусства XI в. от произведений X в. Примером может служить оклад книги в виде пластины слоновой кости с изображением богоматери Одигитрии из коллекции Строганова (Рим, рис. 4). Ряд исследователей датирует ее X в. (А. Гольдшмидт, К. Вейцман, Ш. Диль, О. Пелька и частично Ф. Фольбах¹⁴). Одигитрия Строганова нарочито объемна. Реальность образа достигается простыми средствами. В нем нет глубокомысленной одухотворенности, внутренней трепещущей жизни. Средневековая скованность духа накладывает свой отпечаток на изображение. Фигура богоматери напряжена, взгляд ее застыл. Пластина императора Романа отличается от строгановской. Форма здесь более гибкая и мягкая, изображение более рафинированное, фигуры свободны, несмотря на их строго фронтальную постановку. Композиция отмечена глубокой одухотворенностью и внутренней силой. Пластина императора Романа представляет следующую ступень по сравнению с изделиями слоновой кости X в. с многочисленным изображением Одигитрии. Исходя из этого, датировка пластины императора Романа и императрицы Евдокии третьей четвертью XI в. кажется вполне приемлемой. В ней строгость композиции и рисунка, фронтальность фигур и утонченность изображения сочетаются с античными реминисценциями — прекрасным пониманием объема и формы, пропорциональным соотношением частей, тонкой проработкой рельефа.

Вместе с пластиной Арбавиль (Париж, Лувр) пластина слоновой кости императора Романа представляет высшую точку в развитии византийской мелкой пластики зрелого периода.

При всем отличии пластины из Корого от пластины императора Романа она скорее тяготеет к той же группе, к какой относится эта последняя. Однако известная деликатность образа отличает корогойскую пластину от произведений византийской слоновой кости с изображениями Одигитрии X в., в частности от строгановской и даже от ближайшей ее параллели — лондонской. Последняя также датируется X в. (А. Гольдшмидт, К. Вейцман). Утонченности корогойской пластины здесь противостоит грубоватая проработка рисунка изображения. Тесная связь с лондонским триптихом и некоторые черты, характерные для пластины императора Романа и императрицы Евдокии, дают, по-видимому, возможность отодвинуть датировку корогойской пластины к началу XI в., точнее — к рубежу X—XI вв. Пластина из Корого входит в группу тех изделий слоновой кости с изображением Одигитрии, на одновременность которых указывали в свое время Л. А. Мацулевич, А. Гольдшмидт и К. Вейцман.

Следует остановить внимание на вопросе: что представляла собой изначально пластина из Корого? Закономерность такого вопроса вызвана тем, что большинство отмечавшихся выше икон определенной группы с изображением богоматери типа Одигитрии, в том числе и ближайшая аналогия корогойской пластины — лондонская, представляет собой среднюю часть триптиха. Весьма возможно, что и пластина из Корого была

¹⁴ Ф. Фольбах предлагает две даты (X—XI вв.).

средней частью такого триптиха. Впрочем, других оснований для подобного утверждения пока не имеется — на пластине нет следов крепления боковых створок.

Пластина из Корого привлекает внимание еще одной важной особенностью — она снабжена клеймом (рис. 5). На ее обратной стороне, в верхней центральной части, старательно вырезана греческая буква «ε». Начертание этой буквы отличается от небрежно процарапанной надписи при изображении: ΜΡ ΘΥ, которая, по-видимому, является поздней припиской. Строгость и утонченность начертания греческой буквы говорит

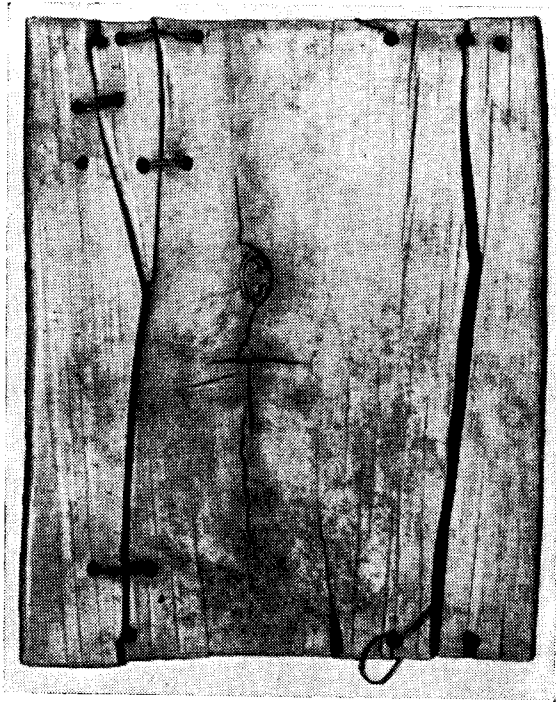

Рис. 5. Обратная сторона корогойской пластины богоматери.

за ее одновременность с изображением. Трудно установить, что представляет собой эта буква — начальный инициал имени мастера, названия мастерской или города, как это имело место в клеймах на серебряных и керамических изделиях. Так или иначе, наличие подобного клейма на пластине слоновой кости само по себе весьма интересно. Большинство произведений, выполненных из слоновой кости, имеют гладкую обратную сторону и лишь иногда украшены изображением креста (рис. 6). Во всяком случае инициал, насколько можно судить по публикации, не встречается ни на одном из произведений из слоновой кости. Поэтому клеймо на пластине из Корого заслуживает внимания, тем более что в средневековом искусстве, как известно, мастера большей частью оставались анонимными. «Личность автора заслонялась его произведением... В этих условиях говорить об авторстве казалось неуместным»¹⁵.

¹⁵ «Труды Гос. Эрмитажа, V. Западноевропейское искусство». Л., 1961, стр. 177.

Отдельные упоминания имени мастера и даже его автопортрет на произведениях этой эпохи настолько редки, что каждый случай их нахождения специально отмечается в литературе, например, у Бенкарда «Автопортрет XV—XVIII вв.»¹⁶ или в статье Э. А. Лапковской «Автопортрет мастера XI в. Энгелара»¹⁷.

Авторы отмечают, что «в условиях полного господства религии, всячески подчеркивающей «суетность» этого мира, средневековый мастер в отличие от мастеров Возрождения не видел основания для увековечения собственного образа и в связи с этим едва решался поместить свое имя на созданном им произведении»¹⁸.

Тем не менее потребность заявить о себе, как о творце, чувствовалась и в то время. Благодаря этому нам известен ряд имен и даже отдельные портреты средневековых мастеров: Энгелара — на пластине слоновой кости из Сан-Милан-де-ла-Коголла, Вольвина — на эмалевой облицовке алтаря из собора св. Амвросия в Милане, Гуго из Оньи — на серебряном окладе книги из города Намюра и т. д.

Инициал, вырезанный на пластине слоновой кости из Корого, отводит ей особое место среди этих произведений. Более того, благодаря наличию клейма эта пластина получает значение уникального произведения.

Как следует из приведенного обзора памятников, пластина слоновой кости из Корого является произведением византийского искусства рубежа X—XI вв. Ее характеризует мастерство исполнения вырезанных на ней изображений и наличие редкого для изделий слоновой кости клейма в виде инициала.

Появление византийской пластины слоновой кости на территории Грузии не было случайным явлением. Оно еще раз подтверждает тот большой интерес, который средневековая Грузия проявляла к произведениям искусства и к предметам роскоши соседних народов.

¹⁶ E. Benkard. Das Selbstbildnis vom XV. bis zum Beginn der XVIII. Jahrhunderts. Berlin, 1927, S. X.

¹⁷ «Труды Гос. Эрмитажа», V, стр. 175—181.

¹⁸ Там же, стр. 177.

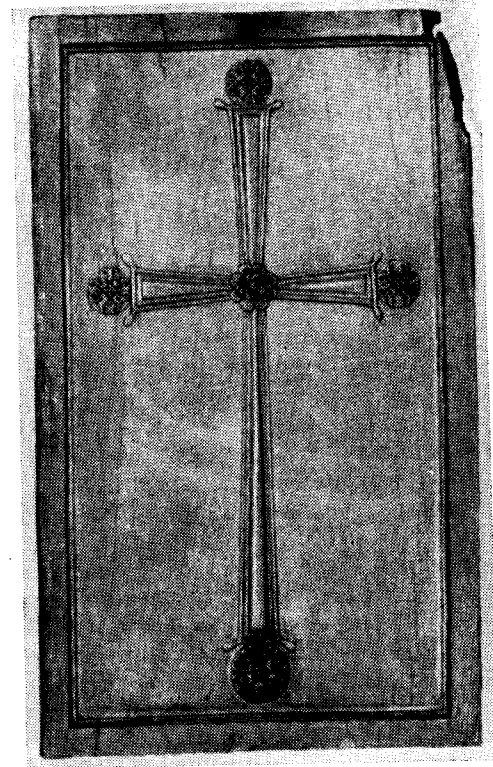

Рис. 6. Пластина с изображением креста.

К. В. ГОЛЕНКО

КЛАД ПОЗДНЕБОСПОРСКИХ МОНЕТ, НАЙДЕННЫЙ В КЕРЧИ В 1961 г.

Публикуемый клад позднебоспорских статеров был найден в 1961 г. в Керчи, на северном склоне горы Митридат¹. По сведениям, полученным от находчика И. Я. Широкова², клад был обнаружен на глубине около 1 м и состоял из 90 монет. И. Я. Широков специально обратил внимание на отсутствие сосуда или какого-либо иного вместилища клада.

Из 90 монет 70 поступили в Керченский музей³, судьба остальных неизвестна. Все доступные изучению монеты, несмотря на их плохую сохранность, удалось определить; они принадлежат трем последним боспорским царям, чеканившим монету, — Фофорсу, Радамсаду и Рискупориду VI. Распределение монет по годам чекана видно из прилагаемой таблицы⁴.

Фофорс	Радамсад	Рискупорид VI
583 г. — 1 экз.	613 г. — 1 экз.	616 г. — 2 экз.
584 г. — 2 экз.	615 г. — 2 экз.	617 г. — 4 экз.
585 г. — 2 экз.		619 г. — 3 экз.
590 г. — 2 экз.	Итого: 3 экз.	620 г. — 7 экз.
592 г. — 3 экз.		621 г. — 8 экз.
594 г. — 4 экз.		622 г. — 11 экз.
595 г. — 1 экз.		623 г. — 2 экз.
596 г. — 2 экз.		624 г. — 8 экз.
599 г. — 3 экз.		625 г. — 1 экз.
Итого: 20 экз.		Итого: 47 экз.

Клады позднебоспорских статеров находили неоднократно; кроме публикуемого Керченского 1961 г., известны еще восемь кладов такого

¹ Газетную информацию о кладе см. В. Кунин. Еще один клад древних монет. — «Знамя коммунизма», 15 февраля 1961 г.

² Акт приема монет Керченским музеем. Из этого документа следует, что при земляных работах были обнаружены две могилы, в стенке одной из которых и найден клад. Неясно, являются ли эти погребения древними или нет; на северном склоне горы Митридат существуют и античный некрополь, и современное кладбище.

³ Пользуемся случаем принести нашу признательность работникам Керченского музея, предоставившим право издания клада.

⁴ Полный список монет клада дан в приложении. Здесь и далее годы даны по боспорской эре, разница между боспорским и нашим летоисчислением 296—297 лет.

рода⁵, три из них также происходят из Керчи; сведения о них, к сожалению, очень краткие, содержатся в работах Е. Е. Люценко и П. В. Беккера⁶.

Несмотря на небольшое число монет в Керченском кладе, мы можем сделать сопоставление его состава и состава трех подробно изданных кладов того же рода. Прежде всего обращает на себя внимание плохая сохранность публикуемых монет, что явилось результатом их длительного обращения. Эта особенность отличает Керченский клад от Феодосийского⁷ и Патрэйского⁸ и сближает его с Тиритакским кладом⁹. Далее, бросается в глаза больший удельный вес монет Рискупорида VI позднейших выпусков — 622—624 гг., что не отражает, по-видимому, объективной интенсивности работы боспорского монетного двора.

Указанные признаки позволяют думать, что монеты Керченского клада 1961 г., как и Тиритакского, были изъяты из обращения незадолго до их зарытия, в то время как Патрэйский и Феодосийский клад представляют собою результат длительного накопления. Сказанному не противоречит наличие в Керченском кладе двух монет (№ 41, 70), техника изготовления которых не оставляет сомнения: они не чеканные, как обычно, а литые.

Такого рода монеты в находках ранее не отмечались¹⁰; безусловно, мы имеем дело с античными подделками. Известно, что большинство современных подделок отливалось, но эта техника применялась и при изготовлении древних фальшивых монет, в частности, близких по времени боспорским¹¹.

Керченский клад 1961 г. дополняет материалы по изучению денежного обращения Боспора в позднейший период его существования, почти лишенного иных видов исторических источников, кроме нумизматических памятников.

⁵ К. В. Голенко. Второй Патрэйский клад (1951 г.). — НЭ, т. I, 1961, стр. 238 сл.

⁶ Клады 1852, 1869, 1870 гг. См. Е. Е. Люценко. Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах и частично в Повороссийском крае, 1880. Рукопись архива ЛОИА, фонд 28, архив 22, л. 12—14; П. В. Беккер. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. — «Прошлен», т. III. М., 1853, стр. 353 сл.

⁷ Д. Б. Шелов. Феодосийский клад боспорских «статеров». — ВДИ, 1950, № 2, стр. 134 сл.

⁸ К. В. Голенко. Второй Патрэйский клад..., стр. 223 сл.

⁹ Л. П. Харко. Тиритакский монетный клад 1946 г. — ВДИ, 1949, № 2, стр. 73 сл.

¹⁰ К вопросу о литых позднебоспорских монетах автор предполагает вернуться в работе, посвященной монетам такого рода.

¹¹ G. Dattari. Intorno alle forme de fondere monete Imperiali Romane. — RIN, 1913, p. 351 sq.

СПИСОК МОНЕТ КЛАДА, НАЙДЕННОГО В КЕРЧИ В 1961 г.

Порядковый номер	Год боспорской эры	Легенда *, дифференты лиц. ст.	Дифференты ** тип. об. ст.	Соотношение осей***	Вес, г	Литература****, примечания
Ф о ф о р с						
1	583	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν		11	6,75	П., 6—8 (лиц.)
2	584	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν		11	6,89	П., 9 (лиц.), 8 (об.)
3	584	Ε[κ]αστ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν		1	7,27	П., 10, 11 (лиц.)
4	585	Общ. шт. с № 3		1	7,56	П., 10
5	585	?		?	—	
6	590	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν		11	6,76	П., 23, 24
7	590	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν		12	7,40	П., 25—27
8	592	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν Трезубец		12	6,99	П., 36—40 (лиц.)
9	592?	Общ. шт. с № 8		12	6,07	
10	592	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν Шар		12	6,60	П., 34, 35
11	594	κ[α]σ[τ]ι[α]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν Косой крест		11	7,13	К дат., 15 (перечеканена)
12	594	Общ. шт. с № 11	общ. шт. с № 11	11	7,17	
13	594	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν	∴	11	6,49	П., 50, 51 (лиц.)
14	594	Общ. шт. с № 13	∴	10	6,57	
15	595	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν	∴	12	7,07	П., 80—83 (лиц.)
16	596	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν	∴	1	6,88	
17	596	κ[α]στ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν	∴	1	7,06	П., 84—92 (лиц.)
18	599	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς εο[υ]ρ[ι]σ[ο]ν	∴	11	7,61	П., 108—110 (лиц.)
19	599	Общ. шт. с № 18	∴	12	7,50	
20	599?	Общ. шт. с № 18—19 (?)	?	12	6,37	
Р а д а м с а д						
21	613	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρα[δ]αμ[σ]αδ[ι]ς . . .		12	6,80	П., 134—137 (лиц.)
22	615	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρα[δ]αμ[σ]αδ[ι]ς		11	7,24	П., 140—144 (лиц.)
23	615	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρα[δ]αμ[σ]αδ[ι]ς		12	7,01	П., 148, 149

* Заключенные в квадратные скобки части надписей восстановлены по монетам, не принадлежащим к публикуемому кладу.

** Изображение тамгаобразного знака на монетах Фофорса и палицы — на монетах Радамсада не оговаривается.

*** Соотношение осей указано по часовому циферблату.

**** Ссылки даются только на публикации монет, имеющих общие штампы с издаваемыми. Принятые сокращения: П. — К. В. Г о л е н к о. Второй Патрэйский клад монет (1951 г.). — НЭ, т. I, 1960, стр. 223 сл.; К дат. — его же. К датировке одной группы монет Фофорса. — СА, 1958, № 2, стр. 259 сл.; К некот. вopr. — его же. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI. — КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 107 сл.; К хрон. — его же. К хронологии заключительных монетных выпусков Востора. — ЗОАО, т. I, 1960, стр. 334 сл.

Порядковый номер	Год боспорской эры	Легенда, дифференты лиц. ст.	Дифференты тип. об. ст.	Соотношение осей	Вес, г	Литература, примечания
Р и с к у п о р и д VI						
24	616	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Трезубец	Многолучевая звезда	1	7,03	К некот. вopr., рис. 15, 1
25	616	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Трезубец	«Двузубец»	1	7,12	П., 153
26	617	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Трезубец	«Двузубец»	1	6,50	П., 172
27	617	Общ. шт. с № 26	Общ. шт. с № 26	1	6,87	
28	617	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Трезубец	«Двузубец»	12	7,09	П., 162—165
29	617	Общ. шт. с № 28	«Двузубец»	12	6,55	
30	619?	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Венок	[ε]ι—X	1	6,12	П., 189—191 (лиц.)
31	619	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Венок	ει—X	1	5,55	П., 194
32	619	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρι[σ] . . .] Венок	ει—X	1	5,74	
33	620	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Венок	κ—X	12	6,53	П., 213
34	620	Общ. шт. № 33	κ—X	12	7,10	П., 218
35	620	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Венок	κ—X	11	7,22	П., 227—229 (лиц.)
36	620	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Трезубец	Орел	1	7,17	
37	620	Общ. шт. с № 36	Орел	12	7,56	П., 238
38	620	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Трезубец	Орел	10	7,95	
39	620?	(Легенда неясна)	Орел	11	9,74	
40	621?	Трезубец				
40	621	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Венок	ακ—X	12	7,38	П., 259
41	621	Общ. шт. с № 40	Общ. шт. с № 40	12	4,84	(Литая)
42	621	Общ. шт. с № 40, 41	ακ—X	1	7,14	П., 259—(лиц.), 258 (об.)
43	621	Общ. шт. с № 40—42	ακ—X	1	7,25	
44	621	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Венок	ακ—X	12	7,67	П., 270—273 (лиц.)
45	621	Общ. шт. с № 44	Общ. шт. с № 44	1	6,88	
46	621	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς κορυμ[φ]ανος Трезубец	Орел	12	7,09	П., 290
47	621?	(Легенда неясна)	Орел	1	6,87	П., 309 (лиц.)
48	622?	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Трезубец	Орел	12	6,90	П., 310—312 (лиц.)
49	622	Общ. шт. с № 48	Орел	11	6,47	
50	622	καστ[ι]α[ι]ω[ι]ς ρισκουπορις Трезубец	Орел	11	6,73	П., 314
51	622	Общ. шт. с № 50	Орел	12	6,55	П., 318
52	622	Общ. шт. с № 50, 51	Общ. шт. с № 51	1	6,77	(На лиц. ст. отпечаток краев монеты)

Порядковый номер	Год бо-порской эры	Легенда, дифферен-ты лиц. ст.	Дифферен-ты тип. об. ст.	Соотноше-ние осей	Вес, г	Литература, примечания
53	622	[в . . . ρνε]κων[περιε] Трезубец	вк—х	11	6,76	П., 320 (лиц.)
54	622	Общ. шт. с № 53	Ника	12	6,59	
55	622	[κασι]νε ρικων[περι] Венок	Ника	11	6,81	
56	622	Общ., но испр. шт. с № 55	Общ. шт. с № 55	11	7,53	
57	622	[κασι]νε ρικων[περιε] Венок	вк—х	1	6,71	
58	622	[κασι]νε ρικων[περι] Венок	вк—х	11	—	П., 330
59	623	[κασι]νε ρικων[υπεριε] Венок	гк—х	1	6,99	П., 360 (лиц.), 359 (об.)
60	623	[κασι]νε ρικων[υπεριε] Трезубец	Орел	10	6,78	П., 346—348 (лиц.)
61	624	[κασι]νε ρ . . . κων[περι] Венок	αх—х	11	7,21	П., 372
62	624	[κασι]νε ρικων[περιε] Венок	Палица	1	6,26	
63	624	[κασι]νε ρικων[περιε] Венок	Лук	1	6,51	П., 380—382 (лиц.)
64	624	[κασι]νε ρικων[περιε] Венок	Палица	1	6,91	
65	624	[κασι]νε ρικων[περιε] . . .] Трезубец	Общ. шт. с № 64	1	—	П., 386; К хрон., рис. 1, 2
66	624	Общ. шт. с № 65	Многолучевая звезда	1	6,31	
67	624	[. . . νε ρικων[περιε] . . .] Венок	Общ. шт. с № 66	1	6,74	П., 374—378 (лиц.)
68	624	[κασι]νε ρικων[περιε] Венок	ακ—х	1	7,12	П., 387—390 (лиц.); К хрон., рис. 1, 6
69	625	Общ., но испр. шт. с № 68	вк—х	1	7,03	К хрон., рис. 1, 11
70	?	?	?	1	4,00	(Литая)

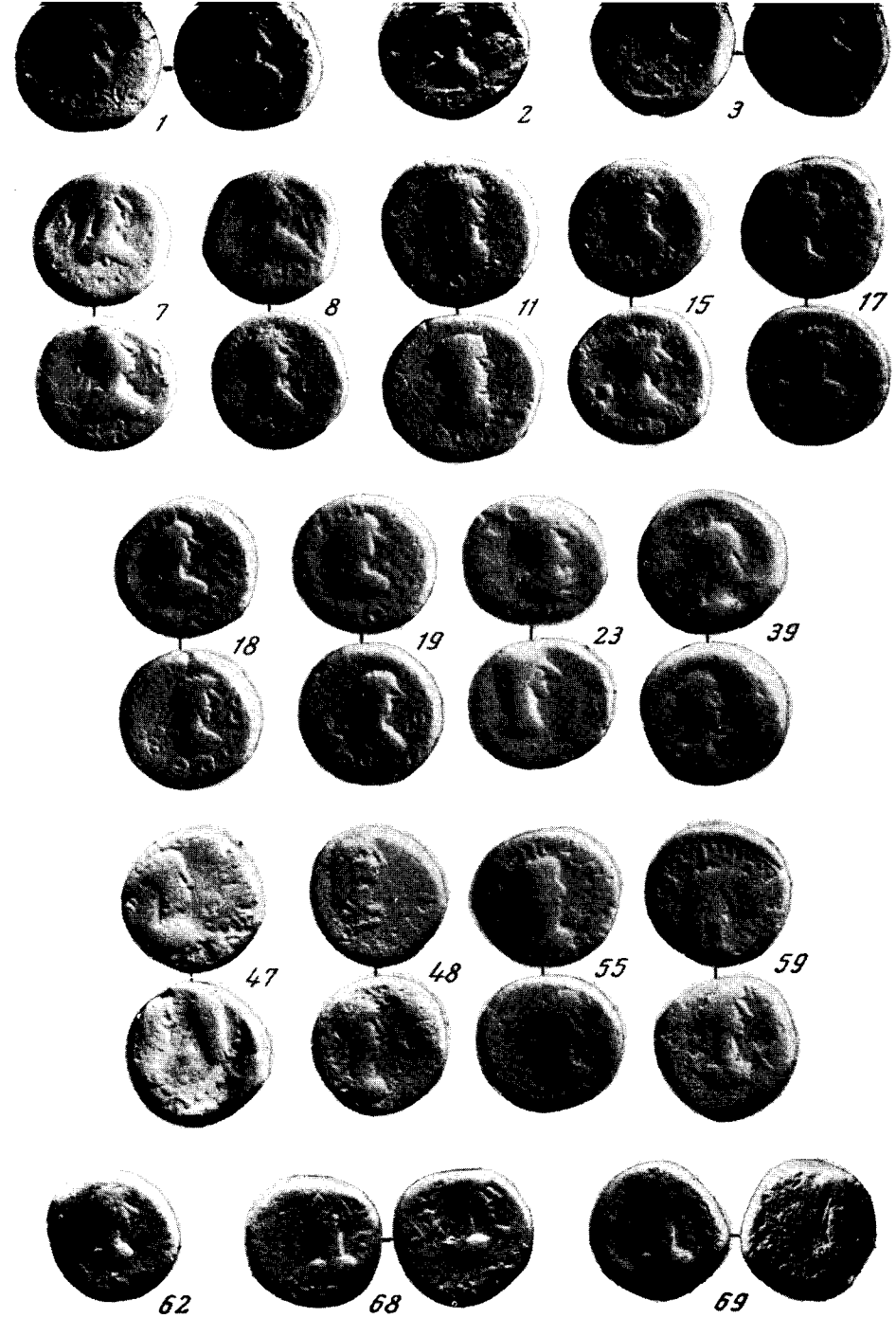

Рис. 1. Монеты из Керченского клада.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

КАТАЛОГ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ
ЛЕНИНГРАДСКИХ ХРАНИЛИЩ

ВЫПУСК 6. РУКОПИСИ XIV ВЕКА

Настоящий, шестой, выпуск каталога греческих рукописей ленинградских хранилищ содержит описание рукописей XIV в. и составлен по тем же правилам, что и предыдущие выпуски.

513. Катена на Книгу Иова. Отрывок. XIII—XIV вв.

Пергамен. Текст писан минускулом, толкования — курсивом. Имеется миниатюра на золотом фоне, изображающая сошествие Христа во ад. Инициалы писаны золотом. Тип разлиновки напоминает тип II_{45a}. Лист наклеен на картон. Происхождение р-си определить не удалось.

1 л. 36,7 × 26,0 и 13,5 × 10,0. 12 строк текста, обрамленных схолиями.

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 140—141.

ПБ, греч. № 382.

514. Деяния и послания апостольские с предисловием Евфалия
Александрийского. 1300—1301 гг.

Пергамен. Палимпсест. Смытый текст IX в., см. выше, описания № 32 и № 85 (ВВ, XVI, 1959, стр. 225—226, 237—238). Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Сохранилась нумерация тетрадей, проставленная писцом, всего 39 тетрадей. На л. 325 рукой писца, киноварью, помечен год: «ἔτος Ϛ ωδ̄». Рукопись состоит из двух томов, переплетенных в XIX в. в кожаные переплеты с золотым тиснением.

330 лл. (1-й том—156 лл., 2-й том—174 лл.). 16,0 × 12,0 и 13,0 × 9,0. 22—23 строки.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 287, 1184, индекс ар 1834; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 41; Rahlfs. Verzeichnis d. griech. HSS. d. A. T., S. 226, 355, индекс 930; C. Tischendorf. Monumenta Sacra Inedita. Nova Collectio, V—VI. Lipsiae, 1865—1869.

Листы покрыты темными пятнами от химических веществ, с помощью которых Тишендорф пытался выявить смытые тексты; эти пятна сильно затрудняют чтение как нового, так и позднейшего текста.

ПБ, греч. № 225, т. 1—2.

515. Часослов. 1303 г.

Пергамен. Минускул. Рукопись написана тремя писцами. Заголовки киноварные. Заставки и инициалы в красках. Разлиновка листов нечеткая, некоторые листы разлинованы по типу I_{2b}. Нумерация тетрадей сохранилась лишь частично, от ε̄ (на л. 38 об.) до ιε̄ (на л. 106 об.). На л. 108 запись писца: «† Ἐτελειώθη τὸ παρὸν ὠρολόγιον διὰ χειρὸς ἐμοῦ τοῦ ταπεινοῦ Θεοδώρου ἀναγνώστου τοῦ Βρανᾶ ἐπὶ τοῦ ἔτους ζῶια ινδ. α, ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἀνδρονίχου καὶ Εἰρήνης, ἡμέρα τρίτη ὥρα ἕκτη. Δόξα τῷ θεῷ. Ἀμήν. Μηγὶ ἰουλιῶν θ̄, τοῦ ἁγίου ἱερομάρτυρος Παγκρατίου».

На л. 113 имеется помета, в которой читается только дата: ζρξ̄ (1652 г.). На л. 157 об. помета, в которой читаются только слова «Ἰωακὴμ γράφω». Переплет XIX в., картон, обтянутый тисненой кожей. 243 лл. 14,8 × 10,7 и 11,5 × 7,0. 19—21 строка.

Собр. Антонина Капустина. Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 42—42a; Отчет ПБ за 1899 г., стр. 9—10. Часть листов утрачена. Многие листы обрезаны. Пергамен покороблен. Корешок переплета разорван.

ПБ, греч. № 546.

516. Евангелие от Марка X₄₄—XI₂₅. 1303 г.

Пергамен. Минускул. Заголовки киноварные. Листы не разлинованы. Из рукописи монастыря Симонопетра на Афоне, номер которой определить не удалось. В обложке с пометами Порфирия Успенского.

2 лл. 16,2 × 12,2 и 11,2 × 7,3, 22 строки.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1197, индекс e 2160; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 128; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 41.

ПБ, греч. № 314.

517. Апостол. Отрывок. 1304 г.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы писаны кармином. Тип разлиновки нечеткий (I_{34a}?). Из рукописи монастыря св. Дионисия на Афоне № 9 (3543)¹. В обложке с пометами Порфирия Успенского.

2 лл. 22,1 × 16,2 и 15,2 × 10,0. 27 строк.

Содержание: К Филиппиянам, III₁₄ до конца; Ὑπόθεσις к посланию к Колоссянам и само это послание до I₆.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1197—1198, индекс 2165 p; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 130.

ПБ, греч. № 322.

518. Ефрем Сирин. Отрывки из бесед. 1309 г.

Пергамен. Минускул. Заголовок и инициалы писаны тусклой красной краской. Тип разлиновки II_{19a}. Из р-си лавры Савы Освященного № 34. В обложке с пометами Порфирия Успенского.

2 лл. 32,2 × 25,0 и 24,1 × 16,8. 2 столбца. 38 строк.

Содержание определить точно не удалось ввиду отсутствия в ленинградских библиотеках печатного издания творений Ефрема

¹ См. Sp. Lambros. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, I, p. 349.

Сирина. Лл. 1—2. Отрывок какой-то беседы, начинающийся словами: «Καὶ υἱὸς θεοῦ βουλόμενος εἶναι/καὶ ἀνωθεν ἐκ τοῦ π(ατ)ρ(ὸ)ς γεννηθῆ/ναι». Кончается этот отрывок словами: «Καὶ ὑπὸ τῆς/ χάριτος τοῦ θεοῦ δυναμῶ/μενοι τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν/ κληρονόμοι γενόμεθα ἐν Χ(ριστ)ῷ... ἀμήν»; л. 2—2 об.: «Λόγος ἡ̄. Περὶ παρθενίας. Περὶ παρθενίας καὶ ἀγιασμοῦ/ψυχῆς Παῦλος ὁ ἀπόστολος». Обрывается на словах: «Μετὰ σκότους κοινῶ/νεῖς διὰ σὴν χαυνοῦτητα/ σεαυτὸν παρέδωκας τῷ ἐχ[θρῶ]».

Собр. Порфирия Успенского. Ἁ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλιοθήκη, т. II, стр. 78.

ПБ, греч. № 329.

519. Ирмологий на крюках. Отрывок. 1309 г.

Пергамен. Типичный для певческих р-сей минускул. Заставки и инициалы рисованы тусклой киноварью. Нотные знаки писаны чернилами и тусклой киноварью. Помета Порфирия Успенского. Из р-си Синайского монастыря № 308 (1256).

1 л. 16,0 × 11,3 и 10,8 × 7,0. 12 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, 1, стр. 157, 624; его же. Памятники Синая, II, tab. 72; J.-B. Thibaut. Monuments..., p. 128.

ПБ, греч. № 371.

520. Типик лавры св. Савы. Отрывок. 1311 г.

Бумага без филиграней. Беглый минускул. Инициалы киноварные. Из р-си Синайского монастыря № 1101. Помета Порфирия Успенского. Лист наклеен на картон.

1 л. 17,0 × 12,7 и 13,2 × 8,2. 20 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, 1, стр. 626; его же. Памятники Синая, II, tab. 62.

ПБ, греч. № 426.

521. Миняя на август. Отрывок. 1316 г.

Пергамен. Минускул. Имеются тусклые киноварные инициалы. Тип разлиновки нечеткий. Из рукописи Эсфигменского монастыря на Афоне № 58 (2074)². На л. 2 об. запись писца, скопированная Порфирием Успенским: «Ἐγράφη ἐν ἔτει ζῶα ινδ. ιδ̄ μηνὶ φευρουαρίῳ δ̄ τελεσθὲν διὰ χειρὸς Μάρκου μοναχοῦ καὶ τάχα ἱερέως. Ἐτελειώθησαν τὰ παρόντα μηνέα, οἷα αὐγουστος, σεπτέμβριος, ὀκτώβριος, νοέμβριος, δεκέμβριος, διὰ χειρὸς κόπου καὶ ἐξόδου καμοῦ Μάρκου ἱερομονάχου, ἀφιερῶθην εἰς τὴν ἀγίαν βασίλικὴν μονὴν τοῦ σ(ωτῆ)ρ(ος) μου Χ(ριστοῦ) τοῦ Ἐσφιγμένου».

2 лл. 24,4 × 16,6 и 17,5 × 12,0. 27 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 43.

ПБ, греч. № 355.

522. Сборник. Около 1318 г.

Пергамен. Минускул. На л. 1 — полустертая киноварная заставка. Заголовки и инициалы киноварные. Тип разлиновки I₂₆. Тетради нуме-

² См. Sp. Lambros. Catalogue..., I, p. 177.

рованы рукой писца, всего 28 тетрадей. На л. 219 запись писца: «† Ὁ τὰ πάντα πληρῶν θε(ε)ς ἡμῶν, δόξα). Γένοιτο, σ(ω)τήρ μου, σ(ω)τήρια, γένοιτο, θε(ε)τόκε, καθαρὲ καὶ θε(ε)ῦ / παραστάτα εὐχαῖς ἀμήβου τῆς γραφῆς τὸν ἐργάτην. Ἐγρά(φη) ἐπὶ ἔτους ς' ω κ ς (1318) ἰνδ. πρώτης / † Δόξα σοι, Χ(ρισ)τέ, σ(ω)τήρ μου, δόξα σοι, ὁδός, ἀρχὴ καὶ τέλος, δόξα σοι». На л. 1 — помета рукой Сегье: «29. P. Segurier». В красном бархатном переплете.

220 лл. 22,5 × 17,0 и 15,5 × 11,0. 25 строк.

Содержание: лл. 1—183 об. Филиппа Инок Диоптра. Заголовок читается с трудом. В. Н. Бенешевич прочитал в конце заголовка следующие слова: «Ἰω(άν)νου μοναχοῦ καὶ πρεσβυτέρου... καὶ Μιχαήλ τοῦ Χωνιάτου». Начало: «Πῶς κάθη, πῶς ἀμεριμνήης, πῶς ἀμελεῖς, ψυχὴ μου». Конец: «Οἵτινες ἐντυγχάνουσιν τούτοις προσθήσωμεν καὶ γραφικὰς μαρτυρίας ἐνταῦθα. Τέλος». Текст в латинском переводе (сделанном, видимо, с текста другой редакции) см. PG, t. 127, col. 703—878³; лл. 183 об.—198. «Τοῦ ὁσίου π(α)τρ(ὸ)ς ἡμῶν ἀββᾶ Θεοδώρου διδασκαλίου διάφοροι πρὸς τοὺς ἑαυτοῦ μαθητάς, ἀναχωρήσαντος αὐτοῦ ἐκ τοῦ ἀββᾶ Σερεδίου...». Текст см. PG, t. 88, col. 1617_A—1640_D (под именем Дорофея); лл. 198—205. «Τοῦ αὐτοῦ περὶ ταπεινοφροσύνης». Текст см. *ibid.*, col., 1640_D—1652_C; лл. 205 об.—207 об.

«Πρόλογος ψυχοφελῆς τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)τρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου». Начало: «Τοῖνον, ἀδελφοί, σκοπῶ τὸν σκοπὸν ἀποθέμενοι», конец: «Ὁ φίλος σου ὡς σὲ ἀγαπᾷ ἐνεὶ καὶ τὸ χάρισμάν του». Текст отождествить не удалось; лл. 207 об.—212 об. «Πολιτικός διακείμενος, χαίρειν τῷ διδασκάλῳ» (разные заметки учебного характера, пословицы, вопросы и ответы). Текст издан: Ἰ. Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Δημόσιες βιβλιοθηκῆς παροιμίαι. — ЖМНП, т. 334, 1901, апрель. Отдел. классич. филологии, стр. 1—12. См. также замечания Э. Курца к этому изданию А. И. Пападопуло-Керамевса в BZ, X, 1901, S. 660—661; л. 212 об. Κύκλος ζωδιακός; лл. 212 об.—213 об. «Τοπική καὶ κεφαλαϊώδης διαφορὰ τινῶν πραγμάτων καὶ μερικὴ διάστασης λόγων τοῦ ἐν θεολογία Γρηγορίου». Текст отождествить не удалось; начало: «Πρὸ πάντων καὶ διὰ πάντων», конец: «Περὶβολὴν δὲ λέγω τὴν ἀκαθαρσίαν»; лл. 213 об.—219. «Ἰατροσόφην ἐκ τοῦ Γαληνοῦ». Содержит разные рецепты, не только медицинские, но и хозяйственного характера; так, на л. 215 имеется следующий рецепт: «Εἰς τὸ ποιῆσαι καλὸν οἶνον. Γράψον εἰς μῆλον, ἢ εἰς κιδόνην γέσασθε καὶ ἴδεται, ὅτι χρηστὸς ὁ κ(ύρι)ος». Подобный рецепт см. Geoponica sive Cassiani Bassi Scholastici de Re Rustica Eclogae, grec. H. Beckh. Lipsiae, 1895, p. 200. Упоминание об этих отрывках см. H. Diels. Die Handschriften der antiken Aerzte. I. Hippokrates und Galenus. — Abhandlungen der Preuss. Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse, 1905, S. 123; лл. 219—220. Пробы пера, отрывки из молитв и т. п. пометы, большей частью сильно стертые и не поддающиеся прочтению; л. 220 об. чистый.

Собр. П. П. Дубровского, ранее рукопись принадлежала канцлеру П. Сегье. В. de Montfaucon. Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana. Parisiis, 1715, p. 416, № 300; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 43a; архим. Амфилохий. Палеографическое описание греческих рукописей определенных лет, III. М., 1879, стр. 51 сл., табл. XVI; E. Muralet. Catalogue..., p. 67—68; рукопись эта упомянута также в статье V. Grumel. Remarques sur la Dioptra de Philippe Le Solitaire. — BZ, 44, 1951. S. 198—211, и в книге: K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur, 2. Aufl. München, 1897, S. 100.

ПБ, греч. № 116.

³ Издания: E. Auvray. «Pleurs» de Philippe de Solitaire. Paris, 1875 и E. S. Schuckburgh. The Soul and the Body. Cambridge, 1894 — мне недоступны. Известно много списков этого сочинения в славяно-русском переводе. См. выше, описание № 430, примечание.

523. Евангелие от Иоанна V₂₀₋₃₆. 1319 г.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы писаны тусклой красной краской. Из р-си монастыря св. Дионисия на Афоне № 30⁴. Тип разлиновки нечеткий (I_{11C}). В обложке с пометами Порфирия Успенского. 1 л. 16,5 × 11,7 и 9,8 × 6,7. 21 строка.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1197. индекс e 2161; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 128; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 44.

ПБ, греч. № 315.

524. Стихирарь на крюках. Отрывок. 1321 г.

Пергамен. Минускул. На л. 1 об. имеются заставка и инициалы, рисованные золотом и красками. Заголовки и инициалы киноварные. Нотные знаки писаны чернилами и киноварью.

Тип разлиновки I_{26a} или I_{26c}. Помета Порфирия Успенского. Из р-си Синайского монастыря № 275 (1221).

1 л. 23,2 × 16,6 и 16,0 × 10,3. 18 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, 1, стр. 137, 622; его же. Памятники Синая, II, tab. 64; Г. Ф. Церетели и С. Соболевский. Exempla..., II, tab. 45; J. V. Thibaut. Monuments..., p. 129.

ПБ, греч. № 366.

525. Ефрем Сирин. Отрывки из бесед «Περὶ κρίσεως καὶ κατανόξεως» и «Περὶ ὑπομονῆς». 1330 г.

Бумага без филиграней. Минускул. На л. 1 об.—киноварный заголовок и инициал. Из р-си Лавры Савы Освященного № 230. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

2 лл. 26,9 × 18,3 и 19,0 × 12,0. 24 строки.

Собр. Порфирия Успенского. Ἰ. Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἰεροσ. Βιβλιοθήκη, т. II, σελ. 360—361; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 146; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 46.

ПБ, греч. № 409.

526. Феофилакт Болгарский. Толкование на Евангелие от Иоанна XVIII₃₃—XIX₃₄. 1332 г.

Бумага без филиграней. Книжный курсив. Инициалы и счет глав на полях помечены киноварью. Из р-си Лавры Савы Освященного № 262. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

8 лл. 24,9 × 17,2 и 19,0 × 12,5. 29 строк.

Текст см. PG, t. 124, col. 280_D—281_B.

Собр. Порфирия Успенского. Ἰ. Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἰεροσ. Βιβλιοθήκη, т. II, σελ. 393—394. Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 47.

Листы повреждены червями.

ПБ, греч. № 407.

⁴ См. Sp. Lambros. Catalogue..., I, p. 320.

527. Стихирарь. Отрывок. 1333 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Заголовок и инициалы киноварные. Имеются нотные знаки, писанные чернилами, а также карминные нотные знаки, добавленные (согласно указания Тибо, см. ниже) в XVI в. Помета Порфирия Успенского. Из р-си Синайского монастыря № 1586. Лист наклеен на картон.

1 л. 24,2 × 15,5 и 18,0 × 11,0. 20 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, 1, стр. 158, 628; его же. Памятники Синая, II, tab. 75; J.-V. Thibaut. Monuments..., p. 130.

ПБ, греч. № 441.

528. Иоанн Златоуст. 63-я и 64-я беседы на книгу Бытия. Отрывки. 1335 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Заголовок и инициал писаны тусклой красной краской. Из р-си Синайского монастыря № 372 (363). Помета Порфирия Успенского. Лист наклеен на картон.

1 л. 38,3 × 26,5 и 28,0 × 22,0. 37 строк.

Текст см. PG., t. 54, col. 546—548 от слов: «Ὁὗτως πάντες οἱ ἄγιοι εὐδοκίμησαν», до слов: «Ἐκεῖνος δὲ ἐστὶν ὁ τῆς σωτηρίας ἅπασιν ἡμῖν αἰ[τιος]».

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, 1, стр. 204—205, 625; его же. Памятники Синая, II, tab. 78; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., tab. 48.

ПБ, греч. № 443.

529. Толковое Евангелие Феофилакты Болгарского. 1337 г.

Филиграни бумаги: 1) два круга, см. V. Mošin, S. Traljič. Vodeni znakovi XIII. i XIV. vijeka, I—II. Zagreb, 1957, № 1995; 2) гербовый щит, см. там же, № 525; 3) гирия, см. там же, № 6779. Минускул. Заставки, заголовки и инициалы рисованы красной краской разных оттенков. Рукопись написана двумя писцами. Следов нумерации тетрадей не обнаружено. На л. 284 запись писца: «Ἐώρα τὸ γλυκῆτατο/ ἢ βίβλος ἦδε, / τέρμα ἐν χάριτι παντανάτως τοῦ θεαν(θρώπου) λόγου. ἐξ εὐτελοῦς τῆ καὶ νοδράς χειρὸς ἐμοῦ καὶ θύτου, ἀμαρτωλοῦ μονα/χοῦ ράδομου τε Μεθοδίου Γερμιστοῦ/ καὶ παντελῶς χωρικογραμμάτως. Ἐν ἔτει ζ'ωμῆ/ ἰνδ. ε' καὶ ἐν μηνί μαῖο κα. Ὁ τὴν παροῦσαν ἐσχικῶς τῶν θειόρων βίβλων, / εὐαγγελιστῶν τεσσάρων τε καὶ κοσμοσωτήρων / τῆ κλήσει τε, Ἰωάννης θύτης καὶ πρῶτος πάντων τῶν θυτῶν, πόλεως Ἀγγιᾶλου, ἀρμόζωντος τῆς τοῦ νομικοῦ / τάξεως ἐμπε/πλησμένης προ/τροπόμενος πα/ρά τοῦ ἐν μεγίστης / πατριάρχου Θεοδοσίου / τοῦ Τυρνάβου, / ἐπὶ τῆς βασιλείας τῶν εὐσεβεστάτων / καὶ αὐτοκράτορος Βουλγάρων κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Ἀλεξάνδρου / καὶ Ἰωάννου τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως τοῦ Ἀσάνη / καὶ υἱοῦ αὐτοῦ». На л. 2 помета XIX в.: «Ἐκ τῶν τῆς ἐν Μετεώροις ἱερᾶς μονῆς τοῦ Βαρλαάμ». Четыре миниатюры (евангелисты Матфей, Марк, Лука и Иоанн) из этой рукописи хранятся в настоящее время отдельно, под шифром греч. 235а. На обороте миниатюры, изображающей евангелиста Матфея, имеется помета XVII—XVIII вв.: «† Δοσηθεὸς ηερωμόναχος». В тисненном золотом кожаном переплете XIX в.

284 лл. 26,0 × 18,8 и 21,5 × 16,0. 2 столбца. 40 строк.

Текст см. PG., t. 123.

Собр. Порфирия Успенского. Gregoгу. Textkritik d. N. T., S. 1196, индекс e 2148. Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 49.

Миниатюры потемнели.

ПБ, греч. № 235 и № 235а.

530. Евангельские чтения. Отрывок. 1338 г.

Бумага без филиграней. Крупный литургический минускул. Заставка, заголовки и экфонетические знаки киноварные. Арабские пометы. Из р-си Патриаршей библиотеки в Каире № 72 (929). Лист наклеен на картон с пометой Порфирия Успенского.

1 л. 34,0 × 23,5 и 26,5 × 17,5. 2 столбца. 20 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregoгу. Textkritik d. N. T., S. 1281, индекс I 1418; Г. Χαριτάκης. Κατάλογος τῶν χρονολογημένων κωδίκων τῆς Πατριαρχικῆς Βιβλιοθήκης Καΐρου. «Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν» IV, 1927, σελ. 118—119, № 4; Бенешевич. Памятники Синая, II, tab. 79.

Края листа повреждены.

ПБ, греч. № 397.

531. Псалтирь, псалмы LXI₁₁—LXII₉. 1344 г.

Пергамен. Литургический минускул. Имеется рисованный коричневой краской инициал. Киноварные заголовки, мелкие инициалы и точки между стихами. Тип разлиновки I₁₁. Из р-си Синайского монастыря № 55 (10). Помета Порфирия Успенского.

1 л. 17,4 × 12,3 и 10,0 × 6,5. 15 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Ra hlf s. Verzeichnis d. griech. HSS. d. A. T., S. 230, 289, 369, индекс 1825; Бенешевич. Описание, 1, стр. 614; его же. Памятники Синая, II, tab. 73.

ПБ, греч. № 272.

532. Богослужебный текст. Отрывок. 1350 г.

Пергамен. Минускул. Палимпсест, описание смытого текста см. выше, № 41 (ВВ, XVI, 1959, стр. 227). Киноварные инициалы. Нотные знаки писаны чернилами и киноварью. Лист не разлинован. Помета Порфирия Успенского. Происхождение р-си установить не удалось.

1 л. 13,8 × 9,7 и 10,0 × 5,8. 14—15 строк.

Собр. Порфирия Успенского. J.-V. Thibaut. Monuments..., p. 83; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 138.

ПБ, греч. № 372.

533. Эксапостеларий с дополнительными статьями. 1352 г. Лавра Савы Освященного.

Бумага без филиграней. Минускул. Рукопись написана двумя или тремя писцами. Имеются небольшие заставки, рисованные киноварью и чернилами. Заголовки и инициалы киноварные. Тетради пронумерованы писцом, всего 26 тетрадей. Переплет старый, доски в коже с жуками, которых сохранилось только два. К доскам переплета приплетены

листы пергамена, описание которых см. выше, № 191 и № 402 (ВВ, XIX, 1961, стр. 199; XXIII, 1963, стр. 198).

Имеются следующие записи: 1) л. 16 об. Запись писца: «Μέμνησο θύτα Ἰωαννικίου ἀμαρτωλοῦ τοῦ Ἀγιοσαβίτου»;

2) л. 168, киноварью: «Ἐτελειώθη τὸ παρὸν ἐξαποστειλ(ά)ρ(ι)ον/ διὰ χειρὸς ἐμοῦ τοῦ ἀμαρτωλοῦ Ἰωαννικίου/ τοῦ Ἀγιοσαβίτου. Καὶ οἱ μέλλοντες ψάλλειν/ [ἐν] αὐτῷ εὐχεσθαι μοι διὰ τὸν κ(ύρι)ον./ † Ἐγράφει δὲ ἐν ἔτει ζωξῖ ἰνδ(ικτιῶνος) πέμπτης»;

3) л. 222, рукой второго писца, темно-красной краской: «Ἐτελειώθη διὰ χειρὸς Ἰωακείμ και/ τάχα ἱερομονάχου τοῦ ἀμαρτωλ(οῦ)»;

4) л. 223 об. Запись XIV—XV вв., недоконченная: «Μνήσθητε, κ(ύρι)ε, τὴν ψυχὴν/ τῆς δούλης σου καλῆς καλῆς προσ...»;

5) л. 223 об. Рукой XIV—XV вв.: «Ἀφηρώθ(η) ἡ αὐτῆ βίβλος εἰς τὴν σε/βασμί(αν) μονή(ν) τοῦ ὁσίου π(ατ)ρ(ός) ἡμῶν/ Σάβα τ(οῦ) ἡγιασμένου και ἀθηγι(τοῦ) τ(ῆς) ἐρήμου». Имеются также арабские пометы.

233 лл. 18,5 × 13,2 и 14,5 × 9,5. 20 строк.

Содержание: лл. 1—8 об. «Ὁ πίναξ τῶν δεσποτικῶν ἑορτῶν και ἐτέρ(ων) ἀγί(ων)». Начало: «Εἰς τὸ γενέθλιον τῆς ὑπεραγίας θε(ο)τό(κου) ζῆτει εἰς τὸ μικρὸν βιβλίον, ὅπου ἔχει/ εἰς τὴν ἀρχὴν τῶν ἀγίων ἑπτὰ παιδ(ων) τῶν ἐν Ἐφέσω. Ἐτερος λόγος τοῦ ἀγίου/ Ἀνδρέου Κρήτης εἰς ἕτερον βιβλίον/ πανηγυρικὸν βαμβάκινον εἰς τὴν αὐτὴν ἑορτήν». Конец (дописан рукой другого писца, чем предыдущий текст): «Ὁμιλία Θεοδώρου ἐπισκόπου Τριμιθούστ(ων)/ περὶ τῆς ἐξορίας τοῦ θείου Χρυσοστόμου/ζήτ(ει) εἰς τὸ μέγα βιβλίον τὸ βέβρανον (т. е. μέμβρανον)./ Ἰπόμνημα εἰς τὸν ἅγιον ἀπόστολον Φίλιππον/ζήт(ει) εἰς τὸ μ(έ)γα βιβλίον τὸ βέβρανον». Этот текст представляет собой указатель проповедей и бесед на разные церковные праздники и памяти святым со сведениями, в каких именно книгах библиотеки того монастыря, где этот указатель был составлен, следует искать тот или иной текст; такие указатели «оказали влияние не только на состав и развитие рукописного материала, но отчасти и на историю библиографических указателей к отдельным книгам» и могут рассматриваться как прообразы современных тематических или предметных библиотечных каталогов⁵; лл. 9—221 об. Эксапостеларий; лл. 222—223 об. — позднейшие пометы, см. выше; лл. 224—232 об. Чины посвящения в чтеца, иподиакона, диакона, пресвитера и т. п. и несколько гимнов.

Собр. А. А. Дмитриевского.

Листы р-си обветшали и сильно повреждены червями. Кожа переплета оборвана, края переплета обломаны.

БАН, собр. А. А. Дмитриевского, № 20.

534. Пасхалия за годы 1359—1408.

Пергамен. Курсив. Киноварные заголовки. В обложке. Происхождение р-си установить не удалось.

1 л. 18,7 × 13,0 и 16,5 × 11,0. 34 строки.

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 141.

ПБ, греч. № 384.

⁵ Об этих указателях см.: А. А. Дмитриевский. Патмосские очерки. Из поездки на остров Патмос летом 1891 года. Киев, 1894, стр. 226; Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1907, стр. L—LI. См. также В. А. Мустакидис. Ο μεμβράνινος κωδῆξ ὑπ' ἀρ. 244 τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἱεροῦ Μετοχίου τοῦ Παναγίου Ταφου. — BNJ, III, 1922, S. 351—359. Этот указатель А. А. Дмитриевский, видимо, готовил к печати, так как в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки в архиве А. А. Дмитриевского имеется копия этого текста.

535. Минея на июль. Отрывок. 1361 г.

Филигрань нечеткого рисунка (единорог? свинья?). Минускул. Имеются небольшая заставка, заголовки и инициалы, рисованные киноварью. Из р-си Синайского монастыря № 319 (1627). Помета Порфирия Успенского. Лист наклеен на картон.

1 л. 27,2 × 20,2 и 20,0 × 13,0. 30 строк.

Содержит отрывок из службы на 31 июля.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, 1, стр. 173, 627; его же. Памятники Синая, II, tab. 80.

ПБ, греч. № 428.

536. Пролог на месяцы сентябрь—февраль. 60—70-ые годы XIV в.

Филиграни бумаги: 1) два круга, см. V. Mošin, S. Traljič. Vodeni znakovi..., № 2160—2171; 2) груша с листьями, см. там же, 4365—4367. Минускул. Имеются небольшие заставки и инициалы, рисованные тусклой красной краской. Нумерация тетрадей сохранилась частично, от тетради γ̄ (л. 16) до λ̄ (л. 233). На л. 239 об. написан отрывок из Послания к Галатам III¹⁵⁻²² и запись рукой писца: «Ἐγεννήθ(η) ὁ υἱός μου ὁ Νικόλαος εἰς ἔτους/ ζωπη (6888, т. е. 1380) ἃ τῆς ἡμέρας εἰς τὸ τρί(τον)/ τοῦ ἰαννουαρι(ίου) μηνός. Αχομι ἐγεννήθ(η) ὁ υἱός μου Μανουήλ εἰς ἔτους/ ζωπς (6887, т. е. 1378) ἡμέρ(α) β̄ εἰς ὠρ(αν) ιβ̄ τῆς ἡμέρας, εἰς τ(ὸ) ιδ̄ ζ τοῦ δεκεμβρι(ίου) μηνός, ἦγον τὴν ἡμέρ(αν) τοῦ ἀγίου πρωτοηστίμου φθάσαντες οἱ...». В картонном переплете XIX в.

239 лл. 27,6 × 19,5 и 22,5 × 16,0. 2 столбца. 30—32 строки.

Второй том этой же рукописи — см. следующее описание, № 537. H. Delehaue. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae (= Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris). Bruxellis, 1902, p. XLV; Отчет ПБ за 1899 г., стр. 19.

Начало и конец утрачены.

ПБ, греч. № 567.

537. Пролог на март—август. 60—70-ые годы XIV в.

Филиграни бумаги: 1) круг с крестом наверху, см. V. Mošin, S. Traljič. Vodeni znakovi..., № 1820—1825; 2) два круга с крестом, см. там же, № 2053—2054, 2057—2058; 3) птица, см. там же, № 6670—6671; 4) колокол, см. там же, № 2845, 2847; 5) груша с листьями, см. там же, № 4316—4319; 6) ферула, см. там же, № 3857—3859, 3864—3865, 3869. Книжный курсив. Рукопись написана двумя писцами. Заставки и инициалы рисованы красной краской, в настоящее время сильно выцветшей. Нумерации тетрадей не сохранилось. На л. 79 — южнославянская помета XV в.: «Ποкуσις пера и мелан... да пишеть добръ там...». На л. 1 — экслибрис Антонина Капустина. В картонном переплете XIX в.

182 л. 25,5 × 19,3 и 20,5 × 14,5. 1 и 2 столбца. 28—29 строк.

Первый том этой рукописи см. предыдущее описание № 536. Текст обрывается на втором дне августа.

Собрание Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 19—20.

Начало и конец утрачены. Имеются следы сырости. Рукопись была реставрирована в XIX в.

ПБ, греч. № 563.

538. Стихирарь. Отрывок. 1374 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Заголовки и инициалы написаны киноварью с примесью золота. Имеются потные знаки, написанные чернилами. На л. 1 — арабская помета. Помета Порфирия Успенского. По указанию В. Н. Бенешевича, этот лист — из р-си Синайского монастыря № 1229. Лист наклеен на картон.

1 л. 28,1 × 18,7 и 21,3 × 14,0. 27 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, 1, стр. 138—139, 627; его же. Памятники Синая, II, tab. 81; J.-V. Thibaut. Monuments..., p. 131.

ПБ, греч. № 440.

539. Триодь цветная. Отрывок. 1376 г.

Филигрань бумаги — цветок, см. V. Mošin, S. Traljič. Vodeni znakovi..., № 4095. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Потные знаки писаны чернилами и киноварью. Имеются позднейшие пометы к тексту. Помета Порфирия Успенского. Из р-си монастыря Кутлумуш на Афоне № 307 (3380)⁶. Листы наклеены на картон.

2 лл. 26,5 × 19,2 и 20,2 × 13,5. 2 столбца. 29 строк.

Собр. Порфирия Успенского. J.-V. Thibaut. Monuments..., p. 132; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 50; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 151.

Края листов повреждены.

ПБ, греч. № 436.

540. Заметки о храме Иоанна Владимира в Албании. После 1380 г.

Пергамен. Заметки написаны по смытому латинскому тексту, от которого сохранилось только несколько киноварных инициалов. Лист использовался как переплет.

1 л. 31,2 × 20,0.

Содержание: л. 1. Записи: 1) «[Τοῦ] Γεωργίου τοῦ Μανάσαρι;»;

2) «Μνήσθητι, κ(ύρι)ε, τ(ήν) ψυχ(ήν) τοῦ δούλου τοῦ θε(ο)ῦ Μανούηλ ἱεραί(ως) καὶ μνήσθητι, κ(ύρι)ε, τ(ήν) ψυχ(ήν) τοῦ δούλου σου Γεωργίου ἱερέως καὶ πνευματικοῦ;»;

3) «Μαθ(η)μάτ(ων) φρόντιζε μᾶλλον ἢ χρημάτ(ων), τὰ γὰρ μαθ(ήμα)τ(α) εὐπορό- (τερα) τὰ χρήμα(τα);»;

л. 1 об. 1) Заметка почти не читается, начало: «Ἄν(θρωπος) ἀν(ήρ) ἔχων τέκνα δύοδεκα...»;

2) «Περὶ τ(ὸν) να(ὸν) τοῦ ἀγ(ίου) Ἰω(άννου) τοῦ Βλαδ(η)μηρου..... / Χρη γινωσκ(ειν) οτι ο ναος ουτος(ος) εκατεβληθη(η) απο σησμου παντελ(ῶς) εως θεμελιου εις διακρατησιν και εν ημεραις αυθεντευοντος πασης χωρας / Αλβανου πανυφιλοτ(ά)τ(ου) πρωτο(ς) Καρλα ο Θεοπι(ας), ανιψιος (δὲ) και αιματος ρυ(γας) τ(ῆς) Φραγγίας, αυτος (δὲ) ανοικοδομησ(εν) τ(ὸν) πανσεπτον ναον τουτον / του αγι(ου) Ἰω(άννου) Βλαδ(η)μηρου και ανυγυρ(εν) αυτω εκ βαθρου μεχρι τελους / εκ πιστε(ως) και ζεούσης καρδί(ας) απο Χ(ριστο)ῦ γεννησε(ως) ε(ως) οικοδομήσεως του ναου еτι <1380, ἀπὸ δὲ κτίσεως κόσμου εἰσι ετ(ος) ζ̄ωζ (6806), αυθη(εν)τευοντο(ς) (δὲ) ε(ως) τοτε κ̄β̄ ἔτη, ἡλίου κυ(κ)λ(ος) ᾱ, σελ(ή)νης κυ(κ)λ(ος) ῑα. Ἐκτίστη ο ναο(ς) οργι(ας) δ̄. Μέγ(ι)στο(ς) ο πρω..... ναος εξηστ... ετ(ους) ζ̄μβ (1534)». Эта запись представляет собой копию надписи, находящейся над дверью церкви

⁶ См. Sp. Lambros. Catalogue..., I, p. 309.

в монастыре св. Иоанна Владимира в Албании, см. J. G. von Hahn. Albanesische Studien. Jena, 1854, S. 82—84, 135—136;

3) «† Ετ(ους) ζ̄ωνζ (ζωμζ?) (1339? 1349?)..... ἐν ταῖς ἡμέρ(αις) Στεφάνου τοῦ βασιλ(έως) ἐποίησ(εν) νόμ(ος) δογμα (?)»;

4) «† Ἐτ(ους) ζ̄ξ̄θ̄ (1461) ἐκοιμήθ(η) ὁ Γελέμ Ἀριανήτ(ης);»;

5) «† Ἐτ(ους) ζ̄θ̄οδ (1466) ἡλθ(εν) ὁ Ἀμιράς κ(αι) ἐφτήσ(εν) τῷ Νέφ Κάστρω».

Рукопись поступила в собрание Русского археологического института в 1901 г., см. РАИК, XIII, стр. 319.

БАН, собр. РАИК, № 148.

541. Октоих. 1381 г.

Пергамен. Палимпсест, описание смытых текстов см. выше (ВВ, XVIII, 1961, стр. 274, № 184). Минускул. Заставки, заголовки и инициалы киноварные. Нумерация тетрадей сохранилась частично, на л. 334 об. помечена тетрадь 41-я. Листы заново не разлинованы, использована старая разлиновка, по которой были написаны смытые тексты. Лл. 1—2 добавлены в XIX в., а лл. 3—40 добавлены в XVI в. на бумаге с филигранью «якорь в кругу» (неясного рисунка, см. С. М. Briquet. Les Filigranes..., № 580?). На л. 328 киноварная запись писца: «† Τῆς ὀκτώηχου τῆς νέας θεῖον τέλος. / Θε(ο)ῦ τὸ δῶρον καὶ Θεοκτίστου πόνος. / Καὶ τοῦτο βευστόν προσδόχα / τὸ μὴ βέον. Δέομαι καὶ ἀντιβολῶ καὶ παρακαλῶ ὑμᾶς, ἀδελφοὶ ὁσιώτατοι καὶ πνευματικώτατοι, οἱ μονάζοντες ἐν / τῇ σεβασμίᾳ μονῆ τῶν πατέρων ἡμῶν καὶ ἀγιωτάτων / ἱερομονάχων Μελετίου καὶ Ἰωαννικίου, / ἵνα ὅταν φάλλεται τὴν ὀκτώηχον ἐν τῇ χειρὶ, συγχωρήσετε καὶ μνημονεύσετε με(ε) τ(ὸν) ἀνάξιον Θεοκτίστ(ον) / ἐλάχιστον ἱερομόναχον, καὶ ὁ θε(ο)ς συγχωρήσει / ὑμᾶς, ἀμήν. Ἰνδ. δ̄, ζ̄ ωπ̄θ̄ (6869, т. е. 1381) ἔτ(ους)».

Переплет XIX в., тисненая золотом кожа.

350 лл. 26,5 × 18,0 и 19,0 × 13,5. 29 строк.

Собр. Антонина Капустина. Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 51; Отчет ПБ за 1899 г., стр. 10—11.

Пергамен покороблен.

ПБ, греч. № 547.

542. Евангелие от Иоанна I₁₋₅. 1381—1382 гг.

Бумага без филиграней. Минускул. Заставка и заголовок киноварные. Из р-си Патриаршей библиотеки в Каире № 119 (14). Лист наклеен на картон с пометой Порфирия Успенского.

1 л. 18,0 × 12,2 и 13,5 × 8,5. 22 строки.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1198, индекс e 2168; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 44; Г. Χαριτάκης. Κατάλογος..., σελ. 121—122, № 12.

Лист поврежден червями.

ПБ, греч. № 398.

543. Минея на июнь. Отрывок. 1389—1390 гг.

Бумага без филиграни. Минускул. Имеется небольшая заставка в красках. Заголовки и инициалы киноварные. Тип разлиновки I_{38a} или I_{38b}. Из р-си лавры Савы Освященного № 237. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

2 лл. 27,5 × 18,5 и 19,5 × 11,2. 26 строк.

Содержит отрывок службы на 29-е июня.

Собр. Порфирия Успенского. 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. 'Ιεροσ. Βιβλιοθήκη, τ. II, σελ. 367—368; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 149; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 52. ПБ, греч. № 429.

544. Типик церковный лавры Савы Освященного. Τυπικὸν τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀκολουθίας τῆς ἐν Ἱεροσολύμοις ἀγίας λαύρας τοῦ ὁσίου π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Σάβα. Ἀὕτη δὲ ἀκολουθία γίνεται ἐν ταῖς λοιπαῖς ταῖς ἐν Ἱεροσολύμοις μοναῖς. 1392 г.

Филиграни бумаги: 1) три горы, см. V. Mošin, S. Traljič. Vodeni znakovi..., № 6264—6271; 2) буква «R», см. там же, № 5574—5584; 3) колокол, см. там же, № 2903, 2910, 2914. Книжный курсив. На л. 1 имеется небольшая заставка, рисованная золотом и красками, значительно подновленная. Заголовки и инициалы киноварные. Нумерация тетрадей сохранилась частично, от тетради β̄ (л. 9) до λζ̄ (л. 285). На л. 297 об. киноварью помечена дата: «'Ετος ζ̄ η̄ ἰνδ. ιε̄ μ̄η̄ μαῖω̄ κ̄δ̄». От старого переплета сохранилась часть тисненой кожи с жуком, корешок и застежки относятся к XIX в.

297 лл. 19,8 × 12,7 и 14,5 × 9,0. 21 строка.

Собр. Антонина Капустина. А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. III (первая половина). Τυπικά, ч. II. Πг., 1917, стр. 175—178, № XXXII; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 54; Отчет ПБ за 1899 г., стр. 19.

Начало и конец утрачены. Рукопись повреждена червями и сыростью, была реставрирована в XIX в.

ПБ, греч. № 565.

545. Миней на февраль. Отрывок. 1396 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Имеются небольшие заставки, рисованные красками и киноварью. Заголовки и инициалы киноварные. Из р-си Лавры Савы Освященного № 229. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

2 лл. 27,8 × 17,8 и 21,0 × 12,0. 28 строк.

Содержит отрывки служб на 5 и на 6 февраля.

Собр. Порфирия Успенского. 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. 'Ιεροσ. Βιβλιοθήκη, τ. II, σελ. 355—357; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 150.

ПБ, греч. № 431.

546. Синаксарь. Отрывок. 1398 г.

Филигрань бумаги — три горы с крестом, V. Mošin, S. Traljič. Vodeni znakovi..., № 6394. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Из р-си библиотеки Лавры Савы Освященного № 220. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

2 лл. 28,8 × 21,0 и 23,0 × 15,5. 2 столбца. 29—30 строк.

Содержит памяти на 1—3 февраля.

Собр. Порфирия Успенского. 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. 'Ιεροσ. Βιβλιοθήκη, τ. II, σελ. 330; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla..., II, tab. 55; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 153.

Л. 1 сверху разорван, по краю подклеен бумагой.

ПБ, греч. № 454.

547. Батрахомиомахия. Отрывок. Первая половина XIV в.

Филигрань бумаги — цветок, см. С. М. Briquet. Les Filigranes..., № 6384. Курсив. Между строк текста вписаны красным краткие схолии. На л. 9 об. помета писца: «'Ανθολόγει, ὃ μαθητά, τὰ δὲ ἔργα φεῦγε». Имеются карандашные пометы А. И. Пападопуло-Керамевса. В переплете XIX в.

9 лл. 19,7 × 13,7 и 16,5 × 9,5. 24—26 строк.

Содержит стихи 119—до конца.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса (поступило в ПБ в 1915 г.).

ПБ, греч. № 748.

548. Корнута о богах. Отрывок. Вторая половина XIV в.

Филигрань бумаги — рыба, см. V. Mošin, S. Traljič. Vodeni znakovi..., № 6815—6817. Книжный курсив. На л. 1 рукой XVI—XVII вв. записаны 15 имен, среди них имя Μπορης; вероятно, это — номинальная запись. На полях тусклой киноварью помечено содержание отдельных параграфов: Περὶ Προμηθέως и т. п. Имеются пометы А. И. Пападопуло-Керамевса. В переплете XIX в.

6 лл. 21,3 × 14,8 и 14,5 × 9,5. 22 строки.

Текст см. Cornuti Theologiae Graecae Compendium, rec. et em. C. Lang. Lipsiae, 1881, р. XVII—XVIII (фрагмент без первой строки) и р. 28₇—43₁₃.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса.

Листы сплетены неверно, правильный порядок листов: 4—6 об., 1—3 об. Имеются пятна от сырости.

ПБ, греч. № 760.

549. Суда. Лексикон. «Τὸ μὲν παρὸν βιβλίον Σοῦδα, οἱ δὲ συνταξάμενοι ἄνδρες σοφοί». Первая половина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) плем, см. V. Mošin, S. Traljič, Vodeni znakovi..., № 1744, 1747, 1756; 2) подсвечник, см. там же, № 2364—2368; 3) угольник, см. там же, № 3685—3687, 3690; 4) полумесяц, см. там же, № 3407. Курсив. Заставки, заголовки и инициалы написаны тусклой красной краской. Тетради пронумерованы писцом, на л. 321 помечена тетрадь 41-я. На полях имеются многочисленные пометы и добавления к тексту, написанные писцом и позднейшими владельцами или читателями этой рукописи. На л. 328 об. помета владельца XV в.: «Ἀὕτη ἡ βίβλος ἐστὶ ἐμοῦ Παῦδα τοῦ Ροδῦβα (?)». Переплет старый, доски в тисненой коже с медными украшениями. Переплет был реставрирован в XIX в. и получил новый корешок, на котором вытиснена буква «T[ischendorf]».

329 лл. 29,4 × 21,2 и 22,0 × 16,5. 48 строк.

Текст незначительно отличается от издания: Suidae Lexicon, rec. G. Bernhardt, Bd. I—II. Halis et Brunsvigae, 1853. В издании Suidae Lexicon, ed. Ada Adler. Lipsiae, 1928 (= Lexicographi Graeci recogniti et apparatus critico instructi, v. I) описываемая рукопись не учтена.

Собр. К. Тисендорфа. C. Tischendorf. Notitia editionis codicis Bibliorum Sinaitici. Lipsiae, 1860, р. 59—60; Ed. Murali. Catalogue... р. 72.

ПБ, греч. № 125.

550. Мануил Мосхопул. Грамматика. XIV в.

Пергамен. Палимпсест, описание смытого текста см. выше, № 66 (ВВ, XVI, 1959, стр. 233). Лл. 73—88 — бумажные, филигрань — три горы с крестом, см. V. Mošin, S. Traljić. Vodeni znakovi..., № 6312—6313 и др. Минускул, переходящий в курсив. Заставки, инициалы и заголовки писаны киноварью и чернилами. Нумерация тетрадей обрезана при переплете, листы пронумерованы буквенной цыфирью. В тисненном кожаном переплете с двумя наклейками на корешке, из которых одна разорвана, а на другой золотом вытиснены слова: «Moschopu. Erotemat. Graec. mss.». Имеются следующие пометы: 1) на л. 2 об. «Regulae istae grammaticales sunt Francisci Barbari»; 2) на том же л. 2 об. «Σὴ ὡς τῇ Ϛ μαίτου ἐπιτήθησ(α)ν αἱ σκυλλαί»; 3) на л. 118 об. «Ista grammatica Manuelis est Francisci Barbari».

121 л. 20,8 × 15,5 и 15,5 × 10,0. 22—24 строки.

Содержание точнее определить не удалось. Начало: «Θ(εοτό)κε, βοήθει μοι. Ἀρχὴ σὺν θ(ε)ῶ ἀγίῳ τῶν ἐρω/τημάτων τῶν διορθωθέντων/παρὰ τοῦ σοφωτάτου καὶ ἀγιωτάτου κυροῦ Μανουὴλ τοῦ Μοσχοπούλου./Περὶ προσφιδῶν. Τί ἐστι προσφιδία»; конец (на л. 118): «Τέλος σὺν θ(ε)ῶ ἀγίῳ τῶν ἐρωτημάτων/μετὰ καὶ τῆς ὄλης δηλονότι κλίσεως/αὐτῶν». Лл. 119—121 об. содержат только смытый текст.

Собр. Н. П. Лихачева. Ранее рукопись хранилась в библиотеке св. Михаила di Murano в Венеции.

См. E. Mioni. Altri due manoscritti greci di S. Michele di Murano. — «Italia Medioevale e Umanistica», III, 1960, p. 389—390; idem. I manoscritti greci di S. Michele di Murano. — «Italia Medioevale e Umanistica», I, 1958, p. 328—335; I.-B. Mittarelli. Bibliotheca codicum manuscriptorum Monasterii S. Michaelis Venetiarum prope Murianum, una cum appendice librorum impressorum saeculi XV. Venetiis, 1779, p. XVII, 198; B. de Montfaucon. Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum nova, I. Parisiis, 1739, p. 478.

Рукопись повреждена червями.

ЛОИИ АН СССР. Архив, западно-европейская секция 1/666 (старый шифр П.М.2).

551. Сборник новелл. Середина XIV в.

Филиграни бумаги сохранились плохо, поэтому определены предположительно: 1) человек, см. V. Mošin, S. Traljić. Vodeni znakovi..., № 4808—4813; 2) колонна, см. там же, № 3103 и 3105. Курсив. Заголовки и инициалы киноварные. На л. 31 имеются пометы к тексту, современные рукописи. В картонном переплете XIX в.

34 лл. 22,0 × 14,5 и 15,5 × 10,0. 24 строки.

Содержание: лл. 1—5 об. Τοῦ κυροῦ Ῥωμανοῦ τοῦ Γέροντος. Αἱ νεαραὶ τοῦ κυροῦ Ῥωμανοῦ τοῦ βασιλέως. Στίχοι ἱαμβικοί. Текст см. Jus, III, p. 242—252; лл. 5 об.—7 об. Αἱ νεαραὶ τοῦ κυροῦ Κωνσταντίνου τοῦ βασιλέως τοῦ Πορφυρογεννήτου. Текст см. ibid., p. 252—256; лл. 7 об.—10 об. Περὶ στρατιωτῶν. Текст см. ibid., p. 261—266; лл. 10 об.—12. Νεαρά τοῦ αὐτοῦ ἐν λύσει ἀναφορᾶς περὶ Ἀρμενίων τῶν τε ἄλλων καὶ τῶν ἐγκλήματι φόνου περιπιπτόντων. Текст см. ibid., p. 289—291; лл. 12—13. Τοῦ αὐτοῦ νομοθεσία ἐν σχήματι μελέτης περὶ τῶν ἐκουσίως φονευόντων καὶ τῆ ἐκκλησία προσφευγόντων, ὥστε αὐτοὺς μὴ δέχεσθαι. Текст см. ibid., p. 270—272; лл. 13—14 об. Τοῦ αὐτοῦ δευτέρα νομοθεσία περὶ τῶν ἐκουσίως φονευόντων, δεχομένη μὲν αὐτοὺς κατὰ συμπάθειαν παρὰ τὴν δύναμιν τῆς πρώτης. Текст см. ibid., p. 272—275; лл. 14 об.—16 об. Νεαρά νομοθεσία τοῦ αὐτοῦ, ἣν ὑπηγόρευσε Θεόφιλος πατριχίος καὶ κοιαιστῶρ. Περὶ

ἐκταγιατικῶν, καὶ περὶ ἀνοίξεως διαθηκ(ῶν), καὶ περὶ τοῦ ὀρισμένου εἶναι τὸ μέτρον τῶν συνθηθειῶν ἐν παντὶ δικαστηρίῳ. Текст см. ibid., p. 256—260; лл. 16 об.—18. Νεαρά νομοθεσία τοῦ αὐτοῦ, ἣν ὑπηγόρευσε Θεόδωσιος πατριχίος καὶ κοιαιστῶρ ὁ Δεκαπολίτης, περὶ ἐκταγιατικῶν τῆς γὰρ πρὸ ταύτης νομοθεσίας ἀποδοκιμασθείσης, διὰ τὸ περιέχειν τοὺς θεματικούς κριτὰς καὶ τὸν σχρίβαν δικαστικὰ λαμβάνειν, ἢ ὡς εἶνα τῶν ἀντιγραφῶν ἔχει, δικάζειν, ἐνομοθετήθη αὕτη. Текст см. ibid., p. 267—270; лл. 18—20. Νεαρά νομοθεσία Ῥωμανοῦ βασιλέως τοῦ Νέου, ἦτοι λύσις ἀναφορᾶς θεματικοῦ κριτοῦ, ἣν ὑπηγόρευσε Θεόδωρος μάγιστρος ὁ Δεκαπολίτης. Текст см. ibid., p. 281—284; лл. 20—21 об. Νεαρά νομοθεσία τοῦ αὐτοῦ, ἣν ὑπηγόρευσε Συμεὼν πατριχίος καὶ πρωτασκηρῆτις περὶ προστίμων. Текст см. ibid., p. 287—289; лл. 21 об.—22 об. Νεαρά Νικηφόρου βασιλέως, ἣν ὑπηγόρευσε Συμεὼν πατριχίος καὶ πρωτασκηρῆτις, περὶ τοῦ προτιμᾶσθαι τῶν πενήτων τοὺς δυνατοὺς εἰς ἐξώνησιν τῶν παρὰ τῶν δυνατῶν πιπρασκομένων κτημάτων. Текст см. ibid., p. 296—299; л. 22 об. Νεαρά νομοθεσία Ἰω(άννου) βασιλέως περὶ τοῦ κομμερικῶν ἁλώσιμων ψυχῶν. Только заглавие, текста нет. См. ibid., p. 301; лл. 23—28. Новелла императора Василия. Заголовок и первые слова утрачены. Текст см. ibid., p. 308—318, начиная со слов «Ἐλαβε καὶ τὰς ἐναγομένας»; лл. 28—30. Νεαρά Νικηφόρου βασιλέως, ἣν κατὰ τὸ πρῶτον ἔτος τῆς αὐτοῦ βασιλείας, ἦτοι κατὰ τὴν ἐβδόμην ἰνδ(ιχτιῶνος) τοῦ Ϛυοβ (6472, т. е. 964) ἔτους ὑπηγόρευσε Συμεὼν πατριχίος καὶ πρωτασκηρῆτις, περὶ τοῦ μὴ γίνεσθαι μοναστήρια ἢ γηρωκομεία, μῆτε πλατύνεσθαι ὅλως διὰ τῶν κτημάτων τοὺς εὐαγεῖς οἴκους. Текст см. ibid., p. 292—296; л. 30 об. Νεαρά τοῦ εὐσεβοῦς ἡμῶν βασιλέως Βασιλείου τοῦ Νέου τὴν κατὰ τῶν ἐκκλησιῶν καὶ τῶν εὐαγῶν οἴκων, νομοθεσίαν Νικηφόρου τοῦ βασιλέως τέλεον ἀναίρουσα. Текст см. ibid., p. 303—304; лл. 30 об.—32 об. Νεαρά νομοθεσία τοῦ βασιλέως Ῥωμανοῦ τοῦ πρεσβύτου περὶ ἐκποιήσεως κτημάτων καὶ προτιμῆσεως συγγενῶν ὀλοτελῶς καὶ συναπτῶς ἠνωμέν(ων) καὶ τῶν νοουμέν(ων) ὀμοτελῶν χωρίων καὶ ἀγριδίων, καὶ κωλύσεως δυνατῶν προσώπ(ων), καὶ ἐκποιήσεως στρατιωτικῶν κτημάτων, ἐκφωνηθεῖσα μὲν ἀπριλλίῳ τε ἔτους Ϛυλ (6430, т. е. 928). Текст см. ibid., p. 237—241; лл. 32 об.—33 об. Ἐκ τοῦ ἐκφωνηθέντος βασιλικοῦ ἐδίκτου πρὸς τοὺς ἐν τῷ θέματι τ(ῶν) Θρακῆσιων μὲν μαρτίῳ ἰνδ. εἰ ἔτους Ϛυο (6470, т. е. 962). Текст см. ibid., p. 285—287; лл. 33 об.—34. Περὶ τῶν κινούντων τὸν εἰς τὸ διπλοῦν ὑπερθεματισμόν. Начало: «Εἰ μὲν εὐρίσκονται οἱ ἐγκαλέσαντες μετὰ τὴν πρᾶσιν τὴν γενομένην παρ' αὐτῶν», конец: «Τὸ δὲ κτῆμα ἀποδίδοται τοῖς πωλήσασιν». Текст отождествить не удалось; лл. 34—34 об. Τοῦ μαγίστρου Κοσμᾶ φῆφος περὶ παροίκων. Издано: Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелгонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927, стр. XXXV—XXXVI (= Гос. Публичная библиотека в Ленинграде. Серия V. Orientalia, № 2); л. 34 об. Киноварное заглавие. Начало: «Τῶν πραττομένων ἢ βιβλίων τῶν Δ(ι)γ(εστῶν) οὕτως», конец: «Τὰ προγραφέντα μονόβιβλα ὁμοῦ βιβλί(ων) ἢ». Текст отождествить не удалось.

Собр. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 70—74.

Листы повреждены червями, имеются пятна от сырости.

ПБ, греч. № 701.

552. Сборник. Отрывок. XIV в.

Бумага без филиграней. Курсив. Заголовки киноварные. В верхнем правом углу листов сохранилась нумерация буквенной цыфирью от 446-го до 457-го листа. Лист 49 (по нынешней нумерации) был 458-ым листом по старому счету. На л. 49 об. сохранилась запись XVI или XVII в.: «† Τὸ παρὸν βιβλίον ἐστὶν τοῦ ἀγίου καὶ θεοβαδῆστου ὁρους Σινᾶ, καὶ ὅστις ὑστερήσῃ αὐτὸ τῆς ἀγίας μονῆς, νὰ ἔχη τὰς ἀρὰς τῶν ἀγίων

τρικασίων καὶ θεοφόρων ὀκτώ καὶ τῆς ἁγίας βάτου». В конце — подпись, не поддающаяся прочтению. Эти 13 лл. представляют собой отрывок из какого-то кодекса, вpletенный Порфирием Успенским в одном переплете с отрывками из двух других кодексов.

13 лл. 19,2 × 13,4 и 14,5 × 9,5. 30 строк.

Содержание: лл. 37—40. Τοῦ λογιωτάτου καὶ φιλοσοφώτατου Ψελλ(οῦ) ἐρμην(εία) περὶ ὑετοῦ, καὶ πάχυν(ης), καὶ χιόνος καὶ χαλάζ(ης), ἀστραπῶν τε καὶ βροντ(ῆς) καὶ κεραυν(ῶν) καὶ δρακόντων). Текст (по другому списку) напечатан в статье: L. Janus. Godofredo Seebodio. — «Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik», VII. Supplementband, 1841, S. 538—550 (=Archiv für Philologie und Paedagogik. Bd. VII); лл. 40—40 об. Ἀκολουθ(ία) σὺν θ(ε)ῶ εἰς τὸ στέφαι βασιλέα (εὐχὴ ἐπὶ προχειρίσεως βασιλέως). Текст см. А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. II. Εὐχολόγια. Киев, 1901, стр. 59—60; лл. 40 об.—41 об. Послание патриарха Мануила митрополиту Навпактскому Иоанну Апокавку. Ἐπιστολὴ τοῦ παναγιωτάτου π(α)τριάρχου κῆρ Μαν(ουήλ) πρὸς τ(ὸν) μ(η)τροπολίτην Ναυπάκτου καὶ τ(ὸν) ἀρχιεπίσκοπον Γαρδ(ικίου). Текст издан, см. В. Г. Васильевский. Epirotica saeculi XIII. — ВВ, III, 1896, стр. 268—269, № 16; лл. 41 об.—47. Ответ Иоанна Апокавка патриарху. Πρὸς ταῦτα ἀντιγραφὴ τοῦ παναγιωτάτου μ(η)τροπολίτου Ναυπάκτου κῆρ Ἰωάννου τοῦ Ἀποκαύου. Текст издан, см. там же, стр. 270—278, № 17; лл. 47—49 об. Без заглавия. Соборное деяние о поставлении митрополита Керкирского. Начало: «Ὁ τῆς ἐπισκοπῆς λόγος». Текст издан, см. там же, стр. 260—263, № 13.

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 111—112; Порфирий Успенский. Путешествие в Метеорские и Осолимийские монастыри в Фессалии, ч. 1—2. СПб., 1896, стр. 210.

Листы разорваны. Лл. 48—49 заклеены прозрачной бумагой в целях реставрации, текст читается с трудом.

ПВ, греч. № 251, лл. 37—49.

553. Сборник канонического содержания. XIV в.

Филиграни бумаги: 1) звезда, см. Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, I—III. СПб., 1899, № 668—669; 2) рожок, см. там же, № 670; 3) буква М с короной, см. там же, № 667; 4) колокол, см. там же, № 671. Беглый минускул двух почерков. Заставки, заголовки и некоторые пометы на полях писаны тусклой красной краской. На полях рукописи имеются многочисленные пометы, большая часть которых написана теми же писцами, что и текст. Некоторые из этих помет содержат толкование отдельных терминов (например, на л. 17 об.: «Βενεφίκιον λ(έ)γ(ε)ται κατὰ Λατίνους πανδῶρημα καὶ εὐεργέτημα»), замечания по хронологии (л. 54 об.: «Ἐγὼ δὲ λέγω, ὅτι ἀμφότεροι, ὃ τε ὑπερφυῆς Ζωναρᾶς καὶ ὁ θαυμάσιος Βαλααμὼν ἀγνοοῦσι τί ἐσσι καλάνθαι ἢ νόλαι ἢ εἰδοί»), ссылки на хроники Иоанна Скилицы и Георгия Пахимера (л. 21) и др.

Переплет — кожа с золотым тиснением.

278 лл. 34,5 × 25,0 и 27,5 × 18,3. 44 строки.

Содержание: 1) л. 1 — Таблица степеней родства; л. 1 об. — чистый; 2) лл. 2—2 об.: Τάξις καὶ προκαθεδρίας ἀρίθμησις τῶν ὁρθοεσιῶν τῶν ἀγιοτάτων π(α)τριάρχων καὶ ἀποστολικῶν θρόνων. Текст см. PG, t. 107, col. 352_C—356_A, причем текст обрывается на словах: «Περίεχων πᾶσαν τὴν Παλαιστίνην χώραν ἄχρις Ἀραβίας»;

3) л. 2 об. Ἡ γεγούνα διατύπωσις παρὰ τοῦ βασιλέως Λέοντος τοῦ Σοφοῦ, ὅπως ἔχουσι τάξεως οἱ θρόνοι τῶν ἐκκλησιῶν τῶν ὑποκειμένων τῷ π(α)τριάρχῃ Κωνσταντινουπόλεως. Текст см. *ibid.*, col. 367_C—370_A, с добавлением, указанным в примечании q; G. Parthey. Hieroclis Synecdemus et Notitiae Graecae Episcopatum. Berolini, 1866, p. 95—98, с добавлением, указанным в примечании;

4) л. 3. Αἱ ἀρχιεπισκοπαί. Текст см. G. Parthey. Hieroclis Synecdemus. . . , p. 98—99;

5) л. 3. Τάξις προκαθεδρίας τῶν ὀσιωτάτων π(α)τριάρχων. Текст см. *ibid.*, p. 55;

6) лл. 3—6 об. Τάξις προκαθεδρίας τῶν ὑπὸ τὸν ἀποστολικὸν θρόνον Κωνσταντινουπόλεως τελούντων μ(η)τροπολιτῶν καὶ τῶν ὑπ' αὐτοὺς ἐπισκόπων. Текст см. *ibid.*, p. 101—130, причем перечень кончается на «ὁ Συνήδων»; в тексте имеются некоторые отличия, сближающие текст нашего кодекса с редакциями, обозначенными в издании Parthey сиглами F и R;

7) лл. 7—14. Правила Апостольские, начиная с 37-го и до конца. Текст см. Ρ. Α. Παλλης καὶ Μ. Πότλης. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, т. II, Ἀθήνησιν, 1852, σελ. 50—111;

8) лл. 14—19 об. Правила первого вселенского собора в Никее, с толкованиями Иоанна Зонары. Текст см. Ралли-Потли, II, стр. 113—163;

9) лл. 20—23 об. Правила второго вселенского собора. Κανόνες τῆς δευτέρας συνόδου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, II, стр. 165—189;

10) лл. 23 об.—27 об. Правила третьего вселенского собора. Κανόνες τῆς ἁγίας καὶ οἰκουμενικῆς τρίτης συνόδου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, II, стр. 192—213;

11) лл. 27 об.—37. Правила четвертого вселенского собора. Κανόνες τῆς ἁγίας καὶ οἰκουμενικῆς τετάρτης συνόδου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, II, стр. 216—290;

12) л. 37. Правила пятого вселенского собора. Περὶ τῆς πέμπτης συνόδου. Текст см. Ралли-Потли, II, стр. 292;

13) лл. 37—37 об. Правила шестого Трулльского собора. Σύνοδος ἕκτη ἐν τῷ Τρούλλῳ τοῦ βασιλικοῦ παλατίου. Текст см. Ралли-Потли, II, стр. 293;

14) лл. 37 об.—65. О шестом Трулльском соборе. Περὶ τῆς λεγομένης ἕκτης συνόδου, τῆς ἐν τῷ Τρούλλῳ, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, II, стр. 294—552;

15) лл. 65—74 об. Правила седьмого вселенского собора. Κανόνες τῆς ἁγίας καὶ οἰκουμενικῆς ἑβδόμης συνόδου τῆς ἐν Νικαίᾳ τὸ δεύτερον, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, II, стр. 555—645;

16) лл. 74 об.—76 об. и л. 229. Послание патриарха Тарасия к папе Адриану Ἐπιστολὴ τοῦ ἀγιοτάτου π(α)τριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης πρὸς Ἀδριανὸν τὸν πάπαν τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης περὶ τοῦ μὴ ἐπὶ χρήμασι γίνεσθαι τὰς χειροτονίας, с толкованием. Текст см. J. V. Pitra. Juris ecclesiastici Graecorum Historia et Monumenta, t. II. Romae, 1868, p. 304—309. Толкование отождествить не удалось;

17) лл. 229—235. Правила того же собора. Κανόνες τῆς τοιαύτης πρώτης καὶ δευτέρας συνόδου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, II, стр. 647—702. В начале помещено вступление, которое содержится, по-видимому, в Трапезунтской рукописи, использованной в издании Ралли-Потли, II, стр. 647, прим. 1;

18) лл. 236—236 об. и л. 77. Правила седьмого вселенского собора. Κανόνες ἕκτηθεντις παρὰ τῆς ἁγίας συνόδου τῆς ἐν τῷ περιωνόμῳ γὰρ τῆς τοῦ

θ(εο)ῦ λόγου Σοφίας συστάσης καὶ τὴν ἑβδόμην οἰκουμένην σύνοδον ἐπιβεβαιώσας, πᾶσαν τε σχισματικὴν καὶ αἰρετικὴν πλάνην ἀπελάσας, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, II, стр. 705—711;

19) лл. 77—82. О Карфагенском соборе. Σύνοδος γενομένη ἐπὶ Κυπριανοῦ τοῦ ἀγιωτάτου ἐπισκόπου Καρχηδόνας καὶ μάρτυρος, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, III, стр. 1—19;

20) лл. 82—87. Правила Анкирского собора. Κανόνες τῆς ἐν Ἀγχύρα συστάσης συνόδου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, III, стр. 20—68;

21) лл. 87—89 об. Правила Неокесарийского собора. Κανόνες τῆς ἐν Νεοκαισαρείᾳ συνόδου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, III, стр. 70—94;

22) лл. 89 об.—92 об. Правила Гангрского собора. Κανόνες τῆς ἐν Γάγγρα συνόδου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, III, стр. 96—119;

23) лл. 92 об.—98 об. Правила Антиохийского собора. Κανόνες τῆς ἐν Ἀντιοχείᾳ τῆς Συρίας συνόδου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, III, стр. 122—169;

24) лл. 98 об.—105 об. Правила Лаодикийского собора. Κανόνες τῆς ἐν Λαοδικείᾳ τῆς Καππατωκίᾳ Φρυγίας συγχροτηθείσης συνόδου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, III, стр. 171—226;

25) лл. 105 об.—113. Правила Сардикийского собора. Κανόνες τῆς ἐν Σαρδικίᾳ συνόδου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, III, стр. 227—283;

26) лл. 113 об.—158 об. Правила Карфагенского собора. Κανόνες τῆς ἐν Καρθαγένῃ συνόδου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, III, стр. 286—623;

27) лл. 158 об.—159 об. Об Агании и Гавадии. Ἐκ τῶν πραχθέντων ὑπομνημάτων ἐν Κωνσταντινουπόλει περὶ Ἀγαπίου καὶ Γαβαδίου, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, III, стр. 625—628;

28) лл. 159 об.—161 об. Послание Дионисия Александрийского к епископу Василиду. Ἐπιστολὴ τοῦ μακαρίου Διονυσίου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας πρὸς Βασιλείδην ἐπίσκοπον ἐρωτήσαντα περὶ διαφορῶν κεφαλαίων, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 1—13;

29) лл. 161 об.—167 об. Петра, архиепископа Александрийского, правила. Τοῦ ἀγίου Πέτρου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας καὶ μάρτυρος κανόνες φερόμενοι ἐν τῷ περὶ μετανοίας αὐτοῦ λόγῳ περὶ τῶν ἐν καιροῖς διωγμῶν παραπεπτωκότων, εἶτα μετανοησάντων, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 14—44;

30) лл. 167 об.—170 об. Григория Чудотворца послание каноническое. Ἐπιστολὴ κανονικὴ τοῦ ἀγίου Γρηγορίου τοῦ Θαυματουργοῦ περὶ τῶν ἐν αἰχμαλωσίᾳ εἰδωλοθύτων φαγόντων ἢ ἕτερα τινὰ πλημμελησάντων, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 45—65;

31) лл. 170 об.—175 об. Афанасия Великого канонические послания. Τοῦ μεγάλου Ἀθανασίου ἐπιστολαὶ κανονικαὶ διαφορῶν, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 67—85;

32) лл. 175 об.—204 об. Василия Кесарийского канонические послания. Ἐπιστολαὶ κανονικαὶ τοῦ μεγάλου π(ατ)ρ(ό)ς ἡμῶν Βασιλείου ἀρχιεπισκόπου Καισαρείας Καππαδοκίᾳ πρὸς τὸν ἅγιον Ἀμφιλόχιον ἐπίσκοπον Ἰκονίου τῆς μητροπόλεως Φρυγίας, с толкованиями Зонары и Вальсамона. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 88—293;

33) лл. 204 об.—213. Григория Нисского послание к Литоию, епископу Мелитинскому. Ἐπιστολὴ κανονικὴ τοῦ ἀγίου Γρηγορίου ἐπισκόπου Νύσσης πρὸς τὸν ἐν Ἀγίοις Λητίοις ἐπίσκοπον Μελιτινῆς, с толкованиями Зонары. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 295—329;

34) лл. 213—215 об. Тимофея, епископа Александрийского, ответы канонические. Ἀποκρίσεις κανονικαὶ Τιμοθέου τοῦ ἀγιωτάτου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας, ἐνός τῶν ἑκατὸν πενήκοντα ἀγίων π(ατ)ρ(ό)ων τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει συναθροισθέντων, πρὸς τὰς προσεγεχθείσας αὐτῷ ἐρωτήσεις ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν, с толкованиями Зонары и Вальсамона. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 331—341;

35) лл. 215 об.—219 об. Феофила, архиепископа Александрийского, послание. Θεοφίλου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας προσφώνησις τῶν Θεοφανίων ἐπιστάντων ἐν κυριακῇ, с толкованиями Зонары и Вальсамона. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 342—360;

36) лл. 219 об.—220. Его же к епископам Ливии и Пентаполя. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τοὺς κατὰ Λιβύην καὶ Πεντάπολιν ἐπισκόπους, с толкованиями Вальсамона. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 361—362;

37) лл. 220—220 об. Григория Богослова — из его метрических поэм о книгах Ветхого и Нового завета. Τοῦ ἀγίου Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου ἐκ τῶν ἐμμέτρων αὐτοῦ ποιημάτων περὶ τοῦ τίνα χρῆ ἀναγινώσκεισθαι βιβλία τῆς Παλαιᾶς καὶ Νέας Διαθήκης, с толкованиями Вальсамона. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 363—364;

38) лл. 220 об.—221 об. Амфилохия Иконийского — из ямбов к Селевку. Τοῦ ἀγίου Ἀμφιλοχίου ἐπισκόπου Ἰκονίου ἐκ τῶν πρὸς Σέλευκον ἰάμβων περὶ τῆς αὐτῆς ὑποθέσεως. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 365—367;

39) лл. 221 об.—222 об. Энциклика Геннадия, патриарха Константинопольского. Ἐγκύκλιος ἐπιστολὴ Γενναδίου π(ατ)ριάρχου Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῆς σὺν αὐτῷ ἁγίας συνόδου πρὸς ἅπαντας τοὺς ὀσιωτάτους μ(ητ)ροπολίτας καὶ πρὸς τὸν πάπαν Ῥώμης. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 368—371;

40) л. 222 об. Василия Великого послание к жителям города Никополя. Πρὸς τοὺς Νικοπολίτας ἐπιστολὴ τοῦ μεγάλου Βασιλείου. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 386;

41) лл. 222 об.—223 об. Вопросы и ответы. Ἐρωτήσεις καὶ ἀποκρίσεις τῶν ἐρωτήσεων γενομένων παρὰ μοναχῶν ἔξω τῆς πόλεως ἀσκουμένων. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 417—425, причем некоторые вопросы опущены, а порядок вопросов изменен;

42) лл. 224—224 об. Об обручении. Περὶ μνηστείας. Μηνὶ ἀπριλίῳ κϛ ἡμέρα δ' ἔτους ςϛϞ (6574, т. е. 1066). Текст см. Ралли-Потли, V, стр. 51—54;

43) лл. 224 об.—225 об. Хрисовул Никифора Вотаниата 1080 г. об обручении. Καὶ τοῦτο περὶ μνηστείας. Χρυσόβουλλον τοῦ μακαρίου βασιλέως κυροῦ Νικηφόρου τοῦ Βωτανιέτου ςϛϩη (6588, т. е. 1080). Текст см. Jus, III, р. 338—340;

44) л. 225 об. О захвате невесты. Περὶ ἀρπαγῆς. Начало: «Ὁ παρθένον ἢ χήραν ἀρπάσας οὐ δύναται ταύτην γαμεῖν». Текст см. Ралли-Потли, I, стр. 303—304;

45) лл. 225 об.—226 об. Новелла Алексея Комнина 1084 г. Νεαρά τοῦ βασιλέως κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ ἢ περὶ μνηστείας ἐκτεθεισα. Текст см. Jus, III, р. 359—364;

46) лл. 226 об.—228 об. Иоанна Фракийского записка о брачном праве. Μηνὶ μαρτίῳ ἰνδ. ιε ςϛϛ (6600, т. е. 1092). Ὑπόμνημα τοῦ κουροπαλάτου καὶ μεγάλου δρουγγαρίου τῆς βίβλας κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Θρακησίου, ἐφ' ᾧ καὶ λύσις ἐξεφωνήθη τῆς ἁγίας ἡμῶν βασιλείας τὴν προγεγονοῦσαν παρ' αὐτῆς νεαρὰν περὶ τοῦ γάμου ἐπιкуроῦσα. Текст см. Ралли-Потли, V, стр. 284—291;

47) лл. 229—236 об. см. выше, № 16 и 18;

48) л. 237. Конец новеллы, которую отождествить не удалось: «Καὶ πρὸς δίκην πυρπολοῦσαν τὰ σύμπαντα ἦτις θ(εο)ῦ χάριτι κανονικῶς καὶ νομίμως

συνοδικῆ ἀποφάσει ἐκωλύθη καὶ ἀνηρέθη κατὰ τὴν καλὴν δόξαν τοῦ φεβ(ρουαρίου) μηνός τῆς ἐνεστώσης δεκάτης ἰνδ(ικτιώνος) ἐν ἔτει ζ'φνε» (6555, т. е. 1047);

49) лл. 237—239 об. Сисиния, патриарха Константинопольского, о браках. Σισίνιος ἐλέω θε(ο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικός π(α)τριάρχης... Текст см. Ралли-Потли, V, стр. 11—19, причем Ἐρμηνεῖα τοῦ Ζωναρά добавлено на левом поле листа;

50) лл. 239 об.—242 об. О степенях родства. Περί τῆς τῶν Βαδμῶν συγγενείας ἐκ τοῦ τρίτου βιβλίου τῶν Ἰνστιτούτων. Статью под таким же названием см. В. Н. Бенешевич. Сведения о греческих рукописях канонического содержания в библиотеках монастырей Ватопеда и Лавры св. Афанасия на Афоне. ВВ, XI, 1904, приложение № 2, стр. 17; сходный текст см. также: С. Zachariä von Lingenthal. Prochiron auctum. Lipsiae, 1870, p. 76—77, 94—95;

51) л. 242 об. Василия Великого к Амфилохию. Τὸ τοῦ ἁγίου Βα(σιλείου) πρὸς Ἀμφιλόχιον. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 102 (правило четвертое);

52) л. 242 об. Того же из второго послания. Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῆς δευτέρας ἐπιστολῆς. Всего несколько строк. Текст см. Ралли-Потли, IV, стр. 203 (правило 50-е);

53) лл. 242 об.—244. О двоебрачных и троебрачных. Ἐκ τοῦ συνοδικοῦ βιβλίου περὶ διγάμων καὶ τριγάμων. Текст см. Ралли-Потли, V, стр. 6—9, начиная со слов: «Περὶ τοῦ τρίτου ὀρίζομεν γάμους»;

54) л. 244. Таблица степеней родства. См. Jus, VI, p. 89;

55) лл. 244 об.—245. Назидание епископам. Ἐνταλμα διδόμενον τοῖς ἐπισκόποις. Текст см. Ралли-Потли, V, стр. 561—562, с некоторыми отличиями от печатного текста;

56) лл. 245—247 об. Другое подобное. Ἐτερον ὅμοιον. Текст см. Ралли-Потли, V, стр. 544—550;

57) лл. 247 об.—250 об. Новелла Мануила Комнина 1166 г. Νεαρά διατάξεις τοῦ κρατικοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως κυροῦ Μανουὴλ τοῦ Κομνηνοῦ γεγονυῖα κατὰ τὸν ἰούλιον μῆνα ἰνδ(ικτιώνος) ἰα' ἔτους ζ'χρῶδ (6674, т. е. 1166). Текст см. Jus, III, p. 460—468, причем текст кончается словами: «καθὼς ἡ βασιλεία μου ὑπετέπωσεν»;

58) лл. 250 об.—251. Новелла Константина Багрянородного. Τοῦ βασιλέως κυροῦ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου νεαρά νομοθεσία ἐν σχήματι μελέτης περὶ τῶν ἐκουσίως φονευόντων καὶ τῆ ἐκκλησία προσφρονούντων, ὥστε αὐτοὺς μὴ δέχεσθαι. Текст см. *ibid.*, p. 270—272;

59) лл. 251—252. Его же вторая новелла. Τοῦ αὐτοῦ δευτέρα νομοθεσία περὶ τῶν ἐκουσίως φονευόντων δεχομένη μὲν αὐτοὺς κατὰ συμπάθειαν παρὰ τὴν δόξαν τῆς πρώτης. Текст см. *ibid.*, p. 272—275, причем конец см. в примечании 24;

60) лл. 252—254 об. Новелла Мануила Комнина 1166 г. Νεαρά τοῦ πορφυρογεννήτου κυροῦ Μανουὴλ τοῦ Κομνηνοῦ ἐπὶ τοῖς φονεῦσιν, ἀπέλθη μὲν ἰουλίω ἰνδ. δ' ἔτους ζ'χρῶδ (6674, т. е. 1166). Текст см. *ibid.*, p. 476—482;

61) лл. 254 об.—257. Иоанна Оксита о бегстве. Τοῦ ἁγιωτάτου π(α)τριάρχου Ἀντιοχείας κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Βαλσαμών περὶ τῆς φυγῆς. Текст см. P. Gautier. Jean V l'Oxite, patriarche d'Antioche. Notice biographique.—REB, t. 22, 1964, p. 128—157 (по cod. Sinait. Gr. 1117);

62) лл. 257—263. Юстина Философа изложение правой веры. Ἰουστίνου Φιλοσόφου καὶ μάρτυρος ἐκθεσις ὀρθῆς πίστεως καὶ ὁμολογίας ἐν κεραιαίοις εἴκοσι τρεῖς, ὅτι εἷς θεὸς καὶ τῶν πάντων αἴτιος. Текст см. PG, t. 6, col. 1203_B—1240_D, причем текст рукописи несколько сокращен и имеет иную разбивку на главы;

63) лл. 263 об.—266. Григория Богослова первое послание пре-
свитеру Клидонию. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)τρ(ό)ς ἡμῶν Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου πρὸς
Κληδόνιον πρεσβύτερον ἐπιστολὴ πρώτη. Текст см. PG, t. 37, col. 176_A—193_B;

64) лл. 266—267. Его же к тому же второе послание. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς
τὸν αὐτὸν Κληδόνιον ἐπιστολὴ δευτέρα. Текст см. PG, t. 37, col. 193_B—201_C;

65) лл. 267 об.—271 (лист 270—270 об. чистый). Григория Нисского
о св. троице. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)τρ(ό)ς ἡμῶν Γρηγορίου τοῦ Νύσσης περὶ τοῦ πῶς
τρία πρόσωπα λέγοντες ἐν τῇ θεότητι ὃ φαιμέν τρεῖς θεοὺς, πρὸς τοὺς Ἑλληνας
ἀπὸ τῶν κοινῶν ἐννοιῶν... Текст см. PG, t. 45, col. 176_A—185_D;

66) лл. 271 об.—275. «Михаила архиепископа Царяграда о ересех
латынских елика латине през предание церковное творят, их же ради
имамы их неприобщенных соборной и апостольстей церкви»?. «Τὰ παρὰ
τῶν φράγγων παρὰ τὴν ὀρθόδοξον πίστιν καὶ τὴν ἐκκλησιαστικὴν συνήθειαν δοξαζόμενα
καὶ τελοῦμενα δι' ἃ καὶ ἔχομεν πρὸς αὐτοὺς ἀκρινωνήτους, εἰσὶ ταῦτα». Текст
см. А. Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-
русской полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 44, 151—153;

67) лл. 275—278 об. Григория Нисского к Авлавию. Περί τοῦ μὴ
αἰεσθαι λέγειν τρεῖς θεοὺς πρὸς Ἀβλάβιον, τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ Νύσσης. Текст
см. PG, t. 45, col. 115_A—136; л. 279 — чистый.

Собр. П. Фролова. E. de Muralt. Catalogue des manuscrits grecs,
p. 71, где p-сь названа сборником сочинений Иоанна Зонары.

При переплете рукопись была неверно сплетена; многие листы
подклеены бумагой. Имеются следы плесени. Многие листы, видимо,
были добавлены позднее, когда рукопись была переплетена и подклеена
бумагой.

ПБ, греч. № 123.

554. Деяния третьего вселенского (Ефесского) собора. XIV в.

Бумага без филиграней. Беглый минускул. Рукопись написана
двумя писцами. Заголовки писаны тусклой киноварью. Нумерация
тетрадей не сохранилась. На полях латинские и греческие пометы
к тексту. Переплет 1580 г., из тисненой белой кожи, с застежками.
На корешке — наклейки XIX в., на одной из которых — графская
корона рода Мавросов и инициалы владельца этой рукописи — графа
Д. Н. Мавроса. Эксилибрис Мавроса наклеен на обороте верхней
крышки переплета.

274 лл. 30,8 × 23,0 и 25,0 × 18,0. 30 строк.

Согласно указанию В. Н. Бенешевича, рукопись эта принадлежала
Иоанну Рейхлину, далее «послужила оригиналом для издания грече-
ского текста Деяний III-го вселенского (Ефесского) собора в Гейдель-
берге 1591 г., которое выпустил Иероним Коммелин (Hieronymus Com-
melinus); вновь использована для первого научного издания деяний
того же собора у Ед. Schwartz. Acta Conciliorum Oecumenicorum,
t. I, vol. 1/2, p. V. Berolini et Lipsiae, 1927». В XIX в. описываемая
рукопись принадлежала графу Д. Н. Мавросу⁸, а в 1921 г. была
приобретена Гос. Публичной библиотекой в Ленинграде.

Края листов при переплете были сильно обрезаны.

ПБ, греч. № 785.

⁷ Сохраняю древнерусское название этого сочинения, приведенное в указанной
книге А. Павлова.

⁸ См. Каталог заповедной библиотеки графа Д. Н. Мавроса. Кенигсберг, 1890,
стр. 1, № 1.

555. «Словарь Ветхого и Нового Завета». «Ἀρχὴ συν θ(ε)ῶ ἀγίω τοῦ λεξικοῦ κ(α)τ(α) στοιχεῖον περιέχον τὴν τε Παλαιᾶς καὶ Νέας Γραφῆς λέξιν, ἔτι δὲ καὶ κατὰ μέρος τ(ὴν) ἐξ ἰάμβων κανόνων λέξεως σαφήνειαν». Середина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) крест, см. V. Mošin, S. Traljič. Vodeni znakovi..., № 3565—3567; 2) круг со звездой, см. там же, № 1862. Сверх того имеются еще две филигранные, которые отождествить не удалось. Минускул, переходящий в курсив. Заставки, инициалы и заголовки писаны красной краской и чернилами. Частично сохранилась нумерация тетрадей. На л. 1 — помета XVI—XVII вв.: «Τῆς σεβασμίας μοναῖς Ῥουσάνου/τῆς ἐν Μετεώροις», конец пометы не читается. Встречаются разновременные пометы к тексту. В начале, на листе у переплета, помета Порфирия Успенского: «Ἐτα рукопись куплена мною в Метеоро-Русанском монастыре в Фессалии (1859 г.)». В картонном переплете XIX в.

144 лл. 22,0 × 15,0. Размер текста и число строк различны.

Содержание: «Ἀρχὴ συν θ(ε)ῶ ἀγίω τοῦ λεξικοῦ κ(α)τ(α) στοιχεῖον περιέχον τὴν τε παλαιᾶς καὶ νέας γραφῆς λέξιν, ἔτι δὲ καὶ κατὰ μέρος τῆς ἐξ ἰάμβων κανόνων λέξεως σαφήνειαν. Ἀρχὴ τοῦ ἁλφα. Ἄαπτος, ὁ ἀπροσπέλαστος». В конце, на лл. 139—144 об. помещены: «Λέξεις εἰς τὸ κατὰ Ματθαῖον ἅγιον εὐαγγέλιον, Ἐκ τοῦ κατὰ Μάρκον (словарь), Ἑρμηνεῖα ὀνομάτων Ἑβραϊκῶν καὶ λέξεων τῶν ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς (конец не читается), Ὀνόματα ἀρχαγγέλων, Ὀνόματα τῶν δώδεκα ἀποστόλων, Ὀνόματα ῥητορικῶν, Ἑρμηνεῖα εἰς ἑκατὸν πενήτηνonta Ψαλμῶν». Текст отождествить не удалось. Описание подобного текста см. J. A. Gramer. Anecdota graeca e codd. manuscriptis Bibliothecae Regiae Parisiensis, vol. IV. Oxonii, 1841, p. 164—165, Codex Coislinianus № 347.

Собр. Порфирия Успенского. Порфирий Успенский. Путешествие в Метеорские и Осолимпийские монастыри в Фессалии, стр. 217, № 5; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 118—119.

Края листов обветшали, имеются следы сырости.

ПБ, греч. № 256.

556. Григория Богослова. Слово Εἰς τὰ ἅγια φῶτα. Огрывок. Конец XIV в.

Филигрань бумаги — два круга с крестом, см. V. Mošin, S. Traljič. Vodeni znakovi..., № 2160—2171. Курсив. В картонном переплете.

1 л. 21,0 × 13,5 и 16,0 × 9,5. 24 строки.

Текст см. PG, t. 36, col. 336_B—337_C от слов «Καὶ τὰ πρόσωπα ὁμῶν»

до слов «πρότερον καὶ θεός».

Собр. П. А. Лаврова. Отчет ПБ за 1900—1901 гг., стр. 208.

Лист по краям подклеен бумагой.

ПБ, греч. № 640.

(Окончание вып. 6 — в следующем томе).

СООБЩЕНИЯ

И. Ф. ФИХМАН

ЕГИПЕТСКИЙ АРХИВ СЕРЕДИНЫ IV в. н. э.

Папирологическому материалу присущ существенный недостаток: неравномерность распределения и разрозненность, являющиеся следствием как случайности находок, так и их «рассеяния» по разным собраниям. Иногда в разных собраниях оказываются даже части одного и того же документа. Для того, чтобы правильно оценить, тем более использовать папирус как исторический источник в широком плане, необходимо не только разобраться в его содержании, но и иметь по возможности полные сведения о лицах, упоминаемых в документе, о среде, об обстановке и т. д. Эти сведения особенно нужны, когда речь идет о хозяйственных записях, частных письмах, т. е. о текстах, не предназначавшихся для посторонних и поэтому зачастую написанных так, что они плохо поддаются интерпретации непосвященных. В свете вышеизложенного ясно, какое значение представляют дошедшие до нас папирологические архивы. Они не только дают возможность правильно понять тот или иной документ, но и позволяют выяснить существовавшие социальные, экономические, политические, религиозные и другие отношения, правда, в узко ограниченных пределах (территориально и хронологически). Этим и объясняется наблюдающееся особенно сильно в последнее время в папирологии стремление к группированию и публикации документов по архивам¹.

¹ Значение публикации и изучения архивов давно осознано папирологами, о чем свидетельствуют издания отдельных архивов, работы над архивом Зенона, монументальное издание У. Вилькена [U. Wilcken. Urkunden der Ptolemäerzeit (Ältere Funde), I—II. Berlin und Leipzig, 1927—1957], но внимание к ним усилилось после выступления В. Отто на Оксфордском конгрессе папирологов в 1937 г. (см. W. Otto. Die zukünftige Gestaltung der nichtliterarischen Papyrus- und Ostrakapublikationen. — Actes du V-e Congrès International de Papyrologie. Oxford, 30 août—3 septembre 1937. Bruxelles, 1938, p. 314—336 и его статью под тем же заглавием в «Chronique d'Égypte», XIV, 1939, p. 343—361). См. также: W. Rege-mans. Heuristique des Papyrus grecs. — «Les Études classiques», XII, 1944, p. 259—261; E. Seidl. Ptolemäische Rechtsgeschichte. Glückstadt—Hamburg—New York, 1962 («Ägyptologische Forschungen», 22), S. 15—17. Только за послевоенные годы вышел ряд монографических публикаций архивов, например: В. А. van Groningen. A Family — Archive from Tebtunis (P. Fam. Tebt.). Lugdunum—Batavorum, 1950 («Papyrologica Lugduno—Batava», 6); R. Remondón. Papyrus grecs d'Apollónos Anó. Le Caire, 1953 («Documents de fouilles de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire», 19) (об этом архиве начала арабского времени см. последнюю часть исключительно интересной статьи К. К. Зельина «Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III до начала VIII в. н. э.». — ВДИ, 1964, № 4, стр. 122—130); А. Е. R. Voak, Н. С. Youtie. The Archive of Aurelius Isidorus in the Egyptian Museum, Cairo and the University of Michigan. Ann Arbor, 1960 (о нем см. К. К. Зельин. Указ. соч., стр. 105—112); J. Schwartz. Les archives de Sarapion et de ses fils. Une exploitation agricole aux environs d'Hermopolis Magna (de 90 à 133 après J. C.). Le Caire, 1961 («Institut français d'archéologie orientale, Bibliothèque d'études», 29); Н. I. Bell, V. Martin, E. G. Turner, D. van

Византийский Египет не располагает ничем, что можно было бы сравнить со знаменитым архивом Зенона². Но и византийский Египет не лишен ценных архивов, причем в этом отношении особенно повезло IV веку, от которого дошли до нас архивы Исидора, Сакаона, Феофана, Авиннея и некоторые другие менее значительные.

Архив Авиннея³, о котором будет идти речь ниже, был, по-видимому, обнаружен местными жителями в 1891—1892 гг. в Филадельфии, где жена А., Нонна, владела недвижимым имуществом и куда, по всей вероятности, после ухода из армии переехал А., захватив часть своих бумаг⁴. Документы были проданы отдельными партиями, и основная часть архива, оказавшаяся в Женеве и Лондоне, стала известна ученым уже к началу нашего века⁵. Мысль собрать разрозненные тексты, принадлежавшие к архиву А., и опубликовать их отдельным изданием пришла Х. И. Бэллу еще в 1916 г., но осуществить этот замысел ему удалось только в 1962 г. совместно с В. Мартэном, Э. Тэрнером и Д. ван Берхемом⁶. Архив состоит из двух латинских (№ 1—2) и 80 греческих документов (№ 3—82)⁷, распределенных издателями по следующим разделам: письма, заявления (жалобы, прошения), договоры и документы отчетности. Основное содержание архива составляют документы, связанные с деятельностью А. в качестве начальника гарнизона Дионисиады, но в его состав вошли и частные документы, причем не только А., но и его родных, например жены⁸. Если учесть, что в архиве упоминаются лица и события, связанные с Александрией и Константинополем, станет ясно, что значение архива шире, чем можно было бы предположить, исходя только из должности А.

Berchem. The Abinnaeus Archive. Papers of a Roman Officer in the Reign of Constantius II. Oxford, 1962. Некоторые архивы опубликованы в составе более крупных собраний, например: P. Ryl., IV, 616—651 и P. Herm. Rees, 2—6 (архив Феофана) и т. д. Продолжается публикация документов, принадлежащих уже известным архивам Зенона, стратега Аполлония, Иронины, Диоскора, Апионов и т. д., начата публикация новых архивов, например Аврилии Тегуис, Анастасия, потомков Лаха, Пакебкиса, Армисиса и др.

² Наиболее крупным и ценным архивом византийского Египта остается архив Диоскора (VI в.). О нем см. G. Malz. The Papyri of Dioscorus: Publications and Emendations. — «Studi in onore di A. Calderini e R. Paribeni», II. Milano, 1957, p. 345—357.

³ Далее — А.

⁴ В самой Дионисиаде, где служил А., систематические раскопки ученых не привели к обнаружению папирологического материала.

⁵ Ряд документов этого архива неоднократно переиздавался, переводился и вызывал оживленные научные споры. Например, № 2 (= W. Chrest., 64); 3 (= W. Chrest., 179); 9 (= W. Chrest., 322 = Sel. Pap., II, 428); 17 (= W. Chrest., 468); 22 (= SB, VI, 9023); 32 (= W. Chrest., 129 = Sel. Pap., I, 161 и т. д.); 56 (= M. Chrest., 128); 58 (= W. Chrest., 44 = FIRA, III, 160); 63 (= M. Chrest., 96 = P. Bour., 20 = FIRA, III, 172); 64 (= M. Chrest., 270).

⁶ H. I. Bell, V. Martin, E. G. Turner, D. van Berchem. The Abinnaeus Archive. Издание состоит из предисловия Х. И. Бэлла, рассказывающего историю самого предприятия, оглавления, двух списков конкорданции текстов, общего введения, самого архива и обычных для папирологических изданий указателей. Введение делится на четыре главы: I. В. Мартэн. Происхождение и открытие архива (стр. 1—5); II. Э. Г. Тэрнер. Карьера Авиннея (стр. 6—12); III. Д. ван Берхем. Ala Quinta Praelectorum; IV. В. Мартэн. Авинней и его корреспонденты (стр. 22—33).

⁷ Большинство документов, как уже указывалось, было издано давно. Первые публикуются № 20 (= P. Gen., Inv. 34 bis ined.), 24 (= P. Gen., Inv. 34 ined.), 38 (= P. Gen., Inv. 34 ter ined.), 40 (= P. Lond., 421, Ve), 46 (= P. Lond., 420), 50 (= P. Lond., 238); 54 (= P. Lond., 419); 67 Ve (= P. Gen., 64 Ve — в конкорданциях не отмечен); 69 (= P. Lond., 253); 77 (= P. Lond., 430 + 434); 80 (= P. Gen., Inv. 36 ined.). Некоторые документы являются результатом соединения отрывков: № 42 = P. Lond., II, 422 + P. Gen., 79; № 77 = P. Lond., 430 ined. + 434 ined.

⁸ Документы, исходящие от самого А.: № 1; 43 и, возможно, 75.54—60.

О самом А. мы знаем сравнительно мало. Судя по имени, он был, вероятно, сирийского происхождения⁹. Военную службу¹⁰, если признать правильными дополнения к № 1 и 5, он начал в 304/305 г. Поскольку в армию обычно зачисляли в возрасте 18 лет, можно полагать, что он родился в 286 г. Где он служил до 337 г., неизвестно, но в этом году А. занимал должность дукинария в отряде парфянских стрелков (vexillatio parthussagittariorum), расположенном в Верхней Фиваиде. Комит лимеса этой провинции¹¹ Сенедион поручил А. сопровождать в Константинополь перебежчиков (?) (refugae) влеммиев — племени, доставлявшего немало забот Византии своими вторжениями на территорию Египта. В Константинополе он был произведен из дукинариев в протекторы, а затем сопровождал послов влеммиев на их обратном пути к себе домой. После того, как он привел рекрутов из Фиваиды в Иераполь (в Сирии), где находилась императорская штаб-квартира, А. был освобожден от службы в полевой армии и получил императорское назначение на должность praepositus castrorum и praefectus alae quintae praelectorum в Дионисиаде (Фаюм). Заняв не без труда эту должность (ему сообщили, что с таким же назначением прибыло другое лицо), он продержался в ней недолго (342—344 гг.). Сохранившееся в его архиве письмо комита Египта Валация (№ 2) показывает, что А. был уволен в отставку (impe]rii iam tempora s[on]plesse). Но А., которому, по-видимому, не было выгодно оставить должность, добился, судя по № 58.6, в результате поездки к императору (третьей по счету) восстановления в должности. Это произошло не позднее 1 мая 346 г. Последний датированный документ, упоминающий об А., относится к 11 февраля 351 г. По всей вероятности, достигнув 65-летнего возраста, он окончательно ушел с военной службы.

А. — профессиональный военный, и его архив относится ко времени исполнения им должности военачальника в Дионисиаде, поэтому естественно ожидать, что вопросы военной жизни займут в архиве основное место. В действительности же это далеко не так. Хотя в архиве упоминаются различные воинские части¹², говорится в той или иной связи о солдатах¹³ и других военных должностных лицах, затрагиваются вопросы набора солдат (№ 1; 17; 19; 35), временных отпусков (№ 33 и 34), сбора анноны для армии, поддержания дисциплины и т. д. (об этом подробнее — ниже), чисто военная тематика все же представлена сравнительно слабо¹⁴. Это объясняется, вероятно, тем, что гарнизон

⁹ Общее введение, стр. 6.

¹⁰ Там же, стр. 7—12.

¹¹ О разделении Фиваиды и о комите лимеса см. J. Lallemand. L'administration civile de l'Égypte de l'avènement de Dioclétien à la création du diocèse (284—382). Contribution à l'étude des rapports entre l'Égypte et l'Empire à la fin du III-e et au IV-e siècle. Bruxelles, 1964 («Académie royale de Belgique. Classe des Lettres. Mémoires», 2 Ser., t. LVII, fasc. 2), p. 54—55.

¹² Cohors quarta Numidarum, расположенная ранее в Нармуфисе, в архиве не упоминается, а жители Нармуфиса обращаются к А. Отсюда Д. ван Берхем сделал вывод (общее введение, стр. 13—14), с которым следует согласиться, что этой части во время А. в Нармуфисе уже не было.

¹³ См. указатель VII (стр. 176—177), s. v. κατάφρακτος, στρατιώτης, τίρων, miles и общее введение, стр. 28—30.

¹⁴ Содержателен под этим углом зрения латинский документ № 2. Сообщая об освобождении А. от должности, Валаций поручает А. передать своему преемнику солдат, императорские знамена, оружие (solidamque inarmationem) и ввести его в курс дел во избежание ошибок. При гарнизонах находились и ремесленники. В № 16 препозит отряда, расположенного, по-видимому, в Арсиное, просит А. помочь посланным им работникам в рубке дерева и не применять к ним насилия. Возможно, что и садовник Апиан (№ 75.13) был связан с гарнизоном. Гарнизон

Дионисиаде был предназначен не столько для ведения активных военных операций¹⁵, сколько для обеспечения сбора налогов и поддержания порядка¹⁶, т. е. на первый план выступают фискальные и полицейские функции. Тем не менее, несмотря на сравнительную скудость сведений чисто военного характера, архив А. интересен и в этом отношении.

Прежде всего, он показывает отношение людей к военной службе. Офицерские должности, несомненно, привлекают желающих. Так, на должность А. претендуют сразу два кандидата. Когда Валаций уволил А. в отставку, тот не сдался и добился восстановления. Ветеран Плас обязуется возместить А. все расходы, связанные с присвоением сыну ветерана чина декуриона (№ 59)¹⁷. Совершенно иное отношение к солдатской службе. В № 18 один из корреспондентов А., апа Мий, просит А. отпустить призванного в армию сына брата жены апы Мия¹⁸, если же это невозможно, не допустить, чтобы его взяли в полевую армию¹⁹. Если в № 19 речь идет об использовании личных связей (апа Мий пишет: «во-первых, ради бога, во-вторых, ради меня»), то в № 35 Паисий²⁰ сообщает, что в течение трех дней не смог добыть в Караниде ни одного человека. Даже арест ирларха не помог, ибо вся деревня оказала сопротивление и пришлось удовлетвориться двумя солидами и 50 талантами, т. е. суммой, меньшей той, которую предполагалось заплатить вместо поставки рекрута и его вооружения (см. СTh., VII, 13.7.1—375 г.). Вопрос признается существенным, но, по-видимому, в связи с приездом препозита (пага), Паисий не пожелал особенно усердствовать. Это замечание и № 18 наводят на мысль, что люди А. превышали свои полномочия и вторгались в чужую сферу²¹.

Можно полагать, судя по материалам архива А., что солдаты, во всяком случае, те, которые принимали участие во взимании налогов и выполняли полицейские поручения, старались не оставаться в убытке²². Среди солдат встречаются люди, имеющие свое хозяйство²³, что естественно, учитывая, что они в основном набирались из местного населения. Они встречаются и в списках налогоплательщиков, причем по сумме

располагал охотничьими сетями, которые просит в долг у А. его приближенный апа Мий (№ 6). Сети, по-видимому, изготавливаются охотниками (№ 31.18—19). С деятельностью А. в качестве военачальника связаны и № 11; 32 и др.

¹⁵ Вторжения ливийцев были нечастым явлением (общее введение, стр. 16, прим. 3). Несоответствие размеров и мощи крепости поставленным перед гарнизоном задачам подчеркнута и объяснено Д. ван Берхемом (там же, стр. 21).

¹⁶ № 2.6: pro tutela publica observandis.
¹⁷ Ср. № 58, касающийся, однако, гражданской сферы и вызвавший оживленную полемику в связи с толкованием так называемых *epistula exactoriae*.

¹⁸ Речь идет о сыне солдата. Возможно, как указал У. Вилькен (L. Mitteis, U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. Bd. I. Historischer Teil, 1. Hälfte. Grundzüge. Leipzig—Berlin, 1912, S. 410), в данном случае речь идет о принудительном наследовании профессии.

¹⁹ Стремление остаться на месте объясняется тем, что солдат мог продолжать в известной мере заниматься или, во всяком случае, следить за своим хозяйством. Кроме того, конечно, служить на месте было легче и менее опасно.

²⁰ Кем является Паисий, неизвестно. Во введении к документу издатель принимает его за гражданское лицо, в общем же введении он объявляется капитулярием («возможно» — стр. 17), солдатом (стр. 26). Вероятнее всего, он гражданское лицо, непосредственно подчиняющееся А.

²¹ Сопротивление набору отмечается и другими источниками, например, W. Chrest., 469. О бегстве солдата Павла говорится в № 32, но, возможно, это тот самый Павел, против которого возводятся обвинения в № 48.8. О бегстве рекрута идет, по-видимому, речь в № 41.1—2. См. и № 33 (просьба разрешить солдату заниматься частными делами).

²² О самоуправстве солдат, см. ниже, стр. 302, прим. 67.

²³ Например, № 45.1—2. Солдат Фл. Илья продает А. две коровы (№ 60). Солдаты дают сеуду: № 37.16—17.

взносов их можно причислить к средней группе²⁴. Ветераны часто упоминаются в архиве А.²⁵ Некоторые из них сохраняли связь со своей частью²⁶.

Второе, что бросается в глаза при рассмотрении архива А., это централизованная система назначения на военную должность. Так, и А. и его соперник получили императорские письма соответствующего содержания. Правда, централизация не избавляет от путаницы: как уже указывалось, в Дионисиаду были назначены одновременно два человека. Любопытны и методы продвижения: протекция²⁷ или взятка в полном смысле этого слова²⁸.

Основные заботы А. были связаны со взиманием налогов и поддержанием порядка. Формально взимание налогов не должно было осуществляться военными властями — в Египте существовал довольно многочисленный и сложный аппарат по взиманию налогов, в основном базирующийся на литургии. Но поскольку налоги ложились тяжелым бременем на плечи населения, сбор их сопровождался большими трудностями²⁹, и власти нередко прибегали к использованию военной силы³⁰.

В архиве А. сохранилось письмо Фл. Макария (№ 3), прокуратора императорских имений, требовавшего от А. — со ссылкой на распоряжение дукса — выделить официалию, посланному дуксом и кафоликом³¹, солдат для сбора *δεσποτικῶν καθόντων*. Важно отметить, что письму Макария предшествовало распоряжение дукса и что Макарий грозит А. донести дуксу, что А. срывает взимание сборов.

Об участии солдат в сборе налогов говорится в ряде документов. Эти операции проводились в тесном контакте с представителями гражданской администрации, с экзактором³², эпимелитом³³. Их сопровождали солдаты³⁴, часто возглавляемые подчиненными А.³⁵ Возможно, что разъезды самого А., о которых говорится в № 7 и 14, были связаны со взиманием

²⁴ См. ниже, стр. 301, прим. 51.

²⁵ См. указатель VII, стр. 176, s. v. *οὐστραβός*.

²⁶ Например № 33; 76.12, 34—36.

²⁷ № 1.13; per suffragium. Ср. приведенную в общем введении (стр. 11, прим. 4) ссылку на СTh., VI, 24, 3: *vel suffragio vel poten[tium] gratia* (в тексте опечатка: СTh., VI, 24, 2).

²⁸ № 59.12—18. Ср. № 58.9—11, в котором, как указывалось, идет речь об *epistula exactoriae*.

²⁹ В № 5 сборщик жалуется, что он ничего не взыскал по ведомости: два налогоплательщика предлагают вместо сена зерно; в том, что касается одной аруры, он натолкнулся на сопротивление жителей деревни, утверждающих, что это деревенская собственность. О нападении на сборщика налогов (?) идет речь, возможно, в № 15. Сам А., по-видимому, прислал экзактору Плутаммону лошадей вместо денег (№ 13.6—7).

³⁰ СTh., I, 14.1 (386 г.), относящийся к Египту: *per castrenses milites exigantur*. При включении в кодекс Юстиниана (I, 37.1) конституция была несколько переработана. Интересно отметить, что в кодексе Юстиниана появляются почти те же слова, что и в № 3. Ср. № 3. 7—8: *βοήθειαν στρατιωτικῆν [μοι] παρασχεῖσθαι εἰς τῆν ἀπαίτησιν κτλ.* и CJ, I, 37.1: *per militare etiam auxilium... ad solutionem compelli sensemus*. Требование использовать солдат для сбора налогов неоднократно повторяется в законодательстве Юстиниана. См., например, относящийся к Египту: Ed. Just., XIII, 5; 8; 9; 11; 12; 13; 20; 24.

³¹ О кафолике см. J. Lallemand. *L'administration civile...*, p. 80 sq.; о прокураторе императорских имений см. *ibid.*, p. 90—91.

³² № 13; 14; 15; 26; 29.

³³ № 4 (?) и 5 (?) (см. введение к документу); 26 (см. введение к документу); 29.

³⁴ Солдаты использовались и для перевоза продуктов (№ 4; 5; 29). С необходимостью перевоза зерна связаны неоднократные упоминания о мешках. Судя по № 69 Ve, перевозят за один раз от 8 до 12 мешков ячменя. Солдатам не всегда доверяют. См. № 4.17—20.

³⁵ Возможно, что Аэций в №№ 4 и 5 не эпимелит, а приближенный А.

налогов³⁶. В селениях, расположенных в непосредственной близости от Дионисиады, сбор налогов целиком возлагался на военную администрацию³⁷. К деятельности А., связанной с защитой фискальных интересов государства, следует отнести и борьбу против контрабандного ввоза натрона, являющегося объектом монополии³⁸.

Систему сбора анноны довольно подробно рисуют № 26 и 29. Взимание производит эпимелит³⁹, подчиненный экзактора, сопровождаемый солдатами, передвижением которых руководит сам А.⁴⁰ Эпимелит и отвечает за полное взимание (*τὸ πᾶν τῷ σίτῳ*)⁴¹, но сопровождающий его представитель военной власти — не простой исполнитель его воли, а вмешивается иногда в его дела⁴². По представлению актуариев Верхней Фиваиды дукс постановил, чтобы вся пшеница и ячмень свозились в лагерь (*ἐπὶ τὰ κάστρα*), а для проверки зерна высылаются официалии (№ 26), который получает за свой труд *sportulae*⁴³. Нерадивые эпимелиты, как уже указывалось, задерживаются, но эта мера вызывается приездом презида и носит, по-видимому, временный характер, ибо автор письма, Евлогий, обещает привести эпимелита через два дня в Дионисиаду. Взаимодействие гражданской и военной администрации неизбежно приводило к трениям⁴⁴.

О самой сущности налогов, размере обложения архив А. дает сравнительно мало сведений. Объясняется это тем, что в ряде случаев не указаны ни названия налога⁴⁵, ни за какое время он взимается⁴⁶.

³⁶ В № 14 экзактор Плутаммон упрекает А. в том, что тот уехал из города, не разрешив вопроса о недоимках крестьян.

³⁷ Общее введение, стр. 18.

³⁸ № 9. Документ важен во многих отношениях. Автор письма пишет, по-видимому, из Александрии, но управление монополии натрона (*ταρειαχῶν νίτρων*) имеет своих представителей и в Теренуфисе. Контрабандисты (марсеотийцы и египтяне) провозят натрон в Арсиною и в другие селения (стк. 6). Задача заключается в том, чтобы задержать и контрабандистов и их вычужный скот. Автор письма уже раз писал А., но ответа не получил, поэтому он посылает второе письмо оказией и обещает А. встречные услуги. В другой связи натрон упоминается в № 16.16—17.

³⁹ В. Мартэн (общее введение, стр. 30) полагает, что Ураний из № 26.7 — солдат. Думается, что прав автор введения к № 26 и 29, который видит в нем эпимелита.

⁴⁰ См., например, № 26.31; 29.3, 6, 20—21.

⁴¹ Поэтому его и арестовывает официалий презида, а экзактор предписывает отвести его в город (№ 29.9—12).

⁴² Так, актуарий Агаф пишет экзактору, чтобы он поручил эпимелиту (?) Уранию взыскать с жителей Таврина налог, и просит А. не отпускать Урания, пока он, Агаф, не урегулирует с ним взаимные расчеты (№ 26). Ср. № 29.15—17.

⁴³ Не получив спортул, официалий задержал актуария Агафа, который вынужден обратиться к А. с просьбой послать в связи с этим в город рекрута Аполлона (№ 26.31—32).

⁴⁴ См. приводимые во введении к № 13 ссылки на № 13; 14; 15; 26; 29; 37: возможно, что в № 27 содержится жалоба Авинсью на действия экзактора. О № 18 см. ниже, стр. 302, прим. 67.

⁴⁵ № 67 Ve; 68; 69 Re (указывается количество артаб без уточнения «пшеницы», «ячменя»). В некоторых случаях указывается, что взимается, например: № 66; 67 (пшеница и ячмень); 69 Ve (ячмень); 72 («жидкость», имеется в виду масло); 73 (ячмень), но и эти заглавия не всегда соответствуют действительности. Так, в № 66 перечислены и взносы денег и масла, в № 67 — денег, № 70 озаглавлен *σίτου*, но неясно, имеется ли в виду взимание или выдача. В № 68, заглавие которого не сохранилось, в стк. 19 появляется запись *καὶ εἰς ἑσπέραν (ἀρτ.) κα.* Не всегда можно разграничить государственные ведомости от личных, принадлежащих А. В № 71 идет, по-видимому, речь о реквизиции скота.

⁴⁶ Некоторые плательщики встречаются в нескольких списках. Так, Орион, сын Диоскура, платит 3 ксеста масла в № 66.52 и 15 ксестов в № 72.7. Эон, сын Коприса, — 15 ксестов в № 66.54, 14 ксестов в № 72.9 и 14 ксестов в № 72.10. Максим, сын Эона, платит 9 артаб в № 67.5 и 5¹/₂ в № 69.50. Исион, сын Марона, — 5¹/₃ ар-

Судя по архиву, списки составлялись по деревням⁴⁷. Взимались пшеница, ячмень, масло, деньги, являющиеся чаще всего результатом *adaeratio*⁴⁸. Среди плательщиков⁴⁹ встречаются наряду с жителями деревень⁵⁰ солдаты⁵¹, ветераны⁵². Одни платили только пшеницей⁵³, или только ячменем⁵⁴, или только маслом⁵⁵, некоторые платили и натурой и деньгами⁵⁶. Поскольку мы не знаем, содержат ли дошедшие до нас списки всю сумму налога, уплаченную тем или иным лицом⁵⁷, нельзя сделать окончательных выводов о степени имущественной дифференциации, но такая несомненно существовала⁵⁸.

Хорошо представлена полицейская деятельность А. Среди обращений, наряду с жалобами на солдат⁵⁹ или исходящих от солдат⁶⁰ и ветеранов⁶¹, имеются и жалобы от лиц, которым следовало бы обращаться в гражданские инстанции⁶². Жалобщики ясно отдавали себе отчет в том, что не А.

табы в № 69.37, 10 артаб в № 70.2 и 340 талантов в № 67.13. Ветеран Савин — 14 артаб в № 67.8 и 8 артаб в № 69 Re. 66; секретарь (писец) Орион — 5¹/₃ артабы в № 69 Re. 81, 10 артаб в № 70.3, 32 таланта в № 73.35 и 11 талантов в № 73.41. Трудно сказать, относятся ли эти списки к разным годам или дополняют друг друга. Судя по № 70.50, список содержит запись сумм, внесенных за один день.

⁴⁷ Андромахида: № 66; 68; 72; 74; Ермуполь: № 67; 68; 69; 70; 73, но в этих же списках встречаются и жители других деревень, например, № 69.83, 109, 112. Вероятно, у них была собственность в Ермуполе.

⁴⁸ Если в № 66.35—48 и 56—60; 67 Re. 12—20 и т. д. неясно, идет ли речь об *adaeratio* или о денежных налогах, то № 73, озаглавленный «взимание ячменя» и содержащий перечень имен с указанием против каждого суммы денег, не вызывает сомнения, так же как и в № 74 (*ἐχθρασις ναυβίων*).

⁴⁹ Обращает на себя внимание № 67 Ve, где приводится не только имя плательщика и его отца, как в других списках, но и имя матери и личные приметы плательщиков.

⁵⁰ В № 66. 32—34 указано также получение: *π(αρά) τοῦ κοινού τῶν ἀπὸ κόμης Ἀνδρῶμαχίδος* столько-то; в № 67. 9—10 такая же запись в отношении деревни Ермуполь. Следует отметить, что оба *κοινά* платят меньше, чем отдельные состоятельные жители деревни.

⁵¹ Например № 66.21 и 24; 66.28 и 73.46; 66.36, 44, 57; 70.8.

⁵² Например № 67 Re. 6, 7; 69 Re. 7, 66; 73.18. Среди плательщиков были, вероятно, и горожане (о горожанине, владеющем землей, говорится в № 28.20—22), но упоминания горожан в списках (см. введение к № 66) относятся скорее не к платежам, а выдачам.

⁵³ Например № 66.5, 21, 25; 67.4, 5, 6, 7, 8; 70.2, 3, 4, 5, 6; № 67 озаглавлен «ведомость пшеницы и ячменя», но, за исключением *κοινόν τῶν ἀπὸ κόμης*, говорится только об уплате пшеницы.

⁵⁴ Например № 66.8, 11.

⁵⁵ Например № 66.49, 51; 66.54 и 72.9, 10; 72.3, 4, 5 и т. д. Указывается сорт масла. Ср. № 66.49—50, 52—53, 54—55; 72.2 сл. Размер единовременной уплаты от 3 до 32 ксестов. Эон, сын Коприса, платит 15 ксестов в № 66.54—55 и 28 ксестов в № 72.9—10, т. е. всего 43 ксеста.

⁵⁶ Например № 66.21, 22 и 39; 66.19—20 и 43 (в № 72.17 он еще вносит масло); 66.45; 72.8 и 74.32; 66.54 и 72.9—10; 66.59 и 72.14; 69 Re.81; 70.3 и 73.35, 41; 69 Re.63 и 73.12 и 51; 69 Re.68 и 73.36.

⁵⁷ См. выше, прим. 46.

⁵⁸ Так, в то время как большинство плательщиков вносит по несколько артаб (иногда платит не одно лицо, а два, например № 67.4; 68.23; 68.24—25); некоторые вносят больше сотни: например Авнион, сын Нины. — 105 артаб пшеницы, 35 артаб ячменя, 1240 талантов и 3 ксеста масла (№ 66.19—20, 43; 72.17). См. также № 66.22—23; 66.15—16 и т. д.

⁵⁹ № 18; 28; 48.

⁶⁰ № 12: на сына солдата напали с дубинками и мечами. Солдат жалуется своему командиру, а тот А. В № 49 — невестка солдата.

⁶¹ № 45; 47; 51 и 52 (дочь ветерана).

⁶² См. общее введение, стр. 19. Возможно, что некоторые жалобщики обращались одновременно в обе инстанции, не зная, какая поможет (ср. № 44 и P. Thead., 22 и объяснение, предложенное J. L a l l e m a n d. L'administration civile... p. 149, п. 9). Жалобы на А. подаются гражданской администрации, а та грозит ему обращением к дуксу (№ 18 — речь идет о *βουλῆ*).

решает вопрос, а дукс⁶³, тем не менее они прибегают к его помощи. Это явное доказательство реального веса, который приобретают военные в это время⁶⁴. Картина, рисуемая архивом А., мрачная: кражи⁶⁵, избиения⁶⁶, изымательства солдатни⁶⁷ и т. д. При этом следует отметить два обстоятельства: во-первых, в кражах и притеснениях нередко принимают участие лица, близко стоящие к тем, кому положено следить за обеспечением порядка⁶⁸; во-вторых, ясно выступает рост могущества более состоятельных элементов, притесняющих бедняков⁶⁹. Такое положение в сочетании с тяжелым налоговым гнетом⁷⁰ должно было, естественно, привести либо к испытанному в Египте средству борьбы — к бегству⁷¹, либо к поискам новых путей борьбы — к хорошо известным нам по данным законодательства патрониям.

Корреспонденты А. называют его в ряде случаев «патроном»⁷². Как известно из СTh, XI, 24, 4 (399 г.), военачальники упоминаются

⁶³ № 15.16—17, введение к № 44. В № 46; 50; 55; 56; 57 ссылки на дукса нет. Как уже указывалось выше, встречается и угроза пожаловаться дуксу, если А. не примет соответствующих мер: см. № 10.

⁶⁴ См. приведенный J. Lallemand. L'administration civile... p. 149, n. 11; P. Amh., 142 (= M. Chrest., 65).

⁶⁵ № 41; 44; 45; 47; 48; 49; 53; 54.24 (ἀπελασία); 55; 56 (присвоение доли наследства); 57. Особенно выделяются проделки цирюльника Крония (№ 41). Он заложил оставленные у него вещи, получил деньги и сбежал из Ликополя в Арсиною. Кроме того, он еще занимался продажей краденых верблюдов. Кражи бывали крупные, например 82 овцы (№ 44), 10 свиней (№ 53).

⁶⁶ № 12; 15; 18; 46; 51; 57 (избитый — бывший препозит пага).

⁶⁷ № 18 — гневное письмо Херимона, председателя (?) курии Арсинои. Солдаты действовали, по-видимому, по приказанию А. В деревне Феоксенде произошли «столь многочисленные несправедливости», а А. вместо того, чтобы произвести расследование, действует так, словно нет законов (ὡς ἐν ἀνομίᾳ). За исключением того, что был ограблен дом Атриса, который хранил чужие вещи (деревенский ростовщик?), и был совершен угон скота, события не совсем ясны из-за спорности перевода глагола ἀποστᾶν и трудности определения, к кому относятся местоимения αὐτοῦ в стк. 6 и 11 и τοῦτοῦ в стк. 12. Если принять толкование издателей, то имеется в виду, что солдаты увели жителей деревни. Жалоба на А. поступила и от жителей поселка Ктисис. О № 28 см. ниже, стр. 303—304. В № 48 солдат возглавляет банду воров, в состав которой входят другой солдат и сын ириарха. О нападениях солдат говорится и в законодательстве: СTh., IX, 14, 2 = CJ., III, 27.1 (391 г.). Действия солдат не могли не вызывать ненависти населения. Э. Демужо (см. рецензию: E. Demougeot, REA, XLVI, 1964, p. 224) полагает, что о подобной ненависти свидетельствуют № 12; 45; 47; 49; 51. Но в перечисленных документах речь идет о действиях, направленных не против солдат, а против ветеранов и родственников ветеранов и солдат. Ветераны обладали известным достатком, поэтому занимались и ростовщичеством. В № 51 и 52 дочь ветерана указывает, что избиение последовало в ответ на требование вернуть долг. Между солдатами и ветеранами, с одной стороны, и прочим населением деревень, с другой, несомненно существовал антагонизм, но корни его следует искать глубже.

⁶⁸ В № 48; 51; 52; 54 в преступлениях принимает участие сын ириарха. Иногда лица, ответственные за порядок, не проявляют должного рвения, и пострадавшие требуют их задержания: № 45; 47.

⁶⁹ № 50. 4—5: τὰς ἐπὶ τῶν τόπων γιγνομένας ἀπαγάς καὶ πλεονεξίας ὑπὸ τῶν δυνατοτέρων (!) ἀνδράπων (речь идет о присвоении урожая).

⁷⁰ В № 50 крестьянин платит налоги (μετρήματα) и за незасеянные аруры (ἀσπόρους).

⁷¹ № 27. 19; бегство (?) рекрута — № 41, солдата — № 32, θρεπτός — № 36.

⁷² G. Diödsi. Zur Frage der Entwicklung des Patrociniums in Ägypten. — «The Journal of Juristic Papyrology», XIV, 1962, S. 62, Anm. 21. Автор приводит восемь писем, в действительности же их 10 (№ 4; 25; 26; 28; 29; 31; 34; 35; 36; 37), возможно даже 11 (см. № 27.5). В № 22.1 (= P. Lond., II, 244 = SB, VI, 9023) πατρί, а не πατρών, как указано в editio princeps. P. Lond. II, 244 включен в перечни Г. Диошди и S. Daris. Il lessico latino nella lingua greca d'Egitto. — «Aegyptus», XL, 3—4, 1960 и в указателе архива А. (s. v. πατρών), в то время как ссылка на этот папирус s. v. πατρί в указателе архива А. отсутствует. О формах обращения к А.

в числе лиц, к которым обращались за патронатом. Вопрос о том, можно ли понимать это обращение к А. именно в таком смысле⁷³, приобретает особое значение в связи с предложением Г. Диошди отнести начало развития патронажных отношений к значительно более раннему периоду, чем это отмечается в законодательстве.

Г. Диошди, присоединяясь к точке зрения тех ученых, которые считают, что А. осуществлял право патрония, ссылается на то, что А. использовал свою власть для оказания незаконной помощи отдельным лицам. При этом он указывает, что перед нами «неразвитая форма патрония» (стр. 63), поскольку нет указания ни на передачу имущества патрону, ни на постоянную от него зависимость. О настоящем, но пока еще не проявляющемся открыто (tacite encore serpendant) патронии говорит и Э. Демужо (указ. соч., стр. 220).

Нам представляется, что в данном случае предпочтительнее осторожность М. Гельдера и У. Вилькена, ибо у нас нет никаких твердых доказательств, что между А. и лицами, называвшими его «патроном», существовали формальным договором или иным способом установленные патронажные отношения — ведь не любой случай защиты или покровительства можно отнести к наличию патрония⁷⁴. Некоторые из адресатов, как отмечает сам Г. Диошди, являются подчиненными А.⁷⁵ В № 36 идет речь о θρεπτός, т. е. о человеке, вероятнее всего — рабе, вскормленном и воспитанном в доме А.⁷⁶; здесь не может быть речи о патронии в обычном смысле этого слова⁷⁷. В ряде писем (№ 4; 31; 35; 37) адресаты, по-видимому, связаны с А. по деловой линии, выполняют его поручения. Сарацион из № 25, судя по подробному перечислению приветствий членам семьи А., — человек, близкий его дому. В № 34 обращение «патрон» в устах матери рекрута — несомненно, средство завоевания расположения А. Очень важным для решения вопроса представляется нам № 28 (= P. Lond., II, 411), который Г. Диошди (стр. 62, прим. 23) относит к числу документов, подтверждающих, что обращение «патрон» — не «пустое выражение». Автор письма, некий Димитрий, жалуется А., что подчиненный А. солдат Афинодор напал на него в то время, как он выполнял свои обязанности по взиманию зерна. Войн не только причинил зло ему, Димитрию, но, напиваясь пьяным, разоряет деревню (τῆν κώμην πρῆδα ποιῆ). Димитрий просит, чтобы А. вызвал Афинодора и заставил понести наказание (буквально — «защитить меня во всем»). При этом Димитрий добавляет, что он собирался подняться в город (т. е. в Арсиною) и пожаловаться его землевладельцу (τῷ ἐμῷ γεούχῳ) или препозиту гарнизона, расквартированного в Арсиное, но решил сперва обратиться к А. Если бы А., которого автор письма называет своим «патроном», действительно был патроном Димитрия, то у последнего не должна была бы возникнуть мысль обратиться к землевладельцу

см. общее введение, стр. 25—27. Можно добавить к приведенным там эпитетам: ἀνδρεία (№ 50.5). В № 54.30 этот эпитет применяется по отношению к дуксу.

⁷³ Мнения ученых приведены у G. Diödsi. Zur Frage..., S. 62, Anm. 24, 25. См. также L. Harmant. Un aspect social et politique du monde romain. Le patronat sur les collectivités publiques d'origines au Bas-Empire. Paris, 1957, p. 427 («Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Clermont», 2 Série, Fasc. 2) и рецензию: E. Demougeot, REA, XLVI, 1964, p. 220—221.

⁷⁴ У А., несомненно, в ряде случаев просили покровительства (например № 31), выражали ему свою преданность [например № 35. 6—7: οὐ δια λήμμα μέχουμε (!), ἀλλὰ μίμ[ε]χουμε (!) διὰ σε], носылали ему подарки (?) (№ 31 и др.).

⁷⁵ № 26; 29. Г. Диошди приводит еще P. Lond., II, 236, т. е. № 4, но действительное положение Азия неясно.

⁷⁶ Следует отметить, что θρεπτός, называющий себя δοῦλος (стк. 20), в свое время сбежал от А. (стк. 20) и обещает больше не покидать его.

⁷⁷ См. L. Mitteis, U. Wilcken. Grundzüge..., S. 323.

или препозиту, ибо патрон для того и существует, чтобы защитить патронируемого, тем более что обидчик — подчиненный патрона. Ясно, что Димитрий не связан с А. узами патроната, своим настоящим защитником он считает своего «землевладельца» и препозита из Арсинои, который, по-видимому, был связан с его «землевладельцем» и которого, как верно полагают издатели, он считает старшим начальником А. К А. же он решил обратиться только потому, что нарушителем является солдат А. и, следовательно, А. легче его наказать. Обращаясь к А., Димитрий называет его «патроном», чтобы подчеркнуть, что он добивается его расположения. По нашему мнению, этот документ, а также № 4, в котором Аэций называет А. патроном (стк. 22) и в то же время ἀδελφός (стк. 1, 23; в № 5. 2, 35 он называет его только ἀδελφός), показывают, что встречающийся в архиве А. термин «патрон» нельзя считать несомненным доказательством наличия патронатных отношений, тем более в той специфической форме, о которой в основном и говорят законодательные памятники, — *patrocinia vicorum*.

Архив А. ценен и с точки зрения экономических и юридических данных, содержащихся в нем⁷⁸. Прежде всего, в нем упоминаются цены на некоторые товары: раб стоит 1200 талантов⁷⁹, артаба пшеницы — 50 талантов (№ 68 Ve. 38, 39), ячменя — 30 талантов (№ 43.14—15), фиников — 15 талантов (№ 43. 11—12), спафий вина — 25 талантов (№ 76.27—28, 30—31, 33), жеребец — 350 талантов (№ 80 Ve. 12), лошадь 70 + (?) талантов (№ 80 Ve. 14), корова — 600 талантов (№ 60. 13—14; 80 Ve. 18—19), телка — 800 талантов (№ 80 Ve. 21—22), теленок — 666½ талантов (?) 1000 драхм (80 Ve. 17) и т. д.⁸⁰ Очень интересен № 68 Ve — счет изготовителя мешков⁸¹. Ему заказываются 25 мешков, для изготовления которых он получает 250 литр сырья, по 10 на мешок. При этом учитывается, что на каждый мешок полагается 3 литры отходов, т. е. чистый вес мешка — 7 литр. Стоимость мешка 30 талантов, но поскольку ремесленник работает на сырье заказчика, ему выдается *μισθός* — 15 талантов за каждый мешок, причем по крайней мере часть платы за труд он получает натурой. Любопытен и № 8. А. просил прислать ему вино. Апа Мий нашел двух или трех верблюдов, упросил и заставил владельцев (?) (погонщиков?) отвезти вино А. Он просит А. сразу же заплатить им⁸², не задерживая их на другой день⁸³, ибо сам А. знает, что праздник. Другие (продукты?, предметы?) апа Мий не послал, так как их не оказалось у него в наличии. Со своей стороны он просит

⁷⁸ Представляют интерес и некоторые сведения этнического порядка, например упоминания о ливийцах (№ 4.3, 15; 57.11; 82.11), топографического, например близость деревень: Ермуполя и Феоксениды (№ 57.18), метрологического (см. прим. издателей к № 79.35), нумизматического (см. прим. к № 43.21) и т. д. Сведения, касающиеся религиозной принадлежности упоминаемых в архиве лиц, рассмотрены в общем введении, стр. 20, 30—33 и введении к соответствующим документам. См. также интересные наблюдения Кл. Вандерслеяна (Cl. Vandersleyen, «Latomus», XXII, 4, 1963, p. 888—889).

⁷⁹ № 64. 16—17. О рабах в архиве А. говорится очень мало. Возможно, что рабами, кроме двух покупаемых в № 64, являются также *παῖς* Саранион из № 9. 9 и *θραππέας* Палат из № 36. В № 24. 19 в неясном контексте встречается слово *δοῦλεύων* (1).

⁸⁰ О цене мешка см. № 68 Ve (его разбор дан в тексте), одежды, кож, шерсти — № 81.

⁸¹ Ремесленники упоминаются очень редко, к тому же данные архива слабо освещают, за исключением № 68 Ve, их профессиональную деятельность.

⁸² В тексте указано *τῷ τῷ*, но ни количество вина, ни его цена не уточнены.

⁸³ Обращает на себя внимание, что апа Мий заставил отвезти вино А. и допускает мысль, что тот может задержать людей. Ср. № 16, в котором автор письма просит не применять насилия к посланным им работникам.

А. держать наготове какую-то «мазь» на тот случай, если придут «братья» (?).

Некоторые документы, например № 62—64, привлекли пристальное внимание юристов.

Архив А. содержит также ряд документов, относящихся к его семье и личному хозяйству. Из членов семьи⁸⁴ лучше известна его жена Нонна⁸⁵, по-видимому, состоятельная женщина, владеющая недвижимым (№ 62 и 63) и движимым (№ 64) имуществом. Сам А. владеет домом в Александрии (или это дом жены?), который он сдает в аренду. Как показали В. Мартэн и Д. ван Берхем⁸⁶, этот дом пользовался правом получать *panis aedium*. Документы свидетельствуют о ряде сделок, заключенных А., в частности о приобретении зерна, скота и т. д.; упоминают они также об отдельных его поручениях.

В целом следует сказать, что архив А., хотя и уступает по значению некоторым другим архивам, представляет собой ценный источник по истории Египта (и не только Египта) середины IV в.⁸⁷

⁸⁴ О семье А. см. общее введение, стр. 29.

⁸⁵ У нее александрийское гражданство и *jus liberorum*, дающее ей право выступать самостоятельно в суде и самостоятельно заключать сделки.

⁸⁶ V. Martin, D. van Berchem. Le panis aedium d'Alexandrie. — «Revue de philologie, de litterature et d'histoire ancienne», 3 Série, XVI, 1942, p. 5—21.

⁸⁷ Как сообщает Р. Ремондон (R. Remondón. Militaires et civiles dans une campagne égyptienne au temps de Constance II. — «Journal des Savants». Troisième centenaire, 1965, p. 132, n. 2), с интересной статьей которого мы смогли ознакомиться, когда наша статья уже была набрана, в Берлине имеется еще один папирус из архива Авиннея, который будет издан польской исследовательницей Е. Вишницкой.

М. Ф. МУРЬЯНОВ

ПЯТЬ РУКОПИСЕЙ КОРПУСА ЮСТИНИАНА В СОБРАНИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Собрание рукописей Ленинградского университета пользуется широкой известностью среди востоковедов¹, но о том, что в университете есть и западные рукописи, представляющие интерес для византистов, наша научная общественность пока не осведомлена.

Сведения о западных рукописях содержатся в написанном от руки «Catalogus codicum manuscriptorum qui in Bibliotheca Universitatis Litterariae Petropolitanae adservantur», прошнурованном, скрепленном сургучной печатью и подписанном ректором А. Воскресенским 12 мая 1865 г.; эта опись осталась неучтенной в международном индексе². За истекшее столетие прибавлений к западному фонду не было, есть две утраты:

- 1) Biblia sacra latina, 464 ff., anno Domini 1411,
- 2) Schwabenspiegel³, 87 ff., membranaceus. Conspectus 4 ff., lantrecht buch 59 ff., lehen buch 24 ff.

Нынешний состав коллекции — пять латинских фолиантов XII—XIV вв., представляющих собой отдельные части свода римского гражданского права — *Corporis juris civilis* Юстиниана.

Поскольку более ранние рукописи Корпуса весьма немногочисленны и тем самым не дают достаточной основы для реконструкции архетипа⁴, рукописи XII—XIV вв. имеют существенное значение для критики текста. Обычно текст Корпуса в них сопровождается комментирующими маргинальными глоссами⁵, которые отражают процесс восприятия римского права средневековой Европой⁶ и представляют поэтому самостоятельный интерес.

¹ А. Т. Абрамов. Восточный отдел научной библиотеки им. Горького Ленинградского гос. ун-та. Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963, стр. 218—228.

² P. O. Kristeller. Latin Manuscript Books before 1600. A List of the Printed Catalogues and Unpublished Inventories of Extant Collections. New York, 1960, p. 136—138.

³ Этот экземпляр никогда не числился за Ленинградом: G. Homeyer. Die deutschen Rechtsbücher des Mittelalters und ihre Handschriften. Weimar, 1931—1934, S. 161 f., 283. Ср. R. Grosse. Die mitteldeutsch-niederdeutschen Handschriften des Schwabenspiegels. Berlin, 1964 (= «Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig». Philologisch-Historische Klasse, Bd. 56, Heft 4).

⁴ О текстологии см. F. Wieacker. Textstufen klassischer Juristen. Göttingen, 1960 (= «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen». Philologisch-Historische Klasse, 3. Folge, № 45); Ср. W. Kunkel. Römische Rechtsgeschichte. Weimar, 1964.

⁵ В эпоху Юстиниана комментирование законов запрещалось. См. P. Pescani. Sul divieto di Giustiniano a commentari del Digesto: Labeo. — «Rassegna di Diritto romano», t. 7. Napoli, 1961, p. 41—54.

⁶ P. Koschaker. Europa und das römische Recht. München—Berlin, 1958, S. 55—86; E. Meijers. Le droit romain au Moyen Age, I. L'enseignement du droit dans trois universités du XIIIe siècle. Leiden, 1959.

В обширной юридической литературе⁷ вопросам рукописной традиции Корпуса всегда придавалось большое значение, и заранее можно считать, что практически любая вновь всплывающая рукопись уже кем-то изучалась или, по крайней мере, упоминалась. Мы ограничимся указанием на то, что наши рукописи не отражены в аппарате критических изданий Корпуса, хотя в руках компетентных специалистов они бывали. Так, профессор Варшавского университета Федор Дыдынский приводит данные о петербургских рукописях Юстиниана, в частности о нашем экземпляре «Институций»⁸, высоко ценившемся юристами старой школы⁹. По сведениям Дыдынского, в XVIII—XIX вв. он находился в частных собраниях Германии, в последнее время — у лейпцигского профессора права Карла Венка¹⁰, а после смерти в 1828 г. был куплен петербургской Публичной библиотекой.

Однако при детальном ознакомлении обнаружилось, что называемый Дыдынским источник — «Catalogus codicum manuscriptorum qui in bibliotheca Petropolitana adservantur» — не существует, в документации Публичной библиотеки (архивных материалах и опубликованных годовых отчетах) упоминаний о Венке нет; с другой стороны, в Государственном историческом архиве Ленинградской области хранятся оригиналы университетской переписки о библиотеке Венка, в частности заключение Совета университета: «...приобретение книг, составляющих сию библиотеку, было бы весьма желательно для университета, который терпит нужду в лучших юридических сочинениях... Совет не находит никакой возможности приобрести оную библиотеку покупкою по недостатку средств»¹¹. История имела счастливый конец: «В 1829 году обогатилась библиотека большим собранием юридических книг, купленных у вдовы лейпцигского профессора Венке за 3750 саксонских талеров, с укупоркою же и доставкою обошедшихся университету около 14500 рублей ассигнациями»¹². 3 июня 1830 г. библиотека Венка была доставлена в Петербургский университет¹³.

Из собрания Венка происходят все западные рукописи университета, в том числе и утраченные. Ниже следует краткое описание коллекции в ее нынешнем составе¹⁴.

⁷ В литературе по римскому праву ориентирует В. Biondi. Diritto romano. Milano, 1944 («Università Cattolica del Sacro Cuore. Guide bibliografiche», III. Discipline Giuridiche, 1). Ср. продолжающееся издание: L. Caes, R. Henrion. Collectio bibliographica operum ad jus romanum pertinentium. Bruxelles, 1949 sq. и раздел «droit romain» в ежегодниках: J. Marouzeau. L'année philologique, t. 1—35. Paris, 1927—1966.

⁸ Th. von Dydyński. Beiträge zur handschriftlichen Überlieferung der Justinianischen Rechtsquellen, I. Institutionen. Berlin, 1891, S. 99, № 275.

⁹ Schrader—Clossius—Tafelius. Prodromus Corporis juris civilis. Brolini, 1823, p. 48, 126.

¹⁰ Allgemeine Deutsche Biographie, hrsg. durch die Historische Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 44. Leipzig, 1898, S. 478 f.

¹¹ Ф. 14, оп. 1, д. 1916, л. 2 (документ от 30.VI. 1829). Архивные материалы для настоящей статьи разысканы заведующим Отделом редких книг и рукописей библиотеки им. А. М. Горького А. Х. Горфункелем.

¹² В. В. Григорьев. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870, стр. 78. После этой покупки, составившей 3220 книг, фонд университетской библиотеки насчитывал 13797 томов. См. «Петербургский университет в первое столетие его деятельности. Материалы по истории Петербургского университета», т. I. Под ред. проф. С. В. Рощевского. Пг., 1919, стр. 708.

¹³ Ф. 14, оп. 6, д. 477, л. 37.

¹⁴ Мы считаем своим приятным долгом поблагодарить проф. Адама Ветуланн, проф. М. А. Гуковского и канд. ист. наук А. Х. Горфункеля за советы и критические замечания, использованные нами в работе.

1. Ms. lat. 2. Institutiones¹⁵

68 листов, формат 366 × 238 мм. Зеркало основного текста — 183 × 108 мм (две колонки). Ординарные глоссы Аккурсия¹⁶ с позднейшими добавлениями без сигл авторов.

Состав тетрадей. Первый лист — позднейшая вставка с неряшливо написанным перечнем названий рубрик Институций. Далее следуют IV + IV + V + III + IV + IV + IV + II + IV двойных листа; предпоследний полулист завершающего кватерниона утрачен. Кустоды есть только на кватернионах.

Основной текст был разделен между двумя писцами. Первая рука (тетради 1—3) — 41-строчные колонки, 2-миллиметровый шрифт, черные чернила. Вторая рука (остальные тетради) — 39-строчные колонки, 1,5-миллиметровый шрифт, светло-коричневые чернила. В месте соединения обеих частей изменения почерка глосс нет.

Приводится — в виде позднейшей вставки — очень редко встречающаяся в рукописях Институций украшенная миниатюрой схематическая таблица исков (листы 59^v/60^r), так называемая *arbor actionum* (Джованни Бассиано?). Помимо обычных рубрик, мелких красных и синих инициалов, к художественному убранству рукописи относится орнаментальный инициал I во всю высоту колонки, начинающий вводный раздел (*prooemium*), а также монограммы *imperator* в начале второй, третьей и четвертой книг.

Главная палеографическая достопримечательность рукописи — точная дата в эксплиците на лицевой стороне 68-го листа: 1259 год. Она написана в Болонье.

Переплет недавно реставрирован, при этом сохранены полудюймовые дубовые доски, обтянутые неокрашенной кожей без тиснения, и частично уцелевшие латунные застёжки и шипы. Форзац — лист латинской литургической рукописи XI в., по данным нашего исследования происходящей из пикардо-валлонской области¹⁷. Вполне возможно, что там и был переплетен наш экземпляр Институций¹⁸.

2. Ms. lat. 1. Digestum novum¹⁹

209 листов, формат 370 × 230 мм, обрезка повредила записи на полях. Зеркало основного текста — 260 × 120 (или 130) мм, две 51-строчные колонки. Доаккурсианские глоссы²⁰. Конец XII в.

Состав тетрадей. 9 кватернионов + 1 квинион + 1 бинион + 13 кватернионов + 1 квинион + 1 полулист + 1 кватернион.

Рукопись писалась несколькими лицами, основное место разделения почерков — после биниона. Обратная сторона л. 86 почти пуста, со сле-

¹⁵ Institutiones, rec. P. Krueger. Corpus juris civilis, vol. 1. Berolini, 1954. Ср. V. Arangio-Ruiz, A. Guarino. Breviarium iuris romani. Milano, 1962, p. 195—424.

¹⁶ Accursii Florentini Glossa ad Institutiones Iustiniani imperatoris. Ad fidem codicum manuscriptorum curavit P. Torelli. Bononiae, 1940. Доклады Конгресса, посвященные Аккурсию (Болонья, октябрь 1963 г.), находятся в печати.

¹⁷ М. Ф. Мурьянов. Древнейший пергамен Ленинградского университета. — «Вестник ЛГУ», № 20. Серия истории, языка и литературы, вып. 4. Л., 1964, стр. 151—154.

¹⁸ О местной школе римского права в XIII—XVI вв. см. F. de Visscher. Le droit romain en Belgique. — «Atti del Congresso internazionale di diritto romano», vol. 2. Bologna, 1933, p. 203—213.

¹⁹ Digesta Iustiniani Augusti, rec. et ed. P. Bonfante, C. Fadda, C. Ferrini, S. Riccobono, V. Scialoia. Milano, 1960, Ср. И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956.

²⁰ Ср. G. Gualandi. Glosse praecursiane al «Digestum Novum» in frammenti membranacei della Bibliothéque Royale di Bruxelles. Roma, 1956 (= «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche», serie VIII, vol. VII, fasc. 6).

дующего листа ширина зеркала текста 130 мм вместо прежних 120. Рубрики, мелкие красные маюскулы, множество орнаментальных инициалов с красной, синей, желтой, зеленой раскраской, выполненных одной и той же не очень искусной рукой. В трех местах (лл. 20, 41, 70) — зооморфные инициалы.

Обтянутый коричневой кожей деревянный переплет, изъеденный древоточцем, латунные уголки, шипы, остатки застёжек. На форзаце запись: *Ex testamento domini Gregorii Steinbrecheris decani huius ecclesiae qui obiit anno quingentesimo sexto 12 mensis Ma...*

3. Ms. lat. 3. Digestum novum

356 листов, текст оканчивается на лицевой стороне 354-го листа. Оглавление на обороте 356-го листа. Формат 420 × 265 мм. Зеркало основного текста имеет переменные размеры, зависящие от объема глосс, помещаемых на данной странице, в широких пределах изменяется и число строк — примерно от 12 до 51. Глоссы Аккурсия. XIV в. Болонский университет.

Состав тетрадей. 15 сенионов + 1 квинион + 13 сенионов + 1 квинион. Рубрики, многочисленные красные и синие маюскулы, в том числе и в глоссах. В начале каждой книги — красно-синие монограммы и инициалы.

Деревянный переплет соединен с рукописью пергаменными листами XIII в. с золотым инициалом возле рубрики *De vita et honestate clericorum* из рукописи *Compilatio tertia*²¹.

4. Ms. lat. 4. Codex repetitae praelectionis²²

Рукопись сильно пострадала от сырости: листы слиплись и сморщились; там, где их разъединили, текст во многих местах расплылся. В настоящее время она находится в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР. Определить число листов пока невозможно. Приблизительный формат — 34 × 24 см. XIII—XIV вв. Л. 4^v — *explicit prologus*. Лл. 5—6 — оглавление. Л. 7 — начало первой книги.

Покоробившийся деревянный переплет XVI в., обтянутый неокрашенной кожей с хорошо сохранившимся тиснением: мадонна с младенцем, распятие, Лютер, Меланхтон.

5. Ms. lat. 5. Authenticum²³

74 листа, формат 370 × 245 мм. Зеркало основного текста — 210 × 110 мм (две 54-строчные колонки). Доаккурсианские глоссы. Конец XII или начало XIII в.

Состав тетрадей. 6 квинионов + 1 кватернион + 1 тринион. Кустоды. Для оформления рукописи примечательно, что иллюминатор, за исключением витого красного инициала O в начале первого листа, выделяет во всем последующем тексте только инициал I (99 раз) и изобретательно варьирует его красно-синий орнамент, ни разу не повторяясь. Деревянный переплет, обтянутый неокрашенной кожей без тиснения.

²¹ S. Kuttner. Repertorium der Kanonistik (1140—1234). Prodrum Corpus glossarum. Città del Vaticano, 1937, S. 355 f.

²² Corpus juris civilis, vol. 2. Berolini, 1954, Ср. S. Solazzi. Costituzioni glosate o interpolate nel Codex Iustinianus. — «Studia et Documenta Historiae et Juris», t. 24. Roma, 1958, p. 1—79.

²³ Novellae, rec. R. Schoell, absolvit G. Kroll. Corpus juris civilis, vol. 3. Berolini, 1954. Наиболее полный доступный нам перечень рукописей новелл — в издании: Authenticum. Novellarum constitutionum Iustiniani versio vulgata, ed. G. Heimbach. Lipsiae, 1851, p. 1—LXXXIX.

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

МОНАСТЫРСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В ГОРОДЕ СЕРРЫ И ПРИГОРОДНОМ РАЙОНЕ В XIV в.

Серры в XIV в. были одним из наиболее крупных городов Византии¹. В городском и пригородном хозяйстве Серр значительная роль принадлежала церковно-монастырской собственности. В самом городе находились монастыри св. Николая, св. Симеона, св. Георгия, св. Параскевы, св. Антония и Марины, св. Димитрия, св. Воскресения, св. Афанасия, Двенадцати Апостолов, св. Власия, св. Пантелеймона, св. Бессребреников и др.² Некоторые из них были метохами монастырей Афона и других обителей.

Одним из наиболее крупных собственников в районе города Серры был монастырь Иоанна Продрома на Меникейской горе³. Меникейская обитель сохранила богатые документы, относящиеся к периоду ее расцвета — XIV в.⁴

Меникейский монастырь был основан около 1275 г. сыном богатых серрских жителей Иоанникием, покинувшим семью, чтобы стать монахом⁵. Основатель монастыря и его племянник Иоахим, епископ Зихны, расходовали крупные суммы на расширение владений монастыря Про-

¹ Г. Острогорски. Серска област после Душанове смрти. — «Посебна издава Византолошки института», кн. 9. Београд, 1965, стр. 56. В истории Серр XIV в. можно выделить три периода: до 1345 г. — византийский; после завоевания города Стефаном Душаном — сербский; с 1383 г. — турецкий период. В нашей работе рассматривается в основном византийский, частично — сербский период в истории Серр.

² Π. Ν. Παπαγεωργίου. Αἱ Σέρραι καὶ τὰ προάστια τὰ περὶ τὰς Σέρρας καὶ ἡ μονὴ Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου. — ВЗ, III, 1894 (карта 1).

³ См. о нем: Г. Коуцтиадоу. Ἱστορία καὶ περιγραφή τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ τιμίου Προδρόμου Σερρῶν. Θεσ., 1922; F. Dölger. Die Urkunde des Johannes-Prodromos-Klosters bei Serrai. — SBAW, Phil.-hist. Abt., 1935, H. 9; Ст. П. Κυριακίδου. Τὰ χρυσόβουλλα τῆς παρὰ τὰς Σέρρας μονῆς τοῦ Προδρόμου. — «Εἰς μνήμην Στ. Λάμπρου». Ἀθήναι, 1935 (мне недоступно); M. Jugie. Le Typicon du monastère du Prodrome au mont Ménécée, près de Serrès. — Byz., 12, 1937. Подробную библиографию см. A. Guillou. Les archives de Saint-Jean Prodrome sur le mont Ménécée. Paris, 1955, p. 3—4.

⁴ См. K. Sathas. Bibliotheca graeca. Venezia, 1872; MM, V [В издании Миклошича и Мюллера меникейские акты изданы без критических комментариев; многие из них перепутаны хронологически (акты первой половины XIV в. приписаны Стефану Душану). Над установлением правильной датировки актов монастыря работали Б. А. Панченко, А. Соловьев, С. Кириакидис]; Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888; А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936; A. Guillou. Les archives...; J. Dujshev. Der wiederaufgefundene «alte Kodex» des Johannes-Prodromos-Klosters bei Serrai. — «Studien zur älteren Geschichte Osteuropas», T. 2. Graz—Köln, 1959, S. 116—121.

⁵ A. Guillou. Les archives... p. 5. Н. П. Кондаков считает, что монастырь был известен уже в X—XII вв. («Македония. Археологическое путешествие». СПб., 1909, стр. 162—163).

дрома (κατηνάλωσεν... οὐκ ὀλίγα πράγματα)⁶. Переданное монастырю семейное богатство дополнялось частными и императорскими пожалованиями. Монастырские картулярии свидетельствуют о покупках земель и виноградников в Серрах и их окрестностях Иоанникием, о земельных дарениях частных лиц ктитору и самому монастырю⁷.

Рост владений монастыря Иоанна Продрома начинается с 90-х годов XIII в. — в период игуменства Иоанникия Калида (основатель, занимая должность епископа в городе Эзове, расположенном на юго-запад от Тахинского озера, по-прежнему покровительствовал монастырю). Епископ Иоахим, следуя завещанию своего дяди Иоанникия, много внимания уделял монастырю Продрома. Гийу отмечает, что именно при Иоахиме произошло расширение монастыря, строительство большой башни, общей комнаты отдыха для монахов, постройка мельницы, разработка правил внутреннего распорядка монастырской жизни. Собственное богатство Иоахима и церковные доходы шли на улучшение хозяйства обители⁸.

К середине XIV в. монастырь Иоанна Продрома сосредоточил в своих руках большие богатства в районе Серр и, наряду с афонскими монастырями, стал одним из самых крупных и богатых. Он стал именоваться в документах царской обители (βασιλική μονή)⁹, так как император считался ее основателем и оказывал монастырю свое покровительство. С 1332 г. по просьбе Иоахима «властителем и господином» монастыря стал первый вельможа империи — великий domestik и зять Андроника Младшего Иоанн Кантакузин¹⁰. Покровительство Кантакузина монастырю можно рассматривать как квазиктиторство.

Согласно типичу, составленному в 1332 г. Иоахимом, митрополитом Зихны, и одобренному сигиллием патриарха Исаяи и хрисовулом Андроника Младшего¹¹, монастырь приобрел полную независимость от серрского митрополита, не имевшего права сместить игумена обители, избранного монахами. Меникейский монастырь подчинялся непосредственно патриаршему константинопольскому престолу¹².

К середине 40-х годов относится запись Меникейского практика¹³, свидетельствующего о значительном росте богатства обители в середине XIV в.

Постепенное увеличение городских и пригородных владений¹⁴ монастыря Иоанна Продрома в первой половине XIV в. можно представить следующей таблицей.

⁶ A. Guillou. Les archives... № 7.1—3, p. 51 (хрисовул Андроника II, 1317 г.).

⁷ Cart. B., fol. 2—3, 3—4, 4—5. A. Guillou. Les archives... p. 22.

⁸ Ibid., p. 8.

⁹ Ibid., № 25, 34; Cart. B., fol. 140, p. 28; fol. 157—158, p. 30.

¹⁰ Ibid., № 26; M. Jugie. Le Typicon... p. 31. До этого времени, начиная с первого десятилетия XIV в., монастырь находился под покровительством дочери Андроника II королевы Сербии Симоиды (A. Guillou. Les archives... № 1, 9, 12, 16, 19).

¹¹ Ibid., p. 161—176; № 15.

¹² Ibid., p. 166.

¹³ Сохранился фрагмент практика (А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље... стр. 324—330). Издатели считают, что практик составлен около 1345 г. Ф. Дэльгер, указывая, что по хрисовулу 1345 г. монастырь имеет больше владений, чем указано в практике, датирует его временем ранее 1345 г. (F. Dölger. Die Urkunden des Johannes-Prodromos-Klosters... S. 38—39). Г. Острогорский, ссылаясь на исследование А. В. Соловьева (A. Soloviev. Les diplômes grecs de Ménoikeion. — Byz., 9, 1934), установил, что практик составлен после дарственной наследников Мурмура от июня 1342 г., но до хрисовула Душана Меникейскому монастырю от октября 1345 г. (Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. — BS, IX, 2, 1948, p. 227). Гийу считает, что практик был составлен между 1339 и 1342 г. (A. Guillou. Les archives... № 35, p. 114).

¹⁴ Удаленность того или иного пункта от Серр устанавливается нами путем сопоставления данных исследования П. Папагеоргиу (op. cit.), карты, приложенной

Таблица 1

Городские и пригородные владения Меникейского монастыря в XIV в.

Дата	Документ	Владения в Серрах	Владения в округе Серр (до 30 км)
90-е годы XIII в.	(Христ., стр. 27)		Метох св. Иоанна Продрома около серрских городских ворот и метох св. Иоанна Златоуста у ручья, протекающего вдоль города
1304 г.	Простагма Андроника II (Г., № 1, стр. 39—40)		Владения метоха св. Варвары около императорского хозяйства Вернар
1305 г.	Дарственная Симеона Мадарита (Карт. В., 22—23; Г., стр. 24)		200 стремм земли в Эсфагмене
1309 г.	Хрисовул Андроника II (Г., № 4, стр. 45—46)	Два эргастирия, пекарня	Семь мельниц вокруг Серр; около 1000 модиев земли с двумя водяными мельницами в деревнях Косна и Криа Нера; в Неохорион—100 модиев земли, в Кинстерне—300 модиев; 30 модиев виноградника и сад рядом с городом; метох Богоматери Βορτίζου у Серр, храм Христа Спасителя в Гастеленге, метох Богоматери Δοχῆνος и храм Богоматери Ἐλεῖσος в Булгаризусе
1309 г.	Купчая игумена Игната (Карт. В., 19—21; Г., стр. 24)	Два эргастирия	Земля в домене Эсфагмен
1317 г.	Хрисовул Андроника II (Карт. В., 184—185; Г., стр. 30)		Деревня Моноспити вблизи монастыря
1321 г.	Хрисовул Андроника II (Г., № 10, стр. 56—59)	Три эргастирия и два дома вблизи торговых ворот города (через которые проходила царская дорога—Карт. В., 58; Г., стр. 26); пекарня в квартале монастыря св. Василия (см. Пап., карта 1, № 40);	1400 модиев земли около владений Кувуклионов и Пеларга; 260 модиев в Мерихии, вблизи земель Кувуклионов; 300 модиев земли в Ливадии; 700 модиев в Красерсия мунте; 100 модиев

Таблица 1 (продолжение)

Дата	Документ	Владения в Серрах	Владения в округе Серр (до 30 км)
		дома вблизи владений Синадина; 6 модиев виноградника у храма св. Марины (Пап., карта 1, № 41); мельница около монастыря св. Феодора (Пап., карта 1, № 31); дома	в Триволи; 150 модиев в Косне; мельница около большого пирга Серр; половина мельницы там же (другая половина принадлежала некоему Прантулу); мельница около боковых ворот города; три водяные мельницы в Зелихове; мельница вблизи города; 24 модия виноградника рядом с кастроном Серр; в Эсфагмене—виварии, рыбацкие лодки
1333 г.	Дарственная Киприяна, епископа Ферем (Г., № 30, стр. 100—103)		Храм Богородицы τῆς Βεργιλάκη в Трилисине с двумя метохами, всеми владениями и париками
1339 г.	Дарственная монахини Гипомоны, вдовы сакеллария Мурмура (Г., № 34, стр. 110—113)		Монастырь св. Георгия Кривоерита вместе со всем движимым и недвижимым имуществом
1341—1342 гг.	Дарственная ктитора Константина Холевяра (Карт. В., 145; Г., стр. 29)	Меньший монастырь Иоанна Продрома, находившийся в городе между двумя дорогами, недалеко от ворот τῆς Κλαζομένηου	
1345 (?) г.	Практик монастыря (фрагмент) (Г., № 35, стр. 114—118; Г. п., № 42, стр. 322—331)	Эргастирий вблизи царских ворот, купленный у сакеллия Зерва; эргастирий, купленный у Мавселенга; эргастирий, купленный у Трисия; эргастирий, купленный у Лупинария; эргастирий, купленный у Токсара; эргастирий, подаренный Иеракнизием; гостиница, подаренная Аравантом; сад у пирга св. Николая, подаренный Кардамием; городской участок с домами, сдаваемыми в аренду;	Семь водяных мельниц, работающих круглогодично; водяная мельница, купленная у Синадина; земельные участки; Гастеленгов монастырь Иисуса Христа со всем принадлежащим ему имуществом и проскафименами; монастырь Иоанна Златоуста со всеми правами и землями с сидьящими на них крестьянами; монастырь великомученика Георгия Кривоерита с домами, виноградниками, кирпичным пиргом

Таблица 1 (окончание)

Дата	Документ	Владения в Серрах	Владения в округе Серр (до 30 км)
		виноградник у храма св. Василия (Пап., карта 1, № 42), подаренный Филиппом; шесть домов с мансардами; пять домов; 120 модиев земли, купленной у дочери Синадина	
1345 г.	Хрисовул Стефана Душана (Г., № 39, стр. 124—131)		Усадьба Ленгиний с тремя мельницами; земля, дома, парки в селе Меленикизии; две мельницы в Велидоле; водяные мельницы в Кинигах, на реке Панаке; четыре рыбных садка около Пера-Полеане (Пап., стр. 299, 301, 302, 304); метох в Паралимние с садками и рыбацкими лодками; деревня Лаккос с проскафименами; 40 оливковых деревьев в Сфолене
1352 г.	Хрисовул Стефана Душана (о дарении Георгия Фокопула, <i>οικητος</i> императора) (Г., № 44, стр. 138—139; Карт. В., 180, стр. 30)	Дома, эргастрии, земли	Мельницы и виноградники за городом, в Лестиане; 300 модиев земли в Тумбе
1353 г.	Орисмос Стефана Душана (о дарении монаха Якова) (Г., № 45, стр. 139—141)		200 модиев земли в деревне Фолос; два монастыря в Зихне
1355 г.	Хрисовул Стефана Душана (о дарении Ирины Хумно Палеолог, тетки императора) (Г., № 46, стр. 142—144)		1000 модиев земли в Фолосе

Анализ меникейских документов позволяет сделать вывод, что владения монастыря росли за счет дарений и продаж. Дарителями и продавцами были родственники императора, его чиновники, серрские жители, духовные лица Серр, Зихны, Константинополя. Упоминаний о крестьянских дарениях или продажах нет (хотя это не исключает их возможности). Основными видами собственности монастыря в Серрах являлись эргастрии, дома, подворья. В округе Серр рост владений происходил за счет земель и мельниц.

В меникейских актах зафиксированы случаи сдачи монастырской собственности в аренду. При игумене Антонии Мосхопуле в 1318 г. с неким Георгием Санианом был подписан договор о реконструкции мельницы на условии получения арендатором половины доходов с нее. После смерти Саниана мельница должна была вновь возвратиться к монастырю¹⁵.

В монастырских актах часто упоминаются дома в Серрах, сдававшиеся монастырем внаем. В меникейском практике имеется запись, что этериарх Калид и его сестра Фокена владели домами, расположенными на монастырской земле. За пользование земельным участком они платили монастырю годовую арендную плату (*το ετήσιον εμφοτεμα*)¹⁶.

Императоры пожаловали монастырю иммунитет, распространявшийся на его владения, а также на париков, проскафименов, актимонов¹⁷. В знак особой милости императора монастырь был освобожден, наряду с другими повинностями, от ситаркии, кастроктисии, орики¹⁸, энномия¹⁹.

В связи с ростом богатств монастыря возникли столкновения между этим крупным феодальным собственником и администрацией фемы Серр, столичными чиновниками. Кефалия Серр Алексей Цамблак принуждал париков и проскафименов, живших на монастырской земле, платить повинности, от которых монастырь и его люди были освобождены, — ситаркию, кастроктисию и орики. Император Андроник II по просьбе монахов в июле 1326 г. издал простагму, в которой приказал Алексею Цамблаку уважать иммунитет, которым пользуются владения монастыря,

к французскому изданию меникейских актов (A. Guillou. Les archives..., p. 6—7) и топонимических сведений по катепаникии Серр, собранных в книге Г. Феохаридаса (Г. I. Θεοχαρίδου. Κατεπάνικα τῆς Μακεδονίας. Θεσ., 1954). Местности, называемые в монастырских актах, находятся на следующем расстоянии от Серр: Кайнургиян, Клопотик, Мерихия — рядом с городом; Криа Пера и монастырь св. Георгия Кривоверита — 1 км; Косна — 2 км; Бисиана — 4 км; Неохорюн — 5 км; Гастеленгов монастырь — 7 км; Кала Дендра — 9 км; Лаккос, Меленикизий — 10 км; Пофолин, Тумба — 12 км; Вернар — 13 км; Лестиана (около Просника) — 13 км; Эсфагмен — 15 км; Георгила — 18 км на юг; Паралимний — 18 км; Ливадия (около Нигриты) — 18 км; Фолос — ок. 23 км; Сфоленос — 26 км; Зелихов — 27 км; Ленгиний — близ Мельника. Остальное неопределенным местонахождение в округе Серр следующих местностей: Булгаризус, Велидол, Градиста, Зесериана, Зерихтистий, Киниги, Красмунта, Кинстерна, Модюн, Пера-Полеане, Пилоригий, Триволи (см. Г. I. Θεοχαρίδου. Op. cit., p. 87—97; А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеле... стр. 512, 514). При определении расстояния, отделяющего тот или иной пункт от Серр, мы исчисляем его (в километрах) условно по прямой линии, не имея возможности учитывать особенности ландшафта.

¹⁵ Позднее монастырю пришлось отстаивать свои права на мельницу, захваченную Санианом и его наследниками (A. Guillou. Les archives..., № 34, p. 104—106).

¹⁶ Ibid., № 35, 15—17, p. 116.

¹⁷ Ibid., № 9, 12, 18. См. об этом Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 175—176.

¹⁸ A. Guillou. Les archives..., № 9, 12, 20, 26. См. об этом Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 85; К. В. Хвостова. Некоторые вопросы истории иммунитетных грамот македонских монастырей в XIV в. — ВВ, XIX, 1961.

¹⁹ A. Guillou. Les archives..., № 24, 26.

и полностью возратить собранную сумму²⁰. В 1327 г. Андроник II приказал своему *οικετός* Мануилу Феологиту и всем чиновникам, вопреки положением хрисовула требовавшим с владений монастыря повинности, от которых он освобожден, уважать иммунитет, пожалованный императором²¹. Простагма была передана в Меникейский монастырь для обеспечения ему гарантий от злоупотреблений городских и императорских чиновников.

Иммунитетные права обители были подтверждены позднее (в октябре 1364 г.) хрисовулом Стефана Душана²². Помимо освобождения от четырех наиболее важных повинностей (житного сбора, горнины, градостроения и пастбищного), указанных в грамотах Андроников, хрисовулы сербского царя освобождали монастырь также от мелиссоэнномия, прова-тохиродекатии, парфенофтории, ксилахира, митата²³. Кефалия и сборщики податей не имели права вступать во владения монастыря.

К 50-м годам XIV в. монастырь Иоанна Продрома сосредоточил в своих руках большое число владений в городе Серры, в пригородном районе и имел широкие иммунитетные права. Кроме Меникейского монастыря, крупными собственниками в районе Серр являлись афонские монастыри²⁴.

Сведения о размерах монастырских владений²⁵ в Серрах мы свели в следующую таблицу²⁶ (табл. 2).

Анализ документов Меникейского и афонских монастырей позволяет сделать вывод, что в первой половине XIV в. значительно увеличилось число и размеры монастырских владений, расположенных в городе Серры и его пригороде.

²⁰ A. Guillou. Les archives..., № 19, 20. См. об этом Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. — ИРАИК, IX, 1904, стр. 184; Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии, стр. 86.

²¹ A. Guillou. Les archives..., № 21.

²² А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље..., № 2, стр. 6—16.

²³ A. Guillou. Les archives..., № 39; 32—36, р. 128; Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, стр. 125.

²⁴ W. Regel. *Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει ἹΑθῶ μονῆς τοῦ Βατοπέδιου*. СПб., 1896, р. 17; L. Petit et B. Korablev. Actes de Chilandar.—BV, XVII, 1911. Приложение, № 63.62—63, р. 149; № 105.11—13, р. 216; № 138.45, р. 293; № 149.7—9, р. 314; W. Regel, E. Kurtz. et B. Korablev. Actes de Philothée.—BV, XX, 1913. Приложение, № 6.16—24; № 9.13—28, р. 24—25; P. Lemerle. Actes de Kutlumus. Paris, 1946, № 8, 10, 18, 33; F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 9, 125; idem. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1453. 4. Teil. Regesten von 1282—1341. München und Berlin, 1960, № 2320, 2746.

²⁵ Имеются в виду владения только Меникейского и афонских монастырей. В связи с отсутствием документов неизвестны размеры владений других 26 монастырей, находившихся в Серрах. См. П. Н. Παπαγεωργίου. Op. cit., карта 1.

²⁶ При подсчете общего числа владений нам пришлось учитывать возможность повторения в различных документах каждого монастыря одних и тех же владений, а также случаи перехода владений от одного монастыря к другому. Например, в 1309 г. в хрисовуле Андроника II и в купчей грамоте упоминаются по два эргастирия, принадлежавших Меникейскому монастырю. Поскольку не исключено, что в это время у монастыря было не четыре, а только два эргастирия. В 1320—1330 гг. их число увеличилось до трех, а в 1340—1350 гг. — до шести. Три эргастирия (а также пекарни и хозяйственные постройки), которые в 1310—1320 гг. принадлежали монастырю Пандократора, к 1330—1340 гг. перешли по дарственной грамоте к Кутлумушскому монастырю. Поэтому при подсчете мы учитываем максимальное число эргастириев у Меникейского монастыря (6) и 3 эргастирия у Кутлумушского, всего 9 эргастириев.

В тех случаях, когда владения (дома, пекарни, мельницы) фигурируют в документах во множественном числе, но без указания их количества, мы считаем, что этих объектов было не менее двух. Таким образом, итоги подсчета в таблице представляют собой минимальные цифры.

Таблица 2

Основные виды монастырской собственности в городе Серры в XIV в.

Виды владений	1300—1310	1310—1320	1320—1330	1330—1340	1340—1350	1350—1360	Всего
Дома, подворья			2 дома (М.) Дома (М.) Дома (М.) Дома (Х.) 5 домов (Ф.) Дома (В.) Дом (В.)			Дома (М.) 12 домов (М.) Дома (Ф.) Дома (И.)	Не менее 26 домов
Эргастирии	2 эргастирия (М.) 2 эргастирия (М.)	3 эргастирия (П.)	3 эргастирия (М.)	3 эргастирия (К.)	6 эргастириев (М.)	Эргастирии (М.)	9 эргастириев
Хозяйственные постройки		Постройки (П.)	Постройки (Х.)	Постройки (К.)	Постройки (В.)		Не менее 6 построек
Пекарни	Пекарни (М.)	2 пекарни (П.)	Пекарни (М.)	Пекарни (К.)			Не менее 3 пекарен
Земли				Земельные участки (К.)	120 модиев земли (М.)	Земли (М.)	Более 120 модиев
Виноградники и сады			6 модиев виноградника (М.)		Сад (М.) Виноградник (М.)		Более 6 модиев виноградников и садов
Метехи	Монастырь Бесребренников (И.)				Монастырь Иоанна Продрома (М.)	Метех Богородицы матери (В.)	Не менее 3 метехов

Переход Серрской области в руки сербского краля Стефана Душана способствовал дальнейшему увеличению богатств Меникейской обители и афонских монастырей²⁷.

Отсутствие источников, относящихся к району Серр после сербского вторжения, не позволяет судить о состоянии городских и пригородных владений Меникейского монастыря во второй половине XIV в. Однако фирманы турецких правителей конца XIV—первой половины XV в. подтверждают прежние владения одного из крупнейших собственников в районе Серр—Меникейского монастыря²⁸. Вероятно, имущественное положение монастыря и после турецкого завоевания оставалось прежним. Рост монастырских владений в Серрах в XIV в. свидетельствует об упрочении экономических позиций монастырей в городе.

Сокращения, встречающиеся в таблицах

- Пап. — П. N. Παπαγεωργίου. Αἱ Σέρραι καὶ τὰ προάστεια τὰ περὶ τὰς Σέρρας καὶ ἡ μονὴ Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου. — ВЗ, III, 1894
- Христ. — Προσκυνητάριον τῆς ἐν Μακεδονίᾳ παρὰ τῇ πόλει Σερρῶν σταυροπηγιακῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου, συνταχθὲν παρὰ τοῦ Χριστοφόρου, ἱεροδιδασκάλου καὶ ἡγουμένου αὐτῆς. Ἐν Λειψία, 1904
- Г. п. — А. Соловьев, В. Мошин. Гръке повеље српских владара. Београд, 1936
- Г. — A. Guillou. Les archives de Saint-Jean Prodrome sur le mont Ménécée. Paris, 1955
- Карт. В — Le cartulaire В. — Ibid., p. 20—33
- В. — Ватопедский монастырь
- И. — Ивирский монастырь
- К. — Кутлумушский монастырь
- М. — Меникейский монастырь
- П. — монастырь Пандократора
- Ф. — Филофеев монастырь
- Х. — Хиландарский монастырь

²⁷ Г. Острогорски. Серска област. . . , стр. 61.

²⁸ A. Guillou. Les archives. . . , p. 155—157.

В. А. КУЧКИН

ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ЕЛЛИНСКОГО ЛЕТОПИСЦА ВТОРОГО ВИДА

Распространение в средневековой Руси византийских хроник и других памятников византийской письменности, их влияние на появление русских сочинений по всеобщей истории и на формирование всемирно-исторических представлений и политических взглядов русских людей представляют большой научный интерес. К таким русским сочинениям относятся и Еллинский летописец второго вида. Этот большой компилятивный труд был составлен примерно в первой половине XIII в. в одном из центров Северо-Восточной Руси¹. При его создании русскими книжниками были использованы такие памятники византийской письменности, как хроника Иоанна Малалы, Пасхальная хроника, Александрия, Сказание о Софии Цареградской, Видения пророка Даниила с толкованиями Ипполита, Слово Епифания Кипрского о житии богородицы, Слово о царствии язык последних времен Мефодия Патарского, Сказание об Индийском царстве, правда, в переводе с латинского, а также Библейские книги, Хронограф по великому изложению, Еллинский летописец первого вида, Повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г.² Последние три памятника — русские.

Однако источники целого ряда статей Еллинского летописца до сих пор еще точно не установлены. В свое время А. Н. Попов, давая общую характеристику источников Еллинского летописца второго вида, не определил, откуда попали в этот памятник следующие статьи: статья, помещенная между рассказами о 8 и 9 видениях пророка Даниила и озаглавленная «Слово святого Иоанна Богословца о преидущем вѣце»; отрывок о пребывании Христа в Египте; статья «О взятии Иерусалиму третье Титово»; четыре статьи, помещенные в повествование о царствовании Константина Великого; статья «О вдовицине дщери», читающаяся вслед за рассказом о царствовании Зинова; статья «Слово о черноризце» в главе о царствовании Фоки Каппадокянина; две редакции повести «О Феофиле цесаре, како по смерти прощен бысть»; «Повесть вкратце полезна о Латынех» и повесть «О Козарине и жене его»³.

¹ В. М. Истрин. Из области древнерусской литературы. — ЖМНП, 1903, № 10, стр. 215; см. также А. А. Шахматов. Новая хронологическая дата в истории русской литературы. — ЖМНП, 1904, № 1, стр. 175; «История русской литературы», т. 2, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 154.

² А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866, стр. 72—95; В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в славянонорусском переводе и связанные с нею памятники. — ЖМНП, 1917, № 5, стр. 10—21.

³ А. Н. Попов. Обзор хронографов. . . , стр. 74, 84—88, 90—91, 94.

В. М. Истрин, сделавший очень много для изучения Еллинского летописца второго вида, также не смог установить источники этих статей. Указав, что «исследование хронографического отдела древнерусской литературы принадлежит к одному из очень трудных» из-за «запутанности состава памятников», В. М. Истрин в то же время подчеркнул, что «все источники хронографических памятников — переводные и число их сравнительно невелико»⁴. Называя статьи, источники которых в его время еще не были определены, «статьями неизвестного происхождения», он выразил надежду, что со временем эти источники будут найдены⁵. После В. М. Истрина Еллинский летописец второго вида долгое время никто специально не исследовал. Важный памятник был незаслуженно забыт. Естественно, при таком положении вещей не поднимался заново и вопрос о его источниках. Лишь сравнительно недавно Еллинский летописец второго вида вновь оказался предметом научного внимания. Д. С. Лихачев исследовал списки памятника⁶. Н. А. Мещерский, изучая русскую Повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г., дал характеристику ее в составе Еллинского летописца второго вида⁷; ему же принадлежат интересные наблюдения относительно повести о Козарине⁸.

Работая над Историей Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе, Н. А. Мещерский определил источник одной из наиболее любопытных и наиболее загадочных (в смысле происхождения) статей Еллинского летописца второго вида — статьи «О взятии Иерусалиму третья Титова»⁹.

Со своей стороны, мы можем назвать источник еще одной «статьи неизвестного происхождения». Речь идет о статье «Слово о черноризце». Оказывается, статья эта представляет собой ответ Анастасия Синаита на вопрос, в русских списках имеющий заголовок «О поставлении властелем, яко не вся власти поставляет бог, всеми же действует»¹⁰. В этом произведении Анастасия Синаита затрагивалась такая скользкая в средние века проблема, как отношение к недостойным властям, светским и духовным. Смысл вопроса, поставленного Анастасию Синаиту, самому много претерпевшему от императорской власти, заключался в следующем. По христианской догме, все власти «от бога учинены суть» и должны

⁴ В. М. Истрин. Особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова. — ИОРЯС, 1912, кн. 3, стр. 1.

⁵ Там же, стр. 12.

⁶ Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV века. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948.

⁷ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954; его же. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии. — ВВ, IX, 1956.

⁸ Н. А. Мещерский. К вопросу о византийско-славянских литературных связях. — ВВ, XVII, 1960.

⁹ Н. А. Мещерский полагает, что источником этой статьи был «Иосиппон» — средневековый еврейский памятник, переведенный непосредственно на древнерусский язык. См. Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 142. Сомнения в правильности утверждения Н. А. Мещерского выразил Н. К. Гудзий. См. «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. I. М., 1962, стр. 119—120. Но надо заметить, что предшественники Н. А. Мещерского вообще отказывались назвать источник этой статьи. См. А. Н. Попов. Обзор хронографов..., стр. 85; А. А. Шахматов. Древнеболгарская энциклопедия X века. — ВВ, VII, вып. 1—2, 1900, стр. 15, прим. 2; В. М. Истрин. Особый вид Еллинского летописца..., стр. 23.

¹⁰ См., например, «Изборник великого князя Ярославича 1073 года», изд. Общества любителей древнерусской письменности (далее — ОЛДП), вып. V. СПб., 1880, лл. 95 об.—96. В литературе вопросы Анастасию Синаиту и его ответы на них называются вопросоответами. Последний термин мы будем употреблять в дальнейшем изложении.

быть угодны богу. Но, с другой стороны, как могли быть угодны богу наделенные властью люди, живущие не по христианским заповедям, творящие беззакония? Анастасий Синаит давал теософское объяснение таким случаям. Он разъяснял, что и недостойные власти поставляются по «божью попущению или хотению». Недостойный правитель или пастырь — наказание за людские прегрешения. Существование недостойного князя или иерарха означало, по Синаиту, прежде всего недостойнство народа, имевшего таких правителей. С такой точки зрения, причиной зла оказывались не власть предрешающие, а власть неумные. В подтверждение своей мысли Анастасий Синаит приводил пример с сотником Фокой Каппадокиянином, в официальных византийских хрониках не называвшимся иначе, как Мучитель, который смог стать императором якобы лишь потому, что население Константинополя погрязло в различного рода грехах, и притчу о недостойном епископе «беззаконного града Вифаиды».

На Руси ответ Анастасия Синаита получил весьма широкое распространение. М. Дьяконов указал на целый ряд древнерусских сборников от XI до XVI в., где помещалась эта статья¹¹. Правда, сборники были по преимуществу переводные, и для русских читателей высказанные здесь идеи Синаита имели абстрактно-теоретическое значение.

Однако существовали и оригинальные памятники, в которых русские книжники использовали мысль Анастасия о недостойных властях в своих идейно-политических целях. Так, вопросоответ Анастасия Синаита вошел в первую часть Мерила Праведного, юридического сборника, составленного на Руси между 1270 г. и серединой XIV в. В первой части Мерила затрагивалась тема о справедливом суде, праведных и неправедных судьях¹². Мерило Праведное предназначалось для судей высокой инстанции. И прежде чем эти судьи приступали собственно к юридическому разбору дел, они, по замыслу составителей Мерила, должны были ознакомиться с общими правами и обязанностями морального порядка, налагаемыми на них самих. Таким образом, вопросоответ Анастасия Синаита, наряду с другими отрывками из переводных сочинений византийских авторов, долгое время служил идейным руководством для вершителей правосудия на Руси.

Идеи Анастасия Синаита нашли свое отражение и в другом памятнике русского средневековья — Повести о Михаиле Ярославиче Тверском, написанном в Твери около 1319—1320 г. Здесь мысли Синаита были использованы для обоснования интересной политической концепции, созданной в один из начальных этапов борьбы Северо-Восточной Руси против татаро-монгольского ига. В отличие от многих русских писателей конца XIII—первой трети XIV в., например московских¹³, некоторых ростовских и др., автор тверского памятника призывал к борьбе с татарским засильем, выступал с гневными обличениями ордынских ханов, их вероломной политики по отношению к русским князьям¹⁴. Характе-

¹¹ М. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 44—47.

¹² М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 91—92, 94.

¹³ Подробнее об идеях самого раннего памятника московской литературы см. В. А. Кучкин. Сказание о митрополите Петре. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 76—77.

¹⁴ «Обычай бѣ поганых и до сего дни: вмещуци вражду между братиею князи русскими, себѣ множайшая дары възимають» (ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 34 — старший список старшей редакции Повести). По справедливому мнению современного исследователя, в Повести содержится уникальное определение татарской политики на Руси; см. А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. — «Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961, стр. 379.

ризуя Узбека, принявшего «богомерзкую веру сроцинскую», автор Повести сравнивал его с теми «яко же бо о таковых рекоша царския дѣти въ плѣну в Вавилонѣ суции, глаголаху: „Предасть ны в рудѣ царю немилостиву, законопреступну, лукавнѣишу паче всея земли“. Егда бо господь Титу Иерусалимъ предасть, не Тита любя, но Иерусалимъ казня. И пакы: егда Фоцѣ Царьград преда, не Фоцю любя, но Царьград казня за людския прегрѣшения. Еже и си нас дѣля бысть за наша сѣгрѣшения»¹⁵.

Так писать об Узбеке было в те времена большой смелостью. Золотоордынский хан считался номинальным главой русских земель, и это был хан могущественный, при котором Орда вышла из полосы внутренних неурядиц, окрепла экономически и политически. С Узбеком приходилось считаться даже книжникам. И тем не менее в Твери не скрывали своего враждебного отношения к хану и Золотой Орде. Причину «согрешений» Руси, подпавшей под иноземное иго, автор Повести усматривал в междоусобицах, в нарушении определенного феодального правопорядка, когда «начя въсхитити и имѣния сынъ подо отцемъ, брат меньшии под старѣишимъ братомъ»¹⁶.

Ярким примером такого нарушения были действия московского князя Юрия Даниловича, упорно домогавшегося великокняжеского стола во Владимире. Великим князем, против которого боролся Юрий, был Михаил Ярославич Тверской. Как подчеркивается в Повести, только он, единственный из русских князей, имел права на великокняжеский титул: его благословил на владимирский стол его предшественник, великий князь Андрей Александрович, ему же и «по старѣишнѣству дошелъ бяше степеня великого княжения»¹⁷, на владимирском столе сидели дед и отец Михаила. Все симпатии автора целиком принадлежали тверскому князю. Действия Юрия в Повести резко осуждаются. Не будь борьбы младшего князя против старшего (а таким в Повести признавался только Михаил Тверской), Русь избавилась бы от своих «согрешений», русский народ стал бы народом достойным, а у достойного народа не мог бы быть недостойный повелитель — татарский хан. Сквозь намеки и теологическую фразеологию, в которую облакал свои мысли тверской писатель, ясно проступала его основная идея: борьба против татарского ига возможна только при ликвидации усобиц в Северо-Восточной Руси, при усилении власти тверского князя, как великого князя Владимирского. Так своеобразно преломились взгляды Анастасия Синаита в памятнике, написанном в один из поворотных моментов русской истории.

Исторические параллели между Узбеком, с одной стороны, и Титом и Фокой, с другой, проведенные в Повести, показывают, что здесь был использован, скорее всего, Еллинский летописец второго вида, где имелись соответствующие факты из римской и византийской истории, в соответствующем духе и осмысленные. В свою очередь, составители Еллинского летописца заимствовали вопросоответ Анастасия Синаита из более древнего памятника, бытовавшего на Руси. Сличение данного вопросоответа Анастасия Синаита по различным рукописям, показывает, что хотя тексты очень близки, они содержат ряд различных лексических вариантов, свидетельствующих о существовании нескольких переводов вопросоответа.

Приводим все такие варианты (см. таблицу).

¹⁵ ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 34 об.

¹⁶ Там же, л. 32 об.

¹⁷ Там же, л. 33 об.

Т а б л и ц а

<i>Еллинский летописец второго вида</i> *1	<i>Изборник 1073 года</i> *3	<i>Сочинения Анастасия Синаита</i> *5	<i>Мерило Праведное</i> *6	<i>Пандекты Никона Черногорца</i> *7	<i>Пандекты Никона Черногорца</i> *9
1. властелина	1. цесаря	1. царя	1. цесаря	1. царя	1. царѣ
2. незаконенъ и много нечистоты имыи, безакония творя *2	2. безаконьнъ много нечистоты и бесчестья творя	2. незаконенъ много нечистоты и бесчинна творя	2. законопреступенъ многа скверна и неподобна творя	2. законопреступенъ многа сквернына и неподобна творя	2. законопрестъпленъ многа сквернына и безмѣстна съдѣваж
3. диакъ нѣкто пагубник напрасенъ	3. боу*4 якъ*4 нѣкто пагубьникъ напрасно	3. яко нѣкто пагубьникъ напрасно	3. народникъ нѣкто бециновъ	3. народникъ нѣкто бециненъ	3. от народа нѣкыи пагубьнѣиши
4. не остася	4. не остася	4. не остася	4. не преста	4. ни . . . преста	4. ни . . . прѣста
5. диак	5. димоть	5. ѿ димоть	5. народникъ	5. народникъ	5. от народа, паче же радникъ
6. выситися и величатися	6. кычити и величати	6. кычити и величати	6. величитися и высоко имѣти	6. кычитися и высоко умити *8	6. мѣчатися и велемждровати
7. приступль . . . ангель	7. приступль . . . ангель	7. приступи . . . аггелъ	7. предъставъ ангель	7. предъставъ ангель	7. пришед аггелъ
8. видиши	8. видиши	8. видиши	8. узриши	8. узриши	8. видиши
9. не чудися	9. не чудися	9. не чюдися	9. не дивися	9. не дивися	9. не дивися
10. [божия промысла] не искушаи	10. ни . . . потязан	10. ни . . . потязан	10. не осуди	10. ни . . . оглаголи (огли)	10. ни . . . облъгоуи

*1 ГБЛ, ф. 228, № 162 (быв. № 597 из Румянцевского собрания), лл. 334 об.—335. Рукопись 1485 г. Тот же текст: ГИМ, Синод., № 86, лл. 455 об.—456 об.; ГИМ, Чуд., 51/353, л. 350 об.; БАН, 33.8.13, лл. 215 об.—216. За сверку текстов с ленинградскими рукописями приношу благодарность Ю. К. Бегунову.

*2 В рукописи «творять». Исправлено по ГИМ, Синод., № 86, л. 456; ГИМ, Чуд., 51/353, л. 350 об. и БАН, 33.8.13, л. 215 об.

*3 «Изборник Великого князя Святослава Ярославича 1073 года». Тот же текст: ГИБ, Кир.-Бел., № 5/1082, лл. 165—165 об.—копия XVI в. с рукописи более древней, чем Изборник 1073 г.; ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 309, лл. 105—106 — Изборник 1519 г.; ОЛДП, вып. V. СПб., 1880, л. 95 об.—96.

*4—*4 Так в издании и рукописи.

*5 ГБЛ, ф. 256, № 6, лл. 91—91 об. Рукопись XV в. Судя по всему, эти сочинения Анастасия Синаита выписаны из Изборника. Ср. интерполяцию в сочинениях «паче же димоть, решии народникъ» (л. 91 об.) с точно такой же интерполяцией в Изборнике 1073 г., л. 96, в Изборнике XVI в., лл. 165—165 об. и в Изборнике 1519 г., л. 105 об.

*6 Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961, стр. 123—124.

*7 ГИМ, Чуд., № 16, л. 112. Рукопись последней четверти XIV в.

*8 Так в рукописи.

*9 ГБЛ, ф. 98, № 18, лл. 206—206 об. Рукопись третьей четверти XIV в. Список болгарский. Тот же текст в болгарском списке 60-х годов XIV в.: ГБЛ, ф. 98, № 1, л. 105 об.

Лексические варианты позволяют сделать вывод о том, что существовало по крайней мере три перевода вопросаответа Анастасия Синаита: один — в Изборнике 1073 г., два — в Пандектах Никона Черногорца¹⁸. Все переводы — болгарские¹⁹. Собственно, сборники типа Изборника 1073 г. и Пандекты Никона Черногорца и были основными памятниками, содержащими вопросыответ Анастасия Синаита. Рукописи иного состава заимствовали эту статью из указанных двух источников. Составители Мерила Праведного воспользовались второй редакцией Пандектов Никона. Составители Еллинского летописца второго вида выписали «Слово о черноризце» из Изборника 1073 г. или рукописи, близкой к нему. Некоторые лексические расхождения между текстами вопросовответов в Еллинском летописце и в Изборнике 1073 г. следует объяснять не разницей в переводах, а использованием более обрусевшего списка Изборника при написании Еллинского летописца или, что представляется более вероятным, редакторской работой самих составителей летописца.

Интересно отметить, что в Еллинском летописце второго вида имеется еще одна статья, совпадающая со статьей в Изборнике 1073 г. Это описание 12 камней на ефуде иерусалимского первосвященника, читающееся в тексте Александрии²⁰. Когда В. М. Истрин еще только приступал к изучению «хронографического отдела древнерусской литературы», он представлял себе работу составителей Еллинского летописца второго вида по А. Н. Попову как чисто механическую. Внимательно исследовав одну часть летописца — Александрию, найдя, что она очень сложна по составу, В. М. Истрин не проделал такой же работы над остальным текстом Еллинского летописца. В результате он сделал вывод, что Александрия так называемой второй редакции, которая известна только по Еллинскому летописцу второго вида, существовала самостоятельно и просто механически присоединена к Еллинскому летописцу²¹.

Позднее В. М. Истрин нашел, что Еллинский летописец второго вида — памятник чрезвычайно сложный, где очень умело скомпилированы разные источники. Сейчас уже едва ли можно говорить об их механическом соединении. И тот факт, что в тексте летописца обнаруживается еще одно заимствование из Изборника 1073 г., заставляет подумать, не возникла ли вторая редакция Александрии при составлении Еллинского летописца второго вида. Становится также очевидной необходимость тщательного изучения Еллинского летописца второго вида в целом и его скорейшего издания.

¹⁸ Пандекты Никона Черногорца переводились три раза. См. А. Горский, К. Невоструев. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 3. М., 1862, стр. 24—28. Мы приводим вопросыответ Анастасия Синаита по двум последним переводам.

¹⁹ А. Горский и К. Невоструев считали, что третий перевод был сербским. Однако наличие старших болгарских списков этого перевода показывает, что перевод был болгарским.

²⁰ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», кн. I, 1894, отд. III, стр. 164.

²¹ Там же, стр. 241—242 и 251.

Н. Ф. ПРОНЧАТОВ

О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА «ИЗРЕМЕНАНИ» В НОВГОРОДСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Настоящая заметка посвящена одному интересному месту в сообщении Новгородской летописи о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г.¹ Текст летописи гласит: «Приступиша же [к Константинополю. — Н. П.] на 40 кораблях великих; бяху же изременани межи ими, в них же людье на конех, одеты в броне и кони их, иный же корабли их и галеры стояху назади, боящися зажжения»².

Исследованию приведенного сообщения посвящены две содержательные статьи Н. А. Мещерского, в которых автор дает подробный анализ всего сообщения в целом³.

Однако слово «изременани»⁴ получило в этих работах, на наш взгляд, не совсем удачное истолкование⁵. Отметив, что подобного слова нет в других литературных памятниках древности, Н. А. Мещерский, опираясь на «Материалы» И. И. Срезневского, где приводится глагол «изременати» со ссылкой только на указанный текст Новгородской летописи, приходит к выводу, что слово «изременани» следует рассматривать как причастие страдательного залога прошедшего времени от глагола «изременати» со значением «окутать ремнями».

Но именно это смысловое значение слова автор почему-то не смог увязать с контекстом, а потому, прервав в этом пункте логическую нить своих изысканий, он несколько неожиданно, на наш взгляд, предлагает новое толкование, которое настолько расходится с контекстом, что автор вынужден даже предложить поправку к нему. Н. А. Мещерский полагает, что текст «Повести» в данном месте испорчен и что вместо слова «изременани» в первоначальном списке значилось «греческое слово „дро-

¹ Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950: Синодальный список, стр. 46—49; см. также Комиссионный список, стр. 240—246.

² Там же: Синодальный список, стр. 48; Комиссионный список, стр. 244.

³ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954; его же; Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по Византии. — ВВ, IX, 1956.

⁴ Это слово встречается и в других летописях. См., например, Первую Новгородскую летопись: «... бяху же изременани межи ими...» (ПСРЛ, III, СПб., 1841, стр. 28); Вологодско-Пермскую летопись: «... бяху же изременены межи има...» (ПСРЛ, XXVI, М.—Л., 1959, стр. 59); Никоновскую летопись: «... бѣху же изъременани между ими...» (ПСРЛ, X, СПб., 1885, стр. 40); летопись по Воскресенскому списку: «... бѣху же изременани между ими...» (ПСРЛ, VII, СПб., 1856, стр. 110); Софийскую первую летопись: «Бяху же изременены межи има...» (ПСРЛ, V, вып. 1, Л., 1925, стр. 187).

⁵ Другие исследователи этого сообщения Новгородской летописи, как, например, П. Бицилли, обошли своим вниманием интересующее нас слово. См. П. Бицилли. Новгородское сказание о IV крестовом походе. — «Исторические известия», III—IV, 1916.

мони»⁶, оставленное без перевода». А слово «изременати», по мнению Н. А. Мещерского, следует признать «никогда не существовавшим»⁷.

Между тем значение слова «изременани» прямо и непосредственно вытекает из контекста. Как видно из приведенного выше отрывка, корабли, подступившие к городу, разделялись на две группы: одни, «боящиеся зажжения», держались позади, тогда как другие, о которых сказано, что они «бяху изременани», были, надо полагать, менее подвержены этой опасности.

Опасность зажжения проистекала, по-видимому, от зажигательной смеси, напоминавшей греческий огонь, широко применявшейся византийцами. Кстати сказать, к огню как средству борьбы очень часто прибегали и крестоносцы при осаде города⁸. Зажигательная смесь представляла большую опасность для кораблей, и в целях предохранения от огня их нередко покрывали пластами войлока, пропитанного уксусом, или обивали их кожами⁹. Очевидно, эти корабли, защищенные кожами, и имеет в виду автор «Повести», когда он говорит, что часть кораблей «бяху изременани».

Факт защиты кораблей кожами подтверждает и греческий историк Н. Хониат с той только разницей, что он пишет о нем при описании первого штурма Константинополя, а автор летописного известия отмечает его во время второго штурма. В своей «Истории» Н. Хониат пишет: «И вот одни стали со своими кораблями против Петриона, укрыв их воловьими кожами, чтобы защитить от огня...»¹⁰.

Как видим, здесь о кораблях, обитых кожами, говорится с большей определенностью, а потому обитые кожей корабли, или, как их именует автор древнерусской «Повести», «изременани», не следует считать явлением исключительным.

Следовательно, слово «изременани» не только не выпадает из общего контекста, а, наоборот, хорошо согласуется с ним, помогая глубже уяснить его содержание. При таком толковании отпадает необходимость в каких бы то ни было предположениях о порче текста. Трудно согласиться с Н. А. Мещерским и в том, что глагол «изременати» никогда не существовал. Ведь по своему строю это слово отнюдь не чуждо древнерусскому языку. Оно может быть принято за производное от существительного «ремень», которое впервые зафиксировано в литературных памятниках древности в 1073 г.¹¹ «Материалы» И. И. Срезневского дают немало примеров словообразований, производных от существительного с помощью приставки «из», например; «изоброчити» в смысле обложить оброком, «измостити» — выложить чем-либо и т. д.¹²

⁶ В связи с этим словом Н. А. Мещерский поясняет, что дромонами в Византии называли корабли, приспособленные для перевозки конницы. Однако Джуканж в своих «Глоссариях» приводит следующие отличительные особенности дромонов: их сравнительно большую длину, легкость и быстроту хода, пригодность для морского боя и речного плавания (Du Cange. Glossarium mediae et infimae Graecitatis, t. I. Lugduni, 1688, p. 332; idem. Glossarium mediae et infimae Latinitatis, t. II. Parisiis, 1733, p. 1652). Но мы не нашли указания на то, что дромоны были приспособлены для перевозки конницы.

⁷ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г., стр. 126; его же. Древнерусская повесть... как источник..., стр. 176.

⁸ Новгородская летопись, стр. 48.

⁹ Е. Ч. Скржинская. Техника эпохи западноевропейского средневековья. — «Очерки истории техники докапиталистических формаций». М.—Л., 1936, стр. 273.

¹⁰ Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской Духовной академии. Никиты Хониата История, т. 2. СПб., 1862, стр. 280.

¹¹ И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1912, стр. 114.

¹² Там же, т. I. СПб., 1893, стр. 1074, 1065.

Тот факт, что глагол «изременати» упоминается в «Материалах» И. И. Срезневского только со ссылкой на данный литературный памятник, может свидетельствовать, между прочим, и о том, что глагол и производные от него формы впервые явились результатом словотворчества автора «Повести», которым он обогатил лексикон древнерусских литературных памятников. И у нас нет никаких оснований вычеркивать это слово из лексикона древнерусских литературных памятников и тем самым искусственно обеднять его.

А. Л. РОТАЧ

К ИЗУЧЕНИЮ МОЗАИЧНОГО ПОЛА КРЕСТООБРАЗНОГО ХРАМА В ХЕРСОНЕСЕ

Мозаичный пол загородного крестообразного храма в Херсонесе¹ является, несомненно, выдающимся памятником ранневизантийской монументальной живописи. Датировка его VI в. не вызывает сомнений. Памятник издан², но лишь в общем виде, без деталей, т. е. совершенно недостаточно, а потому получить о нем ясное и полное представление невозможно. Настоящее сообщение имеет целью опубликовать несколько подробных копий мозаичного пола, исполненных мною в 1910—1914 гг., а также охарактеризовать технику изготовления и стиль мозаичного пола.

Мозаика состоит из большого квадрата (3,32 × 3,32 м) в центре пола; в квадрате изображен канфар, по сторонам которого симметрично расположены павлины. Поверхность нижней и верхней частей канфара имеет каннелюры, переданные светотенью. К квадрату со всех сторон примыкают сплетенные круги, в которые заключены изображения зверей, птиц, рыб, листьев и пр. Южную ветвь креста занимает большой круг в квадрате, окаймленный плетенкой; в нем — большой кратер, также с каннелюрами; из него также произрастает извивающаяся лоза с листьями и гроздьями винограда. На кратере сидят две птички. Северная ветвь креста заполнена геометрическим рисунком в виде квадратов с различным орнаментальным заполнением. Вся мозаику обегает фриз из волнообразно вьющейся лозы с виноградными листьями и гроздьями винограда, берущей начало из двух кратеров.

Мозаики выполнены из небольших кубиков, изготовленных из камней различной естественной расцветки. Для кубиков черно-бурого и темно-синего цвета использованы местный известняк и темно-серые диориты. Для кубиков желтого цвета — мраморовидные породы херсонесского происхождения, кубики светло- и темно-зеленого цвета изготовлены из камня, добываемого в районе Балаклавы и на южном берегу Крыма; кубики белого цвета — из полированного и неполированного мрамора. Только для кубиков красного цвета материалом послужили стенки пифосов, амфор и черепиц.

Размер кубиков различный: 20 × 15 мм при толщине 10 мм; 15 × 15 × 15 мм; 10 × 10 × 10 мм; 20 × 25 × 15 мм. Некоторые кубики имеют правильные грани, другие неправильные, закругленные. Кубики — колотые, их грани оставлены без шлифовки; поэтому при наборе мозаичного рисунка кубики не плотно прилегают друг к другу.

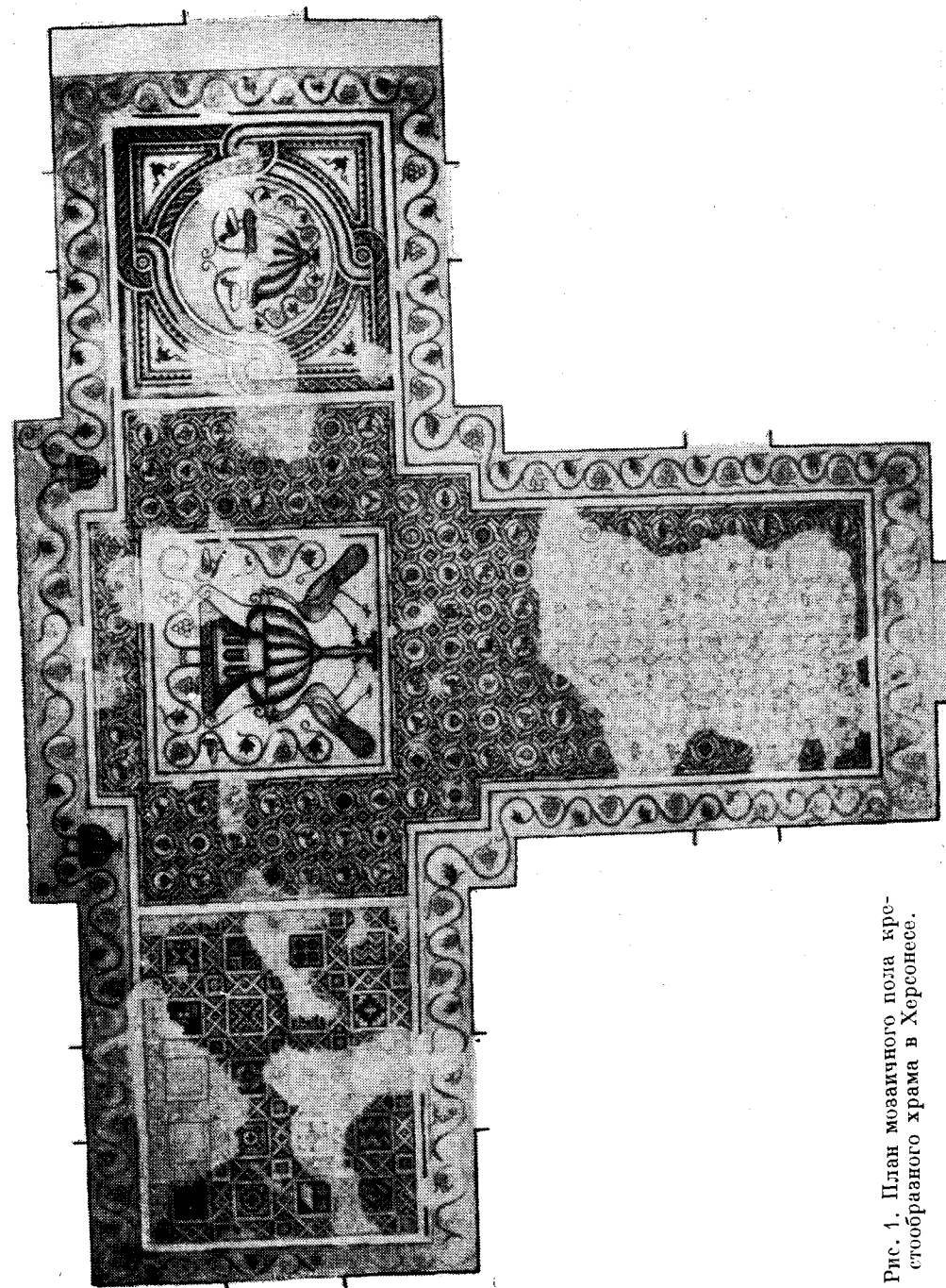

Рис. 1. План мозаичного пола крестообразного храма в Херсонесе.

¹ Открыт в 1902. См. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках Херсонеса в 1902 г. — ИАК, 9, 1904, стр. 35—37.

² Несколько фотографий см. там же; чертеж и фото см. в кн.: А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, 63, 1959, стр. 239.

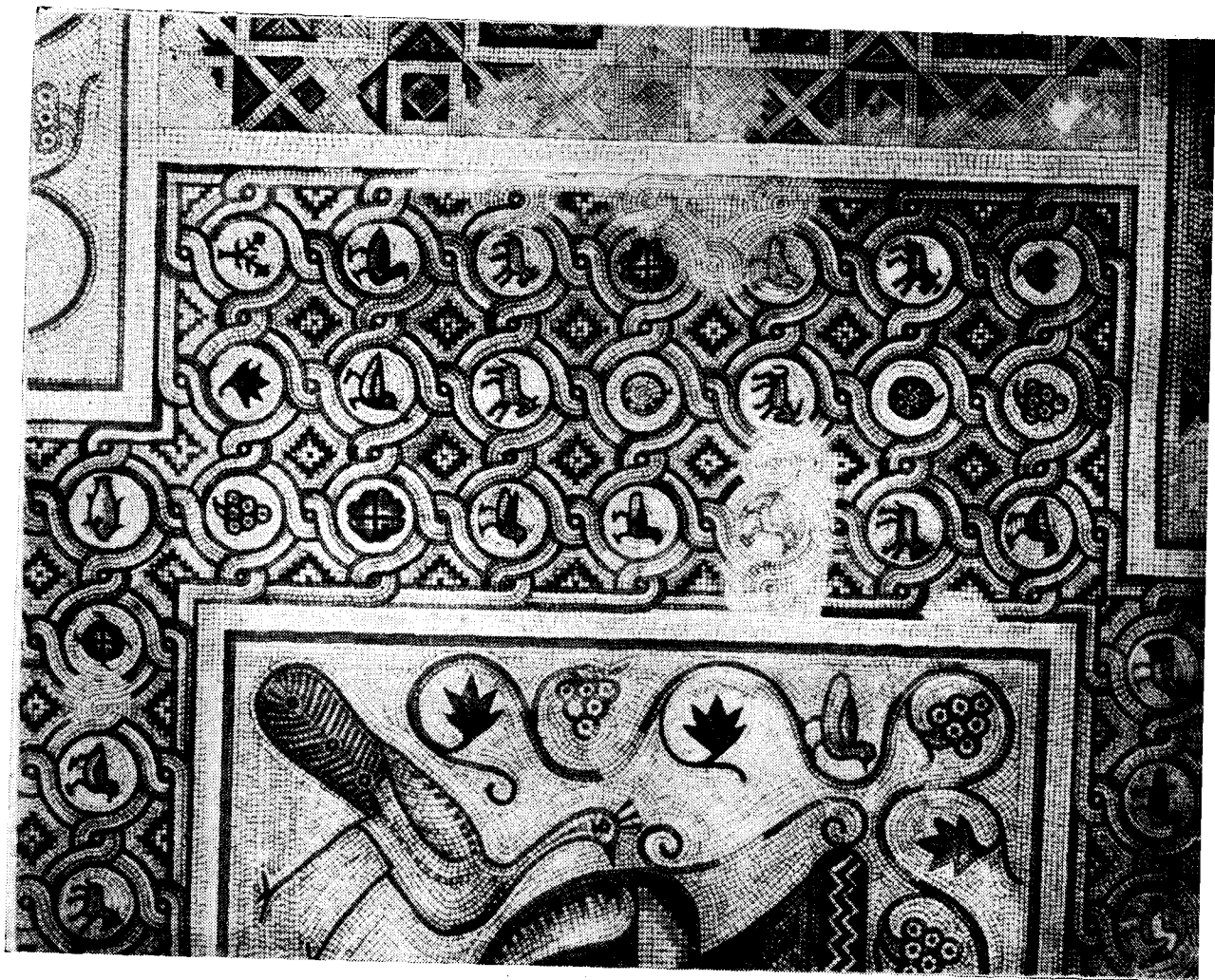

Рис. 2. Мозаичный пол крестообразного храма в Херсонесе. Фрагмент.

Рис. 3. Мозаичный пол крестообразного храма в Херсонесе. Фрагмент.

Рис. 4. Мозаичный пол крестообразного храма в Херсонесе. Фрагмент.

По рисунку и стилю мозаичный пол резко отличается от множества известных мозаичных полов на византийском Востоке (в Сирии, Палестине) и в самой византийской столице (Константинополе): открытый там в 1938 г. в Большом дворце мозаичный пол середины V в.³ дает прекрасный образец живописного стиля, в котором моделировка достигается посредством градации легких зеленых, розовых, желтых, красных и полутонов. Это прямое наследие античности.

Наоборот, в херсонесской мозаике преобладают тяжелые локальные тона — кирпично-красные, интенсивно-желтые, белые, черные. Резко изменилась и сама мозаичная техника. Вместо небольших кубиков, позволяющих передать тончайшие живописные нюансы, здесь преобладают

сравнительно крупные кубики, особенно в обрамлениях и фонах. Такая техника неминуемо привела к огрубению рисунка и его линейности. Отсюда определенная схематичность композиции, столь характерная для византийских мозаичных полов VI в.⁴ Однако, несмотря на пеструю многоцветность локальных тонов и подчеркнутую линейность и схематичность рисунка, в мозаике ясно ощущается экспрессия и реалистичность изображений, очень выразительных. Эти качества мозаичного пола херсонесского храма позволяют отнести его к числу замечательных памятников ранневизантийского искусства.

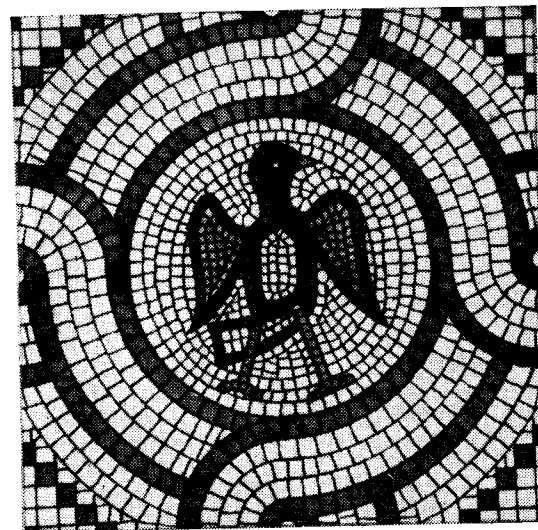

Рис. 5. Мозаичный пол крестообразного храма в Херсонесе. Фрагмент.

При наличии множества аналогий херсонесскому мозаичному полу мы все же считаем его произведением местных художников. Это не копия какого-либо определенного образца, а вполне самостоятельное произведение, хотя и использовавшее ставшие общепринятыми и широко распространенные в византийском мозаичном искусстве отдельные декоративные и изобразительные мотивы, как-то: квадрат с павлинами по сторонам, канфара со священным вином, сплетенные круги с изображением всего многообразия животного и растительного мира, выходящая виноградная лоза и т. д. К тому же, все это художник мастерски вкомпоновал в заранее заданное Т-образное пространство крестообразного здания (восточная ветвь креста оставалась без мозаики).

Ценность и интерес мозаичного пола крестообразного храма в Херсонесе увеличивает то обстоятельство, что это, можно сказать, единственный более или менее полностью сохранившийся памятник ранневизантийской монументальной живописи на территории Советского Союза.

⁴ Многочисленные аналогии см. А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 240—243.

³ The Great Palace of the Byzantine Emperors. London, 1947.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АННОТАЦИИ

С. Г. КАУХЧИШВИЛИ. ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Тбилиси, 1963.

«История византийской литературы» С. Г. Каухчишвили — новая, основательно переработанная редакция византийского раздела в изданном в 1949 г. втором томе «Истории греческой литературы». Новую редакцию автор называет третьим томом задуманного им расширенного варианта «Истории греческой литературы», второй том которой целиком будет отведен эллинистическому периоду.

В основе исследования лежит положение о непрерывности, преемственности в развитии греческой литературы, в силу которой византийская литература рассматривается как непосредственное продолжение древнегреческой в новых исторических условиях. Автор ставит целью дать историю развития художественных форм, проследить в течение византийского периода судьбу античных жанров, процессы возникновения и утверждения новых литературных критериев. Это существенно отличает исследование С. Г. Каухчишвили от всех имеющихся (кстати, в весьма малом числе) пособий по византийской литературе, в которых, в лучшем случае, дается лишь перечень фактов. Принципиальной особенностью работы является также особое акцентирование роли народов негреческой национальности в создании византийской культуры. Вопрос широкого участия в формировании «византизма» славянского, армянского, грузинского и других элементов рассматривается в первой главе — «Греческий мир в IV—XV вв.».

В следующей главе — «История изучения византийской литературы» — автор знакомит читателя с основными этапами развития византийской филологии, особо отмечая исключительные заслуги русской школы византиноведения. Отдельные очерки посвящены жизни и деятельности В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, а также истории русских византинологических центров и печатных органов. Специальный параграф отведен «Византизму в России», как органу, сыгравшему первостепенную роль в развитии русской и советской византистики.

В разделе «Византизм в Грузии» подчеркивается особое значение для грузинской византистики трудов Г. Ф. Церетели, его исследований в области греческой палеографии, публикаций философских трактатов Иоанна Итала¹ и папирусов византийского периода². Говоря о деятельности воспитанной на традициях Церетели грузинской школы византистов, автор выделяет разыскания в области византино-грузинских литературных связей.

Не удивительно, что и в «Истории византийской литературы» С. Г. Каухчишвили акцентируются темы, представляющие интерес в аспекте византино-грузинских отношений. Так, рассказывая в третьей главе («Византийская литература переходного периода») о деятельности византийского ритора IV в. Фемистия, автор останавливает внимание на сведениях Фемистия о существовании в Колхиде риторической школы, в которой получил образование его отец — преподаватель философии Евгений, а затем и сам Фемистий (XXVII речь). Из писем современника Фемистия ритора Ливания комментируется письмо Ливания к представителю иберийского царского рода Бакуру, где Ливаний, обращаясь к Бакуру как к другу и единомышленнику, воздает хвалу его мудрости и риторическому искусству (письмо 98). В этой же главе подробно излагается «ареопагитическая» проблематика, история поисков подлинного автора книг, связанных с именем Псевдо-Дионисия. Разгадкой тайны Псевдо-Дионисия автор признает теорию Ш. Нуцубидзе и бельгийского ученого Э. Хонигмана, согласно которой автором ареопагитического

корпуса следует считать видного деятеля и теолога V в. Петра Ивера, а в Иеротеосе — духовного наставника Псевдо-Дионисия — видеть учителя Петра — Иоанна Лаза. К аргументам Нуцубидзе — Хонигмана С. Г. Каухчишвили добавляет новые доказательства, среди которых следует отметить указание на маргинальную приписку в сирийской рукописи сочинений Псевдо-Дионисия (Ms. syriacque de Paris, № 284): автор этой приписки, содержащей сведения о Петре Ивере, по-видимому, знает, что Петр имеет отношение к ареопагитическим книгам. В этой же главе автор касается христианского романа, характеризуя его как продолжение, трансформацию романа эллинистического периода.

В главе «Византийская литература периода генезиса феодализма» рассматривается творчество писателей VII—X вв. Если в предыдущем, переходном периоде для византийской литературы характерен синкретизм, смешение античных и христианских элементов, то литература VII—X вв. развивается под знаком утверждения новых принципов. Наиболее интересным и оригинальным достижением этого периода является ритмическая поэзия, окончательно порывающая с античным квантитетом и развивающаяся на основе силлабо-тонической системы. Анализируя процессы утверждения новых поэтических критериев, автор знакомит читателя с творчеством представителей обеих школ ритмической поэзии (Роман Сладкопевец, Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, Косма Иерусалимский). Светские мотивы рассматриваются на материале поэзии Георгия Писиды и Касия. В этой же главе подробно излагается проблема возникновения греческого «Варлаама и Иоасафа», привлекаются дополнительные, текстологического характера доказательства в подтверждение мнения, что греческий роман написан Евфимием Афонским на основе грузинского варианта романа «Мудрости Балавара». Эта общепризнанная, основанная на показаниях древних греческих, грузинских, латинских источников точка зрения в последнее время была поставлена под сомнение Ф. Дэльгером, вновь выдвинувшим давно отвергнутый в науке тезис о принадлежности «Варлаама и Иоасафа» Иоанну Дамаскину. Анализируя леммы греческих рукописей, С. Г. Каухчишвили прослеживает возможный путь возникновения, на основании искажений текста, нового варианта леммы, приписывающего авторство романа Иоанну Дамаскину.

В последней главе — «Литература XI—XV вв.», в связи с проблемой философского и литературного ренессанса XI—XII вв., рассматриваются философские воззрения Михаила Пселла и Иоанна Итала, говорится о связи грузинского философа Иоанна Петрици с передовыми тенденциями византийской философии. Далее автор касается произведений, свидетельствующих о возрождении в византийской литературе XI—XII вв. античного элемента (драма *Χριστός πάτωρ*, романы Евстафия Макремволита, Феодора Продрома, Никиты Евгениана). Однако, говоря о Продроме, основное внимание следовало бы уделить не роману «Роданфа и Досикл», произведению, наименее характерному для творчества Продрома, а сочинениям, написанным на народном, разговорном языке. С этой же точки зрения большего внимания заслуживали и рыцарские романы XIII—XV вв. К сожалению, памятники XIII—XV вв., ввиду некоторой недоработанности V главы, охарактеризованы бегло, а иные и вовсе выпущены из виду. Это, однако, нисколько не снижает исключительной ценности работы С. Г. Каухчишвили, первой и пока единственной в советском византиноведении попытки создания систематического курса истории византийской литературы.

А. А.

CONSTANTINE PORPHYROGENITUS. DE ADMINISTRANDO IMPERIO. VOLUME II: COMMENTARY.

London, 1962, X + 221 p.

В 1949 г. венгерский ученый Д. Моравчик издал греческий текст трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» параллельно с английским переводом Р. Дженкинза¹; прошло тринадцать лет, и появился второй том этого издания — комментарий, выполненный группой ученых, в число которых, помимо Моравчика и Дженкинза, вошли также Ф. Дворник, Б. Льюис, Д. Оболенский и С. Рэнсимен. Общее руководство по изданию тома осуществлял Дженкинз.

Нет необходимости специально распространяться о значении трактата Константина Багрянородного как для истории средневековья вообще, так и для Руси X в. в частности. Критическое комментированное издание этого памятника принесет пользу многим медиевистам.

¹ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Budapest, 1949.

¹ Joannis Itali Opuscula selecta, ed. G. Cereteli, v. I—II. Tphiliis, 1924—1926.

² Papyri russischer und georgischer Sammlungen, III: Spätromische und byzantinische Texte. Tphiliis, 1930.

В комментарии Дженкинз, основываясь на ряде трудов своих предшественников², дает общую характеристику трактата, состоящего из разнородных частей. Как известно, сам Константин во введении выделит четыре части своего сочинения: 1) об отношении империи к различным соседними народами; 2) о незаконных требованиях, предъявляемых соседними народами; 3) описание различных народов — их происхождения, географической среды, обычаев, быта; 4) внутренние изменения в самой Византийской империи (De adm. imp., p. 44.14—24). В грубых чертах первому разделу соответствуют главы с 1-й по 12-ю и начало 13-й гл., второму — остальная часть гл. 13 (стк. 12—200); на третий раздел приходится основная часть книги (гл. 14—48), распадающаяся в свою очередь на три части: об арабах и других народах, об армянах и грузинах и, наконец, о Кипре в VII в. С конца 48-й гл. (стк. 22) начинается последний раздел.

Дженкинз (стр. 1 и сл.) уточняет состав трактата. Прежде всего он выделяет в книге ряд документов, не предназначенных для публикации и послуживших источником для других параграфов. Сюда относятся гл. 23, 24 и начало гл. 25 (стк. 1—55), передающие известия Стефана Византийца и Феофана Сигрианского об Испании (ср. также стр. 80 сл.); начало гл. 48, использованное в гл. 47 (ср. стр. 182); гл. 52, использованная в гл. 51.199—205 (ср. стр. 204) и гл. 53.1—492, где рассказывается о Херсоне (стр. 205). «Возможно, — замечает Дженкинз, — что важная гл. 9 тоже должна быть причислена к этой категории» (стр. 2). Гл. 9 — это знаменитое описание Днепровского пути. О ней подробно говорится в комментарии, и я еще к ней вернусь.

Третий раздел, по мнению Дженкинза, распадается на две части. Гл. 14—42, рассказывающие об арабах, Италии, Далмации, печенегах и венграх, устремлены в прошлое и, кроме нескольких случаев [может быть, позднейшие интерполяции (гл. 15, 30)], не выходят за пределы IX столетия. Напротив, армяно-грузинские главы (43—46) имеют дело с современной автору политикой, с событиями царствования Романа I. Дженкинз предполагает, что гл. 14—42 предназначались для задуманного Константином трактата «О народах» (Περὶ ἔθνων), который должен был, как и трактат «О фемах», описывать события далекого прошлого, главным образом — происхождение народов.

По-видимому, в 952 г. Константин изменил свое намерение и вместо трактата по истории решил составить поучение для своего сына Романа, которому как раз исполнилось 14 лет. Тогда в текст трактата «О народах» были внесены добавления (Дженкинз насчитывает девять подобных вставок), а кроме того, появились первый и второй разделы, армяно-грузинские главы и четвертый раздел, посвященный провинциальной организации, флоту и гражданской администрации. Книга изменила свой характер, из антикварной сделалась современной — практическим наставлением в политике.

Для советского читателя особый интерес представляет гл. 9, являющаяся одним из существенных источников для истории Руси X в. По мнению автора комментария к ней — Оболенского, она по своему характеру плохо согласуется с той «наставительной» частью (гл. 1—13), в которую помещена: скорее всего, это материалы из государственных архивов, использованные Константином в 952 г. при переработке трактата (стр. 18). Гл. 9 распадается на три части. Первая (стк. 3—104), написанная около 944 г., посвящена походу русских однодеревов в Константинополь; живость и точность описания заставляет предполагать, что ее автором был очевидец, скорее всего — участник византийского посольства в Киев; возможно, что часть главы прямо заимствована из дипломатического донесения. Оболенский предполагает, что автор донесения черпал свои сведения от какого-то скандинава из дружины Игоря.

Небольшой второй фрагмент (стк. 104—113), посвященный сбору дани, заимствован, скорее всего, из другого источника. Его терминология (например термин πολυδία — полюдье) — явно славянского происхождения; энтоним кривичи транскрибируется здесь в форме Κριβιτζῶν (стк. 108) — гораздо более близкой к оригиналу, нежели Κριβιτζῆνοι (стк. 9—10) в первой части. Оболенский видит в этом фрагменте греческий перевод славянского сообщения.

Последняя фраза гл. 9 касается узов.

Как в общей характеристике трактата, так и в характеристике отдельных глав следовало остановиться на проблеме достоверности и полноты сведений Константина. Разумеется, вряд ли можно считать, что погрешности в труде Константина объясняются «пристрастием к вицу» багрянородного писателя³, однако самый факт недостоверности отдельных известий в трактате «Об управлении империей»

не вызывает сомнений⁴. Например, в гл. 2. 6—8 сообщается, что русские покупают у печенегов быков, коней и овец, «ибо в России нет вышепоименованных животных». В комментарии к этому месту (стр. 13) мы находим лишь отсылку к книге М. В. Левченко, но не показано, насколько противоречит сообщение Константина данным археологии.

Рецензируемая работа содержит детальный комментарий к гл. 9 (стр. 20—61) — «русской главе» трактата. Автор (Оболенский), знакомый, кстати сказать, и с советской историографией, выступает с позиций умеренного норманиста, подчеркивая, что Киевское государство не было создано из ничего норманнами в IX в., что основания его были заложены славянами в предшествующий период, что «существовавшая ранее славянская землевладельческая аристократия и класс купцов» определили территориальную целостность и экономический подъем страны; но вместе с тем, по мысли Оболенского, именно скандинавы во второй половине IX в. объединили разрозненные племена восточных славян (стр. 23). Самый термин «Русь» автор связывает со скандинавским Севером (стр. 21), а «русские» названия порогов выводит из скандинавских языков (стр. 45—51) (отмечу попутно, что Моравчик принимает для седьмого порога название *Стрѣховъ*, засвидетельствованное Парижской рукописью, а не «Струвун», которое Левченко считал славянским⁵). Спорный термин *παξιόται* Оболенский рассматривает как «обязанные данью», а не «союзники» (стр. 33). Термин *ἀρχὸν Ῥωσίας* он считает официальным обозначением императорской канцелярии для киевского князя (стр. 29) — впрочем, на печатях этот термин прилагается и к другим русским князьям, например к Давиду Игоревичу Волынскому⁶.

Большой раздел комментария (стр. 156—180) посвящен армяно-грузинским главам. Автор (Рэнсимен) считает, что Константин опирался в этом разделе на армянские и грузинские источники и что его единственной крупной ошибкой была путаница в описании реки Аракса (стр. 159). Рэнсимен не ставит вопроса о политической тенденциозности этих глав⁷. Работы советских историков и археологов, посвященные средневековой Грузии и Армении, им не привлекаются. Точно так же следовало использовать работы советских исследователей при характеристике Алалии (стр. 62), Саркела (стр. 154), Тмутаракани (стр. 156), Херсона (стр. 205—209).

А. К.

А. Я. СЫРКИН. ПОЭМА О ДИГЕНИСЕ АКРИТЕ

Издательство «Наука». М., 1964, 237 стр.

А. Я. Сыркин занимается изучением «Дигениса Акрита» с 1956 г. Настоящая книга — итог его работы. Хотя в книге в той или иной степени затронуты все вопросы, связанные с византийским эпосом, ее основная цель — характеристика памятника как исторического источника.

Первый раздел — «Дигенис Акрит и его изучение» — носит вводный характер. Наряду с чисто информационным материалом (история открытия, пересказ содержания памятника), здесь содержится история изучения эпоса от первых о нем упоминаний в 70-х годах прошлого века до еще находящихся в печати статей. Обзор этот не может являться исчерпывающим — список работ о «Дигенисе» достиг внушительного объема, — но в нем проявилась одна из самых сильных сторон Сыркина-исследователя: его крайне осторожное, придирчивое отношение к концепциям своих предшественников.

Второй раздел («Отражение исторических событий в поэме») начинается характеристикой социально-политического и литературного окружения «Дигениса». Автор излагает взгляды советских ученых на социальную историю IX—X вв., старается обрисовать культурный фон эпохи, называет литературные параллели к «Дигенису». Этот по преимуществу комплиментивный материал уместен в книге, хотя некоторые положения (например, о светских течениях и «антихристианской» школе в культуре) явно нуждаются в уточнении и аргументации.

⁴ М. В. Левченко. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси с первой половины X в. — ВВ, VI, 1953, стр. 14 и сл.; его же. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 182 и сл.

⁵ М. В. Левченко. Очерки..., стр. 209. Оболенскому еще не могла быть доступна работа советского ученого А. И. Толкачева «О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного». — Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962, стр. 29—60.

⁶ А. V. Solovjev. "Ἀρχὸν Ῥωσίας — Вуз., 31, 1961, p. 240 sq.

⁷ См. об этом М. В. Левченко. Очерки..., стр. 187—191.

² См. особенно: J. Burgu. The Treatise De administrando imperio. — ВЗ, 15, 1906, p. 517—557.

³ См. Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964, стр. 35.

Основную часть раздела занимает первостепенный для изучения любого эпоса вопрос об историчности персонажей. А. Я. Сыркин, который вообще, как правило, избегает категорических суждений, занимает здесь среднюю позицию между *Identifizierungsrausch* А. Греггара и скептицизмом Д. Маврогордато. Автор книги отвергает возможность идентификации самого Дигениса и в то же время признает основательность отождествления с историческими лицами ряда второстепенных героев. Впрочем, как совершенно справедливо считает А. Я. Сыркин, соответствие исторических и поэтических персонажей никогда не бывает полным и чаще всего ограничивается общностью отдельных ситуаций, в которых они действуют, их генеалогическими связями, а то и просто именами.

Специальная глава этого раздела посвящена очень важной сцене встречи Дигениса с императором. Попытки трактовать этот эпизод напоминают решение уравнения со многими неизвестными. В разных списках поэмы содержатся различные имена императоров — Василий и Роман. Какие из этих версий отражают архетип? Какие из четырех Романов и двух Василиев имеются в виду в эпосе? Содержалась ли в греческом оригинале «Девгениева деяния» сцена битвы Дигениса с императором, отсутствующая в известных нам византийских версиях? Эти вопросы в первую очередь встают перед исследователем. Сыркин вполне основательно критикует категорические мнения других ученых, но сам фактически отказывается от всяких определенных утверждений. В данном случае это не только следствие сверхосторожности автора, но и результат явной недостаточности материала.

Отказываясь связать время создания «Дигениса Акрита» с периодом жизни того или иного императора, А. Я. Сыркин стремится датировать памятник с помощью анализа отдельных исторических реминисценций поэмы. Автор считает, что ее действие в большей мере современно событиям 30—60-х годов X в., а исторический фон памятника в целом охватывает около двух веков византийской истории от времени Феофила до эпохи Василия II. Такие хронологические рамки вероятны. Правда, и тут трудно удержаться от вопроса: не являются ли некоторые эпизоды, на которые опирается автор книги в своих датировках, остатком более древних версий или, наоборот, результатом поздних напластований? Чтобы ответить на этот вопрос, надо выработать, видимо, какие-то филологические критерии для анализа поэмы. Но, как мы уже отмечали, Сыркина «Дигенис» интересует прежде всего как исторический источник.

Третий раздел книги — «Черты идейного содержания памятника». Здесь исследователю уже не приходится пробиваться сквозь дебри гипотез и чужих мнений — идейному содержанию «Дигениса» пока еще уделяли мало внимания в науке. «Отношение поэмы к императору и императорской власти, — пишет автор, — во многом соответствовало официальной правительственной идеологии». Далее, однако, А. Я. Сыркин говорит о преклонении перед императором как о «формальности» и доказывает, что истинное отношение к императору иное: в «Дигенисе» отразилась феодальная тенденция ограничить центральную власть. Это последнее положение доказывается ссылками на гордое и независимое поведение Дигениса по отношению к монарху, а также сравнением тех советов, которые дает самодержцу герой эпоса, с отношением к императорской власти в литературе того времени. Сразу же оговоримся: параллели с «Жизнеописанием Василия I», трудом Генесия и даже «Стратегиконом» Кекавмена не кажутся нам убедительными. Сам автор признает, что «восхваление в императоре справедливости, милосердия, призыв к соблюдению законов можно объяснить данью традиции». Прибавим, что такие требования к императору — не только традиция, но и отражение обычных представлений о всемогущественнейшем христианском монархе. Подобные представления не трудно заметить и у авторов, которых никак нельзя заподозрить в симпатиях к провинциальной знати (например, Пселл, Анна Комнина и др.). Что же касается независимости и гордости Дигениса, то герой эпоса — в основе своей персонаж фольклорно-эпический, которому эти качества свойственны по природе.

Более убедительными представляются нам замечания Сыркина о том, что окруженный свитой Дигенис представлен в эпосе в виде феодального властителя и что феодальная идеология произведения проявляется в неоднократном подчеркивании знатного происхождения героя.

Подробно анализируются в книге религиозные и этические воззрения авторов эпоса. А. Я. Сыркин пытается показать сложность и «многослойность» мировоззрения, отражившегося в поэме. «Дигенис Акрит» в полной мере отразил религиозную идеологию своей эпохи и в то же время совершенно лишен религиозного фанатизма. При всей ортодоксальности поэмы в ней нашли отражение языческие дохристианские верования. Эпическая гиперболизация образа Дигениса сочетается с психологическим реализмом и т. д.

Отказываясь признать историческую достоверность большинства действующих лиц, А. Я. Сыркин подчеркивает реальность бытового фона эпоса. Это дает ему возможность посвятить специальный раздел анализу сведений «Дигениса» о византийском быте, военном деле, материальной культуре и т. д.

Последний, пятый раздел книги озаглавлен «Фольклор и ученость в „Дигенисе Акрита“». Поддерживая гипотезу о происхождении «Дигениса» из народных песен, Сыркин приводит отрывочные свидетельства византийских авторов о народном песенном творчестве¹, сопоставляет отдельные мотивы эпоса с новогреческим фольклором и эпическими памятниками других народов, предполагает возможность параллельного развития устной и письменной традиции памятника и отмечает многочисленные ученые реминисценции в эпосе. Раздел заканчивается краткой главой, содержащей отдельные наблюдения над языком и стилем произведения.

Появление книги А. Я. Сыркина — факт знаменательный. Это по сути дела первое монографическое исследование памятника в советской византистике послевоенных лет. Пусть оно не будет последним!

Я. Л.

N. G. SVORONOS. LA SYNOPSIS MAJOR DES BASILIQUES ET SES APPENDICES

Paris, 1964, VIII + 210 p.

Так называемый «Большой Синописис» представляет собой своего рода алфавитный указатель к «Василикам». Византийским юристам он, несомненно, облегчал пользование объемистой компиляцией римского права, составленной при Льве VI. Однако для историка, пожалуй, большее значение, нежели сам Синописис, представляют приложения к нему, где главное место принадлежит новеллам византийских императоров, в том числе аграрному законодательству Македонской династии.

Приложения к Синописису опубликованы старыми юристами (если не считать новелл Льва VI, критически изданных П. Ноайем и А. Дэнном) по случайным рукописям; подготовка нового издания должно предшествовать обследованию рукописной традиции, обследование, кстати сказать, довольно сложное, поскольку Синописис пользовался большой популярностью: сохранилось не менее 15 рукописей XI—XII вв. и огромное количество более поздних. Такую попытку и предпринял Н. Г. Зворонос.

Изучив свыше 50 рукописей, ученый предложил классификацию их, выделив два основных типа приложений (он обозначил эти типы литерами *A* и *B*) и на основе этой классификации воссоздал историю «изданий» Синописиса [Зворонос считает, что мы вправе говорить именно об «изданиях», поскольку некоторые манускрипты по всем признакам происходят из одного скриптория и являются копиями с одного образца — например: *Vatic. Palat. gr. 8, Vatic. gr. 854, Escor. R-II-11* (стр. 77; ср. стр. 189 и сл.)]. История эта представляется примерно в следующем виде.

Первое «издание» содержало Синописис без приложений. К нему восходят сравнительно поздние рукописи: *Marc. gr. 176*, завершенная в феврале 1351 г., и, по-видимому, *Laug. Plut. LXXX 20* (стр. 66; ср. стр. 143 и сл.). К этому «изданию» были затем присоединены новелла Романа I от 934 г. и две новеллы Константина VII — эти три новеллы и составляли первоначальное ядро приложений, лежащее в основе обоих типов *A* и *B* (стр. 160). В дальнейшем развитие протекало по-разному. В одном случае к первоначальному ядру были прибавлены две новеллы — Романа II от 962 г. и Никифора Фоки от 964 г., что послужило исходным пунктом типа *A* (стр. 145). Поскольку новелла Никифора Фоки в надписании названа *νέα νομοθεσία*, Зворонос заключает, что приложение из пяти новелл, обозначенное им *A1*, появилось вскоре после 964 г. (стр. 161).

Параллельно приложению *A1* на базе первоначального ядра возникло послужившее основой типа *B* приложение из восьми новелл — от Романа I до Никифора Фоки (помимо того, тип *B* включал эклогу новелл Льва VI и преамбулу к «Василикам», помещенные до Синописиса). Зворонос полагает, что приложение из восьми новелл было составлено не позднее 967 г., поскольку новелла 967 г. о династах еще не включена туда (стр. 159), — доказательство, пожалуй, недостаточно строгое. Восемь новелл были сгруппированы по содержанию: две новеллы о династах, две новеллы о стратиотских участках и т. д.

¹ Данные, приводимые автором, хотелось бы дополнить интересным свидетельством Михаила Пселла (*Michel Psellos. Chronographie*, I. Paris, 1926, p. 109. 11—13), который сообщает, что в 1042 г., после свержения с престола Михаила V и провозглашения императрицей Феодоры, «простой народ водил хороводы и воспевал случившиеся события, слагая из них самих песни». Видимо, речь идет здесь о так называемых «трагудиях» — песнях былинного типа, известных из новогреческого фольклора. Из слов Пселла следует, что исторические песни могли слагаться по свежим следам событий, исполнялись хором и, возможно, сопровождалась танцами.

Любопытно, что новелла Романа I о праве предпочтения, датируемая обычно 922 г.¹, не вошла ни в подтип A1, ни в приложение из восьми новелл: она включена была в прибавление к Синописису лишь в более позднее время, будучи заимствованной, скорее всего, из маргинальных добавлений к тексту Синописиса (стр. 146). В типе A она составляет единую группу не с императорскими законами, а с решениями юристов (например, с сентенциями магистра Космы) (стр. 23—25), в типе B — входит в группу новелл Романа II, Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия и Василия II от 996 г. (стр. 94—96). Последняя дата является, естественно, *terminus post quem* для составления приложения этого типа (стр. 159).

Новелла Василия II от 988 г. (стр. 97), в подлинности которой неоднократно высказывались сомнения² (на мой взгляд, недостаточно основательные), была включена в конвой Синописиса еще позднее.

Особо останавливается Зворнонос на так называемом восьмом «издании» Синописиса, которое он связывает (хотя и без необходимой формальной аргументации, гипотетически) с деятельностью юридической школы, основанной при Константине Мономахе, и которое считает плодом подлинно исследовательской работы (стр. 172 и сл.). Зворнонос полагает, что составители этого «издания» пользовались старыми книгами, чтобы внести исправления в предшествующие издания. Впрочем, некоторая путаница, характерная для всего типа B [(например атрибуция новеллы Никифора Фоки Константину VII (см. стр. 93)], сохранилась и здесь.

Всего Зворнонос насчитывает 11 «изданий», выпущенных на протяжении трех веков (стр. 190).

Конечно, воссоздание истории средневековых «изданий» всегда поневоле гипотетично: чересчур ясная схема, предложенная Зворносом, несколько настораживает. Но при всех оговорках несомненно, что рецензируемая книга — плод большого труда и остроумия — необходимое исследование, предваряющее публикацию новелл Македонских императоров. Я позволю себе в заключение процитировать слова Зворноса: «Детальное изучение рукописной традиции Синописиса и приложений к нему убедило нас в том, что многие среди них (в том числе наиболее важные, как-то: новелла о предпочтении, большая новелла Василия II и др.) представлены в сборнике Цахарис не в аутентичном виде, но со множеством интерполяций и искажений, вызванных как сознательной правкой позднейших юристов, так и ошибками невнимательных писцов» (стр. 192). Наблюдение очень большой важности, поскольку речь идет о памятниках первостепенного значения. Будем ждать критического издания новелл X в.

А. К.

SYMÉON LE NOUVEAU THÉOLOGIEIN. CATÉCHÈSES, t. I—III

Paris, 1963—1965, 469, 393, 392 p. («Sources chrétiennes», № 96, 104, 113)

Нельзя сказать, что византийский мистик X—XI вв. Симеон — совершенно новая фигура: имя его давно известно и сочинения давно уже переведены на русский язык¹. Но по каким-то причинам его жизнеописание и сочинения долго были доступны лишь в извлечениях, в некритических изданиях или в сделанных с рукописных переводах: только в 1928 г. И. Озерр издал «Житие Симеона»², в 1957 г. появилось научное издание «Главы» (или «Центурий»), выполненное Ж. Даррузе³, и, наконец, вышло издание огласительных проповедей (катехизисов) Симеона. Оно содержит, помимо 34 проповедей, также два благодарственных слова (ст. III, стр. 304—357). Греческий текст подготовлен В. Кривошеиным, ему же принадлежат

¹ Сомнения в основательности этой даты были высказаны П. Лемерлем: P. Lemerle. *Esquisse pour une histoire agraire de Byzance*. — RH, 219, 1958, p. 266. Зворнонос (стр. 145) датирует ее 928 г., не обосновывая, однако, своей датировки.

² См. G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1963, S. 254, A. 2.

³ Симеон Новый Богослов. Слова, вып. 1—2. М., 1882; Симеона Нового Богослова Деятельные и богословские главы, в кн.: «Добротолюбие», т. 5. М., 1890, стр. 9—64 (там же и два его слова: стр. 489—510). Ср. также Симеон Новый Богослов. Три слова. М., 1852.

⁴ I. Hausherr. *Un grand mystique byzantin*. — «Orientalia Christiana», XII, 1928 (далее — Vita).

⁵ Syméon le Nouveau Théologien. *Chapitres théologiques, gnostiques et pratiques*. Paris, 1957. Эта рецензия находилась в печати, когда Даррузе выпустил в свет первый том «рассуждений» Симеона: Syméon le Nouveau Théologien. *Traité théologiques et éthiques*, t. I. Paris, 1966.

введение и большинство примечаний, французский перевод выполнен Ж. Парамелем (он также автор части примечаний — главным образом филологических). Мы получили, сразу надо сказать, солидно подготовленное издание одного из важнейших источников по истории византийской культуры на рубеже X и XI вв.

Для издания был использован ряд рукописей, в том числе московский манускрипт ГИМ 372/417. В описании этой рукописи (т. I, стр. 69 сл.) Кривошеин уточняет сведения о ней, сообщенные в каталоге Владимира: датирует ее XIV, а не XV в., исправляет неправильную расшрифтовку записи на л. 192 об.: *ἔργων οἱ ἐφ' ὧν...* надо *ἔργων*⁴. Следовало добавить еще, что начинающийся на л. 193 сочинения Исаака Сириянина писаны другой рукой на бумаге с новым счетом тетрадей: следовательно, проповеди Симеона первоначально составляли отдельную книгу, к которой позднее была приплетена рукопись Исаака.

Сличение изданного текста с ГИМ 372/417 обнаруживает кое-где не отмеченные Кривошеиным различия: так, в Катехизисе XII, стк. 10 в рукописи *ἄλος*, стк. 20: *προσπομπήσαι*.

Рукописная традиция проповедей Симеона весьма сложна⁵. Помимо Катехизисов, сохранились так называемые Речи (*ἄλογοι ἐκ τῆς συγγραφῆς* (латинский перевод их опубликован в PG, 120, col. 321—602) и *ἄλογοι ἐν κεφαλαίοις*), которые представляют собой позднейшую компиляцию Катехизисов. *ἄλογοι ἐν κεφαλαίοις* содержат, по мнению Кривошеина, отдельные пассажи, первоначально входившие в Катехизисы, но позднее опущенные. Кривошеин в издании Катехизисов учитывал также и рукописи Речей.

Сами Катехизисы представлены в двух редакциях. К I Кривошеин относит Coisl. 292, XI—XII вв., Chalki 45, XIV в., Vatic. 1463, XVI в. и ряд других, ко II — упомянутую уже московскую рукопись и ее прототип Paris. 895, XI в. Кривошеин безоговорочно считает I редакцию древнейшей и кладет ее соответственно в основу своего издания — однако его аргументация строится не на безупречных посылках, т. е. не на формальной, а на смысловой истории текста. Нельзя, думаю мне, быть уверенным, что термин *αἰσθητός* непременно древнее термина *εὐαίσθητός* (т. I, стр. 151 сл.), как считает Кривошеин, — тем более, что *εὐαίσθητός* встречается и в некоторых манускриптах I редакции; нельзя быть уверенным и в том, что добавление II редакции *καὶ πῶτος* к формуле *νοῦς δὲ θεῖος* (т. I, стр. 158), имеющаяся опять-таки и в некоторых рукописях I редакции, — непременно свидетельство позднейшего происхождения II редакции.

Напротив, есть случаи, когда рукописи II редакции дают явно лучшее чтение. Так, в Катехизисе XII, стк. 65 Кривошеин с полным правом принимает чтение парижской и московской рукописей: *δεύτερας* вместо варианта I редакции: *πέμπτης*; он принимает также чтение II редакции для стк. 130—131 того же Катехизиса. В других случаях Кривошеин выбирает вариант I редакции, хотя выбор этот остается довольно произвольным: так, в стк. 23—25 того же Катехизиса Симеон пользуется глаголами в 1-м лице ед. ч.: *ἐγὼ... σφῶμαι καὶ... ὀδεύω... καὶ συναυλίζωμαι*. Так в московской рукописи, но Кривошеин предпочитает вариант I редакции: *ὀδεύω*, хотя в таком случае, мне кажется, второе *καὶ* становится излишним. Предпочтительнее, по-моему, и чтение II редакции в стк. 52, где рукописи I редакции опускают вполне естественный в контексте артикль.

Мне кажется также, что и большая близость Речей ко II редакции Катехизисов (т. I, стр. 127) не может служить доказательством позднейшего происхождения II редакции.

Конечно, чтобы пересмотреть классификацию Кривошеина, нужно проделать вновь текстологический анализ важнейших рукописей. Это не может стать предметом краткой рецензии. Я хотел бы только отметить, что важный тезис обоснован издателем недостаточно аргументированно.

Еще больше возражений вызывает попытка Кривошеина связать I редакцию с авторским текстом Симеона, а II редакцию — с изданием, подготовленным учеником Симеона, Никитой Стифатом (т. I, стр. 166 и сл.). Не говоря о том, что древнейшая из сохранившихся рукописей (парижская) относится ко II редакции,

⁴ Вообще следует отметить, что описание сочинений Симеона в каталоге Владимира не безупречно. Так, из каталога не видно, что проповедь, начинающаяся словами *Τρία εἰσι τὰ ἐν οἷς ἀμαρτάνουσιν οἱ ἄνθρωποι*, содержится не только в ГИМ 405/416, л. 246 об., но и в ГИМ 307/419, л. 308. В обеих рукописях имеются не отмеченные Владимиром стихи, нач.: *Οἱ μὴ ἔχοντες πνεῦμα τὸ θεῖον* (ГИМ 405/416, л. 247; ГИМ 307/419, л. 308 об.). Псевдо-Симеоново сочинение «О трех образах молитвы» имеется в ГИМ 307/419, лл. 308 об.—312 об., ГИМ 259/423, лл. 223—232 об., ГИМ 335/424, лл. 16 об.—22. Ни одна из этих рукописей не использована в издании I. Hausherr. *La méthode d'oraison hésychaste*. — «Orientalia Christiana», IX, 2, 1927.

⁵ См. В. Krivocheine. *The Writings of St. Symeon the New Theologian*. — «Orientalia Christiana Periodica», 20, 1954.

а большинство манускриптов, напротив, принадлежат к редакции I типа (если предполагать, что издание Стифата вытеснило авторский текст, естественно было бы ожидать обратного соотношения), у нас вообще нет никаких оснований связывать ту или иную редакцию с деятельностью Стифата. Разве не могло быть так, что авторский вариант Симеона был потерян, а расхождения двух редакций объясняются деятельностью переписчиков? Или наоборот, нельзя ли допустить, что Стифату принадлежат лишь компилятивные Речи? Или, наконец, что даже Речи — плод авторской переработки?

Изданию предпослана биография Симеона. К сожалению, жизненный путь Симеона известен почти исключительно по «Житию» и во многом неясен⁷. Самые прозвища Симеона вызывают споры: как его звали — Богослов или Новый Богослов⁸? Кривошеин (т. I, стр. 154 и сл.) категорически решает вопрос в пользу прозвища Νέος Θεολόγος, представленного в рукописях I редакции. Я все-таки воздержался бы от столь решительного суждения: дело не только в том, что установленное издателем соотношение обеих редакций не кажется столь бесспорным, но, как известно, автор «Жития» называет своего героя не Новым Богословом, а просто Богословом: τῷ θεολόγῳ πατρὶ Συμεῶν (Vita, § 148; ср. § 144).

Большие трудности порождает хронология жизни Симеона. Кривошеин безоговорочно принимает даты, предложенные Озерром, сохраняя даже те датировки, которые ныне уже не могут быть удержаны: так, возмущение монахов Симеоном при патриархе Сисинии должно быть отнесено не к 995—998 гг. (т. I, стр. 52), а к 996—998 гг., как теперь датируют патриаршество Сисиния. Но дело не в подобных мелочах — самый принцип хронологии Озерра, основанный на некритическом восприятии цифр «Жития», вызывает сомнения. Приведу некоторые соображения.

В «Житии» рассказывается, что дядя Симеона добился для него должности спфарокувикулярия и места в синклите в правление Василия и Константина, хотя мальчику было всего 14 лет (Vita, § 3—4). Правление Василия и Константина начинается с 976 г., и, если доверять «Житию», Симеон не мог родиться ранее 962 г., но Озерр предполагает, что автор «Жития» имеет в виду короткий период времени в 963 г. между смертью Романа II и узурпацией Никифора Фоки. Тогда оказывается, что Симеон родился в 949 г. (Vita, p. LXXXII). Ту же дату принимает и Кривошеин (т. I, стр. 17).

Однако подобное понимание «Жития» вызывает ряд сомнений. Агиограф говорит, что дядя Симеона пользовался большим влиянием на Василия и Константина, — эта фраза оказывается двусмысленной, если вспомнить, что в 963 г. братьям было соответственно 5 и 3 года. Сомнительно и то, что четырнадцатилетний мальчик стал членом синклита, особенно если учесть, как часто фигурируют в этом житии четырнадцатилетние дети (Vita, § 116, 135).

«Житие» сообщает далее, что Симеон пробыл в монастыре св. Маманта два года и стал «мужем совершенным, достигшим возраста Христа» [Vita, § 29. Озерр переводит это (стр. 41): à la mesure de la stature du Christ, — но ἡλικία здесь скорее возраст, чем рост], т. е. лет тридцати. Тогда-то игумен умер, Симеон сменил его и служил (λειτούργων) 48 лет (Vita, § 30). Так как это произошло при патриархе Николае Хрисоверге (979—991), начало «служения» Симеона относится к 979 или более позднему году, а его смерть соответственно не могла наступить ранее 1027 г. Но Озерр, а за ним и Кривошеин (т. I, стр. 58) относят кончину Симеона к 1022 г. (отмечу попутно, что последняя дата устанавливается на основании Vita, § 128—129, а эти параграфы имеются только в одной рукописи — Coisl. 292. В Paris.1610 они опущены). Чтобы спасти свою датировку, Озерр предлагает допустить ошибку кописта и вместо 48 читать 42. Путь довольно-таки произвольный!

⁶ См. J. Darrouzès. Bulletin critique. — REB, 22, 1964, p. 260.

⁷ В рукописи ГИМ 307/419 XV в. после сочинений Симеона следует статья, начинающаяся словами: ὁρῶν ὁ κλεινὸς αὐτὸς Συμεῶν, μαθητὴς ὄν τῷ ἀγίῳ (ср. Παύλῳ τῷ ἐν τῷ Δάτρῳ). Не идет ли здесь речь о нашем Симеоне? Не следует ли его в таком случае считать учеником Павла Латрского, умершего в 955 г.? Несмотря на хронологическую близость, на то, что связь между монастырем, основанным Симеоном, и Латрской обителью поддерживалась в XI в. (Vita, § 141), на то, наконец, что в указанной статье речь идет о близких Симеоноу проблемах — о видении нематериального света (φῶς ἡδύστατον καὶ χαριότατον), — совпадение имен случайно: переписчик присоединил к сочинениям Симеона фрагмент из «Жития Павла Латрского» (AB 11, 1892, p. 152.4—153.11), указав на это в самой рукописи: ἀπὸ τοῦ βίου τοῦ ἀγίου Παύλου τοῦ ἐν τῷ Δάτρῳ. В таком случае Симеон — преемник Павла, второй игумен Латрского монастыря.

⁸ Ср. Н. G. Vesck. Symeon der Theologe. — BZ, 46, 1953; P. W. Kirch. Κατὸς θεολόγος. — «Oriens christianus», 45, 1961.

Из «Жития» мы узнаем, что Симеон был игуменом св. Маманта 25 лет, а затем сложил с себя игуменство (Vita, § 60). По Озерру, это было в 1005 г., ему было около 55, хотя «Житие» говорит о нем как о старике: ἡδὴ γηράσας [впрочем, и сам Симеон считает стариком человека лет 60 (т. II, стр. 240)]. Столкновение со Стефаном Никомидийским⁹ описано в «Житии» после рассказа о сложении игуменской власти, и агиограф подчеркивает, что Симеон сложил ее добровольно (Vita, § 59). Затем идут следующие даты: нападки Стефана Никомидийского продолжались 2 года (Vita, § 79), дело разбиралось на соборе (Vita, § 82), после чего Стефан 6 лет привлекал Симеона к суду (Vita, § 87), потом прошло еще некоторое время (βραχὺς... χρόνος), и, наконец, последовало изгнание Симеона (Vita, § 94). [В письме Симеона, включенном в «Житие», «благоденствие» Стефана исчисляются в 7 лет (Vita, § 99) — видимо, первые два года автор не принимает в расчет]. В изгнании Симеон пробыл 13 лет (Vita, § 128). Суммируем эти цифры: на все события ушло не менее 20 лет. Если даже Стефан начал свои нападки сразу же после отречения Симеона, смерть Симеона не может быть датирована ранее 1025 г.

Чтобы спасти свою хронологию, Озерр — вопреки «Житию» — предполагает, что нападки Стефана начались еще в то время, пока Симеон был игуменом, и продолжались с 1003 по 3 января 1009 г. Кривошеин тоже принимает эти даты. Но между 1003 г. и 3 января 1009 г. не уместятся даже те семь лет, о которых говорит сам Симеон в письме!

Короче говоря, мне кажется, что хронология жизни Симеона должна быть пересмотрена: при этом даты «Жития» требуют более критического отношения, нежели отношение Озерра и следующего за ним Кривошеина¹⁰.

Оценка деятельности Симеона в рецензируемой книге — совершенно апологетическая. Кривошеин не упоминает о том, что могло бы бросить малейшую тень на его героя. Надо, однако, сказать, что Симеон в своей деятельности и в отношении к людям был далек от идеалов, которые сам проповедовал. Человек, принадлежавший к служилой знати и пользовавшийся покровительством столичных вельмож, Симеон относился к монахам надменно, публично издевался над ними. В «Житии» мы встретим страшную по своей бытовой прозаичности сцену: однажды у Симеона на трапезе были гости, одному из которых подали голубей; внезапно игумен заметил, что монах Арсений смотрит на блюдо с неудовольствием. Тогда Симеон швырнул ему птицу и приказал есть. Арсений, зная, что неповиновение начальству — страшный грех (в этом Симеон постоянно наставлял своих монахов), худший, чем принятие мясной пищи, начал жевать со слезами. Но едва он разгрыз и хотел уже проглотить, как игумен остановил его такими деликатными словами: «Довольно, выплюнь. Ты обжора, и всех голубей не хватит, чтобы тебя насытить» (Vita, § 51). А ведь Арсений — любимый ученик! Стоит ли удивляться, что монахи вабунтовались против Симеона?

Наиболее существенный вопрос, встающий при изучении творчества Симеона, это проблема его мировоззрения. Вопрос этот может быть рассмотрен в двух аспектах: предметом исследования должна стать, во-первых, религиозно-богословская программа Симеона, во-вторых — его прямые высказывания по социальным, политическим, этическим и т. п. вопросам. Кривошеин ограничивается преимущественно первым аспектом; он считает Симеона реформатором монашеской жизни, которого не поняли современники (т. I, стр. 53). Вопрос о социальных корнях мистики Симеона и его реформ даже не ставится.

Думается, что без изучения второго аспекта, т. е. прямых высказываний Симеона об общественных явлениях, оценка его взглядов останется неполной. Таких высказываний немного, но они есть, и их следует собрать. Очень любопытно, например, обилие у Симеона образов, почерпнутых из сферы царского церемониала. Кривошеин полагает, что Симеон критикует «земных царей», говорит о них с иронией и враждебностью (т. I, стр. 250, прим. 1). Однако подобное суждение односторонне: Симеон не только не критикует царскую власть как таковую (т. I, стр. 428, прим. 1), но признает, что многие цари угодны господу (т. I, стр. 430). Царская порфира для него — нечто священное (т. II, стр. 116, 218), преступление против царя — страшное

⁹ Сохранилось несколько писем Никифора Урана, адресованных Стефану (J. Darrouzès. Epistoliers byzantins du X-e siècle. Paris, 1960, p. 219—222, 244—247); возможно, что Стефан также автор письма ко Льву Синадскому (ibid., p. 192 sq.). Моливдовул Стефана издал: V. Laurent. La Corpus des sceaux de l'Empire byzantin, t. V, 1A. Paris, 1963, № 378. В Лоран принимает хронологию Озерра, но с оговоркой. Кривошеин лишь мимоходом (т. I, стр. 58) касается этого эпизода жизни Симеона, не используя тех намеков, которые имеются в Катехизисах (т. III, стр. 116), и даже прямого свидетельства глоссы московской рукописи (т. III, стр. 178, прим.).

¹⁰ Ср. Н. Grégoire, P. Orgels. La chronologie des patriarches de Constantinople. — Byz., 24, 1954, p. 159.

преступление (т. III, стр. 140). В V Катехизисе Симеон смеется над царем, которому вздумалось бы наказать лицо сажей (нет ли в этом намека на темнолицего Иоанна Цимисхия, предшественника Василия II?), а затем — чтобы спасти свою репутацию — раздать сокровища бедным. Но щедрость не поможет этому чудищу, восседающему среди синклита (т. I, стр. 380). Для Симеона торжественность императорского церемониала важнее самых добрых преобразований!

Симеон высоко ценит и вельмож, окружающих императора, — он уподобляет их монахам, несущим службу небесному царю (т. II, стр. 138). То же сравнение мы встретим и в «Главах» (II, 8), где идет речь о бедняке, достигшем блестящей должности, облаченном в роскошную одежду и с любовью смотрящем на императора, своего благодетеля: так истинный монах взирает на Христа. Не знатность, а близость к престолу возносит человека, предел человеческих мечтаний — получать приказы непосредственно от императора (Гл. II, 1).

Любопытно и этическое учение Симеона, особенно его враждебное отношение к дружбе. В IV Катехизисе он высмеивает дружбу, сводит ее к совместной жратве (т. I, стр. 334—338). Спасение не в том, чтобы пожалеть весь мир, и не в том, чтобы обойти все церкви на земле, но чтобы раскаянием очистить свою собственную душу, чтобы самому исполниться светом (т. III, стр. 218—220; ср. стр. 18). «Как бы ты не разрушил свой дом, — поучает Симеон в «Главах» (I, 83), — если захочешь помочь домостроительству ближнего». Кривошеин (т. I, стр. 28) полагает, что любовь к ближнему — основная тенденция сочинений Симеона. Однако что это за любовь? Симеон проповедует любовь к богу, может быть, даже абстрактную любовь к человечеству в целом — но у него нет любви к человеку, к ближнему.

Чтобы понять место Симеона в истории византийской общественной мысли, нужно было бы сопоставить его сочинения с трудами его современников. В этой связи весьма плодотворна попытка Даррузе установить родство между Симеоном и писателем XI в. Кекавменом¹¹. Правда, Даррузе ограничивается лишь сферой мистики, тогда как родство обоих авторов заметно и в социально-политических, и в этических взглядах: как и Симеон, Кекавмен преклоняется перед царской властью, боится дружбы, отстаивает эгоистическое благополучие. По-видимому, «Советы и рассказы» Кекавмена — порождение той же идейной среды, которая выдвинула в Симеона (кстати сказать, обоих авторов роднит и сходство литературной манеры, и тяга к просторечью).

А. К.

H. GLYKATZI-AHRWEILER. LA CONCESSION DES DROITS INCORPORELS. DONATIONS CONDITIONNELLES

«Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines», t. II.
Beograd, 1964, p. 103—114

Небольшая статья французской исследовательницы Э. Гликаци-Арвейлер посвящена весьма важной проблеме — становлению феодальной собственности. Правда, термин «феодализм» по-прежнему не всплывает на страницах рецензируемой работы, как не появлялся он в ее более ранних трудах, однако, поскольку исследовательница говорит о переходе основных масс крестьянства под личную власть бенефициариев, получателей крестьянской ренты (стр. 114), ясно, что она имеет в виду институты, которые в нашей литературе принято называть феодальными.

Предмет статьи — определение и классификация условных дарений в Византии при Комнинах и Палеологах, т. е. в XI—XV вв. (правда, в некоторых случаях привлекаются более ранние источники, например, «Трактат об обложении»). Уже из этого видно, что работа — скорее юридическая, нежели историческая: автор обычно не ставит своей задачей рассмотрение эволюции институтов, но считает их как бы синхронно существующими. Пожалуй, при запутанности проблемы на данном этапе это оправдано. Приведу один пример: согласно весьма распространенному (по-моему, впрочем, недостаточно аргументированному) взгляду, прония эволюционировала от пожизненной к наследственной; Гликаци-Арвейлер воздерживается от подобного категорического суждения и говорит о пронии, ограниченной временем (temporaire), и о пронии наследственной (héréditaire) как о параллельно существовавших учреждениях (стр. 110 и сл.).

По мнению исследовательницы, наряду с «чистым даром», который передавал объект дарения в непосредственное владение, византийское законодательство знает условное дарение (δωρεά υπό αρέσιν), т. е. совершаемое на определенных условиях. пожалование неимущественных прав (ἀσώματα δίκαια) принадлежит к последней категории дарений (стр. 103). пожалование это осуществлялось императором и состояло в передаче физическому или юридическому лицу (бенефициарию) права на определен-

ный доход (обычно, годовой) в деньгах и — реже — в натуре, выдаваемый из фискальных или нефискальных сумм (стр. 105). Гликаци-Арвейлер выделяет две категории таких пожалований: первую она называет concession, «пожалование», вторую — dévolution, «передача»; по ее мнению, первая категория знаменует здоровую экономическую политику, вторая же ведет к подрыву авторитета государства (стр. 114). Внутри этих двух категорий автор выделяет некоторые подгруппы.

Пожалования разделяются на солемнии и харистикии; солемнии, в свою очередь, могут состоять либо из определенной квоты (акростиха) поземельного налога, либо же из той или иной пошлины (коммерция, право на рыбные угодья и т. п.). При пожаловании солемнии бенефициарий получает ренту или фиктивное вещное право (un bien immeuble fictif), различие же между обоими видами солемния состоит в следующем: при пожаловании квоты поземельного налога сумма строго фиксируется, тогда как размеры переданной пошлины не определены дарением; передача поземельного налога бенефициарию совершается соответствующим податным ведомством, тогда как переданные в частные руки пошлины обычно (но не исключительно) взимаются самим бенефициарием; передача акростиха — чисто личное пожалование, тогда как право на взимание пошлин в некоторых случаях может передаваться другим лицам (стр. 105—107).

Харистикий — это пожалование знатым лицам монастырей со всем их имуществом и привилегиями, а также так называемых секретов, т. е. полугосударственных (semi-étatiques) учреждений (Манганы, Мирелеон и др.), ведавших государственными доменами. Харистикий монастыря мог быть и личным, и наследственным в двух или трех поколениях, пожалование секрета — только личным (стр. 107—109). Гликаци-Арвейлер убедительно полемизирует с Г. А. Острогорским (стр. 108, прим. 32), рассматривая передачу Манган Лихуду при Константине IX Мономахе не как пронию, но как харистикий секрета Манган¹.

Передача фискальных и нефискальных доходов отождествляется исследовательницей с пронией. Автор определяет пронию как «право на получение и использование дохода — фискального или вообще хозяйственного (économique en général), — поступающего с территориальной единицы (малой или большой), населенной и возделываемой собственниками земли» (стр. 109). Исследуя пронию, автор в некоторых случаях не ограничивается классификацией ее видов, но и намечает историческую эволюцию: так, она полагает, что прония («дарение париков») вытеснила (особенно при Мануэле I) пожалование солемников (стр. 106).

Развивая мысли, высказанные в одной из ее более ранних работ², Гликаци-Арвейлер разделяет два вида проний: один она называет стратиотской пронией (включая сюда и пронии, переданные чиновникам), другой — «апанажем». Стратиотская прония определяется ею как неимущественное право (droit incorporel), как фиктивное вещное право (bien fictif), как передача небольшого поместья (проастия или деревни) в принципе на время и в обмен на определенную службу (стр. 110 и сл.); напротив, «апанажи» представляли собой наследственное пожалование значительных районов, включающих деревни и города (стр. 112).

Те институты (солемний, харистикий, прония), о которых говорит Гликаци-Арвейлер, занимали весьма важное место в правовой структуре Византийской империи и в значительной мере определяли (или выражали) ее специфику. Попытка французской исследовательницы классифицировать их заслуживает всяческого внимания, некоторые же моменты в предложенной ею классификации вызывают возражения.

Так, на стр. 106 передача бенефициарию коммерция, пошлин с рыбных ловель и рудников и тому подобных статей отнесена в разряд солемния, тогда как на стр. 111 те же самые «фискальные права» рассматриваются как уступленные в пронию; при этом в аппарате как в том, так и в другом случае присутствуют пошлины с евреев Зихны, упомянутые в актах Меникийского монастыря (прим. 21 и 53). Так что же это — солемний или прония?

В 1949 г. я выдвинул гипотезу о существовании в Византии особого типа условного пожалования, так называемого арифмоса; он заключался в передаче бенефициарию права на определенное число париков, которое не могло быть увеличено. пожалование арифмоса отличалось от пожалования деревни со всеми живущими там крестьянами — βίους καὶ οἴους, как говорится в дарственной 1385 г.³ Гипотеза

¹ Так же трактовал и я это известие Скилицы уже в 1952 г. (А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 212 и сл.). Ср. об этом еще: К. Н. Ю з б а ш я н. «Варяги» и «прония» в сочинении Аристаркса Ластивертци. — ВВ. XVI, 1959, стр. 24—28.

² H. Glykatz i - A h r w e i l e r. La politique agraire des empereurs de Nicée. — Вуз., 28, 1958 (1959), p. 58—63.

³ А. П. К а ж д а н. Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова. — ВВ, II, 1949, стр. 321. Ср. А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . . , стр. 102.

¹¹ J. D a r r o u z è s. Kékauménos et la mystique. — REB, 21, 1964, p. 282 sq.

об арифмосе была развита Г. А. Острогорским⁴, однако арифмос не нашел себе места в системе условных пожалований, разработанной Гликаци-Арвейлер.

Далее, по мнению исследовательницы, в византийских условиях пожалование всегда исходит из одного источника — от государства (стр. 103). Впрочем, она нарушает этот строго монастический признак, допуская (стр. 108), что харистики могут быть раздаваемы как императором, так и патриархом. В документах мы встречаемся с иным типом условного пожалования — с передачей земли на срок жизни; «ипфеодацио» в этом случае совершают монастыри, а возможно, и светские лица⁵.

Но наиболее сложный вопрос, встающий в связи с поднятой Гликаци-Арвейлер проблемой, — это вопрос о юридической природе прав бенефициария: можем ли мы говорить только о фиктивном вещном праве, как делает исследовательница, или же о земельном владении *de jure*, как поступает в отношении пронию К. В. Хвостова?⁶

Вопрос этот представляет большие трудности прежде всего потому, что в источниках мы встречаем трактовку пронию и как земельного владения, и как налоговой суммы (последнее определение всего отчетливее выступает в простагме Михаила VIII Палеолога), — почему я первоначально и не решался раннюю пронию назвать земельной собственностью. Однако в дальнейшем я стал рассматривать пронию XI—XII вв. как условную собственность, исходя из понятия о феодальной собственности как корпоративной, где верховные права принадлежат всему сословию (в Византии — государству) и где всякая рента предполагает наличие какой-то доли вещного права. Пронию, харистики, арифмос и пожалование на срок жизни я пытался рассматривать как четыре формы условной собственности⁷. На трудность проблемы указывал еще Г. Г. Литаврин, отмечавший противоречие между юридической формой пронию (право на ренту) и ее вещным содержанием (феодалная собственность)⁸.

К сожалению, Гликаци-Арвейлер игнорирует эти трудности и безоговорочно расценивает пронию как *droit incorporel*. Кстати сказать, право конфискации (*ἀποστῆν*), которое исследовательница считает спецификом стратиотской пронию (стр. 111, прим. 47), распространялось в Византии на различные категории земельной собственности⁹.

Гликаци-Арвейлер поставила большую проблему. Ее заслуга в том, что, решая эту проблему, она исходила не из терминологии, а из конкретной действительности (это позволило ей, в частности, выявить разные формы пронию). Но пренебрежение работами советских ученых значительно обеднило выводы Гликаци-Арвейлер.

А. К.

D. SAVRAMIS. ZUR SOZIOLOGIE DES BYZANTINISCHEN MONCHTUMS

Leiden—Köln, 1962, VI + 99 S.

Небольшая книга Демосфена Саврамиса — первая попытка оценить место монастыря в византийском обществе. Автор ставит две проблемы: 1) влияние монастыря на «социальные отношения» (*soziale Verhältnisse*; этим термином Саврамис обозначает не отношения между различными социальными группировками, как в нашей научной литературе, но нечто чрезвычайно расплывчатое — отношения людей в обществе) и 2) «социологическая структура византийского монастыря» (стр. 6). Последнее понятие, впрочем, оказывается в книге Саврамиса вполне неопределенным: неясно, как соотносится эта *soziologische Struktur* с выступающей через несколько строк *soziale Struktur*; неясно, далее, как соотносится вторая про-

⁴ G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 27 sq.

⁵ А. П. К а ж д а н. Формы условной собственности в Византии X—XII вв. М., 1960, стр. 2 и сл. (перездано на немецком языке: «Труды XXV Международного конгресса византистов». М., 1962, стр. 481—487).

⁶ К. В. Х в о с т о в а. О некоторых особенностях византийской пронию. — ВВ, XXV, 1964, стр. 214. К взглядам Гликаци-Арвейлер близок также А. Хольвер: A. Hohlweg. Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen. München, 1965, S. 82—93.

⁷ «Мы остановимся на четырех основных формах византийской условной собственности X—XII вв., — писал я («Формы...», стр. 2), — пожалование на срок жизни, харистики, пронию и арифмос». Я останавливаюсь на этом подробно потому, что К. В. Хвостова в указанной выше статье (стр. 213) приписала мне представление о пронию как о праве на определенное количество палогов, смешав изложение простагмы Михаила VIII с авторским суждением.

⁸ Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 146.

⁹ А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 141 и сл.

блема с первой, поскольку — если только это не погрешность формулировки — автор включает во вторую проблему в качестве частного вопроса также и «отношение к миру, или к обществу», т. е. как раз то, что составляет содержание первой проблемы.

Впрочем, такая «социологизированная» терминология отличает лишь введение к книге — в самой книге идет речь о вещах, гораздо более простых: об отношении монастыря к хозяйству, к государству, к культуре, об организационных формах монастырской жизни.

Саврамис с самого начала постулирует, что влияние монастыря было противоречивым, включало в себя и позитивные, и негативные элементы (стр. 5). К этому противоречию, или парадоксу, он возвращается и в дальнейшем (стр. 58). Решение его может быть двояким. Можно подойти к нему исторически, т. е. признать, что на известном этапе воздействие монастыря было прогрессивным, тогда как на другом этапе оно оказалось вредным, губительным. Можно, наоборот, рассматривать монастырь как внеисторический институт, которому имманентно свойственно и позитивное, и негативное воздействие на общество. Казалось бы, оба подхода взаимноисключающие, — но Саврамис, как это ни парадоксально, сочетает их.

Действительно, говоря о влиянии монастыря на культуру (стр. 81—87) или рассматривая роль монастырей как благотворительных учреждений (стр. 24—34), автор считает эти функции вневременными: монастырь, с его точки зрения, всегда содействовало смягчению социального зла (стр. 25), всегда способствовало повышению культурного уровня крестьянства (стр. 82), всегда создавало больницы и странноприимные дома (стр. 26—30) и т. п. Напротив, когда Саврамис переходит к воздействию монастыря на экономику Византии, он резко отделяет ранний период от позднего: монастыри, возникнув как протест против общественного строя, основанного на принуждении (стр. 11), стали в IV—V вв. центрами свободного труда, благотворно влиявшими на хозяйственную жизнь (стр. 45); позднее же они превратились в феодальные поместья и энергично осуществляли разорение крестьянства (стр. 50—52). Автор говорит о сосуществовании в одно и то же время «упадка и возрождения» (стр. 68) и вместе с тем ищет разгадку парадокса в забвении идеалов Василия Кесарийского (стр. 58).

Но если мы признаем, что роль монастыря в экономической жизни страны и з м е н я л а с ь, возможно ли допустить, что его воздействие на культуру, скажем, оставалось неизменным? По выражению Саврамиса, в сфере культуры монахи были творцами (Neuschöpfer — стр. 81). Это в известной мере справедливо, допустим, для IV—VI и даже для VII—IX вв., когда литература и наука, действительно, чрезвычайно заметно окрашиваются церковно-монастырскими чертами. Но можно ли сказать, что в XII столетии или особенно в XIV—XV вв. византийская культура носит церковно-монастырский характер? Монашество, вторгаясь в эту пору в культурную жизнь, выступает отнюдь не в роли Neuschöpfer, но как носитель охранительных, реакционных идей.

Исторически должна быть оценена и благотворительная деятельность монастырей. Монастыри не создали византийской благотворительности — они унаследовали ее от античного мира. В античности город (муниципий, полис) должен был заботиться о пропитании и развлечении беднейших граждан. Дешевый хлеб, театр, образование, медицинская служба — давать все это было обязанностью муниципия, а беднейшие граждане имели право получать. Распад муниципальной системы приводит к тому, что беднота оказывается лишенной покровительства своего полиса, а курiales стонут от бремени ставших непонятными литургий. В этот-то момент и выступает церковь (и монастыри): она принимает на себя благотворительные функции полиса — однако это уже не обязанность, а милость; бедняк, получая подаю, не осуществляет свое право на «хлеб и зрелища», но униженно вымаливает крохи с иршественного стола господ.

Для понимания социальной роли монастыря в Византии необходимо учесть еще и различие природы монастырей. Саврамис делает некоторый шаг в этом направлении, различая «асоциальную» и «социальную» форму, т. е. отшельничества и общежительную обитель (киновию) [я только не могу понять, почему он считает асоциальную форму неинтересной для социолога (стр. 90); ведь уход «от мира» отнюдь не есть уход из общества, и асоциальные отшельники имеют свои социальные функции]. Саврамис старается также высунуть отличие поздних форм монастырской жизни — исихазма и идиоритма — от раннего пустынножительства (стр. 68 и сл.). Но нужно пойти дальше: основанные крестьянами сельские монастырки и воздвигнутые императором грандиозные обители были, разумеется, учреждениями разной социальной природы и играли разную социальную роль. Существовали в Византии монастыри городские (как-то: Студийский или Псамафийский) и монастыри сельские (монастыри Бифинского Олимпа, афонские); спрашивается, были ли общественные функции тех и других единообразными? Политические деятели, выступая против монастырей одного типа, поддерживали другие: так, Никифор Фока.

борovníйсь против монастырского землевладения, был весьма близок к Афанасию Афонскому. И Иоанн Оксит, и Евстафий Солунский одинаково высоко ценили монашество. Но Иоанн мечтал о монастырях, независимых от императорской власти, а Евстафий — о подчинении монастырей харистикариям.

Короче говоря, не только в разное время, но и в разных условиях византийское монашество могло приобретать разные социальные функции. Поскольку Саврамис отвлекается от этого многообразия, нарисованная им «социологическая структура» византийского монашества оказывается обедненной, упрощенной.

По мысли Саврамиса, исходный пункт развития византийского монашества — идеальная кинофия Василия Кесарийского. Этот монастырь — коллективное хозяйство, направляемое волей игумена (стр. 21) и осуществляющее на основе общего труда «потребительский коммунизм» (стр. 43). Особое внимание Саврамис уделяет отношению Василия к труду. Действительно, мы найдем у Василия немало суждений о необходимости труда, например, «Господь, создавая человека, не хотел сделать его ленивым и недвижимым, но деятельным» (PG, t. 31, col. 1348 BC). Василий рассуждает об орудиях труда, о разделении труда, о трудовой дисциплине. Эта картина основанной на трудовой (и, разумеется, религиозной) общности кинофии (и тут Саврамис прав) соответствовала стремлениям трудящихся масс Римской империи IV в., когда основной экономической тенденцией развития становится тенденция к укреплению мелкого независимого хозяйства. Но был ли это недостижимый идеал или достигнутая реальность?

Саврамис хорошо знает, что византийские источники идеализируют монашество (стр. 6), и тем не менее к «Правилам» Василия Кесарийского он не относится критически, не ставит даже вопроса об их соответствии действительности — несмотря на то, что отказ от *vita activa* сам справедливо включает в основные принципы монашества (стр. 14). Он, правда, ссылается на слова Иоанна Мосха, будто бы подтверждающие принципы Василия: «Тот, кто хорошо управляет земными делами, приобретает небесные блага» (стр. 46) — но в цитируемом месте «Луга духовного» (PG, t. 87, col. 3089) идет речь совсем о другом. Там рассказывается, что отец, умирая, спросил сына, предпочтет ли тот иметь деньги или получить куратором Христа. Сын выбрал последнее и остался без средств, но немногим спустя христоролюбивая женщина, обладавшая большим состоянием, выдала за него по божьему внушению свою единственную дочь. Разве это — *vita activa*, идеал Василия Кесарийского?

Короче говоря, мы должны разграничивать реальную действительность IV в. и программу Василия. Тем не менее часть монастырей IV—VI вв., видимо, действительно способствовала экономическому прогрессу: не использованные Саврамисом археологические материалы из Северной Сирии подтверждают этот тезис. Вместе с тем значительные массы монашества в V—VI вв. были наиболее активной силой, сокрушавшей античную образованность.

К VIII в. Саврамис относит упадок монашества, достигающий опасных масштабов (стр. 68). Исследователь совершенно некритически принимает традиционные цифры, характеризующие размеры монашеского землевладения: он утверждает, что в руках монахов была треть всей земли. Затем следуют несколько столетий однообразного роста монашеского землевладения, и к моменту турецкого завоевания у монастырей уже оказывается половина земли (стр. 49). Жаль, что Саврамису остались неизвестными работы М. Я. Сюзюмова: он не оперировал бы так легко произвольными цифрами. (Замечу попутно, что несколько столетий непрерывного разорения крестьянства дали — под пером Саврамиса — прирост всего лишь в полтора раза: от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всех земель.)

В соответствии со своим представлением о катастрофическом росте монастырского землевладения к VIII в. Саврамис предлагает новую, как ему кажется, концепцию иконоборчества. Социальный смысл иконоборчества не выяснен, полагает он (стр. 72), и заявляет, что это движение вызывалось не только религиозными, но и социально-политическими факторами и было направлено против возросшей мощи монашества (стр. 74 и сл.).

Вывод правилен, но не оригинален: снова я должен отослать Саврамиса к советской литературе, где проблема социальных корней иконоборчества давным-давно дискутируется.

Саврамис признает византийский феодализм (стр. 49, прим. 76), но процесс феодализации (стр. 51) обрисовывает крайне общими мазками; опять-таки, думается, незнание советских работ по этому вопросу послужило ему серьезной помехой. При этом феодализация оказывается в его изображении не закономерным и по-своему прогрессивным (на определенном этапе) историческим процессом, а экономическим бедствием и хаосом, порожденным многообразными причинами, среди которых — религиозность «византийского человека», податные льготы монастырям (стр. 47), вызванный целibatом монахов демографический кризис (стр. 55).

В рецензируемой книге поднято много важных проблем. Интересны постановка вопроса об отличии византийского монашества от западного (стр. 87 и сл.), харак-

теристика эстетических принципов византийского искусства (стр. 85). И все-таки на книге лежит налет дилетантизма. Он проявляется и в полном незнакомстве с советской византиноведческой литературой по социально-экономической истории, и в довольно случайном отборе фактов (если «Правила» Василия Кесарийского и в довольно случайном отборе фактов (если «Правила» Василия Кесарийского и в доведении источников привлекаются лишь спорадически и часто изучены детально, то поздние источники используются лишь эпизодически и часто по литературе; вовсе не использованы, к примеру, сочинения Симеона Богослова), и в некритическом использовании цифровых данных, и в наличии элементарных и в некритическом использовании цифровых данных, и в наличии элементарных ошибок [Афанасий посетил Рим в 399 г. (стр. 4), Феофан — игумен Сиглиа и ского монастыря (стр. 8, прим. 32), египетская экономика базировалась на всеобщем рабском хозяйстве (стр. 11)]. Тема же, поднятая Саврамисом, — важная и интересная, и инициативу социологического изучения византийских институтов следует всячески приветствовать.

А. К.

R. JANIN. LE MONACHISME BYZANTIN AU MOYEN ÂGE. COMMENDE ET TYPICA (X—XIV SIECLE)

«Revue des études byzantines», XXII, 1964, p. 5—44

Большая статья Р. Жанэна посвящена двум моментам монашеской организации в Византии X—XIV вв.: харистику и ктиторекии уставам. По своему характеру материал статьи распадается на справочный и исследовательский. Справочная часть включает обзор канонического законодательства о монашестве (стр. 5—9), выходящий, кстати сказать, за избранные автором хронологические рамки (он начинается с правил Халкидонского собора), а также список ктиторских уставов (стр. 16—21), сохранившихся полностью или частично. Исследование в свою очередь состоит из двух частей: первая посвящена харистике (здесь же рассматриваются и попытки борьбы с харистикарной системой) (стр. 9—15), вторая — описанию монашеской жизни по данным уставов, а именно: пострижению, роли игуменов и других должностных лиц, числу монахов в монастыре, монашеской независимости и т. п. Статья завершается характеристикой женских и так называемых двойных монастырей.

Из наблюдений, сделанных Жанэном, особого внимания заслуживают два. Во-первых, он подчеркивает, что издание ктиторских уставов, придававших монастырям «юридический статут и внутреннее устройство в соответствии с личным представлением» ктиторов, означало разрыв с традициями канонического права, с его единообразной системой подчинения монастыря епископу (стр. 15). Иными словами, в монастырскую организацию отчетливо вводился принцип частного права, следовательно, связь ктиторских уставов с харистикарной системой, знаменующей проникновение феодальных принципов в управление монастырями, оказывается не случайной, а внутренне обусловленной.

Во-вторых, Жанэна очень тонко подвергает критике традиционное представление о многолюдности византийских монастырей (стр. 29 и сл.). Невозможно поверить, указывает историк, что Студийский монастырь насчитывал около тысячи монахов¹, поскольку он занимал лишь несколько гектаров и его церковь (25 × 25 м) не могла вместить такую толпу. Насколько опасно доверять цифрам нарративных источников, свидетельствует еще один пример, приводимый Жанэном: Ансельм Гавельбергский, посетивший Константинополь в 1136 г., сообщает, что в монастыре Пандократора обитало 700 монахов — однако устав этого монастыря, составленный в том же году, дает иную цифру — всего 80 человек. Вообще приводимые в уставах цифры колеблются от 5 до 120 монахов.

Работа Жанэна вызывает ряд возражений. Прежде всего, она неполна: так, в составленном им списке уставов² отсутствуют следующие типиконы:

2а. Завещание патриарха Евфимия для Псамафийского монастыря (917 г.): P. Karlin-Hayter. *Vita S. Enthymii*. — Byz., XXV—XXVII, 1955—1957, p. 148 sq.

5а. Завещание Никона Метаноита (около 998 г.): H. G. Beck. *Op. cit.*, S. 589.

5б. Завещание Иоанна Ксена (конец X в.): H. G. Beck. *Op. cit.* S. 590 (P. de Meester. *Op. cit.*, p. 503, № 5: XI в.).

¹ Эта цифра некритически была повторена и мною: А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 67.

² Станным образом Жанэна не использовал при этом список, составленный П. де Мэстром (P. de Meester. *Les typiques de fondation*. — *Atti del V Congresso internaz. di studi bizantini*, II. Roma, 1940, p. 500—505). Следовало также привлечь и данные в книге Г. Г. Берка (H. G. Beck. *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich*. München, 1959).

5в. Сохранившийся только в славянском переводе устав патриарха Алексея Студита (1025—1043) для основанного им богородичного монастыря (ГИМ, Синод. № 380. См. V. G. U m e l. Regestes, № 841).

19а. Устав монастыря св. Иоанна в Пантеларии (XII в.). Сохранился только в славянском переводе: И. Мансветов. Церковный устав. М., 1885, стр. 442 и сл.

24а. Устав монастыря Эмафии близ Эфеса (ок. 1248 г.): P. de Meester. Op. cit., p. 501, № 20; Н. Г. Векк. Op. cit., S. 672.

26а. Устав монастыря τὸς Μῆλις в Сицилии (1292 г.): Н. Г. Векк. Op. cit., S. 696.

28а. Устав Хиландарского монастыря (конец XIII в.): P. de Meester. Op. cit., p. 501, № 19.

28б. Устав Гроттаферратского монастыря (ок. 1300 г.): Н. Г. Векк. Op. cit., S. 697.

30а. Завещание Герасима для монастыря св. Евфимия в Иерусалиме, которое Бекк (op. cit., S. 648) датировал 1145/6 г., а де Мэстр (op. cit., p. 503, № 6) 1148, по которому на самом деле составлено в 1344 (А. И. Пападопуло-Керамевс. Ἀνάλεκτα, II. СПб., 1894, стр. 255—257).

31а. Устав Нового монастыря в Солуни (до 1382 г.): Н. Г. Векк. Op. cit., S. 775.

31б. Завещание Афанасия для монастыря Преображения в Метеорах (вторая половина XIV в.): P. de Meester. Op. cit., p. 503, № 8.

31в. Завещание Нила Эрихота для монастыря Γτρομέριον (конец XIV в.): P. de Meester. Op. cit., p. 503, № 9.

Самый список, составленный Жанэном, имеет существенные погрешности. Автор — за исключением № 13 — не указывает литературы вопроса. Не везде приведены все издания, например отсутствует новое издание устава Григория Бакуриани (S. Kauchtschischvili. Turicon Gregorii Pasuriani. Tbilisis, 1963), издание устава св. Савы (В. Чоровић. — «Зборник САН», XVII, 1, 1928, стр. 5—113). Отдельные датировки спорны: устав Луки для монастыря Сан-Салваторе в Мессине Жанэн безоговорочно датирует 1175 г., хотя весьма вероятно, что он был составлен еще в 30-е годы XII в.³; устав богородичного монастыря Доброй надежды Жанэн относит ко времени после 1345 г.⁴, не аргументируя своей точки зрения и не учитывая более ранних датировок.⁵

Далее, Жанэн не останавливается на социальной природе харизмы, что приводит к неточностям. Так, на стр. 10 он говорит об отношении к харизме Иоанна IV (опечатка! Надо: V) Оксита и Евстафия Солунского, в сочинениях которого он обнаруживает «мощное эхо» жалоб Иоанна Оксита. В действительности оба иерарха занимали разную позицию в этом вопросе, и Евстафий как раз отставал мысль о необходимости светской власти над монастырями. Очень спорна и оценка политики Мануила I как промонастырской (стр. 14) — этому, кстати сказать, противоречат и слова самого Жанэна на стр. 44⁶. Совершенно не поставлен вопрос о монастырском землевладении, хотя в уставах не раз упоминаются монастырские проастиа, зависимые люди и монахи-диаконы, работавшие на земле. С этой точки зрения монастырские уставы были предметом изучения советских византистов: Г. Г. Литаврина, М. М. Фрейденберга и др., но их труды Жанэном не использованы.

А. К.

R. BROWNING. THE PATRIARCHAL SCHOOL AT CONSTANTINOPLE IN THE TWELFTH CENTURY

«Byzantion», 32, 1962, p. 167—202; 33, 1963, p. 11—40

Работа английского историка Р. Браунинга посвящена Константинопольской Патриаршей школе в XII в., которую автор — вслед за Ф. Фуком — отличает от императорского университета. В XII в. Патриаршая школа была одним из центров

³ Н. Г. Векк. Op. cit., S. 648.

⁴ Cp. R. Janin. La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin, I, 3. Paris, 1953, p. 166.

⁵ P. de Meester. Op. cit., p. 502, № 26: après 1310. Cp. Н. Г. Векк. Op. cit., S. 696, где дается ссылка на недоступную мне работу: Chr. Vaar. Le Turicon du monastère de Notre Dame της βεβαίας ἐλπίδος. — «Revue d'histoire ecclésiastique», 29, 1933, p. 635 sq.

⁶ Уже после выхода в свет работы Жанэна и после завершения этой рецензии появилась статья Н. Зворонца, где ставится вопрос об изменении отношения Мануила I к монастырскому землевладению (N. Svoronos. Les privilèges de l'église à l'époque des Comnènes. — «Travaux et mémoires», 1, 1965, p. 382 sq.).

византийской образованности. Ее учителя, тесно связанные не только с патриаршим престолом, но и со двором, произносили официальные речи, откликаясь на основные проблемы внешней и внутренней политики; по словам Браунинга, они выражали и формировали общественное мнение. Служба учителя завершалась обычно поставлением на епископский престол¹.

Статья распадается на две неравные части. В первой из них автор рассматривает расположение учебных помещений Патриаршей школы (храм св. Софии, церковь богородицы Халкопратийской, церковь св. Петра, церковь св. Феодора в Сфоракки, церковь св. Петра и Павла в Орфанотрофии и др.). Вторая — представляет собой алфавитный список учителей Патриаршей школы, в котором указаны также сочинения (сохранившиеся и несохранившиеся); в каждом из них и сообщаются сведения об их жизненном пути.

Поскольку преподавателями Патриаршей школы были видные деятели византийской культуры (например Михаил Италик и Евстафий Солунский), значение этих кратких биографий выходит далеко за пределы той сравнительно узкой задачи, которую поставил перед собой Браунинг, — они весьма существенны и для изучения византийской литературной жизни.

Значение работы Браунинга возрастает еще и потому, что автор привлекает ряд рукописей (главным образом Escor. Y-II-10; Vindob. philol. gr. 321; Baroc. 131). О таких писателях, как Лев Валиант (стр. 180 и сл.), Михаил Карандин (стр. 198—200), Иоанн Кастамонит (стр. 200—202), мы до сих пор ничего не знали; ни одно сочинение их пока еще не опубликовано, и составленный Браунингом список произведений этих авторов, разумеется, облегчит их исследование. Почти ничего не было известно и о Георгии Торнике, митрополите Эфесском (стр. 34—37), которым Браунинг занимался специально²; подавляющее большинство поучений и писем и стихотворений Константина Стильва также остается неизданным (стр. 26—32).

Разумеется — и автор сам подчеркивает это обстоятельство, — работу Браунинга следует рассматривать как предварительную: время заставит внести в нее коррективы. Кое-какие дополнения и поправки можно сделать уже теперь.

В списке учителей Патриаршей школы, составленном Браунингом, отсутствует Николай Айофеодорит, который, по словам его биографа Псевдо-Евфимия Торника, занимал «софистический престол», т. е. был магистром риторов³.

Сочинения Евстафия Солунского указаны неполностью. В упомянутой уже Эскуриальской рукописи содержится, помимо указанных Браунингом, еще три произведения Евстафия: прошение на имя логофета дрома Михаила Айофеодорита (л. 357—361), наставительное слово, произнесенное в Солуни (л. 361—368), и слово по поводу народного торжества, устроенного в связи с бракосочетанием императорских детей (л. 368—372 об.). К этому надо присоединить эпиграмму из ленинградской рукописи ГПБ 250⁴. В описании неизданных сочинений Евстафия по Эскуриальской рукописи нужно внести уточнения [я не говорю уже о том, что листы рукописи здесь (№ 26, 46) и в ряде других случаев (в списке сочинений Льва Валианита, в № 7 Никифора Василаки) указаны не всегда верно]: в № 22 то, что Браунинг принимает за incipit, на самом деле — начало обширной леммы, содержащей интересные данные о биографии Евстафия; в № 23 опущено первое слово incipit: ἐϋεῖρεσθε, которое не мог расшифровать и Э. Миллер (Евстафий начинает с евангельской цитаты: Мт. 26, 46 = Мк. 14, 42 = Ио. 14, 31); отрывки из № 25 изданы П. Виртом⁵.

Браунинг, на мой взгляд, удачно уточняет дату назначения Евстафия магистром риторов — между 1166 и 1168 г. (стр. 192), однако он сохраняет ныне уже всеми отброшенную старую гипотезу, будто Евстафий был монахом монастыря св. Флора

¹ Характеристике школьного дела в Византии посвящены и другие работы Браунинга: Byzantinische Schulen und Schulmeister. — «Das Altertum», 9, 1963, Н. 2, S. 105—118; Byzantine Scholarship. — «Past and Present», 28, 1964, p. 3—20.

² R. Browning. The Speeches and Letters of Georgios Tornikes, Metropolitan of Ephesus (XIIth century). — «Actes du XII-e Congrès International d'Études Byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 421—427; idem. An Unpublished Funeral Oration on Anna Comnena. — «Proceedings of the Cambridge Philological Society», 188, 1962, p. 1—12. К сожалению, работы Браунинга остались неизвестными Б. Ферьянчичу, который смешивает Георгия Торника, митрополита Эфеса в середине XII в. (см. о нем J. Darrouzès. Notes sur Euthyme Tornikès. — REB, 23, 1965, p. 148), и Георгия Торника, ритора конца XII в. (Б. Ферьянчич. Када се Евдокија удала за Стевана Немањинића? — «Зборн. философ. ф-та Београд. унив.», VIII, 1, 1964, стр. 221).

³ А. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes Petropolitanae. СПб., 1913, стр. 160. 4—5. Cp. J. Darrouzès. Notice sur Grégoire Antiochos. — REB, 20, 1962, p. 79.

⁴ Теперь издана мною: ВВ, XXIV, 1964, стр. 255.

⁵ P. Wirth. Das religiöse Leben in Thessalonike unter dem Episcopat des Eustathios. — «Ostkirchliche Studien», 9, 1960.

(стр. 191). Многие даты в жизни Евстафия спорны, например дата его бегства. Можно было бы указать, что Евстафий умер не ранее 1195 г.

В списке сочинений ритора Михаила (стр. 12) неточно указаны даты, предложенные В. Регелем, для № 2—4: № 2 датируется не 1150, а 1153 г., поскольку Михаил отметил, что Мануил I царствует уже 10 лет⁶; № 3 отнесен Регелем к 1155, а не к 1153 г.; № 4 — к 1150, а не к 1155 г. На стр. 14 Браунинг стремится пересмотреть датировку Регеля для № 3 — он основывается, однако, только на лемме, не рассматривая содержания этой речи.

Определение времени жизни Никиты ὁ τοῦ Σεργῶν (стр. 15—17) вызывает некоторые затруднения: Г. Г. Бекк полагал, что он жил в 1030—1100 гг., и отличался от другого Никиты, выступавшего на соборе 1117 г.⁷

Смерть Ирины Зулцбахской Браунинг относит к 1159 г. (стр. 18), расходясь с общепринятой датой — 1160 г.⁸

Сочинение Константина Стильва № 12: Τὰ αἰτίματα (Браунинг: αἴτια μετὰ τῆς Δατικῆς ἐκκλήσιας — издано теперь Ж. Даррузе по шести рукописям⁹, тогда как Браунинг указал лишь одну, причем, не использованную Даррузе. Сочинение № 5, судя по данным К. Крумбахаера¹⁰, содержится также в Vatic. 672. В списке произведений Стильва Браунинг не включил «анонимное» слово, отнесенное им ко времени Алексея I, но, по мнению Даррузе, принадлежащее Константину Стильву¹¹. Браунинг отстаивает свою датировку этого слова (стр. 28, прим. 4) — однако упоминание победы над «морским драконом» (имеются в виду норманны), мятежа Псевдо-Алексея и похода против болгар заставляет предполагать, что сочинение это появилось в правление Исаака II Ангела. В надписании сочинения Стильва № 3 не прочитанное Браунингом слово κατά τὸ Σάββατον τοῦ λ. . . . следует восполнить τοῦ Δ[αζάρου]: как известно, речь к патриарху магистр риторов произносил обычно в субботу Лазаря.

Сочинение Георгия Торника II № 3, по данным Браунинга, содержится только в Эскуриальской рукописи — однако А. Гейзенберг описал его в составе Ambros. F 93 sup¹².

Несмотря на ряд неточностей¹³ и спорных положений, работа Браунинга, несомненно, способствует изучению византийской культуры XII в.

А. К.

Л. Р. АЗАРЯН. КИЛИКИЙСКАЯ МИНИАТЮРА XII—XIII вв.

Ереван, 1964, 150 стр.

Вторжения иноземных завоевателей в Армению принуждали население искать более безопасные места и массами переселяться. Это явление стало более широким после падения Анийского царства Багратидов и особенно после установления владычества турок-сельджуков. В Каппадокии, Месопотамии и Киликии был образован ряд армянских княжеств, самым жизнеспособным из которых оказалось киликийское княжество Рубенидов. Оно уже в конце XII в. превратилось в царство, существовавшее до 80-х годов XIV в.

В Киликийском армянском государстве были созданы благоприятные условия для развития торговли и ремесла, товарно-денежных отношений, шел интенсивный процесс образования и роста городов. Вместе с тем большое развитие получили

⁶ W. Regel. Fontes rerum byzantinorum, f. 1. Petropoli, 1892, p. 135. 17—21.

⁷ H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 651. Cp. S. 619.

⁸ См., например, P. Lamm a. Comneni e Staufer, vol. II. Roma, 1957, p. 64.

⁹ J. Darrouzès. Le mémoire de Constantin Stilbès contre les Latins. — REB, 21, 1963, p. 56—100.

¹⁰ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 762.

¹¹ R. Brownig. An Anonymous βασιλικὸς λόγος Addressed to Alexios I Comnenus. — Byz., 28, 1958, p. 34—50. Cp. J. Darrouzès. Notes de littérature et de critique, II. — REB, 18, 1960, p. 184—187.

¹² A. Heisenberg. Nikolaos Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Komnenos. Würzburg, 1907, S. 11.

¹³ В новом описании Vindob. philol. gr. 321 (H. Hunger. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek, Bd. I. Wien, 1961, S. 409—418), которым Браунинг еще не успел воспользоваться, приводятся иногда данные, отличные от указанных в рецензируемой статье: например, в надписании речи Никифора Хрисоверга № 6 (к патриарху Иоанну Каматиру) Браунинг читает «5 ноября», а Г. Хунгер — «5 индикта». Начало сочинения Льва Валианита № 3 не ἐκ εὐφραίνεται (так и в каталоге Миллера), а сὺν εὐφραίνεται.

наука и искусство, средневековая армянская культура. Именно в Киликии армянская миниатюра достигла самого высокого уровня.

Во Введении и своей работы Л. Азарян в общих чертах говорит о процессе становления Киликийского армянского государства, показывает те политические и экономические предпосылки, которые способствовали расцвету искусства и культуры в Киликии.

Первая глава посвящена истокам киликийской школы миниатюры и ее особенностям. Подчеркивая сложность этого вопроса, автор ставит перед собой задачу, не отрицая действительно имевшего место немалого влияния, которое оказала византийская миниатюрная живопись на армянскую, выявить своеобразные черты киликийского книжного искусства путем раскрытия тех основ, на которых выкристаллизовался стиль киликийской миниатюры. Автор находит, что своими корнями киликийская миниатюра была связана главным образом с искусством Великой Армении, подчеркивая влияние византийской книжной живописи. Что касается элементов западной миниатюры, то, согласно автору, они просачиваются в Киликию намного позже, с Западом киликийская миниатюрная живопись сталкивается тогда, когда она уже сложилась в своих основных чертах. Именно этим объясняет Л. Азарян тот факт, что тенденция западного влияния на киликийскую миниатюру имеет частный характер и не пускает таких глубоких корней, как элементы византийского искусства. Временем окончательного сформирования своеобразного стиля киликийской книжной живописи автор считает вторую половину XII в.

Вторая глава названа «Главные центры (школы) киликийской миниатюрной живописи». До сих пор киликийская миниатюрная живопись, по словам автора, рассматривалась как единое монолитное целое. Л. Азарян делает попытку сгруппировать киликийские иллюстрированные рукописи по отдельным школам и выдвигает следующие центры: Дразарк, школа епископа Ованнеса, Скевра, Ромкла. К последней относится крупнейший художник армянского средневековья Торос Рослин, которому Л. Азарян посвящает третью главу своей книги. С именем Тороса Рослина связано иллюстрирование 13 рукописей, из которых шесть — предположительно. Автор показывает существенные различия между подписанными Рослиной семью и приписываемыми ему шестью рукописями и находит, что ряд рукописей принадлежит кисти других художников, хотя и рассматривает все эти рукописи как продукт одной и той же школы — школы Ромкла периода ее наивысшего расцвета.

В заключении автор указывает на три этапа в развитии киликийской книжной живописи — ранний (первая половина XII в.), второй этап (вторая половина XII в.) и третий (вторая половина XIII в.). Первая половина XIII в. считается временем застоя.

В тексте в виде вкладышей дано 16 цветных иллюстраций, в конце книги приложен альбом из 134 черно-белых иллюстраций, а также дана библиография.

Р. Б.

THE HISTORY OF THE CAUCASIAN ALBANIANS BY MOVSES DASKURANCI, TRANSLATED BY C. J. F. DOWSETT.

«London Oriental series», vol. 8. London, 1961, XX + 252 p.

Кавказская Албания (по-армянски Алуанк) — это территория, приблизительно соответствующая современному Советскому Азербайджану и Южному Дагестану. На этой территории жил народ, который в средневековье имел очень тесные связи с армянским и грузинским народами. По данным первоисточников, гениальный Месроп Маштоц, после изобретения армянского и грузинского алфавитов, создал также алфавит для кавказских албанцев. В средневековье шел интенсивный процесс арменизации кавказских албанцев. Армянский язык и культура были широко распространены в Албании, а албанская церковь имела самые тесные связи с армянской церковью, находясь у нее в подчинении. Ученые полагают, что удинцы, проживающие в некоторых селениях Советского Азербайджана, — и есть потомки давних албанцев.

В некоторых армянских рукописях среди алфавитов разных народов встречается также албанский алфавит, который очень похож на армянский. В последние десятилетия на территории Азербайджана были обнаружены надписи, начертанные албанскими письменами, над расшифровкой и чтением которых работает ряд историков и лингвистов.

Античные авторы сообщают нам отдельные сведения о Кавказской Албании, но единственным источником, дающим последовательную историю этого народа с древнейших времен до середины X в., является историк Мовсес Каганкатваци (Мойсей Каланкатуйский), который называется также Дасхуранци (от названия селения Дасхуран, откуда он был родом).

Мовсес Дасхуранци написал на армянском языке «Историю кавказских албанцев» в трех книгах, которая дошла до нас в ряде рукописей и издана несколько раз. Русским читателям его «История» знакома по переводу К. Патканяна — «История Агван Моисея Каганкатваца, писателя X века». СПб., 1861. Нужно отметить, что доктор филологических наук В. Аракелян (Ереван) уже подготовил критический текст «Истории».

Английский перевод «Истории», осуществленный Ч. Доусеттом, делает ее доступной специалистам, не владеющим армянским и русским языками. А «История» представляет большой интерес не только для арменоведов и кавказоведов вообще, но также для историков смежных дисциплин, в том числе для византинистов и историков христианской церкви. Мовсес Дасхуранци использовал ряд не дошедших до нас источников, которые представляют определенную ценность.

В кратком предисловии Доусетт перечисляет армянские рукописи, содержащие «Историю», которые находятся в хранилищах Запада и в ереванском Матенадаране. Затем он отмечает тех средневековых армянских авторов, которые пользовались «Историей» Мовсеса Дасхуранци. Самыми ранними из них являются католикос Ануния Мокаци (середина X в.) и епископ Ухтанес, скончавшийся в конце X в. Наконец, Доусетт останавливается на фамилии Мовсеса и находит, что правильнее именовать его Дасхуранци, а не Каганкатваца.

Перевод Доусетта снабжен комментариями.

Для византинистов «История» Мовсеса Дасхуранци полезна данными, касающимися истории эпохи императора Ираклия (кн. II, гл. 10, 11, 12). Она проливает свет на историю взаимоотношений албанцев с Византией, особенно во времена албанского князя Дживаншира и византийского императора Константа II (кн. II, гл. 20, 21, 22, 27). Она важна также для изучения армяно-византийских отношений и борьбы Византии с персами и арабами.

Р. Б.

УКАЗАТЕЛЬ К СТАТЬЯМ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ, ОПУБЛИКОВАННЫМ В «ИЗВЕСТИЯХ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ»

Материал в предлагаемом указателе расположен по тематическим разделам. К указателю приложен общий алфавитный список авторов.

Социально-экономическая история

- Панченко, Б. А. Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы. — ИРАИК, 1904, 9, вып. 1—2, с. 1—234.
П а р а в і х а с, М. Ἡ Τραπεζοῦς κατὰ τὸν ἰδ' αἰῶνα. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 1, с. 186—203.
Успенский, Ф. И. Акт отвода земли монастырю Богородицы Милостивой. — ИРАИК, 1896, 1, с. 1—34.
Успенский, Ф. И. Константинопольский эпарх. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 2, с. 79—104.
Успенский, Ф. И. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии). — ИРАИК, 1900, 5, с. 1—48.

Право

- Ἄ ρ ι σ τ ἄ ρ χ η, Σ. Β. Ἐπιστολῶν Νεαρᾶ ἰα'. — ИРАИК, 1901, 6, вып. 2—3, с. 237—252.

Военная история

- Баласчев, Г. Новые данные для истории грекоболгарских войн при Симеоне. На основании Жития Марии Новой. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 3, с. 189—220.
Успенский, Ф. И. Военное устройство Византийской империи. — ИРАИК, 1901, 6, вып. 1, с. 154—207.

Византия и южные славяне

- Анастасиевич, Д. Н. Кто пострадал на Скафиде (Fakih-deré) 1308 г. — ИРАИК, 1911, 15, с. 122—123.
Marquart, J. Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Catalar und der altbulgarischen Fürstenliste. — ИРАИК, 1911, 15, с. 1—30.
Панченко, Б. А. Памятник славян в Вифинии VII века. — ИРАИК, 1902, 8, вып. 1—2, с. 15—62.
Успенский, Ф. И. Болгарские Асеневици на византийской службе в XIII—XV вв. — ИРАИК, 1908, 13, с. 1—16.
Успенский, Ф. И. Староболгарская надпись Омортага. — ИРАИК, 1901, 6, вып. 1, с. 216—235.

Археология

- Арсеньев, С. В. Иерусалим. — ИРАИК, 1896, 1, хроника, с. 20—27.
Кокорцов, П. К. К пальмирской археологии и эпиграфике. — ИРАИК, 1908, 13, с. 277—308.
Коня. — ИРАИК, 1896, 1, хроника, с. 27.
Ласкин, Г. А. Где пролегал северная граница дворцовых зданий? — ИРАИК, 1897, 2, хроника, с. 31—33.

- Ласкин, Г. А. По поводу остатков древности на холме Топчилар — ИРАИК, 1897, 2, хроника, с. 29.
 Максудов, Смирна. — ИРАИК, 1896, 1, хроника, с. 28.
 Материалы для болгарских древностей. Абоба—Плиска. — ИРАИК, 1905, 10, с. 1—596.
 Мидотакки, Иоанн. Крит. — ИРАИК, 1896, 1, хроника, с. 11—19.
 Павловский, А. А. и Клуге, Н. К. Мадеба. — ИРАИК, 1902, 8, вып. 1—2, с. 79—115.
 Пападопуло-Керамевс, А. И. 'Αρχαιολογικά εὑρήματα ἐν Ἑλλάδι. — ИРАИК, 1896, 1, хроника, с. 1—10.
 Погодин, П. Д. и Вульф, О. Ф. Никомидия. Историко-археологический очерк. — ИРАИК, 1897, 2, с. 77—184.
 Успенский, Ф. И. Археологические памятники Сирии. — ИРАИК, 1901—1902, 7, вып. 2—3, с. 93—207.
 Успенский, Ф. И. О древностях города Тырнова. — ИРАИК, 1901—1902, 7, вып. 1, с. 1—24.
 Христидис, Г. М. Фасос. — ИРАИК, 1896, 1, хроника, с. 20.
 Vailhé, S. Chronique archéologique de Palestine. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 3, с. 221—240.

Эпиграфика

- Беглери, Г. П. Межевой знак владений Дексикрата и Урвикя. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 2, с. 105—108.
 Вновь найденная куфическая надпись в Иерусалиме. — ИРАИК, 1897, 2, хроника, с. 8—9.
 Кокцов, П. К. К пальмирской археологии и эпиграфике. — ИРАИК, 1908, 13, с. 277—302.
 Кокцов, П. К. Новые арамейские надписи из Пальмиры. — ИРАИК, 1903, 8, вып. 3, с. 302—329.
 Кулаковский, Ю. А. Надписи Никеи и ее окрестностей. — ИРАИК, 1901, 6, вып. 1, с. 208—245.
 Левитский, А. Д. Надпись из Кони. — ИРАИК, 1897, 2, хроника, с. 23—24.
 Лепер, Р. X. Несколько греческих и римских надписей. — ИРАИК, 1904, 9, вып. 1—2, с. 235—260.
 Милетиц, Л. И. Към Самуиловия надпись отъ 993 година. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 1, с. 14—20.
 Придик, Е. М. Надписи из Фессалии. — ИРАИК, 1896, 1, с. 79—137.
 Ростовцев, М. И. Надписи из Македонии. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 3, с. 166—188.
 Успенский, Ф. И. Две исторические надписи. 1. Надпись на башне Артавасда. 2. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне. — ИРАИК, 1898, 3, с. 180—194.
 Успенский, Ф. И. Надпись царя Самуила. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 1, с. 1—4.
 Флоринский, Т. Д. Несколько замечаний о надписи царя Самуила. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 1, с. 5—13.

Нумизматика

- Σβόρωνος, Γ. Ν. 'Αρχαία ἐκμαγεία νομισμάτων κίου τῆς ἐν Βιδυνία. — ИРАИК, 1903, 8, вып. 3, с. 299—301.

Сигиллография

- Беглери, Г. П. Печать трапезунтского императора Давида. — ИРАИК, 1903, 8, вып. 3, с. 247—248.
 Панченко, Б. А. Βασιλικὸς πιστικὸς. — ИРАИК, 1901—1902, 7, вып. 1, с. 40—55.
 Панченко, Б. А. Каталог моливдовулов коллекции Русского археологического института в Константинополе. — ИРАИК, 1903, 8, вып. 3, с. 199—246; 1904, 9, вып. 3, с. 341—396; 1908, 13, с. 78—151.

Культура. Литература

- Параника, М. Περὶ τοῦ πολιτικοῦ στίχου τῶν Βυζαντινῶν. — ИРАИК, 1897, 2, с. 185—190.
 Рец. (без подписи) на: Крумбахер, Карл. История византийской литературы. Изд. 2-е. — ИРАИК, 1897, 2, хроника, с. 1—4.
 Thibaut, J. Etude de Musique Byzantine. La notation de St. Jean Damascène ou Hagiopolite. — ИРАИК, 1898, 3, с. 138—179.
 Thibaut, J. Etude de Musique Byzantine. La notation de Koukouzélès. — ИРАИК, 1901, 6, вып. 2—3, с. 361—396.

Искусство и архитектура

- Беглери, Г. П. Святая София. — ИРАИК, 1902, 8, вып. 1—2, с. 116—118.
 Вульф, О. Ф. Александр с копьем. Бронзовая статуэтка коллекции А. И. Нелидова. — ИРАИК, 1898, 3, с. 1—59.
 Вульф, О. Ф. Семь чудес Византии и храм св. Апостолов (с планом церкви). — ИРАИК, 1896, 1, с. 35—76. Прибавление. По поводу колонны с крестом, с. 77—78.
 Вульф, О. Ф. К статье «Семь чудес Византии и храм св. Апостолов». Addenda et corrigenda. — ИРАИК, 1896, 1, с. 173—175.
 Джеффри, Г. (G. Jefferey). Остатки Константиновской базилики в Иерусалиме. — ИРАИК, 1897, 2, с. 73—76.
 Джеффри, Г. Фасад базилики в Вифлееме. — ИРАИК, 1901, 6, вып. 1, с. 236.
 Клуге, Н. К. Техника мозаичной работы в церкви св. Димитрия. — ИРАИК, 1909, 14, вып. 1, с. 62—67.
 Ласкин, Г. А. О колонне Константина Великого и о «Судьбе города». — ИРАИК, 1897, 2, хроника, с. 27—28.
 Милюкова, П. Н. Христианские древности Западной Македонии. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 1, с. 21—151.
 Панченко, Б. А. Рельефы из базилики Студия в Константинополе. — ИРАИК, 1912, 16, с. 1—359.
 Соломяк, А. О вновь открытой мозаике в Иерусалиме. — ИРАИК, 1901, 6, вып. 2—3, с. 482—485.
 Успенский, Ф. И. Аргосная Панагия. — ИРАИК, 1903, 8, вып. 3, с. 249—263.
 Успенский, Ф. И. О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия в Солуни. — ИРАИК, 1909, 14, вып. 1, с. 1—61.
 Успенский, Ф. И. Фрагменты мозаичной росписи в церкви св. евангелиста Иоанна в Равенне. — ИРАИК, 1902, 8, вып. 1—2, с. 63—78.
 Фармаковский, Б. В. Живопись в Пальмире. — ИРАИК, 1903, 8, вып. 3, с. 172—198.
 Фармаковский, Б. В. Леска кнудян в Дельфах. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 1, с. 152—185.
 Шмит, Ф. И. Благовещение. — ИРАИК, 1911, 15, с. 31—72.
 Шмит, Ф. И. Кахриэ-Джами 1. История монастыря Хоры, архитектура мечети, мозаики нарфиков. — ИРАИК, 1906, 11, с. 1—306.
 Шмит, Ф. И. Мозаики и фрески Кахриэ-Джами. — ИРАИК, 1902, 8, вып. 1—2, с. 119—152.
 Шмит, Ф. И. Один из иконографических вариантов Крещения Спасителя. — ИРАИК, 1911, 15, с. 73—91.
 Шмит, Ф. И. Παλαγία Ἀγγελόκτιστος. — ИРАИК, 1911, 15, с. 206—239.

Источники и источниковедение

- Βέης, Ν. Ἄ. Ἀναγνώσεις χριστιανικῶν ἐπιγραφῶν Αἰγίνης, Θεσπιῶν, Μεγάρων, Κορίνθου καὶ Ἀργούς καὶ παρεμβολαὶ εἰς ταύτας. — ИРАИК, 1909, 14, вып. 2—3, с. 165—194.
 Вновь найденный пурпуровый кодекс евангелия. — ИРАИК, 1896, 1, с. 138—172.
 Евсеев, И. Е. Библиотека Александрийской патриархии. — ИРАИК, 1897, 2, хроника, с. 9—10.
 Ернштедт, В. К. Греческая рукопись «Болгарского Книжного Дружества», № 6. — ИРАИК, 1897, 2, с. 67—72.
 Ильинский, Г. А. Грамота царя Иоанна Асены II. — ИРАИК, 1901—1902, 7, вып. 1, с. 25—39.
 Ильинский, Г. А. Рукописи Зографского монастыря на Афоне. — ИРАИК, 1908, 13, с. 253—276.
 Jugie, M. Nicolas Cabasilas, Panégyriques inédits de Mathieu Cantacuzène et d'Anne Paléologue. — ИРАИК, 1911, 15, с. 112—121.
 Лепер, Р. X. Греческая надпись из Инеболи. — ИРАИК, 1902, 8, вып. 1—2, с. 153—162.
 Новооткрытая географическая карта Палестины. — ИРАИК, 1897, 2, хроника, с. 4—8.
 Описание греческой рукописи, принадлежащей митрополиту Амасийскому. — ИРАИК, 1897, 2, хроника, с. 10—12.
 Панченко, Б. А. Где был редактирован Сирмондов Синаксарь? — ИРАИК, 1909, 14, вып. 2—3, с. 154—164.
 Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Ἄ. Δύο κατάλογοι ἑλληνικῶν κωδικῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει (τῆς Μεγάλης τοῦ Γένους Σχολῆς καὶ τοῦ Ζωγράφου). — ИРАИК, 1909, 14, вып. 2—3, с. 101—153.
 Pargoire, J. Les Saint-Mamas de Constantinople. — ИРАИК, 1904, 9, вып. 1—2, с. 261—316.
 Petit, L. Acte synodal du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde (1-er janvier 1260). — ИРАИК, 1903, 8, вып. 3, с. 165—171.

- Petit, L. Le Monastère de Notre-Dame de Pitié en Macédoine. — ИРАИК, 1901, 6, вып. 1, с. 1—153.
- Petit, L. Monodie de Théodore Prodrome sur Etienne Skylitzès métropolitain de Trébizonde. — ИРАИК, 1902, 8, вып. 1—2, с. 1—14.
- Petit, L. Typikon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos (1152). — ИРАИК, 1908, 13, с. 17—77.
- Pétridès, S. Jean Apokaukos, lettres et autres documents inédits. — ИРАИК, 1909, 14, вып. 2—3, с. 69—100.
- Pétridès, S. Le typikon de Nil Damilas pour le monastère de femmes de Baeconia en Crète (1400). — ИРАИК, 1911, 15, с. 92—111.
- Попруженко, М. Г. Козма Пресвитер. — ИРАИК, 1911, 15, с. 124—205.
- Попруженко, М. Г. Синодик царя Бориса. — ИРАИК, 1897, 2, приложение, с. 1—82; 1900, 5, приложение, с. 1—XV, 1—175.
- Успенский, Ф. И. Византийская табель о рангах. — ИРАИК, 1898, 3, с. 98—137.
- Успенский, Ф. И. Константинопольский Серальский кодекс Восьмикнижия. — ИРАИК, 1907, 12, с. 1—254.
- Успенский, Ф. И. Никифор Феотоки и Лейпцигское издание толкований на Восьмикнижие. — ИРАИК, 1904, 9, вып. 3, с. 317—340.
- Успенский, Ф. И. Охридская рукопись Иоанна Куропалата Скилицы. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 2, с. 1—8.
- Фармаковский, Б. В. Византийский пергаменный рукописный свиток с миниатюрами, принадлежащий Русскому археологическому институту в Константинополе. — ИРАИК, 1901, 6, вып. 2—3, с. 253—259.
- Шмит, Ф. И. Каталог житийных рукописей Ватопедского монастыря на Афоне. — ИРАИК, 1903, 8, вып. 3, с. 264—298.

Агиография

- Васильев, А. А. Житие Филарета Милостивого. — ИРАИК, 1900, 5, с. 49—86.
- Лопарев, Хр. М. Житие св. Евдокима. — ИРАИК, 1908, 13, с. 152—252.

Церковно-идеологическая борьба

- Успенский, Ф. И. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. — ИРАИК, 1897, 2, с. 1—66.
- Успенский, Ф. И. Константинополь в последние годы IV века. По случаю 1500-летнего юбилея св. И. Златоуста. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 3, с. 156—165.

Историческая география

- Pargoire, J. Anaple et Sosthène. — ИРАИК, 1898, 3, с. 60—97.
- Pargoire, J. Hiéria. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 2, с. 9—78.
- Pargoire, J. Les monastères de saint Ignace et les cinq plus petits îlots de l'archipel des Princes. — ИРАИК, 1901—1902, 7, вып. 1, с. 56—91.

Отчеты о работе Русского археологического института в Константинополе

- Открытие Русского археологического института в Константинополе 26 февраля 1895 г. — ИРАИК, 1896, 1, с. 1—21.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе за 1895 г. — ИРАИК, 1896, 1, с. 21—53.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1896 г. — ИРАИК, 1897, 2, с. 1—44.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1897 г. — ИРАИК, 1898, 3, с. 195—230.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1898 г. — ИРАИК, 1899, 4, вып. 3, с. 1—155.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе за 1899 г. — ИРАИК, 1901, 6, вып. 2—3, с. 397—481.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе за 1900 г. — ИРАИК, 1901—1902, 7, вып. 2—3, с. 213—244.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе за 1901 г. — ИРАИК, 1903, 8, вып. 3, с. 330—341.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе за 1902 г. — ИРАИК, 1904, 9, вып. 3, с. 397—410.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе за 1903 г. — ИРАИК, 1904, 9, вып. 3, с. 411—430.

- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1904 г. — ИРАИК, 1908, 13, с. 303—322.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1905 г. — ИРАИК, 1908, 13, с. 323—371.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1906 г. — ИРАИК, 1909, 14, вып. 2—3, с. 195—203.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1907 г. — ИРАИК, 1909, 14, вып. 2—3, с. 204—233.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1908 г. — ИРАИК, 1909, 14, вып. 2—3, с. 234—252.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1909 г. — ИРАИК, 1911, 15, с. 240—258.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1910 г. — ИРАИК, 1911, 15, с. 259—289.
- Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1911 г. — ИРАИК, 1912, 16, с. 360—393.

ОБЩИЙ АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК АВТОРОВ

Анастасевич, Д. Н.	Лепер, Р. Х.	Фармаковский, Б. В.
Арсеньев, С. В.	Лопарев, Х. М.	Флоринский, Т. Д.
Баласчев, Г.	Максудов.	Христидис, Г. М.
Беглери, Г. П.	Милетич, Л. И.	Шмит, Ф. И.
Васильев, А. А.	Милюкова, П. Н.	Jugie, M.
Вульф, О. Ф.	Мицотаки, Иоанн	Marquart, J.
Джеффри, Г.	Павловский, А. А.	Pargoire, J.
Евсеев, И. Е.	Панченко, Б. А.	Petit, L.
Ернштедт, В. К.	Пападопуло-Керамевс, А. И.	Pétridès, S.
Ильинский, Г. А.	Параника, М.	Thibaut, J.
Клуге, Н. К.	Погодин, П. Д.	Vailhé, S.
Коконцов, П. К.	Попруженко, М. Г.	Ἀριστάρχης, Σ. Β.
Крумбахер, К.	Придик, Е. М.	Βέης, Ν. Α.
Кулаковский, Ю. А.	Ростовцев, М. И.	Παρανίκα, Μ.
Ласкин, Г. А.	Соломяк, А.	Σβάρωνος, Ἴ. Ν.
Левитский, А. Д.	Успенский, Ф. И.	

Указатель составлен З. Д. Титовой
при участии Е. Э. Гранстрем

ПАМЯТИ

МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА ТИХОМИРОВА

Такие ученые не умирают. Они просто уходят в страну, где нет смерти, ибо эта страна называется бессмертием.

(Из речи, произнесенной на траурном митинге в день похорон М. Н. Тихомирова лауреатом Ленинской премии Н. Н. Ворогиным).

2 сентября 1965 г. скончался академик Михаил Николаевич Тихомиров, патриарх советской исторической науки, крупнейший русский медиевист, ученый с мировым именем, исследователь необычайно широкого творческого диапазона.

Вся жизнь Михаила Николаевича Тихомирова связана с Москвой: он родился в Москве 1 июня 1893 г., окончил историко-филологический факультет Московского университета, с 1934 г. стал преподавать на историческом факультете университета, с 1935 г. — работать в московских учреждениях Академии наук СССР.

Неразрывная связь с Москвой определила основные направления его научной деятельности; Москве посвятил М. Н. Тихомиров две монографии («Древняя Москва». М., 1947; «Средневековая Москва в XIV—XV веках». М., 1957) и множество других трудов.

Работы М. Н. Тихомирова открыли новый аспект в изучении русской истории. Если раньше в отечественной исторической науке основное внимание уделялось жизни русского крестьянства, то М. Н. Тихомиров стал изучать жизнь древнерусского города («Город Дмитров. От основания города до половины XIX века». Дмитров, 1925; «Древнерусские города». М., 1956 и др.). Ученого интересовал социально-экономический строй города как центра ремесла и торговли. Жизнь городского посада, материальная и духовная культура его жителей, их борьба за городские вольности, их беззаветная любовь к своей Родине и защита ее от нападавших врагов были основными темами исследований академика М. Н. Тихомирова.

Подробно останавливается М. Н. Тихомиров и на классовой борьбе в Древней Руси. Эта тема, впервые прозвучавшая в одной из его ранних работ («Псковский мятеж XVII века. Из истории борьбы общественных классов в России». М., 1919), в дальнейшем вошла в круг основных проблем исследований ученого. М. Н. Тихомирова привлекали всевозможные формы проявления классовой борьбы: восстания смердов в Суздальской земле в 1024 г., народные движения на юге Руси (Киев, Чернигов), восстания в Пскове и Новгороде в XVII в. В своем обобщающем труде по раннему, малоизвестному периоду народных движений («Крестьянские и

городские восстания на Руси в XI—XIII веках». М., 1955) он выявил основные закономерности этих выступлений народа.

Большое место в научном творчестве М. Н. Тихомирова занимают исследования, посвященные сопротивлению народа чужеземным поработителям. Он первым среди советских историков выявил историческое значение борьбы русского народа против немецкой агрессии в средние века, изучал историю борьбы с татарскими завоевателями, опубликовал тексты «Повести о Куликовской битве», замечательного произведения древнерусской литературы.

С этими исследованиями тесно связаны труды М. Н. Тихомирова по политической истории России. Они посвящены происхождению Русской земли, началу русской государственности и христианства на Руси. Неоднократно в своих работах и выступлениях на международных конгрессах он обосновывал мысль о том, что Русью называлось одно из славянских племен, живших в бассейне притока Днепра — Роси. Путем детального анализа многих средневековых источников исследователь установил, что название «Россия», применительно к основной территории земель, объединившихся вокруг Москвы, появляется с конца XV в. («О происхождении названия „Россия“». — ВИ, 1953, № 11; «Начало Русской земли». — ВИ, 1962, № 9). Завершающей работой по этой теме явилась последняя монография, вышедшая при жизни академика М. Н. Тихомирова, — «Россия в XVI столетии». М., 1962.

Исследования М. Н. Тихомирова отмечены строгим, безупречным анализом фактического материала, умением найти этот материал. М. Н. Тихомиров был одним из основоположников советского источниковедения. В 1940 г. вышло первое издание его учебника «Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» (2-е издание 1962 г.), которое до сих пор является единственным полноценным пособием по отечественному источниковедению.

М. Н. Тихомиров являлся крупнейшим знатоком письменных памятников по древней истории России. Михаил Николаевич не только вводил в оборот новые источники, поискам которых отдавал много сил и энергии, но и вновь пересматривал уже известные, по-новому читал их и истолковывал.

М. Н. Тихомиров внес большой вклад в изучение замечательного произведения нашего прошлого — «Русской Правды». Он принимал активное участие в подготовке академического издания «Русской Правды» и опубликовал о ней ряд исследований («Правда Русская», т. 1. М.—Л., 1940; «Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов». М.—Л., 1941; «Русская Правда». М., 1941), ставших классическими в научной литературе и справедливо считающихся образцами источниковедческого анализа. М. Н. Тихомиров придавал большое значение изучению и публикации юридических памятников, тесно примыкающих к Русской Правде. При его непосредственном участии изданы «Закон Судный людем» (М., 1961) и «Мерило Праведное» (М., 1961).

Филологическая подготовка, полученная М. Н. Тихомировым еще в стенах Московского университета (одним из его учителей был М. Н. Сперанский), помогла ему в работе над русскими летописями, исследованию которых он, продолжая традицию А. А. Шахматова, уделял огромное внимание. Возобновление в 1949 г. издания «Полного собрания русских летописей» (под редакцией М. Н. Тихомирова вышли XXV—XXX тома) является неопределимой заслугой М. Н. Тихомирова перед исторической наукой. Он открыл и опубликовал такие летописи, как Московский летописный свод конца XV в., Вологодско-Пермскую летопись, Владимирский летописец, так называемое Казанское сказание и др. Велико значение его исследований о начальном периоде русского летописания; этому посвящена его последняя, оставшаяся незаконченной монография.

Многое сделано М. Н. Тихомировым в области разработки вспомогательных исторических дисциплин, которые он считал более правильным называть специальными: археография, историография, историческая география.

М. Н. Тихомиров являлся одним из инициаторов и редакторов многотомного издания «Очерки истории исторической науки в СССР» и сам написал ряд разделов для 1-го тома. Большой знаток русской историографии, он принимал активное участие в издании сочинений В. Н. Татищева, В. О. Ключевского, писал об исторических трудах М. В. Ломоносова и др.

М. Н. Тихомиров интересовался и изучал географию родной страны и еще в 30-е годы опубликовал несколько учебников по географии («География мира». М.—Л., 1930; «Физическая география». М., 1936), а также разработывал методику преподавания этой дисциплины в школе. Позднее он стал одним из создателей особой отрасли исторической науки — исторической географии. Ее Михаил Николаевич изучал не в кабинете, а в путешествиях, что придавало его работам объемный и зрительно-ощутимый характер.

М. Н. Тихомиров был тонким знатоком древнерусских рукописей, замечательным палеографом; он готовил и издавал описания рукописей («Рукописи Новгородского музея», 1939; «Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания», 1942; «Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных

собраниях Москвы». М., 1962]. Он уделял большое внимание палеографическому изучению документов нового и новейшего времени (неографии). Под руководством М. Н. Тихомирова успешно готовился первый труд по палеографии источников советского периода.

Ведущей темой научного творчества Михаила Николаевича являлось исследование истории русской культуры. В работах М. Н. Тихомирова получили свое разрешение такие важнейшие вопросы древнерусской культуры, как начало славянской письменности, городская письменность на Руси, развитие русской литературы, появление книгопечатания, основание Московского университета. Среди названных проблем особой любовью Михаила Николаевича пользовалась тема — начало книгопечатания и деятельность Ивана Федорова.

Как истинно крупный исследователь, Михаил Николаевич не ограничивался только историей России. Он изучал историю народов СССР («Присоединение Мерва к России». М., 1960). Особенно много и плодотворно М. Н. Тихомиров занимался проблемами славяно-русских и русско-византийских отношений. В своих трудах ученый исследовал вопросы торговых и культурных связей Киевской, а затем Московской Руси с Византией. Используя русские источники, и в первую очередь «хождения» русских паломников, М. Н. Тихомиров подробно охарактеризовал торговые пути в Константинополь. Он внес много нового в наши представления об экономических и культурных контактах Византии и Руси, показав, что они были более интенсивными и глубокими, чем думали раньше. Из его исследований стало ясно, что то были взаимоотношения двух независимых держав, связанных давними культурными традициями («Византия и Московская Русь». — «Исторический журнал», 1945, № 1—2; «Пути из России в Византию в XIV—XV вв.» — «Византийские очерки», 1961; «Россия и Византия в XIV—XV столетиях». — «Зборник радова Византолошког института», кн. 7, 1961).

Большое место в работах М. Н. Тихомирова занимали вопросы взаимовлияния византийской и русской литератур. Его исследованиями было доказано, что русские переводные и оригинальные источники содержат ценные данные для изучения истории не только Руси, но и Византии. Многие из древнерусских переводных памятников византийского происхождения, как установил Михаил Николаевич, гораздо ближе к протооригиналу, чем сохранившиеся до наших дней поздние византийские списки.

Свою научно-исследовательскую деятельность М. Н. Тихомиров сочетал с громадной организационной, редакторской работой, а также с преподаванием в высших учебных заведениях страны. Многие талантливые ученые, доктора и кандидаты исторических наук, являются учениками М. Н. Тихомирова.

В течение нескольких лет М. Н. Тихомиров возглавлял Отделение исторических наук Академии наук СССР. В 1956 г. по его инициативе была создана Археографическая комиссия, которой М. Н. Тихомиров руководил до самой смерти. Археографическая комиссия сразу стала научным центром, координирующим работу научных учреждений страны по изданию источников, развитию специальных дисциплин и научных основ архивного дела. «Археографический ежегодник», издаваемый комиссией под редакцией М. Н. Тихомирова, обогатил нашу науку многими ценными исследованиями и публикациями.

М. Н. Тихомировым была основана серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». Под его редакцией вышли в свет: Феофилакт Симокатта. История. М., 1957; «Две византийские хроники X века». М., 1959; Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960; «Эклога. Византийский законодательный свод VIII в.» М., 1965; «Алексиада» Анны Комнины. М., 1965 и др.

Михаил Николаевич Тихомиров был активным членом редколлегий обобщающих трудов «История Москвы», «Всемирная история», «История СССР с древнейших времен до настоящего времени» и др., а также журналов «Вопросы истории» и «История СССР».

С 1959 г. М. Н. Тихомиров являлся ответственным редактором «Византийского временника».

В 1953 г. М. Н. Тихомиров был избран действительным членом Академии наук СССР, в 1959 г. Польская Академия наук тоже избрала его своим действительным членом. Кроме того, он состоял членом Американской ассоциации историков.

М. Н. Тихомиров был награжден орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Память о Михаиле Николаевиче Тихомирове всегда будет жить в сердцах тех, кому дорога отечественная наука и прошлое нашей Родины. По словам Н. Н. Воронина, для Михаила Николаевича Тихомирова изучение многовекового прошлого русского народа было патриотическим долгом русского ученого-гражданина. Изучение истории Древней Руси и ее культуры для него вовсе не «уход в прошлое», а воскрешение этого прошлого, его возврат сегодняшнему дню и коммунистическому завтра.

Редакционная коллегия «Византийского временника»

И. К. КУСИКЬЯН

28 декабря 1964 г. в Москве на 74-ом году жизни скончался выдающийся ученый-арменовед, заслуженный деятель науки Армянской ССР, доктор филологических наук, профессор Иосиф Карпович Кусикьян.

Иосиф Карпович родился в Москве в 1890 г., в семье известного армениста, профессора Лазаревского института восточных языков — К. Кусикьяна. Отец и мать И. К. Кусикьяна были преподавателями армянского языка.

В 1900 г. И. К. Кусикьян поступил в подготовительный класс Лазаревского института, далее продолжал свою учебу в гимназических классах, которые окончил с золотой медалью в 1909 г. В этом же году И. К. Кусикьян поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1913 г., в 1916 г. он окончил также юридический факультет. В Московском университете И. К. Кусикьян слушал лекции виднейших профессоров: по всеобщей истории — академик Р. Ю. Виплера, по истории Армении — Г. А. Халатянца. В Лазаревском институте восточных языков он изучил курс древнеармянского, арабского и персидского языков. Имея серьезную лингвистическую подготовку, Иосиф Карпович специализировался по истории Византии. В 1913 г. он стал преподавателем русского и армянского языков в Лазаревском институте, а с 1920 г. — заведующим кафедрой армянского языка Центрального института живых восточных языков. Свою преподавательскую деятельность он с 1918 по 1921 г. совмещал с работой в Народном Комиссариате по делам национальностей, являясь секретарем Армянского отдела.

С 1921 по 1924 г. Иосиф Карпович — профессор всеобщей истории Смоленского университета, где он читал курсы по истории революционного движения. В 1924 г. правительство Советской Армении выдвинуло И. К. Кусикьяна на должность ответственного редактора по переводу на армянский язык «Вестника ЦИК, СНК и СТО СССР», а затем до 1930 г. он вел работу по редактированию «Собрания законов СССР».

С 1930 г. И. К. Кусикьян работал в качестве старшего научного сотрудника в Институте народов Востока, впоследствии преобразованном в Институт национальностей при ЦИК СССР (позднее — Институт языка и письменности народов СССР). В этом институте он работал до 1940 г., сочетая научную деятельность с педагогической работой. В 1931—1932 гг. Иосиф Карпович читал курс лекций по общему языкознанию в Педагогическом институте им. В. И. Ленина, а также в Институте

народов Востока для аспирантов. С 1936—1937 гг. он читал курс истории Византии и лекции по языкознанию в Ереванском университете и Педагогическом институте на армянском языке, а также вел педагогическую работу в Институте философии, литературы и истории в Москве.

После Великой Отечественной войны И. К. Кусикьян — старший научный сотрудник Института языка и мышления АН СССР, а с 1950 г. — Института языкознания АН СССР. В 1945 г. Иосиф Карпович вступил в члены КПСС.

Многогранна научно-педагогическая деятельность И. К. Кусикьяна. Им опубликовано свыше 100 научных трудов. Плодом многолетней работы Иосифа Карповича явилась фундаментальная «Грамматика современного литературного армянского языка», вышедшая в свет в 1950 г. В этом труде дан подробный научный анализ всех разделов грамматики (фонетики, морфологии, словообразования и синтаксиса) армянского языка.

За последние годы Иосиф Карпович подготовил три монографии, две из которых вышли в свет, а третья подготавливается к печати. Это «Очерки исторического синтаксиса литературного армянского языка» (М., 1959), «Изменения в словарном составе армянского языка» (М., 1964) и «Сравнительная характеристика восточного и западного вариантов современного литературного армянского языка». Кроме того, Иосифу Карповичу принадлежат стенографические курсы лекций «История Византии» (курс, прочитанный в ИФЛИ в 1936 г.), «Историография» (курс, прочитанный в Ереванском университете в 1938 г.) и большое число статей и рецензий.

Профессор И. К. Кусикьян внес значительный вклад в развитие советской исторической науки и языкознания, подготовил большое число научных работников — лингвистов и историков. В лице Иосифа Карповича наша наука потеряла видного ученого, сыгравшего крупную роль в развитии советского арменоведения. Все знавшие И. К. Кусикьяна никогда не забудут его необыкновенной эрудиции, энциклопедичности его знаний, сочетавшихся с большой простотой, скромностью и необычайной человечностью, готовностью всегда помочь всем, кто к нему обращался.

Группа товарищей

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Академии наук СССР
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН — Записки Академии наук
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗИХУ — Записки императорского Харьковского университета
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИБАИ — Известия на Българския Археологически институт
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КУИ — Киевские университетские известия
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОЛДП — Общество любителей древнерусской письменности
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
УЗСПИ — Ученые записки Свердловского пединститута
УЗЮУ — Ученые записки Юрьевского университета
ВСН — Bulletin de correspondance hellénique
BNJ — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
BS — Byzantinoslavica
Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
CJ — Corpus juris civilis, editio duodecima lucis ope expressa, vol. II. Codex Justinianus, rec. et retractavit P. Krueger. Berolini, 1959
CTh. — Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes... ed. Th. Mommsen et D. Meyer, I, 1—2. Berolini, 1905
DOP — Dumbarton Oaks Papers
Ed. Just. — Corpus juris civilis, editio sexta lucis ope expressa, vol. III. Novellae, rec. R. Schoell, absolvit G. Kroll. Berolini, 1959
JHS — Journal of Hellenic Studies
Jus — Jus Graeco-Romanum, ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856—1881
MGHSS — Monumenta Germaniae Historica, Scriptores
MM — F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata Graeca aevi
MDAI — Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts
PG — J. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
PL — J. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Latina
REA — Revue des Études Anciennes
REB — Revue des Études Byzantines
RIN — Rivista Italiana di Numismatica
SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
SPA — Survey of Persian Art, vol. I—VI. New York—London, 1938—1940
TAPA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association
ZSSR, GA — Zeitschrift für Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

З. В. Удальцова (Москва). Законодательные реформы Юстиниана	3
М. Я. Сюзюмов (Свердловск). Византийский город (середина VII—середина IX в.)	38
Г. Г. Литаврин (Москва). Песел о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г.	71
А. П. Каждан (Москва). Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский	87
К. В. Хвостова (Москва). Античные элементы в поздневизантийских аграрноправовых отношениях	107
И. П. Медведев (Ленинград). Из истории Мистры	131
С. К. Красавина (Казань). Дука и Сфрандзи об унии православной и католической церквей	142
З. Г. Самодурова (Москва). Малые византийские хроники и их источники	153
В. Н. Лазарев (Москва). Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон	162
Н. Н. Кечакмадзе (Тбилиси). Грамматико-логический трактат Иоанна Италя	197
Т. А. Измайлова (Ленинград). Образ богини в армянских миниатюрах XI века	206
В. Д. Лихачева (Ленинград). Роль бытовых реалий и пейзажа в миниатюрах рукописи Государственной Публичной библиотеки гр. № 243	229
Р. Д. Шуринова (Москва). Коптская ткань V—VI вв. с изображением святого	243
Р. М. Жанполадян (Ленинград). Новые материалы по истории византийского стеклоделия	248
Л. З. Хускивадзе (Тбилиси). Византийская пластина слоновой кости из деркви Корого	258
К. В. Голенко (Москва). Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г.	268
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 6.	273

Сообщения

И. Ф. Фихман (Ленинград). Египетский архив середины IV в. н. э.	295
М. Ф. Мурьянов (Ленинград). Пять рукописей Корпуса Юстиниана в собрании Ленинградского университета	306
М. А. Поляковская (Свердловск). Монастырские владения в городе Серры и пригородном районе в XIV в.	310
В. А. Кучкин (Москва). Один из источников Еллинского летописца второго вида	319
Н. Ф. Прончатов (Горький). О значении термина «изремени» в Новгородской летописи	325
А. Л. Ротач (Ленинград). К изучению мозаичного пола крестообразного храма в Херсонесе	328

С. Г. Каухчишвили. История византийской литературы. Тбилиси, 1963	334
Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, vol. II. London, 1962	335
А. Я. Сыркин. Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964	337
N. G. Svoronos. La Synopsis Major des Basiliques et ses appendices. Paris, 1964	339
Syméon le Nouveau Théologien. Catéchèses, t. I—III. Paris, 1963—1965	340
H. Glykatzki-Ahrweiler. La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles	344
D. Savramis. Zur Soziologie des byzantinischen Mönchtums. Leiden—Köln, 1962	346
R. Janin. Le monachisme byzantin au moyen âge. Commende et typica (Xe—XIV ^e siècle)	349
R. Browning. The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century	350
Л. Р. Азарян. Киликийская миниатюра XII—XIII вв. Ереван, 1964	352
The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci, translated by C. J. F. Dowsett. London, 1961	353
З. Д. Титова (Ленинград). Указатель к статьям по византиноведению, опубликованным в ИРАИК	355

Хроника

Памяти <u>Михаила Николаевича Тихомирова</u>	360
<u>И. К. Кусикьян</u>	363
Список сокращений	365